Russ. 302 e

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ

И

ВЪ СТОЛИЦѢ.

Скалдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1870.

Russ. 302 e

Bayerische
Staatsbibliothek
München

137 G

FgT/78/6135.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ недавняго времени въ наше образованное общество стало проникать сознаніе, что центръ тяжести русской жизни находится не въ столицѣ, а въ провинціяхъ. Появленіе этого сознанія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились на нашихъ глазахъ въ умственной и гражданской жизни Россіи. Не далѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, въ Россіи никто еще не думалъ, чтобы умъ, нѣкоторая доля свободной воли и забота о собственномъ благосостояніи могли принадлежать нашимъ провинціямъ независимо отъ столицы. Талантливѣйшіе изъ нашихъ писателей видѣли въ русской провинціи только поприще для похожденій разныхъ Онегиныхъ, Чацкихъ, Чичиковыхъ, Куролесовыхъ, Гамлетовъ щигровскаго уѣзда и тому подобныхъ. Иначе и быть не могло: со временъ Петра, наши провинціи, въ теченіе полутораста лѣтъ, были погружены въ летаргическій сонъ, обнаруживая въ своемъ

громадномъ тѣлѣ только явленія растительной, т. е. непроизвольной жизни. Всѣ дѣятельныя силы народной жизни были притянуты къ столицѣ и завязаны тамъ въ крѣпкій узелъ. Отъ того и плоды нашей гражданской и духовной жизни въ эти полтораста лѣтъ были такъ скудны и ничтожны, такъ рѣдки были таланты и доблести на всѣхъ поприщахъ этой жизни; отъ того самые идеалы этой жизни какъ бы совершенно затеряны нами, и теперь наше образованное общество тщетно ищетъ ихъ вокругъ себя, среди хаотическаго смѣшенія понятій и цѣлей. Винить въ этихъ послѣдствіяхъ историческія лица или политическія системы было бы несправедливо: вина заключается во всей нашей исторіи, въ нашей географіи, въ духовномъ складѣ нашего народа. На западѣ самостоятельная жизнь провинцій и самодѣятельность сословій стали развиваться гораздо прежде, чѣмъ были добыты политическія вольности и измѣнились формы правленія, а въ Пруссіи и во всей Германіи — даже гораздо прежде, чѣмъ было уничтожено крѣпостное право. Самоуправленіе дворянства, городовъ и сельскихъ общинъ и было тѣмъ фундаментомъ, на которомъ въ послѣдствіи основалось на западѣ зданіе политической свободы. Слѣдовательно не форма правленія, не измѣнчивые взгляды и системы правительственныхъ лицъ, не цвѣты цивилизаціи, распускающіеся и благоухающіе только въ столицахъ и въ высшихъ слояхъ общества, суть тѣ условія, отъ которыхъ зависятъ истинные и прочные успѣхи народной жизни. Въ этой жизни есть нѣчто болѣе существенное, постоянное и плодотворное:

это способъ отношенія самихъ жителей къ ихъ обиходному быту, къ своей приходской церкви, къ мѣстной школѣ, къ правдѣ суда, къ святости закона, къ выбору лицъ на общественныя должности, къ общимъ пользамъ и нуждамъ своей мѣстности. Но эти именно предметы и составляютъ естественную область и весь смыслъ провинціальной жизни, которая такимъ образомъ является главною двигательною силою въ судьбахъ народа. Никакое правительство не можетъ научить жителей правильному отношенію къ сказаннымъ предметамъ, если сами жители разумѣютъ ихъ превратно или относятся къ нимъ равнодушно; равнымъ образомъ — никакое правительство не въ состояніи истребить самопознанія и самодѣятельности въ жителяхъ, какъ скоро эти качества сдѣлались присущи имъ, бывъ выработаны ихъ собственнымъ долговременнымъ трудомъ и передаваясь въ наслѣдство отъ одного поколѣнія другому. Правительства могутъ только ускорять или замедлять естественное самовоспитаніе народовъ; но въ концѣ концевъ правительства сами подчиняются тяготѣнію общественнаго строя и отражаютъ въ себѣ какъ хорошія, такъ и дурныя его свойства.

Въ нашихъ провинціяхъ совершается теперь глубокій переворотъ въ понятіяхъ, взаимныхъ отношеніяхъ, въ самомъ образѣ жизни сословій. Но переворотъ этотъ совершается медленно и нестройно. На ряду съ новыми понятіями и отношеніями, еще крѣпко держится многое старое, располагающее, какъ кажется, просуществовать еще долгіе, долгіе годы. Въ одно и то же время взоръ наблю-

теля поражается и видомъ неподвижности, и рѣзкими признаками какъ бы втихомолку прокравшихся глубокихъ перемѣнъ. Вмѣстѣ съ несомнѣнными улучшеніями и пріобрѣтеніями въ гражданской жизни, замѣчаются и явленія противоположнаго характера, какъ бы признаки будущаго разложенія и истощанія этой жизни. Первѣйшая основа всякой внутренней силы и порядка — духовное и умственное просвѣщеніе народа, остается еще нетронутою и непоставленною на очередь, или, что гораздо хуже, мнимые успѣхи и распространеніе этого просвѣщенія существуютъ лишь въ разныхъ отчетахъ и донесеніяхъ. Что выработается изъ этого броженія? Какія окончательныя формы приметъ это зданіе, находящееся теперь въ разломкѣ и перестройкѣ? Проложитъ ли себѣ собственное широкое русло русская провинціальная жизнь и, своимъ могучимъ стремленіемъ, измѣнитъ ли она политическія судьбы Россіи, или же она останется подобною тѣмъ вешнимъ мелкораздробленнымъ водамъ, все назначеніе которыхъ удобрять почву и гнать изъ нея питательные злаки на потребу живущихъ существъ? Все это такіе вопросы, разрѣшенія которыхъ не дождаться нынѣшнему поколѣнію. Мы, присутствующіе при самомъ пересозданіи внутренняго склада нашего отечества, можемъ лишь по частямъ обозрѣвать эту нестройную и громадную картину; мы можемъ только приводить текущія явленія къ нѣкоторымъ общимъ знаменателямъ, подводить имъ, время отъ времени, частные итоги, скликать работниковъ къ тѣмъ пунктамъ перестраивающагося зданія, которые угрожаютъ

опасностію, указывать имъ на матеріалы, валяющіеся въ сторонѣ и могущіе пригодиться къ дѣлу. Какъ бы ни было скромно и копотливо занятіе такихъ наблюдателей, но оно не лишено серьезнаго интереса для ума, и, быть можетъ, облегчитъ зодчимъ и работникамъ воздвигаемаго зданія ихъ разрозненный трудъ и достиженіе ихъ общей и великой цѣли. Никакая общественная работа не можетъ совершаться разумно и успѣшно, если въ обществѣ не существуетъ взаимнаго обмѣна мыслей, наблюденій и опытовъ, и если въ немъ не устанавливается наконецъ взаимнаго соглашенія по важнѣйшимъ вопросамъ и цѣлямъ общественной жизни. Гдѣ общество равнодушно относится къ насущнымъ потребностямъ своего времени; гдѣ, вмѣсто настойчиваго преслѣдованія практическихъ, самою жизнію поставляемыхъ цѣлей, общественная мысль и слово блуждаютъ въ хаосѣ искусственно создаваемыхъ вопросовъ и навѣянныхъ съ вѣтру мечтаній, или обращены къ шутовству и праздному развлеченію: тамъ само общество произноситъ надъ собою приговоръ, обрекаетъ себя на безсиліе и беззащитность и добровольно отдаетъ себя во власть слѣпыхъ и враждебныхъ стихій міра.

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, именно имѣютъ цѣлію, какъ сказано выше, подвести частные итоги подъ нѣкоторыя изъ явленій нашей провинціальной жизни. Не предупреждая событій и предоставляя другимъ составлять широкіе планы и системы для устройства нашего провинціальнаго быта, авторъ желалъ только изобразить, какъ относятся наши сословія и мѣстные

дѣятели къ тѣмъ предметамъ, которые составляютъ естественную область провинціальной жизни. Авторъ позволялъ себѣ дѣлать только частные выводы и заключенія, и только тамъ, гдѣ они, какъ ему казалось, выходятъ изъ самой сущности предметовъ. Статьи эти были писаны урывками, въ разное время, и помѣщались въ Отечественныхъ Запискахъ въ 1867, 1868 и 1869 годахъ. Не имѣя никакой общей, задуманной впередъ системы, онѣ излагаютъ предметы въ той послѣдовательности, въ которой они представлялись наблюденію автора, въ его вакаціонныхъ поѣздкахъ въ провинцію. Издавая теперь эти статьи въ одной книжкѣ, авторъ счелъ за лучшее оставить ихъ безъ всякихъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ вылились подъ впечатлѣніемъ живой дѣйствительности, и со всѣми особенностями, указывающими на время, въ которое онѣ писаны. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы добавленія и поясненія, казавшіяся необходимыми въ слѣдствіе различныхъ, происшедшихъ съ тѣхъ поръ перемѣнъ и новыхъ событій. Эти вновь введенныя мѣста оговорены въ самомъ изложеніи. Для удобства читателей, сдѣлано также раздѣленіе на главы, съ краткимъ перечнемъ предметовъ, входящихъ въ каждую главу.

Если позволятъ время и обстоятельства, авторъ намѣренъ напечатать продолженіе этихъ статей, давно уже набросанное вчернѣ, но неприведенное еще въ порядокъ. Предметами этого продолженія будутъ: 1) мировой судъ, 2) болѣзни и смертность въ простомъ народѣ и движеніе нашего народонаселенія, 3) образованіе крестьянъ

и образованіе средняго и высшаго класса, наконецъ 4) общій очеркъ нынѣшняго положенія помѣщиковъ.

Относительно заглавія этой книги авторъ долженъ сдѣлать оговорку. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ, читавшіе эти статьи въ Отечественныхъ Запискахъ, гдѣ онѣ являлись подъ тѣмъ же заглавіемъ, дѣлали автору вопросъ: когда же онъ окончитъ описаніе провинціальнаго захолустья и перейдетъ къ столицѣ? Въ виду такого вопроса, авторъ долженъ предупредить читателей, что повѣствовать о дѣяніяхъ столичнаго міра вовсе не входило въ его намѣреніе. Но, говоря о провинціи, онъ неизбѣжно долженъ былъ касаться и того воздѣйствія, которое столица оказываетъ на провинціи и которое чувствуется теперь въ провинціяхъ, можно сказать, на каждомъ шагу. Равнымъ образомъ, ему не рѣдко приходится упоминать о взглядахъ, которые существуютъ въ столицѣ на тѣ или другіе предметы провинціальной жизни, и сравнивать эти взгляды съ тѣмъ, что оказывается тамъ на самомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, авторъ, въ своихъ наблюденіяхъ провинціальной жизни, наичаще долженъ былъ становиться на той межѣ, которая отдѣляетъ міръ провинціальный отъ столичнаго, и, для объясненія явленій перваго міра, нерѣдко долженъ былъ забѣгать во второй. Вотъ откуда пришла автору мысль дать своимъ замѣткамъ то двойственное заглавіе, которое выставлено на этой книгѣ. Посвящать же свое время и трудъ описанію собственно столичнаго міра, каковъ онъ есть въ самомъ себѣ, авторъ не намѣренъ ни теперь, ни въ послѣдствіи; а если кто пожелалъ бы спросить —

почему? — то авторъ позволяетъ себѣ отвѣтить словами одного древняго греческаго писателя, который, будучи вопрошаемъ, почему онъ ничего не пишетъ о своемъ времени и своемъ родномъ городѣ, отвѣтствовалъ: „Ὡς δύναμαι, οὐ βούλομαι, ὥςδε βούλομαι, οὐ δύναμαι," т. е. того, что могъ бы, не хочу, а того что хотѣлъ бы, не могу.

Ноябрь 1870 г.

I.

Природа описываемой мѣстности. Отзывы мѣстныхъ жителей о судебныхъ слѣдователяхъ, акцизной системѣ и мировыхъ посредникахъ. Нѣкоторыя черты дѣятельности посредниковъ въ первое время крестьянской реформы. Различные виды дѣятелей въ реформахъ нынѣшняго царствованія. Вліяніе нѣкоторыхъ литературныхъ направленій. Взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Ходъ выкупа. Веденіе помѣщичьяго хозяйства. Сбытъ лѣса. Безденежье помѣщиковъ.

Въ срединѣ лѣта 1866 года довелось мнѣ провести около мѣсяца въ одной изъ самыхъ захолустныхъ мѣстностей внутренней Россіи. Обширные лѣса и болота, перемежающіеся съ полями и пустошами, рѣдкое населеніе и удаленіе отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ составляютъ отличительный характеръ этой мѣстности. О ея почти первобытной пустынности можно судить по тому, что, во время моей тамъ бытности, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы медвѣдь не задралъ коровы или лошади въ которой-либо изъ окружныхъ деревень. Въ имѣніи, гдѣ я жилъ, медвѣдь заѣлъ лошадь саженяхъ въ 50-ти отъ господскаго дома, въ рощѣ, примыкающей къ самой усадьбѣ; мы всѣ были пробуждены на зарѣ лаемъ собакъ и шумомъ табуна, шарахнувшагося въ испугѣ изъ рощи, когда медвѣдь ворвался въ его средину. Иногда достается и людямъ, потому что крестьяне, по своей безпечности, не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности на случай встрѣчи съ своими косматыми сосѣдями. Въ одномъ изъ ближайшихъ къ намъ урочищъ, медвѣдь встрѣтилъ крестьянина и сталъ-было его ломать; но потому ли, что мужикъ притворился мертвымъ, какъ онъ самъ потомъ расказывалъ, или же чуткій звѣрь заслышалъ приближеніе людей, только онъ скоро бросилъ свою добычу, и крестьянинъ, чуть живой, доползъ до деревни. Волки лѣтомъ встрѣчаются рѣдко, зато зимою они врываются въ усадьбы и душатъ собакъ. Лѣсной и боло-

тистый характеръ мѣстности сказывается на самомъ названіи многихъ здѣшнихъ урочищъ, каковы напримѣръ: Свѣтъ-Пустошь, Лютый Мохъ и другія. Верстахъ въ трехъ отъ усадьбы, въ которой я жилъ, начинается черный лѣсъ, идущій верстъ на пятнадцать. Однажды помѣщикъ, владѣлецъ этой усадьбы, предложилъ мнѣ отправиться въ этотъ лѣсъ, гдѣ впрочемъ самъ онъ не бывалъ дотолѣ ни разу, хотя ему принадлежитъ значительная часть этого лѣса. Путеводителемъ мы взяли одного крестьянина Хрисанфа, имѣющаго у самаго лѣса собственный хуторъ, кругомъ котораго верстъ на пять нѣтъ другаго человѣческаго жилья. Мужикъ этотъ считается здѣсь однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ и представляетъ замѣчательный образчикъ природной смышлености и неутомимой твердости характера, скрываемыхъ подъ весьма скромною наружностію, чуждою впрочемъ раболѣпства. Надѣвъ высокіе болотные сапоги и вооружась длинными палками, мы отправились въ лѣсъ. Невообразимыя дичь и глушь окружили насъ съ первыхъ шаговъ. Лѣсъ никогда не былъ расчищаемъ со времени своего существованія. Отъ его густоты и запущенности, и по причинѣ болотистой почвы, только немногія деревья достигаютъ могучаго роста. Весь почти лѣсъ состоитъ изъ ели, съ примѣсью осины и ольхи; иногда попадаются сосны и даже ясень. На каждомъ шагу преграждалъ намъ дорогу буреломъ, то есть старыя деревья, поверженныя наземь, съ вывороченными корнями. Перебраться черезъ нихъ часто нѣтъ никакой возможности, по причинѣ ихъ густыхъ и колючихъ вѣтвей. Въ другихъ мѣстахъ мы попадали въ топь, гдѣ ноги вязли чуть не по колѣно, или встрѣчали глубокіе овраги, съ сочившеюся на днѣ ихъ водою и съ непроходимою чащею кустарниковъ по ихъ откосамъ. Руки наши были постоянно заняты то раздвиганіемъ вѣтвей, загораживавшихъ дорогу, то ощупываніемъ ненадежной почвы съ помощію нашихъ палокъ, то отмахиваніемъ комаровъ, провожавшихъ насъ цѣлыми роями. Обыкновенная обувь не выдержала бы и получасовой ходьбы въ этомъ лѣсу, и изорвалась бы въ клочки о древесные пни и сучья. Въ лѣсу нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ проторенной тропинки, и только Хрисанфу извѣстны здѣсь всѣ ходы и выходы, которые онъ узнаетъ по насѣчкамъ, сдѣланнымъ на деревьяхъ. Въ одномъ мѣстѣ мы напали на свѣ-

жій слѣдъ медвѣдя: высокая трава лоскомъ лежала, примятая къ землѣ и образуя широкую полосу, уходившую въ чащу. По замѣчанію Хрисанфа, здѣсь должна была пройти медвѣдица съ своимъ семействомъ; быть можетъ, она была даже въ эту минуту гдѣ нибудь недалеко и наблюдала насъ изъ-за древесной чащи. Кромѣ тонкихъ палокъ, мы не имѣли при себѣ другаго оружія; но мы полагались на опытность нашего путеводителя, который насъ увѣрилъ, что медвѣдь не осмѣлится пойти на троихъ людей. Была однако опасность другаго рода. Въ жаркіе лѣтніе дни, медвѣдь, измученный оводами, отыскиваетъ обыкновенно какое нибудь топкое мѣсто, или просто лужу, и всунувъ туда свою морду, отмахивается передними лапами отъ оводовъ, облѣпляющихъ его голову. Въ это время онъ ничего не видитъ и не слышитъ, и человѣкъ, не замѣчая страшнаго звѣря за высокою травою, можетъ внезапно на него наступить, и тогда конечно уже нѣтъ спасенія. Въ другомъ мѣстѣ мы наткнулись на слѣды лося. Сперва кажется непонятнымъ, какимъ образомъ это животное, съ своими вѣтвистыми рогами, можетъ жить въ такой чащѣ, гдѣ притомъ ему приходится бѣгать во всю прыть своихъ ногъ, спасаясь отъ преслѣдованій медвѣдей и волковъ. Но загадка объясняется просто: лось, на бѣгу, совершенно закидываетъ голову на спину, такъ что рога, своими крѣпкими отрогами, защищаютъ его голову, грудь и бока отъ ударовъ о деревья, и въ тоже время прорѣзываютъ, какъ ножемъ, встрѣчающіяся препятствія отъ вѣтвей и кустарниковъ. Наше странствованіе по лѣсу продолжалось всего 3 часа; но мы были въ совершенномъ изнеможеніи, какъ будто прошли не отдыхая верстъ 30, тогда какъ вѣроятно сдѣлали ихъ не болѣе пяти. Одинъ только Хрисанфъ, несмотря на свои 56 лѣтъ, казался нисколько неуставшимъ и легко попрыгивалъ на своихъ длиннныхъ и мускулистыхъ ногахъ. Мы были еще счастливы тѣмъ, что наша прогулка пришлась не въ жаркій солнечный день, а въ сѣреньную погоду; иначе мы были бы совершенно искусаны оводами, или воднями, какъ ихъ здѣсь называютъ; теперь же мы отдѣлались только легкою опухолью лицъ, причиненною комарами, которые не давали намъ покоя. Замѣчательно, что въ этомъ лѣсу находятся въ двухъ мѣстахъ какія-то старинныя развалины:

верстахъ въ семи отъ того мѣста, гдѣ мы были, встрѣчаются ясные слѣды нѣкогда существовавшей здѣсь церкви и кладбища; въ другой, болѣе отдаленной части лѣса замѣтны остатки какого-то поселенія. Здѣшніе крестьяне относятъ эти развалины ко временамъ литовскихъ нашествій. По ихъ расказамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ приходили сюда какіе-то неизвѣстные люди, имѣвшіе у себя описаніе этихъ развалинъ и искавшіе тамъ кладовъ. Достойно удивленія, что въ здѣшнемъ простомъ народѣ сохранилась еще память о литовскомъ господствѣ, прекратившемся въ этихъ краяхъ назадъ тому уже 350 лѣтъ, тогда какъ нерѣдко можно встрѣтить людей изъ образованнаго класса, которымъ подобные факты вовсе незнакомы. Нашего простаго народа нисколько не коснулась умственная и гражданская реформа, совершенная Петромъ Великимъ; зато въ немъ во всей силѣ сохранилась живучесть преданій, составлявшихъ для него единственную духовную пищу. Существованіе упомянутыхъ мною развалинъ позволяетъ предполагать, что нѣкогда на этой мѣстности не было сплошнаго лѣса, и что онъ разроссся уже послѣ того, какъ невѣдомыя намъ событія (литовскія разоренія, по народному преданію), уничтожили существовавшія здѣсь поселенія. Хрисанфъ вывелъ насъ прямо на поляну, на которой стоитъ его хуторъ. По его приглашенію, мы зашли къ нему отдохнуть. Съ русскимъ радушіемъ, онъ угощалъ насъ медомъ, молокомъ и горячими щами. Съ своею многочисленною семьею, состоящею изъ 30 душъ, онъ живетъ на двѣ хаты. Лѣтомъ въ нихъ остаются только дѣти и старыя женщины, занимающіяся стряпнею; всѣ остальные днемъ работаютъ въ полѣ, а ночью располагаются въ сараяхъ, на гумнѣ, и вообще гдѣ ни попало; въ избу собираются только для ѣды. Но зимою не остается, по ихъ словамъ, свободнаго уголка въ этихъ хатахъ, когда въ каждой изъ нихъ должно размѣститься на ночь по 15 человѣкъ, съ дѣтьми всякаго возраста. Хотя Хрисанфъ считается здѣсь мужикомъ богатымъ, но тѣснота и отсутствіе всякихъ удобствъ въ его обиталищѣ таковы, что жизнь въ немъ показалась бы невыносимою для самаго бѣднаго изъ городскихъ жителей. Подобно всѣмъ своимъ собратьямъ, русскимъ крестьянамъ, Хрисанфъ ограничиваетъ повидимому всѣ житейскія требованія двумя предметами — ѣдою и

тепломъ; все другое почитается излишнимъ. Щи дѣйствительно оказались изрядныя; несмотря на свой сѣрый цвѣтъ, они были несравненно питательнѣе и вкуснѣе той жижи, которою, подъ названіемъ супа, угощаютъ своихъ посѣтителей петербургскіе кухмистеры и дешевые трактиры.

Верстахъ въ шестидесяти отъ того мѣста, гдѣ я жилъ, начинается огромный лѣсъ, который тянется верстъ на 50 и переходитъ въ сосѣднюю губернію; онъ извѣстенъ во всемъ уѣздѣ подъ названіемъ мѣстной Сибири. Много интереснаго расказываютъ про бытъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и однодворцевъ, живущихъ небольшими деревушками и хуторами среди этого первобытнаго лѣса; но такъ какъ самому мнѣ не случалось тамъ быть, то я и не стану передавать чужихъ расказовъ.

Письма и газеты получаются здѣшними помѣщиками изъ Петербурга дней черезъ 15, потому что для ихъ полученія помѣщики ожидаютъ обыкновенно какого нибудь случая въ ближайшій уѣздный городъ *). Впрочемъ газеты и журналы составляютъ здѣсь довольно рѣдкое явленіе: я прожилъ въ этихъ краяхъ около мѣсяца, не видавъ ни одного нумера газеты и оставаясь въ совершенной неизвѣстности о томъ, чтò дѣлалось за чертою нашего деревенскаго міра. Уже предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, удалось мнѣ добыть отъ одного помѣщика нѣсколько іюльскихъ нумеровъ „Голоса“. Побѣдоносные подвиги прусаковъ, въ нѣсколько недѣль подошедшихъ къ самой Вѣнѣ, были для меня совершенною новостію. Большинство здѣшнихъ помѣщиковъ думаетъ только о предметахъ насущныхъ: о полевыхъ работахъ, оброкахъ, платежахъ въ опекунскій совѣтъ и т. п. Есть и такіе, которые на все махнули рукою и проводятъ время въ непробудной праздности, да въ мечтахъ о томъ, какъ бы было хорошо получить какое нибудь казенное или выборное мѣстечко. Ни земство, ни ожидаемыя судебныя учрежденія рѣшительно никого не интересуютъ; если и говорятъ о нихъ, то съ чувствомъ какого-то нерасположенія и недовѣрія,

*) Теперь губернскій городъ соединенъ уже желѣзными дорогами съ Петербургомъ и Москвою, потому и почты получаются гораздо скорѣе.

видя въ нихъ только новый поводъ къ расходамъ и сомнѣваясь, чтобы дѣла пошли лучше. Въ доказательство приводятъ судебныхъ слѣдователей, акцизную систему и мировыхъ посредниковъ. Эта наклонность большинства здѣшнихъ помѣщиковъ видѣть во всемъ новомъ одну лишь невыгодную сторону происходитъ отчасти изъ эгоистическаго чувства: помѣщики не могутъ забыть, что новые порядки начались значительнымъ уменьшеніемъ ихъ достатковъ и ихъ личнаго вліянія. Но односторонность мнѣній не есть еще доказательство совершенной ихъ ложности; надобно только принимать сообщаемые факты и сужденія съ нѣкоторою повѣркою. Съ другой стороны, кому же неизвѣстно, что самые лучшіе законы, самыя благодѣтельныя по своей цѣли учрежденія подвергаются иногда въ своемъ выполненіи различнымъ уклоненіямъ и извращеніямъ, и часто подвергаются имъ именно со стороны тѣхъ людей, которые громче всѣхъ осуждаютъ неудовлетворительность новыхъ порядковъ. Во всякомъ случаѣ, хотя бы только для характеристики мѣстныхъ жителей, любопытно знать ихъ отзывы о тѣхъ явленіяхъ общественной жизни, которыя всего ближе имъ извѣстны и касаются ихъ насущныхъ интересовъ; потому я передамъ читателямъ нѣкоторые изъ тѣхъ сужденій и фактовъ, которые удалось мнѣ здѣсь слышать относительно судебныхъ слѣдователей, акцизной системы и мировыхъ посредниковъ.

По отзывамъ не только помѣщиковъ, но и нѣкоторыхъ лицъ другихъ званій, съ тѣхъ поръ, какъ уголовныя слѣдствія переданы изъ рукъ земской полиціи судебнымъ слѣдователямъ, слѣдственныя дѣла затянулись до безконечности. Лица, обвиняемыя въ преступленіяхъ, большею частью отдаются слѣдователями на поруки или подъ такъназываемый надзоръ обществъ, и такимъ образомъ получаютъ возможность продолжать свою вредную дѣятельность. Въ одномъ сельскомъ обществѣ, судебнымъ слѣдователямъ разомъ отдано было на поруки 7 человѣкъ, обвиняемыхъ въ воровствѣ, такъ что крестьяне сами отказались наконецъ отъ поручительства. Другой слѣдователь отдалъ на поруки крестьянина, убившаго въ дракѣ полицейскаго сотскаго, при отправленіи симъ послѣднимъ своей обязанности; сотскій, исповѣдуясь предъ смертью, прямо назвалъ священнику своего убійцу

и просилъ дать этому дѣлу законный ходъ. Главная забота слѣдователей состоитъ въ томъ, чтобы у нихъ было какъ можно менѣе заарестованныхъ, ибо арестантскія дѣла требуютъ по закону быстраго окончанія и полумѣсячныхъ донесеній, тогда какъ, отдавъ обвиняемаго на поруки, можно отложить дѣло въ долгій ящикъ. Письмоводитель одного становаго расказывалъ мнѣ, что земской полиціи часто удается, при первоначальномъ дознаніи, не только собрать улики преступленія, но и довести преступника до сознанія; но когда слѣдователь, вмѣсто того, чтобы немедленно арестовать преступника, отдаетъ его, по заведенному порядку, на поруки или подъ мнимый надзоръ общества, то преступникъ, обдумавъ свое дѣло и сговорясь съ кѣмъ надобно, обыкновенно отказывается отъ своего прежняго признанія, первоначальныя улики теряются и дѣло отдается на судъ божій. Мой расказчикъ намекнулъ даже при этомъ, что иногда выпущенному на волю обвиняемому удается собрать средства для преподнесенія слѣдователю какого нибуть вещественнаго доказательства своей невинности. Конечно подобные расказы полицейскихъ чиновниковъ надобно принимать съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Дѣло въ томъ, что, съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, земская полиція лишилась довольно крупной части своихъ доходовъ, и потому смотритъ на слѣдователей съ завистью и весьма неохотно оказываетъ имъ свое содѣйствіе. Нынѣшніе судебные слѣдователи въ нравственномъ отношеніи никакъ не хуже прежнихъ вѣчнопамятныхъ временныхъ отдѣленій земскаго суда; но повидимому слѣдствія дѣйствительно производятся теперь медленнѣе прежняго. Въ судебные слѣдователи поступили, по крайней мѣрѣ въ мѣстности мною описываемой, тѣ же люди, которые вербовались и въ земскую полицію; тѣ же остались и условія для возможности злоупотребленій. Формы и гарантіи, которыми обставлено производство слѣдствій въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ, остаются только въ буквѣ закона, а на практикѣ, ничего не гарантируя и нисколько не стѣсняя произвола слѣдователей, онѣ служатъ только предлогомъ къ безконечной проволочкѣ слѣдствій. Впрочемъ и у насъ, въ столицѣ, нѣкоторые пристава слѣдственныхъ дѣлъ (нынѣ также переименованные въ судебныхъ слѣдователей) могли дать вѣрное по-

нятіе о томъ, что̀ дѣлается по слѣдственной части въ провинціяхъ. Какъ видно, одно отдѣленіе слѣдственной части отъ полиціи и подчиненіе ея судамъ не представляютъ еще полнаго обезпеченія для правильнаго производства слѣдствій; вѣроятно для этого необходимы и нѣкоторыя другія условія, у насъ пока несуществующія. Несравненно легче было пересоздать наши суды на лучшихъ основахъ, чѣмъ извлечь слѣдственную часть изъ ея неудовлетворительнаго положенія. Для кореннаго улучшенія суда, достаточно было обставить его обезпеченіями устности, публичности, несмѣняемости судей и ввести въ него присяжныхъ засѣдателей; правильность же слѣдствій всегда будетъ зависѣть болѣе всего отъ личности слѣдователей и отъ силы общественнаго мнѣнія. Пока образованіе и лучшія учрежденія не распространятъ чувства законности въ нашемъ обществѣ, пока назначеніе на должности и дѣятельность должностныхъ лицъ будутъ у насъ внѣ всякаго контроля самого общества, до тѣхъ поръ едва ли можно ожидать коренныхъ улучшеній въ слѣдственной части. Доказательствомъ тому служитъ, что и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены уже новыя судебныя учрежденія, слѣдственныя дѣла идутъ также неудовлетворительно. Судебными слѣдователями назначаются тамъ часто люди весьма юные и неопытные, едва оставившіе ученическую скамейку и смотрящіе на свою должность только какъ на кратковременную ступень къ званію прокуроровъ и членовъ суда. Слѣдствія производятся ими иногда съ крайнею небрежностію, лишь бы какъ нибудь спустить дѣло съ рукъ. Между тѣмъ судебные слѣдователи получаютъ теперь весьма значительное содержаніе и пользуются правомъ несмѣняемости. Едва ли, при сказанныхъ условіяхъ, несмѣняемость ихъ можетъ принести большую пользу.

Непомѣрное размноженіе кабаковъ, явившееся съ акцизною системою, единогласно признается не только помѣщиками, но и крестьянами, величайшею язвою сельскаго быта. Не одинъ разъ случалось мнѣ слышать, какъ хозяева изъ крестьянъ съ какимъ-то чувствомъ озлобленія проклинали кабаки, говоря, что лучше бы ихъ совсѣмъ разнести и уничтожить. А между тѣмъ можно быть увѣрену, что, въ праздничный день, ни одинъ изъ этихъ такъ мудро разсуждающихъ

отцовъ семейства не усидитъ дома и не преминетъ напиться наравнѣ съ своими младшими домочадцами. Да и можетъ ли быть иначе, когда, съ одной стороны, крестьянинъ, по своей умственной и духовной темнотѣ, не въ состояніи наполнить ничѣмъ полезнымъ минуты своего роздыха, и когда въ то же время соблазнъ, въ образѣ кабака и самозабвенія, неотвязно стоитъ у него передъ глазами. Впрочемъ крестьяне описываемой мною мѣстности пьянствуютъ, сравнительно говоря, не сильно и не часто. Причину тому надобно искать въ удаленіи этой мѣстности отъ большихъ населенныхъ пунктовъ и проѣзжихъ дорогъ, въ рѣдкости денегъ въ этомъ краѣ, и, въ слѣдствіе всего этого, въ маломъ числѣ кабаковъ. Кромѣ того мѣстные помѣщики замѣчаютъ, что первый водочный разгулъ, проявившійся при введеніи акцизной системы, когда крестьяне съ жадностію бросились на дешевку, начинаетъ уже ослабѣвать; до безчувственности напиваются теперь рѣдко и вообще болѣе берегутъ копейку, быть можетъ и потому, что главнымъ гулякамъ нечего уже больше пропивать. На сельской ярмаркѣ, гдѣ случилось мнѣ присутствовать, крестьяне гуляли весьма умѣренно; игра въ орлянку шла на однѣ мѣдныя деньги, тогда какъ года три тому назадъ ставили рублевыя бумажки.

О мировыхъ посредникахъ отзывы помѣщиковъ также неблагопріятны и даже весьма рѣзки; но самая ихъ рѣзкость доказываетъ, что значительную въ нихъ долю занимаютъ пристрастіе и раздраженіе, въ слѣдствіе той роли, которую по необходимости должны были играть посредники относительно своихъ собратій, помѣщиковъ. Преобладающее мнѣніе здѣшнихъ дворянъ о мировыхъ посредникахъ во первыхъ то, что они будто бы умышленно дѣйствовали противъ интересовъ дворянства, и во вторыхъ, что въ настоящее время они ничего не дѣлаютъ и даромъ получаютъ свое содержаніе. Напримѣръ про одного мѣстнаго посредника, нынѣ уже вышедшаго въ отставку, расказываютъ, будто бы онъ публично выражался, что только тогда умретъ спокойно, когда увидитъ, что отъ помѣщичьихъ домовъ останутся однѣ дымовыя трубы. Много пришлось мнѣ выслушать расказовъ про высокомѣрное обращеніе посредниковъ съ дворянами, про ихъ произволъ и превышеніе власти. По словамъ здѣшнихъ помѣщиковъ,

достаточно было крестьянамъ предъявить самое несправедливое требованіе, чтобы посредникъ его утвердилъ и исполнилъ. Жалобы въ мировой съѣздъ оставались будто бы безъ всякихъ послѣдствій, такъ что многіе изъ здѣшнихъ дворянъ остаются въ убѣжденіи, что между посредниками была общая стачка противъ помѣщиковъ. Судя по этимъ отзывамъ, можно бы подумать, что крестьяне получили невѣсть какія блага, а помѣщики были обобраны самымъ безцеремоннымъ образомъ. На дѣлѣ однако было не совсѣмъ такъ. Конечно помѣщики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ догадливыхъ, не успѣли до объявленія Положенія выселить крестьянъ на самыя худшія земли, о чемъ многіе изъ нихъ горько теперь сожалѣютъ; за всѣмъ тѣмъ большинство крестьянъ оказалось по освобожденіи въ весьма стѣсненномъ положеніи относительно угодій, и находится въ безвыходной зависимости отъ помѣщиковъ. Надѣлъ опредѣленъ здѣсь по $4^1/_2$ дес. на душу; но такъ какъ крестьяне пользовались здѣсь почти повсемѣстно бо̀льшимъ количествомъ земли, то, при введеніи Положенія, въ бо̀льшей части случаевъ послѣдовала отрѣзка. Въ надѣлъ вошли и кустарники, и топкія мѣста, встрѣчающіяся здѣсь весьма часто; тогда какъ крестьянскіе луга во многихъ имѣніяхъ отошли къ помѣщикамъ, часто за невозможностію, по расположенію угодій, сдѣлать иную отрѣзку. Выгоновъ у крестьянъ бо̀льшею частію вовсе не существуетъ, такъ что они принуждены просить у помѣщиковъ дозволенія выгонять скотину на помѣщичью землю, за разныя послуги въ пользу помѣщиковъ. Ничто не можетъ лучше представить положеніе здѣшнихъ крестьянъ, какъ слѣдующій вполнѣ достовѣрный фактъ, подтвержденный мнѣ нѣкоторыми помѣщиками: крестьянинъ самый дѣятельный и трезвый, имѣющій въ семействѣ, кромѣ себя самого, двухъ или трехъ работниковъ, не въ состояніи ѣсть круглый годъ чистаго хлѣба, а принужденъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мѣшать его съ мякиной. Стало быть вопли здѣшнихъ помѣщиковъ на мировыхъ посредниковъ на половину несправедливы, именно несправедливы въ томъ отношеніи, что будто бы посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, обобрали помѣщиковъ и ублаготворили крестьянъ. Заслуга мировыхъ посредниковъ въ томъ именно и заключается, что они, при

введенiи реформы, не вошли въ стачку съ помѣщиками и не обошли Положенiя, не дозволили загнать крестьянъ въ болота и кустарники. Такой исходъ былъ бы очень возможенъ, если бы напримѣръ введенiе Положенiя было предоставлено земской полицiи и землемѣрамъ. Вообще образъ дѣйствiя мировыхъ посредниковъ при введенiи крестьянской реформы есть явленiе весьма замѣчательное, одно изъ знаменiй вѣка; притомъ явленiе это есть чисто нацiональное, могшее возникнуть только при условiяхъ русской жизни. Общее, почти поголовное мнѣнiе нашихъ помѣщиковъ было противно освобожденiю крестьянъ съ землею; дворянство доселѣ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ: здѣсь играетъ роль личный интересъ, сильнѣйшiй изъ двигателей нашей нравственной природы. Въ то же время гражданскiя и экономическiя идеи вѣка, понемногу переливавшiяся къ намъ съ Запада, коснулись уже нѣкоторыхъ слоевъ нашего провинцiальнаго общества, преимущественно молодаго поколѣнiя дворянъ, воспитавшагося въ университетахъ и разныхъ столичныхъ учебныхъ заведенiяхъ. Если бы дѣло шло о добровольномъ пожертвованiи своимъ личнымъ интересомъ въ пользу гуманныхъ идей вѣка, то конечно весьма немногiе изъ ревностнѣйшихъ поклонниковъ этихъ идей рѣшились бы на такую жертву; но когда правительство, въ слѣдствiе государственныхъ соображенiй, само рѣшило дѣло за насъ и когда нѣкоторымъ поклонникамъ гуманныхъ идей, поклонникамъ по убѣжденiю или только въ силу моды, удалось попасть въ число исполнителей великой реформы, то они съ увлеченiемъ взялись за это либеральное и историческое дѣло, за которое къ тому же получалось жалованье, весьма немаловажное при нынѣшнемъ безденежьи дворянъ, и ожидались разныя почетныя награды. Стало быть здѣсь главная заслуга принадлежитъ не личностямъ, а прогрессивному духу времени, заставляющему часто отдѣльныя личности дѣйствовать наперекоръ ихъ прирожденнымъ понятiямъ. Правда, въ исполнители реформы могли бы быть выбраны и такiя личности, которыхъ не только не коснулись идеи вѣка, но которыя систематически и сознательно враждебны этимъ идеямъ, потому что видятъ въ нихъ силу, отрицающую и подкапывающую старый порядокъ вещей, тотъ порядокъ, при которомъ этимъ личностямъ жи-

лось привольно и съ которымъ онѣ срослись душою, въ слѣдствіе долгой привычки. Такая опасность, угрожавшая реформѣ при самомъ ея началѣ, значительно была устранена какъ самымъ Положеніемъ 19-го февраля, какъ и первоначальными дѣйствіями центральной администраціи. Выборъ мировыхъ посредниковъ министерство внутреннихъ дѣлъ возложило на личную отвѣтственность губернаторовъ, которые такимъ образомъ поставлены были въ необходимость, при назначеніи посредниковъ, избѣгать людей, завѣдомо враждебныхъ реформѣ. Въ то же время Положеніе 19-го февраля предусмотрительно поставило дѣйствія посредниковъ въ независимость отъ личной воли губернаторовъ, отъ ихъ канцелярій и вообще отъ всѣхъ старыхъ губернскихъ инстанцій. Наша старая губернская администрація и юстиція до такой степени потеряли довѣріе, что для того, чтобы упрочить какому нибудь новому учрежденію возможность дѣйствовать по совѣсти и закону, необходимо изъять его изъ общей системы губернской іерархіи. Но такое исключительное положеніе мировыхъ учрежденій имѣло, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, и невыгодную сторону, ибо поставило ихъ почти внѣ всякаго контроля и возбужденія. Однако, въ первое время введенія реформы, когда между ея исполнителями еще свѣжо было одушевленіе идеею освобожденія, такая безконтрольность все таки оказалась менѣе вредною, чѣмъ мертвящая и всеприкрывающая зависимость отъ губернскихъ инстанцій, при которой отнимается всякая возможность одушевленія, и гдѣ въ то же время никто ни за что не отвѣчаетъ и всѣ вмѣстѣ прикрываются только соблюденіемъ внѣшнихъ формъ. Наконецъ, если мировые посредники, принадлежа сами къ дворянскому сословію, не насиловали Положенія въ пользу помѣщиковъ, если они, какъ выражаются многіе помѣщики, обезчестили себя измѣною дворянскому дѣлу, то такое явленіе могло произойти только потому, что наше дворянство никогда не имѣло корпоративнаго духа, ибо никогда не было историческимъ сословіемъ, подобнымъ феодальному западному дворянству; его ряды открыты были всѣмъ, кто службою пріобрѣталъ право владѣть населенною землею. Кромѣ этой внѣшней и случайной принадлежности, члены нашего дворянства не имѣли между собою никакой внутренней связи. У нашего дворян-

ства нѣтъ тѣхъ историческихъ преданій и историческихъ предразсудковъ, которые, будучи всасываемы съ молокомъ матери, объединяютъ все сословіе однимъ духомъ; ему чуждо сознаніе какихъ-либо самостоятельныхъ правъ, въ защитѣ которыхъ его члены полагали бы свою гордость и честь; наконецъ общественное воспитаніе нашего дворянства, ничѣмъ не отличаясь отъ воспитанія другихъ свободныхъ сословій, не допускало развиться въ немъ какимъ-либо исключительно-дворянскимъ понятіямъ. Хотя, при образованіи всѣхъ вообще сословій, партій, конгрегацій и т. п., матеріальный интересъ составлялъ первую побудительную причину и конечную цѣль, но прочный корпоративный духъ создавался въ нихъ только тогда, когда матеріальные интересы прикрывались какимъ нибудь невещественнымъ знаменемъ, ставились подъ защиту преданія, права или какого-либо ученія. У нашего дворянства нѣтъ ни преданій, исключительно ему принадлежащихъ, ни самостоятельныхъ правъ, ни своего ученія. Поэтому каждый изъ его членовъ готовъ равнодушно смотрѣть на нарушеніе матеріальныхъ интересовъ своихъ собратій, если только при этомъ не страдаетъ, а даже еще выигрываетъ его собственный интересъ. Таково было положеніе и мировыхъ посредниковъ: большинство ихъ находило въ получаемомъ ими содержаніи достаточное вознагражденіе за потерю крѣпостнаго права надъ своими крестьянами, особенно въ виду того, что избѣжать этой потери было уже невозможно; сверхъ того мировые посредники считали несравненно бóльшею для себя честію служить осуществленію великой либеральной реформы, чѣмъ отстаивать старый порядокъ, осужденный опытомъ и духомъ времени и неимѣвшій за себя ни твердаго права, ни славныхъ преданій. Нельзя однако не видѣть, что побудительныя причины, руководившія дѣйствіями мировыхъ учрежденій, хотя и были благопріятны первоначальному осуществленію реформы, но, сами по себѣ взятыя, далеко еще не заключали прочныхъ условій для ея дальнѣйшаго дѣятельнаго и правомѣрнаго выполненія. Люди, призванные къ какой-либо правительственной или общественной должности, только тогда могутъ поддерживать въ себѣ неослабную дѣятельность и проявлять въ своихъ дѣйствіяхъ безпристрастіе, когда надъ всѣми ихъ личными интересами и случайными

побужденіями царствуетъ законъ, всѣми признаваемый и всѣми уважаемый, и когда надъ ними бодрствуетъ непрестанный и дѣятельный контроль. Одушевленіе какою бы то ни было идеею, если оно даже искренне, а не есть слѣдствіе одной моды, продолжается обыкновенно недолго и скоро уступаетъ мѣсто усталости и равнодушію; слабое же развитіе чувства законности и отсутствіе отвѣтственности должностныхъ лицъ неизбѣжно влекутъ за собою произволъ со стороны исполнителей закона. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если наши мировыя учрежденія, хотя и были одушевлены чувствами, благопріятными реформѣ, но въ частныхъ случаяхъ допускали много произвола и небрежности, ко вреду той или другой стороны, и наконецъ пришли къ общему исходу всѣхъ доселѣ бывшихъ у насъ учрежденій— уснули на лаврахъ и ограничиваются теперь отбываніемъ одной формальной стороны своихъ обязанностей. Дѣйствительно, судя по всѣмъ отзывамъ, надобно заключить, что мировыя учрежденія уже вырождаются на русской почвѣ; идея освобожденія, привлекшая къ нимъ вначалѣ много людей способныхъ и дѣятельныхъ, теперь, ставъ событіемъ совершившимся, потеряла свое очарованіе, и за мировыми учрежденіями осталась лишь одна приманка жалованья. Въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ, въ которыхъ я провелъ часть лѣта, было сначала шесть мировыхъ посредниковъ, которые всѣ были люди весьма порядочные и дѣйствовали въ либеральномъ духѣ (за что уѣздный предводитель, отрекомендовавшій ихъ губернатору, былъ забаллотированъ на слѣдующихъ выборахъ). Когда потомъ, по распоряженію правительства, три участка были упразднены, то и остальные три посредника, въ видѣ протеста противъ этой мѣры, вышли въ отставку. Когда надобно было назначить новыхъ посредниковъ, то, по сознанію даже людей, громко осуждавшихъ прежнихъ посредниковъ, во всемъ уѣздѣ, изъ числа желавшихъ занять эту должность, нельзя было найти трехъ человѣкъ, которыхъ по совѣсти можно бы было на нее рекомендовать, такъ что поневолѣ пришлось назначить кого ни попало. Одинъ изъ этихъ вновь назначенныхъ посредниковъ такъ мало имѣетъ авторитета надъ крестьянами своего участка, что недавно обратился къ становому съ жалобою на крестьянъ одной волости

зато, что они, несмотря на его приказанія, не являются на волостной сходъ, при чемъ просилъ становаго побудить ихъ къ тому собственною властію. Въ другомъ уѣздѣ есть посредникъ, человѣкъ хворый, который болѣе года не бывалъ ни въ одной волости, а лишь изрѣдка собираетъ волостныхъ старшинъ въ свою усадьбу и отдаетъ имъ приказанія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что помѣщики заходятъ слишкомъ уже далеко, объясняя дѣйствія мировыхъ посредниковъ какою-то стачкою и умышленною враждебностію противъ дворянства, тогда какъ эти дѣйствія объясняются весьма просто и естественно. Есть еще одинъ упрекъ, часто дѣлаемый прежнимъ посредникамъ, именно упрекъ въ такъ называемомъ мальчишествѣ, то есть въ панибратствѣ съ крестьянами, въ заискиваніи ихъ расположенія, въ нарушеніи справедливости къ помѣщикамъ единственно только изъ-за того, чтобы щегольнуть своими яко бы демократическими убѣжденіями, которыхъ въ сущности не имѣлось и не могло имѣться. Дѣйствительно, упрекъ этотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ справедливъ; но это мальчишество опять-таки не было какою нибудь исключительною принадлежностію мировыхъ посредниковъ, а было повѣтріемъ, которымъ заражены были и многіе изъ тѣхъ, кто дѣлалъ такой упрекъ посредникамъ. Мальчишество произошло у насъ изъ ложнаго пониманія либеральныхъ идей, которыя были извѣстны намъ бо́льшею частію только по наслышкѣ и, въ слѣдствіе самой своей новизны, вскружили головы столь многимъ, въ томъ числѣ и почтеннымъ старцамъ. Какъ все, принимаемое извнѣ и на вѣру, а не вырабатываемое собственнымъ житейскимъ опытомъ, либерализмъ былъ усвоенъ нами только съ внѣшней стороны. Не имѣя вѣрнаго инстинкта либеральныхъ началъ, пріобрѣтаемаго лишь долгимъ историческимъ опытомъ, мы не замедлили передѣлать по-своему и внѣшнія ихъ формы, и часто передѣлывали ихъ самымъ уродливымъ и смѣшнымъ образомъ: отсюда и произошло такъ называемое мальчишество. Если же люди поставлены въ такія условія, что они могутъ безнаказанно обходить законъ и проявлять на мѣсто его свой личный произволъ, то они непремѣнно его и проявятъ: одинъ проявитъ его въ формѣ мальчишескаго обезьянства, другой въ

видѣ старческаго самодурства, смотря по тому, къ чему кто больше склоненъ или въ чемъ больше находитъ для себя выгоды. Мальчишество нѣкоторыхъ посредниковъ и было наичаще дѣйствительнымъ мальчишествомъ, то есть дѣлалось совершенно безкорыстно, по наивному убѣжденію этихъ лицъ, что, обнимаясь съ крестьянами и выплясывая по ихъ дудкѣ, они платятъ дань возвышеннымъ идеямъ либерализма, приносятъ пользу человѣчеству. Но иногда такой образъ дѣйствія основывался на расчетѣ не совсѣмъ безкорыстномъ, именно: нѣкоторые изъ посредниковъ популярничали и панибратствовали съ мужиками въ тѣхъ видахъ, что, по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ, назначеніе посредниковъ предполагалось дѣлать по выбору дворянства и крестьянъ; сверхъ того ходили слухи, что скоро должны открыться и другія хорошія должности по выбору всѣхъ сословій: слѣдовательно для тѣхъ, кто расчитывалъ служить по выборамъ, не мѣшало обезпечить себѣ заранѣе голоса крестьянъ.

Надобно признаться, что поддержанію мальчишескаго образа дѣйствій нѣкоторыхъ посредниковъ не мало содѣйствовала и наша періодическая печать, именно то ея направленіе, которое также извѣстно у насъ подъ именемъ мальчишескаго. Органы этого направленія наперерывъ другъ передъ другомъ разыгрывали роль крестьянскихъ благотворителей и печальниковъ, напоминая извѣстную басню „муха и дорожные“. Они принимали подъ свое покровительство всякую выходку противъ помѣщиковъ и захваливали на смерть тѣхъ *либеральныхъ* дѣятелей, которые успѣвали отличиться въ этомъ смыслѣ. Между мировыми посредниками встрѣчались люди юные лѣтами, а еще чаще незрѣлые умомъ, вся ученость которыхъ ограничивалась иногда чтеніемъ одного изъ упомянутыхъ литературныхъ органовъ: немудрено, если они, продѣлывая разныя эксцентрическія глупости, смотрѣли на нихъ, какъ на гражданскую доблесть, мнили приносить этимъ нѣкую жертву человѣчеству. Иногда въ этихъ выходкахъ нельзя было даже различить, какое руководило ими побужденіе, ложно ли понимаемый либерализмъ, или крѣпостническіе инстинкты, прикрываемые только маскою либерализма: такова была колоссальнѣйшая изъ всѣхъ мальчишескихъ выходокъ, выкинутая 13-ю посредниками одной губерніи. Мальчишество

посредниковъ приносило впрочемъ не столько вреда помѣщикамъ, сколько крестьянамъ: оно сбивало ихъ съ толку, внушало имъ ложныя понятія объ ихъ положеніи и значеніи, за что нерѣдко приходилось имъ потомъ отвѣчать собственными боками. Съ этой точки зрѣнія нельзя одобрить даже такихъ выходокъ, которыя на видъ казались совершенно невинными и дѣлались только ради собственнаго развлеченія посредниковъ среди скучной уѣздной жизни. Такъ напримѣръ, года два тому назадъ, въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ мировые посредники устроили балъ, на который пригласили волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Любезность хозяевъ не ограничилась рукопожатіями, тостами и спичами въ честь гостей; жены посредниковъ пустились плясать съ мужиками русскіе танцы, при чемъ занимали своихъ кавалеровъ разговорами, приноровленными къ крестьянскимъ понятіямъ. Эти господа и госпожи были убѣждены, что праздникъ ихъ былъ торжествомъ либерализма и равноправности, тогда какъ въ сущности это была только дѣтская комедія, гдѣ обѣ стороны разыгрывали неподходящія имъ роли и вѣроятно порядочно устали отъ натуги и принужденія. Время и опытъ сдѣлали однако свое дѣло: мода на мальчишество прошла въ средѣ мировыхъ учрежденій, и въ настоящее время рѣдко можно услышать расказъ о какой нибудь выходкѣ въ этомъ родѣ. Мировые посредники, повинные въ мальчишествѣ, убѣдились на дѣлѣ, что такой образъ дѣйствія ни къ чему доброму не привелъ, а только сдѣлалъ ихъ смѣшными въ глазахъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ они надѣялись очаровать своими любезностями.

Каковы бы впрочемъ ни были, въ частныхъ случаяхъ, недостатки и ошибки мировыхъ посредниковъ, несомнѣнно однако, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мировыя учрежденія дѣйствовали, особенно въ первое время своего существованія, съ небывалою у насъ преданностію своему дѣлу и оказали великую услугу Россіи. Одно уже то обстоятельство, что о взяточничествѣ почти не было слышно въ средѣ этихъ учрежденій, замѣтно выдѣляло ихъ изъ ряда многихъ учрежденій нашего отечества. Таково дѣйствіе великихъ идей, вносящихъ новую жизнь въ народы: своимъ кроткимъ свѣтомъ онѣ возвышаютъ и облагороживаютъ всѣхъ, къ кому ни прикасаются; своимъ

животворнымъ дуновеніемъ онѣ разсѣеваютъ смертоносные міазмы, накопившіеся долгими вѣками болѣзненнаго прозябанія народнаго организма. Самыя ошибки и крайности нѣкоторыхъ посредниковъ выходили большею частію изъ увлеченія идеею освобожденія, которая, по самой своей новости, не всѣми могла быть у насъ понята въ ея правильномъ смыслѣ. Увлеченія и крайности сопровождали всѣ эпохи великихъ историческихъ реформъ, ибо человѣкъ всегда остается человѣкомъ, съ его страстями, умственными недостатками и себялюбивыми расчетами, но также и съ его способностію воспринимать въ себя высокія идеи истины и добра. Если бы не было увлеченій и крайностей со стороны поборниковъ реформъ, то, по всей вѣроятности, не было бы у нихъ и одушевленія идеями этихъ реформъ; но одушевленіе и составляетъ главнѣйшую, а иногда и единственную силу реформаторовъ, ибо всѣ другія силы наичаще оказываются на сторонѣ защитниковъ стараго порядка. Правда, у насъ, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, на сторонѣ реформы былъ законъ 19-го февраля 1861 г.; но что значитъ безплотная буква закона, если исполнители закона захотятъ обойти его, или если они малодушно отступятъ предъ напоромъ окружающей среды, несочувствующей новому закону? Самый законъ освобожденія крестьянъ вышелъ, какъ небезъизвѣстно, изъ довольно упорной борьбы малочисленнаго, но сильнаго своимъ одушевленіемъ кружка поборниковъ реформы съ огромнымъ большинствомъ защитниковъ прежняго порядка. Если бы одушевленіе было на сторонѣ послѣднихъ, а не на сторонѣ первыхъ, то конечно законъ этотъ явился бы въ свѣтъ совершенно въ иномъ видѣ и съ другимъ характеромъ.

Было бы однако ошибочно думать, что люди, содѣйствовавшіе словомъ или дѣломъ осуществленію крестьянской реформы, были какими-то лучшими и избраннѣйшими личностями изъ среды общества, или что ихъ одушевленіе всегда выходило изъ одной безкорыстной любви къ идеѣ освобожденія; напротивъ того, значительная, быть можетъ даже бо́льшая часть этихъ лицъ состояла изъ такъ называемыхъ *легкихъ* людей, то есть изъ такихъ, которые, по своему личному характеру, съ одинаковою легкостію способны подчиняться тѣмъ или

другимъ обстоятельствамъ, одушевляться тѣмъ или другимъ направленіемъ, лишь бы эти обстоятельства и направленія были въ данную минуту господствующими, лишь бы онѣ лучше удовлетворяли личнымъ цѣлямъ или самолюбію этихъ легкихъ людей. Если бы съ наружной, или публичной поверхности, прикрывающей дѣйствія людей, мы спустились въ тайники ихъ сердца, то увидѣли бы, что у многихъ и многихъ дѣятелей крестьянской реформы одушевленіе исходило или изъ желанія угодить общественному мнѣнію и составить себѣ популярное имя, или изъ старанія понравиться власти и упрочить себѣ выгодное служебное положеніе, или, какъ было уже замѣчено собственно по отношенію къ мировымъ посредникамъ, изъ расчета заручиться впередъ довѣріемъ и расположеніемъ крестьянъ; наконецъ многіе дѣйствовали въ пользу реформы съ увлеченіемъ чисто безсознательнымъ, только потому, что обстоятельства данной минуты толкали ихъ слабую волю по этому направленію. Если бы какимъ нибудь чудомъ окружающія насъ обстоятельства вдругъ перемѣнились въ противоположномъ смыслѣ, если бы духъ минуты получилъ другое направленіе и государственная власть стремилась бы къ инымъ цѣлямъ, то мы увидѣли бы, что и всѣ эти легкіе люди стали бы, съ неменьшимъ одушевленіемъ, дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ, а ряды поборниковъ крестьянской реформы, поборниковъ изъ чистой идеи человѣческой свободы, разомъ бы опустѣли, какъ были они пусты и безсильны назадъ тому лѣтъ двѣнадцать. Наоборотъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сложившихся въ пользу крестьянской свободы, осуществленію ея содѣйствовали часто и такіе люди, которые въ душѣ были враждебны всякой свободѣ и всякому движенію впередъ, ибо эти люди своимъ предшествующимъ значеніемъ и благосостояніемъ именно обязаны были отсутствію у насъ свободы и движенія. Потому-то въ дѣйствіяхъ такихъ людей часто замѣчаются противорѣчія, необъяснимыя при поверхностномъ наблюденіи: преслѣдуя и угнетая малѣйшее проявленіе свободы и движенія на всѣхъ другихъ поприщахъ, они въ то же время весьмя усердно содѣйствуютъ осуществленію этихъ началъ въ какомъ нибудь частномъ случаѣ, то есть именно въ томъ случаѣ, который можетъ послужить въ ихъ личную выгоду, можетъ

доставить имъ новое значеніе, увеличить ихъ благосостояніе или удовлетворить ихъ самолюбіе. Со времени поднятія правительствомъ крестьянскаго вопроса въ 1857 году, сколько можно было видѣть въ Петербургѣ людей, которые, будучи въ душѣ заклятыми крѣпостниками, невольно обнаруживая въ разныхъ случаяхъ своей частной жизни скрытую вражду къ реформѣ, въ то же время старались являться на публичной сценѣ усердными поклонниками освобожденія, писали проекты, говорили рѣчи, помѣщали статьи въ журналахъ и успѣвали даже убѣдить многихъ, что и они были не послѣдними спицами въ колесницѣ, вывезшей крестьянскую реформу. Все, сказанное здѣсь о легкихъ людяхъ, можетъ быть отнесено не къ одной крестьянской реформѣ, но и къ другимъ преобразованіямъ нашего времени: многія изъ нихъ прошли благополучно, только благодаря содѣйствію легкихъ людей, которые безъ затрудненія отрѣшились отъ своего прошлаго, если только такое у нихъ имѣлось, и со всеусердіемъ припрягли себя къ новой колесницѣ, погоняемой духомъ времени и могучимъ толчкомъ державной власти. Не такова была бы судьба нашихъ реформъ, если бъ онѣ на своемъ пути встрѣчали только людей тяжеловѣсныхъ и непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, если бъ онѣ попали въ руки людямъ, неспособнымъ поддаваться ни духу времени, ни искушеніямъ популярности, ни расчетамъ на карьеру.

Я предвижу, что многіе изъ моихъ читателей, особенно тѣ, которые сами принимали участіе въ нынѣшнихъ реформахъ, обрушатъ на мою голову жестокія обвиненія за то, что̀ сказано мною о легкихъ людяхъ и о ихъ значеніи въ исторіи нашихъ преобразованій. Я могъ бы даже впередъ перечислить всѣ возраженія и упреки, которые могутъ быть обращены ко мнѣ по этому поводу; но не дѣлаю этого потому, что не вижу въ томъ никакой пользы. Мы на каждомъ шагу можемъ видѣть доказательства того, что огромное большинство людей склонно объяснять событія и людскіе характеры не подъ руководствомъ холоднаго и безпристрастнаго анализа, а только подъ вліяніемъ воображенія или своихъ личныхъ чувствъ и интересовъ. Люди, ближе другихъ стоявшіе къ какому нибудь событію, обыкновенно менѣе другихъ бываютъ способны передать о немъ вѣрный

и безпристрастный расказъ: здѣсь замѣшиваются и личное самолюбіе расказчика, и близкія отношенія его къ другимъ участникамъ дѣла, а иногда и положительная невозможность повѣдать гласно о всѣхъ закулисныхъ подробностяхъ недавняго событія. Сказанія современниковъ, дѣлаясь достояніемъ исторіи, еще болѣе принимаютъ фантастическій и опоэтизированный характеръ: историкъ, смотря по тому, возбуждаетъ ли въ немъ какое нибудь событіе сочувствіе или отвращеніе, придаетъ его дѣятелямъ характеръ или геніевъ и друзей человѣчества, или же гасильниковъ всякаго свѣта и злодѣевъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, почти никогда не бываетъ ни того, ни другаго; огромное большинство людей весьма мало отклоняется отъ средней величины человѣческаго характера и способностей; событія вчинаются и движутся впередъ не столько вліяніемъ отдѣльныхъ умовъ и волей, сколько взаимнодѣйствіемъ множества переплетенныхъ между собою силъ, нравственныхъ, общественныхъ и естественныхъ. Мы имѣемъ обыкновеніе искать завязку и развязку событій только въ нѣкоторыхъ личностяхъ, занимавшихъ болѣе замѣтное положеніе, и придаемъ имъ преувеличенное значеніе, тогда какъ въ сущности эти личности были только наружными оконечностями той нервной сѣти, которая управляетъ жизнію народнаго организма. Никогда не удастся ни одному современнику выслѣдить безконечныя развѣтвленія этой нервной сѣти и ощупать ея важнѣйшіе нити и узлы, глубоко зарытые въ толщѣ народнаго организма; его взоръ всегда будетъ останавливаться преимущественно на наружныхъ органахъ общественнаго тѣла и ихъ, часто непроизвольнымъ, или рефлективнымъ движеніямъ, будетъ приписывать самостоятельное значеніе и управленіе цѣлымъ организмомъ. Еще труднѣе будетъ добраться до истины историку, такъ какъ ему придется имѣть дѣло съ людьми и событіями уже отжившими и безотвѣтными, а въ рукахъ у него будетъ только груда письменныхъ свидѣтельствъ, этихъ скорбныхъ листовъ о покойникѣ, написанныхъ пристрастно, противорѣчиво или безъ знанія дѣла. Хотя древніе греко-римскіе историки мало имѣли въ рукахъ письменныхъ документовъ, но имъ помогалъ могучій синтезъ ихъ ума и глубокое знаніе человѣческой природы. Ксенофонтъ и Тацитъ, по всей вѣроят-

ности, останутся навсегда самыми достовѣрными историками человѣчества. Новые историки, не обладая ни синтезомъ древнихъ, ни ихъ знаніемъ человѣческой природы, запутываются въ лабиринтѣ непомѣрнаго множества печатныхъ свидѣтельствъ, неимѣющихъ часто никакой достовѣрности. Ко всему этому многіе новые историки, въ особенности историки французскіе, прибавляютъ собственную историческую недобросовѣстность, пишутъ подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей и духа партій. Поэтому нельзя не согласиться съ однимъ русскимъ мыслителемъ, который нѣкогда доказывалъ, что исторія становится все менѣе и менѣе достовѣрною. Впрочемъ да не подумаетъ читатель, что я всѣ историческія реформы объясняю только легкостію людей, приводившихъ ихъ въ исполненіе, или что между нынѣшними общественными дѣятелями нашего отечества я признаю только двѣ категоріи — людей легкихъ, подчиняющихся всякому внѣшнему толчку, и людей упрямыхъ, неотказывающихся ни отъ единаго изъ пристрастій и заблужденій своего прошедшаго. Историческія реформы, какъ мнѣ кажется, имѣютъ главнѣйшимъ образомъ два характера: однѣ изъ нихъ сосредоточиваются около одной личности или около небольшой группы лицъ, которыя и ведутъ за собою все остальное общество; другія реформы не имѣютъ такого осязательнаго сосредоточенія, но совершаются собирательнымъ дѣйствіемъ множества раздробленныхъ волей и умовъ, напоромъ требованій, сложившихся издавна въ народной жизни и ожидавшихъ только *благопріятной минуты*, чтобы предъявить свои права. Конечно и въ первомъ случаѣ реформаторы дѣйствуютъ не по случайному вдохновенію или капризу: они осуществляютъ требованія, уже зародившіяся въ народной жизни, но еще невошедшія въ общее сознаніе; своею могучею волею и проницательнымъ умомъ они ускоряютъ развязку, которая безъ нихъ была бы отложена на долгое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти сильныя личности, увлекая за собою людей и событія, надолго придаютъ тѣмъ и другимъ отпечатокъ своего собственнаго характера и воли: такъ точно великія рѣки, вливаясь въ море, на большое еще пространство сообщаютъ морской водѣ свой собственный цвѣтъ и стремленіе. Потому-то такія личности справедливо могутъ быть названы двигателями исторіи и

вождями реформъ; ихъ легко отличить и указать въ безразличной толпѣ человѣчества. Такими реформаторами были напримѣръ Магомедъ, Карлъ Великій, Лютеръ, нашъ Петръ. Успѣхъ ихъ реформъ преимущественно зависѣлъ отъ ихъ личной дѣятельности. Но есть другія реформы, которыя не сосредоточиваются ни около какого видимаго центра, а совершаются, какъ я уже сказалъ, собирательнымъ дѣйствіемъ множества предшествующихъ обстоятельствъ, напоромъ вопросовъ, созрѣвшихъ до своего разрѣшенія, и тяготѣніемъ требованій, доведенныхъ до послѣдней необходимости своего удовлетворенія. Такія реформы не нуждаются даже въ двигателяхъ и вождяхъ для своего осуществленія, а имѣютъ надобность только въ благопріятной минутѣ, ожидаютъ только устраненія тѣхъ препятствій, которыя задерживали естественную и необходимую развязку событій. Какъ скоро препятствія устранены и задерживавшая плотина поднята, то люди самыхъ различныхъ свойствъ и мнѣній сами собою увлекаются въ русло образовавшагося теченія. Ничего нѣтъ удивительнаго, если первыми, появившимися на поверхности потока и вынесенными его стремленіемъ, оказываются именно люди наиболѣе легкіе, точно такъ, какъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ слѣдъ за ними увлекаются и тяжеловѣсные камни, спокойно лежавшіе въ глубинѣ, и старые пни, повидимому крѣпко приросшіе къ берегамъ дотолѣ невозмутимаго озера. Не надобно имѣть ни большой энергіи, ни особенно возвышенныхъ идей человѣчности и патріотизма, чтобы быть увлечену впередъ этимъ общимъ потокомъ духа времени и силы обстоятельствъ. Хотя реформы этого рода не имѣютъ двигателей и вождей въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ, тѣмъ не менѣе люди, употребившіе свою власть и свое высокое положеніе для устраненія препятствій, лежавшихъ на пути этихъ реформъ, могутъ быть по справедливости названы благодѣтелями человѣчества. Если личности, подобныя Петру Великому, возбуждаютъ удивленіе потомства своимъ геніемъ и мощною волею, то право на благодарность человѣчества гораздо болѣе принадлежитъ виновникамъ реформъ втораго рода. Первые полагали свою цѣль и удовлетвореніе въ томъ, что они клали на народы и вѣка печать своего генія и своей воли; вторые употребляли свою власть и вліяніе

для удовлетворенія правъ человѣчества, для мирнаго торжества гражданственности и просвѣщенія среди своихъ народовъ. Преобразованія, совершенныя въ Россіи въ настоящее царствованіе, именно слѣдуетъ отнести къ реформамъ втораго рода.

Сказавъ выше, что легкіе люди были весьма полезны при осуществленіи нынѣшнихъ нашихъ реформъ, я вовсе однако не желалъ этимъ сказать, чтобы между участниками этихъ реформъ не было людей, глубоко убѣжденныхъ въ ихъ необходимости, одушевленныхъ одною безкорыстною любовію къ идеѣ человѣческой и гражданской свободы, наконецъ людей, готовыхъ даже, во имя этой идеи, пожертвовать своимъ личнымъ благосостояніемъ и спокойствіемъ. Несомнѣнно, что такіе люди всегда были и есть между нами; конечно они были и между участниками совершенныхъ реформъ; но если говорить о предметахъ просто и откровенно, не вдаваясь въ идеализацію и прикрасы воображенія, то нельзя не сознаться, что такіе люди вездѣ составляютъ малое меньшинство, что они не изъ числа тѣхъ, которые болѣе всего о себѣ говорятъ и пишутъ, что наичаще они даже не изъ числа тѣхъ, которые занимаютъ замѣтное положеніе и непосредственно вліяютъ на дѣла. Вліяніе такихъ людей преимущественно косвенное, хотя тѣмъ не менѣе сильное и благотворное; сами оставаясь въ тѣни, они силою своего убѣжденія и ума одушевляютъ и просвѣтляютъ тѣхъ, которые стоятъ на видномъ мѣстѣ общественной дѣятельности. У семейнаго очага, въ стѣнахъ школы, въ кружкѣ знакомыхъ, на скромномъ мѣстѣ подчиненныхъ тружениковъ, такіе люди распространяютъ вокругъ себя свѣтъ и теплоту, которые потомъ отражаются въ дѣятельности ихъ родныхъ, ихъ учениковъ, знакомыхъ и начальниковъ. Вообще въ реформахъ втораго рода, вызываемыхъ духомъ времени и совершающихся собирательнымъ движеніемъ цѣлаго общества, трудно и почти невозможно опредѣлить роль и значеніе каждаго отдѣльнаго дѣятеля; каждый изъ нихъ готовъ присвоить себѣ главную заслугу, тогда какъ дѣло подвигалось впередъ суммою дѣйствій многихъ дѣятелей и многихъ силъ, часто неизвѣстныхъ самимъ дѣятелямъ. Легко указать, кому обязаны равнины Египта своимъ плодородіемъ, ибо у всѣхъ предъ глазами могучій Нилъ покрываетъ ихъ,

разъ въ годъ, своимъ благодатнымъ иломъ. Но кто можетъ выслѣдить, какимъ образомъ поддерживается растительность на тощихъ поляхъ какой нибудь великороссійской губерніи? Здѣсь принимаютъ свою долю участія и подземные родники, глубоко зарытые въ подпочвенномъ слоѣ, и дождевая вода, орошающая наружный пластъ, и грязные ручейки, несущіе помои и всякую нечистоту изъ сосѣдней деревеньки, и кучи вывозимаго навоза, и гніющіе остатки лѣсной листвы и прошлогодней соломы; все это мать-природа претворяетъ въ плодотворное бреніе и гонитъ изъ него наружу питательные злаки на пользу человѣку. Такъ и на тощей почвѣ русской гражданственности трудно перечислить всѣ силы, которыми выгонялись наружу недавно прозябшія на ней реформы. Поле разрыхлялось, хотя медленно, но уже издавна, какъ нашею предшествовавшею исторіею, такъ и сильнымъ вліяніемъ на насъ Запада; въ послѣднее же время, почти каждой общественной силѣ и каждой общественной категоріи выпало на долю сослужить, волею или неволею, какую нибудь службу въ общемъ движеніи впередъ. Одни сослужили службу своимъ образованіемъ и умомъ, пріискавъ для совершаемыхъ реформъ лучшія и разумнѣйшія формы, указанныя наукою и опытомъ другихъ народовъ; другіе помогли дѣлу своимъ горячимъ одушевленіемъ и безкорыстнымъ усердіемъ въ пользу реформъ; третьи были полезны своею легкостью, позволившею имъ не задумавшись образовать изъ себя передовыхъ и рьяныхъ застрѣльщиковъ движенія; четвертые оказались полезными своею тяжеловѣсностію, которая хотя удержала ихъ отъ участія въ общемъ движеніи, но въ то же время не допустила ихъ сплотиться вмѣстѣ и стать поперегъ его стѣною. Сослужила службу наша русская пассивность, тяжелая на подъемъ, но зато легко поддающаяся разъ начавшемуся движенію. Несомнѣнна заслуга нашей просвѣщенной литературы, которая уяснила и разработала множество частныхъ вопросовъ, а главное — распространяла и укрѣпляла какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кружкахъ, сознаніе необходимости реформъ. Наконецъ, скажемъ прямо, принесла нѣкоторую долю пользы даже и мальчишеская литература: поя съ чужаго голоса, подогрѣвая себя искусственнымъ жаромъ, она тѣмъ не менѣе своими рѣзкими выходками, своими гру-

быми пріемами и наглядными кривляньями, своею наконецъ нехитрою логикою, дѣлала понятными для толпы многія преобразовательныя идеи нашего времени и собирала вокругъ совершающихся реформъ массу поклонниковъ, хотя бо́льшею частію безсознательныхъ, но тѣмъ не менѣе горячихъ и энергическихъ. Кто присутствовалъ на народныхъ митингахъ въ Англіи, кто видѣлъ, какъ въ Италіи, во время политическихъ кризисовъ, полишинели и арлекины электризуютъ толпу, тотъ пойметъ, что ей болѣе всего понятны ораторы, стоящіе на одномъ съ нею умственномъ уровнѣ и умѣющіе изъ каждаго поученія и проповѣди сдѣлать для нея потѣху. Есть и русская пословица: клинъ клиномъ выбивай. Кто, какъ не рука Промысла, сопрягаетъ и направляетъ къ одной цѣли всѣ эти столь разнообразные и даже противоположные элементы, эти подземные родники чистѣйшей воды, дождевые потоки и мутные ручьи, чтобы ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ извести въ благопотребную минуту новую, зеленѣющую жизнь на оскудѣвшемъ полѣ? Какимъ образомъ тѣ самые повѣствователи и наблюдатели, которые такъ щедро надѣляютъ отдѣльныя личности названіями двигателей, творцовъ и передовыхъ людей, не замѣчаютъ присутствія силы, которой одной принадлежитъ въ этомъ случаѣ названіе движущей, творящей и упреждающей? Если изъ числа смертныхъ дѣятелей подобаетъ кому воздать въ этомъ случаѣ честь и славу, то только тому доброму хозяину поля, который повелѣлъ благовременно убрать съ него камни и старые пни, недававшіе пробиться наружу побѣгамъ молодой травы. Многіе конечно замѣтятъ относительно силъ, содѣйствовавшихъ, дѣятельно или страдательно, осуществленію нашихъ реформъ, что нѣкоторыя изъ этихъ силъ имѣютъ и обратную сторону, невыгодную для успѣховъ гражданской жизни: легкіе люди, какъ легко склонились въ пользу свободы и движенія, такъ же легко могутъ и обратиться противъ нихъ, когда того потребуютъ ихъ личные расчеты, ибо не эти ли люди становятся попеременно то ярыми либералами (насчетъ чужаго кармана), то самоувѣренными бюрократами и угодниками всякой силы, раздающей благостыню; тяжеловѣсные камни и старые пни, неуспѣвшіе при началѣ реформъ лечь дружною стѣною поперегъ дороги, не могутъ ли въ по-

слѣдствіи собираться въ кучки и загораживать путь дальнѣйшему ходу начатыхъ преобразованій; мальчишеская литература и ея поклонники, своими крайностями и невѣжественными выходками, не будутъ ли затемнять въ массѣ правильнаго разумѣнія гражданской свободы и въ то же время вызывать съ противной стороны реакцію и мѣры устрашенія? Все это не только вѣроятно, но даже несомнѣнно; при всемъ томъ возвращеніе къ прежнему порядку уже невозможно, какъ невозможно потоку, разъ прорвавшему плотину, возвратиться назадъ. Камни и пни, унесенные его теченіемъ, могутъ повременамъ скопляться и дѣлать на пути его завалы; щепа и солома, устремившіяся первыми въ открытое отверстіе, могутъ прибивать къ этимъ заваламъ и увеличивать силу ихъ сопротивленія; грязные ручьи будутъ повременамъ сливаться съ береговъ и мутить собою свѣтлыя струи бѣгущаго впередъ потока: тѣмъ не менѣе потокъ все-таки будетъ прокладывать себѣ путь далѣе и далѣе. Препятствія могутъ заставить его свернуть съ прямаго и естественнаго пути и пробираться извилинами, иногда, быть можетъ, даже теряться подъ толстыми слоями наносовъ; но поступательное движеніе потока не можетъ уже быть уничтожено. Какія бы превратности ни пришлось въ послѣдствіи испытать нынѣшнимъ реформамъ отъ своихъ враговъ и отъ своихъ неразумныхъ или лицемѣрныхъ поклонниковъ, но идеи гражданской свободы, независимаго и равноправнаго суда, мѣстнаго самоуправленія и отвѣтственной предъ однимъ судомъ свободы слова сохранятся навсегда въ убѣжденіи народа и избраннѣйшей части образованнаго общества, какъ лучшія пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіею послѣ ея тысячелѣтняго существованія. Отъ благоразумія и добросовѣстности настоящихъ и будущихъ общественныхъ дѣятелей будетъ зависѣть или дать этимъ идеямъ широкое приложеніе и прочное утвержденіе въ народной жизни, или же наоборотъ — стѣснить и ослабить ихъ благодѣтельное вліяніе.

Говоря о мировыхъ посредникахъ, я упомянулъ, что извѣстная часть нашей періодической литературы содѣйствовала поддержанію мальчишескаго направленія между нѣкоторыми изъ посредниковъ; можно прибавить, что это былъ не единственный случай, когда наша

періодическая печать, подъ фирмою ложно понимаемаго либерализма, распространяла превратныя понятія въ обществѣ и чрезъ это тормозила успѣхъ общественнаго дѣла. Мы и теперь можемъ видѣть нѣчто подобное упомянутымъ литературнымъ похваливаніямъ и подускиваніямъ, только на другомъ поприщѣ. Едва открылись новыя судебныя учрежденія, какъ всѣ столичныя газеты стали помѣщать у себя такъ называемыя сцены у мировыхъ судей. Предметъ весьма интересный и поучительный, который притомъ представляетъ для журналистовъ обильный и легко добываемый матеріалъ; худо только то, что нѣкоторыя газеты ухитрились уже и изъ этихъ сценъ сдѣлать своего рода пропаганду мальчишества. Обыкновенно въ этихъ газетахъ засѣданія у мировыхъ судей описываются по слѣдующей программѣ: является господинъ или госпожа, а съ противной стороны кухарка, лакей или вообще кто нибудь изъ неблагородныхъ; сторона благородная непремѣнно говоритъ разныя пошлости, горячится, ругается, такъ что мировой судья по нѣскольку разъ призываетъ ее къ порядку; сторона неблагородная напротивъ того ведетъ себя образцово и дѣло ея оказывается бѣло, какъ снѣгъ. Судъ оканчивается тѣмъ, что благородная сторона обвиняется, да еще, пожалуй, приговаривается къ штрафу за неприличное поведеніе въ судѣ, а сторона неблагородная оправдывается и удовлетворяется. Или же, если жалоба неблагородной стороны остается недоказанною, другими словами — оказывается клеветою, то мировой судья кротко замѣчаетъ, что ваша-де жалоба не подтверждается, и затѣмъ отпускаетъ съ миромъ обѣ стороны домой. Описаніе обыкновенно заканчивается фразою: „мы вынесли самое отрадное впечатлѣніе изъ этого засѣданія“, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Неопытный читатель скажетъ: значитъ, всѣ эти сцены такъ и происходили, какъ онѣ записаны въ газетѣ; не могъ же такъ называемый газетный отмѣтчикъ самъ ихъ выдумать. На это можно отвѣтить неопытному читателю, что если бы онъ самъ присутствовалъ при всѣхъ описанныхъ сценахъ, то навѣрное три четверти изъ нихъ показались бы ему совершенно въ иномъ свѣтѣ. Кому неизвѣстно, что два человѣка могутъ слушать одинъ и тотъ же расказъ, смотрѣть на одну и ту же сцену, и потомъ передать ихъ совершенно въ различномъ

смыслѣ. Одинъ будетъ пересказывать все непосредственно, какъ видѣлъ и слышалъ; другой умолчитъ о томъ, чтò ему неподходяще, выставитъ поярче то, чтò ему съ руки, ввернетъ, какъ будто невзначай, словцо, которое вовсе не было сказано, опишетъ фигуру и пріемы дѣйствующихъ лицъ такъ, какъ ему нужно, однимъ словомъ, *освѣтитъ* сцену, какъ говорится у журналистовъ, подпуститъ въ свой расказъ такъ называемой тенденціозности, и вотъ вышло то же, да не то. Конечно такими отмѣтчиками и сцены подбираются болѣе или менѣе подходящія къ ихъ программѣ, а о другихъ, противоположнаго характера, они скромно умалчиваютъ. Есть также у нихъ свои излюбленные мировые судьи, которыхъ они въ особености награждаютъ своими похвалами и посѣщаютъ чаще другихъ. Безъ сомнѣнія подобныя статьи не могутъ не вліять на нѣкоторыхъ судей, между которыми есть люди юные или же слишкомъ падкіе на популярность и неравнодушные къ газетнымъ лаврамъ. Разумѣется и здѣсь, какъ въ мировыхъ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу, время и опытъ покажутъ доброкачественность такого направленія; жаль только, что эти опыты сопряжены съ нѣкоторыми неудобствами для общества, на счетъ котораго они производятся. Какъ видно, между самыми благотворными учрежденіями нѣтъ ни одного, которымъ не могли бы воспользоваться для своихъ цѣлей невѣжество или злая воля. Гласность суда есть не только одно изъ дѣйствительнѣйшихъ обезпеченій его справедливости, но и весьма сильное средство для нравственнаго улучшенія народа: ибо чѣмъ чаще наши поступки подвергаются гласному обсужденію, чѣмъ открытѣе для другихъ наше поведеніе, тѣмъ строже бываемъ мы къ самимъ себѣ и тѣмъ осторожнѣе поступаемъ относительно другихъ. Но въ то же время гласность, если она недостаточно обезпечена нравами и закономъ отъ искаженія, даетъ возможность врываться въ сферу суда людямъ, ищущимъ вездѣ скандала и потѣхи, которыми они ведутъ выгодный торгъ для потребленія извѣстной, малоразвитой части публики. Такое злоупотребленіе гласностію суда возможно только тамъ, гдѣ общество не успѣло еще воспитать въ себѣ уваженія къ суду. Журнальныя статьи сказаннаго направленія не остаются безъ вліянія и въ провинціяхъ. Одинъ изъ петербургскихъ

присяжныхъ повѣренныхъ расказывалъ, что, бывъ по дѣламъ въ одномъ губернскомъ городѣ, онъ присутствовалъ тамъ при нѣсколькихъ разбирательствахъ у мировыхъ судей и постоянно видѣлъ, что вѣсы правосудія слишкомъ уже явно склоняемы были на сторону меньшихъ братій. На его замѣчаніе о томъ, что въ этихъ случаяхъ прямо нарушены были законъ и справедливость, нѣкоторые тамошніе судьи добродушно отвѣчали ему: „какъ же намъ быть, когда у васъ въ Петербургѣ именно требуютъ отъ насъ суда въ такомъ направленіи“. — „Кто и когда требовалъ этого въ Петербургѣ?“ спрашиваетъ изумленный адвокатъ. „Мы разумѣемъ, отвѣчали судьи, петербургскую журналистику, которая конечно выражаетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе всего просвѣщеннаго петербургскаго общества“. Англичанину, нѣмцу или французу подобный взглядъ судей на свои обязанности показался бы чудовищнымъ; но у насъ, при объясненіи подобныхъ явленій, не надобно забывать, что едва ли во всемъ мірѣ есть среда, столь податливая всякому вліянію извнѣ, какъ верхній, т. е. образованный классъ нашего общества. Не имѣя ни въ семейной, ни въ общественной нашей жизни, ни въ получаемомъ нами школьномъ образованіи, никакихъ твердыхъ началъ и никакихъ руководящихъ преданій, мы тотчасъ подчиняемся всякому внѣшнему вліянію, будетъ ли то вліяніе журналистики, или моды, или просто какого нибудь случайнаго повѣтрія въ воздухѣ, въ родѣ напримѣръ увлеченія биржевою игрою. Мы не разбираемъ внутренняго достоинства управляющихъ нами силъ; намъ нуженъ только какой нибудь предметъ для суевѣрнаго поклоненія, какая нибудь ходячая формула, которая избавляла бы насъ отъ труда мыслить и оцѣнивать предметы собственнымъ разумомъ. Только уже тогда, когда мы порядочно накуролесимъ и почувствуемъ осязательно послѣдствія нашего ребяческаго легковѣрія, начинаемъ мы доискиваться причинъ происшедшей кутерьмы. Тогда-то поднимаются у насъ взаимные упреки и обвиненія, создаются въ воображеніи различные враги, утѣснители и соблазнители, изъ своихъ и чужихъ; мы не хотимъ только признать, что главный нашъ врагъ есть наша собственная рыхлость, легковѣріе и умственная распущенность.

Возвращаюсь къ моимъ наблюденіямъ сельской жизни. Помѣ-

щики, всѣ въ одинъ голосъ, жалуются на то, что нѣтъ никакого совладанія съ наемными рабочими. Нанимается работникъ на лѣто и осень, до рождества, пишется условіе и, какъ водится, дается ему впередъ нѣкоторая часть денегъ для уплаты повинностей и на прокормленіе семейства. Среди лѣта, въ самую рабочую пору, работникъ, когда, по его расчету, онъ зажилъ полученныя деньги, а часто и прежде этого срока, беретъ шапку и уходитъ отъ помѣщика. Дѣло въ томъ, что во вторую половину лѣта, во время сѣнокоса и уборки хлѣба, онъ можетъ получить помѣсячно бо́льшую плату, чѣмъ рядясь впередъ на все рабочее время. Случаи такіе повторяются безпрестанно; иногда работникъ оставляетъ у помѣщика и свой паспортъ, какъ вещь совершенно для него ненужную. Жалобы на такое своеволіе остаются безъ послѣдствій: мировые посредники отзываются, что они не имѣютъ никакихъ средствъ подвергнуть работника отвѣтственности за неисполненіе условій. Иногда, по особому вниманію къ помѣщику, посредникъ обѣщаетъ вернуть ему бѣжавшаго работника; но если, послѣ долгихъ розысковъ, работникъ и будетъ возвращенъ, то на каждомъ шагу станетъ дѣлать непріятности помѣщику; даже пребываніе такого насильно-возвращеннаго работника въ домѣ помѣщика не совсѣмъ безопасно для послѣдняго. Еще труднѣе найти удовлетвореніе за прогулы, пьянство и дурную работу батраковъ. Но точно такимъ же образомъ и работникъ, обиженный помѣщикомъ, тщетно сталъ бы искать удовлетворенія; если бы даже ближайшая власть и вздумала, по жалобѣ работника, вчинить дѣло, то помѣщикъ всегда можетъ потушить его въ слѣдующей инстанціи, куда мужику доходить и далеко, да, по его безграмотству, и какъ-то неспособно. Расправа кулакомъ и по сіе время еще въ употребленіи у нѣкоторыхъ помѣщиковъ; крестьяне, какъ кажется, только и побаиваются одного этого вида взысканія, не всегда однако безопаснаго и для самихъ помѣщиковъ. Общая неувѣренность въ силѣ закона и въ бдительности мѣстныхъ властей часто заставляютъ благоразумныхъ людей смотрѣть сквозь пальцы на причиняемый имъ вредъ, изъ боязни подвергнуться мести и тѣмъ нажить себѣ еще бо́льшую бѣду. Крестьяне наблюдаютъ эту мудрую политику въ особенности относительно тѣхъ

изъ своихъ собратій, которые извѣстны своею порочностію и удалью, которымъ, какъ говорится, море по колѣно. Пустить краснаго пѣтуха — составляетъ обыкновенную угрозу этихъ людей, въ случаѣ если они бываютъ выданы начальству. Хрисанфъ расказывалъ мнѣ, что онъ насторожилъ вора, нѣсколько разъ опустошавшаго его ульи, однако ограничился тѣмъ, что только пугнулъ его. „Отчего же ты не представилъ его въ волость?“ — „А затѣмъ, что медомъ-то онъ меня не разоритъ, а какъ подожжетъ потомъ мой хуторъ, то что̀ я буду дѣлать; вѣдь я весь тутъ“. Тотъ же Хрисанфъ передавалъ мнѣ, что одинъ знакомый ему помѣщикъ загналъ въ своемъ полѣ цѣлый табунъ лошадей сосѣднихъ крестьянъ и взялъ съ нихъ по рублю штрафа за каждую лошадь, согласно сельскому уставу, а крестьяне, въ отместку, взяли да подожгли ему хлѣбный дворъ, гдѣ было рублей на 800 сноповъ. Пріѣхавъ однажды въ гости къ сосѣднему помѣщику, я узналъ отъ него, что крестьяне его села только что поймали извѣстнаго въ околодкѣ вора, который уже нѣсколько разъ бѣгалъ изъ острога, былъ сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ и оттуда, и пробирался теперь въ село для своего промысла, по случаю бывшей тамъ ярмарки. Когда я пріѣхалъ къ тому же помѣщику въ другой разъ, дней черезъ пять, то узналъ, что воръ успѣлъ уже снова бѣжать, и передъ тѣмъ грозилъ, что будутъ же его помнить крестьяне, его поймавшіе. А бѣжалъ онъ такимъ образомъ: вмѣсто того, чтобы доставить его связаннымъ прямо къ становому, волостной старшина приказалъ довезти его только до слѣдующей волости и тамъ сдать въ волостное правленіе для дальнѣйшаго препровожденія въ станъ; воръ и бѣжалъ изъ волостной избы, по всей вѣроятности отъ того, что крестьяне этой волости, боясь рано или поздно подвергнуться его мести, сами его выпустили. Крестьяне же, его выдавшіе, горюютъ теперь и ждутъ, что когда нибудь онъ подпуститъ имъ краснаго пѣтуха. Конокрадство случается въ этомъ краѣ довольно часто, а главными его виновниками цыгане, водворенные въ нѣкоторыхъ казенныхъ селеніяхъ. Они хозяйствомъ не занимаются и почти не живутъ дома, а блуждаютъ по своему и окрестнымъ уѣздамъ, перенимая краденыхъ лошадей отъ извѣстныхъ имъ промышленниковъ и перепродавая ихъ немедленно

въ дальнія мѣстности. Впрочемъ, за исключеніемъ конокрадства, крупное воровство или грабежъ въ этомъ краѣ довольно рѣдки; но мелкія посягательства на чужую собственность, подобныя потравамъ полей, порубкѣ помѣщичьяго лѣса, расхищенію какого-либо вдали стоящаго помѣщичьяго строенія, случаются безпрестанно и даже не считаются проступкомъ со стороны крестьянъ. Всякія желѣзныя вещи воруются ими съ особенною охотою, такъ что нѣтъ возможности имѣть въ дальнихъ строеніяхъ ни завѣсъ, ни пробоевъ, ни даже гвоздей изъ желѣза. Если крестьяне не могутъ воровать лѣса или травить полей тайкомъ отъ сторожей, то прибѣгаютъ иногда къ подкупу ихъ. Въ имѣніи, гдѣ я жилъ, сосѣдніе крестьяне дали куль ржи полевому сторожу, чтобы онъ позволилъ имъ гонять лошадей въ помѣщичью пустошь; сторожъ, отставной солдатъ, объявилъ объ этомъ помѣщику и принесъ поличное, полученный имъ куль ржи. Помѣщикъ жаловался на крестьянъ посреднику, но жалоба осталась безъ послѣдствій. Эта мелкая война между крестьянами и помѣщиками составляетъ главную характеристическую черту нашего сельскаго быта въ настоящую минуту, ибо, по всѣмъ слухамъ и извѣстіямъ, надобно заключить, что все, видѣнное мною въ описываемой мѣстности, повторяется на всемъ пространствѣ Россіи. Обѣ стороны не признаютъ въ душѣ одна за другою никакого права, и во взаимныхъ отношеніяхъ подчиняются только закону матеріальной необходимости, то есть страху попасть въ отвѣтственность или остаться безъ насущнаго хлѣба. Съ одной стороны, помѣщики почти поголовно отрицаютъ законность произведенной реформы, то есть законность не только надѣленія крестьянъ землею, но и отнятія отъ помѣщиковъ права распоряжаться трудомъ крестьянина. Если такое мнѣніе и не всѣми высказывается прямо, то все-таки оно глубоко залегло въ убѣжденіи огромнаго большинства помѣщиковъ и невольно, для нихъ самихъ незамѣтно, обнаруживается ими во множествѣ разныхъ случаевъ. Крестьянамъ это мнѣніе помѣщиковъ слишкомъ хорошо извѣстно, и часто оно служитъ предметомъ ихъ интимныхъ бесѣдъ, гдѣ горечь желчи перемѣшивается съ остротою крупной мужицкой соли. Это отрицаніе правъ крестьянина на надѣлъ землею и на свободный трудъ замѣтно уже было въ проектахъ Положеній

нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, именно въ сдѣланныхъ ими непомѣрныхъ оцѣнкахъ усадьбъ и земли, въ стремленіи продлить, сколь возможно, барщину, отклонить выкупъ и увѣковѣчить такъ называемое вотчинное право. Едва огласились слухи объ ожидаемой реформѣ, какъ правительство должно было принять мѣры противъ насильственнаго обезземеленія крестьянъ и загнанія ихъ на неудобныя земли. При введеніи уставныхъ грамотъ много было попытокъ, иногда и удававшихся, обойти Положеніе; много вышло пререканій, жалобъ и раздраженія. Каждый почти помѣщикъ смотрѣлъ на себя, какъ на обираемаго и унижаемаго, а на крестьянъ, какъ на людей, обогащаемыхъ изъ чужаго кармана и готовыхъ составить изъ себя необузданную вольницу. При этомъ забывалось, что богатство, получавшееся крестьянами, въ бо́льшей части случаевъ едва обезпечивало имъ насущный хлѣбъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а необузданная вольность состояла только въ возвращеніи крестьянину правъ человѣка, въ отнятіи у помѣщиковъ власти распоряжаться душою и тѣломъ крестьянина, какъ вещью. Конечно далеко не всѣ помѣщики злоупотребляли своею властію при крѣпостномъ правѣ; но всѣ они почувствовали себя оскорбленными, когда имъ пришлось понизить предъ крестьянами прежній повелительный голосъ и стать съ ними на одну доску, какъ двумъ тяжущимся сторонамъ, при разборѣ ихъ взаимныхъ пререканій. Вещественныя потери, понесенныя помѣщиками чрезъ реформу, раздражили ихъ гораздо менѣе, чѣмъ потеря власти надъ личностію крестьянина. Многіе помѣщики, въ томъ числѣ весьма добрые и попечительные, не могли перенести этого перелома и отказались отъ управленія имѣніями: одни изъ нихъ передали имѣнія своимъ дѣтямъ, другіе — сдали ихъ въ аренду, третьи наконецъ просто предоставили ихъ на произволъ судьбы, а сами поселились въ городахъ или уѣхали заграницу; нѣкоторые были такъ потрясены, что преждевременно сошли въ могилу. И теперь, когда ломоть уже отрѣзанъ, на каждомъ шагу можно видѣть слѣды этого раздраженія помѣщиковъ противъ совершившагося факта, справедливости котораго они не признаютъ. Одинъ безпрестанно повторяетъ, что пока не будетъ введено въ Россіи мекленбургское право (право помѣщиковъ сѣчь и инымъ

образомъ штрафовать наемныхъ рабочихъ), до тѣхъ поръ не можетъ быть порядка въ сельской жизни; другой запустилъ свои поля только потому, что не желаетъ входить ни въ какія сдѣлки съ крестьянами; третій требуетъ съ нихъ такой арендной платы, при которой крестьянамъ ничего не очищалось бы за трудъ; четвертый соглашается имѣть дѣло только съ крестьянами посторонними, но ни за что не хочетъ вступать въ соглашеніе съ бывшими своими крѣпостными. Добрыя сосѣдскія отношенія между помѣщиками и крестьянами встрѣчаются теперь довольно рѣдко; о принятіи же помѣщиками участія въ нуждахъ и несчастіяхъ крестьянъ нѣтъ почти и помину. Правда, и прежде весьма рѣдки были примѣры, когда помѣщики дѣлали что-либо для крестьянъ по человѣчеству, по безкорыстному участію въ ихъ положеніи; но по крайней мѣрѣ они помогали иногда крестьянамъ по расчету, поддерживая ихъ, какъ необходимую рабочую силу. Теперь же большинство помѣщиковъ смотритъ на крестьянъ, какъ на силу почти имъ враждебную, и умываетъ руки отъ всякаго участія въ ихъ судьбѣ. Мнѣ случалось напримѣръ заговаривать съ помѣщиками о томъ, что ихъ собственная польза требовала бы руководить крестьянъ въ устройствѣ сельскихъ школъ; на это всегда слышался одинъ отвѣтъ: „они теперь не наши и намъ никакого нѣтъ до нихъ дѣла“.

Люди, склонные къ идеализированію дѣйствительности въ одномъ какомъ-либо направленіи, могутъ сказать мнѣ слѣдующее: нарисованная вами картина отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ торжественно опровергается тѣмъ, что происходитъ въ земскихъ собраніяхъ и о чемъ мы подробно знаемъ изъ ихъ отчетовъ и рѣчей; въ большей части губерній дворяне, засѣдающіе въ управахъ или избранные въ гласные, обнаружили самое горячее участіе къ нуждамъ крестьянъ, хлопотали объ устройствѣ для нихъ школъ, больницъ и объ облегченіи ихъ повинностей, часто въ прямой ущербъ дворянскимъ интересамъ. Гдѣ же здѣсь умываніе рукъ относительно крестьянскихъ нуждъ, гдѣ скрытое непризнаніе ихъ правъ на поземельное обезпеченіе и полную личную свободу? На такой предвидимый упрекъ въ противорѣчіи съ дѣйствительностію отвѣчаю слѣдующее. Сомнѣваться въ благородномъ, истинно либеральномъ образѣ дѣйствій относительно

крестьянъ большинства нашихъ дворянскихъ членовъ земства могутъ только тѣ, которые заражены предвзятыми идеями и не хотятъ видѣть дѣйствительности; но этотъ образъ дѣйствій дворянъ въ качествѣ членовъ земскихъ учрежденій нисколько не опровергаетъ того, что̀ было мною сказано о дѣйствіи тѣхъ же дворянъ, какъ помѣщиковъ и хозяевъ своихъ собственныхъ имѣній. Кажущееся противорѣчіе объясняется точно такъ же, какъ и то обстоятельство, что многіе помѣщики, дѣйствовавшіе весьма неуступчиво и даже прижимисто относительно своихъ собственныхъ крестьянъ, оказались весьма либеральными мировыми посредниками. Наконецъ къ тому же раздряду явленій принадлежитъ и тотъ, во всѣхъ странахъ повторяющійся фактъ, что человѣкъ, который, находясь внѣ службы или служа по выбору сословій, считалъ своею обязанностію фрондировать противъ предержащихъ властей, тотъ же самый человѣкъ, получивъ болѣе или менѣе значительное правительственное мѣсто, мещетъ громы во всѣхъ фрондеровъ и опозиціонистовъ. По поводу этихъ фактовъ можно, пожалуй, пофилософствовать о противорѣчіяхъ человѣческой природы; но противорѣчія съ дѣйствительностію здѣсь нѣтъ, ибо факты эти всегда существовали и всегда будутъ существовать. Каждый мало-мальски образованный человѣкъ въ Россіи признаетъ теперь, волею-неволею, авторитетъ такъ называемыхъ гуманныхъ или либеральныхъ идей, которыя до того даже избились между нами, что сдѣлались общимъ мѣстомъ, потеряли для большинства свой ясный смыслъ и сдѣлались тѣми условными истинами, которымъ каждый подчиняется на вѣру, не разбирая ихъ сущности: а извѣстно, что условныя истины имѣютъ надъ массою гораздо сильнѣйшую власть, чѣмъ истины, ясно сознаваемыя и выходящія изъ непосредственнаго убѣжденія. Довольно знать, что либеральныя идеи составляютъ славу нашего вѣка и что имъ принадлежитъ будущее, чтобы каждый, кто считаетъ себя человѣкомъ современнымъ, заявлялъ себя сторонникомъ этихъ идей, каковы бы ни были его личныя убѣжденія и характеръ. Потому-то каждый изъ такихъ современныхъ людей, дѣйствуя на публичной сценѣ въ качествѣ оратора или распорядителя общественныхъ средствъ, считаетъ для себя за честь поддерживать и проводить либеральныя

или гуманныя идеи. Но совсѣмъ другое дѣло, когда приходится прилагать эти идеи въ глуши своей деревни и непосредственно на счетъ собственнаго кармана. Условныя гуманныя идеи оказываются безсильны, какъ скоро ими не удовлетворяется самолюбіе человѣка и въ то же время наносится чувствительный ущербъ его матеріальнымъ интересамъ или его личному спокойствію; здѣсь уже требуется нѣчто бо̀льшее, чѣмъ условныя гуманныя идеи вѣка. Поэтому, какъ несправедливо было бы превозносить похвалами и считать какими-то избранными и геройскими личностями тѣхъ дворянъ, которые дѣйствуютъ въ либеральномъ духѣ въ средѣ земскихъ учрежденій и на счетъ земскихъ средствъ, такъ же точно было бы несправедливо упрекать все сословіе помѣщиковъ за то, что оно не совершаетъ подвиговъ безкорыстія и самопожертвованія, которые вообще весьма рѣдко встрѣчаются въ человѣчествѣ.

Крестьяне, въ свою очередь, не остаются въ долгу у помѣщиковъ и питаютъ къ нимъ не совсѣмъ дружелюбныя чувства. Проживъ цѣлые вѣка внѣ всякаго права, не имѣвъ прежде никакой неприкосновенной собственности, служа предметомъ всякаго рода эксплуатированія и насилія, крестьяне не могли воспитать въ себѣ понятій о правѣ, собственности и долгѣ, и потому, по закону возмездія, считаютъ съ своей стороны какъ бы справедливымъ не признавать за помѣщиками ихъ поземельнаго права, не уважать ихъ собственности, не соблюдать заключаемыхъ съ ними условій. Въ мірѣ нравственномъ какъ бы повторяется законъ механики, въ силу котораго уголъ отраженія всегда равенъ углу паденія, или, какъ говоритъ наша пословица, какъ аукнется, такъ и откликнется. Встрѣчая и теперь, при первыхъ шагахъ своей гражданской жизни, недружелюбныя и притязательныя дѣйствія со стороны помѣщиковъ, крестьяне не имѣли еще ни времени, ни повода забыть горечь чувствъ, накипѣвшую у нихъ долгими годами противъ ихъ властителей. Особенно тяжелы были для помѣщиковъ первые годы по уничтоженіи крѣпостнаго права. Барщина отправлялась самымъ небрежнымъ и разорительнымъ для помѣщиковъ образомъ; если же помѣщикъ, вынужденный необходимостію, соглашался на уничтоженіе барщины, то крестьяне, пользуясь тѣмъ, что у

помѣщика не было ни рабочихъ лошадей, ни орудій, ломили съ него за обработку земли безумную цѣну. Они вполнѣ были увѣрены, что всѣ помѣщики будутъ у нихъ въ рукахъ и отдадутъ имъ въ наемъ за ничто свои угодья. Расчетъ крестьянъ оказался однако жъ невѣренъ: большинство помѣщиковъ успѣло кое-какъ завести рабочій скотъ и орудія, и такимъ образомъ часть помѣщичьихъ земель стала обрабатываться наемными батраками; но главное—крестьяне сами оказались въ зависимости у помѣщиковъ отъ того, что почти нигдѣ не въ состояніи обойтись безъ пользованія помѣщичьими угодьями, особенно когда такъ называемая *отрѣзная* земля поступила въ распоряженіе помѣщиковъ. Мѣстами крестьянину некуда выгнать не только корову, но и курицу, ибо помѣщичья земля подходитъ иногда къ самымъ крестьянскимъ усадьбамъ. Теперь крестьяне сами принуждены выпрашивать работу у помѣщиковъ, чтобы получить за это въ пользованіе нѣкоторыя помѣщичьи угодья. Такимъ образомъ установился почти всеобщій въ этомъ краю способъ работы или изъ половины урожая, или же за пользованіе частію помѣщичьей земли. Почувствовавъ матеріальную зависимость отъ помѣщиковъ, крестьяне стали теперь много мягче и въ личныхъ съ ними сношеніяхъ, сравнительно съ первымъ временемъ по освобожденіи. Тогда они не ломали и шапокъ предъ своими бывшими господами, и на ихъ, разумѣется принужденныя, ласки и заискиванія отвѣчали нерѣдко грубостію и пренебреженіемъ. Раскажу одинъ изъ множества случаевъ, повторившійся вѣроятно не въ одномъ томъ имѣніи, о которомъ я буду говорить. При крѣпостномъ правѣ многіе помѣщики имѣли обычай въ день пасхи, послѣ заутрени и ранней обѣдни, дѣлать въ своихъ хоромахъ розговѣны для крестьянъ; каждому мужику и каждой бабѣ вручался при этомъ ломоть кулича и красное яйцо. Въ роковой 1861 г., въ день пасхи, у однаго знакомаго мнѣ помѣщика были приготовлены по обыкновенію розговѣны для крестьянъ, только что передъ тѣмъ получившихъ свободу. Помѣщикъ возвращается съ семействомъ изъ церкви и ожидаетъ прихода крестьянъ—никого однако не является; посылаютъ людей сказать, что баринъ проситъ пожаловать разговѣться—опять ни одной души; помѣщикъ спрашиваетъ у людей объясненія,—тѣ

жмутся и даютъ несвязные отвѣты; наконецъ, по приказанію барина, объясняютъ въ чемъ дѣло: крестьяне не хотятъ идти; скажите-молъ господамъ, не видали мы ихъ подачки, у насъ и свои куличи есть; особенно артачатся бабы и ни за что не пускаютъ тѣхъ мужиковъ, которые хотѣли было идти въ барскія хоромы; „вы намъ больше не мужья, коли пойдете къ барамъ!“ кричали бабы. Сцена была непріятная; въ женской половинѣ семейства дѣло дошло до слезъ и весь праздникъ былъ испорченъ. Съ философской точки зрѣнія, поступокъ крестьянъ былъ, какъ нельзя болѣе, естественъ и отнюдь не заслуживалъ имъ названія: грубые, неблагодарные хамы! Не повторяется ли то же самое и въ утонченно-образованномъ столичномъ обществѣ? Вотъ, въ высокоторжественный день, въ залѣ начальствующаго или вообще вліятельнаго лица тѣснятся поздравитили. И не то, чтобы они явились сюда по приказанію, какъ нѣкогда крѣпостные крестьяне; напротивъ, они стекаются по чувству безкорыстной преданности и уваженія къ высоковліятельному лицу; они ловятъ съ благоговѣніемъ каждый взглядъ его, хихикаютъ при каждой его яко-бы остротѣ, умиляются духомъ при каждомъ ласковомъ словѣ. Но вотъ его высокостепенство свалилось съ пьедестала; прежніе поздравители не только уже не устремляются къ его подъѣзду, но если даже покинутое всѣми высокостепенство, встрѣтя на улицѣ одного изъ прежнихъ своихъ поклонниковъ, ласково ему скажетъ: „что никогда не зайдете? когда бы нибудь на чашку чаю или на преферансикъ по маленькой“, то бывшій поклонникъ думаетъ про себя: а чтобъ тебя и съ твоимъ чаемъ, и съ твоимъ профферансикомъ. Все это такъ; только въ подобныя философскія размышленія хорошо пускаться человѣку постороннему, но навѣрно они не пришли бы ему въ голову, еслибъ ему пришлось быть на мѣстѣ упомянутаго помѣщика. Теперь однако здѣшніе крестьяне, какъ было уже мною сказано, приняли свой прежній смиренный и покорный видъ; встрѣчаясь даже съ незнакомымъ бариномъ, они, по старой привычкѣ, снимаютъ шапки. На петербургскаго жителя этотъ патріархальный обычай производитъ довольно странное впечатленіе: ему какъ-то неловко и конфузно быть предметомъ столь незаслуженнаго почета, и онъ торопится отвѣчать на каждый подобный поклонъ

(что̀ дѣлается, замѣчу въ скобкахъ, довольно рѣдко мѣстными помѣщиками). Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ мы привыкли къ встрѣчамъ совершенно инаго свойства. У насъ, встрѣчаясь съ осѣдлыми и обжившимися въ Петербургѣ простолюдинами, надобно обходить ихъ на нѣсколько аршинъ, если не желаешь получить толчка или услыхать какую нибудь плоскую грубость. Особенно въ отдаленныхъ частяхъ города и въ праздничные дни, когда весь этотъ людъ бродитъ по улицамъ, переходя изъ одной разпивочной въ другую, дамамъ положительно нельзя выдти со двора, не рискуя получить какое нибудь оскорбленіе. Чернь большихъ городовъ вездѣ составляетъ классъ самый безпорядочный и грубый; но въ другихъ странахъ она сдерживается строгостью законовъ, серьёзнымъ отношеніемъ судебныхъ и полицейскихъ властей къ своимъ обязанностямъ и наконецъ тѣмъ, что само общество хорошо понимаетъ границу между гражданскою свободою и распущенностью, между равноправностью всѣхъ предъ закономъ и мальчишескимъ преклоненіемъ предъ грубостью, невѣжествомъ и порокомъ, во имя какого-то дикаго и нигдѣ въ такомъ смыслѣ несуществующаго демократизма. Гдѣ общество не успѣло еще воспитать въ себѣ здравыхъ гражданскихъ понятій, не развило еще въ себѣ практикою жизни инстинкта свободныхъ учрежденій, тамъ нерѣдко являются изъ его среды мнѣнія и голоса, которые, во имя свободы и прогреса, одобряютъ и поддерживаютъ такой образъ дѣйствія судебныхъ и исполнительныхъ властей, который прямо враждебенъ всякому прогресу и свободѣ, подрываетъ къ нимъ довѣріе у однихъ и даетъ противъ нихъ оружіе другимъ.

Хотя я и сказалъ, что между помѣщиками и крестьянами замѣчаются нынѣ недружелюбныя чувства, не слѣдуетъ однако преувеличивать значенія этой недружелюбности. Она происходитъ частью отъ воспоминаній прошлаго, частью отъ временнаго столкновенія взаимныхъ выгодъ и быстрой перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ прошлое будетъ забываться и переходное броженіе установится въ болѣе прочный порядокъ, должны изгладиться и нынѣшнія непріязненныя чувства. Одно изъ великихъ достоинствъ Положенія 19-го февраля заключается въ томъ, что оно не оставило

во взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ никакихъ слѣдовъ такъ называемаго вотчиннаго права. Это право продлило бы надолго нынѣшнія непріязненныя отношенія обоихъ сословій, и рано или поздно пришлось бы дѣлать новую крестьянскую реформу. Притомъ вотчинное право, въ томъ видѣ, какъ его требовали нѣкоторые помѣщики во время составленія Положенія, не есть вовсе порожденіе русской жизни; это есть сколокъ съ средневѣковыхъ сеніоральныхъ и патримоніальныхъ правъ западно-европейскихъ помѣщиковъ. Во Франціи эти права были унесены революціею, а въ Германіи они уничтожены цѣлымъ рядомъ правительственныхъ мѣръ, законченныхъ не далѣе, какъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Наши русскіе крестьяне, нѣкогда вольные общинники въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, были, со временъ Алексѣя и Петра I, порабощены *крѣпостному* праву, то есть отданы въ полное распоряженіе помѣщиковъ, какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Крѣпостное полноправіе помѣщиковъ исключало уже само собою вотчинное или какое бы то ни было другое ограниченное право. При освобожденіи руссихъ крестьянъ не было никакой разумной цѣли переходить отъ крѣпостной зависимости къ свободѣ черезъ какое-то еще вотчинное право, то есть искусственно создавать новую форму подвластныхъ отношеній, которая въ Западной Европѣ была причиною столь многихъ смутъ и отъ которой она съ трудомъ отдѣлалась. Долговременный опытъ убѣдилъ германскія правительства въ томъ, что, при личной свободѣ крестьянъ, порядокъ и спокойствіе въ сельской жизни невозможны до тѣхъ поръ, пока не прекратится стеченіе правъ двухъ различныхъ сторонъ на одни и тѣ же предметы пользованія или владѣнія, другими словами—пока помѣщики и крестьяне не будутъ разведены окончательно. Потому въ Германіи крестьянская реформа повсемѣстно была завершена выкупомъ у помѣщиковъ крестьянскихъ земель или же крестьянскихъ обязательныхъ повинностей, смотря по тому, принадлежала ли помѣщикамъ земля, или же имъ принадлежало только право на извѣстныя натуральныя и денежныя сервитуды крестьянъ. Правда, у насъ Положеніемъ 19-го февраля выкупъ не поставленъ непремѣннымъ условіемъ, долженствующимъ завершить кре-

стьянскую реформу; но нельзя не видѣть, что самою силою обстоятельствъ обѣ стороны будутъ съ теченіемъ времени побуждаемы къ совершенію выкупа. Для крестьянъ главное препятствіе къ требованію выкупа заключается бо̀льшею частью въ ихъ бѣдности, недозволяющей имъ внести дополнительнаго платежа; помѣщики же удерживаются отъ требованія обязательнаго выкупа преимущественно по причинѣ чрезмѣрнаго упадка цѣнности выкупныхъ бумагъ. Первое препятствіе будетъ мало по малу устраняемо постепеннымъ увеличеніемъ благосостоянія освобожденныхъ крестьянъ; развязки же втораго затрудненія невозможно впередъ предвидѣть: упадокъ выкупныхъ бумагъ зависитъ отъ общаго паденія цѣнности нашихъ денежныхъ знаковъ; опытъ же нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ показываетъ, что государственные финансы, бывъ однажды потрясены, все болѣе и болѣе приходятъ въ разстройство, развѣ государство прибѣгнетъ къ коренному измѣненію порядка собиранія и расходованія своихъ средствъ. Здѣшніе помѣщики все болѣе и болѣе убѣждаются, что выкупъ есть необходимая и неизбѣжная развязка нынѣшней реформы; тѣмъ не менѣе они не рѣшаются терять 20% при обязательномъ выкупѣ, имѣя въ виду, что они должны еще понести большую потерю при продажѣ выкупныхъ бумагъ. Поэтому помѣщики ожидаютъ, чтобы крестьяне согласились на дополнительный платежъ, такъ что почти всѣ совершенные здѣсь выкупы послѣдовали подъ условіемъ дополнительнаго платежа. Слышалъ я, что въ послѣднее время здѣшніе крестьяне стали несговорчивѣе на счетъ дополнительной платы, въ слѣдствіе чего выкупныя сдѣлки пріостановились. Вѣроятно одною и быть можетъ главнѣйшею причиною этого явленія служитъ то обстоятельство, что болѣе состоятельные изъ крестьянъ уже вышли на выкупъ, а остальные, менѣе состоятельные, не чувствуютъ возможности выплатить дополнительную сумму, тѣмъ болѣе, что на примѣрѣ первыхъ видятъ, какъ нелегко имъ справляться со всѣми лежащими на нихъ платежами. Въ самомъ дѣлѣ, здѣшній крестьянинъ, при самомъ усиленномъ трудѣ и въ благопріятные годы, едва можетъ уплачивать свои повинности и поддерживать свой кредитъ у людей, раздающихъ хлѣбъ заимообразно; но чтобы поддержать этотъ кредитъ, онъ при-

нужденъ бо́льшую часть года питаться пушнымъ хлѣбомъ; въ случаѣ же неурожая крестьянинъ неизбѣжно дѣлается несостоятельнымъ. Не надобно также забывать, что по Положенію крестьянская земля оцѣнена гораздо выше, чѣмъ она продается по вольнымъ цѣнамъ (я разумѣю нечерноземныя губерніи), и что сверхъ того повинности, лежащія на крестьянахъ, съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Поэтому неудивительно, что крестьяне не рѣшаются принять на себя обязательство, которое, при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ, можетъ оказаться для нихъ невыполнимымъ. Но, кромѣ этой матеріальной причины, есть повидимому и другіе, нравственные поводы, препятствующіе иногда крестьянамъ соглашаться на дополнительный платежъ. Въ этой мѣстности, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, между крестьянами существуетъ тайное повѣрье, что земля, поступившая имъ въ надѣлъ, составляетъ ихъ собственность и что, рано или поздно, она будетъ отдана имъ правительствомъ, безъ всякаго оброка или выкупа. Это смутно ожидаемое ими время и извѣстно у нихъ подъ именемъ второй, или чистой воли. Подобное мнѣніе существовало впрочемъ и между нѣмецкими крестьянами, въ первое время упраздненія крѣпостнаго права. Явленіе это весьма естественно, ибо земледѣлецъ, только что вышедшій изъ крѣпостной зависимости и которому недоступно разумѣніе отвлеченнаго юридическаго права, не въ состояніи понять различія между зависимостью личною и зависимостью поземельною; онъ убѣжденъ, что съ прекращеніемъ первой должна прекратиться и вторая. Ложное понятіе о правѣ собственности на землю, со всѣми происходившими отъ него столкновеніями и затрудненіями, исчезло между нынѣшними нѣмецкими крестьянами только тогда, когда германскія правительства приступили къ выкупу крестьянскихъ земель и повинностей и когда такимъ образомъ обязательныя отношенія крестьянъ были перенесены съ помѣщиковъ на правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что и между нашими крестьянами понятія о поземельной собственности уяснятся, когда выкупъ сдѣлается фактомъ всеобщимъ; въ настоящее же время, когда онъ совершенъ только мѣстами и въ меньшемъ числѣ имѣній, ложныя понятія крестьянъ о правѣ на землю не вездѣ прекращаются даже и послѣ выкупа. Извѣстны зна-

чительныя недомки, накопившіяся во многихъ губерніяхъ на крестьянахъ по выкупнымъ платежамъ въ казну. Нельзя отрицать, что во множествѣ случаевъ причинами этого явленія служитъ положительная бѣдность крестьянъ или же временная несостоятельность, порожденная неурожаями или другими несчастными обстоятельствами. Мѣстами эта недоимочность можетъ происходить отъ распущенности сельскихъ обществъ, въ слѣдствіе повальнаго пьянства. Немалую роль играетъ здѣсь, вѣроятно, обычная неувѣренность крестьянъ въ силѣ закона и надежда на бездѣятельность мѣстныхъ властей. Но иногда къ этимъ причинамъ недоимокъ присоединяется и упомянутое мною смутное ожиданіе крестьянами такъ называемой чистой воли. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ имѣніи крестьяне, выйдя на добровольный выкупъ, исправно уплачиваютъ помѣщику дополнительную сумму, но уже въ теченіе полутора года вовсе не вносятъ въ казну выкупныхъ платежей. Помѣщикъ этого имѣнія, довольно хорошо знающій нравы мѣстныхъ крестьянъ, говорилъ мнѣ, что въ упоминаемомъ случаѣ крестьяне разсуждаютъ такъ: помѣщикъ никакого снисхожденія не сдѣлаетъ и потому платить ему надобно, а царь, быть можетъ, и проститъ выкупную ссуду. Въ другихъ случаяхъ, какъ удалось мнѣ подмѣтить, крестьянъ удерживаетъ отъ добровольнаго выкупа соображеніе, повидимому совершенно противоположное, именно — неувѣренность ихъ въ томъ, что, послѣ истеченія выкупнаго періода (49-ти лѣтъ), земля ихъ не будетъ обложена вновь никакимъ оброкомъ. „А кто жъ знаетъ, говорили мнѣ крестьяне одной деревни, что̀ будетъ впередъ; денежки-то мы теперь заплатимъ, а потомъ, быть можетъ, опять обложатъ нашу землю новымъ оброкомъ“. Такимъ образомъ, по своей темнотѣ, совершенному отсутствію понятія о правѣ и по привычному недовѣрію къ силѣ и постоянству закона, крестьяне колеблются, съ одной стороны, между смутною надеждою, что правительство подаритъ имъ ихъ надѣлы, а съ другой — между боязнію, что ихъ земля, и по окончаніи выкупа, будетъ обложена новымъ оброкомъ. Исправность взноса крестьянами дополнительнаго платежа и оброковъ много зависитъ отъ личныхъ свойствъ и обстоятельствъ помѣщика: если помѣщикъ самъ живетъ въ имѣніи и притомъ крестьяне знаютъ, что онъ человѣкъ неуступ-

чивый и настойчивый, то деньги вносятся ему бо̀льшею частію исправно; если же помѣщикъ находится въ отсутствіи или не умѣетъ быть настойчивымъ съ крестьянами, то они всячески оттягиваютъ уплату и накопляютъ недоимки. При этомъ пускаются иногда ими въ ходъ разные обманцы, въ родѣ напримѣръ того, что староста-де и собралъ деньги всѣ сполна, да когда ѣхалъ въ городъ на почту, то у него ихъ украли. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ, крестьяне не столько боятся отвѣтственности предъ властями, сколько матеріальной зависимости отъ помѣщика, если этотъ послѣдній можетъ прижать ихъ на счетъ пользованія необходимыми для нихъ помѣщичьими угодьями. Но когда крестьянамъ вздумается не платить дополнительнаго платежа, обыкновенно разсрочиваемаго по договору на нѣсколько лѣтъ, то положеніе помѣщика оказывается весьма затруднительнымъ, ибо мировые посредники на жалобы помѣщиковъ отвѣчаютъ, что не имѣютъ никакихъ средствъ принудить крестьянъ къ уплатѣ дополнительной суммы, а вѣдайтесь дескать съ ними судомъ. Но что̀ можетъ сдѣлать и судъ въ этомъ случаѣ? Отобрать отъ крестьянъ надѣлъ нельзя уже и потому, что на немъ лежитъ казенная выкупная ссуда, выданная крестьянамъ. Продать ихъ лошадей, коровъ, сохи и бороны, значитъ сдѣлать ихъ окончательно нищими и несостоятельными предъ правительствомъ; да и все-таки продажею этой худобы нельзя покрыть дополнительнаго платежа, простирающагося до 27 руб. на ревизскую душу. Помѣщики сами очень хорошо понимаютъ, что и въ оброкахъ, и въ выкупныхъ платежахъ все обезпеченіе состоятельности крестьянина заключается въ силѣ его мускуловъ, въ его напряженномъ и неустанномъ трудѣ. Можно прибавить, что другое обезпеченіе состоятельности крестьянина заключается въ просвѣтленіи его ума и въ нравственномъ благочиніи его быта. Какъ бы крестьянинъ ни напрягалъ свою рабочую силу, но пока бокъ-о-бокъ съ его хатою будетъ стоять непрестанное искушеніе въ образѣ кабака и пока крестьянинъ не въ состояніи дѣлать другаго употребленія изъ своихъ досуговъ, какъ только предаваться самозабвенію, до тѣхъ поръ его состоятельность не можетъ быть надежною. Строгія мѣры взысканія недоимокъ, какъ-то: продажа крестьянскаго имущества съ аукціона, высылка недоимщи-

ковъ на общественныя работы и проч., въ большинствѣ случаевъ только усилятъ несостоятельность крестьянъ и даже окончательно разорятъ ихъ хозяйство. При такомъ положенiи дѣлъ, могутъ возникнуть когда нибудь серьёзныя затрудненiя; само правительство можетъ не собрать своихъ податей, не говоря уже о земскихъ и общественныхъ сборахъ. Если бы у насъ положенiе дѣлъ оцѣнивалось не по бумажнымъ свѣдѣнiямъ, а могло бы быть объяснено изъ первыхъ рукъ и въ его неприкрытой наготѣ, то, быть можетъ, будущее представилось бы многимъ въ довольно тревожномъ видѣ; многiе вопросы, остающiеся теперь на заднемъ планѣ, напримѣръ объ образованiи простаго народа, о системѣ распредѣленiя, собиранiя и расходованiя налоговъ вообще и о нѣкоторыхъ косвенныхъ налогахъ въ особенности, выступили бы тогда вѣроятно на первое мѣсто и громко потребовали бы скорѣйшаго разрѣшенiя.

Замѣчательно, что помѣщики не только не ропщутъ на то, что при выкупѣ разомъ вычитается съ нихъ долгъ опекунскому совѣту, безъ всякаго учета въ ихъ пользу за неистекшее время займа, но еще довольны такимъ исходомъ. Это, по моему мнѣнiю, доказываетъ, что понятiе о кредитѣ, особенно кредитѣ долгосрочномъ, до сихъ поръ еще мало развито у нашихъ помѣщиковъ; на долгъ опекунскому совѣту они смотрятъ, какъ на грѣхъ свой или своихъ отцовъ, съ которымъ желательно скорѣе развязаться, при какихъ бы то ни было условiяхъ.

Хозяйство свое помѣщики ведутъ частiю наемными батраками, частiю изъ половины съ сосѣдними крестьянами; каждый помѣщикъ старается обыкновенно соединить оба вида хозяйства. Отдавать землю крестьянамъ въ аренду помѣщики рѣдко соглашаются, по тому соображенiю, что крестьяне не станутъ унавоживать полей, выпашутъ ихъ и сдѣлаютъ окончательно негодными. Держать большое число наемныхъ работниковъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ лошадей и орудiй, помѣщикамъ не позволяютъ ни ихъ средства, ни нынѣшняя безсудность въ сельскомъ быту, при которой помѣщикъ долженъ постоянно дрожать при мысли, что его работники могутъ, въ одно прекрасное утро, взять свои шапки и уйти отъ него въ другое мѣсто. Однако

каждый помѣщикъ по возможности старается имѣть свой собственный хозяйственный инвентарь, съ нѣкоторымъ количествомъ наемныхъ работниковъ, и изъ этой рабочей силы образовать такъ сказать зерно и основу своего хозяйства; безъ этого условія онъ находился бы въ совершенной зависимости отъ произвола и преувеличенныхъ требованій сосѣднихъ крестьянъ. Изъ половины наичаще убираются луга, въ которыхъ крестьяне болѣе всего нуждаются; при этомъ они обязываются обыкновенно сдѣлать помѣщику и другія побочныя послуги. Нѣкоторыя работы исполняются крестьянами за пользованіе помѣщичьимъ выгономъ или за отпускъ лѣса. Наемные батраки получаютъ здѣсь отъ 18 до 20 руб. съ апрѣля до рождества. На харчи нашъ крестьянинъ, какъ извѣстно, невзыскателенъ. У хорошаго помѣщика работники ѣдятъ три раза въ сутки, и обыкновенно тѣ же самыя два кушанья, именно: въ скоромные дни — щи или какую нибудь другую похлебку съ саломъ, болѣе для запаха, и крупеникъ, то есть жидкую гречневую кашицу, опять-таки съ саломъ; въ постные дни — ботвинье, то есть квасъ съ лукомъ и рѣдькой, и крупеникъ съ конопляным сокомъ (конопляное масло почитается непозволительною роскошью). По праздникамъ бываютъ пироги съ капустой или горохомъ. Хлѣбъ обыкновенно дается чистый, безъ мякины; у себя дома крестьяне почти круглый годъ ѣдятъ пушной хлѣбъ. Работники не долюбливаютъ тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ хлѣбъ отпускается съ вѣса, и это весьма понятно: работникъ, при малой питательности даваемой ему пищи и при его тяжеломъ трудѣ, по необходимости долженъ брать хотя количествомъ ѣды, ѣсть, какъ говорится, до отвала. Кто бы повѣрилъ изъ петербургскихъ жителей, что многіе батраки, идя за 18 руб. на 9 мѣсяцевъ тяжелой работы, дѣлаютъ это единственно изъ-за того, чтобы ѣсть въ это время чистый хлѣбъ, котораго они не имѣютъ дома. А работа ихъ дѣйствительно тяжелая, о которой многіе городскіе жители едва ли могутъ составить себѣ понятіе. Выходитъ батракъ въ поле или на гумно до восхода солнца, а возвращается на закатѣ, и такъ каждый день и во всякую погоду, исключая большихъ праздниковъ. У ретиваго помѣщика или управляющаго работники, едва успѣютъ поѣсть, какъ снова должны приниматься за ра-

боту. Помѣщики, заключая условіе съ работниками, впередъ выговариваютъ, чтобы они работали и въ праздники; но обыкновенно въ эти дни имъ дается какая нибудь легкая работа, занимающая собою только часть дня. Сверхъ того работники наряжаются по очереди стеречь ночью лошадей въ полѣ. Зимою молотьба на гумнѣ идетъ также цѣлый день, въ пыли и на сквозномъ вѣтрѣ, утромъ и вечеромъ при освѣщеніи сальнаго огарка. Въ работники идутъ обыкновенно крестьяне безземельные или изъ многосемейныхъ дворовъ, иногда отпускные солдаты, вообще люди самые бѣдные. Во время уборки сѣна, въ подмогу батракамъ, нанимаются женщины, по 10 коп. въ день, на своихъ харчахъ. За жниво десятины платится отъ 2 руб. до 2 руб. 25 коп.; десятина жнется обыкновенно дней въ шесть. О томъ, какъ мало производителенъ былъ прежній крѣпостной трудъ, можно судить по слѣдующему примѣру: въ одномъ изъ имѣній, гдѣ я проживалъ этимъ лѣтомъ, при крѣпостномъ правѣ работало ежедневно 23 тягла, то есть 23 мужчины съ такимъ же количествомъ бабъ и лошадей; теперь ту же работу исполняютъ 11 работниковъ при 11 лошадяхъ, и только для жнива особо нанимаются женщины. Обработка тройной десятины, то есть озимой, яровой и уборка десятины луга, обходится здѣшнимъ помѣщикамъ до 20 руб. Чистаго дохода съ сказаннаго количества земли можно получить, при хорошемъ хозяйствѣ, до 10 руб.; сѣно почти нигдѣ не продается, а идетъ на кормъ скота, слѣдовательно въ показанномъ 10-ти рублевомъ доходѣ луговая десятина можетъ быть представлена только коровьимъ масломъ, поступающимъ въ продажу. Надобно однако замѣтить, что здѣшніе помѣщики не ведутъ правильной сельско-хозяйственной отчетности: нѣкоторыя статьи расхода въ соображеніе не принимаются, равнымъ образомъ и доходъ исчисляется не вполнѣ; напримѣръ продукты, потребляемые семействомъ помѣщика и его домашнею прислугою, обыкновенно къ доходу не причисляются. Поэтому на показанныя цифры надобно смотрѣть только какъ на приблизительныя. Урожай 1866-го года былъ однимъ изъ лучшихъ и даже рѣдкимъ въ этомъ краѣ; только проливные дожди, бывшіе въ началѣ августа, помѣшали уборкѣ. Изъ копны (10 бабокъ или 100 сноповъ) получалось до 4 мѣръ ржи, что̀ считается здѣсь весьма рѣд-

кимъ умолотомъ; однако ужинъ не былъ столь же благопріятенъ, какъ умолотъ. Овсы вышли чрезвычайно легки, пуда въ $4^1/_2$, тогда какъ обыкновенная ихъ натура 6 пудовъ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я, къ немалому моему удивленію, прочелъ въ „Сѣверной Почтѣ“ корреспонденцію изъ одного сосѣдняго съ нами уѣзда (той же губерніи), гдѣ говорится, что урожай былъ тамъ въ 10-15 зёренъ. Такого урожая никогда тамъ не было и не можетъ быть; въ Екатеринославской и Саратовской губерніи хорошимъ урожаемъ ржи считается самъ 11, а въ нашей бѣдной губерніи средній урожай не выше самъ 3. Подобныя ошибки позволительно дѣлать развѣ только намъ, столичнымъ жителямъ, мимолетомъ заѣзжающимъ въ деревню.

Относительно величины запашекъ между здѣшними помѣщиками существуетъ два противоположныхъ мнѣнія. Одни считаютъ выгоднѣе пахать больше земли, хотя бы и при слабомъ удобреніи; при малай запашкѣ, гоowорятъ они, не хватаетъ соломы на кормъ и удобреніе. Другіе уменьшаютъ запашки, чтобы усилить удобреніе. Я не имѣлъ данныхъ, по которымъ можно бы было сравнить результаты обоихъ хозяйствъ; но, какъ кажется, у многопашущихъ помѣщиковъ доходъ не соотвѣтствуетъ обширности ихъ полей. Раціональное хозяйство признаетъ тѣсную зависимость между рабочею и удобряющею силою съ одной стороны и количествомъ запашки съ другой; нарушеніе такой зависимости никогда не можетъ служить къ пользѣ хозяйства. Хозяйство при урожаѣ въ самъ-третей, каковъ средній урожай въ этой мѣстности, есть хозяйство изъ-за одного насущнаго хлѣба и не вознаграждаетъ огромнаго труда, на него полагаемаго. При большой отдаленности полей отъ усадьбы, значительная часть рабочаго времени и силъ употребляется на переѣзды и переходы и слѣдовательно пропадаетъ даромъ для хозяйства. Если бы у нашихъ помѣщиковъ существовалъ правильный и подробный учетъ расхода и дохода, то вѣроятно оказалось бы, что нѣкоторыя, наиболѣе отдаленныя и вовсе неунавоживаемыя поля въ сущности никакого дохода не приносятъ, а пожалуй служатъ еще въ убытокъ. Въ этой мѣстности есть помѣщики, запустившіе до $^1/_3$ своихъ полей; есть даже такіе, которые запустили до половины. Я уже упоминалъ, что здѣшніе помѣщики рѣдко отда-

ютъ землю въ аренду крестьянамъ, изъ опасенія, какъ они говорятъ, чтобы крестьяне не опустошили вовсе полей. Крестьяне же, на вопросъ, почему они не берутъ земель у помѣщиковъ, отзывались мнѣ, что помѣщики требуютъ съ нихъ по 4 руб. за десятину, и что, при такой цѣнѣ, ничего не очистилось бы крестьянамъ за трудъ, ибо земля отдается въ аренду худая, выпаханная, а лучшую помѣщики обработываютъ для себя.

Сбытъ хлѣба не встрѣчаетъ здѣсь затрудненій. Помѣщики, какъ это обыкновенно у насъ дѣлается, продаютъ хлѣбъ на мѣстѣ, мелкимъ скупщикамъ или же прикащикамъ большихъ хлѣбныхъ торговцевъ, которые стараются елико возможно сбивать цѣны. Доставка въ городъ была бы еще болѣе убыточна для помѣщиковъ, потому что тамъ не было бы конца прижимкамъ, обмѣрамъ и обвѣсамъ со стороны купцовъ. Наша провинціальная торговля, какъ всякому извѣстно, основана на одномъ кулашничествѣ и обманѣ. Особенно въ сношеніяхъ съ крестьянами, мелкіе торговцы доводятъ обманъ до чудовищныхъ размѣровъ: здѣсь все пускается въ ходъ — фальшивыя мѣры, фальшивые вѣсы, обсчитыванье на деньгахъ и даже простое воровство, то есть одинъ изъ молодцовъ заговариваетъ мужика, а другой тѣмъ временемъ таскаетъ у него съ воза все, что̀ подъ силу схватить. Если ограбленный крестьянинъ вздумаетъ спорить и уличать въ обманѣ, то молодцы ему же накладутъ въ шею; искать же мужику суда и расправы не у кого. Такимъ-то путемъ многіе мелкіе торгаши повышли у насъ въ первостатейные купцы, выстроили себѣ каменныя хоромы и ворочаютъ иногда не одною сотнею тысячъ рублей.

Лѣсу въ этомъ краю большое изобиліе, преимущественно еловаго, но порядка въ лѣсномъ хозяйствѣ нѣтъ ни малѣйшаго; лѣса предоставлены однѣмъ силамъ природы; ни расчиски, ни раздѣленія на лѣсосѣки не существуетъ. Помѣщики, владѣющіе обширными лѣсными дачами, видятъ ихъ только съ опушки и весьма немногіе изъ нихъ проникали въ средину своихъ дачъ. Лѣсные сторожа, содержимые въ несоразмѣрно маломъ количествѣ, не имѣютъ физической возможности наблюдать за сохраненіемъ лѣса; они существуютъ болѣе для успокоенія воображенія владѣльцевъ. Впрочемъ, при обиліи лѣса въ этомъ

краѣ и при малой густотѣ населенія, незаконныя порубки крестьянъ причиняютъ владѣльцамъ ничтожные убытки, въ сравненіи съ огромною гибелью деревьевъ, происходящею отъ бурь, лѣсныхъ пожаровъ и отъ запущенности лѣсовъ. До какой степени лѣсъ имѣетъ здѣсь мало цѣнности, можно судить по тому, что въ нынѣшнемъ году одинъ изъ самыхъ крупныхъ здѣшнихъ помѣщиковъ продавалъ на срубъ по 25 р. десятину дровянаго еловаго лѣса; 40 рублей считается здѣсь красною цѣною. Между тѣмъ въ этой мѣстности беретъ свое начало одна изъ огромнѣйшихъ рѣкъ Россіи, пронизывающая въ своемъ стремленіи на югъ многія безлѣсныя губерніи; сверхъ того въ этомъ же уѣздѣ находится судоходный притокъ другой великой рѣки, которая служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ водяныхъ путей для сплава русскихъ произведеній въ Западную Европу. Главною причиною малоцѣнности здѣшняго лѣса недобно считать отсутствіе промышленнаго духа и капиталовъ въ мѣстномъ населеніе, въ слѣдствіе чего лѣсная торговля находится въ рукахъ заѣзжихъ кулаковъ и преимущественно евреевъ. Одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, человѣкъ денежный и предпріимчивый, въ теченіе нѣскольких лѣтъ самъ сплавлялъ лѣсъ къ портовому городу и имѣлъ отъ этого значительныя выгоды. Другой крупный помѣщикъ вздумалъ также въ прошедшемъ году отправить водою большую партію бревенъ, но по другому направленію, на югъ, въ наши безлѣсныя губерніи. По его словамъ, онъ потерпѣлъ убытокъ, то есть, вѣроятнѣе, имѣлъ какой нибудь ничтожный барышъ, изъ-за котораго не стоило хлопотать. Причиною тому были отчасти естественныя препятствія, встрѣчаемыя на этомъ пути: великая рѣка въ верхнемъ своемъ теченіи оказывается неудобною даже для гонки плотовъ, такъ что въ одномъ мѣстѣ приходится ихъ переплочивать, съ значительными, разумѣется, расходами. Но еще болѣе виною неудачи была собственная неопытность предпринимателя и его прикащиковъ, въ слѣдствіе чего эти послѣдніе, придя на мѣсто, попали въ руки тамошнихъ аферистовъ. Въ нынѣшнемъ году евреи скупаютъ здѣсь большія пространства лѣса, который сплавляютъ къ упомянутому мною западному порту. Извѣстно, что огромный сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ въ Европу производитъ Финляндія; какъ слышно, прошлогодняя де-

нежная реформа въ этой странѣ, возвысившая цѣну всѣхъ мѣстныхъ произведеній, имѣла между прочимъ невыгодное вліяніе и на финляндскую лѣсную торговлю: англійскіе контрагенты, получавшіе доселѣ лѣсъ изъ этой страны, отказались отъ своихъ контрактовъ и задатковъ и обратились къ русскимъ лѣснымъ биржамъ. Эти свѣдѣнія передавалъ мнѣ одинъ русскій, постоянно живущій въ Финляндіи. Надобно думать, что усиленный спросъ лѣса евреями, обнаружившійся въ описываемой мною мѣстности въ нынѣшнемъ году, имѣетъ связь съ упомянутымъ коммерческимъ переворотомъ.

Какъ ни кратки и поверхностны свѣдѣнія, сообщаемыя мною о хозяйствѣ здѣшнихъ помѣщиковъ, но и по нимъ читатель можетъ уже судить, какъ малодоходны должны быть здѣшнія имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, при почвѣ, которая ничего не даетъ безъ удобренія, при среднемъ урожаѣ въ самъ-третей, при малой густотѣ населенія, при отсутствіи промышленнаго духа въ мѣстномъ дворянствѣ, можно ли ожидать, чтобы здѣшнія имѣнія были доходны? Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, одинъ изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ прорѣзывается судоходнымъ притокомъ великой рѣки, ведущей къ одному изъ важнѣйшихъ у насъ торговыхъ портовъ. Вотъ одно изъ доказательствъ, что пути сообщенія сами по себѣ не въ состояніи еще возвысить производительности и одушевить промышленнаго движенія въ извѣстной мѣстности, пока не устранены другія причины, задерживающія то и другое. Въ слѣдствіе малодоходности имѣній, всѣ здѣшніе помѣщики нуждаются въ деньгахъ, или, лучше сказать, денегъ ни у кого здѣсь нѣтъ, въ томъ числѣ и у бывшихъ тысячедушныхъ помѣщиковъ. Исключеніе составляютъ, на два уѣзда, какихъ нибудь пять-шесть человѣкъ, изъ которыхъ одни пріобрѣли капиталъ коммерческими оборотами, другіе выгодными мѣстами на службѣ. Кредита здѣсь вовсе не существуетъ; если кто и имѣетъ мелкія сбереженія, то держитъ ихъ подъ спудомъ, нуждающіеся же въ деньгахъ должны прибѣгать къ ростовщикамъ, берущимъ непомѣрные проценты. Впрочемъ такой порядокъ не есть явленіе мѣстное, а относится къ сельскимъ хозяевамъ всего русскаго царства; правильнымъ кредитомъ пользуется у насъ только коммерческое сословіе нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ существуютъ городскіе банки.

1866 года.

II.

О поземельномъ кредитѣ и торгово-поземельныхъ банкахъ. О крупной и мелкой поземельной собственности. Препятствіе, встрѣчаемое продавцами и покупателями мелкой поземельной собственности со стороны новыхъ нотаріальныхъ порядковъ. Произвольность сборовъ, взыскиваемыхъ въ казну съ помѣщиковъ и крестьянъ.

Теперь у насъ много говорятъ и пишутъ о поземельномъ кредитѣ и земскихъ банкахъ. Мнѣ кажется, что въ такихъ мѣстностяхъ, какъ мною описываемая (а на нее похожа половина нашихъ губерній), есть много обстоятельствъ, препятствующихъ въ настоящее время осуществленію поземельнаго кредита въ томъ видѣ, какъ его обыкновенно у насъ разумѣютъ, то есть съ выпускомъ закладныхъ листовъ, обезпеченныхъ помѣщичьими имѣніями. Поземельный кредитъ не можетъ быть созданъ искусственными мѣрами, а является самъ собою тамъ, гдѣ земля имѣетъ прочную цѣнность и гдѣ поземельная собственность приведена въ подробную извѣстность, посредствомъ ипотечныхъ или кадастровыхъ описей. До какой степени ничтоженъ спросъ на имѣнія въ здѣшней губерніи, видно изъ того, что множество имѣній уже нѣсколько лѣтъ назначено къ продажѣ съ торговъ, за долги бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, и слѣдовательно по весьма низкой цѣнѣ, и однако покупателей не является. Для того, чтобы имѣнія имѣли хорошую цѣнность, другими словами—приносили хорошій доходъ, необходимы: хорошая обработка земли или же естественное ея плодородіе, далѣе—извѣстная густота населенія, хорошіе пути сообщенія, хорошіе рынки для сбыта, наконецъ промышленный духъ въ мѣстномъ населеніи. У насъ, для бо́льшей части мѣстностей, еще долго не будетъ существовать всѣхъ этихъ условій, а безъ нихъ едва ли можетъ быть осуществимъ поземельный кредитъ, въ его чистомъ видѣ

и въ обширныхъ размѣрахъ. Конечно земля есть самый вѣрный капиталъ въ томъ смыслѣ, что цѣнность ея не только не подвержена случайному уничтоженію, но, за исключеніемъ эпохъ экономическаго кризиса, должна прогрессивно возрастать. Но въ мѣстностяхъ, подобныхъ описываемой, эти выгоды поземельной собственности принадлежатъ будущимъ поколѣніямъ, нынѣшніе же помѣщики извлекаютъ изъ своихъ имѣній столь незначительную ренту, что она въ состояніи выдержать только самый дешевый кредитъ. Кромѣ этихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, у насъ въ Россіи есть еще нѣкоторыя общія условія, неблагопріятныя для осуществленія поземельнаго кредита въ настоящее время. Я уже упомянулъ объ одномъ изъ нихъ, о несуществованіи у насъ достовѣрныхъ описей поземельныхъ имуществъ. Такая неизвѣстность, съ одной стороны, будетъ уменьшать довѣріе заимодавцевъ или капиталистовъ къ земскимъ закладнымъ листамъ и слѣдовательно понижать ихъ цѣну, а съ другой стороны будетъ по необходимости побуждать учредителей земскихъ банковъ увеличивать страховые проценты съ заемщиковъ, или подвергать закладываемыя имѣнія самой низкой оцѣнкѣ, или наконецъ ввести условіе взаимнаго ручательства заемщиковъ. Первыя три обстоятельства прямо будутъ дѣйствовать на вздорожаніе поземельнаго кредита; круговое же ручательство у насъ, въ Россіи, представляетъ для заемщиковъ много риска и будетъ ими принимаемо весьма неохотно, о чемъ я скажу въ послѣдствіи. Далѣе, у насъ въ настоящее время существуетъ такой наплывъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, обезпеченныхъ самимъ правительствомъ, что поземельнымъ закладнымъ листамъ едва ли будетъ возможно выдерживать съ ними соперничество. Если выкупная рента можетъ быть пріобрѣтаема теперь по 81, то есть изъ $6^3/_4\%$, выкупныя свидѣтельства по 78, т. е. почти изъ $6^1/_2\%$ (въ провинціяхъ же за сказанныя бумаги не даютъ и этой цѣны), если даже банковые 5% билеты покупаются изъ 6% *), если наконецъ билеты внутреннихъ займовъ привлекаютъ къ себѣ милліоны рублей надеждою лотерейнаго выигрыша,

*) Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, ренты и свидѣтельства упали ниже 70, а банковые 5% билеты дошли до 75, то есть покупались изъ $6^2/_3\%$.

то спрашивается: при всеобщемъ у насъ недовѣріи ко всякаго рода частнымъ предпріятіямъ, кому придетъ охота покупать закладные листы иначе, какъ по крайней мѣрѣ изъ $7\frac{1}{2}\%$ или 8% дохода? Да и такихъ покупателей наши помѣщики должны будутъ искать въ столицахъ, слѣдовательно терять еще на коммисію и пересылку. Вспомнимъ, что облигаціи санктпетербургскаго городскаго кредитнаго общества покупаются теперь ниже 75, т. е. почти изъ 7%; между тѣмъ домà въ Петербургѣ, будучи застрахованы и составляя притомъ цѣнность легко реализируемую и которую каждый петербургскій житель можетъ видѣть собственными глазами, представляютъ чрезъ это самое для заимодавцевъ обезпеченіе болѣе вѣрное и болѣе очевидное, чѣмъ неизвѣстныя имъ, въ глуши провинцій лежащія имѣнія, на которыя сверхъ того во многихъ губерніяхъ почти вовсе нѣтъ спроса. Кромѣ упомянутыхъ $7\frac{1}{2}\%$ или 8% на деньги, полученныя за закладной листъ, помѣщикъ долженъ еще будетъ платить примѣрно 1% съ нарицательной цѣны листа собственно въ доходъ банка и на страховую премію (въ запасный капиталъ). Выходитъ слѣдовательно, что занятыя деньги обойдутся помѣщикамъ по малой мѣрѣ въ $8\frac{1}{2}\%$ или 9%, не считая погашенія, а съ погашеніемъ отъ $9\frac{1}{2}\%$ до 10% *). Въ бóльшей части Россіи сельское хозяйство рѣшительно не можетъ выдержать столь дорогаго кредита. Въ мѣстности, мною описываемой, имѣнія, при самомъ хорошемъ устройствѣ, могутъ давать не болѣе $6\frac{1}{2}\%$ дохода. Вообще сельское хозяйство, по самому своему существу чуждое характера спекуляцій и ограниченное въ своихъ доходахъ довольно тѣсными естественными предѣлами, никогда не можетъ выдержать соперничества съ сказанными правительственными финансовыми операціями. Въ силу того же характера земледѣльческой промышленности, одно изъ важныхъ условій поземельнаго кредита состоитъ въ томъ, чтобы онъ не былъ сосредоточиваемъ въ большихъ

*) Соображенія эти вполнѣ оправдались на дѣлѣ: общество взаимнаго поземельнаго кредита, несмотря на то, что получило изъ казны вспомоществованіе въ пять милліоновъ рублей (якобы для содѣйствія водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ), выдаетъ ссуды, обходящіяся заемщикамъ въ $10-11\%$.

коммерческихъ центрахъ, гдѣ денежные обороты получаютъ характеръ биржевой спекуляціи и подвергаются періодическимъ кризисамъ. Но, по всей вѣроятности, бо́льшая часть закладныхъ листовъ нашихъ земскихъ банковъ устремится для размѣна туда же, куда стекаются теперь выкупныя бумаги, то есть въ Петербургъ, Москву, Одессу, слѣдовательно именно въ тѣ мѣста, гдѣ они будутъ подвергаться всѣмъ случайностямъ биржевыхъ спекуляцій. Если въ чемъ иномъ мы отстали отъ Западной Европы, зато опередили ее въ колебаніи денежныхъ цѣнностей и въ спекуляціяхъ биржевой и банкирской игры; въ этомъ отношеніи мы нисколько не уступаемъ теперь Парижу и вѣроятно скоро его перещеголяемъ, такъ какъ наши финансовые успѣхи на сказанномъ поприщѣ совершились не далѣе, какъ въ какія нибудь десять лѣтъ. У насъ биржевые и банкирскіе вельможи, понижая и повышая курсы по своему произволу, играютъ навѣрняка, картами впередъ подтасованными, и обыгрываютъ нашу публику на милліоны рублей. Въ слѣдствіе стачки этихъ господъ съ родственными имъ заграничными банкирами, нашъ вексельный и фондовый курсъ и всѣ наши денежные обороты находятся въ полномъ распоряженіи иностранныхъ спекулянтовъ, которые въ извѣстную минуту даютъ своимъ агентамъ въ Россіи пароль о пониженіи или повышеніи курсовъ. Нити этой разорительной для насъ игры искусно скрыты отъ глазъ нашей публики; она ничего не понимаетъ въ этомъ темномъ омутѣ совершающихся на ея счетъ спекуляцій; насъ кругомъ проводятъ и обсчитываютъ; обсчитываютъ на товарахъ, отправляемыхъ изъ Россіи; обсчитываютъ на товарахъ, привозимыхъ изъ-за границы; обсчитываютъ на нашихъ государственныхъ бумагахъ и на единственныхъ у насъ ассигнаціонныхъ денежныхъ знакахъ. Самой русской публикѣ тутъ ничего не подѣлать; это вопросъ государственный и первостепенной важности. Но не слѣдуетъ же по крайней мѣрѣ самимъ намъ открывать новыхъ путей, посредствомъ которыхъ наши имущества будутъ уходить въ карманы здѣшнихъ и иностранныхъ спекулянтовъ; а такой исходъ неизбѣженъ, если и поземельный нашъ кредитъ будетъ притянутъ, въ видѣ закладныхъ листовъ, къ центрамъ нашихъ биржевыхъ и банкирскихъ оборотовъ. Всероссійскій позе-

мельный банкъ, сосредоточенный въ Петербургѣ, Москвѣ или Одессѣ и выпускающій закладные листы, если бы такой банкъ на нѣкоторое время состоялся, былъ бы огромною фонтанелью, которую наши землевладѣльцы открыли бы на собственномъ тѣлѣ и которая весьма скоро изнурила бы ихъ послѣднія силы, въ пользу нашихъ денежныхъ господъ и повелителей, банкировъ и биржевыхъ спекулянтовъ. Пусть лучше будетъ у насъ кредитъ самый мелкій, ограниченный самыми тѣсными предѣлами и весьма медленно развивающійся, но кредитъ мѣстный, исключительно обращающійся въ своей домашней русской жизни и несостоящій въ рабской зависимости отъ заѣзжихъ и заграничныхъ барышниковъ. Не знаю, нужно ли напоминать еще объ одномъ существенномъ условіи, отъ котораго зависитъ успѣхъ и поземельнаго, и всякаго другаго кредита: условіе это, чтобы въ странѣ уважались договоры и обязательства, и чтобы исполненіе ихъ было вполнѣ обезпечено закономъ и обычаемъ.

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ о взаимномъ поручительствѣ заемщиковъ, которое предполагается ввести въ наши земскіе банки. Условіе это само по себѣ весьма доброе для приданія довѣрія закладнымъ листамъ. Въ Германіи ипотечные банки, основанные крупными землевладѣльцами съ взаимнымъ ихъ поручительствомъ, имѣютъ большой успѣхъ; заемщики-учредители платятъ умѣренные проценты и доселѣ умѣли избѣжать продажи просроченныхъ залоговъ. Тамъ ипотечныя свидѣтельства, или выписки изъ ипотечныхъ книгъ принимаются заимодавцами, какъ настоящія облигаціи. У насъ въ Россіи, при несуществованіи ипотечныхъ и кадастровыхъ описей имѣній, учредители земскихъ банковъ еще болѣе будутъ побуждаемы къ введенію круговой поруки между заемщиками, дабы этимъ способомъ заставить самихъ заемщиковъ вѣрно производить оцѣнку имущества каждаго изъ нихъ и смотрѣть другъ за другомъ въ оба. Но спрашивается: достижимы ли эти цѣли при нашихъ русскихъ понятіяхъ и обычаяхъ? То, что̀ хорошо выходитъ у акуратныхъ нѣмцевъ, выйдетъ ли такъ же хорошо у насъ, русскихъ? Весьма сомнительно. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ мы нигдѣ не обнаружили въ себѣ духа соглашенія и способности къ совокупному веденію общихъ

дѣлъ. Если даже мы внесемъ въ какое нибудь предпріятіе всѣ животы свои и поручимся другъ за друга, то все-таки сообща дѣйствовать не станемъ, а изберемъ нѣкоторыхъ уполномоченныхъ и скажемъ имъ: братія, облекаемъ васъ всѣмъ нашимъ довѣріемъ; цѣните, выдавайте, получайте, имѣйте хожденіе въ присутственныхъ мѣстахъ и у начальствъ, вообще пекитесь о нашемъ и вашемъ достояніи, а насъ оставьте пребывать въ тихомъ и безмятежномъ житіи. Справедливость сказаннаго подтверждается нашими акціонерными компаніями, нашими дворянскими, городскими и земскими выборами, наконецъ всею нашею исторіею. Русскій человѣкъ способенъ дѣлать чудеса, если его поставить такъ, чтобы онъ самъ за себя былъ отвѣтчикъ; но какъ скоро дѣло коснется до соглашеній, взаимной отвѣтственности, взаимнаго надзора, общаго вчинанія, то весьма рѣдко выходитъ что нибудь путное. Многіе, быть можетъ, еще не забыли старую исторію съ харьковскимъ банкомъ, который былъ учрежденъ правительствомъ, если не ошибаюсь, въ 40-хъ годахъ, для выдачи помѣщикамъ ссудъ подъ залогъ сельскихъ продуктовъ. По уставу банка, закладываемые продукты оцѣнивались: уѣзднымъ предводителемъ, исправникомъ (тогда также выборнымъ) и двумя сосѣдними помѣщиками, подъ ихъ совокупною отвѣтственностію. Что̀ же вышло? Эти оцѣнщики-поручители выдавали свидѣтельства на несуществующіе продукты или же оцѣнивали ихъ въ пять и десять разъ дороже стоимости. Когда приходило время уплаты (ссуды выдавались на 9-ть мѣсяцевъ), заемщикъ, не имѣя ни денегъ, ни залога, пріискивалъ новыхъ двухъ сосѣдей, которые, купно съ предводителемъ и исправникомъ, выдавали ему свидѣтельство на другіе, также несуществующіе продукты. Помѣщикъ полученными деньгами уплачивалъ прежнюю ссуду, а самъ въ свою очередь ручался за своихъ сосѣдей-поручителей. За однимъ помѣщикомъ значилось въ залогѣ канареичнаго сѣмени на 20,000 рублей! Это можетъ показаться анекдотомъ, а между тѣмъ это дѣйствительно такъ было и каждый харьковскій старожилъ назоветъ вамъ фамилію этого помѣщика. Дѣла шли такимъ способомъ нѣсколько лѣтъ, пока банкъ не обанкротился совершенно. Когда дѣло дошло до разбора, то казна едва ли вернула пятую часть розданныхъ

суммъ; но серьёзной отвѣтственности, какъ кажется, никто не подвергся. При такихъ обычаяхъ, можно ли ручаться, что имущества, закладываемыя въ земскомъ банкѣ, будутъ оцѣниваться вѣрно самими заемщиками, или что нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ не похудѣютъ со временемъ, посредствомъ разныхъ махинацій? А въ такомъ случаѣ придется исправному и честному плательщику отвѣчать за неисправныхъ и ловкихъ неплательщиковъ. Вотъ почему у насъ круговая порука не только не есть условіе обезпечивающее, но есть, напротивъ того, условіе весьма ненадежное и опасное. Какъ каждый человѣкъ въ своихъ частныхъ дѣлахъ долженъ брать въ расчетъ свой личный характеръ, такъ и въ общественныхъ предпріятіяхъ необходимо справляться съ національными и мѣстными нравами и привычками участниковъ предпріятія. Вспомнимъ сѣверо-американцевъ; у нихъ все въ высшей степени національно и своеобразно: ихъ школы были бы никуда негодны въ Европѣ; ихъ юстиція привела бы въ ужасъ европейскихъ юристовъ; ихъ предразсудки и племенныя антипатіи заставили бы отвернуться самаго отсталаго европейца; ихъ понятія о личной свободѣ бѣлаго человѣка испугали бы своею радикальностію наирадикальнѣйшаго англичанина. А между тѣмъ эта нація идетъ впередъ, и идетъ не наобумъ, а твердо, расчитанно и неуклонно, потому именно, что она никому не подражаетъ и всегда остается вѣрною своей природѣ, вырабатывая и совершенствуя ее съ неутомимою настойчивостію. Помѣщики, съ которыми случалось мнѣ говорить о взаимномъ ручательствѣ заемщиковъ, сами хорошо понимаютъ достоинство нашей русской круговой поруки и смотрятъ на нее съ недовѣріемъ и боязнію. Въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано, какъ смотрятъ на круговую поруку крестьяне и къ какимъ повела она явленіямъ въ ихъ средѣ.

Но неужели же для нашихъ провинцій невозможенъ никакой кредитъ, тогда какъ необходимость его для всѣхъ очевидна, а отсутствіе его тяжело отзывается и на помѣщикахъ, и на крестьянахъ, и на торговомъ сословіи? Опытъ другихъ странъ показываетъ, что для существованія кредита нѣтъ необходимости, чтобы страна находилась на высокой степени экономическаго развитія, ибо формы кредита

разнообразны и могутъ быть примѣнены ко всякаго рода естественнымъ и общественнымъ условіямъ. Одно только условіе положительно необходимо для всякаго кредита: это условіе, о которомъ было уже прежде мною упомянуто, состоитъ въ томъ, чтобы въ странѣ уважались договоры, и чтобы исполненіе ихъ было вѣрно для обѣихъ сторонъ. Никакой кредитъ немыслимъ тамъ, гдѣ суды нисколько не обезпечиваютъ вѣрности договоровъ и гдѣ для нарушителей права есть тысяча средствъ ускользать отъ отвѣтственности. Если новыя судебныя учрежденія, распространясь на всю Россію, обезпечатъ у насъ со временемъ святость договоровъ и безопасность собственности, то коренное препятствіе къ осуществленію кредита въ нашихъ провинціяхъ будетъ устранено. Затѣмъ останется только изыскать такую форму кредита, которая возможно ближе согласовалась бы съ мѣстными обстоятельствами нашихъ провинцій, а также и съ общими условіями нашего отечества.

Позволяю себѣ высказать здѣсь нѣсколько соображеній о томъ, въ какой формѣ было бы, по моему мнѣнію, возможно осуществленіе кредита въ нашихъ провинціяхъ. Во первыхъ замѣчу, что, при настоящемъ положеніи нашихъ государственныхъ финансовъ, внутренній кредитъ можетъ быть созданъ у насъ только *частными* банками, неимѣющими никакой связи съ правительственными финансовыми учрежденіями, кромѣ, конечно, необходимаго правительственнаго надзора за законностію дѣйствій такихъ частныхъ банковъ. Эта истина сознается теперь у насъ почти всѣми, кто знакомъ съ денежными дѣлами, и потому распространяться о ней было бы излишне. Я уже сказалъ, что въ губерніяхъ, подобныхъ мною описываемой, поземельный кредитъ въ обширномъ видѣ, то есть при посредствѣ закладныхъ листовъ, гарантированныхъ крупною поземельною собственностію, въ настоящее время едва ли вѣроятенъ, потому что въ такихъ мѣстностяхъ помѣщичьи имѣнія приносятъ слишкомъ малый доходъ и спроса на нихъ почти не существуетъ. Но въ то же время наши крестьяне нуждаются въ поземельныхъ угодьяхъ и повсюду обнаруживаютъ довольно бойкій спросъ на *мелкіе* земельные участки. Я уже упоминалъ, что даже въ этой, малонаселенной мѣстности крестьяне

съ охотою работаютъ изъ половины и берутъ отъ помѣщиковъ земельные участки за разныя послуги, иногда за арендную плату. Во многихъ губерніяхъ мѣщане и купцы скупаютъ теперь по дешевой цѣнѣ помѣщичьи земли, преимущественно такъ называемыя отрѣзныя (оставшіяся отъ выдѣла крестьянамъ высшаго надѣла), и потомъ сдаютъ ихъ, за высокую плату, въ аренду крестьянамъ; нерѣдко эта спекуляція такъ бываетъ выгодна для скупщиковъ, что они въ три года возвращаютъ весь затраченный капиталъ. Государственные крестьяне точно также стремятся повсюду брать за себя оброчныя статьи, отдаваемыя въ аренду съ торговъ въ палатахъ государственныхъ имуществъ; но и здѣсь крестьяне весьма часто оттираются кулаками, которые, набивъ цѣну, берутъ потомъ съ тѣхъ же крестьянъ непомѣрную арендную плату. Разумѣется, крестьяне, какъ бывшіе крѣпостные, такъ и государственные, если бы имѣли денежныя средства, предпочли бы пріобрѣсть нужныя имъ угодья въ полную собственность; будучи же сами и собственниками, и работниками, они придали бы этимъ участкамъ гораздо бо́льшую степень доходности, чѣмъ какую они имѣютъ теперь, въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ или казны. Такимъ образомъ сами обстоятельства указываютъ, что у насъ кредитъ долженъ придти на помощь прежде всего мелкимъ поземельнымъ участкамъ и непосредственнымъ производителямъ — крестьянамъ; онъ долженъ, подобно дождевой водѣ, раздробиться и проникнуть въ глубину земледѣльческаго класса, до самыхъ корней нашихъ производительныхъ силъ. Если бы въ какой нибудь губерніи устроился мѣстный банкъ, который за умѣренные проценты ссужалъ бы крестьянамъ деньги для покупки угодій и подъ залогъ этихъ самыхъ угодій, съ правомъ уплачивать долгъ постепенными ежегодными погашеніями, то такой банкъ не только былъ бы благодѣяніемъ для крестьянъ, но принесъ бы очевидную пользу и помѣщикамъ, ибо придалъ бы цѣнность ихъ землямъ, лежащимъ теперь втунѣ, и снабдилъ бы ихъ деньгами для улучшенія собственнаго ихъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ такіе обороты не представляли бы риска и для учредителей банка, такъ какъ ссуды, ими выдаваемыя, были бы обезпечены мелкими земельными участками, на которые существуетъ постоян-

ный спросъ и которые поэтому легче бы было реализировать, чѣмъ крупную поземельную собственность. Съ другой стороны, ничто не препятствовало бы такому банку давать и помѣщикамъ *краткосрочныя* ссуды наличными деньгами, подъ залогъ ихъ земель или продуктовъ. Для нашихъ помѣщиковъ гораздо нужнѣе и полезнѣе краткосрочный кредитъ небольшими суммами, чѣмъ долговременныя и крупныя ссуды. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится въ настоящее время сельское хозяйство въ Россіи, капитальныя затраты не вознаграждались бы получаемымъ доходомъ. Большинство помѣщиковъ вовсе и не думаетъ строить фабрикъ и заводовъ или дѣлать какія-либо другія значительныя затраты; имъ нуженъ лишь небольшой оборотный капиталъ, который доставилъ бы имъ рабочія руки и позволилъ бы сдѣлать нѣкоторыя необходимыя улучшенія въ текущемъ хозяйствѣ. Въ земледѣльческой промышленности финансовый кругооборотъ есть годъ, много два. Заемъ, дѣлаемый для такихъ цѣлей, можетъ быть уплаченъ въ непродолжительное время, хотя бы и при нѣсколько высшемъ процентѣ, чѣмъ въ долгосрочныхъ ссудахъ. Съ другой стороны, самая незначительность краткосрочной ссуды, сравнительно со всею стоимостію помѣщичьяго имѣнія, увеличиваетъ для банка вѣроятіе, что она будетъ уплачена своевременно и что не представится необходимости прибѣгать къ продажѣ залога. Такимъ образомъ банкъ дѣлалъ бы крестьянамъ долгосрочныя ссуды подъ залогъ покупаемыхъ ими мелкихъ земельныхъ участковъ, и въ то же время доставлялъ бы помѣщикамъ краткосрочныя ссуды подъ залогъ ихъ земель и продуктовъ. Эти два вида кредита соотвѣтствовали бы какъ истиннымъ потребностямъ обоихъ классовъ, такъ и свойствамъ закладываемыхъ имуществъ. Но спрашивается: откуда же банкъ достанетъ денегъ для раздачи въ ссуду крестьянамъ и помѣщикамъ? Крупные капиталы въ нашихъ провинціяхъ весьма рѣдки; но зато тамъ есть немало мелкихъ сбереженій, которыя, не находя себѣ помѣщенія, лежатъ непроизводительно въ сундукахъ и подпольяхъ. Вслѣдствіе той же невозможности выгоднаго помѣщенія, во всѣхъ классахъ народа значительная масса денегъ уходитъ, какъ вода межъ пальцевъ, растрачивается на пустяки или пропивается въ кабакахъ. Кромѣ

того, въ каждой губерніи найдутся такъ называемые инвалидные капиталы, иногда довольно значительные, принадлежащіе малолѣтнимъ, женщинамъ и различнымъ общественнымъ и духовнымъ учрежденіямъ. Банкъ могъ бы привлечь къ себѣ всѣ эти непроизводительные капиталы, принимая вклады на срокъ изъ процентовъ или на храненіе до востребованія и открывая текущій счетъ. Сверхъ того банкъ могъ бы заниматься учетомъ векселей, переводомъ денегъ, полученіемъ платежей и вообще коммисіонными операціями, а также давалъ бы ссуды подъ залогъ движимыхъ цѣнностей и бумагъ и подъ личный кредитъ. Однимъ словомъ, такой банкъ соединялъ бы поземельный кредитъ съ коммерческимъ и промышленнымъ, и притомъ доставлялъ бы кредитъ дробный и доступный всѣмъ классамъ. Такая именно форма кредита нужна для нашихъ провинцій и, какъ кажется, могла бы осуществиться при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Кредитъ чисто поземельный есть уже послѣдствіе высокой цѣнности земли; у насъ же нуженъ кредитъ именно для того, чтобы придать землѣ цѣнность. Эта послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута, вопервыхъ, оживленіемъ промышленной и коммерческой дѣятельности въ нашихъ провинціяхъ и во вторыхъ — болѣе производительнымъ распредѣленіемъ поземельной собственности, то есть распредѣленіемъ, болѣе согласованнымъ съ силами и потребностями производителей. Соединеніе коммерческаго кредита съ поземельнымъ могло бы вести къ такому результату. Не надобно также забывать, что кредитъ чисто поземельный, съ своими строгими уставами и со своею обязанностію обращать вниманіе только на одну ипотеку, никогда не проникнетъ далеко въ массу народа и не отыщетъ тѣхъ мелкихъ капиталовъ, которые легко можетъ получить въ свое распоряженіе кредитъ коммерческій, ненаблюдающій большихъ формальностей, принимающій въ соображеніе не одну ипотеку, но и личность своихъ контрагентовъ, и характеръ различнаго рода предпріятій. Съ своой стороны поземельный элементъ придалъ бы банковымъ оборотамъ ту устойчивость, которой не имѣетъ кредитъ чисто торговый. Опытъ показалъ, что банки, ограничивающіе свои дѣла одною торговлею и большими торговыми городами, часто подвергаются колебаніямъ своихъ наличныхъ кассъ и рѣдко могутъ устоять

противъ искушеній биржевой спекуляціи и ажіотажа, тогда какъ банки, опирающіеся на земледѣльческое сословіе, хотя и не могутъ производить обширныхъ оборотовъ, но зато не страдаютъ отъ тѣхъ денежныхъ кризисовъ, которые періодически повторяются въ большихъ торговыхъ городахъ и разоряютъ самыя повидимому прочныя банкирскія фирмы. Банки, соединяющіе торговый кредитъ съ поземельнымъ и доступные мелкимъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ, имѣли бы и въ нравственномъ отношеніи благодѣтельное вліяніе на всѣ сословія: они пріучили бы жителей къ сбереженіямъ и къ правильнымъ торговымъ оборотамъ, научили бы ихъ надѣяться болѣе на медленные, но вѣрные плоды труда и бережливости, чѣмъ на случайные барыши рискованныхъ и часто нечестныхъ спекуляцій. Шотландскіе банки, существующіе уже болѣе столѣтія, были истиннымъ благодѣяніемъ для страны: распространивъ свои конторы по городамъ и селеніямъ, они привлекли къ себѣ всѣ свободные капиталы Шотландіи, но для того, чтобы снова отдать ихъ странѣ, открывъ кредитъ земледѣлію и торговлѣ. Шотландскіе банки начинались обыкновенно съ самыхъ скромныхъ размѣровъ. Когда какой нибудь банкъ собиралъ, сверхъ основнаго фонда, достаточное количество вкладовъ, онъ открывалъ въ одномъ изъ небольшихъ городовъ или въ значительномъ селеніи вспомогательное отдѣленіе. Директоромъ посылался умный и честный прикащикъ. Онъ обязанъ былъ изслѣдывать промышленныя и земледѣльческія средства мѣстности и содѣйствовать ихъ развитію открытіемъ кредита жителямъ, подъ залогъ недвижимостей или подъ личное поручительство. При содѣйствіи банковаго отдѣленія, землевладѣлецъ удобрялъ свою землю и улучшалъ свой бытъ; сосѣди, подражая ему, также кредитовались въ отдѣленіи и заводили въ немъ текущій счетъ. Вскорѣ новое отдѣленіе, непокрывавшее сперва своихъ расходовъ, приносило уже барыши своимъ учредителямъ. Шотландія, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ этихъ банковъ, перемѣнила свой видъ и, можно сказать, свою почву, которая сдѣлалась одною изъ плодороднѣйшихъ и наилучше воздѣланныхъ въ мірѣ. Ея земледѣльческій классъ получилъ ту увѣренность въ себѣ и смѣлую предпріимчивость, которыя такъ замѣтно отличаютъ его отъ земледѣльцевъ англійскихъ.

Успѣхъ шотландскихъ банковъ не былъ дѣломъ случая или слѣпой рутины: онъ былъ дѣломъ ума, глубокихъ знанiй и строгаго изслѣдованiя благонадежности тѣхъ помѣщенiй, которымъ банки ввѣряли свои капиталы. Не надобно однако думать, чтобы я считалъ возможнымъ для нашихъ провинцiй имѣть банки совершенно одинаковые съ шотландскими. Эти послѣднiе принадлежатъ къ такъ называемымъ *оборотнымъ* банкамъ, то есть они имѣютъ право выпускать свои собственные билеты на предъявителя, съ обязанностiю размѣнивать ихъ, немедленно по предъявленiи, на звонкую монету. Понятно, что наши банки по необходимости будутъ лишены этого права, составляющаго одно изъ могущественнѣйшихъ орудiй частнаго кредита. У насъ одному государственному банку принадлежитъ монополiя выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, и притомъ знаковъ неразмѣнныхъ. Если бы даже правительство и дало частнымъ банкамъ право выпускать свои билеты, то это право, было бы неосуществимо и не имѣло бы смысла въ странѣ, гдѣ вся масса обращающихся денегъ почти исключительно состоитъ изъ ассигнацiй, которыя притомъ сами не имѣютъ постоянной цѣнности. Но частный кредитъ можетъ принимать формы, примѣнимыя ко всякаго рода мѣстнымъ условiямъ. Совершеннѣйшая изъ его формъ, представляемая оборотными банками, существуетъ доселѣ только въ Шотландiи и Сѣверной Америкѣ. Если наши провинцiальные банки и не могутъ выпускать билетовъ на предъявителя, то ничто однако не мѣшаетъ имъ соединить, какъ въ шотландскихъ банкахъ, кредитъ торговый съ поземельнымъ. Въ этомъ смыслѣ я и привелъ въ примѣръ шотландскiе банки. У насъ въ Россiи поземельный элементъ долженъ однако войти гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Шотландiи, въ организацiю банковъ. Въ шотландскихъ банкахъ ссуды подъ залогъ земель составляютъ операцiю лишь добавочную къ другимъ оборотамъ банковъ; у насъ же поземельныя ссуды крестьянамъ должны быть, по крайней мѣрѣ на первое время, главною цѣлiю мѣстныхъ банковъ, какъ потому, что у насъ прежде всего необходимо дать поземельной собственности болѣе производительное распредѣленiе, дать землю празднымъ рукамъ и привлечь работниковъ на втунѣ лежащiя земли, такъ и потому, что въ настоящее время мелкiе земельные участки крестьянъ представляли

бы для нашихъ провинціальныхъ банковъ самое вѣрное помѣщеніе. Для предполагаемыхъ банковъ главный вопросъ заключается въ томъ, въ состояніи ли они будутъ привлечь къ себѣ такое количество вкладовъ, и въ особенности вкладовъ долгосрочныхъ, чтобы они могли безопасно дѣлать долгосрочныя ссуды подъ залогъ мелкихъ земельныхъ участковъ, другими словами—могутъ ли эти банки расчитывать на довѣріе мѣстныхъ жителей? Довѣріе это будетъ зависѣть прежде всего отъ личности учредителя или учредителей банка. Надобно замѣтить, что предполагаемая форма кредита, будучи самою полезною для промышленности и земледѣлія, есть въ то же время самая трудная для банкира: она требуетъ отъ него глубокаго знанія банкирскаго искусства, строгаго обсужденія дѣлаемыхъ помѣщеній, изученія не только земледѣльческихъ и промышленныхъ средствъ мѣстности, но и самыхъ личностей, съ которыми онъ вступаетъ въ сношенія. Онъ будетъ имѣть дѣло съ людьми, неимѣющими еще понятія объ истинномъ кредитѣ, ни о правильныхъ оборотахъ промышленности и торговли; на банкира ляжетъ тяжелая обязанность учить тому и другому мѣстныхъ жителей и быть, такъ сказать, піонеромъ и поощрителемъ производительности и торговли. Такому банкиру часто придется дѣйствовать въ мѣстности мало населенной, съ худо воздѣланною почвою, гдѣ недостаетъ сбыта, гдѣ самыя повидимому раціональныя, но дорого стоющія улучшенія въ хозяйствѣ могутъ вести къ разоренію предпринимателей. Сколько опасностей и риска для банкира, какая должна быть съ его стороны осторожность въ помѣщеніяхъ, какая предусмотрительность, чтобы всегда держать свой активъ въ уровень съ пассивомъ! Способности такого банкира должны настолько же превышать способности учредителей чисто-поземельнаго банка, выдающаго одни лишь закладные листы, на сколько первое предпріятіе труднѣе, рискованнѣе и полезнѣе втораго. Учредители поземельнаго банка съ закладными листами ничѣмъ не рискуютъ, барыши ихъ вѣрны, вся забота состоитъ только въ прiисканiи возможно-бо́льшаго числа заемщиковъ; весь же рискъ и всѣ хлопоты падаютъ на заемщиковъ, принужденныхъ искать покупателей для своихъ закладныхъ листовъ и продавать ихъ по той цѣнѣ, какую имъ предложатъ, да еще вдобавокъ, въ случаѣ круговой

поруки, отвѣчать своею собственностію за неисправность другихъ заемщиковъ или за невѣрную оцѣнку залоговъ. Можно сказать, что въ этихъ двухъ видахъ банковъ относительныя роли банкировъ къ заемщикамъ совершенно обратны. Далѣе, собственный капиталъ учредителей торгово-поземельнаго банка долженъ быть сравнительно гораздо значительнѣе, чѣмъ при всякой другой формѣ кредита, ибо, при долгосрочныхъ ссудахъ подъ залогъ земель, банковыя операціи идутъ медленно, ликвидируются трудно и отсрочки реализацій почти неизбѣжны. Наконецъ учредители провинціальныхъ торгово-поземельныхъ банковъ должны быть совершенно чужды духа биржевыхъ спекуляцій, присущаго всѣмъ банкирамъ большихъ торговыхъ городовъ. Интересы учредителей предполагаемыхъ банковъ тѣсно связаны съ интересами земледѣльцевъ и промышленныхъ предпринимателей; учредители должны ждать своихъ выгодъ отъ развитія труда и торговли въ данной мѣстности, а не отъ биржевой игры на курсы; ихъ прямой интересъ въ томъ, чтобы денежныя сдѣлки имѣли ходъ спокойный, безъ внезапныхъ повышеній и пониженій курса, чтобы капиталы доставались рукамъ самымъ трудолюбивымъ и предпріятіямъ самымъ благонадежнымъ. Не таковъ способъ дѣйствія банкировъ-спекулянтовъ: они стараются искусственно производить колебаніе курсовъ; они не любятъ капиталовъ, честно употребляемыхъ на производство и медленно приносящихъ умѣренный доходъ; напротивъ того, они привлекаютъ капиталы къ игрѣ и ажіотажу, стараются распространять въ обществѣ любовь къ рискованнымъ спекуляціямъ и къ быстрымъ выиграшамъ безъ всякаго труда; они, въ большомъ видѣ, тѣ же ростовщики, или такъ называемые у насъ закладчики, которые тѣмъ больше благоденствуютъ, чѣмъ запутаннѣе денежныя дѣла въ обществѣ и чѣмъ больше въ немъ безумныхъ расточителей и разоренныхъ несчастіями семействъ. Спрашивается: есть ли вѣроятіе, чтобы у насъ могли въ настоящее время явиться люди, соединяющіе въ себѣ высокое финансовое и политико-экономическое образованіе, честность, духъ предпріимчивости, практическое знаніе банкирскаго искусства, обладаніе болѣе или менѣе значительнымъ капиталомъ, однимъ словомъ, соединяющіе въ себѣ всѣ качества, необходимыя для учредителей провинціальныхъ

банковъ въ сказанной формѣ? Кому изъ читателей не приходитъ въ эту минуту мысль, что вѣроятіе такое весьма слабо въ настоящую минуту? Упомянутыя требованія слишкомъ превышаютъ и уровень образованности, и понятія о барышахъ нашего купеческаго сословія. Впрочемъ оно, въ предѣлахъ своего пониманія и опытности, показало себя съ довольно выгодной стороны учрежденіемъ множества городскихъ банковъ, основанныхъ преимущественно для торговыхъ цѣлей и далеко неимѣющихъ такой сложной и трудной организаціи, какъ банки торгово-поземельные. Далѣе этихъ опытовъ въ банкирскомъ дѣлѣ едва ли можетъ идти въ настоящее время наше купеческое сословіе. Дворянство наше держало себя доселѣ вдали отъ всякаго родъ коммерческихъ и банкирскихъ дѣлъ, и потому не пріобрѣло нужныхъ для сего свѣдѣній и опытности; притомъ же оно не отличается духомъ предпріимчивости. Читатель скажетъ: не стоило же и толковать такъ долго объ этихъ банкахъ, если предвидѣлось такое печальное заклю-ключеніе. Но я и самъ смотрю на изложенныя выше мысли о банкахъ, какъ на разсужденіе чисто теоретическое, и вовсе не думалъ писать проекта торгово-поземельныхъ банковъ. Я желалъ только сказать, какого рода банки были бы, по моему мнѣнію, всего необходимѣе и полезнѣе для Россіи и могли бы осуществиться при такихъ-то условіяхъ. Если нѣкоторыя изъ этихъ условій еще не существуютъ въ настоящую минуту, то они однако же вполнѣ возможны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. За границею живетъ теперь много молодыхъ людей изъ нашего дворянства. Неужели не найдется между ними нѣсколькихъ человѣкъ, которые посвятили бы себя серьёзному и практическому изученію банкирскаго дѣла, обѣщающаго имъ прибыльную и почетную дѣятельность въ ихъ отечествѣ? Нельзя же думать, чтобы всѣ образованные люди нашего молодаго поколѣнія, живущіе за границею, считали полезною и достойною себя дѣятельностію только переводъ на русскій языкъ иностранныхъ книгъ, иногда весьма сомнительнаго достоинства, или доставленіе легонькихъ корреспонденцій въ наши журналы и газеты. Даже и въ настоящее время могутъ случайно явиться въ какой нибудь мѣстности Россіи люди, соединяющіе въ себѣ всѣ требуемыя условія, и основать торгово-поземельный банкъ.

У насъ же въ Россiи главное дѣло въ починѣ, а если починъ окажется успѣшенъ, то и въ подражателяхъ недостатка не будетъ. Наконецъ, если лица, практически изучившiя банкирское дѣло, и не въ состоянiи будутъ открыть торгово-поземельныхъ банковъ на одни собственныя средства, то имъ могутъ оказать поддержку земства, какъ вложенiемъ своихъ капиталовъ въ частные банки, такъ и извѣстною долею надзора за ихъ дѣйствiями. Чрезъ это земства много могутъ содѣйствовать прiобрѣтенiю для сказанныхъ банковъ довѣрiя со стороны мѣстныхъ жителей. Что же касается до самихъ жителей, то есть дворянства, крестьянъ и торговаго класса, то нѣтъ никакого основанiя предполагать, чтобы они не обратились съ довѣрiемъ къ учрежденiю, выгоды котораго для всѣхъ будутъ ясны, лишь бы только само учрежденiе умѣло возбудить и поддержать къ себѣ довѣрiе. Разумѣется, широкой дѣятельности, громадныхъ оборотовъ, миллiонныхъ барышей нельзя обѣщать нашимъ провинцiальнымъ банкамъ. Кредитъ ихъ, какъ было уже сказано, будетъ преимущественно дробный; они должны будутъ не отказываться отъ самыхъ мелкихъ вкладовъ, принимать самыя незначительныя коммисiи, выдавать ссуды иногда въ какую нибудь полсотню рублей. Только этимъ способомъ и могутъ они прiобрѣсть право гражданства и упрочиться среди нашего сѣраго провинцiальнаго люда, съ его скудными достатками, съ его тощею производительностiю и незатѣйливою коммерцiею. Но зато можно положительно сказать, что эти провинцiальные банки будутъ долговѣчнѣе проектируемыхъ теперь обширныхъ всероссiйскихъ кредитныхъ предпрiятiй, расчитывающихъ свои обороты на сотни миллiоновъ рублей и кругъ своей дѣятельности на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, желающихъ имѣть великолѣпныя конторы, дорогихъ директоровъ и огромные дивиденды для учредителей, безъ всякаго труда и риска со стороны послѣднихъ. Кредитъ есть своего рода повозка, облегчающая передвиженiе цѣнностей и обмѣнъ услугъ; но повозка, чтобы быть годною для употребленiя, должна быть приноровлена къ существующимъ въ странѣ дорогамъ. Громадный дилижансъ, несущiйся въ галопъ по заграничнымъ шоссейнымъ дорогамъ, засѣлъ бы немедленно на нашихъ проселкахъ и переломалъ бы свои дорогiя оси и рессоры на нашихъ гатяхъ и мостахъ, на долю

которыхъ также досталось бы не мало проваловъ и проломовъ. Есть у насъ къ тому же и пословица: по одежкѣ протягивай ножки.

Въ апрѣлѣ 1870 г., слѣдовательно уже спустя два съ половиною года послѣ того, какъ появились впервые мои настоящія замѣтки о торгово-поземельныхъ банкахъ, былъ напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ проектъ положенія *о земскихъ банкахъ*, внесенный 7-го апрѣля 1870 г. министромъ финансовъ на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ. Для избѣжанія смѣшенія понятій, считаю не безполезнымъ замѣтить, что между этими проектированными правительствомъ земскими банками и предполагаемыми мною торгово-поземельными находится большое различіе. Я предполагаю банки *частные*, основанные на частные капиталы и дѣйствующіе совершенно самостоятельно, на страхъ и отвѣтственность своихъ учредителей. Правительство утверждаетъ лишь ихъ уставъ, опредѣляетъ предѣлъ оборотовъ, далѣе котораго они не должны заходить, и наблюдаетъ за законностію ихъ дѣйствій. Земства, если пожелаютъ, могутъ быть вкладчиками въ эти банки, наравнѣ съ учредителями, и слѣдовательно имѣть свою долю въ наблюденіи за ихъ дѣйствіями и пользоваться правомъ назначать своихъ уполномоченныхъ въ управленіе банковъ. Этимъ и должно бы, по моей мысли, ограничиваться участіе земства въ сказанныхъ банкакъ. По проекту же министерства финансовъ, земскіе банки не суть самостоятельныя частныя учрежденія, несущія на себѣ всю кредитную отвѣтственность за свои обороты, а должны составлять одну изъ отраслей земскаго самоуправленія. Директоры этихъ банковъ будутъ назначаемы земскими собраніями и сами не будутъ нести никакой кредитной отвѣтственности за свои дѣйствія, а за всѣ ихъ ошибки, неудачи и злоупотребленія будутъ отвѣчать всѣ земскіе плательщики своими собственными имуществами. Однимъ словомъ, учредителемъ и отвѣтчикомъ въ такихъ банкахъ будетъ земство, въ его собирательномъ смыслѣ, а распорядителями — выбираемые земствомъ директоры. Слѣдовательно это то же самое, что существующіе нынѣ городскіе банки, гдѣ также отвѣтчиками являются всѣ лица, приписанныя къ городскому сословію и владѣющія недвижимою собственностію въ городахъ, а распорядителями — выбираемые городскимъ

сословіемъ директоры. Земскіе и городскіе банки, относительно своей губерніи или города, то же, что нашъ государственный банкъ относительно всей Россіи. Управляющій и директоры государственнаго банка также не отвѣтствуютъ своими капиталами и имуществомъ за неудачу операцій банка; единственнымъ отвѣтчикомъ является казна, т. е. всѣ русскіе подданные, платящіе изъ своего имущества прямые и косвенные налоги въ казну. Между государственнымъ банкомъ, съ одной стороны, и земскими и городскими, съ другой, существуетъ однако то различіе, что директоры земскихъ и городскихъ банковъ, за свои неудачи или злоупотребленія, могутъ быть отрѣшены отъ должности и даже подвергнуты судебной отвѣтственности по приговору земскихъ и городскихъ собраній; администраторы же государственнаго банка не подлежатъ вовсе никакому контролю со стороны плательщиковъ государственныхъ налоговъ. Не входя въ обсужденіе самыхъ основаній нашихъ городскихъ и проектированныхъ земскихъ банковъ, замѣчу только, что они, представляя сильнѣйшую конкуренцію для предполагаемыхъ мною частныхъ банковъ, дѣлая эти послѣдніе почти невозможными на ряду съ собою, далеко не обѣщаютъ однако такой доступности мелкаго кредита, такой энергіи дѣйствій, такой такъ сказать популярности въ средѣ мѣстнаго населенія, какъ банки частные. Таково уже свойство всѣхъ тѣхъ коммерческихъ и финансовыхъ предпріятій, которыми завѣдуютъ люди, состоящіе на жалованьи, неотвѣтствующіе собственными достатками за неудачу предпріятія, однимъ словомъ — распоряжающіеся не своею собственностію. Правда, интересы кредиторовъ, или вкладчиковъ надежнѣе обезпечены въ банкахъ городскихъ и земскихъ, чѣмъ въ банкахъ частныхъ; потому-то послѣдніе и не могутъ выдержать соперничества съ первыми. Но зато для заемщиковъ банки государственный, земскіе и городскіе представляютъ, вообще говоря, болѣе тяжелыя условія, чѣмъ банки частные, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ администрація стоитъ несравненно дешевле и формальности менѣе сложны. Притомъ есть и другая, гораздо болѣе невыгодная сторона въ земскихъ банкахъ: ихъ распорядители получаютъ огромное право дѣлать всѣхъ земскихъ плательщиковъ извѣстной мѣстности отвѣтчиками за неудачу или не-

правильность дѣйствій распорядителей, другими словами — получаютъ право дѣлать на земскихъ плательщиковъ налогъ, тогда какъ сами плательщики не участвуютъ непосредственно ни въ управленіи банкомъ, ни въ его барышахъ. Необинуясь можно сказать, что въ странахъ, гдѣ право собственности и святость договоровъ твердо ограждены законами и учрежденіями и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ развитъ уже до нѣкоторой степени духъ личной предпріимчивости, тамъ всѣ преимущества находятся на сторонѣ частныхъ банковъ, а банки въ родѣ нашихъ земскихъ едва ли могутъ долго существовать. Но въ такой странѣ, какъ наша Россія въ настоящее время, гдѣ частные банки внутри провинцій и на тѣхъ началахъ, которыя мною предположены, могутъ осуществиться только въ особо благопріятныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, нельзя не признать, что начало мѣстному кредиту скорѣе всего можно положить посредствомъ городскихъ и земскихъ банковъ, несмотря на то, что эта форма банковъ есть такъ сказать форма патріархальная или первобытная. Если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти банки лопнутъ и земскіе собственники поплатятся за директоровъ своими деньгами, то все же этотъ урокъ будетъ имѣть ту своего рода выгоду, что выяснитъ нашимъ земскимъ сословіямъ преимущества частныхъ банковъ. Не пройдя чрезъ ступень патріархальныхъ земскихъ банковъ, быть можетъ наше земство никогда бы и не пришло къ сознанію необходимости частныхъ банковъ.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе относительно изложенной мною системы кредита. Въ извѣстной части нашей литературы есть обычай доискиваться въ каждой высказываемой мысли какой нибудь сокровенной и неблаговидной цѣли. Въ силу такого обычая, могутъ мнѣ сказать: вы желаете, чтобы, съ помощію проектируемыхъ вами банковъ, дворянскія имѣнія раздробились и перешли въ мужицкія руки, слѣдовательно вы желаете уничтоженія поземельнаго дворянства; притомъ же извѣстно и признано всѣми, что крупная поземельная собственность гораздо благопріятнѣе мелкой для улучшенія сельскаго хозяйства. На это я во первыхъ отвѣчу, что если бы наше поземельное дворянство какими нибудь судьбами уничтожилось, то, по моему убѣжденію, Россія оказалась бы на трехъ колесахъ, и надъ ея умствен-

нымъ и гражданскимъ бытомъ легъ бы безразличный уровень темной и мало подвижной массы. Но отъ того, что нѣкоторая, втунѣ лежащая часть дворянскихъ земель перейдетъ въ руки непосредственныхъ производителей, крестьянъ, дворянство не только не уничтожится, но получитъ средства поставить на ноги свое собственное хозяйство, улучшить производительность остающихся у него земель. Дворяне все-таки будутъ самыми крупными землевладѣльцами, но только въ ихъ сосѣдствѣ возникнетъ еще классъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ — земледѣльцевъ. Чѣмъ зажиточнѣе и дѣятельнѣе будутъ эти сосѣди, чѣмъ быстрѣе будетъ увеличиваться процентъ ихъ приращенія, тѣмъ болѣе выиграетъ въ цѣнѣ крупная дворянская собственность, тѣмъ болѣе завяжется между обоими сословіями сдѣлокъ и взаимныхъ услугъ. Никому нѣтъ выгоды имѣть въ своемъ сосѣдствѣ голь и убожество, которыя, часто именно въ слѣдствіе безвыходности своего положенія, предаются безпечности, праздности, пьянству и незаконнымъ поползновеніямъ на чужую собственность. Выгоды обоихъ сословій, дворянскаго и крестьянскаго, тѣсно между собою связаны; каждое изъ этихъ сословій имѣетъ интересъ въ томъ, чтобы вблизи его крѣпчало и благоденствовало другое. Самый опасный и нежелательный оборотъ для дворянства и для всего нашего сельскаго быта будетъ тотъ, когда помѣщики, видя невозможность справиться съ своими многоземельными, но безденежными хозяйствами, махнутъ на нихъ рукою, разъѣдутся по городамъ и за границу, а крестьяне, при увеличеніи народонаселенія, окажутся въ невозможности существовать своими надѣлами; тогда, по всей вѣроятности, дворянскія помѣстья перейдутъ въ руки разжившихся кулаковъ и аферистовъ, а крестьяне очутятся у нихъ въ кабалѣ, которая въ матеріальномъ отношеніи будетъ еще горше, чѣмъ прежнее крѣпостное право. Что же касается до того, какая поземельная собственность выгоднѣе для производительности, крупная или мелкая, то споры по этому вопросу я считаю безполезнѣйшею тратою словъ, подобно спорамъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землею. Крупная или мелкая поземельная собственность, точно такъ же какъ общинное или личное владѣніе землею, суть историческіе факты, а не результаты какой нибудь доктрины; они

зависятъ отъ времени и обстоятельствъ; измѣнившіяся обстоятельства измѣняютъ и эти факты. Для государства и для производительности хороша всякая поземельная собственность, которая въ состояніи сама себя поддерживать и не есть монополія, то есть стѣсненіе чужаго права и чужаго благосостоянія. Если крупная собственность, не будучи монополіею, процвѣтаетъ въ государствѣ, то этимъ самымъ она доказываетъ свою полезность и свое право на дальнѣйшее существованіе; она становится въ такомъ случаѣ центромъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній и большихъ промышленныхъ предпріятій, которыя были бы не подъ силу мелкой собственности. Но если большая поземельная собственность не въ состояніи сама себя поддерживать, если она чахнетъ и клонится къ запустѣнію, то было бы крайне неблагоразумно, въ силу какого нибудь отвлеченнаго и неоправдываемаго на дѣлѣ принципа, стараться удерживать такой невыгодный для государства порядокъ и противиться болѣе производительному распредѣленію поземельной собственности. Повторяемъ, такое болѣе равномѣрное и болѣе производительное распредѣленіе земли не только не заключаетъ въ себѣ поводовъ къ ослабленію помѣстнаго дворянства, но можетъ еще поддержать и упрочить его благосостояніе: дворянскія помѣстья выдѣлять только изъ себя излишнія земли, чтобъ обезпечить существованіе будущихъ поколѣній крестьянъ, будущихъ работниковъ въ дворянскихъ имѣніяхъ; собственныя же хозяйства помѣщиковъ, получивъ денежную подмогу и сосредоточась на меньшемъ пространствѣ, тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ и больше энергіи, и больше раціональности въ своемъ веденіи. Что крупная поземельная собственность сама по себѣ не составляетъ еще условія для хорошей производительности, доказательствомъ тому служатъ Ирландія и Испанія. Если не ошибаюсь, въ этихъ двухъ странахъ существуетъ самая крупная поземельная собственность въ Европѣ, конечно относительно общаго пространства этихъ государствъ. Ирландская нищета извѣстна всѣмъ и вошла въ пословицу. Нѣкоторую часть Испаніи я видѣлъ собственными глазами и былъ пораженъ рѣзкою противоположностью этой страны съ сосѣднею ей южною Франціею: на сѣверъ отъ Пиренеевъ взоръ услаждается видомъ превосходно воздѣланныхъ земель и общаго благосостоянія

жителей; на югъ — видишь только бѣдность и запустѣніе. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи земли обработаны хуже, чѣмъ въ самыхъ бѣдныхъ изъ нашихъ губерній; тамошніе крестьяне не употребляютъ даже колесъ, замѣняя ихъ деревянными кругами съ просверленною посреди ихъ дырою, для надѣванія на ось. Считаю также совершенно безполезнымъ распространяться о другомъ мнѣніи, высказываемомъ иногда людьми партіи или отвлеченными теоретиками, именно, что будто бы крупная поземельная собственность служитъ надежнѣйшимъ обезпеченіемъ общественнаго спокойствія, а мелкая, напротивъ того, способствуетъ развитію анархическихъ стремленій. Есть мнѣнія до того натянутыя и несостоятельныя, что, вмѣсто всякаго ихъ опроверженія, достаточно указать на всѣмъ извѣстные факты. Ирландія и Испанія, какъ кажется, не отличаются общественнымъ спокойствіемъ и надежностью политическаго порядка. Изъ нихъ Ирландія своимъ тревожнымъ положеніемъ почти единственно обязана чрезвычайно неравномѣрному распредѣленію поземельной собственности. Политическія волненія Испаніи имѣютъ много различныхъ причинъ; но ясно по крайней мѣрѣ то, что крупная поземельная собственность сама по себѣ не въ состояніи доставить этой странѣ спокойствія. Не спасло и Францію отъ политическихъ бурь крупное поземельное владѣніе, господствовавшее въ ней до 1793 года. Сама природа учитъ насъ, что разнообразіе явленій, формъ и индивидуальныхъ особенностей составляетъ выгоднѣйшее условіе для всякой производительности, вещественной и духовной. Поэтому надобно желать, чтобъ у насъ въ Россіи, наряду съ крупною поземельною собственностью, процвѣтала и мелкая: отъ одной мы вправѣ ожидать, что она будетъ подавать примѣръ сельско-хозяйственныхъ улучшеній, пролагать новые пути для сельской промышленности, однимъ словомъ — будетъ первенствовать вездѣ, гдѣ нужны знаніе и капиталъ; отъ другой мы получимъ большее напряженіе рабочихъ силъ и бо́льшую сумму личныхъ благосостояній. Нельзя при этомъ случаѣ умолчать, что введенные у насъ недавно новые нотаріальные порядки, своими невиданными еще у насъ доселѣ канцелярскими сложностями и обрядами, чрезвычайно затрудняютъ пріобрѣтеніе мелкой поземельной собственности. Для совершенія купчей и для

ввода во владѣніе приходится теперь по нѣскольку разъ ѣздить въ губернскій городъ; старшіе нотаріусы безпрестанно забраковываютъ акты, совершенные младшими, и вообще все нотаріальное дѣлопроизводство обставлено чрезвычайно сложными и стѣснительными для сторонъ формальностями. Мнѣ извѣстны случаи, когда помѣщики, запродавъ крестьянамъ мелкіе земельные участки, цѣною отъ 30 до 50 р., и узнавъ, что, по новымъ порядкамъ, для совершенія купчей слѣдовало ѣхать въ губернскій городъ, за 200 и болѣе верстъ, отказывались отъ продажи. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ крестьяне повыстроили уже себѣ избы на запроданной имъ землѣ, за которую они внесли и задатокъ. Совершенно необходимо разрѣшить совершать акты на недвижимую собственность, до извѣстной суммы, у мировыхъ судей, или, по крайней мѣрѣ, у младшихъ нотаріусовъ каждаго уѣзднаго города; въ противномъ случаѣ самый жизненный вопросъ нашихъ провинцій — возникновеніе мелкой поземельной собственности, будетъ убитъ въ самомъ своемъ зародышѣ.

Кто никогда не подвизался на литературномъ поприщѣ, тотъ не знаетъ, какъ привязчиво слово и что, начавъ говорить о какомъ нибудь предметѣ, авторъ самъ не можетъ предвидѣть, когда и гдѣ придется ему остановиться. Я желалъ сказать нѣсколько словъ по поводу безденежья нашихъ помѣщиковъ и относительно предполагаемыхъ у насъ земскихъ банковъ, а написалъ чуть не цѣлый трактатъ о сельско-хозяйственномъ кредитѣ. Подобныя отступленія, по всей вѣроятности еще не разъ имѣющія повториться въ моей статьѣ, будутъ непріятны въ особенности для тѣхъ читателей, которые, основываясь на ея заглавіи, ожидали найти въ ней такъ называемыя картины сельской жизни, т. е. болѣе или менѣе удачное воспроизведеніе бойкихъ крестьянскихъ разговоровъ и сужденій, характерныя сцены между помѣщиками и крестьянами (по случаю нынѣшнихъ натянутыхъ отношеній между ними), живописные очерки сельской природы и прочее тому подобное. Спѣшу, хотя уже и поздно, предупредить такихъ читателей, что ничего картиннаго и характернаго они не найдутъ въ моей статьѣ, и потому могутъ заблаговременно прекратить ея чтеніе.

Заговоривъ о денежныхъ средствахъ помѣщиковъ, не могу не

упомянуть о той неопредѣленности, можно сказать произвольности, съ какою взимаются иногда съ нихъ разнаго рода повинности, лежащія на землѣ. Приведу примѣръ, близко мнѣ извѣстный. Назадъ тому полтора года, одинъ помѣщикъ получилъ изъ уѣзднаго казначейства окладной листъ, составленный въ казенной палатѣ; по этому листу числилось за помѣщикомъ разныхъ платежей и недоимокъ 300 р. Помѣщикъ былъ увѣренъ, что такой суммы не могло на немъ накопиться. Ѣдетъ въ уѣздный городъ, вступаетъ въ долгія пренія съ казначеемъ, выкладываетъ на столъ разныя, прежде имъ полученныя квитанціи и наконецъ добивается того, что съ него сбрасываютъ 100 рублей! Въ нынѣшнемъ году тотъ же самый помѣщикъ получилъ по одному и тому же имѣнію два окладныхъ листа; оба составлены въ казенной палатѣ, подписаны тѣми же лицами и даже написаны одною рукою. По одному листу съ него требуется 190 р., а по другому только 16 р.; въ первомъ количество десятинъ показано одно, а во второмъ другое; подесятинный сборъ на земскіе расходы также выраженъ различными цифрами. Для разъясненія и этой загадки придется ѣхать въ уѣздный городъ. Заинтересованный этимъ обстоятельствомъ, я, бывши въ губернскомъ городѣ, просилъ одного изъ чиновниковъ казенной палаты объяснить мнѣ, по старому знакомству и такъ сказать конфиденціально, отчего происходитъ такая путаница и какимъ образомъ казна чейство, учитывающее седьмыя доли копеекъ, можетъ вдругъ такъ великодушно сбрасывать съ 300 рублей цѣлую сотню. Объясненіе дано было такое простое и естественное, что я не вижу никакой надобности хранить его въ секретѣ. Прежде, изволите видѣть, окладные листы составлялись по издавна заведенному шаблону, и хотя всегда бывали въ нихъ невѣрности, то есть съ одного взыскивалось больше, а съ другаго—меньше, чѣмъ слѣдовало, но ошибки эти были незначительны. Вдругъ выкупная операція спутала прежніе счеты и задала казенной палатѣ трудную работу. Кромѣ того измѣнилась раскладка земскихъ сборовъ (государственныхъ) и явился новый сборъ на мировыя учрежденія, который надобно было распредѣлить между помѣщиками и крестьянами по количеству ихъ земли. Требовалось нѣкоторое умѣнье и опытность и весьма немалый трудъ, чтобы привести въ

порядокъ новые счеты. Тутъ же приспѣла и новая система отчетности, установленная государственнымъ контролемъ. Между тѣмъ штаты казенной палаты и казначействъ были такъ скудны, что при нихъ было весьма трудно имѣть свѣдущихъ и опытныхъ чиновниковъ. Одновременно съ этими обстоятельствами явилась служба по акцизу и нѣкоторыя другія, отъѣзжія должности, окончательно обобравшія казенную палату, вмѣстѣ съ другими обиженными судьбою вѣдомствами. Посудите сами, говорилъ расказчикъ, можно ли было оставаться въ казенной палатѣ, когда у насъ столоначальникъ, при огромномъ трудѣ и при необходимости имѣть значительную опытность въ счетоводствѣ, получаетъ жалованья ровно въ 6 разъ меньше, чѣмъ акцизный чиновникъ соотвѣтствующаго класса; между тѣмъ отъ этого послѣдняго не требуется почти никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній, а работаетъ онъ только зимою, лѣтомъ же ровно ничего не дѣлаетъ, такъ что бо̀льшая часть акцизныхъ чиновниковъ лѣтомъ проживаетъ по деревнямъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Остались, значитъ, въ палатѣ одни оборыши, такіе, съ которыми каши не сваришь; ну и напутали, да такъ напутали, что теперь приходится сидѣть по ночамъ, чтобы привести счеты въ порядокъ. Немало также взялъ грѣха на свою душу нашъ бывшій предсѣдатель, добавилъ расказчикъ: дѣломъ-то онъ не занимался, а все больше разъѣзжалъ, то за границу, то въ Петербургъ, пока наконецъ совсѣмъ вышелъ въ отставку, съ какою-то особенною, экстренною пенсіею. „Ну, а какъ же это дѣлается, спросилъ я, что въ казначействѣ вдругъ можно скинуть съ помѣщика сотню рублей; чѣмъ же замѣнить ее въ итогѣ?“ — „Дѣлается это отень просто: скинутъ съ одного, значитъ, прикинутъ на прочихъ; вѣдь не всѣ же поѣдутъ въ уѣздный городъ торговаться въ казначействѣ, да и не со всякимъ станутъ тамъ разговоры вести“. „O sancta simplicitas, о родная россійская простота нравовъ и обычаевъ!“ подумалъ я, и успокоился, получивъ столь ясное разрѣшеніе дотолѣ загадочнаго для меня обстоятельства. Если казенныя палаты и казначейства такъ мало церемонятся съ помѣщиками, то какова же должна быть произвольность сборовъ, взыскиваемыхъ ими съ крестьянскихъ обществъ! Впрочемъ я не безъ намѣренія привелъ этотъ случай въ слѣдъ за разсужденіемъ

о кредитѣ и банкахъ. Мнѣ кажется, что люди, способные платить, не давая себѣ отчета, за что они платятъ и столько ли платятъ, сколько обязаны по закону, что такіе люди не вполнѣ еще подготовлены къ устройству у нихъ правильнаго кредита. Кредитъ, въ его истинномъ значеніи, можетъ процвѣтать только тамъ, гдѣ твердо установилось понятіе о собственности; а одинъ изъ существенныхъ признаковъ твердо установившагося понятія о собственности состоитъ въ томъ, что люди желаютъ знать въ точности, за что они платятъ, и не соглашаются платить ни одной лишней копейки сверхъ того, что опредѣлено закономъ или же ихъ добровольнымъ соглашеніемъ. Скажутъ, что въ приведенномъ случаѣ виною не люди, то есть не плательщики, а обстоятельства. У насъ привыкли все сваливать на обстоятельства, забывая, что сами-то люди и создаютъ эти обстоятельства. Обстоятельства, которыя возможны сегодня, будутъ возможны и завтра, и черезъ 50 лѣтъ, если не измѣнятся къ лучшему люди, если они не поймутъ, что дѣлами сего міра управляетъ не слѣпое fatum древнихъ, а данные Богомъ человѣку разумъ и свободная воля. Возможно ли было бы напримѣръ упомянутое явленіе, если бы наши помѣщики основательно знали всѣ повиности, налагаемыя закономъ на ихъ землю, и если бы нашлось хотя 10 человѣкъ въ уѣздѣ, которые, въ случаѣ излишнихъ съ нихъ требованій, настоятельно протестовали бы, гдѣ слѣдуетъ, противъ такого произвола? Не былъ бы услышанъ голосъ 10-ти человѣкъ, то навѣрно вняли бы голосу 20-ти, 50-ти, наконецъ совокупному представленію всѣхъ помѣщиковъ уѣзда.

1866—1867 г.

III.

Хозяйственный бытъ крестьянъ. Непомѣрные налоги суть главная причина ихъ бѣдности. Чрезмѣрность платежей, лежащихъ на крестьянахъ, происходитъ во первыхъ отъ неуравнительнаго распредѣленія государственныхъ налоговъ между сословіями, во вторыхъ отъ общей цифры государственныхъ расходовъ, превышающей средства страны. Неуравнительность государственныхъ налоговъ происходитъ отъ господства у насъ подушной системы прямыхъ налоговъ. Вредныя дѣйствія круговой поруки и паспортной системы. Общій имущественный налогъ. Возраженія противъ него. Примѣръ Англіи. Необходимость участія земства въ преобразованіи податной системы. Уничтоженіе круговой поруки и паспортной системы, какъ прямое послѣдствіе упраздненія подушныхъ налоговъ. Необходимость введенія жеребьеваго рекрутскаго порядка.

Кто, подобно мнѣ, много лѣтъ не бывалъ въ деревнѣ и еще не видалъ ея со времени освобожденія крестьянъ, для того особенно интересенъ вопросъ: какъ живутъ теперь крестьяне, замѣтно ли измѣнилось къ лучшему ихъ положеніе? Надобно не забывать, что въ земледѣльческомъ классѣ, живущемъ жизнію близкою къ природѣ, всякія улучшенія совершаются медленно и почти незамѣтно для непосредственнаго наблюденія. Земледѣльцы по преимуществу люди привычки; они весьма не скоро измѣняютъ свои потребности и понятія, хотя бы условія, ихъ окружающія, и измѣнились къ лучшему. Это тѣ нижніе водяные слои глубокой рѣки, которые едва замѣтно движутся по своему каменистому и шероховатому ложу, тогда какъ вверху ихъ свободная рѣчная поверхность быстро катитъ впередъ свои волны. Притомъ освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія не заключаетъ еще въ себѣ полной совокупности условій, необходимыхъ для матеріальнаго и нравственнаго улучшенія крестьянскаго быта; освобожденіе есть только основной камень, на которомъ должна утвердиться будущая гражданственность и благосостояніе нашихъ крестьянъ. Потому-то для глаза,

для непосредственнаго наблюденія почти незамѣтны измѣненія къ лучшему въ положеніи крестьянъ со времени ихъ освобожденія: тѣ же убогія хижины, переполненныя донельзя живущимъ въ нихъ людомъ, та же бѣдность и грязь домашняго обихода, тотъ же пушной хлѣбъ, тѣ же тощія, худо воздѣланныя нивы. Чтобы узнать что нибудь о послѣдствіяхъ новаго порядка, необходимо выспрашивать самихъ крестьянъ и людей, которымъ блико знакомъ ихъ бытъ. Я не разъ и въ разныхъ деревняхъ предлагалъ крестьянамъ вопросъ: лучше ли живется имъ послѣ освобожденія? и всегда получалъ одинъ и тотъ же, какъ бы условленный отвѣтъ: „кто хорошо жилъ за помѣщикомъ, тотъ и теперь живетъ хорошо; а кто былъ худъ за помѣщикомъ, тотъ теперь сталъ еще хуже". Вторая половина этого отвѣта заключаетъ двоякій смыслъ. Во первыхъ крестьянинъ, который при крѣпостномъ порядкѣ былъ нерадивъ, пьяница, расточителенъ, теперь, потерявъ надъ собою страхъ господской власти, сталъ еще нерадивѣе, пьянѣе и расточительнѣе. Другой смыслъ упомянутой формулы тотъ, что есть крестьяне, до такой степени разоренные и нравственно притупленные крѣпостнымъ правомъ, что денежные платежи, замѣнившіе собою барщину, выносятся ими еще труднѣе, чѣмъ эта послѣдняя повинность, для которой требовалась одна лишь сила мускуловъ. Пять лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія, еще слишкомъ малый періодъ для того, чтобы загладить глубокіе слѣды двухъ съ половиною вѣковъ крѣпостнаго состоянія. Впрочемъ, хотя приведенная выше формула довольно вѣрно выражаетъ общій характеръ нынѣшняго переходнаго положенія крестьянъ, но встрѣчаются и исключенія изъ нея. Напримѣръ мнѣ указывали на одну деревню, крестьяне которой считались прежде въ числѣ самыхъ богатыхъ въ уѣздѣ, а теперь спились съ кругу и почти дошли до нищеты (это тѣ самые крестьяне, которые накопили большія недоимки въ казну, хотя исправно вносятъ дополнительный платежъ помѣщику за выкупъ). Примѣръ этотъ вѣроятно не единственный въ своемъ родѣ и объясненіе его само собою очевидно: оно заключается въ роковомъ совпаденіи выхода на волю съ дешевою водкою и непомѣрнымъ размноженіемъ кабаковъ. Но помимо этихъ частностей, въ общемъ итогѣ благосостояніе кресть-

янъ несомнѣнно увеличилось со времени освобожденія, какъ ни незначительно время, протекшее съ этой эпохи. Такое заключеніе я основываю не на предположеніяхъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, а на слѣдующемъ фактѣ. Для опредѣленія относительнаго благосостоянія крестьянъ, довольно вѣрнымъ указателемъ можетъ служить количество сбыта тѣхъ товаровъ, которые потребляются этимъ сословіемъ. Въ губернскомъ городѣ я говорилъ съ купцами, ведущими дѣла преимущественно съ крестьянами; по ихъ отзыву, сбытъ ихъ товаровъ замѣтно увеличился въ самые первые годы по освобожденіи, а теперь можно считать, что обороты ихъ возрасли втрое противъ прежняго. Къ этому разряду торговли относятся: во первыхъ рыбный товаръ, именно сельди, снятки и такъ называемые пластъ и колодка (то есть судаки, соленые въ распластанномъ и цѣломъ видѣ); потомъ сапоги, тулупы, армяки, конская сбруя; наконецъ красный крестьянскій товаръ, идущій преимущественно для женскаго пола. Замѣчу кстати, что въ томъ же губернскомъ городѣ сбытъ товаровъ, идущихъ для дворянскаго сословія, чувствительно упалъ; дорогимъ краснымъ товаромъ хорошо торгуетъ только одинъ магазинъ, а прочіе еле держатся.

Крестьяне въ этой мѣстности, при $4\frac{1}{2}$ десятинахъ душеваго надѣла, платятъ всего около 13 р. 50 коп. съ души, именно 8 р. оброка и около $5\frac{1}{2}$ рубл. различныхъ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей *). При малой производительности здѣшней почвы и при недостаткѣ постороннихъ заработковъ, крестьяне съ большимъ трудомъ выносятъ эти платежи и во многихъ деревняхъ положительно были бы не въ состояніи ихъ отбывать, если бъ не находили себѣ подспорья въ помѣщичьихъ угодьяхъ, обработываемыхъ ими исполу или снимаемыхъ за разныя послуги. Младшіе члены семействъ, ненаходящіе себѣ работы дома, обыкновенно идутъ въ батраки къ окрестнымъ помѣщикамъ или къ зажиточнымъ крестьянамъ и доставляютъ заработанныя деньги хозяину дома, для уплаты

*) Теперь, съ увеличеніемъ въ 1867 г. подушной подати среднимъ числомъ на 50 к. съ души, надобно уже приведенную цифру замѣнить 14 рублями.

повинностей. Самая трудная работа достается на долю младшихъ домочадцевъ и бобылей, сами же хозяева не прочь посидѣть сложа руки, или бражничать въ веселой компаніи въ самую рабочую пору. Вообще говоря, крестьянскія поля удабриваются лучше господскихъ и потому даютъ сравнительно лучшій урожай; но, при худомъ качествѣ почвы, полагаемое на нее удобреніе все-таки далеко недостаточно для того, чтобы крестьянинъ могъ собрать съ своего надѣла урожай, обезпечивающій его семейству хлѣбъ и уплату повинностей. Передъ временемъ уплаты податей и оброка крестьянинъ часто бываетъ принужденъ продавать кулакамъ свои тощіе запасы хлѣба, а передъ посѣвомъ опять долженъ обращаться къ тѣмъ же кулакамъ и занимать у нихъ сѣмяна, платя на каждую четверть по 2 мѣры роста за 5 мѣсяцевъ, стало быть 25%. Крестьяне съ своихъ надѣловъ не могутъ даже собрать достаточно соломы для корма и подстилки скоту: тощія, захирѣвшія ихъ коровы бо́льшую часть зимы питаются одною соломою; но и ея не хватаетъ до весны, такъ что въ апрѣлѣ, когда надобно выгонять коровъ въ поле, приходится поднимать ихъ на жердяхъ. Мнѣ случалось читать разсужденія нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, выдающихъ себя за экономистовъ, по поводу того, что наши крестьяне ищутъ земли на сторонѣ, а свои надѣлы обработываютъ плохо; причину этого явленія господа литераторы видятъ въ свойствѣ русскаго человѣка стремиться въ ширину, захватывать какъ можно большее пространство, чтобы вести на немъ, какъ они выражаются, хищническое хозяйство, вмѣсто того, чтобы посредствомъ сосредоточеннаго и раціональнаго земледѣлія, извлекать изъ малаго пространства наибольшую выгоду. Я полагаю, что нашъ крестьянинъ не хуже упоминаемыхъ экономистовъ понимаетъ, что выгоднѣе получать тотъ же доходъ съ меньшаго количества земли, чѣмъ съ бо́льшаго, ибо въ послѣднемъ случаѣ требуется больше труда и теряется непроизводительно много времени. Но когда качество земли такъ плохо, что она безъ сильнаго удобренія часто не возвращаетъ даже сѣмянъ, и когда невозможно имѣть удобренія, потому что у крестьянъ нѣтъ не только луговъ, но иногда и выгоновъ, тогда поневолѣ приходится брать однимъ количествомъ земли. Вотъ почему здѣшніе крестьяне особенно

гонятся за покосами и выпрашиваютъ ихъ у помѣщиковъ исполу или за разныя послуги. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ нашихъ крестьянъ раздроблять свои силы и искать хлѣба внѣ своихъ надѣловъ, ибо они понимаютъ, что никакая обработка не можетъ замѣнить недостатка удобренія. Финляндскій крестьянинъ, когда его старая нива ничего больше не родитъ, занимаетъ новое мѣсто въ лѣсу, выжигаетъ деревья и на этой искусственной почвѣ сѣетъ хлѣбъ. Никто не объяснялъ такого способа земледѣлія пироманіею финновъ или же склонностію ихъ къ хищническому хозяйству. Все дѣло въ томъ, что внутренняя Финляндія состоитъ изъ гранитныхъ скалъ, которыя только мѣстами едва прикрыты тощимъ слоемъ почвы, остаткомъ истребленнаго лѣса; такая почва, сколько ее ни паши и ни удобряй, не долго можетъ производить изъ себя растительность, и финскому крестьянину по необходимости приходится время отъ времени перекочевывать на новыя мѣста. Требовать въ настоящее время отъ нашего крестьянина такъ называемаго раціональнаго хозяйства, съ скотнымъ дворомъ, съ хорошими земледѣльческими орудіями, было бы горькою надъ нимъ насмѣшкою; для этого надобно время и время, а между тѣмъ желудокъ не ждетъ, не ждутъ и разнаго рода подати и повинности. Здѣшніе помѣщики также берутъ не раціональнымъ хозяйствомъ, для котораго у нихъ нѣтъ средствъ, а единственно величиною запашекъ; но помѣщики не платятъ ни оброка за свои земли, ни тѣхъ личныхъ податей и разнаго рода поборовъ, которые тяготѣютъ надъ крестьяниномъ. Справедливо и то, что къ худымъ обстоятельствамъ крестьянскаго хозяйства, независящимъ отъ воли крестьянъ, присоединяется часто и собственная ихъ нерадивость. Нерѣдко я замѣчалъ, что крестьянскія поля отличались отъ господскихъ небрежною обработкою, усѣяны были неразбитыми комами земли, имѣли частыя плѣшины, безъ всякой растительности. Около 1-го августа озимый хлѣбъ совершенно поспѣлъ и начиналъ уже осыпаться на корню; между тѣмъ крестьяне сосѣднихъ съ нами деревень и не думали объ уборкѣ. Проходя пожелтѣвшими нивами, на которыхъ не видно было ни одной рабочей души, я съ удивленіемъ спрашивалъ себя: куда дѣвался народъ и чѣмъ онъ занятъ? Наконецъ, съ 4-го августа, пошли пролив-

ные дожди; мужики только тогда спохватились, и въ промежутки между дождями наскоро сжинали рожь, сколько успѣвали. Многіе въ этой нерадивости крестьянъ вѣроятно и будутъ видѣть единственную причину ихъ скудости и недостаточности для нихъ надѣловъ. Нисколько не думая оправдывать эту нерадивость, притомъ же и не всеобщую, напомню только читателю, что въ человѣческой природѣ есть извѣстная зависимость явленій, повторяющаяся столь же давно, сколь давно стоитъ міръ: такъ напримѣръ неблагодарный трудъ всегда рождаетъ отвращеніе къ нему, безвыходность положенія производитъ безпечность и отупѣніе.

Я сказалъ, что въ здѣшней мѣстности съ каждой ревизской души временно-обязанныхъ крестьянъ, съ нынѣшняго 1867 г., сходитъ въ годъ 14 р. разныхъ платежей, оброчныхъ, податныхъ, земскихъ и мірскихъ, при $4\frac{1}{2}$ десятинахъ душеваго надѣла. Полагая на дворъ три ревизскихъ души и отчисляя на каждый дворъ подъ строенія и выгонъ $\frac{1}{6}$ десятины, недающую дохода, оказывается, что временно-обязанные крестьяне должны платить съ каждой десятины своего надѣла по меньшей мѣрѣ 3 рубля. Но 3 рубля превышаютъ существующую здѣсь наемную плату за землю, ибо, отдавая землю въ наемъ, никакъ нельзя получить за нее, въ общей сложности, болѣе 2 р. за десятину; при отдачѣ же земель въ аренду на долгій срокъ, плата получается еще меньшая. Слѣдовательно здѣшнихъ временно-обязанныхъ крестьянъ, въ ихъ настоящемъ положеніи, можно сравнить съ людьми, необезпеченными никакою поземельною собственностію, приносящею доходъ, съ тѣми же западными земледѣльцами-арендаторами, обязанными платить за обработываемую ими землю арендную плату, неокупающую времени и труда, полагаемыхъ на ея обработку. Вся разница въ томъ, что тяжесть оброчной повинности, лежащей на нашихъ крестьянахъ, не можетъ быть увеличиваема по произволу помѣщиковъ и что наши крестьяне не могутъ быть сгоняемы съ ихъ надѣловъ. Конечно эти условія обезпечиваютъ имъ великое преимущество, котораго не имѣютъ западные арендаторы, — преимущество не умирать голодною смертію. Въ самомъ дѣлѣ, если крестьянинъ, нанимая землю на сторонѣ, не считаетъ возможнымъ давать за нее

болѣе 2 р., то это служитъ вѣрнымъ указаніемъ, что, при большей платѣ, не окупался бы его трудъ, то есть чистый доходъ съ земли не хваталъ бы на прокормленіе крестьянина съ семьею. Надобно помнить, что наши крестьяне работаютъ изъ одного дневнаго существованія и что имъ не приходитъ еще и въ голову мысль о такой работѣ, которая бы давала имъ возможность дѣлать сбереженія, откладывать капиталъ. Слѣдовательно платежи, которые приходится крестьянину вносить съ своего надѣла, такъ велики, что они не только отнимаютъ у него возможность дѣлать сбереженіе и улучшать свое положеніе, но уносятъ еще и часть дневнаго пропитанія, получаемаго имъ съ его надѣла. Это заключеніе слѣдуетъ примѣнить и къ крестьянамъ черноземныхъ мѣстностей (не говоря уже о всей сѣверной полосѣ Россіи), ибо, какъ извѣстно, по Положенію 19-го февраля 1861 г., чѣмъ производительнѣе и доходнѣе земля, тѣмъ меньше назначено ея въ надѣлъ крестьянамъ, такъ что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской и Рязанской губерній душевой надѣлъ понижается до $2^3/_4$ дес., при 9-тирублевомъ оброкѣ. Впрочемъ наше заключеніе можно подтвердить ариѳметическимъ расчетомъ. Возьмемъ напр. Ефремовскій уѣздъ Тульской губерніи, считаемый, по доходности земли, въ числѣ первыхъ уѣздовъ средней полосы Россіи. Надѣлъ тамъ $2^3/_4$ десят., оброкъ 9 рублей; полагая слѣдовательно, что съ ревизской души сходитъ тамъ 15 р., и отсчитывая на строенія и выгонъ всего $^1/_8$ дес. на дворъ, получится, что крестьянинъ платитъ въ этомъ уѣздѣ съ каждой десятины 5 р. 54 коп. Но отдавая землю въ аренду, помѣщики, въ общей сложности, получаютъ тамъ не болѣе 4 р. за десятину. Слѣдовательно здѣсь крестьянину приходится платить съ своего надѣла относительно еще дороже, чѣмъ въ описываемой мною малопроизводительной мѣстности *).

*) Приводимыя мною цифры изображаютъ только наименьшій предѣлъ крестьянскихъ платежей; мнѣ извѣстна наприм., въ голодномъ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, одна волость, гдѣ съ души сходитъ по 16 р. всѣхъ платежей. Долженъ также замѣтить, что приводимая здѣсь арендная плата въ 4 р. существовала въ Ефремовскомъ уѣздѣ въ 1867 г., когда я провелъ тамъ часть лѣта; нынѣ же она возвысилась тамъ до 5, а мѣстами даже до 6 р., именно въ слѣдствіе того, что крестьяне, при

Такимъ образомъ, въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, хозяинъ, имѣющій въ домѣ три ревизскихъ души, долженъ платить по меньшей мѣрѣ отъ 42 р. до 45 р. въ годъ, и часто долженъ выработать эту сумму при одномъ наличномъ работникѣ въ семействѣ! Для государственныхъ крестьянъ выводы должны получиться благопріятнѣе. Въ здѣшней мѣстности они платятъ, если не ошибаюсь, всего до 9 руб. съ души. Разница происходитъ отъ того, что ихъ оброчная подать (около 3 руб. 50 к. съ души) много меньше оброка временно-обязанныхъ крестьянъ. Несмотря на это, и государственные крестьяне далеко не благоденствуютъ; мѣстами ихъ положеніе бываетъ даже хуже положенія временно-обязанныхъ крестьянъ. Надобно замѣтить, что надѣлы государственныхъ крестьянъ отличаются чрезвычайною неравномѣрностію, не только по различію губерній и уѣздовъ, но въ чертѣ одного и того же уѣзда, даже одной и той же волости: тогда какъ одни общества имѣютъ земли съ избыткомъ, другія терпятъ въ ней большой недостатокъ и надѣлены гораздо бѣднѣе сосѣднихъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ прежніе годы отъ государственныхъ крестьянъ безпрестанно поступали прошенія о добавленіи ихъ надѣловъ изъ казенныхъ оброчныхъ статей; на всѣ эти просьбы получались отказы, и наконецъ даже вовсе было запрещено ихъ принимать. Между тѣмъ оброчная подать съ нихъ, начиная со второй половины 50-хъ годовъ, нѣсколько разъ была возвышаема въ весьма значительномъ размѣрѣ *). На временно-обязанныхъ крестьянахъ, сверхъ

возрастаніи земскихъ, государственныхъ и мірскихъ налоговъ и при недостаточности собственныхъ надѣловъ, поставлены въ необходимость брать землю на сторонѣ, между тѣмъ какъ участки, отдаваемые тамъ въ аренду, немногочисленны сравнительно съ густотою населенія этого уѣзда: эти условія естественнымъ образомъ должны были быстро возвысить арендную плату на землю.

*) Въ прежніе годы недоимки на казенныхъ крестьянахъ бывали вообще незначительныя, ибо опекунское управленіе палатъ и окружныхъ начальниковъ взыскивало подати per fas et nefas, само распоряжаясь, въ случаѣ надобности, продажею крестьянскихъ урожаевъ и прибѣгая иногда къ разнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ съ недоимщиковъ; но теперь, съ переходомъ государственныхъ крестьянъ въ общее управленіе, недоимки на нихъ начинаютъ, какъ слышно, возрастать съ поразительною быстротою.

непомѣрныхъ денежныхъ платежей, лежатъ также (вмѣстѣ съ государственными крестьянами) весьма тяжелыя натуральныя повинности: дорожная, подводная и постойная; крестьяне же, вмѣстѣ съ мѣщанами, несутъ на себѣ всю тяжесть рекрутской повинности. Вотъ краткое, но, какъ кажется, довольно убѣдительное объясненіе того, почему наши крестьяне находятся въ такой безвыходной бѣдности, часто наводящей на нихъ безпечность и отупѣніе, почему они, при каждомъ урожаѣ нѣсколько меньшемъ средняго, принуждены питаться мякиною, лебедою и другими неудобоснѣдомыми веществами, почему подати съ нихъ взыскиваются не рѣдко только съ помощію принудительныхъ полицейскихъ мѣръ, почему не дѣлается у нихъ никакихъ улучшеній въ земледѣліи, которое остается въ первобытномъ состояніи, почему они равнодушны къ образованію, земскому самоуправленію и другимъ благамъ цивилизаціи, которыя сулятъ имъ законъ и образованные классы, почему наконецъ, и по выходѣ ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, такъ мало замѣтно улучшенія въ ихъ бытѣ. Предѣлъ возможныхъ съ нихъ поборовъ уже переступленъ, и крестьянамъ остается думать не о благахъ цивилизаціи, а только о томъ, какъ бы свести концы съ концами и не остаться безъ насущнаго хлѣба. Въ этихъ же фактахъ, которые довольно трудно опровергнуть, заключается отвѣтъ тѣмъ, которые не перестаютъ повторять, что Положеніе 19-го февраля 1861 года обобрало помѣщиковъ и ублаготворило крестьянъ, и что крестьянамъ, *вполнѣ обезпеченнымъ* теперь землею, остается только предаваться лѣности и пьянству. Надобно не знать или не желать знать дѣйствительнаго положенія крестьянъ, чтобы не видѣть, что и безпечность, и пьянство, и нравственное отупѣніе происходятъ у нихъ главнымъ образомъ объ безвыходности ихъ положенія, отъ того, что они принуждены ограничивать всѣ свои помыслы и надежды только двумя цѣлями: уплатить повинности и наполнить чѣмъ попало свои желудки. Тѣ же самые пороки и недостатки, съ роковымъ постоянствомъ, повторяются во всемъ мірѣ, среди тѣхъ рабочихъ классовъ, которые, при всемъ своемъ трудѣ, лишены надежды на улучшеніе своего быта. Положеніе 19-го февраля 1861 года остановилось именно на той чертѣ, до которой никакіе доводы справедливости,

права и государственной выгоды не могли быть въ пользу помѣщиковъ, но всѣ были въ пользу крестьянъ: Положеніе дало крестьянамъ въ обрѣзъ то количество земли, которое, при установленномъ въ пользу помѣщиковъ оброкѣ, обезпечиваетъ крестьянамъ только уплату податей и насущный хлѣбъ, и притомъ обезпечиваетъ имъ то и другое лишь въ благопріятные годы. Что̀ было бы съ крестьянами, если бы имъ, какъ многіе того желали, отданы были только ихъ усадьбы, а оброкъ за землю назначался бы по собственному усмотрѣнію помѣщиковъ, считающихъ нынѣшніе оброки слишкомъ для крестьянъ льготными? Оказывается, что гражданская свобода куплена крестьянами слишкомъ дорогою цѣною. Если они все-таки остаются въ выигрышѣ, то только потому, что предметъ, ими купленный, въ сущности не имѣетъ цѣны: безъ гражданской свободы невозможны были бы никакія улучшенія ни въ матеріальной, ни въ умственной ихъ жизни, а съ нею могутъ придти со временемъ и другія блага цивилизаціи, нынѣ пока для крестьянъ несуществующія. Что приводимыя мною цифры платежей, падающихъ на крестьянскую землю, отнюдь не выше дѣйствительности, въ томъ я имѣлъ случай удостовѣриться въ послѣдствіи, спустя уже 2 года послѣ перваго появленія этой статьи въ печати, изъ офиціальныхъ данныхъ, собранныхъ податною коммисіею. Во второй половинѣ 1869 года податною коммисіею напечатанъ былъ, для внесенія въ государственный совѣтъ, проектъ преобразованія подушной системы. Въ объясненіяхъ къ проекту между прочимъ говорится, что подушная подать, государственный земскій сборъ и выкупные платежи, вносимые нынѣ крестьянами великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній, составляютъ отъ 10 до 13 р. на душу, отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. и даже болѣе на десятину надѣла, и отъ 30 до 60 р. на дворъ; къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ еще прибавить губернскіе и уѣздные земскіе налоги и мірскіе сборы, съ которыми напримѣръ въ Московской губ. приходится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 18 р. съ души! Между тѣмъ крестьяне въ привислинскихъ губерніяхъ платятъ всѣхъ сборовъ, въ томъ числѣ и выкупныхъ платежей, въ средней сложности только 95 коп. съ десятины, (отъ 60 к. до 1 р. 47 к.), хотя земли тамъ дороже, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ.

7

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цифры, приводимыя податною коммисiею, суть среднiе выводы, относящiеся ко всѣмъ великорусскимъ и малорусскимъ губернiямъ; тѣмъ убѣдительнѣе значенiе этихъ среднихъ цифръ. А вотъ столь же достовѣрныя даннныя, относящiяся къ Харьковскому уѣзду и приведенныя въ приложенiи къ журналамъ земскаго собранiя этого уѣзда 1868 года. Государственные крестьяне Харьковскаго уѣзда вносятъ всѣхъ платежей, за исключенiемъ губернской земской повинности, по 10 р. 89 к. съ души или по 3 р. 34 к. съ десятины, тогда какъ наемная плата за землю равняется тамъ, въ среднемъ выводѣ, только 2 р. Харьковская уѣздная управа справедливо замѣчаетъ, что „эту разницу между налогомъ на землю и наемною за нея платою, именно 1 р. 34 к. съ десятины, т. е. 3 р. 84 к. съ души (при среднемъ душевомъ надѣлѣ въ 2,87 дес.), слѣдуетъ считать собственно налогомъ на рабочую силу крестьянина“. Платежи, вносимые въ томъ же уѣздѣ бывшими помѣщичьими крестьянами, составляютъ въ среднемъ выводѣ около 4 р. 20 к. съ десятины, а въ нѣкоторыхъ обществахъ доходятъ даже до 10 р. 73 к. съ десятины или до 16 р. съ души (съ дополнительнымъ платежемъ по выкупу). Крестьяне, получившiе даровой надѣлъ, уплачиваютъ 5 р. 98 к. и 5 р. 64 к. съ десятины.

Въ чемъ же однако коренная причина того, что повинности крестьянъ находятся въ такой несоразмѣрности съ ихъ платежными средствами, и гдѣ способы къ уничтоженiю этой несоразмѣрности? Изъ свѣдѣнiй, собранныхъ высочайше учрежденною коммисiею для пересмотра системы податей, видно, что въ 1862 году изъ общей суммы всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, лежавшихъ на народонаселенiи Россiйской Имперiи, именно изъ 292.000,000 р., на недостаточныхъ классахъ, то есть крестьянахъ и мѣщанахъ, лежало 76%, или 223.000,000 р. Съ тѣхъ поръ, по собраннымъ мною официальнымъ даннымъ, отношенiе это значительно измѣнилось къ невыгодѣ податныхъ сословiй, потому что дальнѣйшее возвышенiе государственныхъ налоговъ главнѣйшимъ образомъ производилось на счетъ увеличенiя прямыхъ податей, лежащихъ исключительно на однихъ низшихъ классахъ, а именно: подушной подати съ крестьянъ всѣхъ наименованiй, оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ

Bayerische Staatsbibliothek München

и государственнаго земскаго сбора, уплачиваемаго почти однѣми податными душами. Увеличеніе прямыхъ налоговъ съ податныхъ классовъ произведено, послѣ 1862 г., въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Подушная подать увеличена съ 1863 года среднимъ числомъ по 25 к. на душу, а въ итогѣ на	6.109,000 р. въ годъ
Она же увеличена со 2-й половины 1867 г. въ средней сложности по 50 к. на душу, а въ итогѣ на.	11.000,000 р. „ „
Душевой сборъ на государственныя земскія повинности увеличенъ съ 1865 г. по 20 коп. съ души, а въ итогѣ на	4.690,000 р. „ „
(сборъ этотъ составляетъ теперь на душу среднимъ числомъ 98 коп.).	
Итого. . . .	21.799,000 р. въ годъ

А на душу 95 коп.

Оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ увеличена съ 1862 г. по 1867 г. на 10.392,000 р., то есть болѣе, чѣмъ на 1 р. съ души (именно: по росписи 1862 г. ея значилось 25.256,000, а по росписи 1867 г. 35.648,000). Хотя подушная подать, лежавшая на мѣщанахъ (около 4.000,000), отмѣнена съ 1-го іюля 1863 г., но она съ избыткомъ возмѣщена налогомъ на недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, въ которомъ мѣщане и крестьяне также имѣютъ свою долю участія, и сборомъ съ свидѣтельствъ на мелочной торгъ и съ промысловыхъ билетовъ, который почти цѣликомъ падаетъ на одни податные классы.

Ни въ одномъ другомъ образованномъ государствѣ не существуетъ такого непомѣрнаго обремененія налогами низшихъ рабочихъ классовъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующей сравнительной таблицѣ, гдѣ показано, какая часть государственнаго дохода взимается налогами съ высшихъ и низшихъ классовъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ (для Россіи расчетъ сдѣланъ относительно 1862 г.,

слѣдовательно онъ не вполнѣ еще выражаетъ нынѣ существующее обремененіе податныхъ сословій):

	Великобританія.	Франція.	Бельгія.	Пруссія.	Россія.
съ высшихъ классовъ	52%	49%	45%	30%	17%
съ низшихъ „	40%	30%	29%	29%	76%

Остальныя части государственнаго дохода получаются въ этихъ государствахъ не съ налоговъ на жителей, а изъ другихъ источниковъ.

Конечно, въ Россіи долго еще нельзя надѣяться, чтобы бо̀льшая часть государственныхъ налоговъ падала, какъ въ западныхъ государствахъ, на достаточные классы, то есть на крупныхъ собственниковъ, торговое сословіе и денежные капиталы, ибо у насъ слишкомъ еще немного статей народнаго богатства, могущихъ подлежать обложенію, торговля и промыслы мало развиты, капиталы рѣдки и зажиточные классы относительно малочисленнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ (у насъ на 26 милліоновъ платящихъ подати приходится всего 2.412,000 человѣкъ привилегированныхъ классовъ). При всемъ томъ отношеніе 17 къ 76 представляетъ поразительную несообразность, если принять во вниманіе, что на сторонѣ сословій, платящихъ въ государственный доходъ только 17 проц., находятся почти всѣ естественныя богатства, торговля и денежные капиталы Россіи, а рабочее населеніе, вносящее 76 проц., едва обезпечено въ своемъ существованіи и принуждено уплачивать этотъ налогъ изъ своихъ дневныхъ заработковъ.

Многіе, быть можетъ, думаютъ, что хотя валовое отношеніе налоговъ въ Россіи такъ невыгодно для низшихъ классовъ, но, по крайней мѣрѣ, абсолютная цифра налога, падающаго у насъ на каждаго жителя изъ низшихъ классовъ, много ниже таковой же цифры въ поименованныхъ западныхъ государствахъ. Такое ожиданіе вполнѣ кажется законнымъ, въ виду той огромной разницы въ народномъ богатствѣ и промышленномъ развитіи, которая существуетъ между сказанными государствами, занимающими въ семъ отношеніи первыя мѣста въ Европѣ, и Россіею, стоящею на одномъ изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. Однако вотъ что̀ оказывается изъ свѣдѣній, собранныхъ податною коммисіею:

Если въ поименованныхъ государствахъ взять ту часть налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которая падаетъ исключительно на низшіе класы, и раздѣлить ее на *общее* число жителей мужескаго и женскаго пола (по неизвѣстности сколько въ западныхъ государствахъ изъ этого общаго числа жителей слѣдуетъ отдѣлить для высшихъ и для низшихъ классовъ), то на каждаго жителя низшихъ классовъ придется государственныхъ налоговъ:

въ Великобританіи	6 р.	— к.
„ Россіи.	3 „	8 „
„ Франціи.	3 „	8 „
„ Бельгіи	2 „	— „
„ Пруссіи	1 „	82 „

Само собою разумѣется, что эта таблица имѣетъ только *сравнительное* значеніе, но отнюдь не показываетъ дѣйствительной величины налоговъ, падающихъ на каждаго жителя низшихъ классовъ, ибо здѣсь, какъ уже сказано, сумма налоговъ, лежащихъ на однихъ низшихъ классахъ, раздѣлена на общее число жителей, и сверхъ того не приняты въ соображеніе тѣ налоги, которые упадаютъ частію на высшія, частію на низшія сословія. Но для настоящаго времени эта таблица не имѣетъ уже и сравнительной вѣрности по отношенію къ Россіи, ибо, какъ мы видѣли, у насъ съ 1862 г. прямые государственные налоги съ податныхъ классовъ подверглись чрезвычайному возвышенію (среднимъ числомъ на 1 р. 38 к. съ ревизской души). Поэтому въ приведенной таблицѣ цифра, принадлежащая Россіи, должна быть значительно увеличена *). Слѣдовательно въ Россіи низшіе классы платятъ налоговъ болѣе, чѣмъ во Франціи, Бельгіи и Пруссіи, хотя въ этихъ странахъ земледѣльческіе продукты имѣютъ

*) Изъ позднѣйшихъ свѣдѣній податной коммисіи, напечатанныхъ въ 1869 г., видно, что въ это время одна подушная подать съ государственнымъ земскимъ сборомъ составляли съ поселянъ, въ средней сложности, по 2 р. 74 к. съ души; слѣд., если присоединить сюда другіе прямые налоги, лежащіе на крестьянахъ, а также приходящуюся на ихъ долю часть косвенныхъ налоговъ, то получится сумма, далеко превышающая приведенную выше цифру 3 р. 8 к.

гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ у насъ, несравненно сильнѣе развита промышленность и дороже цѣнится рабочій трудъ.

Уже изъ этихъ данныхъ можно догадываться, что у насъ чрезвычайное обремененіе низшихъ классовъ налогами происходитъ не отъ одной только неравномѣрности въ ихъ распредѣленіи между сословіями, но и отъ общей, валовой величины государственныхъ налоговъ, несоотвѣтствующей платежнымъ средствамъ народа, другими словами — отъ того, что русское государство проживаетъ болѣе, чѣмъ сколько позволяютъ ему его средства, чѣмъ сколько можетъ дать ему, безъ своего истощенія и разоренія, экономическое богатство народа. Впрочемъ я оставляю въ сторонѣ вопросъ о государственныхъ расходахъ, какъ по чрезвычайной его крупности, невмѣстимой въ бѣглыя замѣтки частнаго наблюдателя, такъ и потому, что разсужденія частныхъ лицъ, являющіяся въ литературѣ, едва ли могутъ принести въ этомъ случаѣ какую нибудь практическую пользу. Приведу мимоходомъ только одно соображеніе, доступное впрочемъ каждому, по обнародованнымъ во всеобщую извѣстность правительственнымъ свѣдѣніямъ. Въ краткій промежутъ 5 лѣтъ, съ 1862 г. по 1867 г., обыкновенные государственные расходы (не считая экстраординарныхъ) возрасли съ 295.532,000 р. до 398.298,000 р., то есть почти на 35 процентовъ. Спрашивается: произошло ли такое увеличеніе расходовъ на счетъ соотвѣтствующаго же увеличенія народнаго богатства въ Россіи, или же на счетъ другихъ рессурсовъ? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ то, что въ тотъ же пятилѣтній промежутокъ времени государственнаго долга прибавилось на 461.160,000 р. *), а ежегодныхъ процентовъ и погашеній на эту прибавку приходится платить 25.315,000 руб. (весь же государственный долгъ, неуплаченный къ 1867 г., доходитъ до громадной цифры 1.219.443,000 р., а еже-

*) Сюда не включенъ послѣдній заемъ въ 75 мил. руб., сдѣланный въ нынѣшнемъ 1867 году подъ залогъ николаевской желѣзной дороги, такъ какъ онъ не входитъ въ разсматриваемый нами пятилѣтній періодъ; а также сюда не помѣщены 60 милліоновъ руб. 4% металлическими билетами, ибо они уплачиваются не изъ доходовъ бюджета, а изъ спеціальныхъ источниковъ.

годные проценты съ него и погашенія составляютъ 73.843,000 руб.; слѣдовательно съ 1862 г. нашъ государственный долгъ увеличился болѣе, чѣмъ на 60 процентовъ своей тогдашней величины). Итакъ оказывается, что предѣлъ возможныхъ налоговъ уже переступленъ, и отнынѣ значительная часть государственныхъ расходовъ должна покрываться на счетъ займовъ, которые лягутъ тяжелымъ бременемъ па многія будущія поколѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что какъ ни быстро идетъ у насъ возрастаніе государственныхъ расходовъ, но возрастаніе долговъ идетъ еще быстрѣе: тогда какъ первые увеличились въ 5 лѣтъ на 35 процентовъ, вторые возрасли на 60 процентовъ. Такое явленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ самой натурѣ всякихъ неоплатныхъ займовъ, то есть займовъ, превышающихъ средства страны и употребляемыхъ не на оживленіе ея экономической дѣятельности, а на траты непроизводительныя, въ слѣдствіе чего новые займы идутъ только на уплату процентовъ и погашенія по прежнимъ.

Итакъ чрезмѣрность налоговъ, лежащихъ на крестьянахъ, происходитъ во первыхъ отъ неуравнительнаго распредѣленія государственныхъ налоговъ между сословіями, во вторыхъ — отъ общей чрезмѣрной цифры государственныхъ расходовъ, превышающей средства страны. Человѣку свойственно, даже въ самомъ безвыходномъ положеніи, желать хотя нѣкотораго, возможнаго въ немъ облегченія; такъ и въ Россіи естественно желать, чтобы масса налоговъ, тяготѣющая преимущественно на крестьянахъ, то есть на непосредственныхъ производителяхъ народнаго богатства, была равномѣрно разложена на всѣ сословія. Чрезмѣрная неуравнительность нашихъ налоговъ происходитъ, какъ извѣстно, отъ того, что у насъ главнѣйшую часть всѣхъ прямыхъ налоговъ составляютъ налоги подушные, то есть налоги на личный трудъ, взимаемые безъ всякаго соображенія съ имуществомъ плательщиковъ, а капиталъ, какъ движимый, такъ и недвижимый, почти вовсе изъятъ отъ всякаго прямаго государственнаго налога, исключая нѣкоторой части оброчной подати, уплачиваемой государственными крестьянами. Всѣ сословія раздѣлены у насъ на внесенныя въ подушный окладъ (податныя) и избавленныя отъ него. Такъ какъ одни податныя сословія уплачиваютъ и подушную подать (среднимъ

числомъ по 1 руб. 75 коп.), и оброчную за казенныя земли (среднимъ числомъ по 4 руб. съ души), и государственный земскій сборъ (по 98 коп. съ души), и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ (около 40 к. съ души), то податныя сословія и несутъ на себѣ почти всѣ прямые государственные налоги. Именно, въ настоящее время они платятъ около 111 милліоновъ прямыхъ налоговъ, въ томъ числѣ налоговъ, лежащихъ *на однѣхъ душахъ* (подушная подать, государственный земскій сборъ и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ), болѣе 62 милліоновъ р. *). Опять надобно повторить, что сюда не входятъ ни выкупные платежи, ни губернскіе и уѣздные земскіе сборы, ни особый сборъ на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, ни стоимость натуральныхъ земскихъ повинностей. Стоимость послѣднихъ оцѣнена податною коммисіею, для трехлѣтія 1860—62 года, въ $75\frac{1}{2}$ коп. на душу; мѣстныя же земскія денежныя повинности составляютъ нынѣ для крестьянъ отъ 40 до 70 коп. на душу. Сверхъ того на долю же податныхъ сословій приходится и наибольшая часть косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія, такъ какъ крупнѣйшіе изъ этихъ налоговъ — винный и соляной, преимущественно выбираются съ крестьянъ **).

Господствомъ у насъ подушнаго налога Россія обязана крутымъ реформамъ Петра Великаго и послѣдующей недѣятельности нашего законодательства, которое, вплоть до настоящаго царствованія, не только оставляло безъ измѣненія мѣры, принятыя нѣкогда въ трудныхъ обстоятельствахъ, но часто еще распространяло и усиливало ихъ дѣйствіе. По учрежденіи регулярной арміи, Петръ I обратилъ преж-

*) По окладу же на 1868 г. *личные* налоги возрасли до 70.200,000 руб., именно: подушная подать назначена 42.000,000, государственный земскій сборъ въ 24.400,000, и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ въ 3,800,000 (см. Указат. правит. распор. по мин. фин. 1869 г. октября 1-го).

**) Соляной акцизъ, около 10 милліоновъ, имѣетъ впрочемъ всѣ свойства прямаго подушнаго налога, ибо онъ уплачивается всѣми безъ исключенія жителями, и притомъ бѣдными въ такомъ же размѣрѣ, какъ и богатыми.

нюю временную земскую повинность, содержаніе войска, въ постоянную государственную подать. Вначалѣ она однако взималась по прежнимъ способамъ: у сельскихъ жителей съ дворовъ, а у посадскихъ съ доходовъ. Въ то время къ землѣ были прикрѣплены (со времени уничтоженія юрьева дня) одни лишь хозяева дворовъ, или тяглые крестьяне; братья и дѣти ихъ и вообще крестьяне, въ тяглѣ несостоявшіе (гулящіе), могли свободно переходить съ одного мѣста на другое. Пользуясь такимъ правомъ, многіе крестьяне, чтобы не попасть въ тягло и не платить податей, покидали свои деревни и бѣгали по сторонамъ, а дворы, лишась рабочихъ рукъ, уничтожались. Чтобы заставить людей податныхъ состояній не уклоняться отъ наложенныхъ на нихъ платежей, Петръ принялъ рѣшительную мѣру — произвелъ поголовное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, учредивъ *ревизію* и введя *подушную подать* (плакатъ 1724 г.), которую сельскія общества обязаны были платить за всѣхъ людей мужескаго пола, приписанныхъ къ нимъ по ревизіи, даже за младенцевъ и людей умершихъ или сданныхъ въ рекруты послѣ ревизіи. Мѣра эта дала Петру I средства преобразовать слабое московское государство въ сильную военную державу, но она же имѣла роковое вліяніе на все послѣдующее гражданское и экономическое развитіе Россіи. Впрочемъ вначалѣ подушную подать платили только тѣ крестьяне и посадскіе люди, съ ихъ домочадцами мужескаго пола, которые пахали пашню или производили промыслы и торговлю; слуги, кормившіеся жалованьемъ, не полагались въ окладъ. Послѣдующія правительства, постепенно умножая прямые налоги, всегда держались той же подушной системы, падавшей на одни податныя сословія: по душамъ раскладывались и земскіе сборы, и сборъ на капиталъ продовольствія, и оброчная подать съ общественнымъ сборомъ у государственныхъ крестьянъ. Только начиная съ конца прошедшаго царствованія, бóльшая часть оброчной подати постепенно переведена на землю и доходы съ земли и промысловъ (въ окадастрованныхъ губерніяхъ). Наконецъ по душамъ раскладывались и натуральныя земскія повинности, лежавшія доселѣ на однихъ крестьянахъ. Подушная система до чрезвычайности упрощала для администраціи исчисленіе и взиманіе податныхъ окладовъ, ибо подати считаются ле-

жащими не на каждомъ отдѣльномъ лицѣ, а на цѣломъ обществѣ, которое и отвѣчаетъ за нихъ предъ правительствомъ круговою порукою. Когда правительству требовалось увеличить свой доходъ, то ему стоило только прикинуть по нѣскольку лишнихъ гривенъ на ревизскую душу, или повелѣть произвести новую ревизію. Слѣдуя примѣру правительства, сами общества, городскія и сельскія, устанавливая у себя разные сборы, держались большею частію подушнаго расчета. Такимъ образомъ у насъ прямые налоги всею своею тяжестію ложились на личный трудъ бѣднѣйшихъ классовъ, живущихъ дневнымъ заработкомъ, а капиталъ, даже недвижимый, то есть самый естественный и общепринятый предметъ обложенія, изъятъ былъ отъ всякаго прямаго налога. Только съ 1863 г. установленъ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Дворянскія земли доселѣ не платятъ у насъ никакого государственнаго налога, хотя такая привилегія, послѣ освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, не имѣетъ никакого разумнаго оправданія. Обширныя и доходныя земли, пріобрѣтенныя, въ особенности послѣ реформы 1861 г., лицами другихъ сословій, также не платятъ въ государственное казначейство никакого налога. Большія промышленныя и торговыя заведенія, акціонерныя общества, банкирскія конторы и т. п., приносящія часто громадный доходъ своимъ хозяевамъ и участникамъ, платятъ въ казну ничтожнѣйшіе, сравнительно съ ихъ доходами, сборы. Чтобы читатель могъ судить, до какой степени доходятъ у насъ подобныя несообразности въ налогахъ, приведу одинъ примѣръ изъ тысячи: пароходное общество Нептунъ, капиталъ котораго равняется 900,000 руб., платитъ въ казну всего на все 30 руб., то есть стоимость получаемаго имъ билета, и даже не вноситъ гильдейскихъ пошлинъ; стало быть оно платитъ въ государственный бюджетъ столько же, сколько платятъ среднимъ числомъ 6 крестьянскихъ душъ *), на которыхъ сверхъ того лежатъ другія денежныя и натуральныя повинности. Подушный налогъ, основываясь единственно на числѣ душъ, растетъ съ увеличеніемъ числа душъ, безъ всякаго

*) Временно-обязанные крестьяне взносятъ подушныхъ и государственныхъ земскихъ среднимъ числомъ около 2 р. 75 к. съ души, а государственные крестьяне уплачиваютъ въ казну всего около 7 р.

соображенія съ суммою матеріальныхъ средствъ податныхъ сословій; онъ одинаково распредѣляется между бѣдными и богатыми обществами; за малолѣтнихъ, стариковъ, умершихъ, неспособныхъ къ работѣ и рекрутъ платятъ работники. Въ селеніяхъ съ участковымъ пользованіемъ часто случается, что хозяинъ, съ однимъ всего работникомъ въ семействѣ, платитъ за 4 и 5 душъ, а другой, имѣющій много работниковъ и большій участокъ, платитъ за 2 или за одну душу. Подушная система имѣла и въ нравственномъ отношеніи весьма невыгодное вліяніе на всѣ классы народа: въ привилегированныхъ сословіяхъ она вкореняла мысль, что вся тягость содержанія государства должна падать только на низшіе, рабочіе классы, а эти послѣдніе она заставляла относиться къ существующему государственному порядку не только съ недовѣріемъ, но часто съ открытою враждебностію. Еще современникъ Петра Великаго, нашъ доморощенный политико-экономистъ крестьянинъ Посошковъ, понималъ вредъ и несправедливость подушной системы и необходимость основывать налоги на имущественныхъ цѣнностяхъ. Въ своемъ сочиненіи онъ говоритъ: „А и во счисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быти, понеже душа вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣны неимущая; надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя“. Противъ подушнаго же оклада вопіяли въ своихъ писаніяхъ старовѣры, называя его дѣломъ богопротивнымъ и порожденіемъ антихристовымъ, такъ какъ онъ облагалъ данью даже души умершія и невинныхъ младенцевъ. Мы видѣли, что подушный налогъ не только отнимаетъ у крестьянина возможность сдѣлать сбереженіе, но и уноситъ изъ его заработка часть дневнаго пропитанія. Извѣстный экономистъ Росси справедливо замѣчаетъ, что какъ скоро налогъ превышаетъ ту часть изъ пріобретѣнія плательщика, которую этотъ послѣдній въ состояніи сберечь, то неизбѣжно наступаетъ разореніе страны. Къ этому можно добавить, что разореніе плательщиковъ вездѣ влечетъ за собою и нравственную ихъ испорченность, вызываетъ у нихъ неуваженіе къ закону и чужой собственности, дѣлаетъ ихъ склонными къ обману и преступленіямъ, располагаетъ ихъ къ безпечности, лѣности и пьянству. Въ Англіи налогъ на личный трудъ человѣка, или на его заработокъ, извѣстенъ подъ характеристическимъ названіемъ налога къ бунту.

Подушная система, кромѣ чрезмѣрной неуравнительности государственныхъ налоговъ, произвела два другія, бѣдственныя для податныхъ сословій явленія: круговую поруку и существующую у насъ паспортную систему. Такъ какъ подушная подать не имѣетъ никакой вещественной гарантіи, то правительство по необходимости должно было обезпечить ея поступленіе круговою порукою цѣлыхъ обществъ. Условіе это не только разорительно для крестьянъ, но имѣетъ на нихъ самое вредное нравственное вліяніе: подрывая убѣжденіе, что всякій долженъ самъ за себя отвѣчать, круговая порука однихъ поощряетъ къ безпечности и накопленію недоимокъ, а у другихъ отнимаетъ энергію и охоту къ увеличенію своего состоянія. Взысканіе недоимокъ сопровождается задержаніемъ недоимщиковъ и наказаніемъ ихъ какъ преступниковъ: они отдаются въ заработки, сдаются въ рекруты не въ очередь, ссылаются на поселеніе и даже подвергаются отъ общества тѣлеснымъ наказаніямъ. Такія дѣйствія, вызываемыя недоимками, часто вполнѣ невольными, возмущаютъ недоимщиковъ противъ несправедливости закона и общества, ожесточаютъ и приводятъ въ отчаяніе ихъ сердца и не рѣдко дѣлаютъ изъ нихъ вѣчныхъ пролетаріевъ или же враговъ общественнаго порядка. Съ другой стороны, въ слѣдствіе подушной системы и круговой поруки, каждый членъ податнаго общества долженъ отбывать всѣ свои повинности не на мѣстѣ своего дѣйствительнаго жительства, а на мѣстѣ своей приписки по ревизіи, хотя бы онъ былъ отдаленъ отъ этого мѣста на сотни верстъ и хотя бы даже не имѣлъ тамъ ни семейства, ни земельнаго надѣла. Такое условіе достигается принятою у насъ системою паспортовъ, которые выдаются отъ обществъ всѣмъ отлучающимся лицамъ. Паспорты введены Петромъ Великимъ и имѣли вначалѣ чисто полицейскую цѣль, служили для воспрепятствованія укрывательству бѣглыхъ солдатъ и матросовъ. По введеніи же ревизіи и подушной подати съ круговою порукою, паспорты получили и другое значеніе, явились средствомъ обезпеченія обществъ въ исправномъ вносѣ податей и въ отбываніи повинностей отсутствующими членами. Общества стали выдавать паспорты только тѣмъ лицамъ, которыя уплатили подати и отправили повинности, и притомъ на то только время, за ко-

торое подати уплачены и повинности отправлены. Для податныхъ обществъ паспорты сдѣлались средствомъ слѣдить за отсутствующими членами и побуждать ихъ къ исправному вносу податей и отбыванію повинностей. Съ 1763 г. паспорты получили еще третье значеніе—финансовое: правительство, въ слѣдствіе усвоеннаго имъ начала, что прямые налоги должны выбираться исключительно съ низшихъ сословій, воспользовалось паспортами, чтобы сдѣлать изъ нихъ новый налогъ на рабочіе классы въ польку казны, и обложило паспорты пошлиною (въ настоящее время: за полугодичные 85 к., годичные 1 р. 45 к., двухгодовые 2 р. 90 к., трехгодовые 4 р. 35 к.). Это третье значеніе паспортовъ не можетъ уже быть ничѣмъ оправдано, ибо здѣсь налогъ падаетъ на простое передвиженіе лица для отысканія себѣ заработковъ, т. е. на такое дѣйствіе, которое и безъ того сопряжено съ лишеніями для отходящаго работника и никакъ не можетъ служить признакомъ его матеріальныхъ средствъ. Налога на паспорты внутри отечества не существуетъ ни въ одномъ другомъ цивилизованномъ государствѣ. Паспорты, задерживая передвиженіе лицъ податнаго сословія съ одного мѣста на другое, тѣмъ самымъ затрудняютъ ихъ въ пріисканіи заработковъ и средствъ существованія, препятствуютъ развитію промысловъ и торговли и подсѣкаютъ народное благосостояніе въ самомъ корнѣ. Они же даютъ обществамъ возможность подвергать отсутствующихъ членовъ несправедливымъ и разорительнымъ поборамъ; слѣдовательно, къ тяжести и неуравнительности налоговъ, паспорты прибавляютъ еще ихъ неопредѣленность и произвольность, чтò, по справедливому замѣчанію Адама Смита, имѣетъ весьма вредное вліяніе на нравственность народа, порождая своеволіе, распри и обманы. Наконецъ, въ слѣдствіе той же подушной системы, перечисленіе податныхъ лицъ изъ одного общества въ другое возможно не иначе, какъ съ вѣдома казенной палаты и съ соблюденіемъ множества обременительныхъ и большею частію невыполнимыхъ для крестьянина формальностей.

Такимъ образомъ подушная система, съ ея послѣдствіями, не только взвалила на плечи крестьянъ почти всю массу прямыхъ государственныхъ налоговъ, но еще связала ихъ по рукамъ и ногамъ въ пріиска-

ніи средствъ уплачивать эти налоги; она-то преимущественно держитъ нашихъ крестьянъ на степени, близкой къ пролетаріату, и не даетъ имъ подняться и стать на ноги. Наше прославленное богатство, выставляемое на показъ небольшимъ числомъ счастливцевъ изъ привилегированныхъ классовъ, есть только бархатная заплата на сермяжномъ рубищѣ; но стоитъ только проѣхаться внутрь Россіи, чтобы видѣть, что это есть страна нищенствующихъ, голодныхъ и холодныхъ.

Единственное средство выдти изъ такого положенія есть уничтоженіе всякаго личнаго налога и замѣна его налогомъ имущественнымъ, падающимъ на всѣхъ собственниковъ и производителей. Имущественный налогъ долженъ одинаково распространяться какъ на капиталы или доходы поземельные, такъ и на капиталы или доходы торговые и ремесленные. Возложить прямые налоги преимущественно на одну поземельную собственность и сельскихъ обывателей было бы не только несправедливо, но и крайне опасно для нашего земледѣлія. Извѣстно, что у насъ поземельная собственность и земледѣліе гораздо менѣе доходны, чѣмъ торговыя и промышленныя предпріятія, которыя значительно эксплуатируютъ въ свою выгоду и трудъ крестьянина, и поземельную собственность помѣщиковъ. Если бы только одни душевые налоги, то есть подушную подать, государственный земскій сборъ и общественный сборъ съ государ. крестьянъ, составляющіе нынѣ 62 милліона руб., переложить на всѣ удобныя земли, находящіяся во владѣніи помѣщиковъ и крестьянъ и составляющія, по свѣдѣніямъ податной коммисіи, 176.917,000 десятинъ *), то пришлость бы брать съ десятины среднимъ числомъ по 35 коп.; а если бы поземельную подать разложить по губерніямъ въ той же пропорціи, въ которой нынѣ падаетъ на нихъ подушный налогъ, то въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пришлось бы брать по 60 и даже 70 коп. съ десятины. Сюда же надобно присоединить суще-

*) Именно: за помѣщиками 69.421,000 дес.; за крестьянами, уволенными изъ крѣпостной зависимости, 35.779,000 дес.; за государственными: казенныхъ земель 58.007,000 дес., собственныхъ 2,003,000 дес.; за удѣльными 3.563,000 дес.; остальное количество земель состоитъ за поселянами разныхъ наименованій; а всего удобной земли въ Европейской Россіи 176.917,000 дес.

ствующіе поземельные сборы, назначаемые земскими собраніями на мѣстныя потребности и составляющіе, съ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, отъ 10 до 25 к. на десятину. Такого налога рѣшительно не могли бы выдержать наши земли, въ числѣ которыхъ есть много пространствъ, лежащихъ впустѣ и недающихъ никакого дохода. Несправедливо было бы поступить и такъ, какъ предлагала податная коммисія: по ея мнѣнію, изъ существовавшаго въ 1862 году душеваго налога 44.380,000 руб. слѣдовало переложить на всѣ вообще земли только 8.057,000 руб.; затѣмъ на городскія строенія, строенія въ уѣздахъ, принадлежащія лицамъ, неприписаннымъ къ сельскимъ обществамъ, и на торговые и промысловые документы переложить всего 4.300,000, а всю остальную сумму 32.381,000 сбирать съ крестьянскихъ дворовъ, то есть, другими словами, съ тѣхъ же крестьянскихъ душъ, только подъ другимъ названіемъ. Истинное уравненіе прямыхъ налоговъ можетъ быть произведено только тогда, когда они будутъ ложиться не на одну поземельную собственность и не на одну деревню, а когда къ нимъ будутъ привлечены всѣ капиталы и всѣ производства страны.

Всякій конечно понимаетъ, что такая реформа податей есть дѣло весьма нелегкое, и что она, кромѣ рѣшимости правительства ее исполнить, потребуютъ отъ своихъ исполнителей много знаній, практической опытности и труда. Какъ было слышно, противъ имущественнаго налога дѣлаемы были у насъ слѣдующія возраженія: трудность для администраціи исчисленія и взиманія такого налога, трудность контроля, необезпеченность правительства въ томъ, что имущественный налогъ сполна покроетъ предположенную цифру дохода и что сборъ его ни уменьшится въ слѣдствіе какихъ-либо непредвидимыхъ причинъ, наконецъ неблаговременность такой реформы при нынѣшнемъ положеніи нашихъ финансовъ. На первыя возраженія, относительно трудности исчисленія, взиманія и контроля, можно отвѣчать только одно — что не государство существуетъ для удобствъ администраціи, а наоборотъ — администрація назначена служить для выгодъ и удобствъ государства. Къ чему же послѣ этого ведутъ разныя, довольно дорого стоющія преобразованія и перестановки въ финансовомъ и контроль-

номъ вѣдомствахъ, если онѣ замѣняютъ только однѣ формы другими, нисколько не улучшая нашихъ финансовъ и не способствуя правильному распредѣленію налоговъ между жителями? Подушной подати не существуетъ ни въ одномъ другомъ европейскомъ государствѣ, исключая Турціи (гдѣ сбирается харачъ, или поголовный налогъ съ христіанъ), а между тѣмъ справляются же тамъ администраціи, и справляются даже съ такою сложною системою, какъ напримѣръ классифицированная подать въ Пруссіи, или съ такимъ трудно-исчисляемымъ налогомъ, какъ подоходная подать въ Англіи. Даже въ нашей Финляндіи введена уже недавно подоходная подать и до сихъ поръ даетъ очень удовлетворительные результаты. Относительно втораго возраженія, именно — что при имущественномъ налогѣ правительство не ограждено отъ возможности уменьшенія дохода противъ предположенной въ бюджетѣ цифры, слѣдуетъ во первыхъ замѣтить, что и при существующей системѣ, не смотря на круговую поруку, происходили каждый годъ, особенно въ прежнее, крѣпостное время, значительные недоборы въ податяхъ; но уравнительное распредѣленіе налоговъ, облегчивъ рабочіе классы, непремѣнно должно повести къ большему развитію земледѣлія и промысловъ, къ увеличенію народнаго богатства, а слѣдовательно и къ увеличенію доходовъ казны. Опытъ достаточно уже показалъ, что круговая порука не только не есть условіе, обезпечивающее вѣрность поступленія налоговъ, но условіе, ведущее только къ разоренію податныхъ сословій и къ накопленію неоплатныхъ недоимокъ. Послѣднее возраженіе, указывающее на неблаговременность податной реформы, дѣйствительно представляется на видъ довольно полновѣснымъ. Но прежде всего надобно спросить у возражателей: имѣется ли въ виду какое нибудь другое средство для поправленія нашихъ финансовъ? Если имѣется, то слава Богу! Тогда, пожалуй, можно и повременить съ податною реформою, пока, съ помощію упомянутаго средства, устранятся наши ежегодные дефициты, прекратятся ежегодные займы, уплатится нѣкоторая часть нашего долга, облегчится тяжесть лежащихъ на народѣ налоговъ. Но если, паче чаянія, такого средства въ виду не имѣется, то не представляется ли податная реформа, въ сказанномъ смыслѣ, мѣрою не только

благовременною, но самою настоятельною и единственною мѣрою, которая можетъ хотя отчасти уравновѣсить средства страны съ требуемыми отъ нея жертвами и предотвратить развязку, которая близится къ Россіи исполинскими шагами? Государство въ опасности, въ опасности не исполнить предъ цивилизованнымъ міромъ своихъ обязательствъ, разстроить ходъ своего внутренняго механизма за недостаткомъ средствъ, наконецъ, въ случаѣ войны, остаться безъ способовъ защиты. Всѣ сословія обязаны принять участіе въ спасеніи государства. Это есть долгъ, предписываемый не только государственною необходимостію, но благороднымъ чувствомъ патріотизма и политическою нравственностію народовъ. Сословія, ненесущія на себѣ тяжести расходовъ государства, привыкаютъ смотрѣть безучастно на его бѣдствія и оставаться равнодушными къ его славѣ и чести; въ нихъ притупляются чувства гражданскихъ добродѣтелей и они предаются политическому усыпленію; по неспособности къ мужественной гражданской дѣятельности, они изощряются только въ безплодной критикѣ и безсильномъ фрондерствѣ. Люди, неощущающіе на своихъ собственныхъ достаткахъ неудобствъ и тяжестей извѣстнаго порядка, обыкновенно не только остаются равнодушными къ его улучшенію, но еще сами бываютъ склонны, въ качествѣ правительственныхъ или общественныхъ дѣятелей, легкомысленно расточать государственныя и народныя средства. Между сословіями, платящими и неплатящими на содержаніе государства, образуется пропасть, которую не въ состояніи наполнить никакіе фразы и подвиги дешеваго либерализма. Такія сословія никогда не могутъ идти объ-руку въ политической жизни государства: со стороны однихъ всегда будетъ недовѣріе и зависть, со стороны другихъ—малодушіе и себялюбіе. Только тѣ народы рано проходили политическую школу и спокойно вступали въ обладаніе политическими правами, у которыхъ образованныя сословія несли вмѣстѣ съ другими тяжесть государственныхъ расходовъ. Если бы у насъ и было даже признано возможнымъ сократить внутренніе государственные расходы, то одно погашеніе нашихъ громадныхъ займовъ требовало бы удержать на долгое время существующій итогъ налоговъ; слѣдовательно, и въ этомъ даже случаѣ, представляется настоятельною

8

необходимостію, посредствомъ уравненія налоговъ, обезпечить ихъ поступленіе на будущее время и спасти земледѣльческій классъ отъ окончательнаго разоренія и несостоятельности.

Опытъ другихъ государствъ показываетъ, что ни займы, явные или замаскированные, ни обращеніе къ капиталамъ сохранныхъ банковъ, ни выпуски билетовъ, ни возвышеніе пошлинъ на предметы потребленія, никогда не поправляли разстроенныхъ финансовъ, а поправляли ихъ, во первыхъ, уменьшеніе расходовъ, и потомъ коренныя улучшенія въ системѣ прямыхъ налоговъ, подобныя напримѣръ введенію подоходной подати въ Англіи. Эта подать (существовавшая и прежде отъ 1798 по 1815 г.) была возстановлена Робертомъ Пилемъ въ 1842 г., при самомъ критическомъ положеніи англійскихъ финансовъ: пять лѣтъ къ ряду расходъ превышалъ доходы среднимъ числомъ на полтора милліона фунтовъ ежегодно, а въ бюджетѣ на 1842 — 1843 годъ дефицитъ значился въ 2.500,000 фунтовъ. Къ тому же, въ эпоху введенія этой подати и въ послѣдующіе затѣмъ года, надъ Англіею обрушились экономическія бѣдствія: народъ страдалъ отъ неурожаевъ и застоя мануфактурныхъ работъ; въ слѣдствіе общаго стѣсненія въ способахъ жизни, въ странѣ распространились политическія волненія, предводимыя чартистами. Противъ реформы Пиля раздавались въ обѣихъ палатахъ сильныя осужденія: подоходную подать называли налогомъ ненавистнымъ, указывали на ея неблаговременность, стращали правительство тѣмъ, что оно не выберетъ предположенной цифры дохода и ошибется въ своихъ расчетахъ. Однако, когда, въ виду убѣдительныхъ доводовъ Пиля, подоходная подать, въ размѣрѣ 3%, была принята палатами, какъ временная мѣра, то результаты ея превзошли ожиданія даже самыхъ ревностныхъ ея поборниковъ: со втораго же года доходы государства стали перевѣшивать расходъ и давать значительныя сбереженія (болѣе чѣмъ на 2.000,000 фунтовъ въ годъ); пошлины на главнѣйшіе предметы потребленія были убавлены или вовсе отмѣнены, что̀ чрезвычайно облегчило низшіе рабочіе классы; національный долгъ былъ уменьшенъ, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, на 9.230,000 фунтовъ, а ежегодные проценты по нему на 1.437,000 фунтовъ. Наконецъ эта же

мѣра облегчила Роберту Пилю возможность совершить великую реформу — отмѣну хлѣбныхъ законовъ, имѣвшую впрочемъ уже не финансовое, а политическое значеніе для всей послѣдующей судьбы Англіи. Въ слѣдствіе облегченія низшихъ классовъ, волненія чартистовъ прекратились и Англія спокойно выдержала эпоху политическихъ потрясеній, колебавшихъ всю Европу съ 1848 г. Подоходная подать, принятая сначала только на три года, какъ временная мѣра, была постоянно удерживаема палатами, и въ министерство Гладстона получила еще бо̀льшее развитіе. Въ 1842 г., предъ возстановленіемъ подоходной подати, прямой налогъ на землю и дома составлялъ въ Англіи только 3.000,000 фунтовъ, въ числѣ 52.000,000 общаго дохода казны; остальное получалось съ косвенныхъ налоговъ. Подоходная подать, павшая на 500,000 богатѣйшихъ семействъ (доходы ниже 150 фунтовъ не облагались налогомъ), возстановила отчасти равномѣрное распредѣленіе повинностей. Въ настоящее время въ Англіи прямой налогъ составляетъ, какъ и во Франціи, около четверти всѣхъ государственныхъ налоговъ. Кромѣ того, уничтоженіе пошлины на привозный хлѣбъ сняло съ народа страшную подать, около четверти милліарда фунтовъ, поступавшую въ карманы землевладѣльцевъ или милордовъ.

Впрочемъ да не подумаетъ читатель, что я считаю подоходную подать самою удобопримѣнимою къ Россіи; я указываю на реформу Пиля, только какъ на одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ, что разстроенное состояніе финансовъ поправлялось не возвышеніемъ косвенныхъ сборовъ, а напротивъ того — болѣе правильнымъ распредѣленіемъ прямыхъ налоговъ, соединеннымъ съ пониженіемъ акцизовъ и пошлинъ. У насъ введеніе подоходной подати представило бы много практическихъ затрудненій, но не потому, чтобы эта подать была возможна, какъ многіе думаютъ, только въ странахъ богатыхъ капилами и промышленностію (примѣръ Финляндіи опровергаетъ такое мнѣніе), а потому, что подоходная подать, по самому своему существу, всего болѣе основывается на собственныхъ показаніяхъ плательщиковъ: при понятіяхъ же, вкоренившихся во всѣхъ нашихъ сословіяхъ о казнѣ и о долгѣ подданныхъ къ государству, у насъ нельзя ожи-

дать ни малѣйшей вѣрности въ показаніяхъ о доходѣ. При такомъ порядкѣ, неизбѣжны бы были безпрестанные розыски и вмѣшательства чиновниковъ казны въ частную жизнь, и слѣдовательно безпрерывныя столкновенія, большіе штрафы, неуслѣдимыя злоупотребленія. Подоходная же подать, классифицированная до малѣйшихъ подробностей, подобно существующей въ Пруссіи, была бы также не въ нравахъ нашего народа и вела бы еще къ бо́льшему вмѣшательству чиновниковъ въ жизнь частныхъ лицъ. Но подать съ имуществъ всѣхъ возможныхъ видовъ, движимыхъ и недвижимыхъ, основанная на несложныхъ способахъ оцѣнки, была бы вполнѣ у насъ возможна. Нѣтъ никакой надобности гнаться за математическою точностію таксъ и оцѣнокъ, которая притомъ никогда недостижима на практикѣ; но само собою разумѣется, что необходимо принимать въ соображеніе не одну абсолютную величину имуществъ, а и ихъ производительную силу въ данное время. Всякій имущественный налогъ есть въ сущности налогъ на доходъ, получаемый съ извѣстнаго имущества; имущество, неспособное въ данное время приносить никакого дохода, не можетъ подлежать и никакому налогу. Надобно только различать непроизводительность имущества, зависящую отъ доброй воли его владѣльца, отъ непроизводительности, лежащей въ условіяхъ, неустранимыхъ въ данное время: въ первомъ случаѣ налогъ будетъ справедливъ и даже полезенъ для самаго владѣльца имущества, ибо побудитъ его сдѣлать изъ своего имущества полезное употребленіе; во второмъ случаѣ налогъ будетъ уже падать не на имущество, неспособное давать дохода, а на лицо его владѣльца. Конечно лѣса, находящіеся въ восточной части губерній Вологодской и Архангельской, составляютъ громадный имущественный капиталъ; но это есть капиталъ будущаго, а въ настоящее время онъ не можетъ приносить никакого дохода. Мельница, которой устройство стоило 2000 руб., но которая, по счастливымъ условіямъ мѣстности, даетъ тысячу руб. дохода, не можетъ подлежать такому же обложенію, какъ вблизи ея лежащій клочокъ земли въ 50 десятинъ, стоющій также 2000 руб., но дающій дохода всего 150 руб. Такое обложеніе было бы въ высшей степени неуравнительно, ибо въ этомъ примѣрѣ мельница, какъ и всякое промышленное заведеніе, представ-

ляетъ капиталъ не своимъ строеніемъ, а своимъ производствомъ или годовымъ оборотомъ. Подобная, очевидная доходность необходимо должна быть включаема въ капитальную цѣнность имуществъ, и не требуетъ для своего приблизительнаго измѣренія ни подробныхъ таксацій, ни собственнаго показанія производителей. Налогъ, основанный на такихъ началахъ, по своей равномѣрности, производительности и несложности, заключалъ бы всѣ выгоды подоходной подати и въ то же время не имѣлъ бы ея практическихъ неудобствъ.

Безплодность бывшихъ у насъ доселѣ попытокъ къ преобразованію податной системы даетъ право предполагать, что одни офиціальныя лица не смогутъ двинуть впередъ этого труднаго вопроса. Сознаніе же собственнаго безсилія будетъ естественнымъ образомъ побуждать ихъ къ отрицанію самой возможности коренной реформы въ податяхъ; въ замѣнъ того, они будутъ ограничиваться разными наружными переформированіями и перестановками въ старомъ порядкѣ, которыя, нисколько не измѣняя его сущности, будутъ только увеличивать издержки администраціи и затруднять народъ своею новизною. Такимъ образомъ могутъ предлагать: оставивъ на податныхъ сословіяхъ всю массу нынѣшнихъ подушныхъ налоговъ и не касаясь ихъ сущности, не касаясь даже распредѣленія ихъ по губерніямъ, сдѣлать только нѣкоторыя исправленія въ распредѣленіи ихъ по уѣздамъ, волостямъ и обществамъ, соотвѣтственно бо́льшему или меньшему благосостоянію и платежнымъ средствамъ жителей *). Такая попытка, по всей вѣроятности, не принесетъ народу никакого дѣйствительнаго облегченія, и вотъ по какой причинѣ: подушная подать есть налогъ на личный трудъ; крестьянинъ уплачиваетъ ее, какъ я старался доказать выше, не изъ доходовъ отъ своего надѣла, а изъ постороннихъ заработковъ; слѣдовательно уплата подушной подати зависитъ отъ большей или меньшей трудности личнаго заработка: но не существуетъ никакого вѣрнаго критерія для опредѣленія относительной способности плательщиковъ къ личному заработку, ибо тутъ входятъ не одни

*) Такое предположеніе дѣйствительно существовало въ правительственныхъ сферахъ, когда въ первый разъ появилась въ печати настоящая статья (въ 1867 г.).

вещественныя, но и нравственныя условія — промышленный духъ, умственная развитость, энергія и любовь къ труду плательщиковъ. Кому напримѣръ легче заработать деньги, крестьянину ли хлѣбороднаго Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи, или же крестьянину малопроизводительнаго Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи? Какой губерніи легче выносить нынѣшнюю подушную подать, хлѣбородной ли Курской, гдѣ на 820 кв. миль приходится 1.827,000 жителей, исключительно земледѣльцевъ, или же безплодной Ярославской, гдѣ на 620 кв. миль приходится всего 969,000 промышленнѣйшаго населенія? Какое общество слѣдуетъ обложить бо̀льшимъ окладомъ — то ли, которое, владѣя хорошими угодьями, разорилось, въ слѣдствіе ли какихъ нибудь естественныхъ бѣдствій, или въ слѣдствіе повальнаго пьянства, или же то, которое, имѣя бѣдныя угодья, процвѣтаетъ единственно чрезъ свою неутомимую дѣятельность? Всѣ подобныя различія въ бо̀льшей или меньшей степени могутъ встрѣчаться въ одной и той же губерніи, въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Переверстаніе податей на основаніи только бо̀льшей или меньшей зажиточности крестьянскихъ обществъ покажется крестьянамъ слишкомъ произвольнымъ и должно возбудить между ними ропотъ и взаимную зависть, такъ какъ это переверстаніе не будетъ имѣть никакого положительнаго основанія, подлежащаго точному измѣренію, подобнаго напримѣръ оцѣнкѣ владѣемыхъ крестьянами угодій. Крестьяне, на которыхъ падетъ надбавка въ податяхъ, скажутъ: на насъ наложили больше за то, что мы прилежнѣе, трезвѣе, бережливѣе другихъ. Если же возразятъ, что относительно крестьянъ есть возможность, и безъ прямой оцѣнки ихъ угодій, взвѣсить всѣ положительныя условія, имѣющія вліянія на ихъ платежную силу, то почему же нельзя взвѣсить такихъ условій и относительно того крупнаго меньшинства, которое не считаютъ возможнымъ обложить прямымъ налогомъ? Какъ кажется, несравненно легче оцѣнить имущества, то есть видимыя и осязаемыя величины, чѣмъ оцѣнить способности плательщиковъ къ личному заработку. Преобразованія, подобныя сейчасъ упомянутому, суть только безплодныя передѣлки стараго на новый ладъ, неспособныя ни облегчить народъ, ни обезпечить правительству болѣе вѣрнаго поступленія доходовъ, ни

устранить какого бы то ни было изъ вредныхъ послѣдствій подушной системы. Такія преобразованія напоминаютъ собою инвентари и правила объ обязанныхъ крестьянахъ, введенные въ прошедшее царствованіе, въ чаяніи облегчить чрезъ нихъ крѣпостное право, уничтоженіе котораго также почиталось тогда невозможнымъ.

Но если коренная реформа податей не подъ силу однимъ офиціальнымъ лицамъ и вѣдомствамъ, то для ея осуществленія есть другое средство — обращеніе къ содѣйствію земства и вообще всѣхъ просвѣщенныхъ и опытныхъ лицъ изъ среды самого общества, какъ для начертанія общихъ основаній податной реформы, такъ и для приведенія ихъ въ исполненіе. Подобное средство было уже испытано просвѣщённымъ правительствомъ нынѣшняго царствованія при освобожденіи крестьянъ. Если крестьянская реформа совершилась у насъ столь удовлетворительно, то Россія обязана этимъ, послѣ непоколебимой и высокой рѣшимости своего Государя, тому именно, что Положеніе о крестьянахъ выработалось не въ канцеляріяхъ, не по личнымъ идеямъ и указаніямъ тѣхъ или другихъ начальствующихъ лицъ, а чрезъ свободное обсужденіе предмета лицами, стоявшими вблизи народной жизни и болѣе или менѣе соединявшими въ себѣ знаніе государственныхъ, сельско-хозяйственныхъ и научныхъ требованій крестьянской реформы. Къ содѣйствію въ этомъ трудѣ были призваны и всѣ землевладѣльцы, въ лицѣ губернскихъ комитетовъ, проекты которыхъ послужили первоначальнымъ матеріаломъ для работъ редакціонныхъ коммисій. Основныя правила податной реформы могли бы быть выработаны коммисіею, составленною на подобіе бывшихъ редакціонныхъ коммисій по крестьянскому дѣлу. Богатые матеріалы, собранные нынѣшнею податною коммисіею, послужили бы при этомъ къ значительному облегченію и ускоренію дѣла; дальнѣйшее же приложеніе основныхъ правилъ естественнѣе всего возложить на земскія учрежденія, чтѷ вполнѣ сообразно и съ назначеніемъ этихъ учрежденій по смыслу закона, и съ ихъ составомъ, образованнымъ изъ представителей всѣхъ плательщиковъ, заинтересованныхъ въ правильномъ распредѣленіи налоговъ. Само правительство могло бы ограничиться раскладкою имущественной подати по губерніямъ, столицамъ и главнѣйшимъ торго-

вымъ городамъ, на основаніи имѣющихся у правительства данныхъ; распредѣленіе же подати по уѣздамъ, а въ уѣздахъ между частными собственниками и крестьянскими обществами, могло бы быть поручено, на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ, земскимъ учрежденіямъ, при содѣйствіи самихъ плательщиковъ. При этомъ должно быть поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы цифра налога, назначеннаго на губернію, вся сполна разлагалась на указанные въ законѣ предметы обложенія. Если только всеобщій имущественный налогъ не будетъ служить у насъ средствомъ къ еще бо̀льшему увеличенію расходовъ и къ еще бо̀льшему отягощенію народонаселенія посредствомъ параллельнаго развитія и косвенныхъ сборовъ на предметы потребленія, то можно быть увѣрену, что оцѣнка имуществъ, при содѣйствіи самихъ сословій, а равно и взиманіе налога не встрѣтятъ затрудненій. До сихъ поръ земскія собранія распредѣляли довольно справедливо, насколько отъ нихъ зависѣло, предоставленные въ ихъ распоряженіе сборы. Мѣстные жители, заинтересованные въ налогахъ, обыкновенно весьма вѣрно оцѣниваютъ предметы обложенія, безъ всякихъ подробныхъ таксъ и регламентацій. Для огражденія же плательщиковъ отъ несправедливыхъ оцѣнокъ, на случай преобладанія въ земскихъ собраніяхъ какихъ нибудь партій, можно бы постановить правиломъ, что земскія учрежденія производятъ только предварительныя оцѣнки и разложенія, которыя потомъ, съ отзывами самихъ плательщиковъ, поступаютъ на разсмотрѣніе казенныхъ палатъ и окончательное утвержденіе министерства финансовъ. У насъ содѣйствіе земства для распредѣленія имущественнаго налога тѣмъ болѣе необходимо, что наши правительственныя учрежденія не имѣютъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ статистическихъ данныхъ, которыя необходимы для оцѣнки имуществъ, производствъ и торговыхъ оборотовъ по всѣмъ уѣздамъ Россіи; кадастръ же, какъ средство для опредѣленія собственно поземельнаго налога, вездѣ признанъ недостигающимъ своей цѣли. Что же касается до того, какъ будетъ принятъ у насъ этотъ налогъ, то нѣтъ сомнѣнія, что вначалѣ многіе будутъ имъ недовольны: недовольны будутъ богатые торговцы, владѣльцы обширныхъ промышленныхъ заведеній, акціонерныя общества, содержатели банкирскихъ конторъ и проч., такъ какъ имъ придется, вмѣсто теперешнихъ гро-

шей, платить въ казну сотни, а иногда и тысячи рублей; недовольны будутъ и помѣщики, давно уже отвыкшіе отъ несенія какой бы то ни было повинности въ пользу государства. Не было въ мірѣ ни одной благодѣтельной реформы, которая вначалѣ не возбуждала бы противъ себя неудовольствія одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, и которая наконецъ не обращалась бы къ общему благу всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, если гордые англійскіе милорды и феодальные прусскіе бароны подчинились имущественному налогу, а въ Англіи подчинились даже отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, противъ которыхъ народъ тщенно вопіялъ двѣсти лѣтъ, то какое же есть основаніе предполагать, что этому налогу не подчинятся наше дворянство и купечество, вышедшія изъ тѣхъ же смиренныхъ рядовъ русскаго земства? Земскія учрежденія, принявъ на себя распредѣленіе имущественнаго налога, вполнѣ окупили бы этимъ трудомъ стоимость ихъ содержанія, доходящаго мѣстами до ста тысячъ на губернію; тогда какъ теперь многіе не безъ основанія думаютъ, что расходъ на содержаніе управъ не вездѣ соотвѣтствуетъ приносимой ими пользѣ. Податная реформа, по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ для народнаго благосостоянія, заняла бы одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду преобразованій настоящаго царствованія.

Съ уничтоженіемъ подушной подати сами собою упразднились бы и круговая порука, неимѣющая смысла при имущественномъ налогѣ, и нынѣшняя система паспортовъ, обусловливаемая главнѣйшимъ образомъ круговою порукою. Здѣсь надобно сдѣлать три замѣчанія. Во первыхъ, общинное пользованіе землею отнюдь не составляетъ препятствія къ уничтоженію круговой поруки, какъ объ этомъ было уже упомянуто въ трудахъ податной коммисіи: общества могутъ, по введеніи имущественнаго налога, раскладывать его, какъ они раскладываютъ теперь подушные сборы, по количеству земли, съ тѣмъ, что, въ случаѣ недоимокъ, участки должны отбираться отъ неплательщиковъ и передаваться другимъ членамъ общества. Во вторыхъ, правила, постановленныя въ Положеніи 19 февраля 1861 г. объ обязательномъ, въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ, держаніи крестьянскими обществами отведенныхъ имъ надѣловъ и всѣ истекающія отсюда чрезвы-

чайно стѣснительныя для крестьянъ условія (Мѣстн. П. ст. 125—145), сами собою упразднятся съ 1870 года; слѣдовательно, и по отношенію къ помѣщичьимъ оброкамъ, уничтоженіе круговой поруки не будетъ представлять никакого затрудненія: общества, если не пожелаютъ удерживать за собою недоимочныхъ участковъ, могутъ тогда отказываться отъ нихъ, и они будутъ поступать въ распоряженіе помѣщиковъ. Отобраніе полевыхъ участковъ допускается и въ настоящее время Положеніемъ, именно: при недоимочности отдѣльныхъ крестьянъ по оброку помѣщику, Положеніе дозволяетъ сельскому обществу *вовсе* отбирать отъ недоимщика его полевой надѣлъ; а въ случаѣ недоимочности всего общества, Положеніе разрѣшаетъ мировому посреднику отбирать отъ общества *до одной трети* существующаго надѣла (Мѣстн. П. ст. 261, 133, 135 и 262 п. 5). Наконецъ относительно паспортовъ слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время они обусловливаются не одною круговою порукою по податямъ и денежнымъ повинностямъ, а также и рекрутскою повинностію, за которую податныя общества равнымъ образомъ отвѣчаютъ круговою порукою. Но круговая порука по рекрутству легко могла бы быть уничтожена всеобщимъ введеніемъ у насъ жеребьеваго порядка (давно уже принятаго для государственныхъ крестьянъ) и примѣненіемъ къ лицамъ, которымъ выпалъ рекрутскій жребій, правилъ, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ во Франціи для конскриптовъ. Тамъ, какъ извѣстно, несмотря на несуществованіе круговой поруки и нашихъ паспортовъ, ни одинъ конскриптъ не можетъ уклониться отъ явки на службу (за отсутствующихъ лицъ жребій вынимается меромъ общины). Несмотря на нѣкоторыя преимущества очереднаго порядка, именно на его бо́льшую уравнительность, для податныхъ сословій все-таки несравненно выгоднѣе подчиниться меньшей уравнительности жеребьеваго порядка, чѣмъ оставаться подъ всегдашнимъ и непрерывнымъ гнетомъ нынѣшней паспортной системы. Впрочемъ ничто не доказываетъ, чтобы, и при существованіи очереднаго порядка, нельзя было отмѣнить существующей у насъ паспортной системы и примѣнить къ податнымъ лицамъ, состоящимъ на очереди, тѣхъ же французскихъ правилъ относительно конскриптовъ. Многіе у насъ думаютъ, что не

слѣдуетъ дѣлать въ существующемъ порядкѣ рекрутства никакихъ крупныхъ измѣненій, на томъ основаніи, что не далеко отъ насъ то время, когда воинская служба сдѣлается общею государственною повинностію всѣхъ сословій. Какъ ни желательна такая реформа, но во первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что время ея введенія еще слишкомъ неопредѣленно и гадательно; а потомъ надобно признаться, что все же она не принадлежитъ къ числу самыхъ необходимыхъ и настоятельныхъ требованій настоящаго времени, и что, въ ожиданіи ея, нельзя откладывать уничтоженія такого чувствительнаго зла, какъ нынѣшняя паспортная система. Излишне добавлять, что финансовое значеніе паспортовъ не можетъ составлять препятствія къ ихъ уничтоженію: не говоря уже о крайней несправедливости этого налога, слѣдуетъ замѣтить, что онъ даетъ казнѣ сборъ, недоходящій и до 2.000,000; эта сумма легко могла бы быть возмѣщена при прямомъ обложеніи имуществъ. По уничтоженіи нынѣшнихъ паспортовъ, они могли бы быть замѣнены, собственно въ видахъ полицейскихъ, безсрочными свидѣтельствами, удостовѣряющими личность и званіе предъявителя и выдаваемыми отъ мѣстнаго начальства. Въ Петербургѣ много уже лѣтъ существуетъ особая коммисія для преобразованія паспортной системы. Публикѣ неизвѣстно, пришла ли она къ какимъ нибудь заключеніямъ; но можно предвидѣть, что, до уничтоженія подушныхъ налоговъ и круговой поруки, никакія существенныя улучшенія относительно паспортовъ невозможны. Пожалуй, что новыя правила, именно по своей новизнѣ, еще болѣе затруднятъ податныя лица, нисколько не устранивъ главнаго зла, рабской зависимости этихъ лицъ отъ произвола обществъ, въ случаѣ временныхъ или постоянныхъ отлучекъ изъ мѣстъ приписки. Легче строить новое зданіе, чѣмъ въ старомъ и негодномъ дѣлать частныя исправленія.

Упомянувъ выше о желаемомъ введеніи у насъ жеребьеваго рекрутскаго порядка, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о томъ, какимъ образомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, близко знакомыхъ съ настоящимъ предметомъ, этотъ порядокъ могъ бы быть осуществленъ. По объявленіи жеребьеваго порядка повсемѣстно обязательнымъ и по наступленіи набора, высочайшій манифестъ назначаетъ число рекрутъ отъ каждой тысячи.

Къ вынутію жеребья призываются: въ 1871 году — родившіеся въ 1849 г.; въ 1872 г. — родившіеся въ 1850 г. и т. д. Каждой волости, въ которой не окажется достаточнаго числа способныхъ рекрутъ опредѣленнаго возраста, слѣдуетъ предоставить замѣнять ихъ, по жребію, изъ родившихся въ предшествующіе годы, 1848 и 1847. Отъ рекрутства освобождаются тѣ же лица, которыя освобождаются и нынѣ, по ст. 905 и 909 Рекр. Устава. Послѣ предварительнаго совѣщанія волостнаго схода, волостныя правленія самостоятельно приступаютъ къ набору и къ отдачѣ рекрутъ прямо въ ближайшее рекрутское присутствіе, съ письменнымъ приговоромъ схода. Всѣ, по возрасту подходящіе къ жеребью, вынимаютъ нумера два раза. Въ первый разъ они подходятъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ записаны въ ревизскихъ сказкахъ: нумера, вынутые въ этотъ разъ, опредѣляютъ очередь, по которой люди должны подходить къ урнѣ. Запечатанные нумера, вынутые во второй разъ, опредѣляютъ отдачу въ рекруты. Сверхъ опредѣленнаго числа рекрутскихъ нумеровъ, слѣдуетъ еще имѣть половинное число нумеровъ для подставныхъ: въ случаѣ негодности рекрута, его замѣняетъ первый подставной, по порядку нумеровъ. Введеніе жеребьеваго порядка, кромѣ связи его съ уничтоженіемъ круговой поруки и паспортовъ, принесло бы и слѣдующія весьма важныя выгоды. При послѣднихъ наборахъ поступали въ рекруты люди, имѣвшіе отъ 22 до 30 лѣтъ. Такой порядокъ представляетъ многія неудобства: семьянинъ, въ теченіе 8 лѣтъ, съ безпокойствомъ ждетъ своей очереди; это ожиданіе у многихъ отнимаетъ энергію и охоту къ домоводству; родители, не зная напередъ, когда очередь дойдетъ до ихъ сына, и желая поскорѣе имѣть работницу въ домѣ, женятъ сына 18-ти лѣтъ, отъ чего у насъ половина рекрутъ женатые; женатые рекруты оставляютъ женъ и дѣтей на попеченіе родныхъ или общества, но тѣ и другія тяготятся ими и судьба солдатокъ и ихъ дѣтей бываетъ большею частію самая горькая. При жеребьевомъ же порядкѣ по предлагаемому способу, устранились бы всѣ эти неудобства и получилась бы существенная выгода какъ для народа, такъ для государства и для арміи: родители не стали бы женить сыновей раньше 22 лѣтъ; порода людей не подвергалась бы измельча-

нію и ослабѣванію, какъ теперь это видимъ; армія состояла бы изъ холостыхъ людей, а въ послѣдствіи, лѣтъ черезъ 25, изъ людей болѣе крѣпкихъ, чѣмъ нынѣшніе; семейства и общества не были бы обременяемы заботами о содержаніи солдатокъ и ихъ дѣтей; холостые солдаты подвергались бы менѣе женатыхъ тоскѣ по родинѣ, и вѣроятно, отъ этой уже одной причины, смертность въ арміи была бы слабѣе; семьянинъ 24 лѣтъ отъ роду, имѣя полную увѣренность, что жеребьевая очередь его уже прошла, прилежнѣе занялся бы хозяйствомъ и промысломъ. Кстати здѣсь можно привести одинъ неоспоримый фактъ для разубѣжденія тѣхъ, которые въ крестьянскомъ самоуправленіи желаютъ видѣть одни лишь недостатки и не хотятъ вѣрить, что изъ этого самоуправленія можетъ выработаться что нибудь хорошее. По свидѣтельству людей, близко знающихъ крестьянскій бытъ, шесть послѣднихъ наборовъ вполнѣ доказали успѣхи волостныхъ правленій и сходовъ по крестьянскому самоуправленію; по общему отзыву крестьянъ, наборы производятся теперь гораздо легче, быстрѣе и правильнѣе, чѣмъ въ прежнее время, до 1855 года.

1867 г.

IV.

Произволъ сельскихъ обществъ и градскихъ думъ при высылкѣ паспортовъ и взиманіи налоговъ съ отсутствующихъ плательщиковъ. Адресные билеты въ столицахъ. Подорожныя. Общинное пользованіе землею. Крестьянскіе самосуды. Волостные судьи и волостные старшины. Волость, какъ территоріальная единица. Сравненіе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ съ другими сословіями въ нравственномъ отношеніи. Семейные раздѣлы. Измѣнившееся положеніе крестьянки.

Теперь я намѣренъ привести нѣкоторыя изъ тѣхъ явленій крестьянской жизни, къ которымъ ведетъ существованіе круговой поруки и паспортовъ. Круговая порука есть поистинѣ тяжелое ярмо, которое должны тянуть исправные и домовитые хозяева за гулякъ и и лѣнтяевъ; она постоянно виситъ надъ первыми, какъ дамокловъ мечъ, угрожая имъ разореніемъ. Бываютъ случаи, что въ какомъ нибудь сельскомъ обществѣ большинство крестьянъ, по дѣйствительной ли бѣдности, или же по причинѣ повальнаго пьянства и разгула, не платитъ податей и повинностей; тогда зажиточные и исправные хозяева спѣшатъ продавать свой скотъ и все сколько нибудь цѣнное изъ имущества, дабы оно не пошло съ молотка на уплату недоимокъ. Такимъ образомъ они разоряютъ свое хозяйство и скоро сами обращаются въ такихъ же голышей, какъ и прочіе. Если въ такомъ обществѣ числятся крестьяне, живущіе работою или промыслами на сторонѣ, особенно въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, то общество старается вытянуть отъ нихъ сколь возможно болѣе денегъ на уплату недоимокъ, хотя бы такіе крестьяне вовсе не пользовались общественною землею. Угроза общества не выдавать паспорта и вытребовать крестьянина на мѣсто приписки не рѣдко заставляетъ этихъ несчастныхъ тружениковъ отсылать въ общество почти весь свой заработокъ, а сами они принуждены кое-какъ перебиваться въ городѣ

съ своими семействами. Понятно, что крестьянинъ, который съ дѣтства занимался въ городѣ какимъ нибудь ремесломъ или мелочною торговлею, становится потомъ совершенно неспособнымъ къ земледѣльческой работѣ; одна мысль о водвореніи въ деревнѣ пугаетъ его, какъ приговоръ въ ссылку; потому онъ готовъ на всякія лишенія и жертвы, чтобы только не быть насильственно прикованu къ роду жизни, давно для него чуждому и въ которомъ онъ не можетъ извлечь средствъ для своего существованія. Въ Петербургѣ я знаю дворника, который, не пользуясь ни клочкомъ земли въ своей деревнѣ, платитъ въ общество за себя и своего малолѣтняго сына 40 рублей повинностей; но общество этимъ не довольствуется и время отъ времени отказываетъ ему въ выдачѣ паспорта. Тогда упоминаемый дворникъ ѣдетъ въ деревню (въ Московской губерніи) и нѣсколько дней угощаетъ старосту и стариковъ до положенія ризъ, что̀ всякій разъ обходится ему до 10 рублей. Умилостививъ такимъ образомъ эту невѣжественную и самодурную, но грозную для него власть, именуемую міромъ, дворникъ возвращается въ Петербургъ до того времени, когда его односельцевъ снова разберетъ охота употчиваться на счетъ своего беззащитнаго собрата. Есть много примѣровъ, когда недоимки увеличиваются до такой степени, что, по рѣшенію мировыхъ судей, вовсе прекращается выдача паспортовъ изъ недоимочныхъ обществъ; тогда крестьяне, промышляющіе на сторонѣ, не спасаются уже никакими платежами и угощеніями, и волею-неволею принуждены бываютъ бросить всѣ свои занятія и явиться въ деревню, чтобы тамъ еще больше увеличить собою число праздныхъ рукъ и неисправныхъ плательщиковъ. Читатель спроситъ: почему же эти беззземельные крестьяне не воспользовались правомъ отказаться отъ участія въ надѣлѣ, при самомъ введеніи Положенія 19-го февраля, и не приписались къ волостямъ или городскимъ обществамъ? Во первыхъ въ Положеніи статья о беззземельныхъ крестьянахъ (М. П. ст. 8) выражена весьма не ясно, такъ что вначалѣ освобожденія сами мировыя учрежденія не знали, какъ и къ кому слѣдуетъ примѣнять ее: поэтому, при введеніи уставныхъ граматъ, большинство беззземельныхъ крестьянъ было, безъ всякихъ разсужденій, приписано къ прежнимъ сельскимъ обществамъ.

Правда, впослѣдствіи упоминаемая статья была разъяснена циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ; кромѣ того министерствомъ сдѣланъ былъ цѣлый рядъ распоряженій для облегченія безземельнымъ крестьянамъ выхода изъ прежнихъ обществъ и приписки къ другимъ обществамъ и волостямъ, безъ участія въ надѣлѣ. Но дѣло въ томъ, что сами крестьяне не только не читали, но и не подозрѣвали существованія ни упоминаемой статьи Положенія, ни министерскихъ циркуляровъ. Обязанность опросить безземельныхъ крестьянъ о ихъ желаніи или нежеланіи выдти изъ общества и разъяснить имъ вытекающія отсюда послѣдствія лежала на мировыхъ посредникахъ, и этой-то обязанности, въ большинствѣ случаевъ, они вовсе не исполнили; безземельные крестьяне остались бо̀льшею частію окончательно приписанными къ прежнимъ обществамъ, и слѣдовательно отвѣтственными за всѣ недоимки этихъ обществъ, хотя, по роду своихъ занятій, крестьяне эти не могутъ участвовать въ пользованіи мірскимъ надѣломъ. Въ эту же категорію, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, попало и множество дворовыхъ, записанныхъ по ревизіи въ числѣ крестьянъ. Въ первые два года по освобожденіи, многіе изъ этихъ дворовыхъ продолжали платить помѣщикамъ личный оброкъ и получать отъ нихъ паспорты, или же состояли у нихъ въ услуженіи, какъ чисто дворовые, въ противность Положенію 19-го февраля; а потомъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, они вдругъ очутились приписанными къ сельскимъ обществамъ, уже какъ крестьяне и противно ихъ желанію. Такимъ образомъ, пробывъ одну половину жизни данниками помѣщиковъ, они остальную половину жизни обречены быть данниками сельскихъ обществъ, въ которыхъ не имѣютъ ни кола, ни двора. У меня находился временно въ услуженіи одинъ изъ такихъ горемыкъ-дворовыхъ, записанныхъ по ревизіи въ крестьянахъ. Съ дѣтства взятый помѣщикомъ во дворъ и сдѣланный поваромъ, онъ былъ потомъ отпущенъ на оброкъ и продолжалъ платить его и въ первые два года по освобожденіи, получая паспортъ отъ самого помѣщика. Съ 1863 года выдача паспорта перешла во власть общества, которое, пользуясь этимъ правомъ, стало ежегодно вымогать отъ упомянутаго повара непомѣрные платежи на уплату недоимокъ, накопившихся

на обществѣ. Живя въ Петербургѣ самъ-другъ съ женою, онъ въ первый годъ выслалъ 38 р., во второй 40 р., въ третій 50 р.; трудолюбивый и трезвый, онъ бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы удовлетворить возраставшую жадность своихъ односельцевъ. Замѣчательнѣе всего, что требованія общества подкрѣплялись и отношеніями мѣстнаго мироваго посредника, писавшаго въ с.-петербургскую управу благочинія о немедленной высылкѣ такого-то на мѣсто приписки, буде онъ не уплатитъ требуемой суммы; тогда какъ мировой посредникъ и былъ виною того, что упоминаемый дворовый, не бывъ опрошенъ, какъ бы слѣдовало по Положенію, былъ приписанъ къ обществу, съ которымъ онъ не имѣлъ съ самаго дѣтства никакой связи. Хотя тамъ и находился въ числѣ крестьянъ его старый отецъ, но въ одномъ изъ циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ было именно сказано, что безземельные люди, хотя и записанные подъ однимъ нумеромъ съ своими родственниками, но неимѣющіе съ ними ничего общаго, не лишаются права отказываться отъ надѣла, хотя бы семейства ихъ и пользовались землею. Наконецъ отъ того же мироваго посредника послѣдовало отношеніе въ управу благочинія о немедленной и уже безусловной высылкѣ этого человѣка на мѣсто приписки, такъ какъ, по случаю чрезмѣрныхъ недоимокъ, накопившихся на обществѣ, всякая отлучка изъ него крестьянъ воспрещена мировымъ съѣздомъ. Злосчастный горемыка посылалъ просьбы и въ мировой съѣздъ, и въ губернское присутствіе, объ увольненіи его изъ сельскаго общества для приписки въ мѣщанство; ссылался на Положеніе и на министерскіе циркуляры; представлялъ письменное удостовѣреніе самого помѣщика въ томъ, что онъ съ дѣтства взятъ былъ въ дворовые и никогда никакого участія въ надѣлѣ не имѣлъ. Все было тщетно: мировой съѣздъ и губернское присутствіе, не желая признать неправильными дѣйствія посредника, допустившаго приписку къ сельскому обществу просителя безъ его согласія и въ противность закону, отвергли всѣ его резоны, ссылаясь отчасти на пропускъ просителемъ срока для выхода изъ общества, а отчасти на такіе доводы, которые обличали въ составителяхъ этого рѣшенія казуистовъ старо-приказнаго времени. Далѣе я потерялъ уже изъ виду этого человѣка; по всей вѣроятности, онъ, и

съ своею женою, уроженкою Петербурга, водворенъ теперь силою въ деревнѣ, на томъ лишь основаніи, что онъ имѣлъ несчастіе узрѣть тамъ впервые свѣтъ божій. Впрочемъ я заявляю только фактъ и вовсе не желаю критиковать дѣйствій мировыхъ посредниковъ. Мѣра опрашиванія безземельныхъ крестьянъ и упоминаемыхъ дворовыхъ, по моему мнѣнію, едва ли всегда могла быть исполнена на практикѣ. Безземельные крестьяне и дворовые разбросаны по лицу всей Россіи; вѣроятно есть мировые участки, гдѣ такихъ отхожихъ безземельныхъ людей набралась бы не одна сотня. Какимъ образомъ мировые посредники могли ихъ опрашивать? Пришлось бы писать отношенія во многое множество градскихъ и земскихъ полицій, и слѣдовательно получать отъ нихъ отвѣты, черезъ годъ или два, что такого-то въ указанномъ мѣстѣ не оказалось. Правда, въ обѣихъ столицахъ были особые столичные посредники, которые могли бы сдѣлать опросъ жившимъ тамъ безземельнымъ крестьянамъ; министерскимъ распоряженіямъ вмѣнено даже было этимъ посредникамъ въ особую обязанность облегчать безземельнымъ людямъ, жившимъ въ столицахъ, выходъ изъ обществъ. Но, судя по приведенному примѣру и многимъ ему подобнымъ, надобно думать, что и въ этомъ случаѣ благія распоряженія министерства оставались большею частію безъ исполненія. Конечно главною причиною всѣхъ этихъ опущеній было собственное невѣдѣніе безземельныхъ людей о предоставленныхъ имъ правахъ; для оглашенія же и разъясненія имъ этихъ правъ ничего не было сдѣлано. Положеніе 19-го февраля, по своей многосложности, не могло быть доступно крестьянамъ, а многія статьи его, по своей несовсѣмъ удачной редакціи, нѣкоторое время не были понимаемы даже помѣщиками и мировыми учрежденіями. Нѣкоторые читатели вѣроятно скажутъ: слава Богу, что вся эта масса безземельныхъ крестьянъ не приписалась къ городамъ, не увеличила собою количества городскихъ жителей, неимѣющихъ недвижимой собственности, а осталась привязанною къ деревнямъ; въ деревняхъ могутъ имѣть осѣдлость семейства отхожихъ крестьянъ, а со временемъ туда же могутъ возратиться и сами эти крестьяне и найти тамъ готовый пріютъ и вспаханное поле. Но въ приведенныхъ выше примѣрахъ и сужденіяхъ я говорилъ не о тѣхъ

временно-уходящихъ работникахъ, у которыхъ остались въ деревнѣ дворъ и семья, пользующаяся мірскимъ надѣломъ, а о тѣхъ крестьянахъ, которые разорвали съ деревнею всѣ узы, не имѣютъ тамъ ни двора, ни семейства, и живутъ постоянно въ городахъ, съ своими женами и дѣтьми. Таковы напримѣръ большею частію петербургскіе и московскіе мелкіе торговцы изъ крестьянъ, артельщики, домовые дворники и разнаго рода мастеровые, постоянно живущіе въ столицахъ съ своими семействами. На дѣлѣ они вполнѣ стали городскими жителями и никогда не желали бы возвращаться въ деревню. Если въ деревняхъ и есть у нихъ отцы и братья, то съ ними они не имѣютъ уже ничего общаго; а между тѣмъ эти-то отцы и братья чаще всего и служатъ главными виновниками непомѣрныхъ и несправедливыхъ поборовъ съ отсутствующихъ родственниковъ, записанныхъ съ ними подъ однимъ нумеромъ: „онъ-де богатъ, живетъ въ столицѣ, ну и кути въ его голову, накопляй недоимки; а не будетъ онъ за насъ платить, такъ волость не вышлетъ ему паспорта". Не будь этой варварской круговой поруки, безземельные крестьяне, живущіе въ городахъ, сами предпочли бы остаться приписанными къ сельскимъ обществамъ, чѣмъ подчиняться неизвѣстнымъ для нихъ и также не всегда справедливымъ порядкамъ градскихъ думъ (приписываться въ столицахъ они не имѣютъ права). Впрочемъ и въ настоящее время безземельнымъ крестьянамъ нѣтъ необходимости непремѣнно приписываться въ мѣщане, такъ какъ законъ дозволяетъ имъ приписку къ волостямъ, безъ принадлежности къ которому-либо изъ сельскихъ обществъ. Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ должна быть нелюбезна крестьянамъ эта круговая порука. Если міръ поступаетъ такъ самовластно съ крестьянами, неимѣющими никакого надѣла, то тѣмъ самовластнѣе можетъ онъ распоряжаться съ тѣми временно-отсутствующими членами, которые удерживаютъ за собою надѣлъ и оставляютъ въ деревнѣ своихъ женъ и дѣтей. Каждый крестьянинъ, промышляющій на сторонѣ, можетъ, по произволу міра, быть поставленъ въ то положеніе, въ которомъ находятся упомянутые мною поваръ и дворникъ. Судьба отсутствующихъ членовъ общества совершенно въ рукахъ міра; они должны платить столько, сколько міру угодно будетъ съ нихъ потребовать; они обя-

заны подчиняться приговорамъ, въ постановленіи которыхъ сами не участвовали и участвовать не могутъ; они принуждены бросать всѣ свои занятія и являться въ деревню, какъ только міру взбредетъ на умъ отказать имъ въ паспортѣ, иногда единственно только для того, чтобы попьянствовать нѣсколько дней на счетъ своего беззащитнаго собрата. Спрашивается, можно ли назвать граждански свободными людей, поставленныхъ въ подобное положеніе? Не тѣ ли же это glebae adscripti, не есть ли это та же крѣпостная зависимость, въ которой только единоличная власть помѣщика замѣнена произволомъ цѣлой толпы, ублажить и урезонить которую бываетъ подъ часъ несравненно труднѣе, чѣмъ удовлетворить прежнимъ требованіямъ помѣщичьей власти? На подобные-то примѣры особенно любятъ указывать люди, недовольные крестьянскою реформою, желая найти въ нихъ доказательство того, что положеніе крестьянъ ухудшилось вслѣдствіе ихъ освобожденія. Дѣйствительно, въ случаяхъ, подобныхъ мною приведеннымъ, положеніе крестьянина стало послѣ освобожденія еще тягостнѣе, еще зависимѣе отъ посторонняго произвола, чѣмъ было оно при помѣщичьей власти. Но развѣ крестьянская реформа виновна въ томъ, что законодательство, освободивъ крестьянина отъ крѣпости помѣщику, не придумало ничего для избавленія его отъ крѣпости обществу и мѣсту приписки? Нашъ крестьянинъ или мѣщанинъ, почитаемые по закону свободными гражданами русской земли, получаютъ паспортъ только на годъ или на полгода, съ означеніемъ на самомъ паспортѣ, что если такой-то, по минованіи сего срока, не явится на мѣсто приписки, то съ нимъ будетъ поступлено по законамъ: это значитъ, что его, какъ какого нибудь преступника или бродягу, препроводятъ на мѣсто приписки по этапу. А мы видѣли, что дать дѣлу этотъ послѣдній оборотъ зависитъ часто отъ произвола невѣжественной и пьяной толпы, которая, по собственному самодурству, можетъ самаго трудолюбиваго и исправнаго работника вытребовать за тысячу верстъ, оторвать отъ всѣхъ занятій, разбить все его благосостояніе и самую жизнь. Гдѣ же здѣсь признаки гражданской свободы, когда крестьянинъ не можетъ располагать ни своимъ мѣстопребываніемъ, ни родомъ своихъ занятій, и никогда не знаетъ, сколько заблагоразсудится міру

наложить на него денежныхъ повинностей? Не говорю уже о томъ, сколько лишнихъ рублей переплачиваетъ нашъ бѣдный рабочій людъ при пересылкѣ паспортовъ по почтѣ, при полученіи отсрочекъ отъ полицій и управъ благочинія, и сколько при этомъ теряется дорогаго для него времени. Но всего удивительнѣе въ нашихъ паспортныхъ правилахъ то, что даже женщины и дѣвицы податныхъ сословій, неподлежащія по закону ни подушному окладу, ни рекрутчинѣ, также получаютъ отъ общества только годичные или полугодичные паспорты, и съ тою же роковою припискою, что буде по истеченіи сего срока и т. д. Здѣсь паспорты являются уже чисто-фискальнымъ орудіемъ, примѣненнымъ къ бѣднѣйшимъ и наиболѣе достойнымъ сожалѣнія лицамъ, къ женщинамъ, принужденнымъ отыскивать себѣ пропитаніе вдали отъ своихъ семействъ. Не даромъ въ понятіи русскаго народа *пачпорты* представляются такимъ же общественнымъ бѣдствіемъ, какъ неурожай, холера или война.

Градскія думы и мѣщанскіе старосты, при высылкѣ паспортовъ, часто поступаютъ не лучше сельскихъ обществъ и волостныхъ правленій. Я знаю въ Петербургѣ одного лакея, принадлежащаго къ мѣщанамъ одного приволжскаго губернскаго города. Каждый годъ посылаетъ онъ въ думу, на выписку паспорта и на уплату повинностей за одну свою душу, 10 рублей. Такъ какъ эти деньги онъ адресуетъ обыкновенно на имя одного своего родственника, то возникло сомнѣніе, не оставляетъ ли сей послѣдній большую часть ихъ въ своемъ карманѣ. Извѣстно, что мѣщане не платятъ теперь подушной подати, а вносятъ лишь государственный земскій сборъ, составляющій менѣе 1 рубля, да нѣкоторые мелкіе мѣстные сборы, какъ-то рекрутскіе и другіе. Въ этихъ соображеніяхъ, упоминаемый лакей послалъ однажды всего 3 рубля, прямо на имя градскаго главы, докладывая ему въ прошеніи, что доселѣ онъ посылалъ по 10 руб., но что нынѣ, въ виду уничтоженія подушной подати съ мѣщанъ, онъ полагаетъ, что 3 р. будетъ достаточно на паспортъ и на уплату повинностей. Дума не высылала ему паспорта въ продолженіе 5 мѣсяцевъ, такъ что онъ, за истеченіемъ срока двухъ отсрочекъ, данныхъ ему отъ петербургской полиціи, долженъ былъ лишиться мѣста и скрываться отъ полиціи, какъ безпаспортный. Наконецъ, вмѣсто паспорта, ему присланъ былъ отъ мѣщан-

скаго старосты его родимаго града какой-то листокъ, въ которомъ гласилось, что такъ какъ на него, плательщика, наложена душа одного умершаго мѣщанина, то слѣдуетъ ему доплатить, сверхъ присланныхъ 3 р., еще 73 коп.; по истеченіи же двухнедѣльнаго срока отъ выдачи сего листка, имѣетъ онъ, плательщикъ, быть высланнымъ по этапу въ мѣсто приписки. Это была месть за неприсылку прежняго куша и за объясненія съ градскимъ головою. Злополучный плательщикъ послалъ тотчасъ уже не 73 коп., а 5 руб., и закаялся впередъ входить въ пререканія съ своимъ начальствомъ и посылать ему, вмѣсто 10-ти, 3 рубля.

Для податныхъ лицъ обоего пола, проживающихъ въ столицахъ, къ паспортамъ присоединяется другой налогъ и другое стѣсненіе личной свободы — адресные билеты. Не успѣетъ рабочій человѣкъ водвориться въ столицѣ для снисканія себѣ пропитанія, какъ ему говорятъ: ступай добывать себѣ адресной билетъ. Если онъ человѣкъ бывалый, то можетъ выхлопотать билетъ, употребивъ на это только два утра: одно для представленія паспорта и уплаты денегъ, другое — для полученія билета; но если онъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ, то ему придется походить три и четыре дня, то есть потерять три или четыре дневныхъ заработка. Въ Петербургѣ стоимость адресныхъ билетовъ, съ больничнымъ взносомъ въ 60 копеекъ, составляетъ: для чернорабочихъ, для обучающихся какому нибудь ремеслу и для разнощиковъ — 1 р. 46 коп. для мужчинъ и 89 коп. для женщинъ; для лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, кухарокъ, прачекъ и кормилицъ — 2 р. 3 коп. для мужчинъ и 1 р. 32 коп. для женщинъ; для мастеровыхъ и ремесленниковъ, незаписанныхъ въ цехи, служителей по торговлѣ, сидѣльцевъ въ лавкахъ, привратниковъ, бѣлошвеекъ, работницъ модъ и уборовъ и для горничныхъ — 3 р. 46 коп. для мужчинъ и 2 р. 3 коп. для женщинъ. Временно приходящіе на работу мостовщики, землекопы, каменьщики, плотники и поденьщики платятъ только больничный сборъ въ 60 коп. Въ Москвѣ, для людей тѣхъ же самыхъ ремеслъ и занятій, существуетъ только два разряда адресныхъ билетовъ: низшій въ 1 р. 60 к. для мужчинъ и въ 1 р. для женщинъ, и высшій — въ 3 р. 70 к. для мужчинъ и въ 2 р. 20 к. для женщинъ.

Впрочемъ новичкамъ адресные билеты обходятся обыкновенно дороже ихъ дѣйствительной стоимости. Хорошо еще, если этимъ вносомъ и этими хлопотами можно ограничиться однажды въ годъ; но съ людьми, вновь прибывающими въ столицу, большею частью случается такъ, что они прибываютъ туда, когда со времени выдачи имъ паспорта прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ; адресный же билетъ они получаютъ, на основанiи правилъ, только по тотъ срокъ, по который выданъ имъ плакатный паспортъ; но при этомъ плата за адресный билетъ взимается какъ за цѣлый годъ, если плакату остается сроку болѣе полугода, а если менѣе полугода, то взимается плата за полгода. Такимъ образомъ вновь прибывшiй рабочiй долженъ въ первый годъ брать два билета и платить двойной сборъ. Принимая въ соображенiе, что годовой плакатный паспортъ, съ почтовыми расходами на выписку, обходится не менѣе 2 руб. 57 коп., и приложивъ сюда цѣну адреснаго билета, выходитъ, что податное лицо, за право добывать себѣ хлѣбъ въ столицѣ, должно платить по меньшей мѣрѣ въ годъ: мужчина отъ 4 р. 3 к. до 6 р. 3 к., а женщина отъ 3 р. 46 к. до 4 р. 60 к. Хотя бы по крайней мѣрѣ адресные билеты давали берущимъ ихъ неотъемлемое право на поступленiе въ больницу въ случаѣ болѣзни, такъ какъ въ плату за адресный билетъ входитъ 60 к. на больницу чернорабочихъ (въ Москвѣ 70 коп.); но, какъ извѣстно, рабочему труднѣе всякаго другаго добиться принятiя въ больницу: однѣ больницы слишкомъ великолѣпны для принятiя въ нихъ рабочаго люда и прислуги; другiя, какъ напримѣръ больница чернорабочихъ, слишкомъ тѣсны и всегда переполнены больными.

По поводу паспортовъ нельзя не вспомнить еще о другомъ установленiи, которое имѣетъ съ паспортами нѣкоторое родственное сходство, хотя и не относится къ рабочему люду. Кому изъ русскихъ не приходилъ въ голову вопросъ: къ чему существуютъ въ настоящее время подорожныя, полученiе которыхъ подвергаетъ проѣзжихъ столь долгимъ мытарствамъ? Подорожныя суть также налогъ на передвиженiе лицъ съ одного мѣста на другое; но въ настоящее время налогъ этотъ удержался только на одномъ видѣ передвиженiя, именно его уплачиваютъ только ѣдущiе на почтовыхъ лошадяхъ, содержимыхъ

съ приплатою изъ земскихъ суммъ. Если вы, мой читатель, живете въ Петербургѣ или Москвѣ, то можете навсегда распрощаться съ этими городами и выѣхать по одной изъ желѣзныхъ дорогъ безъ всякихъ подорожныхъ и безъ представленія полицейскаго дозволенія на выѣздъ изъ столицы. Но какъ скоро вы пожелаете проѣхаться на почтовыхъ лошадяхъ, хотя бы только до первой станціи, то вамъ предстоитъ вотъ какая процедура: прежде всего вы должны обратиться къ дворнику вашего дома, который отмѣчаетъ васъ въ домовой книгѣ выѣхавшимъ за городъ и вноситъ васъ, съ таковою же отмѣткою, въ переходный листокъ; далѣе онъ несетъ этотъ листокъ въ кварталъ, дабы паспортистъ сдѣлалъ соотвѣтственныя отмѣтки въ имѣющейся въ кварталѣ книгѣ; послѣ того надзиратель квартала пишетъ свидѣтельство, что къ выѣзду вашему изъ столицы препятствія не имѣется; бумажка эта относится, уже при посредствѣ полицейскаго разсыльнаго, къ частному приставу, для собственноручнаго его подписанія; потомъ она снова возвращается въ кварталъ, и наконецъ вручается дворнику или вамъ лично письмоводителемъ квартала, со взиманіемъ нѣкоторой суммы, колеблющейся (въ Петерб.) отъ 20 до 30 коп. При этомъ особенно наблюдается, чтобы процессъ полученія свидѣтельства непремѣнно прошелъ чрезъ всѣ вышеписанныя инстанціи *), такъ что если вы неопытны въ этомъ дѣлѣ и вздумаете послать за свидѣтельствомъ наканунѣ отъѣзда, то рискуете пробыть въ Петербургѣ одинъ или два дня лишнихъ, а если намѣрены ѣхать въ дилижансѣ или на пароходѣ, то и потерять свой билетъ (ибо, при этихъ способахъ отправленія, свидѣтельство необходимо, какъ и при отъѣздѣ на почтовыхъ) **). Получивъ свидѣтельство, вамъ еще предстоитъ отправиться съ нимъ въ уѣздное казначейство, гдѣ наконецъ и выдается вамъ подорожная. Счастливы вы, если вамъ придется

*) Съ недавнимъ упраздненіемъ въ Петербургѣ частныхъ приставовъ, эта процедура сократилась на одну инстанцію.

**) Въ послѣднее время на пароходахъ, отправляющихся изъ Петербурга въ русскіе города, не требуютъ уже не только свидѣтельства полиціи, но даже и паспорта. Этимъ шагомъ впередъ мы вѣроятно обязаны заявленіямъ литературы.

брать подорожную въ городѣ, въ которомъ вы имѣете постоянное жительство и гдѣ стало быть вы можете хлопотать о свидѣтельствѣ на выѣздъ исподволь и заблаговременно; но достоинъ сожалѣнія тотъ путешественникъ, который принужденъ добывать сказанное свидѣтельство въ городѣ, гдѣ онъ находится только проѣздомъ и въ такое время дня, когда въ полиціи не бываетъ никого, кромѣ сторожа. Много придется ему обить пороговъ и настояться въ переднихъ, въ ожиданіи пробужденія, или окончанія трапезы, или возвращенія изъ гостей мѣстнаго полицейскаго начальства; много придетя услышать грубыхъ словъ отъ деньщиковъ и вѣстовыхъ; а если проѣзжій не принадлежитъ къ людямъ чиновнымъ и слишкомъ нетерпѣливо спѣшитъ уѣхать изъ города, то дѣло не обойдется и безъ пиханія въ грудь. Всѣмъ этимъ поношеніямъ проѣзжій принужденъ подвергаться единственно изъ-за того, чтобы получить клочокъ бумажки, удостовѣряющій, что нѣтъ никакого препятствія къ выѣзду его изъ города, гдѣ онъ остановился всего на нѣсколько минутъ для перемѣны лошадей! Чрезъ годъ по возвращеніи моемъ изъ описываемой здѣсь мѣстности, случалось мнѣ ѣхать въ одну изъ замосковныхъ губерній. Отправившись изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, конечно безъ всякихъ подорожныхъ и полицейскихъ свидѣтельствъ, я проѣхалъ еще за Москвою верстъ 240, частію по желѣзной дорогѣ, частію по вольной почтѣ, которая, какъ извѣстно, возитъ безъ подорожной. Вдругъ на одной станціи мнѣ объявляютъ, что далѣе вольная почта не ходитъ, а ѣздятъ обыкновенныя почтовыя лошади, и что я долженъ или предъявить подорожную, или платить двойные прогоны. Подорожной у меня не было и взять ее было негдѣ, потому что станція стояла среди чистаго поля; пришлось заплатить двойные прогоны, которые впрочемъ не были на этотъ разъ чувствительны, ибо цѣль моей поѣздки была всего въ 60-ти верстахъ отъ упоминаемой станціи. Такимъ образомъ на всемъ пути, проѣханномъ мною отъ Петербурга до мѣста назначенія и составляющемъ 927 верстъ, подорожная понадобилась только на разстояніи 60-ти верстъ, и для этихъ-то 60-ти верстъ мнѣ слѣдовало бы въ ближайшемъ городѣ, гдѣ я только перемѣнялъ лошадей, выполнить всю процедуру добы-

ванія свидѣтельства о неимѣніи препятствія къ выѣзду. Какое заключеніе о русскихъ порядкахъ должны дѣлать тѣ иностранцы, которымъ случается проходить чрезъ всѣ эти мытарства, и можемъ ли мы пріискать сколько нибудь разумные доводы, чтобы объяснить имъ цѣль существованія у насъ этихъ формальностей? Конечно, если порыться въ Полномъ Собраніи Законовъ, то можно доискаться, какимъ образомъ и ради чего возникли у насъ подорожныя; но никоимъ образомъ нельзя себѣ объяснить, для чего онѣ существуютъ понынѣ. Подорожныя имѣли у насъ четыре различныхъ значенія: 1) *Понудительное* для ямщиковъ, въ то время, когда почтовая гоньба была обязательною ямскою повинностью; ради сего на подорожныхъ значится: *выдавать лошадей безъ задержанія за указанные прогоны.* Теперь, когда содержаніе почтъ сдѣлалось свободнымъ промысломъ изъ-за дохода, это назначеніе подорожныхъ потеряло всякій смыслъ: если на станціи нѣтъ свободныхъ лошадей, то проѣзжающій, и съ подорожною въ рукахъ, долженъ подвергнуться задержанію; если же лошади на лицо, то почтсодержателю нѣтъ расчета не давать ихъ проѣзжающему. Устраненіе возможности требовать съ проѣзжихъ лишніе прогоны нисколько не достигается подорожными, а единственно зависитъ отъ хорошей почтовой администраціи: на вольныхъ почтахъ, и безъ подорожныхъ, лишнихъ прогоновъ не берутъ, а на казенныхъ, и съ подорожными, нерѣдко ихъ вымогаютъ, ссылаясь на мнимое неимѣніе лошадей и давая проѣзжимъ тѣхъ же почтовыхъ, только подъ названіемъ вольныхъ. 2) *Фискальное* значеніе подорожныхъ, какъ налога въ пользу казны (поверстный и бланковый сборъ), потеряло также свое значеніе со времени развитія у насъ иныхъ способовъ передвиженія, при которыхъ не требуется подорожныхъ. По росписи на 1866 г., сбора съ подорожныхъ значится всего 300,000 р.; его легко бы замѣнить какимъ нибудь налогомъ на предметы роскоши, нетребующимъ для своего взиманія тѣхъ стѣсненій личной свободы, которыя соединены съ подорожными. Наконецъ, если уже почитается необходимымъ, чтобы проѣзжающіе по казенной почтѣ были повинны платить въ казну налогъ, котораго не платятъ ни ѣдущіе по желѣзнымъ дорогамъ, ни отправляющіеся на пароходахъ, въ дилижансахъ,

по вольной почтѣ или на вольнонаемныхъ лошадяхъ, то развѣ нельзя сбирать этотъ налогъ какимъ нибудь другимъ способомъ, менѣе обременительнымъ для проѣзжихъ, хотя бы напримѣръ тѣмъ способомъ, которымъ взимается шоссейный сборъ? 3) *Полицейская* цѣль подорожныхъ, какъ средства препятствовать отлучкамъ нѣкоторыхъ лицъ (состоящихъ подъ надзоромъ полиціи и пр.), совершенно уже не достигается, ибо всегда можно уѣхать изъ города безъ всякаго вида: по желѣзной дорогѣ, на вольнонаемныхъ лошадяхъ и даже на почтовыхъ, въ качествѣ *будущаго*. Между тѣмъ сіе-то полицейское значеніе подорожныхъ и служитъ главною причиною всѣхъ соединенныхъ съ ними стѣсненій, ибо ради его только казначейства, при выдачѣ подорожныхъ, требуютъ, сверхъ обыкновеннаго вида, представленія полицейскаго разрѣшенія на выѣздъ. 4) *Административно-почтовое* значеніе подорожныхъ состоитъ въ томъ, что по станціоннымъ книгамъ, въ которыя онѣ записываются, почтовое начальство повѣряетъ, сколько именно потребно лошадей на каждой станціи, дабы земству не приходилось приплачивать за лишнихъ лошадей. И эта цѣль, какъ извѣстно, не достигается: на рѣдкой станціи почтсодержатель содержитъ все то количество лошадей, за которое получаетъ приплату. Станціонные смотрители не могли бы существовать, если бы не были въ ладахъ съ почтсодержателями и вели, какъ слѣдуетъ, разгонныя книги. Да и кто повѣряетъ почтсодержателей и станціонныя книги? Чиновники губернскихъ почтовыхъ конторъ. А кому же неизвѣстны отношенія губернскихъ конторъ къ почтсодержателямъ? Такъ какъ ни фискальное, ни понудительное, ни полицейское значеніе подорожныхъ не послужило затрудненіемъ къ упраздненію ихъ на вольныхъ почтахъ, содержимыхъ безъ приплаты отъ земства, то изъ этого надобно заключать, что онѣ удерживаются на казенныхъ почтахъ только ради упомянутаго почтово-административнаго ихъ значенія. Едва ли можно найдти въ какомъ-либо другомъ государствѣ примѣръ, гдѣ бы столь простая цѣль, какъ повѣрка числа лошадей, необходимыхъ на станціи, достигалась (и если бы еще достигалась!) такимъ многосложнымъ и обременительнымъ для гражданъ способомъ. Любой почтовый чиновникъ изъ Пруссіи, или даже изъ Царства Польскаго, могъ бы надо-

умить насъ бѣдныхъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ, не заставляя проѣзжающихъ бѣгать по полиціямъ и казначействамъ и не вводя въ искушеніе станціонныхъ смотрителей, обремененныхъ большею частію потомствомъ. Но, какъ кажется, все это устроится не прежде, какъ по переходѣ почтъ въ завѣдываніе земства, когда сами собою уничтожатся и приплаты изъ земскихъ суммъ, и станціонные смотрители, и спекуляціи на счетъ земскихъ денегъ.

Судя по всѣмъ этимъ строгостямъ относительно паспортовъ, адресныхъ билетовъ, подорожныхъ, свидѣтельствъ на выѣздъ, переходныхъ листковъ въ столицахъ, какой нибудь иностранецъ могъ бы пожалуй подумать, что въ Россіи каждый житель постоянно имѣется въ виду мѣстной власти и что отъ ея всевидящаго ока нельзя укрыться ни одному нарушителю закона. Но, увы, всѣ эти и многія другія подобныя имъ строгости и стѣсненія страшны у насъ только для гражданъ честныхъ и неищущихъ укрыться отъ закона; нарушителямъ же закона нигдѣ во всей Европѣ не легко такъ ускользать отъ его преслѣдованія, какъ въ нашемъ отечествѣ. Не говоря уже о провинціяхъ, обѣ наши столицы кишатъ безпаспортными и укрывающимися отъ полиціи, по нѣскольку разъ попадавшими въ острогъ и выпущенными оттуда „подъ сильнымъ подозрѣніемъ". Каждому извѣстно, какъ трудно у насъ, не исключая Петербурга и Москвы, преслѣдовать должниковъ; полиція не рѣдко даетъ отзывы, что такого-то въ городѣ не оказывается, тогда какъ онъ спокойно и въ виду всѣхъ разгуливаетъ по улицамъ. Назадъ тому четыре года, близко знакомый мнѣ человѣкъ взыскивалъ по векселю съ одного довольно извѣстнаго въ Петербургѣ господина. Въ теченіе года писались разныя отношенія и справки, вовсе нешедшія къ дѣлу и направленныя только къ его проволочкѣ. Наконецъ, когда должникъ распродалъ и передалъ въ другія руки свою недвижимость, послѣдовало предписаніе объ арестѣ и продажѣ его движимаго имущества. Въ исполненіе сего предписанія составленъ былъ актъ, въ которомъ значилось, что должникъ нанимаетъ отъ жильцовъ одну комнату и что у него, кромѣ носильнаго платья, никакого другаго имущества не оказалось. Дѣйствительно, предусмотрительный должникъ прописалъ себя на квартирѣ у своего фактотума,

въ одной изъ скромныхъ петербургскихъ улицъ, а самъ въ то же время имѣлъ дѣйствительное жительство на Невскомъ Проспектѣ, въ квартирѣ, за которую платилъ 1100 рублей, но гдѣ не былъ вовсе прописанъ. Въ Россіи съ незапамятныхъ временъ ходятъ расказы о безвѣстно пропадавшихъ домахъ и даже цѣлыхъ деревняхъ, о какомъ-то полицеймейстерѣ, разыскивавшемся за долги и о которомъ мѣстная полиція дала отзывъ, что таковаго въ городѣ не оказалось; доселѣ однако не было еще нигдѣ упоминаемо о безвѣстной пропажѣ уѣзднаго суда, и потому, чтобы пополнить такой пробѣлъ, я раскажу читателямъ слѣдующій, самый новѣйшій фактъ, переданный мнѣ на дняхъ однимъ моимъ знакомымъ. Онъ велъ въ Петербургѣ по довѣренности дѣло, для котораго потребовалась ему справка изъ одного уѣзднаго суда. На нѣсколько прошеній его въ уѣздный судъ не получено было никакого отвѣта. Такъ какъ желаемая справка имѣла въ дѣлѣ весьма важное значеніе, то ходатай, при посредствѣ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, обратился письменно къ губернатору той губерніи, гдѣ состоялъ упоминаемый судъ, прося его о понужденіи суда къ безотлагательному отвѣту. Губернаторъ съ предупредительною готовностію поспѣшилъ исполнить желаніе просителя, и когда отвѣта все-таки не было получено, то сдѣлалъ строжайшее подтвержденіе суду о немедленномъ удовлетвореніи сказаннаго требованія. Но и затѣмъ никакого отвѣта не послѣдовало. Прождавъ нѣкоторое время, ходатай просилъ отправить изъ Петербурга на его счетъ эстафету къ уѣздному стряпчему, съ просьбою понудить уѣздный судъ къ исполненію требованія. Только тогда полученъ былъ наконецъ отвѣтъ: стряпчій увѣдомлялъ, что въ ихъ городѣ уѣзднаго суда не существуетъ, ибо, за силою недавняго высочайшаго повелѣнія о сокращеніи числа судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, упоминаемый уѣздный судъ соединенъ съ таковымъ же судомъ губернскаго города. Такимъ-то длиннымъ путемъ объяснился наконецъ казусъ безвѣстной дотолѣ пропажи уѣзднаго суда.

Возвращаюсь къ наблюденіямъ внутренняго быта сельскихъ обществъ. Не малое препятствіе къ хорошему воздѣлыванію крестьян-

скихъ полей представляетъ общинное пользованіе землею и частые ея передѣлы. Неестественно, чтобы человѣкъ прилагалъ усердный трудъ и всѣ свои заботы къ клочку земли, который не составляетъ его личной собственности и долженъ черезъ короткій срокъ перейти въ чужія руки. При общинномъ пользованіи невозможны никакія усовершенствованія въ способахъ земледѣлія; крестьянинъ, если бъ и желалъ, не можетъ завести у себя ни плодоперемѣнной системы, ни травосѣянія, ни осушенія влажныхъ мѣстъ. Вотъ почему каждый крестьянинъ, успѣвшій сколотить сотню-другую рублей, непремѣнно стремится завести себѣ отдѣльный хуторъ и отсадиться отъ своей деревни. Общинное пользованіе землею сослужило добрую службу Россіи: во времена частыхъ военныхъ разгромовъ земли русской и въ тяжкій періодъ крѣпостнаго права, оно спасло отъ разложенія сельскую общину, это крѣпкое первоначальное зерно будущей гражданственности нашихъ поселянъ; тѣмъ самымъ оно спасло и личность крестьянина отъ обращенія его въ бездомнаго холопа, непринадлежащаго ни къ какому разряду человѣческихъ обществъ. Но теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему: личныя права и сословная самостоятельность крестьянъ получили надежныя обезпеченія; естественный ходъ гражданственности требуетъ обособленія крестьянской собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и личная зависимость крестьянина отъ административной власти сельскаго общества не можетъ долго оставаться въ ея настоящемъ видѣ: по мѣрѣ того, какъ будетъ утверждаться власть закона, нынѣшняя власть общества, нерѣдко неразумная и тираническая, будетъ становиться все болѣе и болѣе тягостною и безполезною. Однимъ словомъ, я желаю сказать, что рано или поздно общинное пользованіе землею должно замѣниться у насъ личнымъ владѣніемъ, а чрезъ это измѣнятся не только нынѣшнія границы сельской общины, но и внутренній ея характеръ, ея отношенія къ каждой отдѣльной личности. Безусловные поклонники нашей старины увидятъ конечно въ такомъ исходѣ поводъ ко многимъ сѣтованіямъ и опасеніямъ: они скажутъ, что такимъ образомъ будетъ разрушено вѣковое обычное право нашихъ деревень, расторгнется крѣпкая связь крестьянина съ міромъ, образуется сельскій пролетаріатъ и проч. и проч. На это

можно во первыхъ отвѣтить, что обычное право, бывшее спасеніемъ нашихъ крестьянъ во времена отсутствія закона и при господствѣ крѣпостнаго произвола, теперь, со введеніемъ крестьянъ въ общую гражданскую жизнь государства, должно по необходимости во многомъ утратить свое прежнее значеніе и уступить мѣсто положительному закону. Во всѣхъ странахъ, по мѣрѣ сближенія сельскихъ жителей съ цивилизованною средою, обычное право ихъ теряло свою первобытную чистоту, подвергалось порчѣ и искаженіямъ. У насъ замѣчается то же самое явленіе: власть міра мало по малу обращается во власть міроѣдовъ и сельскихъ писарей, и, вмѣсто того, чтобы охранять личность крестьянина, ложится на нее тяжелымъ ярмомъ. Конечно, положительный законъ обязанъ уважать и принимать въ соображеніе обычное право; но такъ вездѣ и бываетъ, гдѣ законодательство не есть чистое порожденіе канцелярій, а утверждается столько же на требованіяхъ народной жизни, сколько на вѣчныхъ началахъ общечеловѣческаго или философскаго права. Обычное право, освященное и оформенное закономъ, всегда и вездѣ будетъ полезно; я говорю только противъ произвола и невѣжества, прикрывающихся обычаемъ, утратившимъ свою чистоту и нравственную силу. Закрѣпленіемъ общиннаго пользованія мы не возвратили бы крестьянскому обычному праву его прежней чистоты и силы, а только сдѣлали бы безвыходнымъ положеніе отдѣльныхъ личностей. Съ другой стороны, общинное пользованіе землею, по самой своей сущности заключая въ себѣ препону къ развитію энергіи труда и личной предпріимчивости, постоянно будетъ держать цѣлыя крестьянскія общества на степени бѣдности, близкой къ пролетаріату; лучшіе и смышленнѣйшіе работники будутъ искать себѣ заработковъ на сторонѣ, уходить въ города, стало быть будутъ матеріально и нравственно отчуждены отъ своихъ обществъ. Общинное пользованіе должно со временемъ упраздниться уже и потому, что, съ наростаніемъ народонаселенія, сдѣлается наконецъ само собою невозможнымъ дробить неизмѣнный поземельный надѣлъ общества по числу рабочихъ рукъ, все болѣе и болѣе увеличивающемуся. Опасеніе, что у насъ, въ слѣдствіе раздѣленія земли на посемейные наслѣдственные участки, можетъ образоваться личный

пролетаріатъ, само собою падаетъ, когда мы вспомнимъ, какія необъятныя пространства земли лежатъ у насъ впустѣ, не находя для себя рабочихъ рукъ. Если законъ не будетъ стѣснять у насъ естественнаго распредѣленія рабочихъ силъ, то въ Россіи дѣйствительными пролетаріями могутъ быть только люди, нищенствующіе по ремеслу, или неисправимо порочные и пьянствующіе. Впрочемъ да не подумаетъ кто нибудь, что я желаю доказать необходимость насильственнаго уничтоженія общиннаго пользованія землею: мнѣ хотѣлось только поставить на видъ тотъ фактъ, что сама сила обстоятельствъ клонитъ къ тому, что общинное пользованіе будетъ мало по малу становиться въ тягость крестьянамъ и наконецъ должно будетъ разрѣшиться въ посемейное владѣніе землею. Положеніе 19-го февраля предвидѣло возможность такого исхода и весьма мудро предоставило самимъ крестьянамъ, выкупившимъ свой надѣлъ, перейти, когда они пожелаютъ, отъ общиннаго пользованія къ посемейному владѣнію. Дѣйствительно никто, кромѣ самихъ крестьянъ, не можетъ рѣшить основательно вопроса о времени такого перехода, ибо время это будетъ зависѣть отъ степени гражданскаго развитія крестьянъ и отъ разныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Такая коренная перемѣна въ крестьянскомъ бытѣ можетъ совершиться только медленно и для различныхъ селеній въ весьма различныя эпохи. До выкупа своихъ надѣловъ крестьяне не имѣютъ даже и права раздѣлить ихъ на посемейные участки, а выкупу, какъ извѣстно, не положено никакого обязательнаго срока.

Одно изъ уродливыхъ явленій искаженнаго обычнаго права представляетъ крестьянскій самосудъ въ нашихъ деревняхъ. Я не разумѣю здѣсь волостныхъ судовъ, установленныхъ Положеніемъ 19-го февраля, а говорю о произвольномъ самосудѣ сельскаго общества, то есть цѣлой мужицкой толпы, надъ своимъ собратомъ. Нерѣдко такой самосудъ произноситъ рѣшенія, возмутительныя по своей несправедливости и жестокости. Обыкновенно дѣломъ заправляютъ сельскіе горлопаны и міроѣды, преслѣдующіе часто своего собрата изъ одной личной ненависти; къ тому же этотъ ареопагъ произноситъ вчастую свои приговоры подъ пьяную руку, ибо подобные самосуды совер-

шаются обыкновенно на досугѣ, въ праздничные дни. Иногда единственнымъ поводомъ къ самосуду бываетъ желанiе крестьянъ попьянствовать на счетъ одного изъ своихъ собратовъ. Въ такомъ случаѣ толпа придумываетъ какое нибудь обвиненiе противъ крестьянина, избраннаго въ жертву, взыскиваетъ съ него денежный штрафъ и тутъ же пропиваетъ штрафныя деньги. Если обвиняемый крестьянинъ не соглашается внести штрафъ добровольно, то толпа отправляется въ его домъ и продаетъ на мѣстѣ что̀-либо изъ его хозяйственныхъ принадлежностей, а вырученная сумма идетъ на попойку. Мнѣ кажется, что необходимо воспретить закономъ всякiе въ деревняхъ самосуды, этотъ остатокъ первобытнаго варварства и безсудiя, и затѣмъ преслѣдовать ихъ строжайшимъ образомъ, по жалобѣ обиженныхъ. Для разбора мелкихъ проступковъ и нарушенiй между крестьянами вполнѣ достаточны существующiе у нихъ волостные суды. Какъ бы ни были они несовершенны, но все же ихъ нельзя сравнивать съ приговорами цѣлой толпы, гдѣ чаще всего беретъ перевѣсъ тотъ, кто перекричитъ всѣхъ другихъ.

Представляется весьма важный вопросъ: что лучше — удержать ли существованiе волостныхъ судовъ и по введенiи повсюду мировой юстицiи, или же упразднить ихъ, какъ излишнюю инстанцiю? Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые никакъ нельзя рѣшить безусловно. Весьма хорошо правило, что судъ долженъ быть для всѣхъ общiй и одинаковый; потому-то Европа давно уже уничтожила у себя сословные суды, и мы подражаемъ теперь ея примѣру. Если бы сохраненiе волостныхъ судовъ могло уменьшить количество мировыхъ судей въ уѣздѣ, тогда былъ бы экономическiй расчетъ въ удержанiи этихъ судовъ; но въ хорошемъ судѣ имѣютъ надобность не одни крестьяне, а и помѣщики, и другiе сельскiе обыватели, непринадлежащiе къ крестьянскимъ обществамъ и немогущiе подчинять себя приговорамъ крестьянскаго суда. Крестьянинъ, имѣющiй дѣло съ однимъ изъ такихъ обывателей, все равно долженъ обращаться къ мировому судьѣ, хотя и есть въ волости свой волостной судъ. Притомъ, при настоящемъ видѣ волостнаго суда, ничто не обезпечиваетъ правомѣрности его рѣшенiй: ни обязанности судей, ни ихъ отвѣтственность ничѣмъ

въ точности не опредѣлены; контроля надъ ихъ дѣйствіями не существуетъ никакого, а равно и независимость ихъ приговоровъ отъ постороннихъ вліяній ничѣмъ не обезпечена. Между тѣмъ этотъ судъ есть окончательный и безапелляціонный, и ему обязательно подлежатъ почти всѣ споры и тяжбы между крестьянами до 100 рублей включительно. Но вѣдь это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, есть высшій предѣлъ крестьянскаго достоянія и крестьянскихъ оборотовъ. Стало быть, можно сказать, что для милліоновъ нашихъ крестьянъ вся доступная имъ гражданская юстиція представлена въ лицѣ волостныхъ судей, а этими судьями по большей части вертитъ волостной старшина или писарь. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, казалось бы, нѣтъ необходимости удерживать особый видъ суда исключительно для дѣлъ взаимно-крестьянскихъ. Но съ другой стороны надобно не упускать изъ виду, что, въ имущественныхъ спорахъ крестьянъ и въ ихъ семейныхъ распряхъ, мировой судья, самый безпристрастный и усердный къ своей обязанности, часто будетъ рѣшать дѣла наперекоръ установившимся въ крестьянскомъ быту понятіямъ о правѣ, единственно потому, что ему неизвѣстны обычаи и хозяйственные порядки крестьянъ. Для насъ, людей образованныхъ, не исключая и помѣщиковъ, постоянно живущихъ въ деревнѣ, крестьянскій міръ есть еще страна мало извѣданная. Только тогда, когда изъ среды самихъ крестьянъ явятся образованные общественные дѣятели, возможно будетъ ожидать, что обычаи и понятія о правѣ, сложившіеся вѣками въ крестьянской жизни, будутъ приведены въ систему и внесены въ положительное законодательство. Сверхъ того, при обширности нашихъ уѣздовъ и при настоятельномъ требованіи, въ видахъ экономіи, ограничить число мировыхъ судей самою строгою необходимостію, мировой судъ не можетъ быть для крестьянъ судомъ вполнѣ сподручнымъ. Въ крестьянскомъ быту весьма часто случаются мелкіе споры и нарушенія, ради которыхъ крестьянину нельзя отрываться отъ своей работы, чтобы отправляться за 20 и болѣе верстъ къ мировому судьѣ (есть мировые участки, гдѣ крестьянамъ приходится ѣздить за 50 верстъ къ судьѣ). Во множествѣ случаевъ для крестьянина скорость суда важнѣе даже самой его правильности. Еще менѣе будетъ спод-

ручна для крестьянъ апелляція въ мировой съѣздъ, требующая уже письменной процедуры или личнаго отправленія въ уѣздный городъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Хуже всего, если, пользуясь безграмотностію и недосугомъ крестьянъ, разведутся въ деревняхъ кляузники, или такъ называемые строкулисты, которые будутъ подбивать мужиковъ на подачу жалобъ въ мировой съѣздъ и опустошать ихъ кошели. Всѣ эти соображенія заставляютъ желать дальнѣйшаго сохраненія волостныхъ судовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію по Положенію 19-го февраля, крестьяне имѣли право обращаться или въ волостной судъ, или къ мировому судьѣ. Очевидно, что при возможности для крестьянъ такого выбора, они будутъ обращаться къ тому изъ двухъ судовъ, который пріобрѣтетъ большее съ ихъ стороны довѣріе. Если въ какой нибудь волости въ званіе судей попадутъ люди разумные, честные и самостоятельные, то судъ ихъ будетъ для крестьянъ предпочтительнѣе всякаго другаго, ибо это будетъ судъ, основанный на обычаяхъ и на близкомъ знаніи всего крестьянскаго обихода, наконецъ судъ сподручный по своей близости. Въ случаѣ обратномъ, при плохомъ составѣ волостнаго суда или при зависимости его отъ произвола волостнаго старшины, крестьяне будутъ ограждены отъ злоупотребленій такого суда возможностію обратиться къ мировому судьѣ. Въ настоящее время едва ли можно сдѣлать что нибудь болѣе для обезпеченія крестьянамъ удовлетворительной мѣстной юстиціи. Въ гражданскихъ искахъ, подлежащихъ разбирательству волостныхъ судовъ, Судебные Уставы 1864 года предоставляютъ сельскимъ обывателямъ право обращаться къ мировому судьѣ, если только на такое обращеніе будутъ согласны обѣ стороны; но проступки и нарушенія, преслѣдуемые, по Положенію 19-го февраля, волостными судами, не могутъ быть обращаемы къ разбирательству мировыхъ судей. Казалось бы, что, для бо̀льшаго обезпеченія крестьянамъ справедливаго суда, можно бы и во второмъ случаѣ предоставить имъ право обращаться къ мировому судьѣ, если того пожелаетъ лицо, потерпѣвшее отъ проступка вредъ или убытки. Надобно имѣть въ виду, что, при разборѣ имущественныхъ исковъ, произволъ волостныхъ судей связанъ отчасти обычнымъ правомъ, сло-

жившимся у крестьянъ относительно собственности; тогда какъ, при разборахъ проступковъ и нарушеній, судьи часто произносятъ приговоры по вдохновенію одного собственнаго невѣжества или подъ давленіемъ требованій толпы; здѣсь всего чаще обнаруживается вліяніе пристрастія, ненависти и мести крестьянъ къ одному изъ своихъ односельцевъ. Напротивъ того, мировому судьѣ, какъ человѣку постороннему и образованному, естественнѣе всего было бы разбирать проступки и нарушенія крестьянъ; для правильной ихъ оцѣнки требуется, вообще говоря, гораздо менѣе знакомства съ крестьянскимъ бытомъ и обычнымъ правомъ, чѣмъ для разбора имущественныхъ исковъ. Само собою разумѣется, что дѣло, рѣшенное въ одномъ изъ этихъ судовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть перерѣшаемо въ другомъ: волостной судъ, по самому существу своему, какъ судъ по совѣсти и народнымъ обычаямъ, не можетъ быть низшею инстанціею никакого другаго суда, и приговоры его должны быть окончательными. Въ пользу дальнѣйшаго сохраненія волостныхъ судовъ слѣдуетъ добавить и то, что существованіе ихъ не сопряжено ни съ какими расходами, ибо волостные судьи не получаютъ жалованья. Необходимо однако прежде всего устранить то рѣзкое противорѣчіе, которое существуетъ въ законахъ между наказаніями, налагаемыми мировыми судьями и волостными судами. За то же самое нарушеніе, за которое мировой судья приговоритъ крестьянина къ кратковременному аресту или незначительному денежному штрафу, волостной судъ можетъ подвергнуть его тѣлесному наказанію, до 20 ударовъ. Наоборотъ, волостной судъ можетъ приговаривать крестьянъ къ денежнымъ штрафамъ лишь до 3 рублей и къ аресту лишь до 7 дней, тогда какъ мировой судья, за тотъ же самый проступокъ, напримѣръ за нанесеніе обиды дѣйствіемъ, можетъ присудить арестъ до одного мѣсяца или денежное взысканіе до 50 рублей. Такимъ образомъ въ настоящее время наказуемость проступковъ, а слѣдовательно и самое понятіе о степени ихъ преступности совершенно измѣняются, смотря по тому, относится ли проступокъ крестьянина къ такому же, какъ онъ, крестьянину, или же къ лицу другаго званія, хотя бы также живущему въ одной съ нимъ деревнѣ.

Судя по тому, что я слышалъ отъ помѣщиковъ и крестьянъ, веденіе дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ не отличается большимъ порядкомъ, преимущественно по недостатку дѣятельнаго руководства и надзора со стороны мировыхъ посредниковъ. Волостные писаря, играющіе такую важную роль, особенно въ случаѣ безграмотности старшинъ, получаютъ самое ничтожное жалованье; потому, понятнымъ образомъ, на эту должность идутъ люди или ни къ чему неспособные, или даже негодные, норовящіе извлекать себѣ доходы разными прижимками и крючками. Большею частію въ писаря попадаютъ отставные солдаты, исключенные изъ низшихъ классовъ семинаристы, уволенные отъ службы канцелярскіе служители. Не говоря уже о поборахъ, одно нравственное вліяніе такихъ людей на крестьянъ не можетъ быть полезно. Волостной старшина, по обязанностямъ, наложеннымъ на него въ Положеніи, есть, какъ извѣстно, лицо немаловажное въ своемъ околодкѣ; его расположенія заискиваютъ иногда и помѣщики, такъ какъ имъ нерѣдко приходится обращаться къ старшинѣ съ жалобами на крестьянъ или просить его содѣйствія для найма рабочихъ въ нужную пору. Мнѣ удалось видѣть только одного волостнаго старшину; это человѣкъ довольно еще молодой, грамотный и, какъ кажется, очень разумный. Грамотѣ онъ научился въ школѣ, учрежденной его бывшимъ помѣщикомъ и существовавшей въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Особенно понравилось мнѣ скромное достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя относительно сына своего бывшаго помѣщика; не понравилось только мнѣ, что онъ получилъ отъ этого господина лугъ на скосъ слишкомъ ужь за дешевую цѣну и очевидно въ видѣ презента. Въ одной изъ сосѣднихъ съ нами волостей старшина предлагалъ высылать недоимочныхъ и штрафныхъ крестьянъ для устройства и поправки дорогъ, на арестантскомъ содержаніи. Мѣра эта (непротиворѣчащая Положенію 19-го февраля) могла бы быть полезна, какъ предупредительное средство, но только относительно тѣхъ крестьянъ, которые накопляютъ недоимки по собственному нерадѣнію, и только тамъ, гдѣ онѣ не сдѣлались еще повальною болѣзнію; однако, такъ какъ для приведенія ея въ исполненіе требуется дѣятельное участіе разныхъ уѣзд-

ныхъ властей, въ особенности мировыхъ посредниковъ и земскихъ управъ, то о ней только поговорили и на томъ покончили. Слышалъ я въ томъ же уѣздѣ еще о другомъ разумномъ и строгомъ старшинѣ, который по праздникамъ объѣзжаетъ кабаки и сажаетъ подъ арестъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ найдетъ безобразно пьяными. Но есть въ уѣздѣ старшина, поступающій совершенно наоборотъ и самъ содержащій въ своей волости кабакъ, да еще кажется не одинъ, только на чужое имя. Въ сосѣднемъ уѣздѣ, въ одной волости выбранъ былъ старшиною крестьянинъ, хотя честный и благочестивый, какъ отзывались о немъ мужики, но до такой степени слабый, что крестьяне помыкали имъ, какъ хотѣли, пока наконецъ мировой посредникъ нашелъ себя вынужденнымъ представить съѣзду объ отрѣшеніи его отъ должности. Этотъ старшина, при крѣпостномъ правѣ, былъ у своего помѣщика въ скотникахъ. Въ томъ же уѣздѣ есть и другой старшина, занимавшій у своего помѣщика также должность скотника. Не надобно впрочемъ думать, чтобы должность скотника была чѣмъ нибудь унизительнымъ и доказывала неспособность отправлявшаго ее крестьянина; напротивъ того, на эту должность назначались обыкновенно крестьяне честные и до нѣкоторой степени смышленые. Упоминая объ этомъ фактѣ, я желалъ только показать, какой рѣзкій переходъ приходится иногда испытывать крестьянамъ въ первое время ихъ свободной жизни и самостоятельнаго мірскаго управленія: отъ завѣдыванія господскимъ скотнымъ дворомъ переходить къ завѣдыванію общественными дѣлами цѣлой волости, гдѣ волостному старшинѣ бываетъ иногда подчинено до 12,000 душъ крестьянъ. Потому-то, признавая откровенно теперешніе недостатки крестьянскаго самоуправленія, не слѣдуетъ однако отчаяваться въ его постепенномъ улучшеніи; скорѣе надобно удивляться, что люди, которыхъ помыслы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не заходили далѣе обработки господскаго поля и ухода за господскимъ скотнымъ дворомъ, сумѣли такъ скоро освоиться съ новымъ порядкомъ и довольно удовлетворительно воспользоваться даннымъ имъ самоуправленіемъ. Первые шаги свободы, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ сословій и обществъ, всегда бываютъ трудны и неизъяты отъ претыканій и горькихъ опытовъ; но только

одна свобода можетъ научить осмотрительности и твердому хожденію.

Было слышно, что въ высшихъ петербургскихъ сферахъ существовала мысль о преобразованіи волости изъ единицы сословной, обнимающей одно только крестьянское населеніе, въ единицу территоріальную, совмѣщающую въ себѣ всѣхъ жителей, обитающихъ въ чертѣ волости; съ этимъ вмѣстѣ предполагалось расширить и самыя границы волости. Мысль весьма справедливая — въ теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, помѣщики и другіе сельскіе обыватели, непринадлежащіе къ крестьянскому сословію, не менѣе крестьянъ заинтересованы въ порядкѣ и благоустройствѣ сельской жизни, а между тѣмъ они лишены всякаго участія въ волостномъ управленіи, которое именно должно имѣть характеръ сельской полиціи и сельскаго хозяйственно-распорядительнаго учрежденія. Центромъ хозяйственнаго самоуправленія въ уѣздахъ стали теперь уѣздныя земскія собранія и управы, устроенныя на всесословномъ началѣ; очевидно, что то же начало слѣдовало бы распространить и на части уѣздовъ — волости, которыя такимъ образомъ ближе примкнули бы къ земскимъ учрежденіямъ, съ которыми онѣ имѣютъ столь близкую связь въ хозяйственномъ отношеніи. Не менѣе важно и то обстоятельство, что участіе дворянъ въ волостномъ управленіи внесло бы въ него элементъ образованности, а слѣдовательно придало бы ему и больше самостоятельности, и больше порядка. При всѣхъ однако этихъ выгодахъ, осуществленіе сказанной мысли должно, какъ мнѣ кажется, встрѣтить въ настоящее время непреодолимыя затрудненія. Какъ будутъ составляться волостные сходы и изъ кого будутъ избираемы волостные старшины? Если сходы будутъ составляться изъ всѣхъ сословій на равноправномъ началѣ, подобно земскимъ собраніямъ, то во многихъ волостяхъ не будетъ никакого средства уравновѣсить представителей дворянства съ представителями крестьянъ. Въ настоящее время есть волости, въ которыхъ числится всего три, два и даже одинъ помѣщикъ. Положимъ, что новыя волости будутъ вдвое или втрое обширнѣе нынѣшнихъ; но и тогда во многихъ изъ нихъ на десятки тысячъ крестьянъ придется иногда четыре или пять помѣщиковъ. (Не надобно за-

бывать, что теперь и государственные крестьяне съ однодворцами вошли въ составъ волостей). При такомъ крайне неравномѣрномъ представительствѣ сословій на волостномъ сходѣ, вопросы, подлежащіе его обсужденію, не могутъ быть рѣшаемы безпристрастно, и сословіе, слабо представленное, весьма часто будетъ въ проигрышѣ. Сверхъ того, при сказанномъ составѣ волостныхъ сходовъ, весьма возможенъ случай, что въ томъ или другомъ мѣстѣ въ волостные старшины будетъ избранъ крестьянинъ. Спрашивается, какъ отнесутся помѣщики къ такому выбору? Вѣдь распорядительно-полицейская власть старшины будетъ тогда простираться не на однихъ крестьянъ, а и на помѣщиковъ. Сила конечно не въ томъ, что старшиною будетъ крестьянинъ, но въ томъ, что это будетъ человѣкъ необразованный и притомъ, быть можетъ, бывшій крѣпостной того помѣщика, къ которому ему придется являться съ разными требованіями и распоряженіями. Многіе изъ нынѣшнихъ становыхъ также не принадлежатъ къ дворянскому сословію, а вышли изъ канцелярскихъ служителей; но помѣщики не оскорбляются появленіемъ въ своемъ домѣ становаго по дѣламъ службы, ибо все таки видятъ въ становомъ человѣка до нѣкоторой степени образованнаго, съ общепринятыми въ свѣтѣ манерами и способомъ выраженія, однимъ словомъ человѣка, стоящаго, по своимъ понятіямъ и образу жизни, не ниже большинства самихъ помѣщиковъ. Но нелегко будетъ поддержать авторитетъ своего положенія предъ помѣщиками старшинѣ-крестьянину, то есть человѣку едва грамотному, съ ограниченнымъ кругомъ понятій, привыкшему относиться къ помѣщикамъ съ подчиненіемъ и робостію. Въ слѣдствіе самой темноты такого старшины, его не трудно будетъ запугать разными законами и властями, а при случаѣ можно даже и подвести подъ отвѣтственность. У насъ слишкомъ еще рѣзка граница, отдѣляющая поселянина отъ образованныхъ классовъ въ умственномъ отношеніи, и слишкомъ еще велико различіе сословныхъ правъ и привилегій, чтобы можно было теперь же провести до конца начало полнаго объединенія сословій въ земскомъ самоуправленіи. Если же было бы постановлено правиломъ, что въ старшины преобразованныхъ волостей могутъ быть избираемы только лица дворянскаго сословія, то такое правило было

бы коренным нарушеніемъ начала равноправности сословій, проведеннаго какъ въ земскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ судебныхъ уставахъ. Волостные старшины, выбираемые подъ такимъ условіемъ, были бы повтореніемъ недавнихъ гминныхъ войтовъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, несмотря на давнишнее уничтоженіе тамъ крѣпостнаго права по буквѣ закона (со времени Наполеона I-го), тяготѣли надъ подчиненными имъ крестьянами властію, мало уступавшею крѣпостному праву. Неестественно, чтобы правительство, признавшее въ Польшѣ необходимымъ уничтожить чисто-шляхетскій характеръ гминныхъ войтовъ и допустить къ этой должности лицъ всѣхъ сословій, чтобы оно создало въ Россіи эту должность съ тѣмъ же самымъ характеромъ, какой она имѣла въ Польшѣ. Наконецъ еще менѣе вѣроятно, чтобы на должность предполагаемыхъ волостныхъ старшинъ (окрещенныхъ, пожалуй, какимъ нибудь другимъ названіемъ) могли быть назначены правительственные чиновники. Такою мѣрою земское самоуправленіе, могущее существовать тольто при выборномъ началѣ, разрушалось бы въ самомъ его корнѣ, безмѣрно увеличилось бы число чиновниковъ, и безъ того не малое, и административная опека зашла бы въ среду сельской жизни такъ далеко, какъ она никогда не заходила и при прежнемъ порядкѣ, даже въ вѣдомствѣ государственныхъ крестьянъ. Поэтому едва ли не будетъ лучше оставить пока волости при ихъ нынѣшнемъ значеніи, какъ центры чисто-крестьянскаго самоуправленія и какъ передаточную инстанцію для распоряженій мѣстныхъ властей относительно сельскихъ обществъ. Когда изъ среды самихъ крестьянъ выйдутъ люди, достаточно образованные и навыкшіе въ дѣлѣ общественнаго самоуправленія, когда сверхъ того уравняются нынѣшнія, все еще рѣзкія различія въ правахъ сословій и въ ихъ обязанностяхъ къ государству, тогда станетъ возможно и болѣе тѣсное объединеніе ихъ самоуправленія въ общихъ территоріальныхъ единицахъ.

Сдѣлаю еще слѣдующее замѣчаніе. При началѣ крестьянской реформы многіе заявляли опасеніе, что въ особенности барщинные крестьяне не сумѣютъ воспользоваться дарованною имъ свободою и самоуправленіемъ, такъ какъ они, проживъ цѣлые вѣка подъ ближайшимъ и почти ежедневнымъ вмѣшательствомъ помѣщичьей власти въ

ихъ дѣятельность и образъ жизни, остались, такъ сказать, на первобытной ступени развитія человѣчества и лишены способности къ самостоятельному роду жизни. Опытъ не подтверждаетъ однако этихъ опасеній: большая часть здѣшнихъ деревень принадлежала къ барщиннымъ, однако онѣ, относительно внутренняго порядка и нравственности, не стоятъ ниже бывшихъ оброчныхъ имѣній. Изъ числа прежнихъ барщинныхъ деревень, я знаю напримѣръ нѣкоторыя, въ которыхъ крестьяне рѣшительно воспротивились открытію у нихъ кабаковъ и исправно уплачиваютъ оброкъ и казенныя повинности. Съ другой стороны, мнѣ указывали въ этой губерніи общества, споконъ вѣка бывшія оброчными, а теперь спившіяся съ круга и впавшія въ неоплатныя недоимки. Изъ этого слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, заключить, во первыхъ, что крѣпостная зависимость нашихъ крестьянъ, даже и въ барщинныхъ имѣніяхъ, не имѣла въ большей части случаевъ характера дѣйствительнаго рабства, какъ многіе любятъ то утверждать въ слѣдствіе неясности понятій или же какихъ нибудь предвзятыхъ идей. Отдѣльность и самостоятельность крестьянской семьи и крестьянскаго хозяйства, въ соединеніи съ нѣкоторою долею мірскаго самоуправленія, спасали личность крестьянина отъ совершеннаго порабощенія чужой волѣ, а нравственность его отъ одичанія и притупленія. Барщина, гдѣ она была умѣренная и справедливая, была только естественнымъ и наиболѣе для крестьянъ сподручнымъ способомъ отбыванія повинности землевладѣльцу. Что барщина, въ ея нормальномъ видѣ, не составляла для крестьянъ условія антипатичнаго и разорительнаго, можно видѣть изъ того, что множество барщинныхъ имѣній, особенно въ черноземной полосѣ, доселѣ остается на издѣльной повинности и отбываетъ ее весьма удовлетворительно; напротивъ того оброкъ они считаютъ для себя невыгоднымъ, такъ какъ, по отсутствію въ тѣхъ краяхъ всякихъ промысловъ, крестьянинъ не имѣетъ возможности употребить съ выгодою время, остающееся у него отъ полевыхъ работъ. Тягость и деморализирующее вліяніе крѣпостнаго права зависѣли не отъ издѣльнаго вида повинности и вообще не отъ обязательности повинностей, а отъ ничѣмъ нестѣсняемаго произвола помѣщичьей власти, которая, въ частныхъ случаяхъ, то непомѣрно увеличивала

повинности крестьянъ, то по своему капризу распоряжалась ихъ личностью и имуществомъ, такъ что крестьянинъ никогда не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Если наше крѣпостное право гораздо рѣже представляло примѣры жестокости и безпощаднаго истощенія крестьянъ, чѣмъ это случалось напримѣръ въ Польшѣ или въ средневѣкой Германіи, то русскіе крестьяне обязаны этимъ какъ національному характеру нашихъ помѣщиковъ, характеру безпечному, недѣятельному и въ то же время добродушному, такъ и особенному земско-государственному строю Россіи, недопускавшему крупныхъ землевладѣльцевъ обратиться въ самостоятельныхъ вассаловъ, подобныхъ нѣмецкимъ средневѣковымъ баронамъ, которые жили только войною и грабежомъ сельскихъ жителей. Другое заключеніе, которое можно вывести изъ приведеннаго мною сравненія барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ, состоитъ въ томъ, что извѣстные пороки и недостатки нашихъ крестьянъ, безразлично встрѣчаемые какъ въ барщинныхъ, такъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ, какъ между крестьянами, угнетавшимися помѣщичьею властію, такъ и между такими, которые пользовались возможными льготами и самоуправленіемъ, должны быть приписаны не столько крѣпостному праву, сколько другимъ, общимъ и постоянно дѣйствующимъ у насъ причинамъ. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, когда вспомнимъ, что пьянство, безпечность, неуваженіе къ закону и чужой собственности, неисполненіе договоровъ и даннаго слова, склонность къ обману, грубость понятій и бездна предразсудковъ, что всѣ эти темныя стороны русской жизни отнюдь не рѣже встрѣчаются и между крестьянами государственными, незнавшими помѣщичьей власти, и между нашими мѣщанами и купцами, управляемыми на основаніи либеральнаго городоваго положенія Екатерины II, и между казенными горнозаводскими людьми, оружейниками и проч. Мало того, о мѣщанахъ, оружейникахъ, горнозаводскихъ людяхъ и даже о большинствѣ нашего купечества можно сказать, что они относительно нравственности стоятъ гораздо ниже бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдовательно эти, такъ сказать, общенародные пороки не только должны быть приписаны общимъ для всѣхъ сословій причинамъ, но причины эти должны быть у насъ такъ сильны, что онѣ

какъ бы дѣлаютъ незамѣтнымъ частное вліяніе даже такого крупнаго дѣятеля, каково было крѣпостное право. Въ самомъ дѣлѣ, кто по совѣсти можетъ сказать, что наше мелкое купечество, наши мѣщане, государственные крестьяне, однодворцы, бывшіе казенно-заводскіе люди и т. д., относительно уваженія къ закону и по своему нравственному развитію стоятъ выше бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, хотя между тѣми и другими лежала, повидимому, такая рѣзкая въ гражданскомъ смыслѣ граница? Первые всегда были свободными гражданами своего государства; для нихъ писались законы, постоянно дополняемые и совершенствуемые; основывались учрежденія, безпрерывно умножаемыя и расширяемыя; открывались школы, городскія и сельскія. Подъ сѣнію этихъ законовъ и учрежденій, они могли безпрепятственно участвовать въ умственномъ и гражданскомъ движеніи своего отечества и усвоивать себя всѣ плоды христіанско-европейской цивилизаціи. Между тѣмъ помѣщичьи крестьяне, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, не знали инаго закона, кромѣ личнаго произвола своихъ господъ, иныхъ учрежденій, кромѣ бурмистровъ, управляющихъ и арендаторовъ, другихъ школъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ приготовлялись барскіе музыканты, повара и конюхи; всѣ цѣли ихъ дѣятельности ограничивались отбываніемъ барщины или оброка, и они вовсе были исключены изъ умственнаго и гражданскаго развитія своего отечества. И однако въ общемъ итогѣ оказывается, что, при столь глубокомъ внѣшнемъ различіи, существовавшемъ между крѣпостною и свободною частями нашего народонаселенія, между ними было весьма мало различія внутренняго и существеннаго, что среди ихъ въ одинаковой степени было слабо и незамѣтно дѣйствіе законности, просвѣщенія и нравственныхъ началъ. Поэтому тѣ грѣшатъ противу истины и обнаруживаютъ спутанность понятій, которые всѣ недостатки нашего народа приписываютъ одному крѣпостному праву. Крѣпостное право было только, въ ряду многихъ однородныхъ съ нимъ явленій, явленіемъ наиболѣе нагляднымъ; его несправедливость и вредное вліяніе были доступнѣе для пониманія массы, чѣмъ значеніе и дѣйствіе другихъ причинъ, быть можетъ еще сильнѣйшихъ, но глубже скрытыхъ въ общественномъ и нравственномъ бытѣ народа. Вспомнимъ, что въ

Пруссіи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ сѣверо-германскихъ государствахъ крѣпостное право было окончательно уничтожено только въ первой четверти нынѣшняго столѣтія; но законность, просвѣщеніе и нравственное улучшеніе народа водворились въ этихъ странахъ задолго до упраздненія крѣпостнаго права. Сіи-то главнѣйшіе источники народнаго благоденствія своимъ вліяніемъ постепенно смягчали и самое крѣпостное право, обращая его изъ зависимости личной и неограниченной въ зависимость поземельную и все болѣе и болѣе регулируемую закономъ, такъ что окончательное его исчезновеніе въ этихъ странахъ едва было замѣтно для гражданскаго и экономическаго быта народа. У насъ ходъ событій имѣлъ иной порядокъ: коренныя улучшенія въ гражданскомъ бытѣ Россіи начались съ уничтоженія крѣпостнаго права; это былъ первый тяжелый камень, который наше правительство сдвинуло съ пути внутренняго развитія Россіи. Наша предшествующая исторія сдѣлала невозможнымъ никакой иной исходъ: утвержденіе законности, просвѣщенія и нравственныхъ началъ до того замедлилось въ нашемъ отечествѣ, что если бы отлагать крестьянскую реформу до водворенія у насъ этихъ коренныхъ основъ народной жизни, то пришлось бы, быть можетъ, ожидать еще очень и очень долго до возвращенія крестьянину его личной свободы и гражданскихъ правъ. Между тѣмъ дальнѣйшее сохраненіе крѣпостнаго права становилось небезопаснымъ какъ для внутренняго порядка Россіи, такъ и для ея политическаго могущества. На первую опасность уже съ давнихъ поръ указывало все больше и больше увеличивавшееся броженіе между крѣпостными крестьянами, какъ въ слѣдствіе пробуждавшагося между ними духа свободы, такъ и по причинѣ возрастанія требованій со стороны помѣщиковъ. На этихъ послѣднихъ западная цивилизація имѣла только то вліяніе, что умножала ихъ потребности, нисколько однако не научая ихъ способамъ удовлетворять эти потребности. Вторая, т. е. политическая опасность крѣпостнаго права была слишкомъ ясно обнаружена во время крымской войны. Но если сила обстоятельствъ побудила наше правительство начать государственныя реформы съ уничтоженія крѣпостнаго права, то изъ этого не слѣдуетъ однако, что все зло нашей прошедшей исто-

ріи заключалось въ крѣпостномъ правѣ, и что, съ его упраздненіемъ, всѣ блага гражданской жизни должны явиться къ намъ сами собою, по какому-то воображаемому закону собственнаго развитія. Напротивъ того, труднѣйшія задачи нашего гражданскаго возрожденія еще впереди; крестьянская реформа можетъ въ сильной степени облегчить ихъ рѣшеніе, но сама въ себѣ она не заключаетъ еще ихъ рѣшенія. Гораздо легче было освободить 22.000.000 крестьянъ отъ помѣщичьей власти, чѣмъ водворить въ странѣ законность, просвѣщеніе и нравственность, если дотолѣ онѣ въ ней не существовали или только представлялись внѣшними и безжизненными формами: для первой реформы достаточно было одного законодательнаго акта, вторая же можетъ быть совершена только долговременными и совокупными усиліями правительства и самого народа. Опытъ многихъ государствъ, въ томъ числѣ и нашего собственнаго отечества, доказываетъ намъ, что одной личной свободы гражданъ еще недостаточно не только для того, чтобы въ странѣ водворились законность, просвѣщеніе и добрые нравы, но недостаточно даже для дѣятельнаго развитія производительныхъ силъ страны, для процвѣтанія въ ней земледѣлія, мануфактуръ и торговли; утвержденіе же въ странѣ сказанныхъ коренныхъ началъ цивилизаціи непремѣнно ведетъ и къ всестороннему развитію народнаго труда, и къ личной свободѣ гражданъ, безъ которой немыслима полная законность.

Впрочемъ надобно или быть лишену способности видѣть совершающіяся вокругъ насъ событія, или же умышленно не признавать ихъ значенія, чтобы утверждать, что въ послѣднее время ничего не сдѣлано для водворенія въ Россіи законности и вообще лучшаго гражданскаго порядка. Напротивъ того, и въ городахъ, и въ деревняхъ замѣтна уже значительная перемѣна къ лучшему въ понятіяхъ жителей, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою и въ отношеніяхъ къ нимъ начальствующихъ лицъ и судебныхъ властей. Нѣтъ уже прежняго безусловаго недовѣрія къ закону со стороны однихъ, ни прежняго безусловнаго пренебреженія законовъ со стороны другихъ: у однихъ замѣчается возрожденіе надежды и нѣкотораго сознанія своего права; у другихъ — больше осторожности, меньше произвола и

пренебреженія чужимъ правомъ. Когда мы остаемся при одной и той же внѣшней обстановкѣ лицъ и предметовъ, то обыкновенно нескоро замѣчаемъ внутреннія перемѣны, въ нихъ происходящія; но стоитъ только перемѣнить обстановку, возвратиться къ лицамъ и предметамъ, покинутымъ давно и при иныхъ обстоятельствахъ, чтобы быть поражену происшедшими въ нихъ измѣненіями. Я покинулъ описываемыя мѣста еще до освобожденія крестьянъ, когда только начинали ходить темные слухи о готовившейся перемѣнѣ; надъ городами и весями носился еще всецѣло духъ добраго стараго времени. Тѣмъ поразительнѣе представилась мнѣ перемѣна, происшедшая съ тѣхъ поръ въ нашемъ отечествѣ. На улицахъ губернскаго города, знакомыхъ мнѣ изъ дѣтства, среди родныхъ полей, подъ кровомъ давно извѣстныхъ крестьянскихъ лачугъ, тысячи невидимыхъ голосовъ кричали: свѣтлѣе, легче, свободнѣе, лучше прежняго! Вспомнилъ я въ губернскомъ городѣ, какъ однажды, въ пятидесятыхъ годахъ, частный приставъ или полицеймейстеръ (навѣрное не упомню), объѣзжая городъ въ морозную январскую ночь и не найдя дворниковъ у воротъ домовъ, собралъ ихъ всѣхъ, изъ цѣлой городской части, въ съѣзжій домъ и приказалъ перепороть розгами. Здѣсь были и отцы семействъ, и сѣдые старики, были люди безукоризненной честности. Если они, или правильнѣе сказать — если домохозяева, нарушили приказаніе полиціи, то потому, что оно было неисполнимо и безсмысленно: оно требовало выставленія дворниковъ отъ каждаго дома и каждую ночь; но въ этомъ бѣдномъ городѣ домохозяева не имѣютъ возможности держать особыхъ дворниковъ; домашній работникъ есть вмѣстѣ и дворникъ; часто хозяинъ дома, не имѣя работника, самъ караулитъ свой домъ. Притомъ распоряженіе полиціи было безполезно потому, что, по устройству домовъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, ворамъ удобнѣе проникать въ нихъ не съ улицы, а съ дворовъ, оканчивающихся обыкновенно огородами, садами и низкими заборами; слѣдовательно дворникамъ слѣдуетъ тамъ охранять дворы, а не улицы, наблюденіе за которыми во всей Европѣ составляетъ обязанность полиціи. На упомянутое дикое самоуправство полиціи нѣкоторые домовладѣльцы жаловались высшему начальству края; но оно не обратило на такіе пу-

стяки ни малѣйшаго вниманія. Вотъ оно общее крѣпостное право, тяготѣвшее надъ Россіею и убивавшее въ народѣ уваженіе и довѣріе къ закону! Теперь подобныя явленія уже невозможны. Вспомнилъ я въ деревнѣ объ одномъ мѣстномъ помѣщикѣ, державшемъ у себя сераль и домашній острогъ для своихъ челядинцевъ; вспомнилъ о широкомъ разгулѣ нѣкоторыхъ господъ безъ страха и упрека, окруженныхъ

«Толпой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ».

Все это миновалось безвозвратно. Каковы бы ни были непріятности и столкновенія нынѣшняго переходнаго времени въ сельской жизни, но вы чувствуете, что атмосфера кругомъ васъ прояснилась, что надъ вами не виситъ свинцовая мгла крѣпостнаго права, давившая собою не однихъ крестьянъ, но и помѣщиковъ. Вы встрѣчаете теперь лица, хотя суровыя, но непонуренныя; слышите рѣчи, хотя подъ часъ грубыя, но нешипящія сдавленною враждою и вынужденною покорностію; вы можете теперь съ легкимъ сердцемъ пользоваться своимъ достаткомъ, утѣшаться своимм семействомъ, веселиться съ своими друзьями, не омрачаясь мыслію, что вблизи васъ есть люди, которые имѣютъ право вамъ сказать: вы пользуетесь нашими плодами, вы веселитесь на счетъ нашего горя, вы богатѣете нашею нищетою. Благословеніе въ вѣкахъ тому имени, съ которымъ неразрывно будетъ соединена память объ этой великой перемѣнѣ въ жизни русскаго народа!

Къ числу явленій нынѣшней переходной эпохи, невыгодно подѣйствовавшихъ на крестьянское хозяйство, относятся семейные раздѣлы, чрезвычайно умножившіеся со времени освобожденія. Понятно, что хозяйство крестьянина, отдѣлившагося отъ семьи, должно идти, по крайней мѣрѣ на первое время, самымъ плачевнымъ образомъ. Получаетъ онъ при раздѣлѣ десятка два-три рублей деньгами, какую-нибудь лошадёнку съ коровёнкой, да кое-что изъ домашняго скарба; хату же долженъ выстроить себѣ новую и стало быть затратить всѣ полученныя при раздѣлѣ деньги, или еще чаще долженъ войти въ долгъ. Прежде въ домѣ было нѣсколько бабъ: было кому идти на работу, было и кому остаться дома стряпать и обшивать ребятъ; теперь же часто крестьянинъ, самъ-другъ съ женою, составляетъ всю

рабочую силу семьи; женѣ приходится не то ухаживать за домомъ, не то работать въ полѣ. Крестьяне конечно лучше насъ знаютъ эти невыгодныя послѣдствія раздѣловъ, прямо называютъ раздѣлы горемъ и разореніемъ, и все-таки дѣлятся, и это весьма понятно. Жизнь въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ бываетъ часто истиннымъ адомъ для младшихъ и подчиненныхъ; особенно бабы ѣдма ѣдятъ другъ дружку, и отъ нихъ-то преимущественно идутъ всѣ раздѣлы. Про лютыхъ свекровей и золовушекъ уже много вѣковъ голосятъ наши народныя заунывная пѣсни. При крѣпостномъ правѣ все это стерпливалось, выплакивалось горючими слезами, уносилось часто въ безвременную могилу слабѣйшими и угнетенными, потому что не было никакого другаго выхода. Помѣщикъ, въ виду собственныхъ выгодъ, не дозволялъ раздѣловъ и предоставлялъ хозяину дома полную власть надъ домочадцами, лишь бы домъ исправно тянулъ свои тягла или уплачивалъ оброкъ. Потому, со стороны человѣческаго чувства, нельзя осуждать крестьянъ за раздѣлы. Если это послѣдствіе полученной свободы невыгодно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ въ первое, переходное время, зато оно возстановляетъ достоинство семьи, разрушенное и нерѣдко оскорбляемое самымъ безнравственнымъ образомъ деспотизмомъ домохозяевъ, и возвращаетъ крестьянину его личную индивидуальность, которая для свободнаго человѣка дороже всѣхъ другихъ благъ: хоть щей горшокъ, да самъ большой — сложилось въ убѣжденіи нашего народа, вѣроятно еще во времена, предшествовавшія крѣпостному праву. Большая семья, управляемая всевластнымъ главою, хороша была во времена первобытныя, когда эта семья жила особнякомъ отъ остальнаго міра, когда вся власть и всѣ законы исходили для нея изъ ея же собственной среды и когда слѣдовательно ея обычное право, простое и свободное отъ постороннихъ вліяній, могло во всей чистотѣ передаваться отъ поколѣнія въ поколѣніе. Но не такъ теперь, въ нашъ вѣкъ безпрерывныхъ общественныхъ взаимнодѣйствій и столкновеній, когда государство, въ своемъ водоворотѣ, поглощаетъ и обезразличиваетъ всѣ другія общественныя группы, когда все стремится къ обособленію личности и имущества, и, на мѣсто отдѣльныхъ обычаевъ, преданій, сословныхъ учрежденій, вездѣ

становится одинъ общій государственный законъ. Патріархальная семья, общинное владѣніе землею, обычное право, все это рано или поздно отойдетъ въ исторію прошедшаго нашей Россіи, какъ оно давно уже стало прошедшимъ для Западной Европы. Тѣ, которые желали бы навсегда удержать для насъ эти почтенные памятники прожитыхъ вѣковъ, тѣмъ самымъ доказываютъ, что они болѣе способны увлекаться идеею, чѣмъ проникать дѣйствительность и разумѣть неудержимый ходъ исторіи. По крайней мѣрѣ эти желанія поклонниковъ старины объясняются весьма понятнымъ чувствомъ уваженія къ прошедшему и не менѣе понятнымъ предпочтеніемъ ко всему, что уже пережито и испытано временемъ. Но какимъ образомъ объяснить умственный процесъ тѣхъ людей, которые, наперекоръ не только ходу исторіи, но и самой природѣ человѣка, хотѣли бы все человѣчество соединить въ громадныя стадообразныя группы, гдѣ все было бы общимъ, и орудія производительности (земля и капиталъ), и продукты труда (заработокъ), и воспитаніе дѣтей, и жилища, гдѣ самый трудъ распредѣлялся бы съ механическою равномѣрностію между всѣми членами общины, гдѣ, однимъ словомъ, не было бы другой воли и другой собственности, кромѣ огульной воли и собственности всей общины? Поклонники этого замысловатаго (хотя далеко не новаго) ученія часто выдаютъ себя въ то же время и за знатоковъ естествознанія. Но именно естествознаніе и должно бы ихъ научить, что чѣмъ низшую ступень занимаетъ какой нибудь организмъ на лѣстницѣ природы, тѣмъ свойственнѣе ему стадообразный родъ жизни, тѣмъ тѣснѣе и въ бо̀льшія группы соединяются особи и тѣмъ зависимѣе существованіе каждой особи отъ совмѣстной жизни всей группы. Морскія водоросли, тѣсно переплетаясь своими стеблями, образуютъ въ океанахъ пловучія пространства, предъ которыми покажется ничтожнымъ протяженіе самыхъ огромныхъ материковыхъ лѣсовъ. Коралловыя животныя, составляющія одну изъ самыхъ низшихъ ступеней животнаго царства, живутъ милліонами, прикованныя къ одному общему громадному стержню. Морскія моллюски плаваютъ стадами, тянущимися часто на многія мили. Но чѣмъ высшую ступень занимаетъ какой нибудь организмъ, тѣмъ въ меньшихъ группахъ встрѣчается онъ въ природѣ, тѣмъ

болѣе стремится онъ къ обособленію своего существованія. Послѣдователи Сен-Симона, Луи Блана, Фурье и проч. желали бы и человѣчество приковать къ одному общему стержню, отнять у человѣка его личную свободу, стереть индивидуальность характеровъ и умовъ, заставить людей работать по размѣряннымъ темпамъ, какъ машинныя колеса, наконецъ лишить человѣка святыни семейнаго очага—однимъ словомъ, они желали бы подчинить людской родъ гораздо бо̀льшему рабству, чѣмъ какое когда-либо существовало въ мірѣ, и низвести человѣка до образа жизни самыхъ низшихъ животныхъ организмовъ.

Заговоривъ о семейныхъ раздѣлахъ, кстати уже будетъ упомянуть о другомъ, родственномъ съ ними явленіи. Почти всѣ крестьяне, съ которыми случалось мнѣ толковать, горько жаловалась на то, что теперь нѣтъ житья отъ бабъ, что бабы совсѣмъ отбились отъ рукъ, дѣлаютъ что̀ хотятъ и нѣтъ теперь на нихъ никакой управы. Все это говорится крестьянами съ видимымъ озлобленіемъ противъ бабъ, которыя при этомъ щедро надѣляются названіями чертей, эхиднъ, змѣй подколодныхъ и т. п. Дѣло въ томъ, что при крѣпостномъ правѣ мужикъ дѣлалъ съ бабою, что̀ хотѣлъ, истощалъ ее непосильною работою, куражился надъ нею, часто забивалъ ее до полусмерти. Помѣщикъ рѣдко вмѣшивался въ эти домашнія мужицкія *дрязги*, считая, что, для порядка и исправности, мужикъ долженъ быть полнымъ властелиномъ надъ своими домочадцами. Да жены рѣдко и рѣшались жаловаться барину на своихъ мужей, потому что на барскую власть онѣ смотрѣли, какъ на силу враждебную крестьянамъ; въ этомъ чувствѣ сходились и мужья, и жены; оно заставляло послѣднихъ заглушать и таить домашнее горе и обиды, лишь бы не прибѣгать къ посредничеству враждебной власти; другой же власти не было надъ крестьянами. Теперь обстоятельства перемѣнились: противъ самодурства мужей бабы найдутъ защиту въ волостномъ судѣ, а не то и выше; онѣ знаютъ, что теперь нельзя наказывать ихъ тѣлесно даже и по суду, тѣмъ больше не дадутъ онѣ себя хлестать мужьямъ и свекрамъ. Однимъ словомъ, бабы почувствовали, что и онѣ стали на ноги, что и у нихъ есть кое-какія права, и не преминули воспользоваться выгодами своего положенія, чтобы воздать мужьямъ за прошлое седьме-

рицею. Тутъ же приключилось забубенное пьянство мужиковъ, а надъ пьянымъ людомъ бабамъ еще легче было забрать верхъ. Такимъ-то образомъ и оказались наши мужики у бабъ подъ началомъ, а бабы, по своему обычаю, пустились работать языкомъ, поънимать свару и содомъ и, съ упрямствомъ женщины, дѣлать все въ нарушку мужьямъ. Конечно своеволіе и оскорбленіе бабъ въ крестьянскомъ быту есть другая крайность, отъ которой нельзя ожидать добра ни для хозяйства, ни для нравственнаго благочинія крестьянъ; но противъ этой крайности существуетъ только два средства: или возвратъ къ противоположной крайности, къ прежнему деспотизму мужей, что̀ теперь едва ли возможно, или же распространеніе между крестьянами обоихъ половъ религіозно-нравственнаго образованія. Извѣстно, что въ обществѣ, пользующемся такимъ образованіемъ, чѣмъ выше вліяніе женщины въ семейной жизни, тѣмъ лучше для всего общества; напротивъ того, въ средѣ невѣжественной и грубой преобладаніе женщины въ семействѣ есть источникъ безпорядка, а иногда и безнравственности. Понятно, что, говоря объ образованіи, я не разумѣю образованія научнаго, ни тѣмъ менѣе свѣтскаго, которое для крестьянъ недоступно, да и непригодно; я говорю о распространеніи между ними тѣхъ первоначальныхъ знаній и нравственныхъ началъ, которыя, подобно воздуху и пищѣ, составляютъ достояніе и потребность каждаго человѣка, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни находился. Во многихъ протестантскихъ странахъ Европы, а также среди нашихъ сарептскихъ гернгутеровъ и таврическихъ менонитовъ, такое общедоступное образованіе давно уже вошло въ необходимѣйшую потребность всѣхъ безъ исключенія сельскихъ жителей обоего пола. Во всѣхъ этихъ крестьянскихъ общинахъ женщина пользуется огромнымъ вліяніемъ въ семейномъ кругу, и сіе-то вліяніе есть та благотворная сила, которая умѣряетъ и очищаетъ природу мужчинъ и подъ охраною которой воспитываются новыя поколѣнія. Семейное рабство русской крестьянки близко къ концу; но для выхода ея изъ-подъ рабства невѣжества и грубости не положено еще и перваго начала. Въ едва зачинающіяся у насъ сельскія школы крестьянскія дѣвочки посылаются въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; да притомъ одна механическая грамот-

ность, кое-какъ преподаваемая плохими учителями, не составляетъ ровно никакого пріобрѣтенія для крестьянской женщины. Крестьянину она еще можетъ пригодиться, какъ внѣшнее средство, для общественной службы или для записыванія своихъ хозяйственныхъ счетовъ; крестьянка же должна неминуемо забыть такую грамотность весьма скоро по выходѣ изъ школы. Для нравственнаго и умственнаго возвышенія нашихъ крестьянъ необходимо какое нибудь другое, болѣе могущественное просвѣтительное начало, которому грамотность можетъ служить только орудіемъ и необходимымъ преддверіемъ. Такого просвѣтительнаго начала некому въ настоящее время преподать нашимъ крестьянамъ, и нельзя даже предвидѣть, когда и откуда могутъ выдти дѣлатели на великую, давно туне ожидающую ниву. Остается одна надежда, что въ благопотребное время Господинъ нивы самъ воздвигнетъ и вышлетъ дѣлателей на ниву свою.

1867 г.

V.

Описаніе голода, бывшаго въ 1868 г. въ одной изъ нашихъ губерній.

Лѣтомъ нынѣшняго 1868 года мнѣ снова довелось провести пять недѣль въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя, назадъ тому два года, доставили матеріалъ для моихъ наблюденій сельской жизни. Ходъ этой жизни совершается столь медленно и однообразно, а обычныя явленія ея, при всей ихъ кажущейся простотѣ и несложности, такъ трудно поддаются анализу заѣзжаго наблюдателя, что вѣроятно мнѣ немного пришлось бы прибавить новаго къ моимъ прежнимъ бѣглымъ замѣткамъ, если бы въ нынѣшнемъ году не отяготѣло надъ этою мѣстностію одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыми нашъ сельскій народъ изстари привыкъ исчислять время своего скорбнаго житія. Голода, моры и войны, съ ихъ разореніями и усиленными рекрутскими наборами, — вотъ событія, которыми только и обозначалось тысячелѣтнее существованіе нашего народа. Одно лишь недавнее освобожденіе отъ помѣщичьей власти составило свѣтлую для крестьянъ эпоху въ этомъ ряду тяжкихъ воспоминаній. Въ нынѣшнемъ году, мѣстность, о которой говорилось въ моихъ прежнихъ статьяхъ, терпѣла жестокій голодъ; оба упоминаемые тамъ уѣзда, вмѣстѣ съ сосѣдними уѣздами той же губерніи, принадлежатъ къ мѣстамъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ прошлогодняго неурожая. Поэтому, прежде, чѣмъ продолжать печатаніе замѣтокъ, написанныхъ мною вслѣдъ за посѣщеніемъ этихъ мѣстъ въ 1866 г., я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ положеніи здѣшнихъ жителей относительно продовольствія, и потомъ изложить тѣ общія причины, которыя, по моему мнѣнію, поддерживаютъ бѣдность русскихъ крестьянъ и препятствуютъ имъ предохранять себя отъ послѣдствій неурожаевъ.

Мы, жители Петербурга, имѣемъ довольно смутное понятіе о томъ, въ какомъ именно видѣ обнаруживались въ деревняхъ послѣдствія прошлогодняго неурожая. Свѣдѣнія, сообщавшіяся въ официальныхъ и частныхъ газетахъ, были весьма между собою разнорѣчивы: однѣ изъ нихъ говорили только о недостаткѣ продовольствія; другія, шедшія изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, рисовали самыя мрачныя картины настоящаго голода, сопровождаемаго голодною смертью, самоубійствами и проч. Были и такіе повѣствователи, которыми нынѣшнее бѣдствіе крестьянъ выдавалось чуть ли не за выдумку нигилистовъ, или, по крайней мѣрѣ, объяснялось тѣмъ, что наши крестьяне, падкіе на даровщинку, облѣнившіеся и пропившіеся въ слѣдствіе упраздненія помѣщичьей власти, охотнѣе готовы протягивать руку за пособіями, чѣмъ добывать себѣ хлѣбъ собственными трудами. Отнюдь не надобно думать, что всѣ эти противоположныя мнѣнія искусственно фабрикуются въ редакціяхъ газетъ, или что сообщаемые въ нихъ факты умышленно искажаются официальными и частными доносителями, въ силу данныхъ имъ наставленій. Мнѣ приходилось, на самомъ мѣстѣ бѣдствія и отъ самихъ очевидцевъ его, слышать объясненія и расказы, почти столь же разнорѣчивые, какъ и тѣ, которые помѣщались въ нашихъ официальныхъ и частныхъ газетахъ. Все это служитъ только подтвержденіемъ той старой истины, что нѣтъ такого очевиднаго и убѣдительнаго факта, о которомъ нѣсколько свидѣтелей могли бы дать совершенно согласное показаніе, но что, съ другой стороны, въ показаніи каждаго изъ нихъ заключается нѣкоторая, хотя бы и самая малѣйшая доля истины. Помѣщикъ, раздраженный потерею крѣпостнаго права, чиновникъ мѣстной администраціи, помышляющій только о томъ, какъ бы удержаться на своемъ мѣстѣ и имѣть при этомъ какъ можно менѣе заботъ и отвѣтственности, купецъ, наровящій извлечь себѣ выгоду изъ общаго стѣсненія, молодой поклонникъ гуманныхъ идей, прочитавшій много прекрасныхъ книгъ, но вовсе незнакомый ни съ сельскимъ бытомъ, ни съ извилинами человѣческаго сердца, наконецъ крестьянинъ, ложащійся спать съ пустымъ желудкомъ и видящій во снѣ кули ржи и пачки ассигнацій, обильно притекающіе къ нему въ видѣ пособій изъ царской казны или отъ добро-

хотоыхъ дателей, — всѣ эти люди будутъ описывать нынѣшнее бѣдствіе весьма различными чертами и объяснятъ его весьма несходными причинами, и при этомъ каждый изъ нихъ будетъ чистосердечно убѣжденъ, что въ его-то словахъ и заключается настоящая истина. Каждый видитъ обыкновенно въ описываемомъ имъ предметѣ только то, что̀ соотвѣтствуетъ его личнымъ интересамъ и наклонностямъ. Ближайшіе къ народу чиновники нашей администраціи, становые и исправники, хотя и знаютъ иногда дѣйствительное положеніе народнаго продовольствія, но рѣдко считаютъ нужнымъ представлять о немъ начальству вѣрныя свѣдѣнія. Дѣлается это наичаще не въ слѣдствіе какого-либо умысла, а просто въ силу столь общаго въ нашемъ служебномъ мірѣ нерадѣнія и по привычкѣ всегда и во всемъ отдѣлываться однѣми безсмысленными формальностями. Если бы какой нибудь становой и сумѣлъ составить обстоятельный и достовѣрный отчетъ о состояніи народнаго продовольствія въ его станѣ, то онъ не сдѣлаетъ этого потому, что впередъ увѣренъ, что его донесеніе, не обративъ на себя ничьего вниманія, безслѣдно пропадетъ въ архивѣ губернаторской канцеляріи и даже можетъ навлечь ему замѣчаніе начальства, за обремененіе его излишнею и неумѣстною перепискою. О такихъ фактахъ, какъ народное продовольствіе, народное здравіе, степень личной и имущественной безопасности въ глубинѣ уѣздовъ, губернское начальство находится наичаще въ полнѣйшей неизвѣстности, до той поры, когда, въ слѣдствіе какой нибудь случайности, возникшей въ Петербургѣ, вдругъ потребуются отъ нсго немедленныя донесенія. Тогда становые и исправники съ изумительною быстротою составляютъ свѣдѣнія, въ которыхъ не рѣдко доносятъ объ умолотѣ хлѣбовъ, стоящихъ еще на корню, или рапортуютъ въ половинѣ мѣсяца о числѣ умершихъ отъ эпидеміи за цѣлый мѣсяцъ. На основаніи подобныхъ свѣдѣній, въ канцеляріяхъ губернаторовъ составляются отчеты, изъ которыхъ съ полною ясностію усматривается только одно обстоятельство, именно, что мѣрами, заблаговременно принятыми губернскою администраціею, мѣстное населеніе спасено отъ угрожавшаго ему бѣдствія. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ ему подобныхъ, вина не столько въ отдѣльныхъ лицахъ, составляющихъ

администрацію, сколько во всей административной системѣ, при которой и лучшіе люди скоро опускаютъ руки и теряютъ надежду сдѣлать что нибудь полезное.

Въ настоящемъ моемъ расказѣ я намѣренъ передать только то, что̀ видѣлъ собственными глазами или узналъ, чрезъ многократные распросы и взаимную провѣрку, отъ непосредственныхъ свидѣтелей описываемыхъ здѣсь фактовъ. При этомъ я долженъ предупредить читателей, что посѣщенныя мною деревни принадлежатъ, по сознанію самихъ крестьянъ, къ наименѣе нуждавшимся въ этихъ двухъ уѣздахъ; самая большая нужда существовала въ волостяхъ, лежащихъ на противоположномъ краю этихъ уѣздовъ, а также въ двухъ другихъ уѣздахъ той же губерніи, гдѣ мнѣ вовсе не пришлось быть. Такимъ образомъ мое описаніе будетъ относиться только къ небольшому пространству четырехъ или пяти волостей, о положеніи которыхъ я могъ судить частію по собственному наблюденію, частію по расказамъ ихъ жителей.

Неурожай 1867 года коснулся здѣсь собственно озимаго хлѣба, составляющаго у насъ основу народнаго продовольствія; яровые же хлѣба были большею частію удовлетворительны, хотя и нѣсколько хуже обыкновенныхъ. Въ лучшихъ имѣніяхъ этихъ уѣздовъ помѣщики не досчитались по крайней мѣрѣ одной трети обыкновеннаго здѣсь урожая ржи; въ большинствѣ же хозяйствъ потеря вышла на половину и даже болѣе. Среднимъ урожаемъ ржи надобно считать здѣсь самъ-четыре, но иногда бываетъ самъ-семь и самъ-восемь. Въ моей первой статьѣ я упоминалъ, что въ 1866 году, около 4-го августа, начались въ этой мѣстности проливные дожди, замедлившіе уборку полей, производимую здѣсь около того же времени; въ слѣдствіе этого и посѣвъ озимыхъ, дѣлаемый крестьянами всегда изъ новаго хлѣба, былъ въ 1866 году произведенъ слишкомъ поздно, что̀, по мнѣнію нѣкоторыхъ здѣшнихъ жителей, имѣло неблагопріятное вліяніе на урожай слѣдующаго года. Но еще чаще случалось мнѣ слышать, что неурожай 1867 года надобно объяснять холодною и дождливою весною этого года, сопровождавшеюся сильными вѣтрами (около Николина дня). Въ чемъ бы ни состояла дѣйствительная при-

чина неурожая, она очевидно была на этотъ разъ не мѣстною, а общею для огромнаго пространства, ибо это бѣдствіе одновременно прошло широкою, хотя и прерывающеюся полосою, отъ Архангельской губерніи и Финляндіи до Орловской, задѣвъ и восточную Пруссію.

Недостатокъ продовольствія обнаружился въ описываемой мною губерніи уже осенью 1867 года, хотя и въ различной степени. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя довелось мнѣ посѣтить лично, крестьяне могли обсѣменить собранною рожью всѣ свои озимыя поля; но затѣмъ для ихъ продовольствія осталось уже весьма малое количество ржи, въ которую они были принуждены подмѣшивать все болѣе и болѣе мякины. На первое время важнымъ для нихъ подспорьемъ служилъ яровой урожай, преимущественно овесъ, который они употребляютъ частію для примѣси въ ржаной хлѣбъ, частію на блины. Ячмень и гречиха сѣются въ этихъ двухъ уѣздахъ въ ничтожномъ количествѣ, потому что хлѣба эти не выдерживаютъ тумановъ и медовыхъ росъ, которые такъ часты въ этой лѣсной и болотистой мѣстности. Къ февралю 1868 года крестьяне упоминаемой мѣстности, исключая самыхъ зажиточныхъ, съѣли весь собственный запасъ хлѣба. Отселѣ они начинаютъ пропитываться тольто тѣмъ хлѣбомъ, который могли купить на чистыя деньги, или успѣвали добыть въ займы отъ помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, или же наконецъ получали отъ правительства въ видѣ заимообразнаго пособія. Цѣна ржи стала быстро подниматься, и къ веснѣ нынѣшняго года достигла 10 руб. за четверть. Для покупки хлѣба многіе крестьяне принуждены были продать часть рогатаго скота, составляющаго единственное ихъ богатство; много есть и такихъ, которые попродали половину лошадей и остались при одной лошади на работника. Иногда и въ цѣломъ дворѣ не найдется больше одной лошади, ибо еще прежде многіе крестьяне подѣлились и имѣли всего по двѣ лошади на дворъ. Кромѣ того, за хлѣбъ, бравшійся въ долгъ, крестьяне отдавали въ залогъ мелкимъ городскимъ и сельскимъ торговцамъ свои овчины, армяки, сапоги и все имѣющее какую нибудь цѣнность въ крестьянскомъ обиходѣ. Въ уѣздномъ городѣ одинъ мелкій купецъ показывалъ мнѣ цѣлый амбаръ, набитый крестьянскою одежою и холстами, отданными въ залогъ. Мужикъ еще повѣ-

ритъ иногда въ долгъ знакомому мужику и безъ залога; но въ городѣ безъ залога, или, какъ говорятъ здѣсь, безъ заставы никто не дастъ крестьянину и гарнца хлѣба. Богатые крестьяне, дававшіе хлѣбъ въ займы, большею частію не назначали роста; но въ замѣнъ его должникъ обязывался отбыть какую нибудь работу въ полѣ заимодавца. Хлѣбный ростъ въ обыкновенное время бываетъ довольно значителенъ, по 2 мѣры на четверть, т. е. 25%, за 5 мѣсяцевъ; но во время голода многіе крестьяне считаютъ грѣхомъ брать ростъ хлѣбомъ, хотя требуемая въ замѣнъ его работа часто, по цѣнѣ своей, даже превосходитъ сказанный ростъ. Однако, при здѣшнихъ скудныхъ урожаяхъ, крестьянину все-таки легче отбыть работу, чѣмъ отдавать ростъ хлѣбомъ. Кромѣ того хлѣбные заимодавцы непремѣнно требуютъ отъ мужика угощенія водкой; безъ этого не совершается ни одной подобной сдѣлки. Вотъ почему въ то самое время, какъ крестьянинъ и вся его семья голодаютъ по цѣлымъ днямъ, кабаки бываютъ по праздникамъ биткомъ набиты народомъ; однако угощеніе при сдѣлкахъ бываетъ умѣренное, такъ что во все лѣто я видѣлъ здѣсь только одного пьянаго. Впрочемъ работа, назначаемая въ замѣнъ роста, бываетъ часто такъ тяжела, что только крайняя нужда заставляетъ крестьянъ принимать такія условія. Одинъ изъ здѣшнихъ волостныхъ старшинъ, человѣкъ весьма зажиточный, арендующій значительныя земли у помѣщиковъ, соглашается иногда платить подати за нѣкоторыхъ крестьянъ; но при этомъ, какъ говорили мнѣ крестьяне, если онъ заплатитъ за кого 10 р., то деньги возврати ему само собой, да работы сдѣлай на десять же рублей. Крестьяне, имѣвшіе хоть какія нибудь денежныя средства, предпочитали покупать хлѣбъ на наличныя деньги отъ мелкихъ сельскихъ промышленниковъ, т. е. дворниковъ, содержателей мельницъ и т. п. При покупкѣ на наличныя деньги, эти продавцы довольствовались небольшимъ барышомъ, какимъ нибудь гривенникомъ съ пуда. Крестьянину выгоднѣе было дать лишній гривенникъ съ пуда ближнему торговцу, чѣмъ терять время на поѣздку въ городъ за хлѣбомъ.

Помѣщики большею частію распродали свои запасы еще съ осени, въ руки мелкихъ промышленниковъ. Они жалѣютъ теперь, что по-

спѣшили продажею, не дождавшись высокихъ цѣнъ. Въ декабрѣ прошедшаго года цѣна ржи на мѣстѣ была 8 руб. 50 коп., а въ апрѣлѣ нынѣшняго года она дошла до 10 руб. Въ іюнѣ въ деревняхъ невозможно уже было вовсе купить хлѣба; въ уѣздныхъ же городахъ цѣна его возвышалась съ каждою недѣлею на рубль и болѣе съ четверти: въ началѣ іюня привозный хлѣбъ продавался въ городахъ по 10 руб. 50 коп., потомъ по 11 руб., въ концѣ іюня по 12 руб., а въ губернскомъ городѣ одно время доходилъ до 14 руб. 50 коп. Немногіе изъ помѣщиковъ рѣшались давать хлѣбъ крестьянамъ въ счетъ будущей работы, хотя такія сдѣлки были бы всего выгоднѣе какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ: первыхъ онѣ избавили бы отъ голоданья, отъ необходимости продавать скотъ и платить за хлѣбъ чрезмѣрныя цѣны или отдавать въ закладъ свою одежду; помѣщикамъ же эти сдѣлки доставили бы дешевыя рабочія руки. По отзывамъ помѣщиковъ, главною причиною, по которой не могли осуществиться подобныя сдѣлки, была необезпеченность условій, заключаемыхъ съ крестьянами. Голодный крестьянинъ, говорятъ они, готовъ на всякое условіе; но какъ только минетъ крайняя нужда и наступитъ время отработывать занятой хлѣбъ, то начнутся съ его стороны всякаго рода уклоненія и проволочки. Жалобы въ волостное правленіе и волостной судъ оканчиваются большею частью ничѣмъ и только отнимаютъ у помѣщика время. Волостныя власти ограничиваются только склоненіемъ обѣихъ сторонъ къ полюбовнымъ уступкамъ; затѣмъ начинаются новыя уклоненія со стороны крестьянина, новыя жалобы въ волость и новыя вынужденныя уступки со стороны помѣщика. Такимъ образомъ безсудность, царствующая въ нашемъ сельскомъ мірѣ, между прочимъ имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ то, что бѣдствія, столь часто претерпѣваемыя нашими крестьянами, отъ естественныхъ ли причинъ, или же отъ случайныхъ несчастій, не могутъ быть облегчаемы взаимнымъ обмѣномъ услугъ между земледѣльцами и помѣщиками; крестьянину остается только голодать, разоряться продажею своего имущества, входить въ неоплатные долги, однимъ словомъ, впадать въ безвыходную нищету.

Избытокъ помѣщичьяго хлѣба, производимаго этою губерніею,

отправляется къ портовымъ городамъ изъ трехъ существующихъ въ ней пристаней; на заграничныхъ рынкахъ здѣшній овинный хлѣбъ предпочитается сыромолотному, идущему изъ степныхъ губерній. По отзывамъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, несмотря на скудный урожай 1867 г., хлѣба, собраннаго въ здѣшней губерніи, хватило бы для избавленія мѣстнаго населенія отъ крайняго голода до новой жатвы, если бы весь урожай съ помѣщичьихъ полей остался въ губерніи и не былъ въ значительнѣйшей части вывезенъ къ портовымъ городамъ. Нынѣшнею весною, не смотря на высокія цѣны въ здѣшней губерніи, въ ней былъ особенно бойкій спросъ хлѣба къ одному изъ нашихъ портовъ. Изъ пристани, лежащей въ одномъ изъ описываемыхъ мною уѣздовъ, отпущено 250 барокъ ржи и овса, т. е. около 300,000 кулей; изъ другой пристани, находящейся въ сосѣднемъ уѣздѣ, отправленъ къ тому же порту еще болѣе значительный караванъ; всего же изъ трехъ пристаней губерніи сплавлено вѣроятно не менѣе 800,000 кулей. Конечно часть этого хлѣба доставлена изъ сосѣднихъ губерній; но если положить, что собственнаго хлѣба здѣшней губерніи было въ этомъ количествѣ только 400,000 кулей, то и этотъ запасъ, оставшись въ предѣлахъ губерніи, могъ бы спасти отъ голода наиболѣе нуждающіеся уѣзды. Но, при необезпеченности условій и совершенномъ отсутствіи взаимнаго довѣрія между помѣщиками и крестьянами, помѣщики предпочитаютъ сбывать свой хлѣбъ огуломъ въ руки купцовъ, отправляющихъ его къ пристанямъ, чѣмъ раздавать по мелочамъ крестьянамъ, въ счетъ работы, хотя послѣдняго рода сдѣлки были бы гораздо выгоднѣе для помѣщиковъ, ибо доставляли бы имъ дешевыя рабочія руки.

Такое состояніе нашего сельскаго міра безъ преувеличенія можетъ быть названо первобытнымъ и неустроеннымъ. Желѣзныя дороги, направляемыя изъ хлѣбородныхъ мѣстностей въ губерніи малопроизводительныя, конечно могутъ до извѣстной степени облегчать бѣдствіе крестьянъ во время неурожаевъ быстрою подвозкою хлѣба; но за этотъ хлѣбъ крестьянамъ придется платить чистыми деньгами, т. е. опять-таки продавать свой скотъ или входить въ неоплатные долги, ибо въ губерніяхъ, подобныхъ описываемой, гдѣ средній урожай не

превышаетъ самъ-четырехъ и не существуетъ почти никакихъ промысловъ, у крестьянъ вовсе не имѣется запасныхъ денегъ. Для спасенія себя отъ голода, крестьянину, и при существованіи желѣзныхъ дорогъ, придется разстроивать свое хозяйство на нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, при существованіи въ странѣ законности и довѣрія, крестьяне въ голодные годы могли бы получать хлѣбъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ будущей работы, такъ какъ здѣшніе помѣщики сильно нуждаются въ рабочихъ рукахъ; хозяйство крестьянина не терпѣло бы разстройства и выигрывала бы мѣстная хлѣбная производительность чрезъ большее напряженіе труда. Вотъ одно изъ ощутительнѣйшихъ доказательствъ той истины, что для благосостоянія всякой страны не столько важны желѣзныя дороги, сколько утвержденіе въ странѣ законности и взаимнаго довѣрія. На эти-то первоначальныя основы цивилизаціи слѣдовало бы обратить у насъ главнѣйшія заботы правительства и общества, для того, чтобы извлечь Россію изъ ея нынѣшняго гражданскаго и экономическаго нестроенія. Желѣзныя дороги могутъ обезпечивать продовольствіе жителей только въ мѣстностяхъ мануфактурныхъ, подобныхъ напримѣръ Ярославской, Владимірской и частію Нижегородской губерніи, гдѣ крестьяне могутъ уплачивать за привозный хлѣбъ своими издѣліями. Въ описываемой же губерніи, крестьяне, не производя никакихъ мануфактурныхъ издѣлій, существуютъ только своимъ скуднымъ земледѣліемъ и лишь немногіе изъ нихъ отправляются зимою въ извозъ.

Съ другой стороны надобно замѣтить, что и крестьяне неохотно и только въ крайней нуждѣ обращаются къ помѣщикамъ для займа хлѣба, считая условія, предлагаемыя имъ помѣщиками, слишкомъ для себя тяжелыми. Дѣйствительно, я самъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ тягостны бываютъ для крестьянъ подобнаго рода сдѣлки съ помѣщиками; но такъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ вѣрность условій ничѣмъ не обезпечена и не существуетъ правильнаго кредита: условія непремѣнно должны быть тягостны для одной стороны, какъ скоро онѣ рискованы для другой. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда у большинства окрестныхъ крестьянъ не только не оставалось уже ни зерна купленнаго ими хлѣба, но пріѣдена была и вся мякина, они толпами прихо-

дили къ нѣкоторымъ наиболѣе состоятельнымъ помѣщикамъ, вымаливая въ займы хлѣба. Заѣхавъ однажды въ волостное правленіе послушать разбирательства волостнаго суда, я былъ свидѣтелемъ условій, заключавшихся письменно однимъ помѣщикомъ съ нѣсколькими крестьянами сосѣднихъ деревень. Однимъ онъ давалъ въ займы по кулю, другимъ, менѣе состоятельнымъ, по осьминѣ ржи на дворъ. Занимаемый хлѣбъ долженъ быть возвращенъ изъ перваго же умолота въ нынѣшнемъ году, то есть не далѣе конца августа; въ противномъ случаѣ воленъ помѣщикъ взять у крестьянина любую скотину. Въ замѣнъ роста, помѣщикъ выговорилъ за каждый куль одного работника на 14 дней молотьбы въ началѣ августа. Надобно замѣтить, что эта пора есть самая дорогая для крестьянина: здѣсь онъ долженъ и возить снопы на гумно, и молотить свой хлѣбъ, и обсѣменять свое озимое поле, и косить свой покосъ. Работникъ, нанимаемый въ эту пору, стоитъ здѣсь около 50 к. въ день; слѣдовательно 14 дней молотьбы надобно цѣнить около 7 рублей. Понятно, что только страхъ умереть съ голоду, не дождавшись новаго урожая, могъ побудить крестьянъ занимать хлѣбъ на такомъ условіи. Между занимавшими были и такіе, у которыхъ во дворѣ всего два и даже одинъ работникъ и которымъ слѣдовательно предстоялъ рискъ оставить собственное поле несжатымъ или незасѣяннымъ. Вся надежда такихъ крестьянъ на бабъ, которыя здѣсь и молотятъ снопы, и пашутъ землю. Расчетъ же сказаннаго помѣщика состоялъ въ томъ, что, обязавъ крестьянъ отмолотить ему въ августѣ 14 овиновъ, онъ обмолотитъ даровыми руками весь свой урожай и не будетъ имѣть надобности нанимать осенью и зимою работниковъ для молотьбы, которая въ прошедшемъ году обошлась ему до 200 рублей. Условіе это было до того тягостно для крестьянъ, что нѣкоторые изъ нихъ не рѣшились его принять, а другіе согласились только въ слѣдствіе безвыходной крайности. Черезъ недѣлю послѣ того я слышалъ отъ крестьянъ, что тотъ же помѣщикъ уже не давалъ болѣе никому ржи, которой у него самого оставалось немного, но еще ссужалъ нѣкоторымъ голодавшимъ крестьянамъ овесъ. За 4 куля овса онъ требовалъ, въ видѣ роста, скосить и убрать 2 десятины луга, вспахать десятину поля и выставить 4 человѣка на бо-

роньбу, по одному дню на борону; всѣ эти работы требовались въ промежутокъ времени съ конца іюня до половины августа. Такъ какъ скосить и убрать десятину луга одинъ человѣкъ можетъ въ 6 дней, а вспахать десятину поля въ 3 дня, то условленную работу можно оцѣнить, въ сказанную пору, рублей въ 9; это составляетъ двухмѣсячный ростъ на 4 куля овса, стоившихъ въ ту пору въ этой мѣстности не болѣе 16 рублей. Такою дорогою цѣною добывали себѣ пропитаніе здѣшніе крестьяне. Но такихъ счастливцевъ было немного, ибо немного здѣсь помѣщиковъ, имѣвшихъ у себя запасъ хлѣба; да и тѣ давали его въ займы только крестьянамъ, лично имъ извѣстнымъ и за исправность которыхъ ручалось волостное правленіе. Слѣдуетъ еще добавить, что крестьяне, занимавшіе хлѣбъ у сказаннаго помѣщика, были уже должны ему по прежнимъ займамъ, кто по два, а кто и по три куля. Многіе изъ нихъ сверхъ того состояли должниками въ волостной запасный магазинъ. Такъ какъ и въ нынѣшнемъ 1868 году урожай ожидается здѣсь весьма плохой, то, по всей вѣроятностм, заемъ, сдѣланный крестьянами у этого помѣщика, растянется на нѣсколько лѣтъ. Условіе взять любую скотину дѣлается больше для острастки крестьянамъ; но помѣщикъ впередъ увѣренъ, что нѣкоторая часть розданнаго имъ хлѣба пропадетъ безвозвратно. Потому-то нельзя не согласиться, что, ссужая крестьянъ хлѣбомъ въ такое бѣдственное время и безъ увѣренности въ его возвратѣ, сказанный помѣщикъ дѣлалъ имъ благодѣяніе. Самая тяжесть условленной работы объясняется тѣмъ, что отъ многихъ изъ заемщиковъ помѣщикъ только и получитъ, что эту работу, назначенную въ видѣ роста, самый же хлѣбъ придется ему скинуть со счетовъ. Конечно и въ этомъ случаѣ помѣщикъ не останется въ убыткѣ, если принять въ соображеніе цѣнность условленной работы и трудность найти здѣсь рабочія руки. Надобно также вспомнить о всѣхъ досажденіяхъ, испытываемыхъ помѣщиками отъ крестьянъ, о несговорчивости послѣднихъ въ хорошіе годы, о готовности ихъ насолить помѣщику при всякомъ удобномъ случаѣ; въ виду этого нельзя не отдать справедливости тѣмъ помѣщикамъ, которые не отворачивались равнодушно отъ крестьянъ, когда голодъ сдѣлалъ ихъ смиренными и сговорчивыми. Правда, помѣщики,

ссужающіе хлѣбъ крестьянамъ, имѣютъ при этомъ и слѣдующее соображеніе: они боятся, чтобы голодъ и отчаяніе не довели крестьянъ до насилія и не подвинули ихъ на разграбленіе помѣщичьихъ магазиновъ. Это соображеніе и побудило многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ поспѣшить продажею своего хлѣба еще съ осени, какъ скоро обозначилось, что крестьянамъ предстоитъ голодъ.

Запасные сельскіе магазины были бы въ нынѣшнемъ году истиннымъ спасеніемъ для крестьянъ, если бы эти магазины существовали въ дѣйствительности, а не были бы однимъ изъ тѣхъ обмановъ или внѣшнихъ подобій благоустройства, которыми такъ преизобилуетъ русская земля. По закону, въ запасномъ магазинѣ должно быть засыпано по 1 кулю ржи и по осьминѣ овса на каждую ревизскую душу. Если бы этотъ комплектъ хлѣба существовалъ въ дѣйствительности, то его достаточно было бы для прокормленія мѣстнаго населенія въ теченіе 5 мѣсяцевъ (принимая, что изъ куля ржи получается 9 пуд., а изъ осьмины овса 2 пуда муки, и что, въ крайней нуждѣ, для прокормленія каждой души мужской и женской достаточно по 3 фунта чистой муки въ сутки); стоимость же всего запаснаго хлѣба въ этой губерніи (свыше полумилліона ревизскихъ душъ) равнялась бы, при бывшихъ весною цѣнахъ, болѣе чѣмъ 6 милліонамъ рублей. Никакія пожертвованія и продовольственные капиталы не могли бы замѣнить собою и малой доли такого запаса. Продовольственный капиталъ, какъ бы онъ ни былъ значителенъ, не можетъ обезпечить населеніе отъ голода, ибо этотъ капиталъ приходится обыкновенно расходовать при самыхъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и слѣдовательно пріобрѣтать на него сравнительно весьма незначительное количество хлѣба. Продовольственные губернскіе капиталы, отчисленные въ распоряженіе земствъ, на основаніи высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1866 года мнѣнія государственнаго совѣта, составляютъ всего по 48 коп. на ревизскую душу временно-обязанныхъ крестьянъ и мѣщанъ (государственные крестьяне въ составленіи продовольственныхъ капиталовъ не участвовали). На эту сумму, при бывшей здѣсь весною цѣнѣ ржи въ 10 руб., можно бы было пріобрѣсть только по полтора гарнца на каждую душу, мужскую и женскую, что едва ли можетъ быть на-

звано обезпеченіемъ продовольствія. Весь продовольственный капиталъ, отчисленный на эту губернію, составляетъ 220,000 руб., слѣдовательно въ 27 разъ меньше той суммы, въ которую слѣдовало бы оцѣнить весь запасъ хлѣбныхъ магазиновъ, если бы они дѣйствительно заключали узаконенное количество хлѣба. На эти 220,000 руб. можно бы было пріобрѣсть только 22,000 кулей ржи, тогда какъ полный комплектъ магазиновъ представлялъ бы полмилліона кулей ржи и четверть милліона кулей овса. Изъ четырехъ извѣстныхъ мнѣ волостей въ этой мѣстности, въ двухъ вовсе не существуетъ запасныхъ магазиновъ. Въ большинствѣ деревень этихъ волостей магазиновъ не было и прежде, при крѣпостномъ правѣ; въ другихъ деревняхъ магазинный хлѣбъ былъ частію распроданъ помѣщиками, какъ скоро они заслышали о готовившемся уничтоженіи крѣпостнаго права, частію разобранъ самими крестьянами, уже послѣ освобожденія, и съ тѣхъ поръ никогда не пополнялся; даже не осталось и строеній отъ магазиновъ. Между тѣмъ уѣздъ, въ которомъ находятся обѣ эти волости, есть одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ въ губерніи и весьма часто терпитъ нужду въ продовольствіи. До сей поры никому не приходило въ голову побудить крестьянъ къ исполненію закона, хотя со времени освобожденія прошло уже 7 лѣтъ, изъ числа которыхъ было нѣсколько урожайныхъ годовъ. Земство, существующее въ этой губерніи уже 3 года, также не обратило вниманія на это обстоятельство, хотя правленіе одной изъ упоминаемыхъ волостей помѣщается именно въ имѣніи предсѣдателя уѣздной управы, который живетъ въ немъ почти круглый годъ. Въ другомъ уѣздѣ мнѣ извѣстны также двѣ волости. Въ одной изъ нихъ магазины существовали только у трехъ помѣщиковъ и, по освобожденіи крестьянъ, были переведены въ общій волостной магазинъ; остальныя же деревни этой волости не всыпали въ магазинъ ни одного зерна. Въ нынѣшнемъ году весь хранившійся въ немъ хлѣбъ былъ розданъ, по осьминѣ на ревизскую душу, наиболѣе нуждавшимся крестьянамъ, по усмотрѣнію волостнаго старшины. При этомъ хлѣбъ выдавался и тѣмъ крестьянамъ, которые не участвовали въ засыпкѣ магазина, тогда какъ многіе изъ засыпавшихъ вовсе его не получили. Въ другой волости того же уѣзда изъ магазина выдано

было весною по кулю ржи на душу, но также только наиболѣе нуждавшимся, ибо и въ этомъ магазинѣ далеко не содержалось полнаго комплекта хлѣба.

Описываемая губернія, какъ наиболѣе потерпѣвшая отъ неурожая, послѣ Архангельской (малолюдной по населенію), получила и наибольшія пособія. Кромѣ губернскаго продовольственнаго капитала (220,000 р.), распредѣленнаго до послѣдней копейки между уѣздами, на губернію ассигновано 900,000 р. изъ общаго продовольственнаго капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, и сверхъ того выдано коммисіею для сбора частныхъ пожертвованій и московскимъ ея отдѣломъ: 40,300 р. деньгами и на 173,000 р. хлѣбомъ. Независимо отъ сего отпущено изъ государственнаго казначейства, на производство дорожноземляныхъ работъ, 300,000 р. Слѣдовательно всего губернія получила воспособленій на 1.633,300 р. Впрочемъ изъ упомянутыхъ выше 900,000 р., ассигнованныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала, 350,000 р. были также отдѣлены на производство земляныхъ работъ съ цѣлью доставленія заработковъ мѣстному населенію, а 200,000 р. оставались еще невзятыми въ теченіе минувшаго лѣта. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году большая половина этой губерніи страдала отъ голода, то понятно, что, при всей значительности поименованныхъ средствъ, они, даже и при самомъ лучшемъ ихъ употребленіи, не могли бы обезпечить всѣхъ нуждающихся (въ губерніи 1.140,000 душъ обоего пола); такъ напримѣръ было исчислено, что на 550,000 р., полученныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала, можно выдавать въ нуждающихся мѣстностяхъ только по 4 гарнца ржи въ мѣсяцъ на человѣка, выключая работниковъ и дѣтей до пятилѣтняго возраста. Но независимо отъ того, въ распоряженіи упомянутыми средствами произошли, по расказамъ мѣстныхъ жителей, разныя замѣшательства и замедленія, значительно ослабившія ту пользу, которую могли бы получить голодавшіе крестьяне отъ помощи, преподанной имъ правительствомъ и частными жертвователями. Обвиняютъ въ этомъ земскія управы, которымъ ввѣрено было распоряженіе всѣми предоставленными на продовольствіе губерніи средствами. Такъ напримѣръ, хотя сильный недостатокъ продовольствія

обнаружился въ описываемыхъ мною уѣздахъ еще въ началѣ осени 1867 г. и многія озимыя поля остались незасѣянными, тѣмъ не менѣе губернская управа только въ концѣ января 1868 г., то есть въ самый уже развалъ голода, распорядилась высылкою въ эти уѣзды пособія изъ губернскаго продовольственнаго капитала (около 24,000 р. на каждый изъ двухъ уѣздовъ); да прошло болѣе мѣсяца, пока уѣздныя управы пріобрѣли хлѣбъ и приступили къ его раздачѣ. Губернская управа оправдывала такое замедленіе необходимостью ожидать на выдачу продовольственнаго капитала разрѣшенія очереднаго губернскаго собранія, бывающаго обыкновенно въ декабрѣ; но, при столь серьезныхъ обстоятельствахъ, слѣдовало бы созвать чрезвычайное собраніе еще въ самомъ началѣ осени, если бы губернская управа дѣйствительно заботилась о народномъ продовольствіи: положеніе урожая вполнѣ бываетъ ясно еще въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ распоряженіи деньгами, высланными министерствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, земство также не обнаружило ни быстроты, ни расчетливости. Деньги эти были присланы въ губернскій городъ въ концѣ февраля нынѣшняго 1868 г. Если бы земство немедленно распорядилось покупкою хлѣба, то онъ обошелся бы ему на мѣстѣ не дороже 9 р. за куль ржи и 3 р. за куль овса, а при законтрактованіи въ сосѣдней губерніи, и еще того дешевле. Вмѣсто того земство и губернское начальство потратили болѣе мѣсяца на переписку, требуя отъ волостныхъ старшинъ свѣдѣній о существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ и ведя переговоры съ мѣстными хлѣбными торговцами; губернская же управа хлопотала болѣе всего о дорожно-земляныхъ работахъ. Первыя покупки были произведены уѣздными управами уже въ концѣ марта и началѣ апрѣля. Торговцы, пользуясь такимъ промахомъ земства, брали съ него за рожь по 11 р., а за овесъ по 5 р., наживая на каждый куль по 2 р. Вообще здѣсь того мнѣнія, что земство, даже и въ это время, могло бы сдѣлать покупку хлѣба гораздо экономнѣе. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ члену управы (изъ дворянъ) выдано было 22,000 р. для закупки хлѣба въ сосѣдней губерніи, гдѣ цѣны стояли значительно ниже мѣстныхъ; между тѣмъ, если вѣрить расказамъ, онъ пріобрѣлъ хлѣбъ, еще по зимнему пути, дороже, чѣмъ онъ обошелся бы

на мѣстѣ. Расказываютъ еще, будто бы въ другомъ уѣздѣ (не изъ числа мною описываемыхъ) предсѣдатель управы, по настоянію своей жены, поручилъ закупку хлѣба живущему у нихъ гувернеромъ при дѣтяхъ молодому полячку, изъ студентовъ, замѣшанному въ повстаньи. Объ этомъ характеристическомъ казусѣ много толковали въ средѣ здѣшней губернской аристократіи, которая, разумѣется, интересовалась при этомъ не столько безцеремонностію отношеній нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ къ общественному дѣлу (на этомъ пути никто изъ здѣшнихъ аристократовъ другъ другу не уступитъ), сколько нѣкоторымъ оттѣнкомъ скандала, примѣшаннымъ къ сказанной исторіи. О работахъ, открытыхъ здѣшнимъ земствомъ для прокормленія мѣстнаго населенія, ходятъ также различные слухи. Повторять ихъ я не буду, не разъ убѣдившись на опытѣ, какъ слухи и газетныя корреспонденціи бываютъ часто далеки отъ истины, и что вѣрить можно только тому, что̀ видѣлъ собственными глазами. Не подлежитъ, какъ кажется, сомнѣнію одно обстоятельство, именно — что нѣкоторые помѣщики этой губерніи, взявъ подрядъ на участки сказанныхъ работъ (они раздавались безъ торговъ), передавали ихъ потомъ другимъ лицамъ, съ полученіемъ отступнаго. Бывъ въ губернскомъ городѣ, я встрѣтилъ одного помѣщика, моего школьнаго товарища; онъ сожалѣлъ, что также не догадался взять подрядъ, чтобы получить потомъ отступнаго, и при этомъ никакъ не могъ понять, что эти отступныя суть куски хлѣба, вырываемые изо рта у голодающихъ работниковъ.

Въ противоположность дѣйствіямъ здѣшняго земства, съ замѣчательною быстротою и распорядительностію дѣйствовалъ московскій отдѣлъ коммисіи для пособія пострадавшимъ отъ неурожая, а также и главная коммисія въ Петербургѣ, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Московскій отдѣлъ, учрежденный 8 февраля нынѣшняго года, уже 16 февраля отправилъ въ здѣшнюю губернію 20,000 р., и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился о закупкѣ хлѣба какъ въ этой губерніи, такъ и въ сосѣднихъ съ нею. Купленный отдѣломъ хлѣбъ уже съ первыхъ чиселъ марта сталъ доставляться въ нуждавшіеся уѣзды этой губерніи, такъ что наибольшая его часть получена еще по зимнему пути и по цѣнамъ значи-

тельно низшимъ, чѣмъ тѣ, по которымъ закупало хлѣбъ мѣстное земство. Вообще коммисія и московскій ея отдѣлъ оставили по себѣ свѣтлую память. Высокое и любезное Россіи имя, стоявшее во главѣ коммисіи, внушало жертвователямъ особое къ ней довѣріе, такъ что пожертвованія, особенно въ Петербургѣ, стекались съ невиданною у насъ дотолѣ щедростію; быстрота же, расчетливость и добросовѣстность дѣйствій коммисіи и отдѣла вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды.

При раздачѣ земствомъ хлѣбныхъ ссудъ произошли въ этой губерніи замѣшательства, истинныя причины которыхъ я не могъ вполнѣ себѣ разъяснить, хотя распрашивалъ о томъ у многихъ крестьянъ и у нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что весною, то есть въ началѣ раздачи ссудъ, большинство крестьянъ рѣшительно отказывалось отъ полученія ихъ хлѣбомъ, а желало получить деньгами; въ слѣдствіе этого нѣкоторыя уѣздныя управы, боясь, чтобы купленный ими хлѣбъ не остался у нихъ на рукахъ, продали его купцамъ, а чрезъ нѣкоторое время снова должны были покупать его, но уже по гораздо высшимъ цѣнамъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я прочелъ въ одной газетной корреспонденціи такое объясненіе этого печальнаго происшествія, что его слѣдуетъ приписать наущенію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ людей, подговаривавшихъ крестьянъ не брать хлѣбомъ, потому-де, что Царь велѣлъ выдавать имъ деньгами, по 15 р. на душу, а земство, изъ своихъ выгодъ, накупило хлѣба по дорогой цѣнѣ. Весьма возможно, что были и подобные случаи подговора: между крестьянами часто шныряютъ подозрительныя личности, и не изъ однихъ солдатъ и исключенныхъ семинаристовъ, а иногда и изъ людей дворянскаго званія, изъ праздношатающихся и обнищавшихъ помѣщичьихъ дѣтокъ, которые норовятъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Но нельзя однако допустить, чтобы отказъ отъ хлѣбныхъ ссудъ, повторившійся одновременно въ нѣсколькихъ уѣздахъ, произошелъ единственно отъ наущенія двухъ-трехъ такихъ личностей; въ подобныхъ общераспространенныхъ явленіяхъ всегда есть общія и болѣе самостоятельныя причины. Вотъ что̀ удалось самому мнѣ узнать изъ распросовъ у крестьянъ и у одного волостнаго старшины. Въ одной

волости крестьянамъ было предложено, уже въ концѣ марта, ѣхать въ сосѣднюю губернію, верстъ за 120, за хлѣбомъ, купленныхъ земствомъ, и получить его въ ссуду. Въ это время начиналась уже распутица; крестьяне боялись пробыть долго въ дорогѣ, истратиться на харчи и лошадиный кормъ, измучить лошадей, и потому отказались отъ поѣздки, надѣясь добыть хлѣба другими средствами. Такъ объясняли сами крестьяне причину своего отказа. Въ другихъ случаяхъ крестьяне, по ихъ словамъ, отказывались отъ хлѣба потому, что земство ставило его въ бо̀льшую цѣну, чѣмъ по какой можно было купить его на мѣстѣ, и хотя разсрочивало ссуду, но съ процентами, входить въ которые крестьяне не желали, опять-таки надѣясь извернуться собственными средствами. Расказывали, что въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ съ особою силою, земское начальство требовало, чтобы крестьяне немедленно уплачивали половину стоимости ссужаемаго хлѣба, а другую половину разсрочивало на два года. По всему видно, что въ первое время все дѣлалось впопыхахъ и крестьянамъ не были разъяснены, какъ должно, условія, на которыхъ предлагалось имъ пособіе. Эта неизвѣстность, въ соединеніи съ обычными недовѣріемъ и боязнію крестьянъ ко всему, что̀ идетъ отъ начальства, едва ли не были главною причиною ихъ отказовъ отъ хлѣба. Въ срединѣ лѣта, когда голодъ достигъ высшей степени, тѣ же самые крестьяне, которые весною отказывались отъ ссудъ, осаждали волостныхъ старшинъ, требуя пособій. Но тогда хлѣбъ выдавался имъ уже въ самомъ ничтожномъ количествѣ и рѣдкими пріемами: часть запасеннаго земствомъ хлѣба была, какъ уже сказано, продана обратно; другая часть, законтрактованная у подрядчиковъ, не была вовсе ими доставлена. Земство стало выдавать пособія преимущественно деньгами, и уже волостные старшины сами покупали хлѣбъ и раздавали его наиболѣе нуждавшимся деревнямъ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторая часть денегъ еще весною выдавалась прямо на руки крестьянамъ, для покупки овса на обсѣмененіе.

Земство выдавало пособія разнымъ деревнямъ въ весьма различномъ количествѣ, смотря по собраннымъ отъ волостныхъ старшинъ свѣдѣніямъ о степени существовавшей нужды; многія деревни не по-

лучили вовсе пособія. Въ тѣхъ двухъ волостяхъ, въ которыхъ не существуетъ запасныхъ магазиновъ, отпущено было, до половины іюня 1868 г., сперва по 3 гарнца ржи, а потомъ по 2 на ривизскую душу, и сверхъ того выдано по 60 коп. на душу для покупки овса на посѣвъ. Въ другомъ уѣздѣ выдано было въ одну волость для покупки хлѣба 600 р., что составляетъ менѣе 60 коп. на ревизскую душу, такъ какъ въ этой волости считается болѣе 1000 душъ. Въ бытность мою въ этой волости на сходѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ толпа мужиковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, съ шумомъ осаждала старшину, упрекая его за-то, что онъ оставляетъ ихъ голодать и не хлопочетъ о выдачѣ имъ новаго пособія, тогда какъ другія волости получили по два и по три раза. При этомъ нѣкоторые крестьяне, вѣроятно принявъ меня за чиновника изъ губерніи, жаловались мнѣ на старшину, говоря, будто бы онъ, при выдачѣ магазиннаго хлѣба (по осьминѣ на душу) и денежныхъ пособій, обращаетъ вниманіе только на мужиковъ состоятельныхъ, а бѣдняковъ оставляетъ безъ помощи. Они увѣряли, что нѣкоторые изъ получившихъ хлѣбъ продавали его другимъ съ барышомъ, не имѣя въ немъ нужды. Трудно распознать, на сколько въ этихъ словахъ было правды и на сколько преувеличенія. Крестьяне вообще завистливы и несговорчивы; притомъ они не долюбливаютъ этого старшину за то, что онъ держитъ ихъ въ строгости и не оставляетъ безъ удовлетворенія жалобъ помѣщиковъ. Крестьяне говорятъ о немъ, что онъ тянетъ только сторону помѣщиковъ и богатыхъ мужиковъ. Дѣйствительно, этотъ старшина представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ аристократа между крестьянами; это тотъ самый, который арендуетъ у помѣщиковъ значительныя земли и платитъ иногда подати за крестьянъ. Онъ знается преимущественно съ помѣщиками и богатыми крестьянами, и потому естественно принимаетъ не очень близко къ сердцу нужды мелкой братіи. Но надобно также замѣтить, что исправный возвратъ выдаваемыхъ ссудъ прямо лежитъ на отвѣтственности старшины, и потому вѣроятно онъ отказывалъ въ ссудахъ тѣмъ крестьянамъ, которые, по своему разстроенному хозяйству и безпечности, подавали мало надежды на возвращеніе долга. Въ слѣдъ за этимъ сходомъ, старшина ѣздилъ въ земскую управу просить вторичнаго по-

собія, и получилъ оттуда 275 р., на которые купилъ, въ концѣ іюня, у однаго мѣстнаго помѣщика 25 четвертей ржи по 11 р. Изъ нихъ выдано было тотчасъ по нѣскольку гарнцевъ на человѣка въ самыя нуждавшіяся деревни. Это была, въ упоминаемомъ уѣздѣ, послѣдняя помощь крестьянамъ до новаго урожая, такъ какъ, по словамъ старшины, въ управѣ не было больше ни копейки денегъ. А до новаго урожая оставался еще цѣлый мѣсяцъ! Въ другую волость того же уѣзда выдана было земствомъ, еще весною, денежная ссуда на посѣвъ овса, расчитанная по осьминѣ на душу, и еще вторично, на прокормленіе, по 50 коп. на душу. И въ этой волости помощь выдавалась не всѣмъ крестьянамъ, а только наиболѣе нуждавшимся. Въ одной деревнѣ, принадлежащей къ другой волости, крестьяне получили всего по 25 коп. на душу; въ одну волость присланъ былъ однажды всего одинъ куль ржи. Вѣроятно это были пособія, присылаемыя изъ московскаго отдѣла и петербургской коммисіи и распредѣлявшіяся земствомъ по мѣрѣ нужды разныхъ волостей и деревень. Въ сосѣднемъ уѣздѣ получено однажды изъ московскаго отдѣла 900 пудовъ ржаныхъ сухарей, весьма тщательно уложенныхъ въ ящики.

Не рѣдко я слышалъ отъ крестьянъ жалобы на то, что пособія раздавались несоотвѣтственно нуждѣ: однѣ деревни, терпѣвшія крайнюю нужду, получали очень мало или вовсе ничего не получали; другія, менѣе нуждавшіяся, получали больше и чаще; кто изъ волостныхъ старшинъ больше хлопоталъ въ земствѣ, тотъ и больше получалъ на свою волость. Едва ли и возможна была въ этомъ случаѣ раздача, совершенно соразмѣрная со степенью нужды: отъ крестьянъ трудно узнать правду, на сколько кто изъ нихъ нуждается, особенно когда нужда гнететъ ихъ всѣхъ. Вѣроятно были и лицепріятія со стороны волостныхъ старшинъ. Но зато случалось, какъ я уже упоминалъ, что и крестьяне продавали полученный ими хлѣбъ. Мнѣ раскazывали даже случай, когда два мужика, получивъ деньги на овесъ, тотчасъ же ихъ пропили въ кабакѣ. Но примѣръ нѣсколькихъ негодяевъ не можетъ служить укоромъ всѣмъ крестьянамъ, точно такъ, какъ невозможность совершенно уравнительной раздачи хлѣба не уничтожала пользы, полученной крестьянами отъ пособій.

Хлѣбъ и деньги, отпускаемые въ волости, выдавались крестьянамъ въ видѣ ссудъ, которыя должны быть возвращены деньгами въ три года, съ ростомъ по 6%; нѣкоторая же часть денегъ и хлѣба выдавались безъ возвраста: по всей вѣроятности, это были пожертвованія, полученныя изъ коммисіи и московскаго ея отдѣла. Относительно оцѣнки хлѣбныхъ ссудъ, выдававшихся крестьянамъ здѣшнимъ земствомъ, принятъ былъ, какъ я слышалъ, такой порядокъ: пожертвованныя деньги присоединялись къ тѣмъ, которыя выданы правительствомъ изъ общаго продовольственнаго капитала, но купленный хлѣбъ отпускался крестьянамъ по цѣнѣ, уменьшенной пропорціонально пожертвованной суммѣ. Впрочемъ это уменьшеніе было весьма незначительно, именно равнялось 12% заготовительной цѣны, такъ какъ вся денежная сумма, присланная въ губернію изъ коммисіи и отдѣла, составляла всего 40,300 р., и притомъ нѣкоторая часть ея была роздана деньгами.

Многіе читатели, узнавъ, что пособія, выдававшіяся крестьянамъ, равнялись часто нѣсколькимъ гарнцамъ на мужскую душу, вѣроятно готовы будутъ назвать такія пособія безполезными, такъ какъ ими нельзя было продовольствоваться до новаго урожая. Но надобно знать то положеніе, въ которомъ находились минувшимъ лѣтомъ здѣшніе крестьяне, чтобы понять, какъ дороги были для нихъ и эти гарнцы ржи и овса, получавшіеся ими на счетъ продовольственнаго капитала и частныхъ пожертвованій: безъ нихъ многія здѣшнія деревни буквально могли бы вымереть голодною смертью. Раскажу то, что̀ я видѣлъ собственными глазами въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ теченіе нынѣшняго лѣта. Мы пріѣхали въ одну деревню съ помѣщикомъ, у котораго нѣкоторые изъ тамошнихъ крестьянъ только что получили заимообразно по кулю ржи. Въ первомъ дворѣ мы велѣли хозяину отпереть клѣть; въ ней не оказалось ни зерна хлѣба, и только было нѣсколько гарнцевъ льняной мякины. На порогѣ хаты сидѣла толпа голодныхъ ребятишекъ, отъ двухъ до пяти лѣтъ (дѣтей и племянниковъ хозяина), съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ его возвращенія. Завидя его, они подняли веселый визгъ и стали просить хлѣба. Хозяинъ, суроваго и озабоченнаго вида, молча прошелъ мимо нихъ и повелъ

насъ въ хату. Мы отворили печь; она была не топлена и совершенно пуста: въ хатѣ не варили никакого приварка. Мы спросили, есть ли хлѣбъ; крестьянинъ досталъ кусокъ, не болѣе полутора фунта: это была смѣсь изъ одной части ржаной муки и двухъ частей льняной мякины, колючая при глотаніи и почти вовсе неимѣвшая хлѣбнаго вкуса. Въ избѣ стояла дѣжа со вновь утвореннымъ хлѣбомъ, изъ муки, полученной утромъ отъ помѣщика; мы открыли дѣжу: муки почти не было замѣтно между массою льняной мякины. Намъ принесли напоказъ небольшой кусокъ хлѣба изъ другой хаты: этотъ былъ еще чернѣе и колючѣе и имѣлъ вкусъ земли, смѣшанной съ соломою; онъ былъ испеченъ изъ сора, выметеннаго въ амбарѣ и на гумнѣ, съ малою примѣсью ржаной муки. Въ цѣлой деревнѣ не оставалось уже ни зерна собственнаго хлѣба; кое у кого была еще мякина, овсяная и льняная. Это было 12-го іюня, слѣдовательно до новаго хлѣба оставалось еще болѣе мѣсяца, если предположить, что въ нынѣшнемъ году, по случаю ранняго зрѣнія ржи и крайней нужды въ хлѣбѣ, жатва начнется около Ильина дня. Женщина, которую мы видѣли въ хатѣ, хотя еще не старая, но изможженная и имѣвшая на лицѣ какіе-то темные прыщи и пятна, говорила намъ, что она совсѣмъ измаялась и едва держится на ногахъ отъ худой пищи. Всѣ крестьяне этой деревни имѣли видъ исхудалый и озабоченный; подрѣзавшіяся щеки и впалые глаза свидѣтельствовали о претерпѣваемыхъ ими лишеніяхъ. Всѣ залишніе работники ушли еще съ весны въ другія губерніи, на желѣзныя дороги и иныя работы. Оставшіеся дома теряютъ много времени, рыская по деревнямъ, мельницамъ и постоялымъ дворамъ, чтобы достать нѣсколько гарнцевъ ржи или овса, для прокормленія себя и своей семьи. Возвращаясь съ тяжелыхъ полевыхъ работъ, они ложатся спать съ пустымъ желудкомъ; многіе и утромъ не имѣютъ, что̀ перекусить, и голодаютъ по цѣлымъ днямъ. Дѣти ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, ту же неудобосваримую массу, которою питаются взрослые. Не взирая на то, я, къ удивленію моему, замѣтилъ, что бо̀льшая часть дѣтей сохраняла еще свѣжій и здоровый видъ. Вѣроятно, это надобно приписать молоку, которое, несмотря на петровъ постъ, крестьяне не возбраняютъ малымъ дѣтямъ. Но иногда мнѣ попадались дѣти старшаго

возраста, поражавшія меня впалыми глазами и какимъ-то старческимъ видомъ, какого я никогда прежде не встрѣчалъ въ дѣтяхъ: это были дѣти голодныя. Въ слѣдствіе преувеличеннаго понятія нашихъ крестьянъ о постѣ, они не дозволяютъ въ теченіе его ѣсть молоко дѣтямъ, вышедшимъ изъ младенческаго возраста. Какъ ни велика была нужда крестьянъ въ упомянутой деревнѣ, но они считали себя еще счастливѣе многихъ. Въ томъ же уѣздѣ есть много деревень, гдѣ озимыя поля остались незасѣянными и гдѣ крестьяне стали голодать еще съ прошедшей осени. Въ разговорѣ съ нами, крестьяне выражали признательность Государю и жертвователямъ за полученныя ими пособія и говорили, чно безъ этого имъ пришлось бы умирать съ голоду. Для этихъ людей вопросъ былъ уже не въ продовольствіи, не въ сытости, а буквально въ спасеніи отъ голодной смерти, и сіе-то великое благодѣяніе оказывали имъ тѣ гарнцы ржи и овса, которые они время отъ времени получали изъ правительственнаго пособія и частныхъ пожертвованій. Въ другомъ уѣздѣ я жилъ въ мѣстности, также значительно лучшей противъ другихъ по положенію продовольствія; но и тамъ большинство крестьянъ давно уже пріѣло собственный хлѣбъ. Къ помѣщику того имѣнія, въ которомъ я жилъ, почти ежедневно являлись толпы крестьянъ просить взаймы хлѣба. Часто, вмѣсто всякихъ объясненій, они произносили короткую фразу: ѣсть хотимъ. Въ этомъ уѣздѣ я не видалъ мякиннаго хлѣба, потому что мякина была уже вся употреблена въ пищу; крестьяне ѣли чистый хлѣбъ, но въ такихъ пріемахъ, которые едва могли поддерживать у нихъ процессъ жизни. Встрѣчать мужика, неѣвшаго два и даже три дня, было здѣсь не рѣдкость. Въ одной деревнѣ я видѣлъ, какъ крестьяне, вмѣсто приварка, хлебали зеленую ботву съ огорода, сваренную въ одной водѣ, безъ всякой другой приправы, кромѣ щепотки соли. „Развѣ у васъ нѣтъ коноплянаго масла?“ спрашивалъ я у нихъ. „Мы и въ хорошіе годы не употребляемъ коноплянаго масла, отвѣчали они; только изрѣдка, въ постные дни, мы прибавляемъ въ приварокъ конoплянаго соку. Мы только и можемъ уплачивать выкупные платежи доходомъ съ нашихъ конопляниковъ, и потому продаемъ свою коноплю почти до послѣдняго зерна.“ Особенно бѣдственно положеніе

семействъ малорабочихъ, которыя теперь весьма размножились, въ слѣдствіе безпрестанныхъ раздѣловъ. Часто бываетъ, что въ домѣ, при одномъ работникѣ, находится куча дѣтей и подростковъ и ни зерна хлѣба. Бросить поле безъ обработки — значитъ остаться зимою безъ пищи; а если работать въ полѣ, то кому же идти добывать хлѣбъ на прокормленіе! Да такому малосильному хозяину никто и не дастъ взаймы хлѣба, ибо нѣтъ надежды на возвратъ долга. Даже волостные старшины, какъ я уже упоминалъ, отказываютъ такимъ бѣднякамъ въ выдачѣ хлѣба изъ магазина или на счетъ получаемыхъ пособій, опасаясь, что сдѣланная ссуда не будетъ возвращена. Войдя въ одну хату, я нашелъ въ ней вдову, лишившуюся мужа назадъ тому три мѣсяца, и двухъ малыхъ дѣтей, изъ которыхъ одно грудное. Другой ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, слушая мой разговоръ съ его матерью, печально промолвилъ: „коли бъ былъ татка (отецъ), принесъ бы хлѣба". Былъ уже вечеръ, а дѣти не ѣли еще ничего съ самаго утра. Старшій сынъ вдовы, мальчикъ лѣтъ тринадцати, пахалъ въ полѣ, а дочь, лѣтъ десяти, возила навозъ. Мать просила взаймы хлѣба у сосѣдняго помѣщика, но получила отказъ, такъ какъ она не подавала никакой надежды возвратить долгъ, а отработать его у нея было некѣмъ. Она принуждена была наконецъ пойти по деревнямъ собирать милостыню. Уходя изъ деревни, я встрѣтилъ ея старшихъ дѣтей, сына и дочь, ѣхавшихъ въ телегѣ съ работы: исхудалыя лица и страдальческій видъ ихъ доказывали, что желудки ихъ были пусты цѣлый день, а тяжелая работа изнурила ихъ послѣднія дѣтскія силы. Неподалеку отъ насъ есть деревня, выгорѣвшая наканунѣ Духова дня; крестьяне, безъ крова и хлѣба, живутъ въ сараяхъ, и многіе изъ нихъ не въ состояніи будутъ выстроиться къ зимѣ. Таково положеніе большинства крестьянъ въ этомъ, сравнительно лучшемъ околодкѣ одного изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ. На противоположномъ его краю, покрытомъ огромными лѣсами, со множествомъ болотъ, нужда, по слухамъ, достигла крайней степени. Одна помѣщица, живущая въ тѣхъ окрестностяхъ, говорила мнѣ, что еще въ августѣ прошедшаго года тамошніе крестьяне ходили по помѣщикамъ, прося хлѣба на озимый посѣвъ. Тифъ, почти никогда непрекращающійся между крестья-

нами той мѣстности, свирѣпствуетъ съ прошедшей осени съ чрезвычайною силою.

Къ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ крестьянами въ слѣдствіе прошлогодняго неурожая, присоединилась жестокая засуха нынѣшнимъ лѣтомъ, угрожающая, что будущій годъ будетъ еще голоднѣе настоящаго. Съ мая мѣсяца и по 11-е іюля, когда я пишу эти строки, здѣсь почти вовсе не было дождей; растительность поддерживалась только обильными росами. Въ концѣ іюня отъ жаровъ стали горѣть лѣса и даже такія болота, по которымъ, за топиною, нельзя было пройти въ прежнее время. Земля засохла и растрескалась на три четверти аршина въ глубину. Яровые, взошедшіе было довольно хорошо, остановились въ ростѣ и представляютъ теперь, почти въ половинѣ іюля, жалкій видъ травы, едва видной отъ земли и пожелтѣвшей отъ зноя; между тѣмъ гречиха и ленъ уже около недѣли стали цвѣсти, а овесъ давно уже повыметался. Если бездождіе продлится еще недѣлю, то, по общему мнѣнію, гибель яровыхъ несомнѣнна. Рожь также пострадала отъ засухи, хотя и въ гораздо меньшей степени. Въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ, сравнительно лучшемъ, рожь бо̀льшею частію изрядна, преимущественно на помѣщичьихъ поляхъ; но на нѣкоторыхъ крестьянскихъ нивахъ она такъ рѣдка и низка, что ее нельзя будетъ жать, а придется косить. На такихъ нивахъ она едва ли уродится самъ-другъ. Вообще здѣсь замѣчено, что рожь поздняго сѣва бываетъ хуже ранней; несмотря на то, крестьяне почти постоянно запаздываютъ посѣвомъ, что̀, по мнѣнію помѣщиковъ, слѣдуетъ объяснять только ихъ нерадѣніемъ и привычкою откладывать всякое дѣло до послѣдней возможности. Въ другомъ уѣздѣ, по расчету земской управы, на одно обсѣмененіе крестьянскихъ полей потребуется не менѣе 60,000 руб. пособія. Въ концѣ іюля крестьяне, какъ мнѣ пишутъ, стали уже приходить къ посредникамъ просить пособія на сѣмена. По общему мнѣнію, этому уѣзду предстоитъ голодъ и въ будущемъ сельско-хозяйственномъ году. Отъ одного тамошняго мироваго посредника, пріѣзжавшаго въ Петербургъ осенью, я слышалъ, что въ большинствѣ деревень продовольствія хватитъ только до 1-го января. Къ голоду должна присоединиться потеря лошадей и рогатаго скота, какъ въ

слѣдствіе бывшаго тамъ падежа, такъ и отъ недостатка корма: травы посохли, а яровой соломы, главнаго корма для крестьянскаго скота, почти вовсе не будетъ. Притомъ многіе крестьяне, заложившіе свои овчины и армяки и неимѣющіе средствъ ихъ выкупить, останутся зимою безъ одежи.

Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ деревняхъ, несмотря на всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя крестьянами, за ними состоитъ весьма мало недоимокъ въ казну и помѣщикамъ: подати, оброки и другіе платежи за первую половину года внесены ими бо́льшею частію сполна. Эта исправность крестьянъ, въ столь бѣдственное для нихъ время, должна бы быть весьма поучительна для тѣхъ помѣщиковъ, которые безпрестанно кричатъ о распущенности мужиковъ, а сами не платятъ по цѣлымъ годамъ тѣхъ небольшихъ сборовъ, которые слѣдуютъ съ нихъ въ земство. Едва ли однако здѣшніе крестьяне будутъ въ состояніи уплатить повинности за вторую половину года; обнищаніе ихъ замѣтно для самаго поверхностнаго взгляда и къ будущей веснѣ должно еще болѣе усилиться. Замѣчу также, что и многіе изъ здѣшнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ бѣдствуютъ почти не менѣе мужиковъ. Одинъ волостной старшина говорилъ мнѣ, что двѣ помѣщицы обращались къ нему съ просьбою о выдачѣ имъ заимообразно хлѣба изъ пособій, отпускаемыхъ крестьянамъ. По словамъ старшины, этимъ помѣщицамъ дѣйствительно нечего было ѣсть. Въ другомъ изъ описываемыхъ двухъ уѣздовъ земская управа постановила выдавать на продовольствіе бѣднѣйшимъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ по 48 к. въ мѣсяцъ на человѣка; потомъ это пособіе было, какъ я слышалъ, увеличено до 90 коп.

Чрезвычайное губернское земское собраніе, бывшее въ іюлѣ мѣсяцѣ, признало, что для обсѣмененія полей во всѣхъ уѣздахъ, пораженныхъ въ нынѣшнемъ году неурожаемъ, необходимо 160,000 р.; но затѣмъ нашло возможнымъ обойтись безъ новыхъ денежныхъ пособій собственно на прокормленіе жителей, если только будутъ расширены упомянутыя выше дорожно-земляныя работы, для доставленія заработковъ нуждающемуся населенію, и будутъ предоставлены жителямъ льготы по уплатѣ податей и другихъ сборовъ. По ходатай-

ству министра внутреннихъ дѣлъ, означенная сумма 160,000 руб. ассигнована земству, въ началѣ августа, изъ общаго продовольственнаго капитала, заимообразно на три года, безъ процентовъ. На усиленіе же земляныхъ работъ, сверхъ отпущенныхъ уже 350,000 руб. изъ общаго продовольственнаго капитала и 300,000 р. изъ казны, вновь ассигновано изъ казны 30,000 р. и испрашивается еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отпускъ 434,000 руб. Министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ, какъ видно, съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе несчастной губерніи; дай Богъ, чтобы земство сумѣло распорядиться, какъ слѣдуетъ, средствами, отпускаемыми въ его руки для доставленія заработковъ голодающему населенію. Мнѣ писали, что изъ упомянутыхъ 160,000 р. отпущено на обсѣмененіе 30,000 руб. въ тотъ уѣздъ, гдѣ, по соображеніямъ уѣздной управы, нужно было для этой цѣли 60,000 руб. Уѣздная управа сначала не могла нигдѣ найти хлѣба на эти деньги и хотѣла было вовсе отказаться отъ его пріобрѣтенія; наконецъ ей удалось гдѣ-то его купить. Не знаю однако, поспѣлъ ли этотъ хлѣбъ ко времени озимаго посѣва.

Какія противоположныя ощущенія вызывала нынѣшнимъ лѣтомъ деревенская жизнь въ городскомъ жителѣ, случайно заброшенномъ въ эти края! Солнце въ полномъ блескѣ посреди голубаго, безоблачнаго неба; прозрачный воздухъ наполненъ цѣлительными ароматами, несущимися отъ рощей и луговъ; уснувшее озеро блещетъ своею неподвижною синевою; вдали горизонтъ окаймляется темною полосою лѣса; кругомъ невозмутимая тишина и безмолвіе; только изрѣдка пронесется изъ глубины рощи и потонетъ въ воздухѣ свистъ какой нибудь птицы. Среди этого великолѣпія, ясности и торжественнаго покоя окружающей природы, люди, казалось бы, только и могутъ дышать миромъ, довольствомъ и благоговѣніемъ. А между тѣмъ въ этихъ чернѣющихъ вдали деревняхъ гнѣздятся голодъ, подавляющія заботы и мрачная безнадежность; на этихъ окаменѣвшихъ пашняхъ виднѣется исхудалый и печальный народъ, напрягающій послѣднія силы надъ своимъ неблагодарнымъ трудомъ. Отъ продолжительной засухи почва затвердѣла, какъ камень; сохи не могутъ углубляться въ землю и ломаются;

оводы цѣлыми роями терзаютъ лошадей; люди и лошади выбиваются изъ силъ и земледѣлецъ принужденъ оставлять свое поле невспаханнымъ. А тутъ рядомъ, на яровыхъ поляхъ, едва торчатъ изъ земли жалкіе и уже пожелтѣвшіе всходы, погибшій трудъ цѣлаго года. Я видѣлъ, какъ одинъ крестьянинъ, изломавъ двѣ сохи надъ своею нивою, сталъ поливать ее водою изъ ближняго озера. Конечно этотъ пріемъ оказался безполезнымъ: нуженъ сильный дождь въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы размягчить окаменѣвшую землю. Бездождіе, какъ слышно, продолжается и въ сосѣднихъ уѣздахъ. Будущее все болѣе и болѣе представляется въ мрачномъ видѣ. По церквамъ совершаются, съ колѣнопреклененіемъ, продолжительныя молебствія о ниспосланіи дождя.

Когда видишь нашъ народъ въ такія тяжкія годины, какъ нынѣшняя, тогда-то встаетъ предъ глазами колоссальный образъ той силы, которая спасала его во всѣхъ невзгодахъ и восполняла ему недостатокъ многихъ другихъ качествъ, которыми обдѣлили его природа и исторія: эта сила есть неистощимое терпѣніе нашего народа, способность его переносить всевозможныя лишенія и бѣдствія, не впадая въ отчаяніе и не покидая, до послѣдняго издыханія, борьбы съ гнетущими его обстоятельствами. Проходя этими полями, на которыхъ молчаливая толпа мужиковъ и женщинъ спокойно дѣлала свое обычное дѣло, встрѣчаясь съ этими людьми, отъ которыхъ не слышно было ни ропота, ни мольбы о помощи, ни буйныхъ порывовъ отчаянія, нельзя бы, казалось, и подумать, что они давно уже съѣли послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба и что у нихъ не осталось почти никакой надежды и на будущій урожай. Крестьяне, приходившіе просить въ займы хлѣба къ знакомымъ мнѣ помѣщикамъ, терпѣливо и безъ малѣйшихъ сѣтованій выслушивали отказъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохраняли еще при этомъ способность шутить, смѣяться и балагурить, хотя было извѣстно, что они не ѣли по цѣлымъ суткамъ. Другіе смиренно сознавались, что постигшее ихъ бѣдствіе было Божіимъ наказаніемъ за ихъ грѣхи. А между тѣмъ имъ было извѣстно, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ закромы полны еще хлѣба... Едва ли въ какой-либо другой европейской странѣ народъ могъ бы выносить го-

лодъ съ такимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ. Только замолкнувшая по деревнямъ русская пѣсня наводила на мысль, что крестьянамъ было уже не до пѣсней и хороводовъ. Проживъ въ деревнѣ болѣе мѣсяца, я ни разу не слыхалъ крестьянскаго пѣнія, столь обычнаго въ нашихъ деревняхъ при возвращеніи съ работъ и подъ большіе праздники.

Другая, столь же извѣстная черта, отличающая русскій народъ отъ иноземцевъ, есть его сострадательность: она особенно выказывается въ такія тяжкія времена, какъ нынѣшнее. Крестьянинъ, у котораго въ хатѣ есть еще запасъ хлѣба, не отказываетъ удѣлить кусокъ нищему, хотя и собственная его семья ѣстъ только вполголода. Этою мірскою милостынею только и можно объяснить, что въ нашихъ окрестностяхъ не было еще доселѣ случаевъ голодной смерти. Милостыней кормятся, по деревнямъ и въ городахъ, преимущественно вдовы, малолѣтки, старики и старухи изъ бобылей, наконецъ больные и неспособные къ работѣ, составляющіе тягость для ихъ семействъ. Къ чести нашего дворянства слѣдуетъ сказать, что и оно не уступаетъ крестьянамъ въ чувствѣ христіанскаго милосердія. Многіе здѣшніе помѣщики, въ томъ числѣ и такіе, которые сами терпятъ стѣсненія, не отказываютъ въ кускѣ хлѣба приходящимъ нищимъ. Одинъ богатый и титулованный помѣщикъ, живущій бо́льшую часть года въ Петербургѣ, открылъ минувшею зимою большія постройки въ своемъ имѣніи, чтобы доставить заработки своимъ прежнимъ крестьянамъ. Я однако замѣтилъ, что здѣшніе крестьяне, вынужденные просить милостыню, охотнѣе обращаются за нею къ своему брату — мужику, чѣмъ къ помѣщикамъ, или же идутъ въ города. Въ одномъ имѣніи помѣщикъ разрѣшилъ было давать молоко для крестьянскихъ дѣтей сосѣдней деревни, терпѣвшей крайнюю нужду; однако крестьяне, по чувству самолюбія, почти вовсе не пользовались этою даровою подачею. Крестьяне помнятъ, что они довольно-таки досаждали помѣщикамъ своею несговорчивостію, нежеланіемъ идти къ нимъ въ работу, самовольнымъ нарушеніемъ договоровъ, потравами и порубками; однимъ словомъ, они сознаютъ, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были не очень дружелюбны, и потому имъ тяжело теперь протянуть помѣщикамъ руку за милостынею. Другое дѣло — попросить хлѣба въ займы

и за работу; это не можетъ считаться милостынею, хотя, быть можетъ, крестьянинъ и расчитываетъ про себя затянуть долгъ на неопредѣленное время. Вообще крестьяне охотнѣе принимаютъ помощь отъ людей вовсе имъ постороннихъ и неизвѣстныхъ, но стыдятся нищенствовать въ своемъ околодкѣ. Потому-то въ деревняхъ нищіе встрѣчаются довольно рѣдко, даже въ это голодное время. Мужикъ, который жилъ собственнымъ хозяйствомъ, рѣшается идти по міру только въ самой крайней нуждѣ. Одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ, что, войдя въ первый разъ въ чужую избу за милостынею, онъ не могъ промолвить слова и выскочилъ изъ нея, какъ угорѣлый; „а потомъ помаленьку привыкъ", добавилъ онъ. Зато города, особенно губернскій, биткомъ набиты нищими. Едва настанетъ утро, они одинъ за другимъ начинаютъ ходить по домамъ и лавкамъ до самыхъ вечерень. Конечно они получаютъ подаяніе далеко не вездѣ. У купцовъ имъ обыкновенно подаются маленькіе баранки изъ такъ называемой вторички, величиною въ четвертакъ, по два и по три баранка на человѣка. Есть и такіе благодѣтельные люди изъ дворянъ и купцовъ, которые велятъ печь хлѣбъ нарочно для нищихъ и раздаютъ его каждодневно. Въ губернскомъ городѣ между нищими встрѣчаются иногда крестьяне, которые въ теченіе нѣсколькихъ недѣль питались однимъ щавелемъ; они имѣютъ огромные животы, распухшее тѣло и отличаются полумертвеннымъ видомъ и какимъ-то равнодушіемъ, походящимъ на идіотизмъ. Желудокъ ихъ уже не въ состояніи переваривать хлѣба, который дѣлается для нихъ гибельнымъ. Жители даютъ имъ мясной супъ и другую легкую пищу. Слышно, что въ уѣздѣ губернскаго города было уже много случаевъ голодной смерти. Одного изъ этихъ несчастныхъ анатомировали и нашли кишки совершенно пустыми.

Какъ ни велико теперь число нищихъ въ городахъ, но все-таки оно должно быть признано ничтожнымъ сравнительно съ массою народа, бѣдствующаго отъ голода по деревнямъ. Вообще мнѣніе о склонности русскаго народа къ нищенству (этого мнѣнія я и самъ прежде держался, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ) показалось мнѣ крайне преувеличеннымъ и несправедливымъ, когда я увидѣлъ, съ какими лишеніями борятся теперь наши крестьяне и что только весьма немногіе

изъ нихъ, угрожаемые голодною смертью, рѣшаются пойдти по міру. Нѣмецкіе пролетаріи несравненно болѣе нашихъ крестьянъ склонны къ нищенству, не говоря уже о томъ, что нѣмецкіе нищіе отличаются назойливостью и беззастѣнчивостью, о которыхъ у насъ не имѣютъ и понятія. Если у насъ есть нищіе, обратившіе нищенство въ постоянное ремесло, и есть даже цѣлыя деревни, промышляющія прошеніемъ милостыни и сборомъ на погорѣлое, то эти явленія отнюдь не составляютъ черты народнаго характера; онѣ происходятъ, во первыхъ, отъ отсутствія у насъ порядка и полицейскаго надзора, чѣмъ пользуются всякаго рода негодяи и празднолюбцы, а во вторыхъ, эти явленія суть неизбѣжныя слѣдствія того, что общественная благотворительность никогда не была у насъ устроена правильно и разумно. Для раздачи милостыни у насъ не отыскиваютъ истинно нуждающихся и несчастныхъ, а подаютъ ее всякому, кто вздумаетъ протянуть руку; поэтому милостыня наичаще попадаетъ у насъ въ руки негодяевъ, обратившихъ нищенство въ выгодный промыселъ. Нѣкоторые религіозные обычаи и учрежденія еще болѣе облегчаютъ людямъ порочнымъ и празднолюбивымъ средства жить на счетъ нашей неразумной благотворительности. Неспособность русскаго люда къ общественнымъ соглашеніямъ и къ правильному организованію чего бы то ни было, уменьшаетъ такимъ образомъ пользу его личной сострадательности и нерѣдко обращаетъ ее даже во вредъ общественному порядку и нравственнности. Такъ и въ настоящее время, личная благотворительность къ голодающимъ дѣйствуетъ въ городахъ враздробь, но не получаетъ ни возбужденія, ни правильнаго устройства путемъ общественнаго соглашенія. Въ губернскомъ городѣ нѣкоторые жители мнѣ говорили, что они охотнѣе пожертвовали бы извѣстную сумму, по своимъ средствамъ, для устройства столовъ для нищихъ, чѣмъ каждый день и ежеминутно видѣть подъ окнами и на кухнѣ толпы нищихъ, между которыми нѣтъ возможности отличить истинно нуждающихся отъ тѣхъ, для которыхъ нищенство сдѣлалось прибыльнымъ ремесломъ. Особенно ничего не можетъ у насъ клеиться и достигать цѣли тамъ, гдѣ заправлять дѣломъ берутся наши такъ называемые губернскіе аристократы и аристократки. Они не могутъ смотрѣть серьезно ни на какое дѣло

и все обращаютъ только въ предметъ чванства или развлеченія отъ скуки. Другія сословія, зная съ давнихъ поръ эти замашки губернской аристократіи, никогда не примыкаютъ добровольно къ ея предпріятіямъ, хотя бы онѣ имѣли самую лучшую цѣль. Такъ и въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ составился было дамскій комитетъ для устройства столовъ для бѣдныхъ; немедленно собрано было до 2000 руб.; но вслѣдъ затѣмъ возникла распря о томъ, кому изъ аристократокъ начальствовать въ комитетѣ и принимать дань хвалы и удивленія отъ своихъ согражданъ и отъ редакціи губернскихъ вѣдомостей. Между губернскими аристократками произошла сцена, и комитетъ разстроился послѣ перваго же засѣданія. Хотя столъ для бѣдныхъ и существуетъ (съ платою по 3 коп. сер. за входный билетъ), но охотниковъ покупать эти билеты для нищихъ является очень немного, такъ что полиція должна почти принудительно навязывать ихъ купцамъ.

Съ конца іюня многіе здѣшніе крестьяне, доведенные до послѣдней крайности, стали продавать коровъ и лошадей; но покупатели находились рѣдко, потому что продолжительные жары посушили травы и предвидѣлся недостатокъ въ кормѣ. Около Петрова дня бываетъ ярмарка въ одномъ изъ ближнихъ уѣздныхъ городовъ. Къ этому дню потянулись туда крестьяне съ своимъ скотомъ. Но цѣны давались тамъ низкія; покупателями были почти одни мелкіе промышленники, или кулаки. Крестьяне бо̀льшею частію вернулись домой съ своими лошадями и коровами, и осенью должны будутъ продать ихъ на шкуру.

Къ довершенію бѣдствій, отъ продолжительныхъ жаровъ и мучительной работы на окаменѣвшей почвѣ, при худомъ кормѣ, на лошадей открылся, въ началѣ іюля, падежъ, имѣющій признаки сибирской язвы. Гдѣ нибудь на тѣлѣ образуется желвакъ, который быстро разрастается, и лошадь падаетъ, часто въ тотъ же самый день, въ который заболѣла. Падежъ быстро распространяется по окрестнымъ уѣздамъ. Во всемъ нашемъ околодкѣ, на пространствѣ многихъ десятковъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ ни одной деревни, въ которой не пало бы уже по нѣскольку лошадей. Мѣстами начинаютъ падать также коровы и свиньи. Въ одной сосѣдней деревнѣ умеръ мужикъ, вслѣдъ затѣмъ какъ онъ содралъ шкуры съ палыхъ лошадей; другой

крестьянинъ также заболѣлъ отъ той же причины, но потомъ оправился. Это новое бѣдствіе навело на крестьянъ сильное уныніе: лошади составляютъ рабочую силу крестьянина и, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, суть единственное его богатство. Зажиточный крестьянинъ, потерявъ лошадей, вырощенныхъ или пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, разомъ становится бѣднякомъ и часто не можетъ уже поправиться. Здѣсь насчитываютъ уже нѣсколько такихъ мужиковъ, внезапно разорившихся въ послѣдніе дни отъ потери всѣхъ своихъ лошадей; придетъ жатва, а имъ не на чемъ будетъ привезти снопа съ поля. Несчастный народъ, терпѣливо переносившій голодъ, всполошился теперь при этомъ новомъ бѣдствіи, угрожающемъ въ конецъ разорить его бѣдное состояніе. Мужики и бабы ходятъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, выпрашивая, для леченія лошадей, кто камфоры, кто нашатыря, кто мышьяку. Ничего этого ни у кого здѣсь не имѣется, и лошади погибаютъ безъ всякаго пособія. О ветеринарахъ нѣтъ здѣсь и слуху; весьма рѣдки даже простые коновалы, все искусство которыхъ состоитъ въ бросаніи руды, что̀ въ эпизоотіи не приноситъ, какъ кажется, ни малѣйшей пользы. Бросаніе же крови здоровымъ еще лошадямъ положительно для нихъ пагубно, какъ я слышалъ отъ опытныхъ людей; между тѣмъ коновалы, являясь въ деревню, начинаютъ обыкновенно съ того, что открываютъ кровь всѣмъ лошадямъ, больнымъ и здоровымъ, получая по 3 и по 5 коп. съ головы. Здѣшнее земство, доживающее уже свое первое трехлѣтіе, не позаботилось ни о лекаряхъ, ни о ветеринарахъ, и вообще не проявило себя ничѣмъ полезнымъ для народа. Заботливость здѣшнихъ крестьянъ, хотя въ настоящемъ случаѣ и безплодная, о поданіи помощи заболѣвающему скоту служитъ опроверженіемъ толковъ, будто бы наши мужики считаютъ безполезнымъ всякое врачебное пособіе, какъ людямъ, такъ и животнымъ, объясняя все Божіимъ попущеніемъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Правда, крестьяне наши непредусмотрительны и неспособны, какъ и всѣ мы русскіе, къ общественнымъ соглашеніямъ; они напримѣръ едва ли когда нибудь позаботятся сами нанять, на счетъ нѣсколькихъ волостей, ветеринара или медика: думать и предусматривать за нихъ долго еще должны будутъ власти. Но когда бѣда

стрясется надъ ними или ихъ скотомъ, то они обращаются ко всѣмъ, кого считаютъ способнымъ оказать имъ помощь. Боятся они только нашихъ градскихъ больницъ, зная по опыту, что онѣ были доселѣ только обманомъ и пародіею больницъ, куда больные отправлялись, какъ на вѣрную смерть. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ этихъ мѣстъ, прибылъ туда единственный, имѣющійся въ губерніи ветеринаръ, высланный губернскимъ начальствомъ по требованію, какъ говорили, того титулованнаго помѣщика, о которомъ упоминалось выше. Но что можетъ сдѣлать одинъ ветеринаръ, когда падежъ начинаетъ охватывать уже 4 уѣзда *).

Общее заключеніе о состояніи продовольствія въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ я былъ лично или о которыхъ имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія отъ тамошнихъ крестьянъ, можно сдѣлать такое. Нужда существуетъ въ нихъ въ различной степени, и притомъ въ одномъ изъ двухъ уѣздовъ она сильнѣе, чѣмъ въ другомъ. Это послѣднее обстоятельство видно между прочимъ и изъ того, что въ первомъ уѣздѣ значительное количество крестьянъ разбрелось по деревнямъ и городамъ просить милостыню, тогда какъ во второмъ нищіе встрѣчаются сравнительно гораздо рѣже, а въ нашемъ околодкѣ ихъ почти не было видно. Въ первомъ уѣздѣ и пособія выдавались крестьянамъ чаще, чѣмъ во второмъ. Въ извѣстной мнѣ мѣстности втораго уѣзда есть три или четыре достаточныя деревни, гдѣ крестьяне извлекаютъ свои доходы не столько изъ земледѣлія, сколько изъ разныхъ промысловъ: ѣздятъ въ извозъ, занимаются по городамъ и деревнямъ плотничною и штукатурною работою; здѣшніе штукатуры ходятъ даже въ Петербургъ; двѣ деревни имѣютъ собственныя мельницы. Крестьяне этихъ зажиточныхъ деревень запаслись покупнымъ хлѣбомъ; нѣкоторые довольствуются даже собственнымъ, прошлогоднимъ сборомъ, и хотя ѣдятъ не вдосталь, но и не голодаютъ, а даже ссужаютъ хлѣбъ сосѣдямъ. Изъ одной такой деревни крестьяне ѣздили зимою за хлѣбомъ въ одинъ хлѣбородный уѣздъ другой, даже не сосѣдней губерніи, верстъ

*) По возвращеніи въ Петербургъ, я получилъ извѣстіе, что падежъ, къ счастію, скоро прекратился.

за 300. Зажиточные люди всегда и вездѣ предусмотрительнѣе и запасливѣе бѣдняковъ, которыхъ всѣ помыслы подавлены только заботою о завтрашнемъ днѣ. Но такія достаточныя селенія составляютъ здѣсь исключеніе. Остальныя деревни въ извѣстныхъ мнѣ околодкахъ обоихъ уѣздовъ можно раздѣлить на два разряда. У однѣхъ собственнаго хлѣба хватило на бо̀льшій срокъ, такъ что, распродавъ коечто изъ своего имущества и войдя въ долгъ, онѣ могли растянуть купленный и занятый ими хлѣбъ до настоящей минуты, и хотя мѣшали его съ мякиной, но не испытывали того, что̀ собственно называется голодомъ. Другія же деревни проѣли собственный хлѣбъ еще зимою, и уже въ декабрѣ прошедшаго года питались смѣсями, почти неимѣвшими подобія хлѣба. Въ такихъ деревняхъ крестьяне поддерживаютъ свое существованіе только урывочнымъ питаніемъ, то изъ выдаваемыхъ имъ пособій, то изъ хлѣба, добываемаго ими въ долгъ или чрезъ продажу своего скота и пожитковъ. Положеніе такихъ крестьянъ вполнѣ можетъ быть названо голодомъ, и если о случаяхъ голодной смерти еще не было слышно въ посѣщенныхъ мною мѣстахъ, то это надобно объяснять какъ привычкою здѣшнихъ крестьянъ ко всевозможнымъ лишеніямъ (они и въ обыкновенные годы ѣдятъ пушной хлѣбъ), такъ и тѣмъ, что совершенно обнищавшіе и голодные находятъ себѣ пропитаніе прошеніемъ милостыни. Притомъ много крестьянъ ушло на желѣзныя дороги и другіе заработки; ушедшіе присылаютъ деньги своимъ семействамъ. Деревни послѣдняго разряда, испытывающія настоящій голодъ, составляли большинство въ первомъ изъ двухъ уѣздовъ, гдѣ я прожилъ всего одну недѣлю, около половины іюня. Вѣроятно съ тѣхъ поръ голодъ еще болѣе тамъ усилился. Въ другомъ уѣздѣ, гдѣ я пробылъ около четырехъ недѣль и который оставилъ 11-го іюля, одну половину сосѣднихъ съ нами деревень можно отнести къ первому разряду нуждающихся, другую — ко второму, т. е. къ голодному. Однако здѣсь и эти голодныя деревни, находясь среди другихъ, менѣе нуждающихся, оказываются въ болѣе счастливомъ положеніи сравнительно съ голодными деревнями перваго уѣзда. Разумѣется и въ голодныхъ деревняхъ встрѣчаются крестьяне болѣе или менѣе достаточные, которые не подходятъ подъ общее за-

ключеніе. Изъ числа сосѣднихъ уѣздовъ два находятся, по слухамъ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Знакомый мнѣ арендаторъ большаго имѣнія, живущій въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, раскызывалъ, что въ ихъ околодкѣ, въ одной деревнѣ, изъ 120 рев. душъ умерло отъ голода въ іюнѣ 27 душъ.

Многіе здѣшніе крестьяне, какъ бывшіе помѣщичьи, такъ и государственные, истощенные голодомъ, распродавъ свой скотъ и пожитки для покупки хлѣба, видя свои поля незасѣянными еще съ прошлогодней осени, впали въ отчаяніе и устремились къ переселенію въ дальнія губерніи. Это переселеніе въ неизвѣстныя страны могло бы принять большіе размѣры, если бы не было сдерживаемо земскою полиціею и убѣжденіями мировыхъ посредниковъ. Нынѣшнею весною, какъ расказывалъ мнѣ очевидецъ, въ одномъ изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ становой читалъ крестьянамъ какую-то бумагу о переселеніи въ Самарскую или Оренбургскую губернію; въ бумагѣ этой между прочимъ говорилось, что крестьяне должны сперва послать туда выборныхъ людей для осмотра мѣстъ. Это объявленіе произвело большое движеніе между крестьянами; двѣ волости объявили поголовно, что желаютъ идти на переселеніе. Между тѣмъ въ другомъ, сосѣднемъ уѣздѣ я слышалъ отъ одного изъ мировыхъ посредниковъ, что имъ и земской полиціи подъ строжайшею отвѣтственностью предписано препятствовать всѣми способами попыткамъ къ переселенію и убѣждать крестьянъ, что нигдѣ никакихъ земель имъ не отводится. Не знаю, какъ согласить эти два противорѣчивыя сообщенія, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться; вѣроятно, второе предписаніе было послѣдующимъ и дано именно для отвращенія тѣхъ серьезныхъ затрудненій, которыя могли бы произойти въ слѣдствіе перваго. По слухамъ, стремленіе къ переселенію приняло гораздо бо̀льшіе размѣры въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, гдѣ мнѣ не случилось быть, хотя этотъ уѣздъ весьма мнѣ близокъ по воспоминаніямъ перваго дѣтства. Тамъ повидимому нужда и лишенія между крестьянами достигли крайней степени. Очевидцы говорятъ, что въ этомъ уѣздѣ голодные крестьяне, преимущественно изъ государственныхъ селеній, еще съ зимы стали распродавать свои пожитки, а съ наступленіемъ весны побро-

сали свои хижины и незасѣянныя поля и толпами устремились на переселеніе, съ женщинами и дѣтьми, не зная сами, куда они идутъ. Однихъ успѣли вернуть, другіе ушли; но конечно бо̀льшая часть ихъ должна погибнуть на пути въ неизвѣстную и далекую страну. По слухамъ, раздача пособій въ этомъ уѣздѣ производилась крайне безпорядочно. Въ одномъ официіальномъ документѣ, напечатанномъ въ газетахъ въ срединѣ сентября этого года, сказано, что, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстнаго начальства еще въ февралѣ, въ описываемой губерніи былъ почти повсемѣстный голодъ, преимущественно же въ тѣхъ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорится въ настоящей статьѣ, а также въ томъ, гдѣ обнаружилось такое сильное стремленіе къ переселеніямъ. „Въ этихъ трехъ уѣздахъ — сказано въ документѣ — приблизительно двѣ трети населенія не имѣли ни ржи на продовольствіе, ни яроваго хлѣба для обсѣмененія. Запасные магазины почти всѣхъ волостей губерніи были въ неудовлетворительномъ состояніи. Въ слѣдствіе недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, начали появляться болѣзни и усиливаться воровства и грабежи“. О послѣднемъ обстоятельствѣ, то есть о воровствахъ и грабежахъ, я ничего не слыхалъ отъ мѣстныхъ жителей; мнѣ самому приходилось не разъ ѣздить, въ глухую полночь, по проселочнымъ дорогамъ и чрезъ здѣшніе густые лѣса, и со мною ничего подобнаго не случалось. Воровства въ нашихъ околодкахъ случались, но не чаще обыкновеннаго, а главное — виновниками ихъ были не голодающіе крестьяне, но нѣкоторые, всѣмъ извѣстные здѣсь негодяи, давно уже безнаказанно промышляющіе этимъ ремесломъ.

1868 г.

VI.

Какъ объясняютъ помѣщики причины бѣдности крестьянъ. Факты, доказывающіе, что достатки крестьянъ въ общемъ итогѣ улучшились со времени ихъ освобожденія. Частныя причины бѣдности крестьянъ: непроизводительность почвы; значительное уменьшеніе надѣловъ; семейные раздѣлы. Умственное невѣжество крестьянъ есть одна изъ общихъ причинъ ихъ бѣдности. Пьянство, какъ одна изъ частныхъ причинъ бѣдности. Присяжные защитники акцизной системы. Приблизительное количество водки, выпиваемой нашимъ народомъ.

Бѣдствія голода, о которыхъ нѣкоторое понятіе даетъ предъидущая глава, повторились въ нынѣшнемъ (1868) году, въ большей или меньшей степени, на огромномъ пространствѣ нѣскольких губерній. Сильный недостатокъ въ продовольствіи, переходившій мѣстами въ настоящій голодъ, чувствовался даже въ такихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, какъ Орловская, Тульская и Рязанская. Крестьяне и тамъ должны были примѣшивать въ хлѣбъ лебеду и другія постороннія вещества, болѣли отъ дурной и недостаточной пищи и обнаруживали сильное стремленіе къ переселеніямъ. Въ Тульской губерніи розданъ былъ крестьянамъ весь продовольственный капиталъ (200,000 р.) и весь запасъ хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ; въ Орловской изъ продовольственнаго капитала было выдано 144,000 р. и роздана бо̀льшая часть хлѣбныхъ запасовъ; въ Рязанской отпущено 112,000 р. изъ продовольственнаго капитала и 270,000 четвертей магазиннаго хлѣба. Въ прошедшемъ 1867 г. отъ недостатка въ продовольствіи страдала плодороднѣйшая Пензенская губернія. Такія обстоятельства невольно наводятъ на вопросъ: чѣмъ же слѣдуетъ объяснить это, повидимому странное явленіе, что у насъ такъ часто страдаютъ отъ недостатка продовольствія и даже гибнутъ отъ настоящаго голода крестьяне, т. е. люди, надѣленные землею и непосредственные производители хлѣба? На Западѣ голодаютъ обыкновенно массы городскихъ рабо-

чихъ, бездомныхъ и безземельныхъ пролетаріевъ, какъ скоро цѣна хлѣба превышаетъ ихъ заработную плату или когда происходитъ застой въ работѣ. Но какимъ образомъ, при каждомъ урожаѣ, нѣсколько меньшемъ средняго, начинаютъ ѣсть мякину и лебеду земледѣльцы, пользующіеся постояннымъ земельнымъ надѣломъ, и притомъ земледѣльцы, трудами которыхъ кормится отчасти и Западная Европа? Россію нельзя же сравнить съ Финляндіею, гдѣ голый гранитный черепъ только мѣстами прикрытъ тощимъ слоемъ почвы, остаткомъ сожженнаго лѣса, и гдѣ морозы, среди самаго лѣта, безпрестанно побиваютъ нивы. Въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Орловская губернія и южныя части Тульской и Рязанской, слой чернозема имѣетъ болѣе полуаршина глубины, а рожь родится тамъ самъ-десять и самъ-двѣнадцать. Природа нигдѣ не обезпечиваетъ земледѣльца такъ, чтобы ему вовсе не было надобности дѣлать запасовъ и сбереженій; въ самыхъ благословенныхъ странахъ бываютъ засухи, градобитія, наводненія, уничтожающія трудъ и надежду цѣлаго года. Природа постоянно напоминаетъ земледѣльцу: будь предусмотрителенъ, запасайся на черный день. Почему же одни русскіе мужики не дѣлаютъ запасовъ и сбереженій? Такимъ образомъ вопросъ о голодѣ, о случайномъ и мѣстномъ явленіи, сводится на другой, общій вопросъ — о причинахъ почти повсемѣстной бѣдности нашихъ крестьянъ, недозволяющей имъ дѣлать хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ сбереженій на случай неурожаевъ. Хотя рѣшеніемъ предложеннаго вопроса нельзя помочь голодающимъ крестьянамъ въ настоящую минуту, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ имѣетъ первостепенную важность для всей будущности Россіи. Если большинство населенія въ государствѣ находится въ такомъ нищенскомъ положеніи, что, при каждомъ мѣстномъ неурожаѣ, цѣлыя губернія должны страдать отъ голода или пропитываться на счетъ казны и частныхъ пожертвованій, то едва ли въ такомъ государствѣ возможны дѣйствительные успѣхи высшей цивилизаціи. Когда у человѣка неудовлетворена первѣйшая потребность его животной природы, потребность ѣды, тогда напрасно стали бы ему проповѣдывать о потребностяхъ духовныхъ и гражданскихъ.

Я уже замѣтилъ въ предъидущей главѣ, что люди, разсуждающіе

у насъ о причинахъ голода (кромѣ, разумѣется, причинъ естественныхъ) и вообще о причинахъ бѣдности нашихъ крестьянъ, смотрятъ на этотъ предметъ каждый съ своей точки зрѣнія; каждый видитъ какую-либо одну сторону предмета и въ ней ищетъ объясненія всего явленія. При этомъ причинамъ второстепеннымъ приписывается значеніе коренныхъ, а эти послѣднія не рѣдко вовсе упускаются изъ вида. Помѣщики, управляющіе, арендаторы, сельскіе торговцы изъ средняго сословія, однимъ словомъ, люди непосредственнаго опыта и привыкшіе доселѣ жить на счетъ крестьянскаго труда, почти всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что причина бѣднаго и необезпеченнаго положенія крестьянъ заключается въ ихъ собственной лѣни и распущенности. Нивы свои они обработываютъ небрежно; сѣютъ поздно; о засыпкѣ магазиновъ никто не думаетъ; помѣщики съ великимъ трудомъ могутъ найти себѣ работниковъ, и то изъ числа крестьянъ негожихъ въ хозяйствѣ, сами же хозяева огромное количество остающагося у нихъ свободнаго времени проводятъ въ лежаніи на боку или пьянствѣ. Прежде крестьяне обработывали и помѣщичьи поля, и свои собственныя; сверхъ того бабы ткали холсты и на помѣщиковъ, и на себя: теперь часть помѣщичьихъ полей вовсе заброшена, а остальная воздѣлывается батраками; собственныя поля крестьянъ обработываются хуже прежняго (такъ говорятъ помѣщики); холстовъ бабы не только не ткутъ на помѣщиковъ, но и для себя стали ткать меньше прежняго (опять-таки по отзывамъ помѣщиковъ). Спрашивается: куда же дѣвался трудъ, куда дѣвались прежнія руки? Все это поглощено праздностію, бражничествомъ, пьянствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ не стало надъ крестьяниномъ никакой власти. Съ того же времени пошли раздѣлы семей, измельчившіе рабочую силу крестьянъ и въ конецъ разорившіе крестьянскій дворъ, крестьянское хозяйство. Прежде, въ случаѣ неурожая, помѣщикъ пропитывалъ крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ, а теперь они должны занимать его у ростовщиковъ и входить въ неоплатные долги. Вотъ то объясненіе голода и вообще бѣднаго положенія крестьянъ, которое наичаще можно услышать въ деревняхъ отъ людей, непринадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Въ этомъ объясненіи слышится одна фальшивая нота, къ которой

объяснители стараются привести всѣ свои разсужденія: именно, они желали бы увѣрить другихъ, а многіе изъ нихъ и сами чистосердечно увѣрены въ томъ, что нынѣшняя бѣдность крестьянъ, лишающая ихъ способовъ обезпечить свое пропитаніе на случай неурожаевъ, происходитъ отъ упраздненія надъ ними помѣщичьей власти. Каково бы ни было внутреннее достоинство этого мнѣнія, но на немъ нельзя не остановиться уже потому, что оно повторяется огромнымъ большинствомъ помѣщиковъ, доходитъ до офиціальныхъ круговъ и весьма многихъ приводитъ въ недоумѣніе, колебаніе и вобще къ цѣлому ряду фальшивыхъ заключеній.

Людямъ, дѣлающимъ сказанный доводъ въ пользу крѣпостнаго права, можно прежде всего замѣтить, что они обнаруживаютъ слишкомъ короткую память. Они забываютъ, что голоданіе крестьянъ есть у насъ явленіе не новое, а періодически повторяющееся съ незапамятныхъ временъ; что напримѣръ, въ 1845 — 1846 годахъ, двѣ губерніи, Новгородская и Псковская, были поражены голодомъ, гораздо сильнѣйшимъ нынѣшняго, и не досчитались многихъ тысячъ душъ, умершихъ голодною смертію; что у насъ есть цѣлыя губерніи, именно: Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская, гдѣ голоданіе крестьянъ было явленіемъ постояннымъ, никогда непрекращавшимся (о чемъ свидѣтельствовали офиціальныя донесенія главныхъ начальниковъ этихъ краевъ). Если были помѣщики, кормившіе крестьянъ во время неурожаевъ собственнымъ хлѣбомъ, то гораздо болѣе было такихъ, которые распускали ихъ по міру, и не мало было даже такихъ, которые, взявъ ссуду изъ продовольственнаго капитала, яко бы для прокормленія крестьянъ, употребляли ее на свои надобности, а потомъ заставляли крестьянъ ее выплачивать. Главный городъ описываемой мною губорніи былъ, въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, постоянно наполненъ зимою нищими, значительная часть которыхъ принадлежала богатѣйшему мѣстному помѣщику, владѣвшему семью тысячами крестьянъ-нищихъ. Въ одномъ изъ двухъ посѣщенныхъ мною уѣздовъ этой губерніи доселѣ здравствуетъ престарѣлый помѣщикъ, съ какою-то венгерскою фамиліею, который каждую зиму распускалъ всѣхъ своихъ крестьянъ-батраковъ по міру, съ строгимъ

наказомъ принести весною по стольку-то фунтовъ сухарей на каждаго, и этими сухарями кормилъ ихъ въ лѣтнюю рабочую пору. При освобожденіи крестьянъ, во всѣхъ губерніяхъ бо̀льшая часть сельскихъ запасныхъ магазиновъ оказалась безъ хлѣба, потому что или онъ вовсе не былъ засыпаемъ, или же помѣщики распродали его въ свою пользу, предъ самымъ освобожденіемъ.

Далѣе, большинство помѣщиковъ утверждаетъ, будто бы всѣ вообще крестьяне пришли, со времени ихъ освобожденія, въ худшее хозяйственное положеніе; слѣдовательно, заключаютъ помѣщики, разстройство крестьянскаго хозяйства есть прямое послѣдствіе освобожденія. Въ посылкѣ этого умозаключенія содержится чрезвычайное преувеличеніе, а въ выводѣ — очевидная логическая несообразность. Нельзя отвергать того факта, что многіе крестьяне, и даже цѣлыя сельскія общества дѣйствительно оказываются теперь еще въ худшемъ хозяйственномъ положеніи, чѣмъ были они при крѣпостномъ правѣ: у такихъ крестьянъ убавилось скота, уменьшилось хлѣба, наросли болѣе или менѣе значительныя недоимки. Но во первыхъ можно положительно утверждать, что это ухудшеніе крестьянскаго быта не только не всеобще, но произошло въ незначительномъ меньшинствѣ случаевъ. На ряду съ обѣднѣвшими деревнями и отдѣльными крестьянами, можно указать несравненно большее число такихъ деревень и крестьянъ, которые поправились самымъ замѣтнымъ образомъ со времени уничтоженія крѣпостнаго права. Дѣлая такое заключеніе, я полагаюсь не на одни собственныя мои наблюденія, слишкомъ кратковременныя и обнимавшія весьма незначительное пространство, а полагаюсь во первыхъ на отзывы всѣхъ безпристрастныхъ и здравомыслящихъ помѣщиковъ, которыхъ случалось мнѣ встрѣчать въ провинціи и въ Петербургѣ, во вторыхъ на свѣдѣнія, собранныя мною отъ купцовъ, торгующихъ крестьянскими товарами, наконецъ на показанія самихъ крестьянъ. Мѣстныя условія Россіи столь разнообразны и самое освобожденіе крестьянъ совершилось при столь различныхъ хозяйстенныхъ данныхъ, что очевидно невозможно и ожидать, чтобы послѣдствія реформы 1861 года вездѣ были одинаковы. Крестьяне губерній: Саратовской, Оренбургской и Самарской, получившіе въ надѣлъ

$4^1/_2$, 5 и 6 десятинъ на душу плодороднѣйшей черноземной земли, а въ степныхъ уѣздахъ до 8 и 10 десятинъ, при девятирублевомъ оброкѣ, и берущіе сверхъ того огромную плату за обработку помѣщичьихъ полей (въ нынѣшнемъ году въ Саратовской губерніи платили до 20 р. за уборку десятины пшеницы), очевидно находятся совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ напримѣръ крестьяне описываемыхъ мною двухъ уѣздовъ, надѣленные $4^1/_2$ десятинами безплодной земли, при осьмирублевомъ оброкѣ, и въ такой мѣстности, гдѣ за жниво десятины платится отъ 2 р. до 2 р. 25 коп., а за полную обработку и уборку тройной десятины (озимой, яровой и за поднятіе пара) не дороже 20 р. Денежныя повинности первыхъ всего на одинъ рубль съ души превышаютъ повинности вторыхъ, тогда какъ доходы первыхъ должны быть въ нѣсколько кратъ больше доходовъ вторыхъ крестьянъ. Подобныя, хотя и не столь рѣзкія различія встрѣчаются и въ предѣлахъ одной и той же губерніи, даже одного и того же уѣзда, завися отъ величины и достоинства надѣловъ или отъ особыхъ промышленныхъ выгодъ нѣкоторыхъ селеній. Въ главѣ III я говорилъ о тѣхъ признакахъ, по которымъ можно заключать, что уровень крестьянскихъ достатковъ, въ общей сложности, замѣтно возвысился со времени реформы 1861 года, несмотря на множество неблагопріятныхъ для крестьянъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ освобожденію, сопровождавшихъ его и возникшихъ уже послѣ его совершенія. Явилась бо́льшая щеголеватость въ одеждѣ мужчинъ и женщинъ и замѣтное улучшеніе въ крестьянскихъ постройкахъ. Крестьяне больше прежняго дѣлаютъ покупокъ на базарахъ и ярмаркахъ для домашняго обихода. Замѣчается нѣкоторое улучшеніе въ пищѣ. Большее число крестьянъ стало заниматься извозомъ, требующимъ и порядочныхъ лошадей и исправной упряжи, и нѣкоторыхъ предварительныхъ затратъ. Арендованіе земли у помѣщиковъ идетъ съ каждымъ годомъ все бойче и бойче. Появляются иногда новые выселки и хутора, пріобрѣтаемые и устраиваемые крестьянами на собственный счетъ. Запущеніе полей, на которое такъ жалуются многіе помѣщики, встрѣчается только въ губерніяхъ непроизводительныхъ и малонаселенныхъ, подобныхъ описываемой. Бывъ прошедшимъ лѣтомъ въ южной части

Тульской губерніи, я вовсе не видалъ тамъ запущенныхъ полей. Въ Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ октябрѣ нынѣшняго года, писали: „изъ офиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ прошедшемъ 1867 г. ни въ одномъ уѣздѣ запущенныхъ помѣщичьихъ полей *положительно не оставалось;* всѣ залишнія земли разобраны крестьянами". Наконецъ однимъ изъ доказательствъ улучшенія матеріальныхъ средствъ крестьянъ со времени ихъ освобожденія служитъ то обстоятельство, что, несмотря на происшедшее съ тѣхъ поръ чрезмѣрное увеличеніе ихъ повинностей, казенные сборы съ нихъ поступали въ эти 7 лѣтъ *болѣе удовлетворительно, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ.* Фактъ этотъ будетъ совершенною новостію для многихъ читателей, въ особенности для помѣщиковъ, почему-то воображающихъ, что подъ ихъ опекою казенныя подати поступали исправнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Между тѣмъ вотъ офиціальныя цифры, приведенныя въ докладѣ департамента окладныхъ сборовъ министру финансовъ (Указат. прав. распор. по мин. фин. 1868 г. № 18):

	Слѣдовало поступить оклада казенныхъ сборовъ (подушной и оброчной подати и госуд. земскаго сбора):	Поступило оклада и недоимокъ:	Поступило противъ оклада менѣе:
Въ теченіе 7 лѣтъ съ 1854 по 1860 г.	430.040,088 р.	412.888,526	1,46%
Въ слѣдующія 7 л. съ 1861 по 1867 г.	549.659,081 р. *)	544.684,670	0,90%

Изъ того же офиціальнаго документа видно, что въ 1867 г. одни окладные сборы увеличились противъ 1860 г. на 29.000,000 р., отъ возвышенія окладовъ подушной и оброчной подати и государственнаго земскаго сбора; а въ 1868 г. сумма подушной подати должна еще увеличиться на $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, ибо прибавокъ сей подати (среднимъ числомъ по 50 к. съ души), установленный со второй половины прошлаго года, будетъ подлежать взысканію за весь настоя-

*) Въ эту сумму не включены окладные сборы на 1867 г. по Сибиру, за неимѣніемъ о поступленіи ихъ полныхъ свѣдѣній; окладъ сихъ сборовъ составляетъ 1.653,000 р.

щій годъ. Надобно притомъ вспомнить, что, со времени освобожденія, на крестьянъ легли новые налоги, въ видѣ сборовъ на земскія учрежденія, на мировыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, на мировыхъ судей, на волостные расходы, а на бывшихъ барщинныхъ крестьянъ— сверхъ того денежные оброки или соотвѣтствующіе имъ выкупные платежи. Если при всѣхъ этихъ новыхъ тягостяхъ, налегшихъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ 1861 г., недоимки по казеннымъ сборамъ со всего крестьянскаго сословія понизились съ 1,46% до 0,90%, то въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть отчасти доказательства въ пользу увеличенія достатковъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Правда, теперь недоимки взыскиваются гораздо строже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, когда отвѣтчиками за нихъ были помѣщики; правда и то, что крестьяне отдаютъ теперь казнѣ и различнымъ новымъ учрежденіямъ почти все то, что̀ потеряли съ нихъ помѣщики: но принимая въ соображеніе, что крестьяне отдаютъ казнѣ все съ нихъ требуемое, хотя и съ трудомъ, но почти бездоимочно, а съ другой стороны, что внѣшняя обстановка ихъ жизни принимаетъ теперь, въ большинствѣ случаевъ, лучшій видъ, чѣмъ прежде, нельзя не придти къ заключенію, что матеріальное положеніе ихъ улучшилось.

Для бо̀льшаго подтвержденія сдѣланнаго мною вывода, привожу свѣдѣнія, напечатанныя въ томъ же Указателѣ министерства финансовъ въ маѣ 1870 г., т. е. спустя полтора года послѣ перваго появленія въ печати настоящей главы моего сочиненія. Въ этомъ выпускѣ Указателя приводится таблица поступленія податей и выкупныхъ платежей за 1869 г. Всѣхъ окладныхъ казенныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей слѣдовало къ поступленію 128.715,883 р.; поступило же 130.244,655 р., т. е. переборъ составилъ 1.528,772 р. или болѣе 1%. Въ предыдущемъ 1868 году по тѣмъ же сборамъ и платежамъ состояла незначительная недоимка въ 700,000 р. Дѣлая эти выводы, Указатель сопровождаетъ ихъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. „При обширности пространства, занимаемаго Имперіею, ежегодно встрѣчаются въ какой-либо мѣстности неблагопріятныя для сбора податей условія: засухи, излишніе дожди, саранча, суслики, падежи

скота, недостатокъ заработковъ и пр. Посему каждый годъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ слѣдствіе этихъ главныхъ, а также и другихъ, второстепенныхъ причинъ, бываютъ недоборы противъ оклада; но въ то же время въ другихъ губерніяхъ сверхъ оклада уплачивается часть прежнихъ недоимокъ. При составленіи государственныхъ росписей, показывается доходомъ только сумма, равняющаяся годовому окладу, и кромѣ того назначается отъ 3 до 4 милліоновъ на покрытіе недоборовъ: если же поступленіе, въ общей сложности по Имперіи, въ счетъ оклада и прежнихъ недоимокъ, близко подходитъ къ годовому окладу, принятому въ расчетъ при составленіи росписи, то оно въ финансовомъ отношеніи можетъ быть признано удовлетворительнымъ. *На этомъ основаніи, взносъ податей, а также и выкупныхъ платежей въ 1869 г. долженъ быть причисленъ къ весьма успѣшнымъ*". Изъ таблицъ Указателя видно, что недоимки почти исключительно числятся на губерніяхъ сѣверной и отчасти средней полосы и прибалтійскаго края, гдѣ населеніе истощено частыми неурожаями. На Смоленской губерніи, пораженной двухлѣтнимъ голодомъ, числится недоимокъ: за 1868 г. 11% по податямъ и 27% по выкупнымъ платежамъ, а за 1869 г. $21\frac{3}{5}$% по податямъ и $42\frac{7}{9}$% по выкупнымъ платежамъ. Въ Псковской губерніи недоимки простирались: въ 1868 г. до $3\frac{1}{5}$% по податямъ и до $18\frac{4}{5}$% по выкупнымъ платежамъ, а въ 1869 г. до $2\frac{2}{5}$% и $21\frac{1}{5}$% по тѣмъ же сборамъ. Въ Петербургской губерніи выкупныя недоимки были въ эти годы: 32% и 22%; въ Новгородской $13\frac{1}{3}$% и 13%; въ Олонецкой 38% и 42%; въ Нижегородской 34% и 84%; въ Тверской $5\frac{2}{5}$% и 4%. Въ эстляндской губерніи недоборъ по окладнымъ казеннымъ сборамъ возросъ: въ 1868 г. до 45%, а въ 1869 г. до 50%. Вообще изъ таблицъ Указателя видно, что главную тягость для крестьянъ нехлѣбородныхъ губерній составляютъ выкупные платежи. При всемъ томъ, какъ было сказано, общій итогъ поступленія податей и выкупныхъ платежей съ каждымъ годомъ улучшается, несмотря на то, что эти сборы достигли повидимому крайняго предѣла крестьянскихъ достатковъ и что въ послѣдніе годы (1867 и 1868) сильный неурожай охватилъ значительное пространство Россіи.

Допустимъ однако, что въ общемъ итогѣ произошло, послѣ освобожденія, самое незначительное возвышеніе уровня крестьянскихъ средствъ (а возвышенія этого не отвергнетъ ни одинъ безпристрастный наблюдатель): если же одно освобожденіе, въ какія нибудь 7 лѣтъ и при множествѣ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, тяготѣющихъ надъ крестьянами, привело къ результатамъ, которыхъ не могло выработать крѣпостное право въ 200 лѣтъ своего существованія, то возможно ли, безъ противорѣчія здравому смыслу (не говоря уже о противорѣчіи вѣковому и всесвѣтному опыту), возвращаться мыслію къ погибшему крѣпостному праву и отыскивать въ его формахъ и порядкахъ какихъ бы то ни было способовъ для улучшенія нынѣшняго положенія крестьянъ? Люди, желающіе во что бы то ни стало доказать, что освобожденіе крестьянъ ухудшило ихъ хозяйственный бытъ, не обращаютъ вниманія на примѣры, доказывающіе обратное явленіе, и наичаще принимаютъ нищету и разореніе, унаслѣдованныя крестьянами отъ крѣпостнаго права, за явленіе какъ бы новое, обнаружившееся только послѣ реформы 1861 года. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ крестьянскомъ хозяйствѣ произошло, послѣ освобожденія, очевидное и несомнѣнное ухудшеніе, согласно ли съ здравымъ смысломъ утверждать, что это ухудшеніе произошло именно въ слѣдствіе освобожденія? Это значило бы повторять столь давно извѣстный въ свѣтѣ парадоксъ: post hoc, ergo propter hoc, то есть второе событіе произошло *послѣ* перваго, значитъ второе есть *слѣдствіе* перваго. Дѣлающіе такое умозаключеніе обнаруживаютъ умышленное или неумышленное невѣдѣніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя вліяютъ на нынѣшнее хозяйственное положеніе нашихъ крестьянъ. При внимательномъ взглядѣ не трудно убѣдиться, что частные случаи обѣднѣнія нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ послѣ 1861 года не имѣютъ непосредственной связи съ упраздненіемъ помѣщичьей власти, а происходятъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ, которыя держатъ большинство нашихъ крестьянъ на степени близкой къ пролетаріату и не дозволяютъ имъ, несмотря на личное освобожденіе, подняться по крайней мѣрѣ до такой степени благосостоянія, чтобы имѣть возможность обезпечить свое пропитаніе во время неурожаевъ. Въ однихъ случаяхъ эти общія

причины производятъ болѣе сильное, въ другихъ — менѣе сильное дѣйствіе на крестьянъ, смотря по естественнымъ и промышленнымъ условіямъ ихъ мѣстности и по тѣмъ даннымъ, при которыхъ совершилось надѣленіе ихъ землею. Одни крестьяне на столько еще въ состояніи выносить давленіе тяготѣющихъ надъ ними невыгодныхъ обстоятельствъ, что личное ихъ освобожденіе успѣло уже оказать свое полезное дѣйстніе и, такъ сказать, пересилить вліяніе невыгодныхъ условій; на другихъ же крестьянахъ эти послѣднія условія тяготѣютъ съ такою силою, что не только сдѣлали незамѣтнымъ вліяніе личнаго освобожденія, но осадили хозяйственный бытъ крестьянъ назадъ, довели ихъ еще до бо́льшаго разоренія, чѣмъ въ какомъ они вышли изъ рукъ крѣпостнаго права.

Главнѣйшею причиною бѣдности нашихъ крестьянъ является непомѣрное отягощеніе ихъ денежными повинностями со времени ихъ освобожденія. Объ этомъ обстоятельствѣ я скажу подробнѣе, когда буду перечислять общія причины, задерживающія улучшеніе крестьянскаго быта; теперь же поименую тѣ частныя причины, въ силу которыхъ тягость повинностей, почти одинаковою цифрою ложащихся на всѣхъ крестьянъ, уволенныхъ отъ крѣпости, сдѣлалась въ особенности невыносимою для нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ и повела за собою ихъ обѣднѣніе.

Первою изъ такихъ причинъ слѣдуетъ признать непроизводительность почвы, занимаемой крестьянами, или же глухое и неблагопріятное для промысловъ положеніе ихъ мѣстности. Вліяніе этихъ обстоятельствъ на крестьянскій бытъ слишкомъ очевидно доказывается приведенными выше цифрами недоимокъ, тяготѣющихъ преимущественно на губерніяхъ непроизводительныхъ и непромышленныхъ. Вторая и, какъ кажется, еще болѣе распространенная причина обѣднѣнія нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ послѣ реформы 1861 г. заключается въ томъ, что во множествѣ имѣній была произведена, при введеніи уставныхъ грамотъ, слишкомъ значительная отрѣзка отъ крестьянскихъ надѣловъ, лишившая крестьянъ такой земли, безъ которой они не могутъ существовать. При крѣпостномъ правѣ величина надѣловъ опредѣлилась въ теченіе долгаго времени, и чаще всего опредѣлилась

качествомъ почвы и мѣстными удобствами, существовавшими въ различныхъ имѣніяхъ одной и той же мѣстности; чѣмъ хуже была почва, т. е. чѣмъ больше требовала она удобренія, тѣмъ болѣе отводилось крестьянамъ выгонной или луговой земли для содержанія скота. При введеніи уставныхъ грамотъ, бо̀льшая часть надѣловъ одного и того же уѣзда, или еще чаще — нѣсколькихъ сосѣднихъ уѣздовъ, была искусственно приведена къ одной общей мѣркѣ, къ высшимъ душевымъ надѣламъ, безъ принятія въ соображеніе почвенныхъ особенностей каждаго имѣнія. При этомъ отрѣзка надѣловъ была не рѣдко столь значительна и коснулась такихъ необходимыхъ для крестьянъ земель, что совершенно разстроила ихъ хозяйство. Случаи эти такъ многочисленны и повсемѣстны, что бросаются въ глаза всякому, кто безпристрастно наблюдалъ крестьянскій хозяйственный бытъ, хотя бы на самомъ маломъ пространствѣ. Если вы заѣдете въ деревню обнищавшую, разоренную, обремененную неоплатными недоимками, и спросите крестьянъ о причинахъ такой нищеты, то наичаще получите такой отвѣтъ: „Землю-то нашу *онъ* такъ обрѣзалъ, что намъ безъ этой обрѣзной земли жить нельзя; со всѣхъ сторонъ окружилъ насъ своими полями, такъ что намъ скотины выгнать некуда; вотъ и плати ты за надѣлъ особо, да за обрѣзную землю еще особо, сколько потребуетъ". Такъ что̀ же вамъ лучше или хуже жить противъ прежняго? „Да за то, что̀ дали значитъ свободу, за это благодаримъ Царя и господъ, а жить не въ примѣръ стало тяжелѣе прежняго; сами видите". Дѣйствительно, эта обрѣзная земля, какъ бѣльмо въ глазу у крестьянъ, и они никакъ не могутъ примириться съ мыслію, что, пользуясь ею цѣлые вѣка, они должны теперь нанимать ее у помѣщиковъ за особую плату. „Какое жъ это улучшеніе быта!" — говорилъ мнѣ одинъ грамотный и бывалый мужикъ изъ прежнихъ оброчныхъ — „оброкъ-то на насъ оставили прежній, а землю обрѣзали". Я самъ много разъ имѣлъ случай удостовѣриться, какъ сильно помѣщики жмутъ крестьянъ съ этою обрѣзною землею, видя совершенную ея необходимость для ихъ существованія. Но кромѣ отрѣзки отъ надѣловъ, крестьяне повсюду лишились столь необходимыхъ для нихъ выгоновъ на господскихъ поляхъ. Можно совершенно точно опредѣлить, сколько было у крестьянъ

земли подъ озимью, яровымъ хлѣбомъ и подъ паромъ; но никто не можетъ опредѣлить, какимъ количествомъ десятинъ пользовались они, когда весною пускали свой скотъ по господскимъ лугамъ, до юрьева дня, и по господскому пару или толокѣ, а осенью — по господскимъ отавамъ и жнивамъ. Еще хуже стало положенiе тѣхъ крестьянъ, которые, предъ самымъ освобожденiемъ, были сведены предусмотрительными помѣщиками на худшiя земли, на пески, яры или мочевины; подобные примѣры довольно нерѣдки и ихъ можно встрѣтить во всѣхъ губернiяхъ. Бывали даже случаи, когда помѣщики совершенно отбирали землю у крестьянъ и обращали цѣлыя деревни въ бобылей. По нѣкоторымъ изъ подобныхъ случаевъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ дѣлаемы были распоряженiя о возвращенiи надѣловъ обезземеленнымъ крестьянамъ, а когда нельзя было достичь соглашенiя съ помѣщиками, то испрашивались даже особыя высочайшiя повелѣнiя. Такъ 24-го апрѣля 1862 г. возвращенъ надѣлъ крестьянамъ одного селенiя Орловской губернiи, отобранный у нихъ въ 1860 г.; марта 6-го 1863 г. повелѣно было не только возвратить землю, но вознаградить за строенiя и имущества, отнятыя однимъ симбирскимъ помѣщикомъ у крестьянъ разныхъ имѣнiй Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ; мая 1-го 1863 г. состоялось распоряженiе о возвращенiи крестьянамъ села Глѣбова-Городища, Рязанской губернiи, крестьянской земли, заложенной помѣщицею ея мужу, недворянину, и перешедшей къ нему по закладной въ 1860 году. Огромное большинство подобныхъ случаевъ вовсе не доходило до правительства, по темнотѣ крестьянъ, которыя такимъ образомъ навсегда остались обезземеленными. Одинъ знакомый мнѣ богатый помѣщикъ Воронежской губернiи обезземелилъ въ 1859 г. 700 душъ крестьянъ и перевелъ ихъ въ государственные, посредствомъ особой сдѣлки съ кѣмъ слѣдуетъ. Принимая въ соображенiе, что, при введенiи уставныхъ грамотъ, если не въ большинствѣ, то навѣрно въ половинѣ имѣнiй сдѣлана была болѣе или менѣе значительная отрѣзка надѣловъ, надобно еще удивляться, что она не произвела, по крайней мѣрѣ на первое время, ухудшенiя половины крестьянскихъ хозяйствъ, особенно если вспомнимъ, что въ то же время денежные платежи съ крестьянъ стали воз-

растать ежегодно. Если, при тяготѣніи этихъ двухъ разорительныхъ условій, уменьшенія надѣловъ и увеличенія повинностей, значительнѣйшая часть крестьянъ не только выноситъ свое положеніе, но еще замѣтно поднялась въ своихъ средствахъ, то это единственно можетъ быть объяснено огромными преимуществами свободнаго труда, который, будучи даже поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія, все-таки даетъ лучшіе реаультаты, чѣмъ трудъ крѣпостной: крестьяне оказавшійся у нихъ недочетъ въ средствахъ пополняютъ или арендованіемъ помѣщичьихъ земель, или наемною работою у помѣщиковъ, или наконецъ отхожими промыслами. Въ земледѣльческихъ губерніяхъ повсемѣстно замѣчается, что безбѣдно живутъ и исправно платятъ подати и выкупные платежи тѣ крестьяне, которые или арендуютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ, или работаютъ съ копны хлѣба и сѣна; въ бѣдности и иесостоятельности по повинностямъ и выкупу перебиваются тѣ сельскія общества, которыя, вмѣсто аренды или работы изполу, нанимаются за долги на поденную уборку хлѣба и сѣна, по низкой цѣнѣ и съ чрезмѣрными неустойками. Эти послѣднія условія хотя и заключаются въ волостныхъ правленіяхъ законнымъ образомъ, но они диктуются безвыходною нуждою должниковъ, забравшихъ впередъ деньги на уплату повинностей и собственное прокормленіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ упадокъ крестьянскаго хозяйства долженъ быть приписанъ чрезмѣрному пьянству, обнаружившемуся въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ самаго введенія акцизной системы. Но такихъ деревень, которыя обнищали собственно отъ пьянства, весьма немного и онѣ всѣ на перечетѣ у окрестныхъ крестьянъ на окружности многихъ десятковъ верстъ: такіе примѣры крестьяне крѣпко зарубливаютъ себѣ на носу. Въ двукратное мое посѣщеніе описываемыхъ здѣсь двухъ уѣздовъ, я слышалъ въ нашихъ околодкахъ всего про одну деревню, крестьяне которой, бывъ прежде зажиточными, теперь обѣднѣли, будто бы благодаря повальному пьянству. Но я имѣю причины не вполнѣ довѣрять этому показанію; скорѣе я готовъ предположить, что крестьяне упоминаемой деревни (въ которой самому мнѣ не удалось быть) слишкомъ были обрѣзаны въ своемъ надѣлѣ, пьянство же только довершило ихъ обѣднѣніе. Разорительныя послѣдствія пьянства го-

раздо чаще замѣчаются не на цѣлыхъ деревняхъ, а на отдѣльныхъ крестьянахъ. Въ каждой почти деревнѣ найдется нѣсколько гулякъ и пустодомовъ, обнищавшихъ отъ пристрастія къ водкѣ; но эти частные случаи, повторяющіеся никакъ не рѣже и въ другихъ сословіяхъ, очевидно не могутъ быть причиною обѣднѣнія цѣлыхъ деревень или всего крестьянскаго сословія. Каковы бы ни были однако послѣдствія пьянства для крестьянскаго быта, ясно и неоспоримо одно, что причина этого зла кроется не въ упраздненіи крѣпостной власти, а въ роковомъ совпаденіи выхода крестьянъ на волю съ дешевою водкою и съ непомѣрнымъ размноженіемъ кабаковъ. О пьянствѣ я намѣренъ сказать подробнѣе въ другомъ мѣстѣ этой главы.

Наконецъ надобно упомянуть, что многіе крестьяне разстроили свое хозяйство въ слѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. Здѣсь, повидимому, худой исходъ прямо зависитъ отъ упраздненія помѣщичьей власти, которая въ прежнее время удерживала крестьянскія семьи въ ихъ первобытномъ скученномъ видѣ, увеличивавшемъ ихъ рабочую силу. Я говорилъ уже о тѣхъ нравственныхъ причинахъ, которыя, стоя выше всякихъ хозяйственныхъ расчетовъ, оправдываютъ и дѣлаютъ необходимыми семейные раздѣлы. Если раздѣлы и наносятъ временный ущербъ матеріальнымъ выгодамъ крестьянъ, зато они спасаютъ ихъ личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т. е. тѣ высшія блага человѣка, безъ которыхъ невозможны никакіе успѣхи гражданственности. Доселѣ смотрѣли на крестьянъ только какъ на рабочую силу, какъ на извѣстное число тяглъ, потому и считали для нихъ необходимымъ то же стадообразное устройство быта, которое съ такою выгодою примѣняется къ рабочему скоту. Теперь крестьянинъ, получивъ свободу и гражданскія права, естественно пожелалъ, прежде всего другаго, обособленія своей личности и своего семейнаго быта, т. е. пожелалъ удовлетворить общую и ничѣмъ неистребимую потребность всѣхъ свободныхъ и разумныхъ существъ. Часто у крестьянъ поводомъ къ раздѣламъ служитъ то ложное убѣжденіе, что будто бы они, обратясь изъ многосемейныхъ въ двойниковъ и одиночекъ, избѣжатъ тѣмъ рекрутства. Однако, сколько удавалось мнѣ подмѣтить, такое соображеніе выставляется отдѣляющимися крестьянами только

какъ благовидный предлогъ, для легчайшаго соглашенія своихъ односемейцевъ на раздѣлъ; главнымъ же побужденіемъ къ раздѣлу всегда оказывается желаніе освободиться отъ гнета старшихъ и отъ домашнихъ сваръ, неразлучныхъ съ многосемейною жизнію. Впрочемъ многіе помѣщики слишкомъ преувеличиваютъ вредъ, происходящій отъ раздѣловъ, и сваливаютъ на нихъ, равно какъ и на пьянство, всѣ послѣдствія тѣхъ другихъ причинъ крестьянской бѣдности, признать которыя помѣщикамъ такъ нежелательно. Раздѣлившіяся семейства вездѣ представляютъ незначительное меньшинство, и положеніе ихъ не можетъ имѣть большаго вліянія на общее положеніе цѣлой деревни. Притомъ раздѣлы сами по себѣ производятъ лишь временное разстройство въ крестьянскомъ хозяйствѣ, пока раздѣлившіяся семьи не обзаведутся всѣмъ для нихъ необходимымъ и пока не подростутъ малолѣтки. Крестьянскія поля, несмотря на раздѣлы, обработываются сполна, и не было примѣровъ, чтобы нивы раздѣлившихся семей оставались невспаханными. Если бы надъ крестьянами не тяготѣли другія обстоятельства, задерживающія улучшеніе ихъ хозяйства, то невыгодныя послѣдствія раздѣловъ скоро уничтожились бы сами собою, въ силу бо̀льшаго напряженія труда и большей заботливости о будущемъ, этихъ непремѣнныхъ послѣдствій личной самостоятельности и семейнаго обособленія отдѣлившихся членовъ. Наконецъ, если не теперь, то въ близкомъ будущемъ, семейные раздѣлы сдѣлались бы безусловно необходимыми, въ слѣдствіе приращенія народонаселенія. Изъ опыта другихъ странъ извѣстно, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости всегда влекло за собою быстрое увеличеніе сельскаго народонаселенія.

Многіе готовы безусловно вѣрить всеобщему ухудшенію крестьянскаго быта только потому, что теперь о бѣдномъ положеніи крестьянъ говорятъ и пишутъ всѣ и каждый, а прежде, при крѣпостномъ правѣ, не было о томъ и помину: слѣдовательно, заключаютъ многіе, тогдашнее положеніе крестьянъ было лучше нынѣшняго. При этомъ забывается, что во время крѣпостнаго права дворянству было не къ лицу толковать и писать въ газетахъ о разоренномъ положеніи своихъ крестьянъ; да если бы и нашлись такіе выскочки, которые пожелали

бы, подобно какому нибудь Радищеву, живописать положенiе крѣпостныхъ крестьянъ, то произведенія ихъ пера никогда не появились бы на свѣтъ Божій. Теперь же тѣ самые, которымъ прежде было выгодно умалчивать о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, считаютъ для себя сподручнымъ выставлять ихъ нищету напоказъ, но выставлять только для того, чтобы убѣдить всѣхъ, будто бы эта нищета есть прямое послѣдствіе упраздненія крѣпостнаго права, тогда какъ въ сущности она есть именно наслѣдство, оставленное Россіи крѣпостнымъ правомъ. Подобнымъ образомъ находятся люди, которые, читая теперь въ газетахъ безпрерывные судебные процессы объ убійствахъ, грабежахъ, поджогахъ, воровствахъ и т. п., восклицаютъ: новые суды расплодили преступленія; прежде о нихъ было слышно несравненно рѣже! На самомъ же дѣлѣ это обиліе преступленій, являемыхъ теперь на свѣтъ Божій гласными судами, было подготовлено именно тѣмъ безгласнымъ и безсуднымъ временемъ, когда уголовныя дѣла вершались во мракѣ канцелярскаго дѣлопроизводства, а бо̀льшая часть ихъ даже вовсе не восходила до судовъ, бывъ заминаема при производствѣ слѣдствій. Чтобы чрезъ сравненіе нынѣшняго положенія крестьянъ съ прежнимъ можно было судить о результатахъ освобожденія ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, для этого слѣдовало бы, еще при господствѣ крѣпостнаго права, обрѣзать крестьянскіе надѣлы такъ, какъ они теперь обрѣзаны, обложить крестьянъ всѣми тѣми повинностями, которыя явились уже послѣ освобожденія, и потомъ посмотрѣть, какъ выносили бы крѣпостные крестьяне такое положеніе. Пора бы всѣмъ намъ придти къ убѣжденію, что всякіе доводы и сравненія, направляемые къ доказательству того положенія, что крестьяне наши обѣднѣли и разорились въ слѣдствіе упраздненія надъ ними помѣщичьей власти, всегда будутъ доводами и сравненіями фальшивыми и безплодными. Вообще во всѣхъ отзывахъ помѣщиковъ о нынѣшнемъ положеніи крестьянъ я замѣтилъ одну характерную и постоянно выдающуюся черту—это чрезвычайное преувеличеніе невыгодныхъ сторонъ крестьянскаго быта и обобщеніе частныхъ случаевъ. Если въ сосѣдней деревнѣ найдется нѣсколько человѣкъ горькихъ пьяницъ, то помѣщикъ кричитъ о повальномъ пьянствѣ всего крестьянскаго сословія; если

удастся указать два-три двора, обѣднѣвшіе послѣ 1861 г., то изъ этого сейчасъ же выводится заключеніе, что всѣ крестьяне разорились послѣ выхода ихъ на волю; если на деревнѣ заведется воръ или гдѣ нибудь приключится убійство, то не будетъ конца сѣтованіямъ и мрачнымъ предсказаніямъ о томъ, что крестьяне разуздываются и что скоро для дворянства жизнь въ деревняхъ будетъ положительно невозможна.

Я указалъ тѣ частныя обстоятельства, которыя, увеличивая собою вредное дѣйствіе общихъ причинъ крестьянской бѣдности, могли, по моему мнѣнію, произвести то явленіе, что во многихъ случаяхъ хозяйственное положеніе отдѣльныхъ крестьянъ и даже цѣлыхъ деревень не только не улучшилось со времени освобожденія, но пришло еще въ большее разстройство. Причины эти: слабая производительность почвы и отсутствіе промысловъ, непозволяющія крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей выдерживать лежащія на нихъ чрезмѣрныя повинности; значительное уменьшеніе надѣловъ, съ отрѣзкою отъ нихъ такой земли, которая необходима для существованія крестьянъ; сильное пьянство, которому предаются нѣкоторые крестьяне, а, по слухамъ, даже и цѣлыя сельскія общества; наконецъ семейные раздѣлы, какъ временная причина разстройства крестьянскаго хозяйства. Вошелъ я въ эти объясненія собственно для того, чтобы показать, какъ неосновательно и пристрастно мнѣніе тѣхъ людей, которые въ частныхъ случаяхъ ухудшенія крестьянскаго хозяйства видятъ доводы въ пользу упраздненнаго крѣпостнаго права и желали бы возстановить нѣкоторые изъ его формъ и порядковъ, подъ предлогомъ спасенія крестьянъ отъ всеобщаго разоренія. Въ настоящее время, когда въ Россіи нѣтъ ничего прочнаго ни въ понятіяхъ, ни въ вещахъ, когда и въ политикѣ, и въ общественныхъ дѣлахъ мнѣнія, вчера считавшіяся забракованными и упраздненными, сегодня получаютъ вновь силу и ходъ, приходится иногда доказывать то, что̀ уже доказано вѣковымъ и всесвѣтнымъ опытомъ, и опровергаетъ то, что, казалось бы, не требуетъ опроверженія, ибо слишкомъ явно противорѣчитъ здравому смыслу. Для будущности Россіи не столько важно то, что, послѣ освобожденія, одни крестьяне поправились въ своихъ средствахъ, другіе напро-

тивъ того оказались еще въ худшемъ противъ прежняго положенiи, сколько важно общее явленiе имущественной несостоятельности нашихъ крестьянъ, явленiе, ставшее особенно яснымъ со времени введенiя земскихъ учрежденiй. Вопросъ будетъ поставленъ прямо, если мы спросимъ себя: какiя причины производятъ то, что наши крестьяне, несмотря на ихъ личное освобожденiе и надѣленiе землею, все еще находятся на весьма низкой степени благосостоянiя, граничащей часто съ совершенною нищетою? почему благiя послѣдствiя освобожденiя не обнаруживаются у насъ съ такою же быстротою и прогрессивнымъ возрастанiемъ, какъ обнаружились они напримѣръ въ Пруссiи и Саксонiи въ первой четверти нынѣшняго столѣтiя? Общее явленiе несостоятельности нашихъ крестьянъ должно имѣть и общiя причины. Уловить и по возможности разъяснить главнѣйшiя изъ этихъ причинъ — таковъ будетъ предметъ моихъ послѣдующихъ разсужденiй.

Чтобы не отрываться отъ затронутаго уже предмета, я прежде всего возвращусь къ тѣмъ причинамъ, которыя выставлены въ приведенныхъ мною выше объясненiяхъ помѣщиковъ. Устранивъ изъ этихъ объясненiй подразумѣваемый въ нихъ доводъ въ похвалу крѣпостнаго права, все-таки въ нихъ останется фактъ, справедливости котораго во многихъ случаяхъ нельзя отвергать, именно безпечность и умственная притупленность нашихъ крестьянъ. Всякiй, кто входилъ съ ними въ какiя нибудь сдѣлки и наблюдалъ ихъ образъ мыслей, хорошо знаетъ, что они часто предпочитаютъ съ тупымъ равнодушiемъ покоряться гнетущей ихъ бѣдности, чѣмъ изыскивать пути, чтобы выдти изъ нея. Если помѣщики, сохраняя еще прежнiй крѣпостной взглядъ на крестьянина, цѣнятъ слишкомъ дешево его трудъ и на оборотъ — слишкомъ дорого свои угодья, то, съ другой стороны, и крестьяне обнаруживаютъ своего рода самодурство, не соглашаясь иногда на условiя, очевидно для нихъ выгодныя. Въ этихъ случаяхъ они какъ бы тѣшатъ себя такимъ разсужденiемъ, что вотъ-де мы поставили на своемъ, насъ-де теперь нельзя приневолить, хотимъ работаемъ, хотимъ нѣтъ. Притомъ вѣковая привычка сдѣлала потребности нашего крестьянина столь несложными, что если желудокъ у него набитъ и въ хатѣ тепло, то съ него и довольно. Ни о какихъ удобствахъ жизни, ни о

какихъ потребностяхъ ума и общественности онъ не имѣетъ понятія; все доступное ему развлеченіе состоитъ въ посѣщеніи кабака. Можно ли отъ такого человѣка требовать предусмотрительности, энергіи труда, заботливости объ улучшеніи своего хозяйства? Крестьянинъ, подавленный невѣжествомъ и вѣковою нищетою, привыкъ, подобно рабочему волу, идти по одной, издавна проторенной дорожкѣ; всякое отступленіе отъ нея кажется ему страшнымъ и рискованнымъ. Мнѣ часто приходилось слышать расказы о томъ, до чего доходитъ несообразительность и умственная неподвижность нашихъ крестьянъ. Въ уѣздномъ городѣ одинъ купецъ, преимущественно ведущій свои дѣла съ крестьянами, говорилъ мнѣ: „мужикъ везетъ въ городъ возъ дровъ, верстъ за двадцать, и продаетъ его тамъ за гривенникъ; попробуйте предложить ему, вмѣсто дровъ, довезти васъ за тотъ же гривенникъ: никогда не согласится, не возьметъ и 15 коп., хотя дрова остались бы въ его пользу“. Крестьянинъ привыкъ вѣками дѣлать все по приказанію помѣщичьей власти: власть эта теперь упразднилась; вмѣсто нея явилась власть общества, волостнаго начальства и мировыхъ посредниковъ. Но волостныя власти и мировые посредники не обязаны вмѣшиваться во внутреннее хозяйство крестьянъ. Сверхъ того волостныя власти сами столь же невѣжественны, какъ и прочіе крестьяне, а мировые посредники ограничиваются однимъ формальнымъ, чисто бумажнымъ отправленіемъ своихъ обязанностей. Что же касается власти общества, то она не только не возбуждаетъ у крестьянъ трудолюбія и предусмотрительности, но еще часто служитъ для нихъ сильнѣйшею помѣхою. Общинное пользованіе землею ставитъ каждаго крестьянина въ рабскую зависимость отъ всего общества; общество же крестьянское, какъ по своему невѣжеству, такъ и по врожденной русскому народу неспособности къ общимъ соглашеніямъ, рѣдко въ состояніи придумать и рѣшить что нибудь полезное для крестьянскаго хозяйства. Въ одной извѣстной мнѣ деревнѣ, имѣющей 30 дворовъ, прежнимъ помѣщикомъ была заведена, и существовала въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, общественная запашка, всего въ три десятины, для содержанія запаснаго сельскаго магазина. Неизмѣнное правило помѣщика состояло въ томъ, что никакой крестьянинъ, невозвра-

тившій въ магазинъ прежней ссуды, не могъ получить новой; ссуды же крестьяне должны были возвращать изъ перваго умолота. Въ нынѣшнемъ году деревня эта сильно голодала; находившійся у нея запасный хлѣбъ былъ, вскорѣ послѣ освобожденія, переведенъ въ общій волостной магазинъ. А куда жъ дѣвалась ваша общественная запашка? — спрашивалъ я у нѣкоторыхъ крестьянъ — вѣдь съ 1861 года вы успѣли бы собрать съ нея до 18 кулей ржи и до 30 кулей овса; теперь, въ голодную пору, этотъ запасъ былъ бы вамъ большимъ подспорьемъ. — „Да мы эту общественную запашку въ томъ же году похерили", отвѣчали мнѣ крестьяне. — Зачѣмъ же вы ее похерили, когда она была для васъ такъ необременительна? — „Да такъ порѣшило, значитъ, общество; богатые мужики, вишь ты, стали говорить: намъ эта запашка не нужна, у насъ хлѣбъ и безъ нея завсегда будетъ; а прочіе, кто побѣднѣе, тожъ не захотѣли пахать ее одни; вотъ такъ и порѣшили всѣмъ міромъ ее похерить". Я полагаю, что мы будемъ ближе къ истинѣ, если тотъ нравственный недостатокъ, который обнаруживается крестьянами во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, назовемъ не лѣностью, какъ обыкновенно называютъ его помѣщики, а именно безпечностью и умственною притупленностію, какъ я уже назвалъ его выше. Лѣность предполагаетъ бездѣйствіе и нежеланіе работать; но нельзя сказать, чтобы наши крестьяне не работали: часто они работаютъ даже черезъ силу; но работа ихъ то бываетъ не во время, то дѣлается безъ толку. Крестьяне запаздываютъ посѣвомъ, запаздываютъ и уборкою хлѣба; часто они употребляютъ чрезвычайный, но неблагодарный трудъ тамъ, гдѣ, при нѣкоторой предусмотрительности и общемъ соглашеніи, они могли бы съ гораздо меньшимъ трудомъ достигнуть гораздо лучшихъ послѣдствій. Отсутствіе расчетливости и обдуманности въ трудѣ, наклонность откладывать всякое дѣло день за день и потомъ дѣлать его залпомъ и сгоряча, а тамъ снова впадаетъ въ бездѣйствіе — вотъ свойство нашего крестьянина, общее ему со всѣми русскими людьми. Безъ сомнѣнія между крестьянами не рѣдко встрѣчаются и настоящіе лѣнтяи и лежебоки; но я во всѣхъ моихъ разсужденіяхъ имѣю въ виду не частные случаи, а общія и крупныя черты народнаго быта и характера. Если же перечислять

частные случаи, то слѣдовало бы сказать, что, наряду съ лѣнтяями, гораздо чаще встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ такіе крестьяне, которые затянулись и исчахли отъ непосильной работы и постоянной борьбы съ нуждою. Всѣ наши заключенія зависятъ обыкновенно отъ угла зрѣнія, подъ которымъ мы смотримъ на предметы. На крестьянъ мы привыкли смотрѣть, какъ на людей, предназначенныхъ какъ бы самою природою и судьбою для работы, и только для одной работы; потому о каждомъ прогульномъ днѣ, который мы подмѣтимъ въ жизни мужика, мы кричимъ, какъ о явленіи возмутительномъ, нарушающемъ, такъ сказать, порядокъ природы и опредѣленія судьбы. Точно такъ же, привыкнувъ считать самихъ себя существами высшаго порядка, предназначенными только для пріятностей жизни и для отдачи приказаній низшимъ существамъ, мы готовы вопіять о попраніи нашихъ правъ и колебаніи гражданскаго порядка, какъ скоро измѣнившіяся обстоятельства ставятъ насъ въ необходимость удѣлять частицу нашего времени той черной работѣ, которую прежде исполняли за насъ старосты и бурмистры. Признавая за крестьянами порокъ безпечности и непредусмотрительности, слѣдуетъ ли однако изъ этого заключить, что необходимо создать для нихъ какую нибудь новую власть, которая бы за нихъ думала, предусматривала, распоряжалась ихъ трудомъ и ихъ достатками, не позволяла бы имъ лѣниться и бражничать, заставляла бы ихъ дѣлать сбереженія и улучшать способы земледѣлія? Очевидно, что никакой такой власти придумать невозможно, какъ вообще невозможно насильно заставить человѣка быть трудолюбивымъ, бережливымъ, предусмотрительнымъ. Со стороны государственной власти здѣсь можетъ быть только одинъ путь: постепенно и неослабно устранять тѣ причины, которыя довели нашего крестьянина до его настоящаго притупленія и бѣдности и не даютъ ему возможности подняться и стать на ноги. Въ этихъ-то первичныхъ и общихъ причинахъ заключается источникъ и тѣхъ второстепенныхъ и частныхъ недостатковъ нашихъ крестьянъ, каковы безпечность, пьянство, безтолковость общественнаго управленія, въ которыхъ многіе думаютъ найти единственное объясненіе теперешняго безотраднаго ихъ положенія.

Прежде всего мы видимъ, что и въ общественно-хозяйственномъ самоуправленіи крестьянъ, и въ ихъ частной жизни, источникомъ безпорядочности, безпечности, неумѣнья помогать своимъ нуждамъ служитъ умственная неразвитость крестьянъ и ихъ глубокая нравственная темнота; слѣдовательно безъ умственнаго и нравственнаго образованія нашихъ крестьянъ невозможно ожидать и матеріальнаго улучшенія ихъ быта. Въ наше время разсужденія о необходимости образованія крестьянъ стали общимъ мѣстомъ, избитымъ выраженіемъ, безпрерывно повторяющимся и въ литературѣ, и въ сословныхъ собраніяхъ, и въ офиціальныхъ бумагахъ. Нельзя однако не замѣтить, что, въ большинствѣ случаевъ, необходимость образованія крестьянъ не вполнѣ сознается тѣми, которые такъ много о томъ толкуютъ. Наичаще говорятъ объ этой необходимости только изъ желанія не отстать отъ другихъ и заявить свой просвѣщенный образъ мыслей; но на самомъ дѣлѣ, какъ въ общественной, такъ и въ офиціальной средѣ, образованіе крестьянъ считается роскошью, съ которою можно еще повременить: поэтому серьезнаго приступа къ дѣлу почти нигдѣ не видно, или, что еще хуже, усматривается мѣстами фальшивое подобіе народнаго обученія, мнимыя школы съ мнимыми наставниками и учениками. Надобно вникнуть въ обиходную жизнь нашего крестьянина, въ его понятія и предразсудки, сравнить его бытъ съ бытомъ крестьянъ въ образованныхъ государствахъ, чтобы убѣдиться, что первая и главнѣйшая причина его нищенскаго и безпомощнаго положенія заключается именно въ его полнѣйшемъ невѣжествѣ. Невѣжество не рѣдко дѣлаетъ изъ него какъ бы подобіе рабочаго скота, неспособнаго даже помышлять объ улучшеніи своего положенія; въ другихъ случаяхъ невѣжество обращаетъ его въ распущеннаго и одичалаго гуляку. Кому, кажется, предстояло всего болѣе борьбы съ природою, какъ не крестьянину Голландіи и Бельгіи: онъ долженъ былъ отнимать у моря его песчаное ложе, чтобы воздѣлывать на немъ свою ниву, и долженъ былъ защищать ее отъ того же моря громадными плотинами, созидая для этого цѣлые искусственные берега („Боги создали землю, голландцы — свои берега!“). Эти необъятные труды совершены не одною силою мускуловъ, а еще болѣе силою развитаго ума и практическихъ

знаній. Низшія сословія Голландіи и Бельгіи, по своей образованности, съ давнихъ поръ опережали рабочіе классы другихъ европейскихъ странъ. Между тѣмъ въ Россіи мы можемъ проѣхать сотни верстъ и не встрѣтить ни одного изъ тѣхъ приложеній человѣческаго ума и знаній, которыя покоряютъ человѣку силы природы и заставляютъ ихъ служить его нуждамъ. Нашъ крестьянинъ пробирается съ своею сохою между пнями вырубленнаго или сожженнаго лѣса, потому что не умѣетъ корчевать ихъ. Мокрыя и болотистыя мѣста въ крестьянскихъ надѣлахъ едва возвращаютъ брошенныя въ нихъ сѣмена, потому что крестьяне наши, по своей умственной неразвитости, не могутъ понять, что трудъ, употребленный на прорытіе канавъ, съ избыткомъ былъ бы вознагражденъ увеличеніемъ урожая. Бо̀льшая часть нашихъ мельницъ содержится остзейскими нѣмцами, поляками, евреями, потому что крестьяне не умѣютъ обращаться съ мельничнымъ механизмомъ. Крестьяне и цѣлыя крестьянскія общества, по своему безграмотству и темнотѣ, становятся игрушкою перваго проходимца или кулака, вѣрятъ во всякіе нелѣпые слухи и, вмѣсто напряженнаго труда и хозяйственныхъ улучшеній, убаюкиваютъ себя мечтами то о какихъ-то новыхъ перемѣнахъ и льготахъ, то о переселеніи на какія-то отводимыя имъ мѣста, съ кисельными берегами и молочными рѣками, гдѣ они не будутъ платить ни податей, ни оброковъ. А между тѣмъ, по природнымъ своимъ свойствамъ, русскій народъ принадлежитъ къ самымъ способнѣйшимъ изъ европейскихъ племенъ. Иностранцы, живущіе въ Россіи, высоко цѣнятъ ясность его пониманія, быструю воспріимчивость и сметливость, его способность ко всякаго рода мастерствамъ и производствамъ. Но всѣ эти природныя свойства русскаго человѣка глохнутъ и остаются безплодными въ слѣдствіе его глубокаго невѣжества, такъ что, въ его собственномъ отечествѣ, надъ нимъ постоянно берутъ перевѣсъ и употребляютъ въ свою пользу его механическій трудъ разные пришельцы, имѣющіе передъ русскими единственное преимущество — нѣкоторое умственное образованіе. Религіозно-умственное просвѣщеніе, ставшее проникать въ земледѣльческіе классы Германіи съ конца прошедшаго столѣтія, постепенно развило въ нѣмецкомъ крестьянинѣ любовь къ домашнему порядку и семейному очагу

и вызывало въ немъ потребность посвящить минуты отдыха чтенію, размышленію и поучительнымъ бесѣдамъ. Для удовлетворенія этихъ требованій ума и сердца необходимы постоянный трудъ, энергія, бережливость, предусмотрительность. Только животноподобная жизнь довольствуется добываніемъ пищи въ ту лишь минуту, когда начинаетъ мучить голодъ, и въ томъ лишь размѣрѣ, какой нуженъ для удовлетворенія голода. Напрасно у насъ нѣкоторые, думая объ образованіи крестьянъ, задаются широкими планами о ремесленныхъ школахъ, объ учебныхъ фермахъ и т. п.; такія заведенія едва ли будутъ возможны въ нашихъ деревняхъ и черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Надобно прежде всего дать крестьянамъ первоначальное общее образованіе, которое должно пробудить ихъ мыслительныя способности и сдѣлать для нихъ понятными нравственныя требованія человѣческой природы; надобно сперва возвратить имъ ихъ человѣческій образъ и достоинство, и тогда они сами отыщутъ или заимствуютъ у другихъ тѣ приспособительные знанія и пріемы, которые нужны для ихъ обихода. Обученіе религіи и общимъ первоначальнымъ знаніямъ — вотъ тотъ естественный и единственный путь, которымъ христіанско-европейская цивилизація можетъ войти въ среду нашаго народа, какъ вошла она тѣмъ же самымъ путемъ и къ другимъ европейскимъ народамъ. А какъ скоро пробуждена будетъ мыслительная сила русскаго народа и водворится нѣкоторая добропорядочность въ его нравахъ, то этимъ самымъ будетъ уже сдѣланъ важнѣйшій шагъ и къ матеріальному улучшенію его быта: осмысленный и нравственно-добропорядочный народъ не можетъ умирать съ голоду на необозримыхъ поляхъ своей родины, когда и на Западѣ, гдѣ есть страны, въ 8 и даже 12 разъ гуще населенныя Россіи, голода̀, подобные мною описанному, случаются чрезвычайно рѣдко и преимущественно между городскимъ пролетаріатомъ. Къ несчастью невѣжество и нищета нашихъ крестьянъ такъ между собою связаны, что безъ устраненія одного изъ этихъ золъ нельзя устранить другаго. Безъ собственныхъ денежныхъ средствъ крестьянъ, ни правительство, ни земство не въ состояніи будутъ завести сельскія школы. Съ другой стороны, можетъ ли забота объ образованіи идти въ голову тѣмъ людямъ, вся жизнь которыхъ проходитъ между двумя

страхами: остаться безъ насущнаго хлѣба, или же не уплатить повинностей и слѣдовательно подвергнуться разоренію чрезъ продажу скота и другаго имущества. Нынѣшняя нищета крестьянъ обусловливаетъ надолго ихъ умственное невѣжество, а ихъ невѣжество, въ свою очередь, будетъ длить неопредѣленное время жалкое состояніе ихъ хозяйственнаго быта.

Пьянство есть безспорно одна изъ частныхъ причинъ нищеты и нравственной распущенности многихъ крестьянъ; но, судя по всему, что̀ я видѣлъ собственными глазами, посѣщая деревню подрядъ три лѣта и въ трехъ различныхъ губерніяхъ, я долженъ заключить, что распространенное у насъ мнѣніе о повальномъ будто бы пьянствѣ крестьянъ чрезвычайно преувеличено и несправедливо. Большинство нашихъ крестьянъ пьетъ урывками, по праздникамъ, и въ это время многіе изъ нихъ напиваются до безобразія. Въ базарные дни подгородные мужики возвращаются изъ города обыкновенно въ пьяномъ видѣ. Но, во время моихъ поѣздокъ по деревнямъ, никогда и нигдѣ я не видалъ, чтобы крестьяне пьянствовали въ будни и въ рабочую пору, исключая дней, слѣдующихъ за большими праздниками, когда нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ обычай опохмѣляться. Правда, въ каждой почти деревнѣ найдется нѣсколько человѣкъ горькихъ пьяницъ, которые пьютъ и въ будни, и въ праздникъ. Этими-то пьяницами и поддерживается худая молва о повальномъ будто бы пьянствѣ всего крестьянства. Зато, на ряду съ пьянствующими мужиками, въ каждой деревнѣ найдется еще болѣе такихъ, которые дали себѣ зарокъ вовсе не пить водки. Наконецъ я видѣлъ цѣлыя деревни, несоглашающіяся имѣть у себя кабакъ и ведущія вполнѣ трезвую жизнь. Что̀ касается собственно описываемой мною мѣстности, то ее можно причислить къ самымъ трезвымъ. Очень вѣроятно, что главною тому причиною служитъ постоянная бѣдность и безденежье здѣшнихъ крестьянъ, удаленіе ихъ отъ большихъ дорогъ и промышленныхъ пунктовъ и вообще рѣдкое сближеніе ихъ съ постороннимъ міромъ. Однако постоянно возрастающій наплывъ евреевъ въ эту мѣстность непремѣнно долженъ отразиться увеличеніемъ пьянства и нищеты въ народѣ. Евреи мало по малу раскидываютъ уже здѣсь свои сѣти, въ образѣ шинкарей,

мелкихъ торговцевъ, винокуровъ, арендаторовъ мельницъ и почтсодержателей. Безденежье помѣщиковъ и безвыходная подавленность здѣшнихъ крестьянъ налогами какъ нельзя болѣе имъ на руку. Никто не умѣетъ такъ пользоваться слабостями и бѣдностію крестьянъ, какъ евреи; въ качествѣ шинкарей, они спаиваютъ и обираютъ крестьянъ преимущественно тѣмъ, что отпускаютъ водку въ долгъ, насчитывая огромный ростъ, и принимаютъ вмѣсто денегъ все, что̀ ни принесетъ имъ мужикъ изъ своихъ пожитковъ. Въ западныхъ губерніяхъ не рѣдко можно видѣть, что даже крестьянскія куры состоятъ въ закладѣ у шинкарей: мужикъ долженъ кормить куръ, а еврей пользуется ихъ яицами. Въ нынѣшнемъ году здѣшнимъ крестьянамъ уже не до пьянства. Хотя по праздникамъ кабаки бывали по обыкновенію биткомъ набиты народомъ, но пили мало, немногіе бывали едва навеселѣ и я, за цѣлый мѣсяцъ моего здѣсь пребыванія, встрѣтилъ одного лишь пьянаго. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что крестьяне, даже въ столь бѣдственное для нихъ время, посѣщали кабаки: выпить и даже быть навеселѣ можно за гривенникъ, а чтобы купить пудъ муки, надобно было заплатить рубля полтора, да еще ѣхать для этого въ уѣздный городъ. Притомъ же, какъ я упоминалъ въ предыдущей статьѣ, всѣ сдѣлки между крестьянами по займу хлѣба заключаются въ кабакахъ, ибо деревенскіе заимодавцы ничего не даютъ безъ угощенія. Едва ли я буду далекъ отъ истины, если сдѣлаю слѣдующее заключеніе о потребленіи водки нашими крестьянами. Деревни, пьющія повально и разоряющія себя пьянствомъ, составляютъ частные и сравнительно весьма рѣдкіе случаи въ огромной массѣ нашего крестьянства; существованіе такихъ деревень я допускаю только на основаніи слуховъ, но самому мнѣ никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго. Несравненно чаще можно встрѣчать деревни, потребляющія водку въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Въ каждой почти деревнѣ есть нѣсколько крестьянъ, предающихся безпутному пьянству. Судя по отзывамъ помѣщиковъ и по офиціальнымъ свѣдѣніямъ о потребленіи водки въ различныхъ мѣстностяхъ, можно заключать, что число пьяницъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ легче заработываются крестьянами деньги въ извѣстной мѣстности: къ наиболѣе пьющимъ мѣстностямъ

принадлежатъ восточныя хлѣбородныя губерніи, а также нѣкоторыя центральныя, какова напримѣръ Рязанская. Огромное большинство крестьянъ пьетъ урывками, по праздникамъ и при особыхъ случаяхъ, при чемъ многіе изъ нихъ напиваются до излишества. Этотъ урывчатый способъ питья большими пріемами и наноситъ наибольшій вредъ крестьянамъ, въ нравственномъ и вещественномъ отношеніи. Онъ ослабляетъ физическія ихъ силы; доводя крестьянъ до самозабвенія, онъ бываетъ причиною многихъ безобразій въ ихъ семейномъ и общественномъ быту, а иногда увлекаетъ ихъ даже въ преступленія; при множествѣ существующихъ у насъ праздниковъ и при обычаѣ опохмѣляться на другой день, немалое количество дней уходитъ на прогулы въ самую рабочую пору. Но всего разорительнѣе такой способъ питья въ томъ отношеніи, что крестьянинъ, выпившій не въ мѣру и помутившійся въ своихъ мысляхъ, дѣлается жертвою кабачника, тащитъ къ нему и свой тулупъ, и мѣрку овса или ржи, и десятокъ яицъ, и лошадиный хомутъ, а иногда отдаетъ и свой хлѣбъ, стоящій еще на корню; при этомъ кабачникъ и обмѣриваетъ его на водкѣ, и обсчитываетъ на деньгахъ, прибавляя вчетверо и впятеро противъ то̀го, что̀ выпито. Нѣсколько недѣль трезвой и даже полуголодной жизни не могутъ уже поправить изъяна, причиненнаго въ здоровьѣ и въ карманѣ крестьянина однимъ или двумя днями такого безпутнаго пьянства. Крестьяне имѣютъ своеобразный взглядъ на пьянство. Они сознаютъ, что въ водкѣ ихъ гибель; но въ то же время чувствуютъ, что имъ трудно противостать роковой необходимости, увлекающей ихъ къ питью. Они часто борятся съ собою, видя на сосѣдяхъ примѣры разоренія черезъ пьянство; зная по опыту, что, начавши пить, трудно положить мѣру питья, они не рѣдко вовсе отказываются отъ употребленія водки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они смотрятъ вообще снисходительно на пьяницъ и разорившихся гулякъ. Мнѣ случалось иногда толковать съ крестьянами объ ихъ страсти къ водкѣ; въ этихъ случаяхъ они разсуждаютъ обыкновенно въ такомъ смыслѣ: „Какъ же и не выпить въ праздникъ, проработавъ цѣлую недѣлю; а зимой, въ извозѣ, цѣлый день на стужѣ, вѣдь закоченѣешь, если не выпьешь шкаликъ-другой; пьемъ мы отъ своихъ трудовъ и нечего насъ этимъ

попрекать“. Въ другой разъ я слышалъ такое разсужденіе: „Вотъ ты, баринъ, видишь, какъ мужикъ пропадаетъ отъ водки, а того не видишь, какъ онъ гибнетъ отъ нужды и работы. А по нашему это еще не бѣда, когда мужикъ спивается и умираетъ: значитъ, было еще на чтò пить: а вотъ то бѣда, когда нашъ братъ чахнетъ и сваливается съ работы да съ нужды“. Нельзя не признать, что въ этихъ разсужденіяхъ есть своего рода логика, хотя жестокая и печальная логика. Въ самомъ дѣлѣ, когда вспомнишь труженическую и бѣдную жизнь нашихъ крестьянъ, а особенно когда вспомнишь ихъ глубокую умственную темноту, дѣлающую недоступными для нихъ никакія благородныя развлеченія человѣческаго духа, то невольно согласишься, что страсть нашего простонародія къ водкѣ вызывается необходимостью. Дайте крестьянину религію и просвѣтите умъ его ученіемъ, помогите ему выдти изъ состоянія осѣдлаго пролетарія, наконецъ водворите въ деревняхъ и городахъ власть закона противъ нарушеній нравственности и благочинія — и тогда вы несомнѣнно увидите, что хотя потребленіе водки не уничтожится, быть можетъ въ годовомъ итогѣ даже увеличится, но безобразное пьянство, урывками и до самозабвенія, будетъ встрѣчаемо какъ рѣдкое исключеніе. Если же, при настоящемъ невѣжественномъ состояніи крестьянина, при его безъисходной нищетѣ, отнимающей у него побужденіе къ дѣланію сбереженій, наконецъ при всеобщемъ у насъ своеволіи и распущенности низшихъ сословій, если при всѣхъ этихъ условіяхъ, столь уже благопріятныхъ для развитія пьянства, непомѣрно еще размножаются мѣста распивочной продажи, на каждомъ шагу представляющія неодолимое искушеніе для крестьянина, то надобно еще удивляться стойкости нашихъ крестьянъ, тому, что они не предаются повседневному и поголовному пьянству и не пропиваютъ всѣхъ своихъ лошадей и коровъ, какъ самоѣды пропиваютъ часто всѣхъ своихъ оленей. Одно увеличеніе матеріальныхъ средствъ крестьянъ еще не въ состояніи сдѣлать ихъ болѣе трезвыми и нравственными. Замѣчается даже прискорбное, но весьма естественное явленіе, что нашъ простолюдинъ чѣмъ болѣе богатѣетъ, тѣмъ становится пьянѣе и безнравственнѣе: бѣднякъ напивается по праздникамъ, а денежный простолюдинъ бы-

ваетъ не рѣдко пьянъ семь дней въ недѣлю. Мѣстности, гдѣ крестьянамъ легче достаются деньги, бываютъ попреимуществу самыми пьяными и буйными. Извѣстно также всякому, какимъ безпробуднымъ пьянствомъ и дерзкимъ своеволіемъ отличаются многіе изъ зажиточныхъ сельскихъ промышленниковъ, каковы: дворники, цѣловальники, ямщики, содержащіе такъ называемыхъ передаточныхъ лошадей, а также большинство разжившихся мужиковъ и мѣщанъ въ городахъ. Все это только доказываетъ, что безъ религіи и умственнаго образованія самый избытокъ состоянія служитъ источникомъ развращенія и подаетъ заразительный примѣръ меньшимъ братіямъ. Слѣдовательно и пьянство, какъ частная и второстепенная причина крестьянской бѣдности, сводится къ той же общей и коренной причинѣ, отъ которой зависитъ нерадивость и непредусмотрительность нашихъ крестьянъ,—къ ихъ духовному и умственному невѣжеству. Но образованіе крестьянъ, если даже и будутъ приложены о немъ серьезныя попеченія правительства и земства, можетъ придти только съ теченіемъ долгаго времени; между тѣмъ вредныя послѣдствія пьянства для нравственности народа и для его матеріальнаго благосостоянія требуютъ теперь же принятія рѣшительныхъ мѣръ для возможнаго огражденія народа отъ этого зла. Зловредность существующей нынѣ системы продажи вина, какъ всѣмъ извѣстно, заключается въ непомѣрномъ, ничѣмъ неограниченномъ размноженіи питейныхъ домовъ, и потомъ — въ распивочномъ способѣ продажи вина. Питейные дома дѣлаются по праздникамъ мѣстами сборища цѣлой деревни; крестьяне другъ друга подзадориваютъ къ питью и другъ передъ другомъ щеголяютъ удалью въ пьянствѣ; кабачники, съ своей стороны, употребляютъ всѣ ухищренія, чтобы подолѣе задержать своихъ гостей въ кабакѣ и заставить ихъ выпить какъ можно больше. Запрещеніемъ держать въ кабакахъ скамьи и столы нельзя ничего достигнуть: при существованіи кабака въ каждой маленькой деревушкѣ и нѣсколькихъ кабаковъ въ большихъ деревняхъ, крестьянину ничего не значитъ вернуться туда пять разъ на день, пока есть у него силы ходить. Такимъ образомъ весь праздничный день проводится крестьянами въ кабакѣ. Въ этой пьяной компаніи мужикъ въ одинъ день выпиваетъ столько, сколько онъ

не выпилъ бы въ цѣлую недѣлю, если бы бралъ водку на домъ и если бы ему приходилось ходить за ней за нѣсколько верстъ. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо во первыхъ законодательнымъ постановленіемъ ограничить, елико возможно, число питейныхъ домовъ и водочныхъ лавокъ, и во вторыхъ—запретить въ деревняхъ распивочную продажу вездѣ, кромѣ постоялыхъ дворовъ, находящихся на дорогахъ, которыя посѣщаются обозами или поддерживаютъ сообщеніе деревень съ городомъ.

Въ послѣднее время стали появляться такіе досужіе говоруны и писатели, которые стараются увѣрить публику, будто бы, со времени введенія акцизной системы, потребленіе въ народѣ спирта почти не увеличилось и что даже народъ тратитъ теперь на водку менѣе, чѣмъ прежде. Это увѣреніе составляетъ такую же крайность и извращеніе дѣйствительности, какъ и противоположное мнѣніе, распространяемое многими помѣщиками, которые проповѣдуютъ о повальномъ будто бы пьянствѣ нашихъ крестьянъ и этою одною причиною хотятъ объяснить ихъ бѣдность. Оба противоположныя мнѣнія происходятъ частію отъ неумѣнья съ точностію наблюдать существующіе факты, всего же болѣе отъ умышленнаго желанія доказать нѣкоторыя предвзятыя положенія, почему-либо любезныя или выгодныя тѣмъ или другимъ лицамъ. Какъ помѣщики, преувеличивая размѣры и послѣдствія народнаго пьянства, хотятъ этимъ доказать вредъ уничтоженія крѣпостной власти надъ крестьянами, точно такъ же люди, увѣряющіе, что акцизная система нисколько не увеличила въ народѣ пьянства, желаютъ во чтобы то ни стало отстоять достоинства этой системы и мудрость ея составителей. Какъ первое, такъ и второе мнѣніе распространяются, кромѣ лицъ непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, еще особыми, спеціальными глашатаями, усердствующими собственно изъ-за получаемой ими платы. Какъ для подкрѣпленія перваго мнѣнія приводятся разные поразительные и разумѣется несомнѣнные факты и многочисленныя корреспонденціи изъ провинцій отъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, такъ и разсужденіямъ противоположнаго свойства придается видъ яко бы ученой обстановки, съ указаніемъ на офиціальныя цифры, съ цитатами изъ политической экономіи и статистики и съ другими аргументами, имѣющими такую неотразимую

силу — для профановъ. Всѣ эти безкорыстные подвиги на пользу отечества покрываются, въ одномъ случаѣ, вывѣскою консерватизма, въ другомъ — вывѣскою умѣренной либеральности, хотя оба эти почтенныя начала не имѣютъ ничего общаго съ искаженіемъ дѣйствительности. Защитники акцизной системы почему-то пріурочиваютъ ее къ великой реформѣ 19-го февраля и даютъ своимъ разсужденіямъ такой тонъ, какъ будто они, отстаивая эту систему, вмѣстѣ съ тѣмъ защищаютъ освобожденіе крестьянъ и вообще либеральныя начала нынѣшняго времени — все это, разумѣется, ad usum Delphini! Никому конечно не возбраняется упражняться въ подтасовкѣ цифръ и въ построеніи парадоксальныхъ выводовъ; но зло, которое такимъ способомъ стараются замаскировать, нисколько не будетъ этимъ ослаблено. Утверждать, что, со времени введенія акцизной системы, потребленіе водки не увеличилось и что народъ расходуетъ на нее меньше прежняго, значитъ морочить довѣрчивыхъ слушателей и отвергать то, что, къ сожалѣнію, слишкомъ для всѣхъ очевидно и не требуетъ для своего доказательства никакихъ цифръ и мнимо ученыхъ выкладокъ. Что же касается до значенія офиціальныхъ цифръ о количествѣ спирта, оплачиваемаго акцизомъ, то я приведу здѣсь фактъ, переданный мнѣ арендаторомъ одного изъ самыхъ большихъ винокуренныхъ заводовъ въ описываемой мною губерніи. „Могу васъ увѣрить, говорилъ онъ мнѣ, что рѣдкій винокуренный заводчикъ оплачиваетъ акцизомъ весь выкуриваемый имъ спиртъ; большая часть заводовъ выкуриваетъ гораздо больше, чѣмъ сколько по закону имѣетъ право. Это ясно для каждаго, кто сравнитъ акцизъ на вино (въ здѣшней губерніи 1 руб. 80 коп. съ ведра) и стоимость его производства съ его продажною цѣною, которая въ здѣшней мѣстности не доходила выше 3 р. 40 к. даже въ голодную пору. Если бы мы оплачивали акцизомъ все выкуриваемое нами вино, то никакъ не могли бы продавать его такъ дешево; вся наша выгода получается только со спирта, выходящаго безъ акциза, и здѣсь каждое уже ведро доставляетъ намъ значительный барышъ. Я не разумѣю здѣсь перекура, допускаемаго закономъ и зависящаго отъ употребленія хлѣба лучшаго качества или отъ усовершенствованія пріемовъ винокуренія: выгода отъ такого перекура не-

значительна, тѣмъ болѣе, что съ прошедшаго года половина его также оплачивается акцизомъ. Всѣ надсмотрщики у насъ на жалованьи; отъ казны они получаютъ 14 рублей въ мѣсяцъ, а отъ заводчиковъ 25 рублей и болѣе, смотря по производству. Многіе изъ акцизныхъ надзирателей также не брезгаютъ приношеніями отъ заводчиковъ; да притомъ надзирателямъ рѣшительно невозможно усмотрѣть за всѣми продѣлками, на которыя вынуждены теперь пускаться заводчики, въ слѣдствіе непримѣнимости многихъ постановленій о винокуреніи. Заводчики, которые пробовали вести дѣло безъ обмана, не выдерживали соперничества съ остальными и разорились". Въ губернскомъ городѣ мнѣ указывали на одного ловкаго господина, который, пробывъ акцизнымъ надзирателемъ всего три или четыре года, нажилъ, какъ говорятъ, болѣе 50.000 рублей, и, бывъ уволенъ въ отставку, купилъ себѣ значительное имѣніе, гдѣ теперь и благоденствуетъ. Въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ всѣ почти винокурни находятся въ рукахъ евреевъ, корчемство на заводахъ развито въ громадномъ размѣрѣ, какъ говорятъ пріѣзжіе оттуда русскіе чиновники. Самые дѣятельные акцизные чиновники не могутъ усмотрѣть тамъ за винокурами, ибо босоногая еврейская почта извѣщаетъ заводчика объ опасности еще задолго до прибытія ѣдущаго чиновника. Вѣроятно этому корчемству, а не уменьшенію пьянства и не пресловутымъ обществамъ трезвости, какъ думаютъ нѣкоторые, слѣдуетъ приписать умаленіе акцизныхъ сборовъ въ этихъ губерніяхъ. Я даже слышалъ, что закрытіе многихъ заводовъ въ западныхъ губерніяхъ произошло именно отъ того, что честные или боязливые заводчики рѣшительно были не въ состояніи выдерживать соперничества евреевъ, пускавшихъ корчемную водку по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, что офиціальныя цифры винно-акцизныхъ сборовъ нисколько не показываютъ дѣйствительнаго количества вина, потребляемаго въ народѣ, и что нѣтъ никакой возможности узнать даже приблизительно, какъ велико количество спирта, выпускаемаго въ продажу безъ оплаты акцизомъ. Что потребленіе народомъ водки усилилось до чрезмѣрности со времени введенія акцизной и патентной системъ, то это признается самимъ высшимъ правительствомъ: въ высочайше утвержден-

номъ 21-го октября сего 1868 года положенiи комитета министровъ о выдачѣ на будущiй годъ патентовъ на раздробительную питейную продажу, говорится „о мѣрахъ, предполагаемыхъ министерствомъ финансовъ къ сокращенiю числа питейныхъ заведенiй и *чрезмѣрнаго употребленiя народомъ крѣпкихъ напитковъ*". (Въ 1870 г. въ Правительственномъ Вѣстникѣ изложенъ былъ рядъ мѣръ, предлагавшихся министромъ внутреннихъ дѣлъ для предотвращенiя гибельныхъ послѣдствiй чрезмѣрно распространяющагося въ народѣ пьянства; однако, какъ сказано въ этой газетѣ, министерство финансовъ не нашло возможнымъ допустить эти мѣры).

Впрочемъ люди, усиливающiеся защищать акцизную систему посредствомъ отрицанiя факта, для всѣхъ очевиднаго, тратятъ свои заряды попустому: никто, серьезно смотрящiй на дѣло, не думаетъ возлагать на эту систему и ея составителей отвѣтственности за то, въ чемъ означенная система является лишь исполнительнымъ средствомъ, а не коренною причиною. Будетъ ли оставлена нынѣ дѣйствующая акцизная система, будетъ ли воскрешенъ прежнiй откупъ, будетъ ли наконецъ придуманъ какой нибудь новый способъ обложенiя и продажи спиртныхъ напитковъ, всѣ эти способы будутъ почти въ равной степени вредны для народа, какъ скоро для нихъ поставлено будетъ задачею — покрыть *третью часть* государственнаго бюджета посредствомъ распространенiя въ народѣ потребленiя спиртныхъ напитковъ. По росписи на 1868 г. обыкновенныхъ чистыхъ доходовъ ожидалось 355.840.000 руб., изъ нихъ чистаго питейнаго дохода 119.591.000 руб.; валовой же питейный доходъ, безъ вычета изъ него стоимости содержанiя акцизнаго управленiя, исчисленъ въ 128.390.000 руб. Ни въ какой другой странѣ въ мiрѣ питейный доходъ не занимаетъ такого преобладающаго мѣста въ государственномъ бюджетѣ. Пока наше государство не откажется отъ принятаго имъ правила дѣлать изъ питейнаго налога главнѣйшую статью своихъ доходовъ, до тѣхъ поръ, очевидно, всякая система взиманiя сказаннаго налога будетъ направлена къ тому, чтобы выбрать изъ народа возможно бóльшее количество денегъ, посредствомъ продажи спиртныхъ напитковъ. Отказаться же отъ упомянутаго правила для госу-

дарства иначе невозможно, какъ чрезъ значительное уменьшеніе своихъ расходовъ и въ то же время чрезъ коренное преобразованіе системы прямыхъ налоговъ, о чемъ было уже говорено мною въ одной изъ предъидущихъ главъ. Когда этими двумя путями доставлена будетъ рабочимъ классамъ возможность улучшить ихъ матеріальное благосостояніе, тогда, естественнымъ образомъ, возрастетъ между ними и потребленіе вина, а слѣдовательно питейный доходъ казны, сперва быть можетъ незначительный, будетъ постепенно увеличиваться. Но доходъ этотъ будетъ уже основанъ на правильномъ и умѣренномъ потребленіи спиртныхъ напитковъ въ домашнемъ быту народа, другими словами — на народномъ достаткѣ; тогда какъ нынѣшній громадный доходъ съ питей основанъ собственно на пьянствѣ и народномъ обѣдненіи, и поддерживается единственно непомѣрнымъ размноженіемъ кабаковъ и распивочнымъ способомъ продажи питей. Прежняя откупная система была также основана на спаиваніи народа; новая акцизно-патентная, удержавъ распивочный способъ продажи питей, размножила еще болѣе число кабаковъ и другихъ мѣстъ раздробительной продажи: явилось больше соблазна для народа и больше лицъ, занимающихся его спаиваніемъ. Сверхъ того удешевленіе водки, происшедшее какъ отъ вольной ея продажи, такъ и отъ развитія корчемства на многихъ винокуренныхъ заводахъ, прибавило еще новую, сильную приманку къ пьянству.

Спрашивается, сколько приблизительно народъ тратитъ на водку? По свѣдѣніямъ департамента неокладныхъ сборовъ, въ 1867 г. оплачено акцизомъ 2.258.835.000 градусовъ спирта, т. е. 59.443.029 ведеръ полугара въ 38%, и сверхъ того получено на заводахъ перекура 5.416.000 ведеръ, а всего показано 64.859.029 ведеръ. Количество вина, выпущеннаго тайнымъ образомъ, конечно неизвѣстно. Принимая въ соображеніе, что заводчики считаютъ незначительнымъ тотъ барышъ, который получается ими съ законнаго перекура, равнаго въ среднемъ выводѣ 10% акцизнаго вина, допустимъ, что и незаконная выкурка составляетъ также не болѣе 10% всего показываемаго по вѣдомостямъ вина, или 6.486.900 ведеръ: все количество выпускаемаго въ продажу вина будетъ тогда равняться 71.344.929

ведрамъ полугара. Это количество вина выпивается взрослымъ мужскимъ населенiемъ Россiи, такъ какъ употребленiе вина женскимъ поломъ составляетъ рѣдкое исключенiе. Въ настоящее время мужское населенiе Европейской Россiи и Сибири (Кавказъ и Привислинскiя губернiи не входятъ въ расчетъ) считается около 33 мил. душъ; дѣти и юноши до 16-ти лѣтняго возраста составляютъ, по таблицамъ академика Буняковскаго, $^2/_5$ этого количества: слѣдовательно взрослое поколѣнiе равно 19.800.000 душъ. Раздѣляя приведенное выше количество вина на это послѣднее число, получимъ, что каждый взрослый мужчина выпиваетъ въ годъ $3^3/_5$ ведра, или 36 штофовъ полугара. Покупка вина ведрами (отъ 3 руб. до 4 руб. за ведро) дѣлается въ народѣ довольно рѣдко, при особыхъ случаяхъ; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ оно продается раздробительными мѣрами и распивочно, и при этомъ обходится покупателямъ обыкновенно дороже 5 руб. за ведро (я вездѣ разумѣю полугаръ въ 38 проц., который весьма часто продается по 6 руб.). Итакъ у насъ каждый взрослый мужчина расходуетъ на водку болѣе 18 руб. въ годъ (на ревизскую же душу приходится 2,16 ведра или болѣе 10 руб. 80 коп.). Правда, я не принялъ въ расчетъ, что нѣкоторое количество спирта идетъ у насъ на различныя производства, и притомъ я предполагалъ, что все потребляемое вино покупается народомъ исключительно въ раздробительныхъ мѣрахъ; но во первыхъ расходъ спирта на производства долженъ быть весьма незначителенъ въ сравненiи съ потребленiемъ его въ видѣ вина и водокъ; покупка вина ведрами, какъ я уже замѣтилъ, дѣлается народомъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; а съ другой стороны надобно не забывать, что въ образованныхъ классахъ хлѣбное вино потребляется въ весьма маломъ количествѣ: слѣдовательно отнюдь не будетъ преувеличенiемъ, если мы, не принимая въ расчетъ расхода спирта на производства и покупки вина ведрами, предположимъ зато, что оно всѣми классами потребляется равномѣрно, другими словами — что каждый рабочiй мужчина изъ простаго народа выпиваетъ въ годъ 36 штофовъ или 360 чарокъ полугара, цѣною на 18 руб. Для рабочаго человѣка употребленiе вина по одной чаркѣ въ день конечно можетъ быть названо вполнѣ умѣреннымъ, если бы сказанное

количество дѣйствительно употреблялось равномѣрно въ теченіе цѣлаго года; хотя съ другой стороны, *при крайней бѣдности нашего простаго народа*, расходъ въ 18 р. на рабочую душу, или въ 10 р. 80 коп. на ревизскую, нельзя не признать расходомъ разорительнымъ: онъ немногимъ уступаетъ суммѣ всѣхъ повинностей, платимыхъ крестьянами и равняющихся среднимъ числомъ отъ 14 до 15 руб. на ревизскую душу. Такъ какъ мы плохо знаемъ наши русскія условія и много читаемъ про то, что̀ дѣлается за морями, то у насъ завелся обычай ссылаться во всемъ на Англію, на Америку, и на основаніи такихъ примѣровъ дѣлать сплеча заключенія и о нашемъ любезномъ отечествѣ. Въ Англіи, говорятъ нѣкоторые, народъ употребляетъ спиртныхъ напитковъ относительно болѣе, чѣмъ въ Россіи, и однако англійскій народъ отъ этого не разоряется, а напротивъ того богаче всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ; отсюда выводятся разныя утѣшительныя заключенія о незначительности употребленія спиртныхъ напитковъ въ нашемъ отечествѣ и столь же утѣшительныя предсказанія о томъ, что съ развитіемъ прогресса употребленіе это должно непремѣнно усилиться. При этомъ забывается одно соображеніе, именно, что англійскій народъ потому именно и выпиваетъ много, что онъ народъ богатый, что тамошній рабочій получаетъ большую заработную плату, не платитъ личныхъ налоговъ, живетъ съ комфортомъ, о которомъ наши мужики не имѣютъ и понятія, что наконецъ и въ Англіи большое потребленіе спиртныхъ напитковъ условливается не одною достаточностію народа, а также и чрезмѣрнымъ развитіемъ пьянства въ нижнемъ сословіи, преимущественно въ средѣ многочисленнаго класса фабричныхъ рабочихъ; на это зло давно уже указываютъ и писатели, и государственные люди Англіи, видя въ немъ серьезную опасность для благоденствія страны, а отнють не предметъ для ликованій и взаимныхъ поздравленій. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ неосновательно сравнивать англійскаго поселянина, моряка или даже фабричнаго рабочаго съ русскимъ мужикомъ, который круглый почти годъ не видитъ говядины, живетъ въ хижинѣ, много уступающей по своимъ удобствамъ англійскимъ хлѣвамъ и конюшнямъ, и, за уплатою повинностей, остается большею частью безъ копейки запасныхъ денегъ

на черный день. Не въ томъ однако главнѣйшее зло, что нашъ крестьянинъ выпиваетъ въ годъ 36 штофовъ водки, которые стоятъ 18 рублей, а въ способѣ самаго питья. Это количество водки выпивается имъ не въ 360 пріемовъ, а въ какіе нибудь 30 или много 40 пріемовъ; кабачники, посредствомъ обмѣровъ, обсчитываній, разбавленія вина водой и пріема вещей и пожитковъ вмѣсто денегъ, заставляютъ крестьянина выплачивать за эту водку не 18 р., а гораздо болѣе, заставляютъ его разстроивать свое хозяйство, здоровье и растлѣвать свою нравственность. Вотъ это и есть дань, платимая народомъ собственно за пьянство, въ пользу кабачниковъ, сверхъ тѣхъ 128.390.000 рублей (т. е. 6 р. 48 коп. съ рабочей души), которые онъ платитъ казнѣ въ видѣ питейнаго налога, и тѣхъ приблизительно 50 милліоновъ, которыми онъ оплачиваетъ заводчикамъ стоимость и барыши винокуренія. Нѣтъ никакой возможности вычислить, какъ велика вся эта жертва, приносимая Молоху русскимъ народомъ въ этихъ капищахъ пьянства, обѣднѣнія и разврата, которыя такою щедрою рукою разсыпаны по городамъ и весямъ нашего отечества. Цифры 36 штофовъ или 18 рублей на рабочую душу имѣютъ впрочемъ значеніе только *среднихъ* приблизительныхъ выводовъ, но не показываютъ дѣйствительнаго распредѣленія между народомъ вина и расходовъ на него. Между крестьянами и вообще простолюдинами есть много людей совершенно непьющихъ; есть цѣлыя деревни, употребляющія водку въ самомъ умѣренномъ количествѣ, гдѣ и въ праздники рѣдкій мужикъ бываетъ навеселѣ, за исключеніемъ конечно нѣсколькихъ записныхъ гулякъ. Слѣдовательно то, чего не допиваютъ эти тысячи трезвыхъ крестьянъ, идетъ на перепой остальнымъ, и наконецъ между этими остальными есть меньшинство, состоящее изъ отпѣтыхъ пьяницъ, разоряющихъ себя и свои семейства и служащихъ закваскою распущенности и безпорядка въ деревняхъ. Если средній расходъ на водку составляетъ въ нашемъ простонародьѣ не менѣе 18 руб. на рабочую душу, то можно себѣ представить, сколько тратится на этотъ предметъ тѣмъ меньшинствомъ, которое собственно и слѣдуетъ назвать пьяною и распущенною частью нашего народа. Искушенія во образѣ кабаковъ разставлены нашему народу на каждомъ

шагу, въ городахъ и деревняхъ, а силъ сдерживающихъ не существуетъ никакихъ, ни въ нравственномъ, ни въ гражданскомъ бытѣ народа, предоставленнаго одному влеченію своего невѣжества и произвола. Какъ бы ни была стойка и добропорядочна въ основѣ природа нашихъ крестьянъ, но не всѣ изъ нихъ въ состояніи преодолѣвать себя, будучи поставлены въ столь роковыя условія. Именно только стойкость и добропорядочность русской натуры, отерпѣвшейся въ борьбѣ съ обстоятельствами, спасаютъ наше простонародье отъ повальнаго и повседневнаго пьянства, о которомъ угодно провозглашать столь многимъ, охотно преувеличивающимъ размѣры зла, но невидящимъ его истинныхъ причинъ. Въ заключеніе остается прибавить, что винокуреніе, несоотвѣтствующее, въ настоящихъ его размѣрахъ, экономическому богатству нашего народа и опирающееся на искусственное распространеніе въ народѣ потребленія водки, привлекаетъ къ себѣ огромное количество хлѣба, т. е. именно того жизненнаго средства, недостатокъ котораго такъ часто чувствуется нашимъ народомъ. Кабаки и винокурни, непомѣрно расплодившіеся у насъ съ 1863 г., т. е. со введенія акцизной системы, одною рукою отнимаютъ у народа хлѣбъ, въ которомъ онъ нуждается, а другою обираютъ у него деньги и пожитки и растлѣваютъ его нравы. Болѣе хищническаго и безнравственнаго порядка въ народной экономіи нельзя себѣ и представить.

Недавно, какъ я слышалъ, кто-то извѣстный въ кружкѣ нашихъ политико-экономистовъ составилъ проектъ о томъ, чтобы, въ видахъ воспособленія земству, передать въ его завѣдываніе винно-акцизные сборы. Вино съ заводовъ будетъ поступать, какъ при прежнемъ откупѣ, въ казенные склады, откуда оно будетъ выбираться земскими управами, по установленной правительствомъ цѣнѣ, и перепродаваться виннымъ торговцамъ; управы сами уже будутъ смотрѣть за заводчиками и продавцами, чтобы не было корчемства и другихъ злоупотребленій. Въ вознагражденіе за сіе, проектъ отсчитываетъ въ пользу земства тѣ 8.800.000 р., въ которые обходится теперь содержаніе винно-акцизнаго управленія, и сверхъ того обѣщаетъ, кажется, барыши собственно отъ перепродажи вина. Вся эта новая акцизно-земско-откупная операція будетъ вестись подъ верховнымъ наблюденіемъ

земскихъ собраній. Проектъ, какъ говорятъ, былъ уже на разсмотрѣніи земства одной губерніи. Можно быть конечно увѣрену, что проектъ этотъ навсегда и останется только проектомъ; я упоминаю о немъ лишь для того, чтобы показать, какой хаосъ понятій существуетъ еще въ нашемъ обществѣ и какія несовмѣстимыя идеи могутъ получать въ немъ ходъ и подвергаться какъ бы серьезному обсужденію. Земство и винный откупщикъ! Съ одной стороны призваніе заботиться о хозяйственномъ процвѣтаніи провинцій и о распространеніи просвѣщенія въ народѣ; съ другой — обязательство выбрать съ этого народа на водкѣ 120 милліоновъ, для возмѣщенія нынѣшняго питейнаго дохода казны, и сверхъ того надежда получить, отъ той же водки, нѣсколько милліоновъ собственно на народное благоустроеніе!

1868 г.

VII.

Чрезмѣрныя денежныя повинности составляютъ одну изъ главныхъ причинъ бѣдности крестьянъ. Оброки и капитальная оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ по Положенію 19-го февраля. Отрѣзки земель. Выкупъ, расчитанный по дѣйствительной стоимости надѣловъ. Посторонніе заработки крестьянъ.

Послѣ невѣжества, другою общею и коренною причиною бѣдности нашихъ крестьянъ слѣдуетъ признать подавленность ихъ чрезмѣрными денежными повинностями. Истощенные и разоренные двухсотлѣтнимъ крѣпостнымъ правомъ, они, тотчасъ по освобожденіи, были обложены новыми, непосильными платежами, которые съ тѣхъ поръ прогрессивно возрастаютъ почти съ каждымъ годомъ. Въ числѣ разнообразныхъ повинностей, уплачиваемыхъ бывшими крѣпостными крестьянами, бóльшую половину составляютъ оброки за пользованіе надѣломъ или же выкупные платежи въ казну, съ добавочною приплатою въ пользу помѣщиковъ; остальную, меньшую половину составляютъ: подушная подать, государственный земскій сборъ, губернскіе и уѣздные земскіе сборы, наконецъ мірскія повинности. Въ главѣ III-й я довольно подробно говорилъ о тягостяхъ и стѣсненіяхъ, вытекающихъ для крестьянъ изъ подушной системы государственныхъ повинностей, а также о томъ, что общая сумма всѣхъ уплачиваемыхъ ими сборовъ превосходитъ чистый доходъ, получаемый ими съ надѣловъ; о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ повинностяхъ я намѣренъ говорить особо, въ одной изъ слѣдующихъ главъ; здѣсь же я остановлюсь собственно на оброкахъ.

По Положенію крестьянскіе надѣлы, какъ извѣстно, оцѣнены повсемѣстно, особенно въ сѣверной полосѣ, дороже дѣйствительной стоимости земель. Въ упоминаемыхъ мною двухъ уѣздахъ крестьяне за $4^1/_2$ дес. надѣла платятъ 8 руб. оброка, т. е., при капитализаціи изъ

6% и при полномъ душевомъ надѣлѣ, каждая десятина оцѣнена въ 29 р. 63 коп., считая здѣсь и пространства, занятыя крестьянскими строеніями и промежутками между дворами (при неполномъ надѣлѣ оцѣнка приходится еще дороже). Но въ этихъ двухъ уѣздахъ *пахотная* земля, конечно не самая отборная, легко можетъ быть покупаема по 10 руб. за десятину; при покупкѣ же цѣлыхъ имѣній, съ лугами, помѣщичьею усадьбою и скотомъ, цѣна обыкновенно бываетъ около 15 р., и только въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до 20 руб. за десятину. Такимъ образомъ крестьянскій надѣлъ, въ которомъ большею частію вовсе не бываетъ луговой, т. е. самой цѣнной земли, и который воздѣланъ и удобренъ собственнымъ вѣковымъ трудомъ самихъ же крестьянъ, поставленъ имъ въ гораздо бо́льшую цѣну, чѣмъ та, по какой можетъ купить здѣсь лучшую землю первый явившійся покупатель, незатратившій на нее прежде ни труда, ни удобренія. Подобный же выводъ получится, если мы сравнимъ подесятинный оброкъ, уплачиваемый крестьянами, съ вольнонаемною платою, существующею здѣсь на землю. Крестьянинъ за каждую десятину надѣла платитъ ежегодно (при полномъ надѣлѣ) 1 руб. 78 к., тогда какъ я знаю здѣсь помѣщиковъ, которые отдаютъ землю въ наемъ по 2 р. за десятину, кругомъ подъ озимый и яровой посѣвъ; слѣдовательно, отсчитывая праздную паровую десятину, они получаютъ съ каждой изъ трехъ десятинъ всего 1 р. 33 к. дохода. Итакъ непрерывный оброкъ, уплачиваемый крестьянами за ихъ надѣлы, превышаетъ наемную плату при арендованіи земли всего на одинъ годъ! Въ самыхъ хлѣбородныхъ и выгодныхъ по мѣстоположенію уѣздахъ средней и южной полосы, ходячая цѣна на землю хотя стала быстро возвышаться со времени освобожденія крестьянъ, но все еще, въ большинствѣ случаевъ, не дошла до той цифры, въ какую оцѣнены крестьянскіе надѣлы по Положенію. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе доходныхъ для землевладѣльцевъ, десятина надѣла оцѣнена въ 54 р. 54 коп.; между тѣмъ въ прошедшемъ 1867 г. одно изъ самыхъ лучшихъ имѣній этого уѣзда, вовсе неимѣющее неудобной земли, пріобрѣтено однимъ моимъ знакомымъ по 45 руб. за десятину, съ превосходною усадьбою, дорогими сельско-хозяйственными постройками и рабочимъ

скотомъ. Годовая наемная плата за землю доходитъ теперь въ этомъ уѣздѣ до 4 р. за десятину въ каждомъ изъ трехъ полей (7 руб. подъ рожь и 5 р. подъ яровое) и слѣдовательно превышаетъ крестьянскій оброкъ, равняющійся 3 руб. 27 к. за десятину, каково бы ни было качество земли. Но надобно замѣтить, что столь сильное возвышеніе наемной платы за землю произошло въ этихъ мѣстностяхъ всего болѣе отъ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, подвергшихся значительной отрѣзкѣ; слѣдовательно это возвышеніе наемной платы ложится на тѣхъ же крестьянъ, которые уплачиваютъ и высокіе оброки за надѣлы. Въ Харьковской губерніи, по показанію одного изъ тамошнихъ мировыхъ посредниковъ, въ 6 лѣтъ послѣ 1861 г., арендная плата съ 1 руб. возросла до 3 р. 50 коп. за десятину, т. е. на 250%. Въ этой губерніи десятина оцѣнена по Положенію отъ 33 р. 33 к. до 50 р., а со скидкою пятой доли при обязательномъ выкупѣ, помѣщикъ получаетъ отъ 26 руб. 67 к. до 40 руб., въ различныхъ уѣздахъ. По замѣчанію того же посредника, сумма эта, даже при потерѣ 20% на курсѣ выкупныхъ бумагъ, все-таки превышаетъ обыкновенную цѣнность земли въ Харьковской губерніи при вольной продажѣ (см. Записки декабриста, Розена). Въ описываемой мною губерніи имѣнія продавались, предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, обыкновенно по 100 руб. за душу, лучшія по 150 руб., и только весьма немногія, извѣстныя въ цѣлой губерніи по богатству угодій и отличному устройству, доходили до 200 руб. за душу. Теперь помѣщикъ, при добровольномъ выкупѣ, получаетъ за душевой надѣлъ 133 руб., а при обязательномъ 107 р. процентными бумагами, да сверхъ того у него остается бо́льшая часть его земли, съ усадьбою, скотомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями. Принимая въ соображеніе потерю на курсѣ выкупныхъ бумагъ, выходитъ, что здѣшніе помѣщики не остаются въ проигрышѣ даже при обязательномъ выкупѣ, если только находятъ покупателей на свои имѣнія. Возьмемъ имѣніе въ 300 душъ, и притомъ самое малоземельное по здѣшней мѣстности, въ которомъ напримѣръ помѣщичьей земли приходится вдвое меньше противъ крестьянской, т. е. крестьянской 1350 дес. (высшій надѣлъ), а помѣщичьей всего 675 дес. (что̀ едва ли здѣсь возможно,

такъ какъ обыкновенно помѣщичьи земли въ этой губерніи обширнѣе крестьянскихъ). Предъ освобожденіемъ обыкновенная цѣна такому имѣнію была 30.000 руб. При обязательномъ выкупѣ помѣщикъ получаетъ за крестьянскій надѣлъ 32.100 руб. выкупными бумагами, что̀, при настоящемъ ихъ курсѣ 82%, обращается въ 26.322 руб. наличными деньгами. За остальныя 675 десятинъ, положимъ, онъ получитъ по 10 руб. за десятину, т. е. 6750 руб., да за усадьбу и скотъ 2000 р. Всего ему очищается 38.750 р., т. е. онъ остается въ барышахъ на 8750 руб. противъ цѣнъ прежняго, крѣпостнаго времени. Если въ губерніяхъ, подобныхъ описываемой, не существуетъ теперь спроса на имѣнія, то его не было и при крѣпостномъ правѣ, и крестьянамъ отъ этого нисколько не легче. Равнымъ образомъ имъ нѣтъ никакого выигрыша отъ того, что выкупныя бумаги ходятъ ниже ихъ именной цѣны: здѣшній крестьянинъ все-таки долженъ уплачивать ежегодно, съ каждаго душеваго надѣла, 8 или 9 р. при оброкѣ, и 6 руб. 42 к. или 7 руб. 20 к. при обязательномъ выкупѣ, а при добровольномъ — внести сверхъ того и дополнительный платежъ. Итакъ нашъ крестьянинъ платитъ оброкъ не за одну землю, но и за полученную имъ личную свободу; въ большей половинѣ Россіи эта вторая часть оброка даже значительно превышаетъ первую. Этотъ-то двойной ростъ, т. е. во первыхъ ростъ за поземельный надѣлъ, и во вторыхъ еще большій ростъ за дарованную ему свободу, крестьянинъ долженъ платить, при оброкѣ, вѣчно, безъ зачета и безъ погашенія капитала, а при выкупѣ — въ теченіе полустолѣтія. Отъ воли помѣщика зависитъ не допустить выкупа и обратить такимъ образомъ долгъ крестьянъ за ихъ надѣлы и души въ долгъ вѣчный и непогашаемый.

Но счастливъ былъ бы нашъ крестьянинъ, если бы только оброкомъ или выкупными платежами ограничивались повинности, уплачиваемыя имъ за свою землю и за свою душу. Съ этихъ двухъ собственностей, или пожалуй временныхъ пользованій (usufructi), уже и такъ дорого оплачиваемыхъ, крестьянинъ долженъ еще вносить: подушную подать (въ среднемъ выводѣ по 1 руб. 75 к. съ души), тяготѣющую надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ; потомъ подушный государ-

ственный земскій сборъ (среднимъ числомъ по 98 к. съ души), уплачиваемый одними податными сословіями; далѣе поземельный сборъ на губернскія и уѣздныя земскія повинности, $^2/_3$ котораго падаютъ на крестьянскіе надѣлы; наконецъ волостные и собственно мірскіе сборы, довольно сложные и по цифрѣ своей значительные. Всѣхъ обязательныхъ платежей, въ описываемыхъ двухъ уѣздахъ, сходитъ съ каждой ревизской души до 14 руб., т. е. до 3-хъ руб. съ десятины надѣла, считая здѣсь и пространства, занятыя строеніями, промежутками между дворами и выгономъ; между тѣмъ годовая наемная плата за землю не превышаетъ въ этихъ уѣздахъ 2 руб. съ десятины (въ Ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ наемная плата за землю составляетъ 4 р., на каждую десятину надѣла падаетъ до 5 р. 45 к. всѣхъ денежныхъ повинностей). Сверхъ того на крестьянахъ же, въ большинствѣ губерній, доселѣ лежатъ и всѣ натуральныя повинности, оцѣненныя податною коммисіею за прежніе годы, предшествовавшіе введенію земскихъ учрежденій, въ $75^1/_2$ коп. на душу. Принимая все это въ соображеніе, едва ли можно сказать, что наши крестьяне *обезпечены* своими надѣлами, если подъ обезпеченіемъ разумѣть не одну возможность перебиваться кое-какъ со дня на день изъ-за одного насущнаго пропитанія и до перваго неурожая, но возможность дѣлать необходимыя сбереженія для улучшенія своего быта и на случай различныхъ непредвидимыхъ бѣдствій. Спустя полтора года послѣ того, какъ появились въ печати приводимые здѣсь выводы, я имѣлъ случай убѣдиться въ ихъ вѣрности. Въ 1870 г. вышла въ свѣтъ интереснѣйшая книга: „Сводъ свѣдѣній о смѣтахъ и раскладкахъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ въ 30-ти губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія“, составленная по офиціальнымъ даннымъ членомъ податной коммисіи Руковскимъ. Изъ этого свода видно, что въ 30 сказанныхъ губерніяхъ на каждую десятину крестьянскихъ надѣловъ падаетъ, въ среднемъ выводѣ: подушной подати 40,7 коп.; государственнаго земскаго сбора 18,8 коп.; государственнаго общественнаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 8,1 коп.; губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ 6,8 коп.; оброчной подати съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 79 к.; выкупныхъ платежей (безъ дополнительныхъ)

съ бывшихъ крѣпостныхъ, перешедшихъ на выкупъ, 1 руб. 86 коп. Итого получается, что бывшіе государственные крестьяне платятъ съ десятины 1 р. 53 к., а бывшіе крѣпостные, перешедшіе на выкупъ, 2 р. 52 к., не считая лѣсной подати съ государственныхъ крестьянъ, ни мірскихъ сборовъ съ бывшихъ помѣщичьихъ, ни рекрутскихъ, паспортныхъ, страховыхъ и другихъ сборовъ съ тѣхъ и другихъ, а также натуральныхъ повинностей. Платежи временно-обязанныхъ, т. е. состоящихъ на оброкѣ крестьянъ должны дать въ среднемъ выводѣ еще болѣе значительныя цифры; въ частныхъ случаяхъ они составляютъ, какъ сказано выше, въ двухъ посѣщенныхъ мною губерніяхъ различныхъ полосъ: въ одной до 3 р., а въ другой до 5 р. 45 коп. съ десятины.

При существующихъ повинностяхъ, надѣлы не только не обезпечиваютъ крестьянъ, но не рѣдко составляютъ для нихъ бремя, отъ котораго они всячески ищутъ отдѣлаться. Присутствуя нынѣшнимъ лѣтомъ на волостномъ судѣ, я былъ свидѣтелемъ, какъ крестьяне одного общества упорно отказывались взять надѣлъ одного изъ своихъ односельцевъ, котораго судъ приговорилъ освободить отъ надѣла, во вниманіе къ его неизлечимой болѣзни и одиночеству. Освобожденный крестьянинъ бралъ на себя подушную подать и мірскую повинность, отказываясь только отъ оброка и земскихъ повинностей; несмотря на то, никто не хотѣлъ взять его надѣла и каждый отговаривался тѣмъ, что онъ и безъ того уже обремененъ большимъ числомъ душевыхъ участковъ. Когда судьи все-таки приговорили *наложить* надѣлъ на одного крестьянина, имѣвшаго на свой дворъ менѣе душевыхъ участковъ, чѣмъ прочіе, то онъ запальчиво объявилъ, что ни пахать этой нивы, ни платить за нее повинностей не будетъ. Одинъ изъ судей, бойкій и разумный (голосъ котораго только и былъ слышанъ на судѣ, прочимъ нѣмотствующимъ), сказалъ: „мы тебя заставимъ платить, будемъ пороть“. — „Не заставите ничѣмъ, брошу дворъ и уйду, куда глаза глядятъ, а пахать этой нивы не стану“. Подобные отказы отъ принятія опроставшихся надѣловъ случаются, какъ я слышалъ, безпрерывно и въ другихъ нечерноземныхъ губерніяхъ. Къ тому же роду явленій относится почти всеобщее теперь у крестьянъ стремленіе къ

переселенію въ какія-то дальнія, даже и по имени не всегда имъ извѣстныя губерніи, на казенныя земли, гдѣ не будетъ, по ихъ мнѣнію, никакого оброка, ни выкупа. Желаніе освободиться отъ оброка, соединеннаго съ обязательнымъ надѣломъ, а равно и отъ всѣхъ неудобствъ общиннаго пользованія землею, заставляетъ достаточныхъ крестьянъ покупать себѣ землю на сторонѣ и отказываться отъ участія въ надѣлѣ. Наконецъ достойно замѣчанія, что во множествѣ имѣній средней и южной полосы крестьяне доселѣ предпочитаютъ оставаться на барщинѣ, нѣкогда столь имъ ненавистной, и отбываютъ ее весьма удовлетворительно, изъ опасенія, чтобы ихъ не перевели на оброкъ. Два года тому назадъ, въ Рязанской губерніи около одной трети крестьянъ оставалось еще на барщинѣ. Бывъ въ прошедшемъ 1867 г. въ другой изъ губерній средней полосы, я самъ слышалъ, какъ крестьяне нѣкоторыхъ деревень горько сожалѣли о томъ, что вышли на оброкъ. Но еще больше горевали тѣ крестьяне, которые переведены на выкупъ: уплату оброка крестьяне не рѣдко оттягиваютъ, пользуясь то снисходительностію помѣщиковъ, то бездѣйствіемъ властей при взысканіи оброчныхъ недоимокъ; взысканіе же выкупныхъ платежей и вообще казенныхъ сборовъ производится съ нѣкотораго времени съ особою строгостію. Въ упоминаемой губерніи средней полосы только и слышно было прошедшимъ лѣтомъ о продажѣ съ публичнаго торга крестьянскаго скота, сбруи и прочаго скарба; продавались даже крестьянскія куры; отбираемы даже были въ сундукахъ женскіе наряды и украшенія, что̀ въ особенности убивало и раздражало крестьянъ.

Вотъ краснорѣчивыя и достойныя всякаго вниманія явленія, указывающія на то, что налоги, лежащіе на крестьянскихъ надѣлахъ и податныхъ душахъ, въ большинствѣ случаевъ превышаютъ средства крестьянъ и своимъ давленіемъ почти уничтожаютъ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыхъ слѣдовало бы ожидать для крестьянскаго хозяйственнаго быта отъ упраздненія крѣпостнаго права. Нашихъ крестьянъ никакъ нельзя упрекнуть, чтобы они много тратили на собственное иждивеніе. Напротивъ того, пища, ими употребляемая, только что достаточна для поддержанія ихъ рабочихъ силъ, а ихъ одежда едва защищаетъ ихъ отъ суровости климата; только употреб-

леніе водки обходится имъ довольно дорого сравнительно съ ихъ бѣдными достатками. Но какъ бы крестьянинъ ни суживалъ свои личныя потребности, какъ бы ни былъ онъ трезвъ и работящъ, можетъ ли онъ спастись отъ разоренія, когда у него продадутъ за казенныя или оброчныя недоимки его скотъ, который онъ ростилъ и прикупалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и въ которомъ вся его надежда, ибо въ бо́льшей половинѣ Россіи земля безъ удобренія едва возвращаетъ посѣянныя зерна. А какъ крестьянину избѣжать недоимокъ, когда прежній его надѣлъ обрѣзанъ, когда съ полученнаго имъ участка онъ долженъ платить повинностей болѣе, чѣмъ сколько этотъ участокъ можетъ дать дохода (за вычетомъ прокормленія семьи), когда каждый неурожайный годъ, каждый случившійся падежъ скота, каждая смерть или продолжительная болѣзнь рабочей души въ семействѣ могутъ повергнуть все семейство въ неоплатные долги на одно собственное прокормленіе? Я уже упоминалъ прежде, что въ описываемой мною губерніи для крестьянъ, выпущенныхъ на выкупъ, единственнымъ источникомъ для уплаты выкупныхъ платежей служатъ конопляники, такъ какъ полевой надѣлъ едва достаточенъ для ихъ прокормленія и для уплаты казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей: потому-то употребленіе коноплянаго масла считается здѣсь роскошью, которой крестьяне не смѣютъ себѣ позволить. Если въ земледѣльческихъ губерніяхъ многіе крестьяне согласились отказаться отъ трехъ четвертей надѣла и взять такъ называемый сиротскій надѣлъ, т. е. даровую четверть высшаго душеваго участка, то это объясняется единственно непомѣрною тяжестію оброка, наложеннаго на ихъ надѣлы. Но они попали при этомъ изъ огня въ полымя: въ земледѣльческихъ и густо населенныхъ губерніяхъ высшіе надѣлы постановлены весьма незначительные и спускаются до 3, даже до $2^3/_4$ дес.; четвертая часть такого надѣла не въ состояніи даже прокормить крестьянскаго семейства, а между тѣмъ подушные платежи, т. е. казенныя и мірскія повинности, остались на этихъ крестьянахъ тѣ же самые, какіе были и при полномъ надѣлѣ. Такъ напримѣръ въ Ефремовскомъ уѣздѣ сиротскій надѣлъ составляетъ $^2/_3$ дес. на душу, считая здѣсь и усадебную землю, и на этомъ клочкѣ лежитъ до 5 р. 70 к. обязательныхъ повинностей! Понятно,

что такіе крестьяне, убѣгая отъ непосильнаго оброка, попали въ ловушку и должны теперь нанимать у помѣщиковъ землю по цѣнѣ, какую бы тѣ ни назначили. Прежде въ барщинныхъ имѣніяхъ, то есть въ двухъ третяхъ крѣпостнаго населенія, крестьянинъ почти не видалъ денегъ, почти никогда не оставлялъ своей деревни и не зналъ никакого другаго промысла, кромѣ земледѣлія: теперь разомъ съ него потребовали денегъ, денегъ и денегъ; и земля, и душа его оцѣнены, капитализированы и обложены, въ пользу помѣщиковъ и государства, ростомъ, все болѣе и болѣе растущимъ и предѣлъ котораго скрывается въ отдаленной и довольно мрачной будущности. Печальныя послѣдствія такого положенія отражаются не только на хозяйствѣ крестьянъ, но и на ихъ нравственномъ настроеніи, производя у нихъ съ одной стороны упадокъ духа и усиленіе ихъ врожденной безпечности, а съ другой — вызывая у нихъ нелѣпыя надежды и враждебное расположеніе къ помѣщикамъ и даже иногда къ самому правительству. Крестьяне сами себя сознаютъ пролетаріями и считаютъ, что, въ случаѣ нужды, ихъ должны кормить царь и помѣщики. „Вѣдь мы же платимъ царю и помѣщикамъ, говорили мнѣ крестьяне на волостномъ сходѣ; такъ, когда мы въ нуждѣ, имъ и слѣдуетъ помочь намъ". Напрасно я имъ говорилъ, что прокормить всю губернію невозможно, что у царя нѣтъ столько лишнихъ денегъ, что подати идутъ на содержаніе войска и всего государства. „Статочное ли это дѣло, чтобъ у царя не было денегъ!" отвѣчали крестьяне, наивно смѣясь и очевидно принимая мои слова за шутку. Одинъ, побойчѣе и порѣчистѣе другихъ, говорилъ: „А что жъ выйдетъ, когда оставятъ крестьянъ умирать съ голоду? Выйдетъ дѣло нехорошее: побросаютъ они свою землю и разбредутся, куда глаза глядятъ; многіе пойдутъ въ лѣсъ и на большую дорогу; будетъ худо". Слова эти похожи были на угрозу; повидимому крестьяне принимали меня за чиновника изъ губерніи. Одна старушка изъ бывшихъ дворовыхъ расказывала намъ, что здѣшніе крестьяне часто толкуютъ промежъ себя о томъ, что будетъ въ Россіи безпремѣнно какая-то война, и что они ждутъ не дождутся этой войны; а ждутъ они ея потому, что тогда отойдетъ къ нимъ вся земля, а помѣщики поступятъ на жалованье. Значитъ крестьяне не удовлетво-

рены совершившеюся реформою. Чего жъ вамъ больше надобно? говорилъ я одному рѣчистому мужику; вѣдь вамъ дана земля, съ которой васъ никто не можетъ согнать, и оброкъ за нее вы платите теперь по закону, такъ что помѣщикъ не можетъ его увеличить по своему произволу. „Земли-то этой хватитъ развѣ только на хлѣбъ, а ужъ на квасъ не будетъ", отвѣчаетъ онъ мнѣ. У крестьянъ засѣло въ голову нелѣпое убѣжденіе, что будто бы царь желалъ ихъ устроить не такъ, какъ теперь, да обошли его помѣщики и начальство. Не слѣдуетъ придавать преувеличеннаго значенія всѣмъ этимъ толкамъ, но нельзя и вовсе оставлять ихъ безъ вниманія; если въ нихъ сильную долю занимаетъ невѣжество, то съ другой стороны надобно сознаться, что они имѣютъ корень въ самомъ положеніи крестьянъ.

Какимъ же образомъ могло произойти то, что Положеніе, имѣвшее цѣлію обезпечить бытъ крестьянъ, наложило на нихъ столь высокіе оброки, превышающіе въ большинствѣ случаевъ вольнонаемную плату за землю? Въ редакціонныхъ коммисіяхъ, составлявшихъ Положеніе о крестьянахъ, было признано необходимымъ вознаградить помѣщиковъ, посредствомъ оброковъ, не только за отходящую отъ нихъ крестьянскую землю, но и за потерю крестьянскихъ рабочихъ силъ, другими словами — за упраздненіе помѣщичьей власти надъ личностію крестьянина. По этому поводу можно бы конечно войти въ обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, подобныхъ нижеслѣдующимъ: Что справедливѣе — усилить ли оцѣнку надѣловъ вдвое и втрое противъ существовавшей предъ освобожденіемъ дѣйствительной цѣны на землю, для вознагражденія помѣщиковъ за потерю крѣпостной власти надъ личностію крестьянъ, или же наоборотъ — понизить оцѣнку надѣловъ противъ ходячей цѣны, для вознагражденія крестьянъ за трудъ и удобреніе, употребленные ими для воздѣлыванія надѣловъ? Если же почиталось справедливымъ вознаграждать помѣщиковъ за потерю крѣпостной власти, нѣкогда произвольно присвоенной себѣ землевладѣльцами надъ личностію крестьянъ и только въ послѣдствіи признанной закономъ, какъ существующій фактъ *), то не было ли бы еще болѣе

*) Въ Западной Руси, то есть въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовско-Русскомъ, поляки ввели крѣпостное право въ XVI столѣтіи, а

справедливо вознаградить и крестьянъ за двухвѣковую безмездную работу ихъ на помѣщиковъ, за то, что они расчистили и распахали

въ Галиціи, Волыни и Подоліи еще въ XV. Но въ восточной, или московской Руси крестьяне, до самаго конца XVI вѣка, всегда были вполнѣ свободными гражданами, имѣвшими предъ закономъ и судомъ равныя права съ дворянами и горожанами. Около 1592 года, при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ, въ видахъ финансовыхъ, по причинѣ постояннаго недобора податей отъ безпрестанныхъ переходовъ крестьянъ и отъ запустѣнія многихъ земель, правительство воспретило *тяглымъ* крестьянамъ переходъ съ одного мѣста на другое. Вначалѣ эта мѣра была чисто государственною, не только не имѣла въ виду интереса богатыхъ землевладѣльцевъ, но была противу ихъ выгодъ и возбуждала ихъ неудовольствіе; она относилась не до однихъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ собственниковъ, но и до крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ и другихъ. Притомъ подъ эту мѣру подводились одни только крестьяне тяглые, ибо казенныя подати взыскивались тогда съ тягла, или съ сохи, а не съ души; крестьяне же, въ тяглѣ несостоявшіе (гулящіе), попрежнему могли переходить съ мѣста на мѣсто. Однимъ словомъ, прикрѣпленіе тяглыхъ крестьянъ къ землѣ, совершившееся въ концѣ XVI столѣтія, отнюдь не имѣло тогда характера порабощенія крестьянъ помѣщикамъ. Крестьяне, и послѣ прекращенія выхода, сохраняли личную независимость отъ помѣщиковъ, удерживали общинное самоуправленіе чрезъ своихъ выборныхъ старшинъ и передъ государствомъ попрежнему оставались еще самостоятельнымъ сословіемъ, подчиненнымъ по управленію и суду общимъ земскимъ властямъ; они были крѣпки землѣ, но не были еще крѣпостными помѣщиковъ. Этотъ характеръ признаетъ за ними и Уложеніе 1649 года. Но, наперекоръ закону, помѣщики уже тогда стали завладѣвать и самою личностію крестьянъ. Правительственное распоряженіе, прикрѣпившее крестьянъ къ землѣ, оставило безъ всякаго опредѣленія отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ. Помѣщики, пользуясь какъ этимъ молчаніемъ закона, такъ и вообще тогдашнею слабостію правительственной системы и отсутствіемъ опредѣленнаго государственнаго порядка, стали мало по малу завладѣвать личностію крестьянъ, мѣняться ими и продавать ихъ безъ земли, однимъ словомъ, стали переходить къ настоящему крѣпостному праву. Переходъ этотъ былъ тѣмъ легче для помѣщиковъ, что тогда существовала уже въ Московскомъ государствѣ готовая форма крѣпостнаго права, въ областяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, именно: въ Смоленской, Сѣверской и нѣкоторой части Бѣлоруссіи (снова уступленной Польшѣ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ). За годъ до смерти Алексѣя Михайловича, именно подъ 1675 годомъ, впервые встрѣчаются въ актахъ отдѣльные случаи, когда помѣщики, *уже съ вѣдома и разрѣшенія правительства*, мѣняются крестьянами и продаютъ ихъ безъ земли. Здѣсь обычай уже явно пересиливаетъ законъ и допускается правительствомъ, на зло Уложенію того же самаго царя Алексѣя. Наконецъ Петръ Великій, искавшій средствъ для своихъ громадныхъ

помѣщичьи земли, повыстроили ихъ усадьбы, понадѣлали имъ дорогъ, гатей, прудовъ, однимъ словомъ, обратили прежнія пустыни и дебри въ благоустроенныя имѣнія? Но въ настоящее время было бы безплодно заниматься обсужденіемъ подобныхъ вопросовъ: фактъ совершился окончательно и сдѣлался закономъ. Редакціонныя коммисіи вѣроятно сами хорошо понимали достоинство принятаго ими начала о вознагражденіи помѣщиковъ за потерю рабочихъ душъ, достоинство съ исторической и политико-экономической точки зрѣнія; но обойти это начало едва ли онѣ были въ силахъ. Надобно вспомнить то тревожное время, когда составлялось Положеніе о крестьянахъ, и всѣ тѣ обстоятельства, подъ давленіемъ которыхъ трудились коммисіи, чтобы понять, что одна попытка ихъ устранить вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за души была бы провозглашена дворянствомъ какъ дѣйствіе революціонное, уничтожающее право собственности, какъ рѣшительный шагъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка. Даже и теперь, одно прикосновеніе къ подобнымъ вопросамъ способно вызвать обвиненіе въ коммунизмѣ не только со стороны многихъ помѣщиковъ, но и въ средѣ нашей литературы, несмотря на то, что она еще такъ недавно наполнялась жалобами и упреками противъ правительства за то, что оно своею цензурою не допускало свободы мнѣній. Въ удержаніи Положеніемъ личнаго оброка отразилось наслѣдственное въ нашемъ законодательствѣ стремленіе облагать налогомъ не собственность и доходы, а души, или рабочія силы. Надобно впрочемъ замѣтить, что редакціонныя коммисіи, кромѣ положительной невозможности обойти сказанное начало вознагражденія помѣщиковъ за души, далеко не ожидали, чтобы установляемые

предпріятій, не только признаетъ существовавшій уже фактъ личнаго крѣпостнаго права, но обобщаетъ его и вводитъ въ положительное законодательство въ томъ видѣ, въ какомъ это право дошло до нашего времени: указами 1719 и 1722 гг. онъ уравниваетъ помѣщичьихъ крестьянъ съ кабальными людьми или холопами и, вмѣсто прежней тягловой подати, вноситъ ихъ въ подушный окладъ, отвѣтственность за который возлагаетъ на помѣщиковъ. Отселѣ государство имѣетъ дѣло съ одними помѣщиками, а крестьяне, какъ граждане, перестаютъ для него существовать.

ими оброки отразились на крестьянахъ тѣми послѣдствіями, которыя теперь замѣчаются.

Отправляясь отъ сказаннаго начала, коммисіи, при назначеніи оброковъ, приняли за основаніе оброки, существовавшіе при крѣпостномъ правѣ. Изъ подлинныхъ свѣдѣній, доставленныхъ помѣщиками оброчныхъ мѣстностей, коммисіями были выведены *средніе душевые оброки* для этихъ мѣстностей и, бывъ нѣсколько понижены, въ видахъ облегченія крестьянъ, дали цифры 9, 10 и 12 р. Эти средніе уменьшенные оброки были приняты, въ каждой мѣстности, за высшую душевую повинность, соотвѣтствующую высшему душевому надѣлу; сей же послѣдній былъ опредѣленъ для каждой мѣстности также на основаніи подлинныхъ свѣдѣній помѣщиковъ. При такомъ опредѣленіи оброковъ, единственное облегченіе для крестьянъ, по собственному отзыву коммисій, состояло въ томъ, что цифра *средняго* оброка примѣнялась къ *высшему* надѣлу. По самому значенію среднихъ оброковъ, сказанное облегченіе, само собою разумѣется, не касалось тѣхъ крестьянъ, которые при крѣпостномъ правѣ уплачивали оброки ниже выведенныхъ коммисіями среднихъ оброковъ. Число такихъ крестьянъ, въ противность ожиданіямъ коммисій, оказалось на дѣлѣ значительно болѣе половины бывшихъ оброчныхъ. Произошло это отъ того, что вся система оброковъ была построена коммисіями на важномъ недоразумѣніи. Цифры среднихъ оброковъ и высшихъ надѣловъ выведены коммисіями, какъ сказано, изъ подлинныхъ свѣдѣній помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и старостъ, т. е. изъ данныхъ совершенно произвольныхъ и непредставлявшихъ ни малѣйшей достовѣрности. Въ этихъ свѣдѣніяхъ обороки показывались обыкновенно значительно выше дѣйствительныхъ; разные посторонніе поборы и натуральныя послуги включались также въ счетъ оброка. Притомъ свѣдѣнія объ оброкахъ были весьма неполны и обнимали только меньшую часть оброчныхъ имѣній свыше 100 душъ; имѣнія же ниже 100 душъ вовсе въ расчетъ не входили. Отъ этого *средніе оброки, выведенные комиссіями, т. е. 12, 10 и 9 р., получились, въ большинствѣ оброчныхъ мѣстностей, выше дѣйствительно существовавшихъ тамъ при крѣпостномъ правѣ среднихъ оброковъ;* цифры эти ближе подходятъ

къ высшимъ оброкамъ. Никакая критическая повѣрка невозможна относительно такихъ данныхъ, которыя всѣ фальшивятъ въ одну сторону: это есть аксіома, принятая въ статистикѣ, метеорологіи и чистой математикѣ. Такимъ образомъ бо̀льшая часть оброковъ, существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ, осталась безъ уменьшенія (увеличеніе оброковъ Положеніемъ не допускается), и только меньшая ихъ часть подверглась сбавкѣ до упомянутыхъ предѣльныхъ цифръ; большинство оброчныхъ крестьянъ осталось при тѣхъ же оброкахъ, которые наложены были на нихъ крѣпостнымъ правомъ, непринимавшимъ въ соображеніе ни доходности земель, ни трудности отхожихъ промысловъ, и постепенно увеличивавшимъ, до послѣднихъ дней своего существованія, налоги на личный заработокъ крестьянина. Оброки облегчены для значительнаго числа крестьянъ лишь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они, при крѣпостномъ правѣ, доходили до чрезмѣрной величины (иногда до 100 р. с. съ тягла), таковы напр. губерніи Владимірская, Ярославская, Петербургская, Московская и частію Нижегородская. Коммисіи сами сознавали всю недостаточность своихъ средствъ для вѣрнаго опредѣленія среднихъ оброковъ, и потому въ проектѣ Положенія возлагали это опредѣленіе на обязанность губернскихъ присутствій, съ тѣмъ только, чтобы они не переходили предѣльныхъ цифръ, принятыхъ коммисіями. Но едва ли такое постановленіе принесло бы дѣйствительную пользу: губернскія присутствія, въ виду трудности возложенной на нихъ работы, вѣроятно повсюду приняли бы средніе оброки, выведенные коммисіями; если жъ нѣкоторыя губернскія присутствія задумали бы сами выводить средніе оброки, то такая работа могла бы затянуться на весьма долгое время. Потому государственный совѣтъ имѣлъ основаніе устранить сказанное правило и безусловно назначить опредѣленныя цифры оброковъ для всѣхъ губерній и уѣздовъ.

Какъ бы ни тяжелы были оброки, принятые коммисіями для бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, но по крайней мѣрѣ эти крестьяне издавна привыкли къ ихъ отбыванію и, пользуясь многими преимуществами предъ барщинными крестьянами, развили въ себѣ способность къ промысламъ и добыванію денегъ. Гораздо труднѣе оказалось положе-

ніе барщинныхъ крестьянъ, т. е. цѣлыхъ двухъ третей прежняго крѣпостнаго населенія. Оброки въ 8 и 9 руб., установленные для нихъ коммисіями, не основаны уже ни на какихъ данныхъ и представляются цифрами чисто произвольными. (См. Матер. Ред. Ком. Т. III, кн. 2, стр. 447—452). На какомъ напримѣръ основаніи для описываемыхъ мною двухъ безплодныхъ уѣздовъ, гдѣ крестьяне поголовно состояли прежде на барщинѣ, принятъ 8-ми рублевый оброкъ за $4\frac{1}{2}$ дес. надѣла, а для плодоноснѣйшихъ губерній Саратовской, Самарской и Оренбургской установленъ 9-ти рублевый оброкъ, при надѣлахъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 десятинъ въ черноземныхъ уѣздахъ и отъ 6 до 12 дес. въ степныхъ? Впрочемъ коммисіи предполагали сперва для всѣхъ издѣльныхъ мѣстностей назначить 8-ми рублевый оброкъ, и только уже потомъ, въ слѣдствіе требованій депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, замѣнили его 9-ти рублевымъ для всей черноземной и степной полосы.

Послѣдствія системы, принятой коммисіями для опредѣленія оброковъ и надѣловъ, не ограничились назначеніемъ непомѣрно высокихъ цифръ оброковъ. Высшіе душевые надѣлы, выведенные коммисіями для каждой мѣстности на основаніи тѣхъ же подлинныхъ показаній помѣщиковъ, оказались во всей сѣверной полосѣ и въ большей части средней ниже тѣхъ надѣловъ, которые дѣйствительно тамъ существовали въ большинствѣ имѣній. Произошло это опять-таки отъ неполноты и невѣрности показаній помѣщиковъ. Во Владимірской напримѣръ губерніи число имѣній, въ которыхъ были показаны надѣлы, въ одномъ только уѣздѣ достигаетъ 30% числа всѣхъ имѣній уѣзда, а въ прочихъ уѣздахъ колеблется между 7% и 20%. Помѣщики въ своихъ показаніяхъ наичаще уменьшали дѣйствительную величину надѣловъ. Въ сѣверной полосѣ надѣлы были такъ разнообразны, что едва ли и можно было вывести для нихъ какія нибудь опредѣленныя нормы. При значительности и разбросанности надѣловъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, помѣщики часто сами не знали ихъ дѣйствительной величины, и потому показывали ихъ наобумъ. При этомъ нѣкоторые уѣзды и даже цѣлыя губерніи въ особенности отличались искусственнымъ уменьшеніемъ показываемыхъ надѣловъ: такъ во Владимірской губерніи, весьма сходной по хозяйственнымъ условіямъ съ Ярославскою,

средній душевой надѣлъ показанъ на 2,1 дес. меньше въ сравненіи съ послѣднею губерніею; въ Полтавской губерніи средняя цифра надѣла вышла слишкомъ вдвое ниже сравнительно съ Черниговскою; въ Камышинскомъ уѣздѣ средній надѣлъ показанъ вдвое менѣе, чѣмъ въ совершенно сходныхъ съ нимъ Царицынскомъ и Балашевскомъ; въ Чухломскомъ уѣздѣ означено по 10 дес. на душу, а въ сходномъ съ нимъ Ветлужскомъ по $4^3/_4$ и т. п. Характеръ этихъ показаній чисто зависѣлъ отъ направленія, преобладавшаго въ различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ. Только въ южныхъ густо-населенныхъ губерніяхъ, каковы напримѣръ Харьковская и Курская, гдѣ дѣйствительные надѣлы были вообще весьма малы и въ величинѣ ихъ существовало значительное однообразіе, опредѣленные коммисіями высшіе надѣлы удовлетворяли своему назначенію. Государственный совѣтъ въ окончательной редакціи Положенія еще болѣе понизилъ принятые коммисіями высшіе надѣлы въ большинствѣ уѣздовъ сѣверной и средней полосы и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной (и сверхъ того возвысилъ съ 9 на 10 руб. оброки во всей Московской губерніи и въ тѣхъ частяхъ четырехъ уѣздовъ Владимірской, которыя лежатъ по лѣвую сторону рѣки Клязьмы). Вотъ источникъ того явленія, что крестьянскіе надѣлы почти по всей Россіи подверглись, въ большинствѣ имѣній, болѣе или менѣе значительной отрѣзкѣ, которая отразилась на крестьянскомъ бытѣ столь печальными послѣдствіями. Къ тягости оброковъ прибавилась еще для крестьянъ потеря земли, которою они пользовались вѣка и которая часто была совершенно необходима для ихъ существованія. Въ сѣверной полосѣ отъ крестьянъ всего чаще отрѣзались земли, на которыхъ пасся ихъ скотъ, а также и луга; въ средней же полосѣ отрѣзка коснулась и пахотныхъ земель. Теперь почти повсемѣстно крестьянскій скотъ пропитывается лѣтомъ однимъ скуднымъ быльемъ, растущимъ на паровыхъ поляхъ. Луга въ крестьянскихъ надѣлахъ встрѣчаются, какъ рѣдкое исключеніе; для прокормленія скота остается на зиму одна солома. При такихъ обстоятельствахъ крестьяне лишены возможности держать столько скота, сколько необходимо для удобренія ихъ полей. Въ большей же половинѣ Россіи отъ количества скота прямо зависитъ количество урожая:

сколько скота, столько и хлѣба. Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ заключается главная причина обѣднѣнія могихъ сельскихъ обществъ послѣ освобожденія.

Уменьшеніе высшихъ надѣловъ, произведенное государственнымъ совѣтомъ, еще болѣе увеличило несоразмѣрность установленныхъ оброковъ съ величиною и достоинствомъ надѣловъ, другими словами — эта мѣра, въ тѣхъ уѣздахъ, которыхъ она коснулась, еще болѣе подняла ту часть оброковъ и выкупа, которую крестьяне платятъ не за землю, а собственно за отпускъ ихъ на свободу. Я уже упоминалъ, что, по мнѣнію коммисій, при установленной ими системѣ оброковъ, бывшіе оброчные крестьяне будутъ имѣть ту единственную выгоду, что будутъ платить *среднiй* оброкъ за *высшiй* надѣлъ. Однако, какъ мы видимъ, на дѣлѣ и этой выгоды для большинства крестьянъ не послѣдовало, и сказанное предположеніе коммисій должно быть теперь замѣнено такимъ выводомъ: одна часть оброчныхъ крестьянъ (и едва ли не бо̀льшая) осталась при прежнихъ крѣпостныхъ оброкахъ, но получила уменьшенные надѣлы, слѣдовательно потерпѣла прямое ухудшеніе въ своемъ матеріальномъ положеніи; другая часть крестьянъ хотя и облегчена въ оброкахъ, но зато также получила обрѣзанные надѣлы; наконецъ только меньшая часть крестьянъ платитъ теперь уменьшенные оброки, оставшись при прежнемъ количествѣ земли. Изъ этого мы видимъ, что самое правило, провозглашенное Положеніемъ, что существовавшіе прежде крѣпостные оброки ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть возвышены, остается справедливымъ только для абсолютной цифры оброковъ, но не по отношенію оброка къ количеству земли, ибо очевидно, что относительная величина оброка увеличилась для тѣхъ крестьянъ, которые, оставшись при прежнихъ оброкахъ, получили обрѣзанный надѣлъ. Потому-то въ такихъ деревняхъ вы всегда услышите отъ крестьянъ, что съ выходомъ на волю оброкъ ихъ былъ увеличенъ, и такое ихъ заключеніе совершенно справедливо. Я знаю напримѣръ въ Новоладожскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи одну деревню, гдѣ крестьяне платили прежде оброкъ въ 20 р. съ каждыхъ двухъ душъ; при освобожденіи отрѣзаны были отъ нихъ всѣ ихъ покосы, которые они нанимаютъ теперь у помѣщика съ платою по 3 р.

съ двухъ душъ; оброкъ же по Положенію остался на нихъ тотъ же, то есть по 10 р. съ души. Слѣдовательно теперь они платятъ помѣщику 23 руб. за то же самое количество земли, за которое платили прежде 20 руб. „Спасибо еще доброму барину, говорили они мнѣ, что недорого положилъ за отрѣзную землю; намъ безъ нея помереть надобно“.

Искусственная градація, установленная Положеніемъ для распредѣленія высшаго душеваго оброка на десятины надѣла, ввела еще новое невыгодное для крестьянъ условіе: чѣмъ меньше земли получаетъ крестьянинъ въ надѣлъ, тѣмъ бо̀льшій оброкъ долженъ онъ платить за каждую десятину. Тягость этого правила преимущественно испытывается крестьянами черноземныхъ и малоземельныхъ губерній, гдѣ надѣлы рѣдко достигаютъ высшаго по Положенію размѣра. Упоминаемая градація оброка основана на томъ несправедливомъ положеніи, что крестьянинъ тѣмъ дороже долженъ платить за землю, входящую въ его надѣлъ, чѣмъ больше онъ положилъ труда и удобренія для ея обработки; въ слѣдствіе сего первая и вторая десятины надѣла, а въ черноземной и степной полосахъ—одна первая десятина, обложены гораздо бо̀льшимъ оброкомъ, чѣмъ слѣдующія десятины. Такъ напримѣръ въ первой полосѣ, при 9-ти рублевомъ оброкѣ, за двѣ первыя десятины надѣла крестьянинъ долженъ платить 6 р. 75 к., а за всѣ остальныя десятины высшаго надѣла только 2 р. 25 к.; во второй и третьей полосѣ за первую десятину онъ платитъ 4 р., а за всѣ остальныя вмѣстѣ 5 р. Даже губернскіе комитеты оцѣнивали чрезмѣрно высоко усадебныя земли только на случай ихъ отдѣльнаго выкупа, но никакой градаціи оброка не предлагали, а разлагали его равномѣрно на всѣ десятины надѣла. Неудачная мысль о градаціи была высказана только тремя комитетами. Такимъ образомъ выходитъ, что гдѣ прежде крестьянинъ имѣлъ земли больше установленнаго Положеніемъ высшаго душеваго размѣра, тамъ лишняя земля отъ него отобрана; гдѣ онъ имѣлъ меньше, тамъ его надѣлъ обложенъ усиленнымъ оброкомъ.

Нѣкоторые помѣщики земледѣльческихъ губерній, заслышавъ о задуманной правительствомъ реформѣ, обобрали крестьянскіе надѣлы,

оставивъ крестьянамъ самое ничтожное количество земли. Имѣя это въ виду, коммисіи установили низшіе надѣлы, величиною въ $^1/_3$ высшихъ, съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ у крестьянъ окажется земли меньше этого низшаго размѣра, помѣщикъ обязанъ былъ прирѣзать имъ недостающее до низшаго размѣра количество земли. Принимая въ соображеніе ничтожность этого низшаго размѣра, спускающагося въ густо-населенныхъ уѣздахъ до 1 дес. и даже до $^{11}/_{12}$ дес. на душу, считая и усадьбу, понятно, что и онъ былъ бы недостаточенъ для существованія крестьянина, особенно если вспомнимъ, что въ силу градаціи крестьянинъ долженъ платить за эту десятину 4 и даже мѣстами 4 руб. 50 коп. оброка. Каково же должно быть положеніе крестьянина земледѣльческихъ губерній, надѣленнаго еще меньшимъ количествомъ земли! Однако сказанное требованіе о прирѣзкѣ земли до низшаго душеваго размѣра было устранено государственнымъ совѣтомъ и не вошло въ Положеніе.

Высокіе оброки, установленные Положеніемъ, можно бы допустить только въ первое время по уничтоженіи крѣпостнаго права, напримѣръ въ продолженіе первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ, дабы доставить помѣщикамъ возможность перейти, безъ большихъ затрудненій, къ новому способу хозяйства. Въ этомъ случаѣ оправдывалась бы возвышенная величина оброковъ, какъ временное возмѣщеніе помѣщикамъ потерянныхъ ими рабочихъ силъ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне предпочли бы конечно, въ замѣнъ этого оброка, отбывать уменьшенную по Положенію издѣльную повинность, какъ это и доселѣ дѣлается во множествѣ имѣній, ко взаимной выгодѣ обоихъ сословій. Но едва ли можно съ какой-либо точки зрѣнія, кромѣ развѣ точки зрѣнія исключительныхъ выгодъ помѣщиковъ, оправдать продолженіе возвышенныхъ оброковъ на неопредѣленное время, при временно-обязанномъ положеніи, или внесеніе ихъ въ капитальную оцѣнку земли при выкупѣ. Чрезъ это какъ бы увѣковѣчивается крѣпостное право, т. е. право помѣщиковъ на личный заработокъ крестьянъ. Простой здравый смысль крестьянина никакъ не можетъ примириться съ мыслію, что за душевой надѣлъ, который напримѣръ въ опасываемыхъ двухъ уѣздахъ стоитъ, какъ хорошо извѣстно крестьянину, никакъ не болѣе

45 руб., онъ долженъ платить ежегодно и неопредѣленное число лѣтъ по 8 р. По его убѣжденію, онъ уже въ первыя 6 лѣтъ, со времени перехода на оброкъ, уплатилъ стоимость этого надѣла, а между тѣмъ долженъ платить еще и еще тѣ же 8 руб., не видя и конца этимъ уплатамъ. Въ чемъ же состоитъ воля? спрашиваетъ себя крестьянинъ, понимающій подъ волею исключительно право не работать на помѣщика. Отсюда всеобщее между крестьянами ожиданіе новой, или чистой воли, по просту сказать—ожиданіе прекращенія оброковъ. „Царь подаритъ намъ нашу землю“—вотъ тайный лозунгъ, передающійся изъ устъ въ уста между крестьянами по всему пространству Россіи.

Высокіе оброки, установленные Положеніемъ, перешли и въ капитальную оцѣнку надѣловъ, сдѣланную для выкупа, и довели ее до цифръ, ни съ чѣмъ несообразныхъ. Въ трехъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи: Петербургскомъ, Петергофскомъ и Царскосельскомъ (за исключеніемъ имѣній, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга), десятина надѣла оцѣнена отъ 41 р. 66 к. до 72 р. 87 к., смотря по тому, получили ли крестьяне полный или неполный душевой надѣлъ; въ трехъ уѣздахъ Владимірской губерніи: Александровскомъ, одной половинѣ Владимірскаго и одной половинѣ Муромскаго,—отъ 42 р. 85 к. до 69 р. 51 к.; въ восьми уѣздахъ Калужской—отъ 46 р. 15 к. до 72 р. 16 к.; въ бѣднѣйшемъ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губ., гдѣ пахотная земля никогда не продается дороже 10 р. за десятину, крестьянская десятина оцѣнена отъ 29 р. 63 к. до 55 р. 55 к.; въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ черноземной полосы, гдѣ высшій надѣлъ положенъ въ $2^3/_4$ дес., десятина оцѣнена отъ 54 р. 54 к. до 66 р. 66 к. Изъ этихъ цифръ можно также видѣть, какъ, въ слѣдствіе извѣстной градаціи, оцѣнка крестьянской земли, и безъ того уже весьма дорогая, непомѣрно возвышается въ случаѣ полученія крестьянами неполнаго душеваго надѣла. Положимъ, что въ такихъ губерніяхъ, какъ Петербургская, Владимірская, Смоленская и даже частію Калужская, неполные надѣлы встрѣчаются довольно рѣдко и никогда не доходятъ до ихъ наименьшей величины (до трети полнаго); но сказанная градація капитальной оцѣнки препятствуетъ крестьянамъ этихъ губерній требовать, при обязательномъ

выкупѣ, уменьшенія ихъ надѣла, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ этого уменьшенія Положеніе налагаетъ на нихъ обязанность внести помѣщику дополнительный платежъ (равный $^1/_{15}$ долѣ выкупной ссуды), и притомъ внести его разомъ, безъ всякой разсрочки. Потому-то при обязательномъ выкупѣ никогда не случается, чтобы крестьяне требовали уменьшенія надѣла; волею-неволею они должны брать всю отведенную имъ землю, какъ бы ни была она безплодна и какъ бы ни были тяжелы для нихъ выкупные платежи. Въ губернінхъ же черноземныхъ и густо-населенныхъ неполные надѣлы встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ, и тамъ-то въ особенности чувствительны для крестьянъ послѣдствія градаціи, которая возвышаетъ какъ оброки, такъ и выкупные платежи. При оцѣнкѣ надѣловъ, сдѣланной Положеніемъ, выкупъ получаетъ уже значеніе не выкупа крестьянской земли, которая такой цѣны не стоитъ, а выкупа крестьянскихъ оброковъ, въ которые входитъ не одна плата за землю, но и плата за освобожденіе личности крестьянина. Во всей нечерноземной полосѣ за цѣну, постановленную Положеніемъ и уменьшенную даже на одну пятую долю при обязательномъ выкупѣ, не согласился бы пріобрѣсть землю ни одинъ свободный покупатель, а крестьянамъ, пахавшимъ и удобрявшимъ ее цѣлые вѣка, она насильно навязывается, при обязательномъ выкупѣ, въ вѣчную и потомственную собственность. Не можетъ крестьянинъ понять, какимъ образомъ за надѣлъ, стоющій напримѣръ не болѣе 45 руб., онъ долженъ, при обязательномъ выкупѣ, платить ежегодно, въ теченіе 49 лѣтъ, по 6 руб. 40 к., что̀ составитъ въ итогѣ 313 руб., а при выкупѣ добровольномъ долженъ сверхъ того доплатить помѣщику 26 р. 66 к. Здѣсь все соединилось къ невыгодѣ крестьянина: и чрезмѣрно высокая оцѣнка земли, и хитрый банковый способъ погашенія долга, и всевозможныя препятствія къ уменьшенію выкупаемаго надѣла, въ случаѣ, если бы крястьяне пожелали такого уменьшенія. Не говоря уже о чрезмѣрно высокой цифрѣ оброковъ, на чемъ основано капитализированіе ихъ изъ 6%? Имѣнія давали прежде и даютъ теперь болѣе 6%; даже нѣкоторые губернскіе комитеты предлагали капитализированіе изъ 7, 8 и даже болѣе процентовъ. Капитализируя девятирублевый оброкъ только изъ 7%, цѣна душеваго на-

дѣла съ 150 р. понизилась бы уже до 128 р. 57 к., а за вычетомъ изъ нея $^1/_5$ доли для обязательнаго выкупа, она равнялась бы 102 р. 86 коп. Съ этой суммы, до ея погашенія, помѣщику выдавалось бы, какъ принято Положеніемъ, 5%, сообразно обыкновенному доходу съ хорошо обезпеченныхъ процентныхъ бумагъ, а крестьянинъ уплачивалъ бы съ нея 6%, т. е. 6 р. 17 коп., вмѣсто теперешнихъ 7 руб. 20 коп.; слѣдовательно на тягло составилось бы уже облегченіе въ 2 руб. съ полтиной. Большая разница въ процентѣ, получаемомъ съ сельскаго хозяйства, при всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ заботахъ и рискѣ отъ неурожаевъ, и въ процентѣ, получаемомъ, безъ всякихъ хлопотъ, съ кредитныхъ бумагъ. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, оцѣнка надѣловъ чрезъ капитализацію установленныхъ Положеніемъ оброковъ ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Какъ несогласно съ справедливостію обратить существовавшій при крѣпостномъ правѣ налогъ на личный трудъ крестьянина въ налогъ вѣчный (при безсрочномъ оброкѣ), такъ несогласно же съ справедливостію капитализировать этотъ налогъ въ видѣ займа, какъ бы сдѣланнаго крестьяниномъ подъ вексель, и заставить крестьянина уплачивать по немъ банковые проценты.

Если бы оцѣнка земли для выкупа сдѣлана была не по капитализаціи оброка, а по ея дѣйствительной стоимости въ эпоху освобожденія, то выкупъ могъ бы совершиться весьма легко и не потребовалъ бы даже содѣйствія правительства, ни выпуска кредитныхъ бумагъ. Все, чего по справедливости могли требовать помѣщики при выкупѣ крестьянами надѣловъ, это полученія дѣйствительной цѣны за землю, съ безпроцентною разсрочкою денегъ, соотвѣтственно средствамъ крестьянъ, какъ и теперь помѣщики разсрочиваютъ имъ дополнительные платежи (обыкновенно эта разсрочка дѣлается отъ семи до пятнадцати лѣтъ). Едва ли возможно приравнять крестьянина, выкупающаго свой надѣлъ, которымъ онъ пользовался цѣлые вѣка, какъ единственнымъ источникомъ своего существованія, крестьянина, неимѣющаго притомъ никакихъ денежныхъ средствъ, ибо весь трудъ его принадлежалъ доселѣ помѣщику, едва ли возможно приравнять его вольному заемщику капитала, обязывающемуся платить на него

не только погашеніе, но и непрерывные сложные проценты за непогашенную часть. Выкупъ надѣловъ не есть для крестьянъ коммерческое предпріятіе; это есть дѣло первѣйшей необходимости для обоихъ сословій и для всего государства. Въ обычныхъ сдѣлкахъ нашихъ помѣщиковъ съ крестьянами банковые расчеты никогда доселѣ не примѣнялись, а всегда употреблялаеь простая разсрочка денегъ; тѣмъ менѣе удобно примѣнить банковую систему къ цѣлому земледѣльческому населенію, которому его надѣлы едва обезпечиваютъ уплату податей и насущное пропитаніе. Положимъ, что въ описываемой мѣстности душевой надѣлъ былъ бы оцѣненъ въ 45 рублей, то есть въ обыкновенную цѣну, какую можно получить теперь за $4\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли въ этихъ уѣздахъ. Если бы постановлено было правило, что для бывшихъ оброчныхъ крестьянъ платежъ разсрочивается на пятнадцать лѣтъ, а для барщинныхъ на двадцать, и притомъ безпроцентно, то первымъ пришлось бы въ этой мѣстности вносить ежегодно по 3 рубля съ души, а вторымъ по 2 руб. 25 к., вмѣсто теперешнихъ 6 руб. 40 коп., уплачиваемыхъ при обязательномъ выкупѣ. Въ мѣстностяхъ черноземныхъ и густо населенныхъ высшую цѣну десятины крестьянскаго надѣла едва ли бы можно положить болѣе 35 руб., что̀, при установленномъ въ этихъ мѣстностяхъ надѣлѣ въ $2\frac{3}{4}$ дес., даетъ высшую цѣну надѣла въ 96 руб. 25 коп. (повторяю, что цѣна земли въ этихъ мѣстностяхъ стала быстро возвышаться уже послѣ освобожденія, въ силу недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и происшедшей отсюда высокой платы, взимаемой помѣщиками съ крестьянъ при отдачѣ имъ земель въ наемъ). При разсрочкѣ на двадцать лѣтъ, крестьянамъ этихъ мѣстностей пришлось бы платить съ души по 4 руб. 81 коп., вмѣсто нынѣшнихъ 7 руб. 20 к., уплачиваемыхъ при обязательномъ выкупѣ. Платежи эти могли бы быть взыскиваемы вмѣстѣ съ государственными податями; для обезпеченія вѣрности ихъ уплаты, было бы даже справедливо предоставить помѣщикамъ право отбирать землю отъ неисправныхъ плательщиковъ, что̀ конечно случалось бы весьма рѣдко, но имѣло бы для крестьянъ значеніе угрозы. Выкупъ на сказанномъ основаніи, не требуя выпуска кредитныхъ бумагъ, могъ бы быть сдѣланъ мѣрою обязательною для

обѣихъ сторонъ. Къ нему можно бы было приступить по прошествіи первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, какъ уже сказано, было бы необходимо сохранить установленные Положеніемъ высокіе оброки въ оброчныхъ имѣніяхъ и уменьшенную издѣльную повинность въ бывшихъ барщинныхъ. Такимъ образомъ, чрезъ двадцать четыре года со дня освобожденія, прекратились бы во всей Россіи обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, т. е. наступила бы та развязка, безъ которой крестьянская реформа не можетъ почитаться законченною. (Редакціонныя коммисіи, не допуская выкупа обязательнаго для обѣихъ сторонъ и слѣдовательно одновременнаго для всѣхъ имѣній, преимущественно руководствовались опасеніемъ, что внезапный наплывъ выкупныхъ кредитныхъ бумагъ въ нѣсколько милліоновъ рублей сильно уронитъ какъ собственный ихъ курсъ, такъ и курсъ всѣхъ другихъ кредитныхъ знаковъ, и сверхъ того можетъ повести къ несостоятельности самого правительства въ выкупной операціи). Впрочемъ если бы оцѣнка надѣловъ сдѣлана была по дѣйствительной ихъ стоимости, то, даже и при выкупѣ ихъ по банковому способу погашенія долговъ, крестьяне оказались бы вполнѣ состоятельными для уплаты выкупа. Но при этомъ было бы справедливѣе уплачивать помѣщикамъ по выкупнымъ бумагамъ, выданнымъ въ полную стоимость надѣловъ, не 5%, а только 4%, такъ какъ такой же процентъ уплачивался, при крѣпостномъ правѣ, опекунскимъ совѣтомъ на вклады. Съ крестьянъ же въ такомъ случаѣ слѣдовало бы взимаиь не 6%, а только 5% со стоимости надѣловъ, именно: 4% для выдачи помѣщикамъ, $^3/_4$% погашенія и $^1/_4$% на издержки выкупной администраціи и въ запасный капиталъ на случай недоимокъ. По этому расчету погашеніе всѣхъ бумагъ было бы окончено въ 47 лѣтъ. За надѣлъ въ 45 р. сер. крестьянамъ пришлось бы платить, въ теченіе 47 лѣтъ, 2 р. 25 коп., а за самый дорогой надѣлъ въ 96 р. 25 к. пришлось бы вносить 4 р. 81 коп., то есть тѣ же самыя суммы, которыя падали бы на нихъ и при безпроцентной разсрочкѣ выкупа на двадцать лѣтъ; но только помѣщики, имѣя въ рукахъ выкупныя бумаги, могли бы ихъ немедленно реализировать и во всякомъ случаѣ были бы вѣрнѣе обезпечены въ уплатѣ долга за

крестьянскую землю. Если же былъ бы принятъ нынѣшній шестипроцентный сборъ съ крестьянъ (5% помѣщикамъ, ½% погашенія и ½% на администрацію и недоимки), то за надѣлъ стоимостію въ 45 р. крестьяне уплачивали бы, въ теченіе 49-ти лѣтъ, по 2 р. 70 к., а за самый дорогой надѣлъ въ 96 р. 25 к. — по 5 р. 78 к. Но какъ скоро условія покупки постановлены столь чрезмѣрныя, что самый предметъ покупки, то есть земля, далеко не можетъ ихъ собою обезпечить, то понятно, что всякая система выкупа должна оказаться несостоятельною. Такъ случилось и съ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ. Положеніе о выкупѣ безукоризненно въ своихъ банковыхъ и финансовыхъ расчетахъ; съ этой стороны оно сдѣлало все, чтобы обезпечить состоятельность правительства въ выкупной операціи; но оно упустило изъ вида другое обстоятельство — состоятельность самихъ плательщиковъ, крестьянъ. Правда, въ послѣднее время выкупные платежи взыскиваются въ большинствѣ губерній бездоимочно, а въ 1867 г. ихъ поступило даже сверхъ текущаго оклада на 5½% болѣе, въ уплату прежнихъ недоимокъ; но не слѣдуетъ забывать, что для взысканія этихъ платежей почти повсемѣстно были употреблены понудительныя мѣры, оканчивавшіяся часто продажею крестьянскаго скота и имущества. Такой способъ взысканія платежей очевидно не можетъ быть повторяемъ долго. Редакціонныя коммисіи сами сознавали, что постановляемыя ими условія выкупа были въ особенности не подъ силу бывшимъ барщиннымъ крестьянамъ, и потому вовсе устранили содѣйствіе правительства для выкупа земель барщинныхъ крестьянъ, пока они будутъ состоять на барщинѣ. Правительственное содѣйствіе распространено на издѣльныхъ крестьянъ лишь въ 1862 г., высочайше утвержденнымъ 27-го іюня того года мнѣніемъ государственнаго совѣта. Хотя при этой послѣдней мѣрѣ конечно имѣлась въ виду польза обоихъ сословій, но на дѣлѣ сказанное постановленіе не рѣдко обращается къ невыгодѣ крестьянъ, ибо оно дало помѣщикамъ возможность переводить издѣльныхъ крестьянъ, безъ ихъ согласія, на непосильный для нихъ выкупъ и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда привязывать ихъ къ надѣлу, безъ надежды оставить его послѣ 9 лѣтъ. Замѣчательно, что въ бывшихъ барщинныхъ губерніяхъ на выкупъ пере-

веденъ несравненно большій процентъ имѣній и крестьянъ, чѣмъ въ губерніяхъ оброчныхъ: такъ напримѣръ въ описываемой губерніи (1.137.000 жит. об. пол.), гдѣ, за исключеніемъ 3-хъ уѣздовъ, крестьяне почти поголовно состояли на барщинѣ, окладъ выкупныхъ платежей въ 1867 г. значится (по вѣдомостямъ департ. окладн. сборовъ) въ 873.000 руб., тогда какъ въ Нижегородской губерніи (1.285.000 душъ) онъ показанъ только въ 410.000 р., во Владимірской (1.216.000 душъ) въ 510.000 руб., а въ Казанской (1.607.000 душъ) всего въ 235.000 р. Обстоятельство это весьма понятно. Крестьяне издѣльныхъ губерній знали прежде одну лишь барщину, не привыкли ни къ какимъ промысламъ, почти не видали денегъ, и вдругъ на нихъ былъ наложенъ девятирублевый оброкъ, какъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ промышленныхъ губерній (только въ нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ уѣздахъ издѣльныхъ губерній оброкъ положенъ въ 8 руб.). Недоимки по оброкамъ должны были оказаться на прежнихъ барщинныхъ крестьянахъ немедленно и въ значительномъ количествѣ. Это обстоятельство и побуждало помѣщиковъ издѣльныхъ губерній переводить крестьянъ на обязательный выкупъ или склонять ихъ разными убѣжденіями на такъ называемый выкупъ добровольный. Сверхъ того помѣщики земледѣльческихъ губерній, поставленные въ необходимость пересоздать свое хозяйство на совершенно новыхъ началахъ, нуждались въ деньгахъ больше, чѣмъ помѣщики оброчныхъ имѣній.

Въ первые года по освобожденіи, многія сельскія общества, по совершенному непониманію правилъ о выкупѣ, поддались убѣжденіямъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ и пошли на добровольный выкупъ. Помѣщики представляли крестьянамъ тотъ доводъ, что имъ-де гораздо выгоднѣе платить только 49 лѣтъ, послѣ чего земля будетъ ихъ собственностію, чѣмъ платить вѣчно и все-таки не быть собственниками земли; но при этомъ помѣщики благоразумно умалчивали о правилахъ обязательнаго выкупа, т. е. о томъ, что, въ случаѣ несогласія крестьянъ на дополнительный платежъ, помѣщики, нуждающіеся въ деньгахъ, должны будутъ согласиться на уступку крестьянамъ пятой доли выкупной суммы. Многіе посредники говорили крестьянамъ въ томъ же самомъ смыслѣ и съ тою же неоткровенностію,

частію потому, что тянули сторону помѣщиковъ, частію же потому, что желали отличиться предъ начальствомъ представленіемъ большаго числа выкупныхъ соглашеній. Этотъ такъ называемый добровольный выкупъ, не имѣя для крестьянъ ровно никакого преимущества предъ обязательнымъ, ставитъ только ловушку ихъ темнотѣ и неопытности, и въ то же время какъ бы искушаетъ прямодушіе помѣщиковъ. Помѣщики, нежелавшіе вводить крестьянъ въ заблужденіе, прямо переводили ихъ на обязательный выкупъ, и за свое чистосердечіе терпѣли убытокъ въ сравненіи съ тѣми, которые успѣвали вымогать отъ крестьянъ дополнительный платежъ. Какъ скоро было признано невозможнымъ сдѣлать выкупъ обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, то было бы гораздо яснѣе и сообразнѣе съ достоинствомъ закона оставить одинъ видъ выкупа — по требованію помѣщика и съ полученіемъ имъ одной лишь выкупной ссуды; ибо и теперь, безъ согласія помѣщика, выкупъ надѣловъ для крестьянъ невозможенъ. Такъ называемый выкупъ по требованію крестьянъ, начинающійся съ заявленія ими желанія выкупить однѣ усадьбы, обставленъ такими условіями, что на дѣлѣ онъ вполнѣ неосуществимъ и обращается въ мертвую букву. На практикѣ существуетъ собственно одинъ родъ выкупа — выкупъ по желанію помѣщика, но только въ двухъ видахъ: съ вымогательствомъ у крестьянъ дополнительнаго платежа и безъ вымогательства онаго. Эта неясность и двойственность условій выкупа составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Положенія о выкупѣ, послѣ непомѣрно высокой оцѣнки надѣловъ. Но теперь крестьяне почти повсемѣстно успѣли понять, что, въ случаѣ ихъ несогласія на дополнительный платежъ, помѣщики, желающіе выкупа, должны будутъ ограничиться одною выкупною ссудою. Поэтому добровольныя выкупныя сдѣлки становятся теперь все рѣже и рѣже.

Такимъ образомъ выкупъ, долженствовавшій, по мысли Положенія 19-го февраля, облегчить крестьянъ и завершить собою дѣло улучшенія ихъ быта, въ дѣйствительности не рѣдко обращается еще къ большему ихъ стѣсненію. Въ губерніяхъ непроизводительныхъ онъ навязываетъ крестьянамъ въ собственность землю по цѣнѣ, почти втрое превосходящей ея настоящую стоимость, и отнимаетъ у нихъ

возможность воспользоваться, по истеченіи 9 лѣтъ, правомъ перехода на другія земли. Въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ значительная часть крестьянъ, и послѣ двухлѣтняго періода, оставалась на издѣльной повинности, обязательный выкупъ принудительно замѣнилъ для нихъ эту повинность выкупными платежами, которые, хотя и меньше оброка, но все-таки въ большинствѣ случаевъ превосходятъ средства тамошнихъ крестьянъ. Финансовое отдѣленіе редакціонныхъ коммисій, составлявшее Положеніе о выкупѣ, думало, что выкупные платежи будутъ для крестьянъ легки, и потому, въ случаѣ значительныхъ недоимокъ, предполагало, какъ угрозу, допустить отобраніе всей мірской земли и переселеніе крестьянъ въ отдаленныя губерніи (Проектъ о вык. стр. 190). Многія сотни тысячъ крестьянъ, изъ числа переведенныхъ на выкупъ въ различныхъ губерніяхъ, ничего лучшаго теперь не желали бы, какъ осуществленія этой мѣры. Ожидало ли финансовое отдѣленіе такого исхода постановленныхъ имъ правилъ? При чрезмѣрномъ обиліи другихъ кредитныхъ знаковъ въ Россіи, выпускъ выкупныхъ бумагъ (выкупныхъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ непрерывнаго дохода и 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска) на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей повелъ къ упадку ихъ курса, доходившему до 30 и даже болѣе процентовъ. Выкупныя бумаги, оплачиваемыя крестьянскими деньгами, сдѣлались предметомъ биржевой спекуляціи, и громадная операція выкупа послужила всего болѣе къ обогащенію банкировъ, разныхъ биржевыхъ коммисіонеровъ и мѣнялъ. Крестьянамъ, въ самое трудное время ихъ свободной жизни, пришлось платить не только въ пользу помѣщиковъ, за землю и за отпускъ ихъ на свободу, но и въ пользу обогащенія разныхъ заѣзжихъ и своихъ православныхъ спекулянтовъ.

Оцѣнка надѣловъ по ихъ дѣйствительной стоимости была признана редакціонными коммисіями невозможною. Цѣны имѣній по купчимъ крѣпостямъ сочтены были неудовлетворяющими сказанной цѣли; случаи найма земли и продажи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ были при крѣпостномъ правѣ слишкомъ рѣдки и не могли показывать дѣйствительной цѣны на землю; кадастръ подробный и ученый былъ бы въ настоящемъ случаѣ вполнѣ невозможенъ; притомъ, какъ дока-

залъ опытъ въ другихъ странахъ, кадастръ никогда не достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ, при усвоенномъ коммисіями началѣ, что оброки и выкупъ должны вознаграждать помѣщиковъ не только за землю, но и за потерянныя рабочія силы, о дѣйствительной оцѣнкѣ земли не могло быть собственно и рѣчи. Цѣны, установленныя коммисіями, грѣшатъ не противъ абсолютной вѣрности, которая никогда на практикѣ не была бы достигнута, а грѣшатъ противъ самаго значенія поземельной цѣны. Но если бы Положеніе отправлялось отъ другаго начала, отъ начала возмѣщенія помѣщикамъ только цѣны надѣловъ, а не цѣны душъ, то приблизительно вѣрная оцѣнка крестьянской земли была бы, какъ мнѣ кажется, дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Предъ правительствомъ стояли двѣ заинтересованныя стороны: помѣщики и крестьяне, изъ которыхъ каждая, лучше всякихъ кадастраторовъ, знала всѣ обстоятельства, обусловливающія цѣну земли, именно: достоинство крестьянскихъ угодій въ каждомъ имѣніи, средній урожай хлѣбовъ, существующія на нихъ цѣны въ данной мѣстности, наконецъ стоимость обработки. Надобно было только, чтобы посредствующая власть выслушала на мѣстѣ показанія обѣихъ сторонъ, повѣрила ихъ съ дѣйствительностію, сравнила съ другими данными окружной мѣстности и, руководствуясь общими указаніями преподанной ей инструкціи, опредѣлила цѣну надѣла, на основаніи напримѣръ чистаго дохода, который можно съ него получать. Такою посредствующею властію могли бы быть оцѣночныя коммисіи, составленныя изъ мироваго посредника, одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ по выбору дворянства и изъ эксперта, назначеннаго отъ правительства (напримѣръ изъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, служившихъ по кадастру и люстраціи); къ нимъ необходимо было бы придать межевщика. Тѣмъ или другимъ способомъ, оцѣночныя коммисіи, при дѣятельномъ надзорѣ и руководствѣ губернской власти, могли бы окончить оцѣнку надѣловъ въ тѣ три или четыре года, въ продолженіе которыхъ крестьяне платили бы оброки или отбывали издѣльную повинность, какъ постановлено въ Положеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣночныя коммисіи рѣшили бы и бо̀льшую часть другихъ вопросовъ, относившихся къ введенію Положенія и требовавшихъ мѣст-

наго дознанія. Только при посредствѣ такихъ коммисій крестьяне могли бы быть уравнительно обложены выкупными платежами, сообразно достоинству ихъ надѣловъ и особымъ выгодамъ каждаго селенія. Въ настоящее же время всѣ селенія одной и той же *мѣстности*, заключающей въ себѣ часто нѣсколько десятковъ уѣздовъ, подведены Положеніемъ подъ однѣ и тѣ же нормы оброковъ и выкупа, тогда какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на разстояніи иногда двухъ-трехъ верстъ, встрѣчаются селенія, чрезвычайно различествующія въ хозяйственныхъ выгодахъ. Очевидно, что никакими методами и соображеніями нельзя было изъ Петербурга распланировать всю Россію на мѣстности, соотвѣтственно ихъ хозяйственнымъ условіямъ, и сдѣлать для нихъ уравнительное распредѣленіе оброковъ и выкупа. Крестьянская реформа въ Пруссіи всѣмъ своимъ успѣхомъ обязана, послѣ основныхъ эдиктовъ 1807 и 1811 годовъ, именно дѣйствію подобныхъ оцѣночныхъ коммисій (въ Пруссіи, какъ и во всей Германіи, выкупались не надѣлы крестьянъ, давно уже признанные закономъ ихъ собственностію, но крестьянскія обязательныя повинности помѣщикамъ; повинности же эти, въ свою очередь, съ давнихъ уже поръ были регулируемы и уменьшаемы властію закона).

Нельзя однако пройти молчаніемъ, что, при оцѣнкѣ надѣловъ по сказанному способу, т. е. посредствомъ особыхъ оцѣночныхъ коммисій, крестьянской реформѣ могла угрожать другаго рода опасность, еще бо̀льшая, чѣмъ нынѣшнее обремененіе крестьянъ непосильными для нихъ оброками и выкупными платежами. Работа оцѣночныхъ коммисій могла бы затянуться гораздо долѣе предполагаемаго здѣсь срока. Во все это время одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ реформы, вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ, оставался бы открытымъ. Не могли ли бы воспользоваться этимъ временемъ противники реформы, чтобы не только склонить рѣшеніе упомянутаго вопроса на одну сторону, но и поколебать основныя начала реформы? Тѣсный кружокъ людей, выработавшихъ эти начала, былъ бы уже тогда разсѣянъ и и безсиленъ. Въ Россіи надобно ковать желѣзо, пока оно горячо, пользоваться благопріятною минутою и стараться поскорѣе закрѣпить то, что̀ удалось уже сдѣлать, какъ бы ни было оно неполно и несо-

вершенно, иначе завтрашній день можетъ унести то, что̀ принесъ сегоднишній, ибо дни русскіе злы и измѣнчивы. Извѣстно, что сами редакціонныя коммисіи, послѣ смерти ихъ перваго предсѣдателя, не безъ труда отстояли нѣкоторыя коренныя начала реформы, какъ напримѣръ безсрочность пользованія крестьянъ ихъ надѣлами. Въ самой Пруссіи правительство, подчинясь разнымъ вліяніямъ, отступило въ послѣдствіи отъ широкихъ началъ выкупа, принятыхъ въ 1811 г., а администрація дѣйствовала медленно. Послѣдствіемъ сего было то, что прусскіе земледѣльцы, обманутые въ своихъ законныхъ надеждахъ, приняли участіе въ волненіяхъ 48 года, хотя дотолѣ всегда отличались преданностію монархической власти. Послѣ такого урока, прусское правительсто должно было датъ крестьянскому дѣлу оборотъ довольно крутой и невыгодный для дворянства. Изложенныя выше опасенія были высказываемы и нѣкоторыми изъ главныхъ участниковъ составленія Положенія 19-го февраля, когда имъ замѣчали о неуравнительности установленныхъ ими оброковъ и о необходимости особыхъ оцѣночныхъ коммисій. Впрочемъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, еще сильнѣе сказаннаго опасенія, дѣйствовало столь свойственное русскому характеру желаніе поскорѣе окончить заданный трудъ и оставить за собою всю его славу, не вдаваясь къ копотливую и продолжительную работу оцѣнокъ, заслуга которой принадлежала бы уже другимъ людямъ. Я даже позволяю себѣ думать, что упоминаемыя опасенія были преувеличены. Коренныя начала Положенія остались бы подъ мощною охраною Того, на Комъ единственно зиждилась вся крестьянская реформа, Кому и редакціонныя коммисіи обязаны тѣмъ, что могли провести въ законъ выработанныя ими начала. Есть историческія лица, люди судебъ, для которыхъ возвратъ къ прошедшему уже невозможенъ, какъ бы тѣсно ни обстояли ихъ силы, стремящіяся повернуть ихъ на попятный путь, ибо эти люди въ созидаемомъ ими новомъ порядкѣ положили всѣ лучшія силы своего духа и разума, связали съ нимъ славу и честь своего имени; возвратъ къ разрушенному ими ветхому порядку такъ же для нихъ невозможенъ, какъ невозможно лучу свѣта, пробившемуся сквозь мракъ, снова возвратиться къ своему источнику и въ немъ погаснуть.

Многіе конечно скажутъ, что замѣна нынѣшнихъ оброковъ выкупомъ, расчитаннымъ по дѣйствительной стоимости земли, разорила бы помѣщиковъ. Если подъ разореніемъ разумѣть собственно упраздненіе крѣпостнаго налога на личный трудъ крестьянина, то надобно вспомнить, что упраздненіе этого налога составляетъ существеннѣйшую принадлежность освобожденія крестьянъ, ибо иначе положеніе бывшихъ оброчныхъ крестьянъ послѣ освобожденія мало отличалось бы отъ ихъ положенія предъ освобожденіемъ. Но что помѣщики, желающіе сами трудиться и заниматься хозяйствомъ, не были бы разорены при объясненномъ мною способѣ ихъ удовлетворенія, тому я видѣлъ убѣдительныя доказательства. Два описываемые мною уѣзда принадлежатъ къ мѣстностямъ самымъ неблагодарнымъ для сельскаго хозяйства; между тѣмъ я знаю здѣсь помѣщиковъ, которые, получивъ имѣнія безъ копейки оброка или выкупа (выкупныя деньги при раздѣлѣ имѣній поступили въ другія руки), извлекаютъ изъ своего хозяйства весьма удовлетворительные доходы и никакъ не считаютъ себя разоренными. Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ имѣетъ у себя 120 десят. запашки въ трехъ поляхъ и 70 десят. луга. По собственнымъ его словамъ, если бы пришлось ему отдавать это имѣніе въ аренду, то онъ не могъ бы взять за него, со скотомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, менѣе 1000 р.; слѣдовательно самъ онъ получаетъ съ него чистаго дохода не менѣе 1000 р., и сверхъ того пользуется съ него же содержаніемъ на все семейство и прислугу, чт̀о обыкновенно здѣшними помѣщиками не кладется въ доходъ. Притомъ у него остается въ этомъ же имѣніи около 2000 дес. разной земли и лѣса, которыя хотя и не даютъ теперь дохода, но, съ устройствомъ путей сообщенія въ этой мѣстности и съ умноженіемъ народонаселенія, могутъ быть съ выгодою пущены въ хозяйственный оборотъ. Деревня, принадлежавшая къ этому имѣнію, заключаетъ въ себѣ 30 дворовъ, слѣдовательно не менѣе 120 душъ. Если бы помѣщикъ получилъ съ нихъ выкупъ по 45 р. съ душеваго надѣла, какъ мною предположено, то ему причиталось бы всей выкупной суммы 5400 р., а раскладывая ее на 20 лѣтъ, онъ получалъ бы въ годъ по 270 р. Прикладывая эту сумму къ доходу,

получаемому теперь помѣщикомъ съ земли, оставшейся въ его собственномъ распоряженіи, весь чистый доходъ съ имѣнія получится не менѣе 1270 р. + содержаніе семейства, за исключеніемъ предметовъ, покупаемыхъ въ городѣ. Какой доходъ получался съ этого имѣнія при крѣпостномъ правѣ, того мнѣ неизвѣстно и имѣть объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія отъ помѣщиковъ невозможно. Но положимъ, что это имѣніе было бы продано по самой высшей цѣнѣ, какая существовала въ здѣшнемъ краѣ при крѣпостномъ правѣ, то есть по 200 р. за душу, или за 24.000 рублей (такая цѣна за это имѣніе, если и была бы возможна, то только при продажѣ его съ принадлежащею къ нему лѣсною дачею), и что владѣлецъ пріобрѣлъ бы на эту сумму государственныя процентныя бумаги изъ 6%. Такая реализація упоминаемаго имѣнія конечно не была бы сочтена его владѣльцемъ разорительною операціею. Продавъ имѣніе, онъ получалъ бы на бумагахъ 1440 р. дохода. При выкупѣ же на сказанныхъ мною условіяхъ, онъ въ настоящее время получалъ бы не менѣе 1270 р. деньгами и сверхъ того содержаніе семейства и прислуги, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ значительно болѣе 1440 рублей; да кромѣ того у него оставалось бы до 2000 дес. разной земли и лѣса, доходъ съ которыхъ, черезъ 20 лѣтъ, конечно съ лихвою покрылъ бы утрату 270 рублей крестьянскаго выкупа. Слѣдовательно самая выгодная реализація этого имѣнія при крѣпостномъ правѣ дала бы помѣщику менѣе дохода, чѣмъ онъ получалъ бы теперь, при собственномъ хозяйствѣ и при полученіи выкупа въ предположенномъ мною размѣрѣ. Правда, большая разница получать проценты съ хорошо обезпеченныхъ кредитныхъ бумагъ, безъ всякаго труда и хлопотъ, или же извлекать доходъ изъ имѣнія посредствомъ хозяйства. Упоминаемый помѣщикъ, для извлеченія того дохода изъ имѣнія, который онъ теперь получаетъ, долженъ почти круглый годъ жить въ деревнѣ, самъ входить во всѣ мелочи хозяйства, толковать съ мужиками, проводить иногда лѣтомъ цѣлые дни въ полѣ: вотъ въ этомъ и состоитъ существенная разница прежняго и новаго положенія помѣщиковъ, та невыгода, которая причинена имъ упраздненіемъ крѣпостнаго права. При существованіи барщины, помѣщикъ могъ вовсе не жить въ этомъ имѣніи, и получалъ бы съ него

дохода, быть можетъ, еще болѣе 1440 р., которые и проживалъ бы спокойно въ городѣ; теперь же, если бы помѣщикъ не жилъ въ имѣніи и не занимался самъ хозяйствомъ, то едва ли онъ получилъ бы болѣе 600 р. чистаго дохода (такую именно сумму предлагалъ ему за аренду этого имѣнія одинъ мѣстный купецъ). По этому примѣру, взятому въ одной изъ самыхъ неблагодарныхъ для хозяйства губерній, можно судить, что въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ продажная и наемная цѣны на землю быстро возрасли со времени освобожденія крестьянъ и продолжаютъ возрастать непрерывно, положеніе помѣщиковъ, занимающихся хозяйствомъ, отнюдь не стало бы хуже въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, если бы выкупъ ограничился возстановленіемъ имъ той лишь цѣны, которую крестьянскія земли имѣли при крѣпостномъ правѣ. Чувствительную и нескоро поправимую потерю испытали бы, при сказанномъ способѣ выкупа, только помѣщики сѣверныхъ промышленныхъ губерній, гдѣ въ прежнее время огромные оброки почти исключительно ложились на личный заработокъ крестьянъ и гдѣ теперь, въ средѣ населенія, предпочитающаго промыслы земледѣлію, помѣщики должны встрѣчать большія затрудненія къ заведенію собственнаго хозяйства. Поэтому было бы справедливо въ промышленныхъ губерніяхъ нѣсколько возвысить выкупную оцѣнку надѣловъ противъ ихъ дѣйствительной стоимости, а въ замѣнъ того— въ губерніяхъ земледѣльческихъ нѣсколько понизить ее. Такое уравненіе было бы справедливо не только по отношенію къ помѣщикамъ, но и по отношенію къ крестьянамъ, такъ какъ крестьяне земледѣльческихъ губерній, истощенные и притупленные двухвѣковою барщиною, требуютъ нѣкоторыхъ льготъ, чтобы они могли вздохнуть и оправиться. Несомнѣнно однако, что придетъ время, когда, даже и въ промышленныхъ губерніяхъ, сила обстоятельствъ заставитъ помѣщиковъ изыскать способы для извлеченія соотвѣтственнаго дохода изъ своихъ имѣній, независимо отъ получаемыхъ ими оброковъ. Чѣмъ больше нынѣшніе высокіе оброки даютъ возможность помѣщикамъ продолжать прежній родъ жизни, вдали отъ своихъ имѣній, тѣмъ медленнѣе наступитъ сказанное время. Осязательныя доказательства этой истины я встрѣчалъ и въ описываемой мною губерніи. Мнѣ слу-

чалось иногда видѣть помѣщиковъ, близкихъ сосѣдей другъ къ другу, изъ которыхъ одни получаютъ большіе оброки, а другіе наслѣдовали имѣнія вовсе безъ оброка и выкупа. Первые большею частію пренебрегаютъ хозяйствомъ, живутъ не по средствамъ, зиму проводятъ въ губернскомъ городѣ, иногда прогуливаются даже за границу, долговъ въ опекунскій совѣтъ не платятъ; запущенныя поля встрѣчаются преимущественно у такихъ помѣщиковъ. Вторые, то есть безоброчные помѣщики, лѣто и зиму сидятъ надъ своимъ хозяйствомъ; пашутъ столько, сколько позволяютъ имъ ихъ средства; находятъ иногда новыя статьи дохода, о которыхъ при крѣпостномъ правѣ никто и не думалъ. Тогда какъ первые, запуская свои поля или отдавая ихъ на выпашку крестьянамъ, постепенно умаляютъ цѣнность своихъ имѣній, вторые постепенно ее увеличиваютъ, и въ окончательномъ итогѣ окажутся чрезъ нѣсколько лѣтъ богаче своихъ многооброчныхъ сосѣдей, когда эти послѣдніе принуждены будутъ, въ силу недоимокъ, отпустить крестьянъ на выкупъ и проживутъ выкупную ссуду. Въ томъ и состоитъ одно изъ благодѣтельныхъ послѣдствій совершеннаго уничтоженія крѣпостнаго права, со всѣми его принадлежностями, что чрезъ это возбуждается у землевладѣльцевъ энергія, предусмотрительность и расчетливость, которыя немыслимы у людей, живущихъ на счетъ чужаго заработка и собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Полное уничтоженіе крѣпостнаго права, то есть права пользоваться чужими силами, заставитъ землевладѣльцевъ находитъ такіе источники дохода, которыхъ прежде никто не подозрѣвалъ, и придавать цѣнность такимъ статьямъ хозяйства, которыя дотолѣ лежали впустѣ и втунѣ; слѣдовательно полное уничтоженіе крѣпостнаго права есть общая выгода всѣхъ: и крестьянъ, и помѣщиковъ, и государства. Впрочемъ, если мы примемъ въ соображеніе потерю помѣщиковъ на курсѣ выкупныхъ бумагъ, то окажется, что въ непроизводительныхъ губерніяхъ предположенная мною оцѣнка надѣловъ по ихъ дѣйствительной стоимости не такъ значительно разнилась бы отъ нынѣшней выкупной ссуды, какъ это можетъ показаться съ перваго взляда; въ губерніяхъ же плодородныхъ упоминаемая оцѣнка была бы даже болѣе той суммы, въ которую обращаются выкупныя бумаги, при продажѣ ихъ по курсу. Въ самомъ

дѣлѣ, такъ какъ курсъ выкупныхъ бумагъ долгое время стоялъ ниже 70%, то, принимая его въ 70%, оказывается, что, при восьмирублевомъ оброкѣ, помѣщики выручали съ душеваго надѣла только 74 р. 90 к. (при обязательномъ выкупѣ); по моему же расчету они получили бы въ описываемой мною мѣстности по 45 р.; въ плодородныхъ же губерніяхъ они получали по выкупнымъ бумагамъ по 84 р. за душевой надѣлъ, а по сдѣланному мною расчету они за самый дорогой надѣлъ взяли бы 96 р. 25 к. Правда, по моему расчету, помѣщики получали бы выкупную сумму съ разсрочкою на 15 и 20 лѣтъ, тогда какъ при продажѣ бумагъ они получаютъ деньги единовременно; но то, чтò въ первомъ случаѣ теряли бы помѣщики, преимущественно же биржевые спекулянты, то вознаграждалось бы для всего государства спасеніемъ крестьянъ отъ разоренія и несостоятельности предъ правительствомъ, которыя рано или поздно могутъ наступить, несмотря на строгія мѣры взысканія выкупныхъ платежей.

Многіе изъ помѣщиковъ хотя и соглашаются съ тѣмъ, что крестьяне не въ состояніи съ своихъ надѣловъ прокормить себя и уплатить всѣ лежащія на нихъ повинности, но говорятъ, что они легко могли бы покрыть всѣ свои расходы, и даже сдѣлать болѣе или менѣе значительное сбереженіе, посредствомъ постороннихъ заработковъ. На такое разсужденіе можно во первыхъ отвѣтить, что и теперь рѣдкая деревня обходится однимъ своимъ надѣломъ: почти повсемѣстно крестьяне нанимаютъ у помѣщиковъ либо отрѣзныя земли, либо пашни и луга, либо лѣсные покосы (въ лѣсистыхъ губерніяхъ). За эти угодья они отбываютъ помѣщикамъ различныя работы или же обработываютъ помѣщичьи земли изъ извѣстной части урожая. Крестьяне, погоняемые нуждою и недостаточностью собственныхъ надѣловъ, не рѣдко набираютъ такъ много работъ на сторонѣ, что не успѣваютъ управляться съ собственною землею, запаздываютъ посѣвомъ и уборкою и терпятъ отъ этого убытки: понятно, что помѣщики, давъ имъ свои угодья, требуютъ прежде всего исполненія условленной работы. Крестьяне позажиточнѣе, имѣющіе хорошихъ лошадей и исправную упряжь, занимаются извозомъ. Наконецъ многія тысячи крестьянъ расходятся на дальніе заработки. Чьи же руки, какъ не крестьянскія,

строятъ по всей Россіи желѣзныя дороги, дома и всѣ другія сооруженія, тянутъ лямку на бичевникахъ, проводятъ суда, рубятъ и сплавляютъ лѣсъ, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ? Ни одинъ многосемейный хозяинъ не станетъ держать дома залишнихъ работниковъ; они расходятся туда, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, трудъ ихъ лучше оплачивается. Тягость этихъ отхожихъ работъ и всѣ сопровождающія ихъ лишенія извѣстны каждому. Надобно также вспомнить, сколько стѣсненій встрѣчаютъ эти отхожіе работники отъ паспортовъ и круговой поруки, сколько ихъ трудовыхъ рублей идетъ на разные узаконенные и неузаконенные поборы. Если крестьяне, остающіеся дома, много теряютъ времени въ бездѣйствіи, то справедливость требуетъ сказать, что не всегда это бездѣйствіе происходитъ отъ ихъ лѣни: часто оно есть только неизбѣжное слѣдствіе нашего климата, крестьянской бѣдности и неустановившихся еще у насъ правильныхъ отношеній между предложеніемъ и запросомъ на трудъ и поземельныя угодья. Зима почти на цѣлые полгода налагаетъ принудительное бездѣйствіе на земледѣльца, у котораго, кромѣ сохи и тощей лошади, нѣтъ никакихъ другихъ орудій производства и ни копейки запасныхъ денегъ; а таковы почти всѣ крестьяне земледѣльческихъ губерній. Имъ остается зимою только драть лыки и много-много привезти въ сосѣдній городъ нѣсколько возовъ дровъ. Земледѣльческій трудъ не выноситъ дальнихъ разстояній; между тѣмъ крестьянинъ не всегда можетъ нанять землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, потому что тѣ или требуютъ за нее такую цѣну, при которой ничего не очищалось бы крестьянину за трудъ, или же вовсе не хотятъ отдавать ее крестьянамъ, боясь, что они ее выпашутъ и истощатъ. Наконецъ весьма важная препона къ развитію крестьянскаго труда въ Россіи состоитъ въ томъ, что трудъ этотъ вообще слишкомъ дешево оплачивается, въ слѣдствіе невыгодныхъ цѣнъ, существующихъ въ городахъ на всѣ крестьянскія произведенія. Явленіе это имѣетъ двѣ причины: во первыхъ предшествовавшее крѣпостное право, а потомъ отсутствіе въ нашихъ городахъ почти всякой заводской и мануфактурной производительности, которая могла бы, своимъ обмѣномъ на земледѣльческіе продукты, оплачивать деревнямъ содержаніе городовъ. При крѣпостномъ правѣ

трудъ крестьянина цѣнился ни почемъ, какъ трудъ всякаго подневольнаго и неимѣющаго своей собственности работника. Обычныя цѣны на главнѣйшія жизненныя потребности измѣняются вообще медленно, хотя бы и измѣнились нѣкоторыя общественныя условія; слѣдовательно и съ этой стороны нельзя бы было ожидать скораго увеличенія цѣнъ на крестьянскія произведенія послѣ реформы 19-го февраля 1861 г. Съ другой стороны, наши города, производя слишкомъ мало или вовсе ничего не производя, не въ состояніи давать земледѣльцамъ соотвѣтственнаго вознагражденія за свое продовольствіе. Наше провинціальное купечество малочисленно и обороты его ничтожны. Мѣщанство наше есть своего рода классъ пролетаріевъ, почти ничего непроизводящій и живущій преимущественно кулачничествомъ, на счетъ окрестныхъ крестянъ. Затѣмъ остаются въ городахъ: духовенство, многочисленный классъ чиновниковъ, большинство которыхъ живетъ самымъ скуднымъ жалованьемъ, и еще многочисленнѣйшее потомство этихъ обоихъ сословій, пребывающее наичаще въ совершенной нищетѣ. Вотъ тѣ классы, которые должны оплачивать труды нашихъ земледѣльцевъ: понятно, какъ должна быть выгодна для крестьянъ эта оплата. Непроизводительность и скудость нашихъ городскихъ сословій служитъ также источникомъ незаконныхъ поборовъ, надувательствъ и разныхъ прижимокъ, которыя, какъ нити паутины, простираются изъ городовъ на все наше сѣрое мужицкое населеніе. Наши города, вмѣсто того, чтобы своими капиталами и мануфактурно-торговою дѣятельностію оживлять и питать сельскую производительность, ложатся на нее всею своею тяжестію. О правильномъ обмѣнѣ цѣнностей не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ одна сторона не производитъ почти никакихъ цѣнностей; здѣсь можетъ быть только грошовая оплата крестьянскаго труда грошами, съ самихъ же крестьянъ собранными тѣмъ или другимъ путемъ. Россія въ экономическомъ отношеніи доселѣ представляетъ огромную деревню, какою она была въ прежнія времена. Наши города какъ бы для того только возникали и размножались, чтобы притягивать къ себѣ и расточать непроизводительно плоды трудовъ деревенскаго населенія, ничѣмъ не вознаграждая послѣдняго ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отно-

шеніи. Вотъ почему единственно выгоднымъ путемъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ почитается у насъ отправка ихъ за границу, и всѣ надежды сельскихъ хозяевъ устремляются на тѣ приморскіе города, въ которые должны будутъ упираться проводимыя теперь желѣзныя дороги, какъ будто вовсе не нужно русскаго хлѣба для 500 городовъ Европейской Россіи, съ ихъ четырехмилліоннымъ населеніемъ (не считая Петербурга и Москвы). Но заграничный отпускъ хлѣба можетъ обогащать только крупныхъ землевладѣльцевъ и преимущественно купечество, изъ крестьянъ же воспользуются его выгодами весьма немногіе. Если наши городскія сословія, по своей непроизводительности, не въ состояніи соотвѣтственнымъ образомъ оплачивать трудъ крестьянина, то съ другой стороны и крестьяне, гнетомые нуждою, погоняемые взысканіемъ повинностей, не могутъ выдерживать цѣнъ и принуждены отдавать свои произведенія почемъ ни попало. По освобожденіи крестьянъ, городскіе жители описываемой мною губерніи опасались напримѣръ, что слишкомъ вздорожаютъ дрова, привозимыя крестьянами на базаръ и пригоняемыя по рѣкамъ; вмѣсто того цѣна ихъ не только не поднялась, но въ первые годы по освобожденіи была еще ниже, чѣмъ въ предшествовавшіе. Я уже упоминалъ, что въ одномъ изъ посѣщенныхъ мною уѣздныхъ городовъ этой губерніи возъ дровъ продается зимою за гривенникъ, а этотъ возъ крестьянинъ везетъ не рѣдко за 20 верстъ; сажень трехполѣнныхъ, хотя и мелкихъ дровъ, стоитъ тамъ съ доставкою 2 рубля. Въ другомъ изъ уѣздныхъ городовъ цѣна на дрова еще ниже. Сообразивъ всѣ сказанныя условія, въ которыя поставлены такъ называемые посторонніе крестьянскіе заработки, едва ли можно утверждать, какъ общее правило, что посредствомъ ихъ крестьянину легко и уплатить всѣ повинности, и сдѣлать еще сбереженіе. Весьма не трудно, сидя въ кабинетѣ, расчитывать: сколько у крестьянина, за обработкою его надѣла, остается свободныхъ дней въ году, сколько онъ можетъ выработать каждый день, сколько ему нужно, по нашему предположенію, на харчи, одежу и уплату повинностей, и потомъ вывести итогъ, сколько у него должно остаться денегъ на его прихоти или для образованія запаснаго капитала. Подобные расчеты дѣлаются весьма скоро и легко; но гораздо

труднѣе взвѣсить всѣ невыгодныя условія, въ которыя поставленъ у насъ трудъ крестьянина и о которыхъ всѣ мы, пишущіе и разсуждающіе о меньшихъ братьяхъ, имѣемъ весьма еще неполное понятіе, а иногда и вовсе не имѣемъ никакого понятія. Представимъ себѣ, что въ одинъ изъ нашихъ уѣздовъ призваны сѣверо-американскіе колонисты или бельгійскіе крестьяне и поставлены въ тѣ же самыя условія, въ которыхъ находятся наши мужики, т. е. что они предварительно обобраны до той степени нищеты, на которой находились наши крестьяне въ минуту ихъ освобожденія, что они прикрѣплены къ своимъ надѣламъ неразрѣшимыми узами, что имъ вмѣнены въ обязанность общинное пользованіе землею и круговая порука, что они подчинены подушному окладу, паспортной системѣ и рекрутской повинности, что на нихъ же возложены всѣ или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, что въ то же время распивочная продажа водки водворена въ каждой деревнѣ въ видѣ нѣсколькихъ кабаковъ, состязующихся между собою въ искусствѣ заманивать и спаивать бѣдное человѣчество: рѣшитесь ли вы, читатель, къ какому бы сословію, направленію или партіи вы ни принадлежали, рѣшитесь ли вы утверждать, что эти бельгійцы или янки, въ семилѣтній срокъ со времени ихъ водворенія въ русскомъ уѣздѣ, заведутъ отличное хозяйство на своихъ надѣлахъ, поснимутъ отъ помѣщиковъ ихъ запольныя и никогда неудобрявшіяся земли и обратятъ ихъ въ тучныя нивы и пажити, что наконецъ, продавая свои продукты въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ по существующимъ у насъ цѣнамъ, они не только легко уплатятъ на вырученныя деньги всѣ свои повинности, по 14 и 15 рублей на душу, но еще сами будутъ жить припѣваючи и сдѣланнымъ запасомъ, хлѣбнымъ или денежнымъ, обезпечатъ себя отъ голода въ случаѣ неурожая? Если развитый умъ, практическія знанія, энергія и духъ предпріимчивости, принесенные этими переселенцами изъ ихъ свободнаго и просвѣщеннаго отечества, и помогутъ имъ вначалѣ сдѣлать въ своемъ хозяйствѣ что нибудь больше того, что̀ сдѣлано нашими крестьянами со времени ихъ освобожденія, то можно ли ручаться, что дѣти этихъ переселенцевъ, возросши въ условіяхъ нашего крестьянскаго быта, не сравняются съ нашими мужи-

ками? Если нѣмецкіе колонисты южной Россіи представляютъ такое поразительное отличіе отъ сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, по своему благосостоянію, трудолюбію и нравственности, то этимъ они обязаны прежде всего тѣмъ огромнымъ льготамъ и богатымъ земельнымъ надѣламъ, которые они получили и удерживаютъ доселѣ въ ихъ новомъ отечествѣ. Эти колонисты поставлены были русскимъ правительствомъ въ положеніе совершенно исключительное, какимъ не пользовалось ни одно сословіе въ Россіи: они все получили отъ государства, а обязательствъ къ государству на нихъ не наложено почти никакихъ. При такихъ условіяхъ они конечно могли удержать и укрѣпить въ себѣ тѣ добрые задатки христіанско-европейской цивилизаціи, которые были принесены ими изъ ихъ германскаго отечества. Впрочемъ, какъ скоро люди самыхъ противоположныхъ мнѣній соглашаются съ тѣмъ, что крестьяне не въ состояніи уплачивать съ своихъ надѣловъ всѣхъ лежащихъ на нихъ повинностей и что болѣе или менѣе значительная часть этихъ повинностей должна быть оплачиваема личными заработками крестьянъ, то этимъ однимъ доказывается уже, что крестьянскій трудъ поставленъ у насъ въ самыя невыгодныя условія: ибо и опытъ всѣхъ государствъ, и лучшіе умы изъ среды финансистовъ и политико-экономистовъ давно уже уяснили ту истину, что какъ скоро налогъ падаетъ на личный заработокъ, то онъ сковываетъ развитіе народнаго труда и неизбѣжно производитъ обнищаніе рабочихъ сословій.

1868 г.

VIII.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ ихъ обществамъ и надѣламъ препятствуетъ улучшенію ихъ быта. Разборъ относящихся къ этому предмету статей Положенія. Невѣдѣніе крестьянами ихъ правъ и обязанностей по Положенію. Отказъ отъ надѣловъ послѣ 19 февраля 1870 г. Препятствія къ развитію отхожихъ промысловъ. Необезпеченность въ деревняхъ личной и имущественной безопасности, какъ одна изъ препонъ къ улучшенію благосостоянія крестьянъ. Судъ и полиція. Сельское и волостное управленіе. Неопредѣленность отношеній земской полиціи къ крестьянскому управленію. Въ какой мѣрѣ вѣроятно въ будущемъ устраненіе причинъ, задерживающихъ улучшеніе народнаго благосостоянія въ Россіи?

Послѣ невѣжества крестьянъ и подавленности ихъ прогрессивно возрастающими налогами, одною изъ причинъ, задерживающихъ развитіе крестьянскаго труда и слѣдовательно крестьянскаго благосостоянія, служитъ прикрѣпленіе крестьянъ къ ихъ обществамъ и надѣламъ. Привязывать рабочія силы къ одному мѣсту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами—это есть условіе само по себѣ уже крайне невыгодное для развитія труда, личной предпріимчивости и мелкой поземельной собственности; но это условіе становится еще болѣе тяжкимъ, когда работникъ обязанъ за клочокъ земли, къ которому онъ прикрѣпленъ, уплачивать налогъ, превосходящій чистый доходъ съ этого клочка, или долженъ покупать его по цѣнѣ, далеко превышающей его стоимость. Стоитъ только вникнуть въ смыслъ статей 125—129 и 130—142 Мѣстнаго Великоросс. Пол., чтобы видѣть, что въ первыя 9 лѣтъ отказъ отъ надѣла и выходъ изъ общества сдѣланы для отдѣльныхъ крестьянъ совершенно новозможными, за исключеніемъ развѣ богачей и тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, когда и помѣщикъ, и общество бываютъ согласны на увольненіе крестьянина. Всѣ сложныя и запутанныя условія, постановляемыя на сей конецъ Положеніемъ, сводятся въ сущности въ такимъ двумъ требованіямъ:

крестьянинъ, желающій отказаться отъ пользованія помѣщичьей землею, хотя бы и не выходя изъ прежняго сельскаго общества, долженъ во первыхъ купить себѣ собственный участокъ земли, *не менѣе двухъ высшихъ или указныхъ душевыхъ надѣловъ*, и во вторыхъ долженъ уплатить сельскому обществу *за покидаемый имъ участокъ* (для обезпеченія лежащей на семъ участкѣ повинности къ помѣщику) капиталъ, равный той суммѣ, въ которую этотъ участокъ оцѣнивается при добровольноиъ выкупѣ (т. е. капитализированному изъ 6% оброку, лежащему на семъ участкѣ). Много ли найдется на Руси крестьянъ, которые, за право *откупиться* отъ надѣла или перейти въ другое общество, въ состояніи были бы бросить на воздухъ 400, 450 и даже 500 р. (только при трехъ душевыхъ участкахъ на дворъ)? Правило это, равносильное безусловному запрещенію отказываться отъ надѣла и переходить въ другое общество въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ, вызвано во первыхъ желаніемъ законодателя обезпечить помѣщикамъ ихъ оброки, а во вторыхъ—опасеніемъ, чтобы одновременные и учащенные переходы крестьянъ на другія мѣста не нарушили порядка внутри государства и не отозвались недоборомъ казенныхъ податей. Слѣдовательно само законодательство сознавало, что установленные имъ оброки не соотвѣтствуютъ достоинству надѣловъ, что, для обезпеченія ихъ уплаты помѣщикамъ и для предотвращенія бѣгства крестьянъ съ предоставленныхъ въ ихъ пользованіе земель, надобно принять искусственныя мѣры прикрѣпленія къ надѣламъ. Но эти искусственныя мѣры не отвратили той несостоятельности крестьянъ, въ предвидѣніи которой онѣ были приняты: для взысканія оброковъ и выкупныхъ платежей часто приходится теперь прибѣгать къ продажѣ крестьянскаго скота и имущества, т. е. къ такой мѣрѣ, которая въ конецъ разоряетъ крестьянское хозяйство. Крестьяне, прикованные къ своимъ надѣламъ и обществамъ, лишенные возможности употреблять свой трудъ тамъ, гдѣ онъ оказывается производительнѣе и для нихъ выгоднѣе, какъ бы застыли въ той скученной, стадообразной, непроизводительной формѣ быта, въ которой они вышли изъ рукъ крѣпостнаго права. Конечно виною стѣсненнаго положенія нашихъ крестьянъ не одно прикрѣпленіе ихъ къ надѣламъ, а вся совокупность тяготѣющихъ надъ

ними условій; прикрѣпленіе прибавляетъ только къ ихъ положенію новое невыгодное условіе. Если бы крестьянскіе надѣлы не были обременены чрезмѣрными повинностями, тогда не было бы для крестьянъ и причины искать перехода на другія мѣста, ибо для земледѣльцевъ такіе переходы разорительны и не всегда возможны.

По истеченіи девятилѣтняго періода, для крестьянъ, непереведенныхъ на выкупъ, прекращаются непреодолимыя препятствія къ отказу отъ надѣловъ и къ переходу на другія мѣста отдѣльными семействами; остается однако требованіе о пріобрѣтеніи участка, равнаго двойному высшему или указному надѣлу. Текстъ закона неясенъ: долженъ ли переходящій хозяинъ двора пріобрѣсть двойной участокъ только на свою собственную душу, или же на всѣ ревизскія души своего семейства. Судя по цѣли, или, какъ говорятъ, по разуму этого закона, вѣроятнѣе, что онъ будетъ разъясненъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, и тогда для большинства крестьянъ опять останется непреодолимое препятствіе къ свободному размѣщенію труда и поземельной собственности. Препятствіе это не можетъ быть оправдано никакою необходимостью. Для чего напримѣръ крестьянинъ, имѣющій теперь въ пользованіи $4\frac{1}{2}$ десятины на душу не рѣдко крайне плохой земли (а при неполномъ надѣлѣ—и того менѣе), за которую онъ долженъ платить несоразмѣрный оброкъ въ 8 или 9 руб., для чего онъ, чтобы имѣть право отказаться отъ нея, непремѣнно обязанъ купить 9 десятинъ на душу, тогда какъ онъ можетъ пріискать участокъ въ какихъ нибудь двѣ десятины на душу, но который, по свойству почвы и по выгодности покупки, дастъ ему больше способовъ къ существованію и къ уплатѣ казенныхъ повинностей, чѣмъ его прежній обязательный надѣлъ? Для чего домохозяинъ долженъ пріобрѣтать двойные участки даже не нерабочія ревизскія души, когда, и при пользованіи надѣломъ, общество разверстываетъ обыкновенно участки по числу не ревизскихъ, а рабочихъ душъ въ семействахъ? Превосходна заботливость закона о томъ, чтобы крестьяне не остались безземельны; но не надобно забывать, что у самихъ крестьянъ заботливость о томъ же предметѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ у какого бы то ни было законодателя. Поэтому сказанная цѣль закона не должна затруднять достиженіе другой,

не менѣе важной цѣли—чтобы распредѣленіе труда и поземельной собственности слѣдовало естественному пути личной выгоды и свободной конкурренціи. Если уже законъ непремѣнно желаетъ опредѣлять размѣръ поземельной крестьянской собственности, то онъ долженъ бы взять за обязательную норму не maximum, доступный только для богатыхъ крестьянъ, а minimum, доступный для большинства, предоставивъ приращеніе этого minimum'а дальнѣйшему, естественному увеличенію крестьянскихъ достатковъ. Предписаніе же закона въ обратномъ смыслѣ загораживаетъ путь образованію множества мелкихъ крестьянскихъ участковъ, увѣковѣчиваетъ нынѣшній непосильный для крестьянъ оброкъ и осуждаетъ большинство ихъ на неподвижное прикрѣпленіе къ одному мѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какія необъяснимыя противорѣчія въ законѣ! Положеніе, дозволяющее крестьянамъ переселяться на другое мѣсто не иначе, какъ подъ условіемъ пріобрѣтенія двойнаго количества земли, въ то же время разрѣшаетъ имъ, по истеченіи 9 лѣтъ, отказаться отъ надѣла, если они выкупятъ усадьбы. Но развѣ усадьба, т. е. ничтожный клочекъ земли подъ огородомъ и коноплеником, окруженный со всѣхъ сторонъ помѣщичьей землею, можетъ лучше обезпечить крестьянина земледѣльца, чѣмъ нѣсколько десятинъ собственной пашни или луга? Притомъ крестьянинъ долженъ совершенно разориться на покупку усадьбы, ибо, при выкупѣ усадьбъ всѣмъ обществомъ, каждый домохозяинъ, полагая на дворъ только по 4 души, долженъ заплатить за усадьбу: въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ 100 руб., а въ промышленныхъ, или хотя и въ земледѣльческихъ, но гдѣ усадьбы заключаютъ въ себѣ обширные конопляники или огороды, — 166 р. При выкупѣ же усадьбъ не цѣлымъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, цѣна ихъ, при четырехдушномъ составѣ семейства, опредѣлена Положеніемъ въ 120 и 199 р. Законъ, оказывая предпочтеніе крестьянамъ, остающимся въ своихъ усадьбахъ, предъ крестьянами переселяющимися, несмотря на всю очевидную невыгодность положенія первыхъ, какъ будто основываетъ это предпочтеніе только на томъ, что первые остаются въ безвыходной зависимости отъ помѣщиковъ, безъ земли которыхъ они не могутъ существовать. Конечно не таковы были виды и желанія составителей Положе-

нія; но теперь идетъ дѣло не о видахъ и желаніяхъ, а о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводятъ извѣстныя статьи Положенія. (Составители Положенія принуждены были ввести въ него статью объ отдѣльномъ выкупѣ усадьбъ собственно потому, что этотъ выкупъ былъ уже предрѣшенъ въ первыхъ Высочайшихъ рескриптахъ 1857 г. объ улучшеніи быта крестьянъ). Второе противорѣчіе съ требованіемъ о покупкѣ двойнаго земельнаго участка мы встрѣчаемъ въ той статьѣ Положенія, гдѣ крестьянамъ, получившимъ въ даръ $^1/_4$ высшаго или указнаго надѣла, дозволяется отказываться отъ остальной его части. Съ одной стороны законъ признаетъ достаточнымъ $^1/_4$ надѣла, лишь бы крестьяне остались крѣпки землѣ и въ зависимости отъ помѣщика (безъ угодій котораго они не могутъ существовать при $^1/_4$ надѣла); съ другой—считаетъ необходимымъ двойной участокъ, т. е. въ восемь разъ бо́льшій упомянутаго, какъ скоро крестьянинъ пожелаетъ перемѣнить мѣсто и избавиться отъ непосильнаго для него оброка. Третье противорѣчіе тому же требованію заключается въ томъ, что Положеніе дозволяетъ вовсе не пріобрѣтать земли тѣмъ отказывающимся отъ надѣла крестьянамъ, которые припишутся въ городское общество. Развѣ положеніе безземельнаго и бездомнаго мѣщанина больше обезпечено, чѣмъ положеніе земледѣльца, имѣющаго напримѣръ по одному или даже по половинѣ высшаго надѣла на душу? Четвертое противорѣчіе состоитъ въ томъ, что Положеніе дозволяетъ крестьянину, при пользованіи обязательнымъ надѣломъ, уменьшать его, по согласію съ помѣщикомъ, до $^1/_2$ высшаго размѣра, а при выкупѣ — даже до $^1/_3$. Наконецъ пятое противорѣчіе: въ случаѣ недоимочности отдѣльныхъ крестьянъ по оброку помѣщику, Положеніе дозволяетъ сельскому обществу *вовсе отбирать* отъ недоимщиковъ ихъ полевой надѣлъ; а въ случаѣ недоимочности всего общества, Положеніе разрѣшаетъ мировому посреднику отбирать отъ общества *до одной трети* существующаго полеваго надѣла (М. Великоросс. П. ст. 261, 133, 135 и 262 п. 5). Выходитъ слѣдов., что лѣнтяй и пьяница легко можетъ освободиться отъ надѣла: стоитъ ему только упорно не платить оброка; для крестьянина же трудолюбиваго и честнаго, считающаго

для себя невыгоднымъ нынѣшній его надѣлъ, отказъ отъ него затрудненъ почти невыполнимымъ условіемъ.

Людямъ, незнакомымъ близко съ Положеніемъ 19-го февраля, можетъ показаться, что право крестьянъ отказываться отъ надѣловъ посредствомъ выкупа усадьбъ все-таки улаживаетъ отчасти дѣло и развяжетъ руки множеству крестьянъ, которые, выкупивъ усадьбы и отказавшись отъ обязательныхъ надѣловъ, тѣмъ или другимъ способомъ, вблизи или вдали своихъ усадьбъ, пріобрѣтутъ собственные участки, въ размѣрахъ, допускаемыхъ ихъ средствами. Къ сожалѣнію такое предположеніе несбыточно, ибо право крестьянъ на отдѣльный выкупъ усадьбъ есть только право мнимое. Гдѣ крестьянамъ было бы желательно купить однѣ усадьбы, а помѣщику, напротивъ того, было бы невыгодно продать ихъ и чрезъ то лишиться высокаго оброка или выкупнаго платежа за полевыя угодья (напр. во всѣхъ губерніяхъ промышленныхъ), тамъ помѣщикъ можетъ не допустить отдѣльнаго выкупа усадьбъ простымъ письменнымъ заявленіемъ, что онъ отдѣльно усадьбъ продавать крестьянамъ не желаетъ, а пусть-де они, если хотятъ, покупаютъ у него весь надѣлъ. Это заявленіе не обязываетъ даже помѣщика уступить крестьянамъ $1/5$ долю выкупной суммы, какъ при обязательномъ выкупѣ, или предоставить имъ на выкупъ уменьшенный противъ существующаго надѣлъ; напротивъ того, крестьяне, если бы пожелали воспользоваться заявленіемъ помѣщика, должны бы были прежде всего внести въ казначейство, за одинъ разъ, весь дополнительный платежъ, и потомъ, волею неволею взять существующій надѣлъ (ст. 10, 21, 36 и 88 Пол. о вык.), т. е. получить именно то, отъ чего они желали отдѣлаться. Въ губерніяхъ же земледѣльческихъ и хлѣбородныхъ, гдѣ помѣщикъ охотно согласился бы на отдѣльную продажу усадьбъ, тамъ выкупъ одной усадьбы, по цѣнѣ не меньшей 100 или 160 р., былъ бы для крестьянина равносиленъ добровольному саморазоренію и обращенію себя въ бобыля, вполнѣ зависящаго въ своемъ существованіи отъ воли помѣщика. Не можетъ же крестьянинъ земледѣлецъ бросить на вѣтеръ 100—160 р., если бъ даже они и нашлись у него, и остаться вовсе безъ полевой земли, или, для ея отысканія, брести Богъ вѣсть куда, съ семействомъ, скотиною и всѣмъ

домашнимъ скарбомъ. Слѣдовательно отказъ отъ надѣла, съ помощію выкупа усадьбъ, на дѣлѣ никогда не осуществится. Я не упоминалъ о томъ случаѣ отказа отъ надѣла, когда отказавшійся крестьянинъ принимается другимъ сельскимъ обществомъ *съ участіемъ въ общемъ надѣлѣ*. Подобные случаи могутъ встрѣчаться только какъ рѣдкія исключенія, во первыхъ потому, что переходящій крестьянинъ ничего не выигрываетъ здѣсь относительно оброка или выкупнаго платежа, а во вторыхъ потому, что въ губерніяхъ производительныхъ, гдѣ надѣлы и безъ того весьма для крестьянъ недостаточны, общества не согласятся на пріемъ новыхъ членовъ, съ участіемъ въ мірскомъ надѣлѣ. Принимая однако въ соображеніе, что препятствіе къ переходу на другія мѣста отдѣльныхъ крестьянъ, несостоящихъ на выкупѣ, есть препятствіе легко устранимое, можно предполагать, что правительство быть можетъ его уничтожитъ и, вмѣсто двойнаго душеваго участка, дозволитъ крестьянамъ ограничиться пріобрѣтеніемъ на каждую ревизскую душу половиннаго участка, подобно тому, какъ дозволяется уменьшать надѣлъ до половины высшаго размѣра тѣмъ крестьянамъ, которые остаются въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Все сказанное до сихъ поръ объ отказѣ отъ надѣла и выходѣ изъ общества относится только до отдѣльныхъ крестьянскихъ лицъ и семействъ; объ отказѣ же отъ надѣла цѣлыхъ сельскихъ обществъ Положеніе ничего не говоритъ, хотя съ другой стороны явно допускаетъ возможность такого отказа послѣ девяти лѣтъ, ибо ничѣмъ не ограничиваетъ числа отдѣльныхъ крестьянъ, могущихъ отказаться отъ своихъ участковъ, подъ условіемъ покупки двойнаго надѣла. Редакціонныя коммисіи считали преждевременнымъ постановлять подробныя правила о переходѣ цѣлыхъ сельскихъ обществъ на другія мѣста и благоразумно предоставили выработаться этимъ правиламъ въ послѣдствіи, согласно новой обстановкѣ, которую приметъ сельская жизнь послѣ освобожденія крестьянъ. Слѣдовательно въ настоящее время законодательству предстоитъ полная свобода определить правила, на основаніи которыхъ могли бы отказываться отъ надѣловъ цѣлыя сельскія общества, не нарушая спокойнаго теченія сельской жизни и не ставя правительство въ опасеніе за исправность государственныхъ

податей и повинностей. Такимъ образомъ для временно-обязанныхъ крестьянъ отказъ отъ надѣла и переходъ на другія мѣста, какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными семействами, не представляются невозможными по истеченіи девятилѣтняго періода.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи окажутся крестьяне, состоящіе на выкупѣ: переходъ на другія мѣста сдѣланъ для нихъ рѣшительно невозможнымъ въ теченіе всего выкупнаго періода (49 лѣтъ), такъ какъ выданныя за нихъ помѣщику выкупныя ссуды считаются обезпеченными ихъ надѣлами. Когда земля выкуплена была цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то крестьянинъ, желающій отказаться отъ своего участка и выдти изъ общества, обязанъ, кромѣ пріобрѣтенія двойнаго душеваго участка на сторонѣ, уплатить въ казну половину выкупнаго долга, лежащаго по мірской разверсткѣ на его участкѣ, если притомъ общество приметъ на себя ручательство за остальную половину долга (при началѣ выкупа и при четырехдушевомъ составѣ семейнаго участка эта половина равняется 240 р. или 213 р., смотря по тому, былъ ли оброкъ 9-ти рублевый или 8-ми рублевый). Если чрезъ такія увольненія число крестьянъ уменьшится въ обществѣ на одну треть, то дальнѣйшее увольненіе можетъ дѣлаться только съ разрѣшенія губернскаго присутствія; но если крестьянинъ внесетъ въ казну всю причитающуюся съ него частъ выкупнаго долга, то онъ можетъ быть уволенъ и безъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ либо казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ разрѣшенія губернскаго присутствія. Если же домохозяинъ выкупилъ свой участокъ отдѣльно отъ другихъ крестьянъ (въ губерніяхъ съ участковымъ пользованіемъ землею), то онъ долженъ, прежде увольненія изъ общества, продать или передать свой участокъ другому лицу, а это послѣднее обязано внести въ казну, за одинъ разъ, весь долгъ, состоящій на томъ участкѣ по выданной ссудѣ. Наконецъ цѣлое общество, состоящее на выкупѣ, можетъ перейти на другое мѣсто не иначѣ, какъ продавъ сперва свой надѣлъ въ другія руки, съ разрѣшенія губернскаго присутствія, и внеся въ казну остающуюся на немъ часть долга по выкупной ссудѣ (Пол. о вык., ст. 173, 176, 162 и 169).

Понятно, что всѣ эти правила для крестьянъ невыполнимы и на дѣлѣ никогда не будутъ имѣть приложенія. Если бы крестьяне и имѣли требуемыя отъ нихъ въ этихъ случаяхъ огромныя деньги, то не могутъ же они бросать ихъ на вѣтеръ только за одно право оставить свои надѣлы, когда притомъ они должны еще купить для своей осѣдлости новые земельные участки. Между тѣмъ въ настоящее время уже болѣе половины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (около $53\frac{1}{2}\%$) состоитъ на выкупѣ, не считая западныхъ губерній, гдѣ обязательный выкупъ сдѣланъ мѣрою общею и гдѣ выкупные акты совершены уже въ большинствѣ имѣній. Вѣроятно, съ приближеніемъ конца девятилѣтняго періода, большинство помѣщиковъ, которые не отпустили еще крестьянъ на выкупъ, поспѣшитъ обязательнымъ выкупомъ. Въ губерніяхъ промышленныхъ и непроизводительныхъ помѣщики поспѣшатъ выкупомъ для того, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ надѣламъ и воспользоваться высокою выкупною ссудою; въ губерніяхъ плодородныхъ— чтобы обезопасить себя отъ недоимокъ и отъ неизвѣстности будущихъ порядковъ. И теперь уже между помѣщиками ходятъ разные неосновательные слухи: одни говорятъ, будто бы рѣшено послѣ 9 лѣтъ убавить оброки на половину; другіе толкуютъ, что составляются правила о переселеніяхъ крестьянъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Итакъ обстоятельства складываются такимъ образомъ, что право крестьянъ отказываться отъ обязательныхъ надѣловъ и пріобрѣтать себѣ собственность на сторонѣ можетъ обратиться, почти для всего сословія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ мертвую букву: полвѣка они должны будутъ держать обязательно свои надѣлы, каково бы ни было ихъ достоинство, и уплачивать за нихъ высокую выкупную цѣну по тяжелому банковому расчету. Поэтому было бы желательно, чтобы правительство теперь же прекратило право помѣщиковъ переводить крестьянъ на выкупъ безъ согласія послѣднихъ. Полезныя послѣдствія такой мѣры были бы слѣдующія: въ сѣверной полосѣ, гдѣ цѣны на землю не возвысились со времени освобожденія, нѣкоторыя, наиболѣе достаточныя сельскія общества или же отдѣльные крестьяне могли бы купить себѣ землю на сторонѣ, по ея дѣйствительной стоимости, и слѣдовательно представляли бы въ будущемъ больше руча-

тельствъ, чѣмъ при настоящемъ ихъ положеніи, въ развитіи своего благосостоянія и въ состоятельности предъ правительствомъ. Многіе помѣщики тѣхъ же губерній, чтобы удержать крестьянъ на надѣлахъ и не лишиться вовсе выкупа, согласились бы предоставить имъ на выкупъ уменьшенные надѣлы, не требуя дополнительнаго платежа, либо оцѣнивая эти уменьшенные надѣлы пропорціонально числу десятинъ, а не по градаціи, установленной Положеніемъ. Въ губерніяхъ плодородныхъ и густонаселенныхъ, гдѣ, по случаю сильнаго возвышенія цѣнъ на землю, крестьянамъ нѣтъ расчета покидать свои надѣлы, сказанное правило принесло бы пользу по крайней мѣрѣ тѣмъ крестьянамъ, которые еще остаются на издѣльной повинности и не чувствуютъ въ себѣ силъ вносить выкупные платежи, установленные Положеніемъ; при выкупѣ по обоюдному соглашенію, платежи эти могли бы быть уменьшаемы или же замѣняемы соотвѣтственною издѣльною повинностію. Наконецъ, съ прекращеніемъ права помѣщиковъ переводить крестьянъ на выкупъ безъ ихъ согласія, правительство имѣло бы ту выгоду, что на выкупъ переходили бы преимущественно крестьяне состоятельные и слѣдовательно обѣщающіе въ будущемъ быть исправными плательщиками предъ казною по выкупнымъ ссудамъ. Тѣмъ же крестьянамъ, которые не видѣли бы для себя никакого лучшаго исхода, какъ нынѣшній обязательный выкупъ, стоило бы только изъявить свое согласіе на выкупъ, какъ скоро его пожелаетъ помѣщикъ. Правда, надобно также предвидѣть, что во многихъ случаяхъ помѣщики, зная всѣ неудобства и потери, сопряженныя для крестьянъ съ переселеніемъ на другія мѣста, вовсе не будутъ требовать выкупа и будутъ длить неопредѣленное время выгодный для нихъ оброкъ. Такой оборотъ въ особенности вѣроятенъ въ томъ случаѣ, если останется безъ измѣненія требованіе о пріобрѣтеніи двойныхъ душевыхъ участковъ. Потому-то право требовать выкупа должно бы быть предоставлено не сторонѣ продающей, а сторонѣ покупающей, т. е. крестьянамъ. Это было бы болѣе сообразно съ самымъ значеніемъ выкупа, какъ мѣры, имѣющей цѣлью окончательно обезпечить бытъ крестьянъ и прекратить между двумя сословіями обязательныя отношенія, при существованіи которыхъ спокой-

ствіе въ сельскомъ быту не можетъ почитаться упроченнымъ. Но сказанная мѣра достигла бы своей цѣли только въ томъ случаѣ, если бы крестьяне имѣли право требовать выкупа на облегченныхъ условіяхъ, т. е. со сбавкою пятой доли съ установленной Положеніемъ цѣны надѣловъ и съ правомъ уменьшатѣ при выкупѣ величину надѣла, безъ взноса помѣщикамъ дополнительнаго платежа. Притомъ не существуетъ никакого основанія къ тому, чтобы, при уменьшеніи выкупаемаго надѣла, уменьшать правительственную ссуду, т. е. выдавать въ ссуду не $^4/_5$, а только $^3/_4$ капитализированнаго оброка, падающаго на выкупную часть надѣла, какъ это постановлено Положеніемъ. Крестьяне, которые сами пожелаютъ купить свой надѣлъ, и притомъ купить его въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ потребностямъ и рабочимъ силамъ, конечно представляютъ для правительства болѣе ручательствъ въ состоятельности, чѣмъ тѣ, которымъ надѣлъ навязанъ безъ ихъ желанія и въ размѣрѣ, превосходящемъ ихъ потребности и средства. Обратная постановка выкупа въ Положеніи можетъ, какъ мнѣ кажется, повести въ послѣдствіи къ несостоятельности многихъ крестьянъ по выкупнымъ платежамъ. Впрочемъ такое коренное измѣненіе условій выкупа, какъ перенесеніе права требовать его съ помѣщиковъ на крестьянъ, представляется въ настоящее время невѣроятнымъ. Но, помимо этого кореннаго измѣненія, для множества крестьянъ былъ бы, по моему мнѣнію, открытъ выходъ изъ ихъ теперешняго затруднительнаго положенія, если бы были приняты преждеупомянутыя мною мѣры, облегчающія крестьянамъ отказъ отъ земли и возможность уменьшать выкупаемый надѣлъ. Разумѣется, въ случаѣ принятія сказанныхъ мѣръ, необходимо объяснить крестьянамъ, простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, смыслъ этихъ мѣръ и вытекающія изъ нихъ послѣдствія; иначе крестьяне попрежнему будутъ оставаться въ неизвѣстности о своихъ правахъ или же будутъ отказываться отъ выкупа, даже и при полной невозможности купить себѣ участки на сторонѣ, будутъ отказываться только по одному непониманію дѣла, отчего оброчный періодъ будетъ продолжаться для нихъ неопредѣленное время, къ явному ущербу ихъ благосостоянія. Выкупъ, съ уступкою крестьянамъ пятой доли, все-таки значительно облегчаетъ

ихъ платежи, именно на 1 р. 60 к., 1 р. 80 к. и 2 р. на ревизскую душу (при оброкѣ въ 8, 9 и 10 р.); сверхъ того выкупные платежи имѣютъ конецъ, хотя бы и чрезъ полстолѣтіе, тогда какъ для оброчнаго періода никакого конца не положено.

Вообще невѣдѣніе крестьянами многихъ ихъ правъ и обязанностей по Положенію отразилось для нихъ большими матеріальными потерями, а иногда крестьяне, за свое непониманіе закона, должны были испытать крутую и даже кровавую расплату. До сихъ поръ есть общества, упорно отказывающіяся отъ принятія надѣловъ, сданныхъ имъ по обязательному выкупу; несмотря ни на какія экзекуціи, они рѣшительно не хотятъ вносить выкупныхъ платежей, ни обработывать надѣловъ, а нанимаютъ землю на сторонѣ, по цѣнѣ гораздо большей, чѣмъ выкупные платежи. Въ такомъ напримѣръ положеніи доселѣ остаются, какъ я слышалъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, два имѣнія въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Положеніе 19-го февраля, по своей обширности и не совсѣмъ удачному изложенію, для крестьянъ неудобопонятно; часто статьи, однородныя по предмету, разбросаны въ немъ по различнымъ отдѣламъ; редакція многихъ статей неясна и двусмысленна. Сами помѣщики не вдругъ его одолѣли. Нѣкоторыя статьи, напримѣръ объ отказѣ отъ надѣловъ и выходѣ изъ обществъ, до сихъ поръ неправильно понимаются даже многими мировыми посредниками. Не могу при этомъ не вспомнить одинъ, хорошо извѣстный мнѣ случай. Черезъ два мѣсяца по объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 года, была представлена на разрѣшеніе подлежащей власти книга, подъ названіемъ: „Подробное наставленіе крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости“. Въ этой книгѣ всѣ статьи Положенія, относящіяся собственно къ крестьянамъ (въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ), были собраны въ однородныя группы и изложены языкомъ простымъ и удобопонятнымъ, съ сохраненіемъ безусловной вѣрности Положенію; всѣ расчеты по оброкамъ, издѣльной повинности и выкупу представлены въ упрощенномъ видѣ и пояснены примѣрами; особенное вниманіе было также обращено на то, чтобы не оставить у крестьянъ ни малѣйшей неясности относительно правилъ вы-

купа, изложенныхъ въ Положенiи довольно запутанно. Изданiе этой книги болѣе полугода встрѣчало непреодолимыя препятствiя. Хотя печатанiе ея и было наконецъ разрѣшено, но для облегченiя доступа ея въ волости не было оказано никакого содѣйствiя. Нѣкоторые мировые посредники и волостные старшины, которымъ она случайно сдѣлалась извѣстною, выписывали ее для своихъ участковъ и волостей; но общiй расходъ ея былъ незначителенъ и, кажется, не достигъ тысячи экземпляровъ.

Не слѣдуетъ впрочемъ увлекаться воображенiемъ и придавать большое значенiе праву крестьянъ оставлять свои надѣлы, если бы даже законъ и сдѣлалъ это право для нихъ достижимымъ. Воспользуются этимъ правомъ нѣкоторыя отдѣльныя и наиболѣе достаточныя семейства, имѣющiя средства купить себѣ землю на сторонѣ и тѣмъ отдѣлаться какъ отъ высокихъ оброковъ, такъ и отъ всѣхъ неудобствъ общиннаго пользованiя землею. Отказъ отъ надѣла цѣлыми обществами можетъ случаться въ губернiяхъ промышленныхъ, гдѣ крестьянамъ нѣтъ расчета имѣть въ пользованiи большiе надѣлы, обложенные несоразмѣрными оброками. Но и тамъ конечно огромное большинство крестьянъ предпочтетъ остаться на прежнихъ мѣстахъ, особенно если помѣщики согласятся при выкупѣ на уменьшенiе надѣловъ безъ взысканiя дополнительнаго платежа или на пониженiе самой цѣны выкупаемой земли. Только крайная необходимость можетъ вынудить крестьянина покинуть мѣсто, насиженное его дѣдами, и тащиться со всѣмъ хозяйственнымъ скарбомъ на нòвое селище, гдѣ ему придется обстроиваться зàново; переселенiе для большинства нашихъ крестьянъ, даже въ промышленныхъ губернiяхъ, равносильно разоренiю. Въ губернiяхъ же земледѣльческихъ, какъ мало производительныхъ, такъ и въ хлѣбородныхъ, еще менѣе вѣроятiя, чтобы случаи переселенiя были многочисленны. Куда пойдетъ тамошнiй крестьянинъ и гдѣ достанетъ онъ денегъ на покупку земли и постройку усадьбы? Если въ нынѣшнемъ году движенiе къ переселенiю приняло большiе размѣры, то это объясняется—во первыхъ голодомъ, проникнувшимъ даже въ такiя плодородныя мѣстности, какъ Ефремовскiй уѣздъ, а во вторыхъ — распространившимися между крестьянами слухами, что

казна отводитъ имъ даромъ по десяти и двѣнадцати десятинъ на душу въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ. Правда, у насъ есть мѣстности, гдѣ крестьяне постоянно находятся въ полуголодномъ состояніи и доведены до послѣдней степени нищеты. Въ описываемой мною губерніи, еще два года тому назадъ, я самъ видѣлъ крестьянъ, у которыхъ не было ни лошади, ни коровы, а ходили по двору только пѣтухъ съ курицею; въ дырявыхъ, полураскрытыхъ хижинахъ продувалъ вѣтеръ. Такимъ крестьянамъ, при существующихъ налогахъ, нѣтъ никакого выхода; имъ предстоитъ вѣчная нищета, недоимочность, голоданіе. Они, пожалуй, готовы бы идти на переселеніе хоть на край свѣта, не справляясь даже, каково имъ тамъ будетъ, ибо хуже нынѣшняго быть для нихъ не можетъ. Но такого безцѣльнаго блужданія голодныхъ и мрущихъ по дорогамъ массъ правительство допустить не можетъ; закрѣплять же ихъ на нынѣшнихъ мѣстахъ — значитъ безконечно длить ихъ нищету, голоданіе и несостоятельность предъ казною и помѣщиками. Для подобныхъ, совершенно разоренныхъ крестьянъ въ настоящее время можетъ быть одинъ лишь исходъ — водвореніе ихъ на казенныхъ земляхъ, въ многоземельныхъ губерніяхъ. Итакъ, какъ скоро для переселенія крестьянъ будутъ установлены извѣстныя правила, обезпечивающія какъ собственное благосостояніе переселенцевъ, такъ и внутренній порядокъ въ государствѣ и исправную уплату казенныхъ повинностей, то нѣтъ повода бояться, чтобы переселенія могли принять широкіе размѣры; но съ другой стороны не слѣдуетъ и возлагать на нихъ большія надежды касательно улучшенія нынѣшняго положенія крестьянъ. Безнадежно было бы положеніе земледѣльческаго сословія въ той странѣ, гдѣ, для облегченія его бѣдствій, не нашлось бы другихъ средствъ, кромѣ переселеній, т. е. кромѣ возвращенія народа къ первоначальной эпохѣ его быта, когда онъ занималъ новыя мѣста, расчищалъ лѣса, распахивалъ дѣвственную землю и ставилъ на ней первыя жилища. Переселенія могутъ быть только частными и сравнительно весьма рѣдкими случаями улучшенія нынѣшняго крестьянскаго быта; для огромнаго же большинства крестьянъ существуетъ только одинъ правильный и желательный исходъ — выкупъ надѣловъ на облегченныхъ условіяхъ.

По всей однако вѣроятности, такого облегченія условій выкупа не послѣдуетъ. Но все же выкупъ, даже и на нынѣшнихъ его основаніяхъ, гораздо лучше безконечныхъ оброковъ, ибо, кромѣ уменьшенія платежей, онъ, хотя и чрезъ полвѣка, открываетъ крестьянамъ лучшую будущность. Пусть два поколѣнія крестьянъ вынесутъ на своихъ плечахъ всю тягость переходнаго времени и заплатятъ искупительную жертву за свое и своихъ потомковъ освобожденіе. Положеніе ихъ все же несравненно легче положенія ихъ отцовъ и дѣдовъ, которыхъ и кости взыграли бы въ могилахъ, если бы онѣ могли почуять великій день освобожденія. Потому-то тѣ люди, которые, въ ожиданіи конца девятилѣтняго періода и заботясь, какъ они воображаютъ, объ интересахъ крестьянъ, заявляютъ желаніе, чтобы выкупъ былъ прекращенъ вовсе, предлагаютъ мѣру необдуманную, исполненіе которой было бы для крестьянъ весьма невыгодно.

Кромѣ прикрѣпленія крестьяпъ къ ихъ надѣламъ и обществамъ, даже временныя отлучки ихъ для заработковъ сопряжены для нихъ со множествомъ стѣсненій и расходовъ, въ слѣдствіе круговой поруки и паспортной системы, которыя въ свою очередь вытекаютъ изъ подушнаго способа взиманія податей. О вредномъ дѣйствіи круговой поруки и паспортовъ на развитіе крестьянскаго труда и благосостоянія я довольно уже говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Но кромѣ стѣсненій и затратъ, вытекающихъ собственно изъ этихъ двухъ условій, отхожіе промыслы крестьянъ соединены для нихъ со множествомъ другихъ расходовъ, уносящихъ значительную часть крестьянскаго заработка и слѣдовательно прямо задерживающихъ улучшеніе матеріальнаго быта крестьянъ. Эти расходы слѣдуетъ также считать обязательными для крестьянина, потому что они для него неизбѣжны. Одни изъ нихъ неизбѣжны потому, что постановлены самимъ закономъ, который, относительно разнаго рода прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, всегда былъ у насъ болѣе требователенъ къ низшему, рабочему сословію, чѣмъ къ привилегированнымъ классамъ; другіе же, еще множайшіе расходы неизбѣжны для крестьянина въ слѣдствіе его темноты и беззащитности, которыя дѣлаютъ изъ него жертву всевозможныхъ притѣсненій и незаконныхъ поборовъ. Крестьянинъ, про-

мышляющій на сторонѣ, долженъ платить на каждомъ шагу, и платить обыкновенно лишнее: платитъ онъ при предъявленіи полицейскимъ властямъ своего паспорта или промысловаго свидѣтельства, платитъ на переправахъ, на судоходныхъ рѣкахъ и каналахъ, на шоссейныхъ заставахъ, при прогонѣ гуртовъ, при всякомъ дѣлѣ, требующемъ хожденія въ присутственныхъ мѣстахъ и у начальствъ, при всякой придиркѣ, которую вздумаетъ сдѣлать ему кто-либо изъ живущихъ поборами. Какъ неравномѣрны у насъ отношенія самого закона къ низшимъ и привилегированнымъ классамъ, можно судить по слѣдующему примѣру. У насъ есть ежедневныя газеты, которыя, до недавняго измѣненія газетно-почтовой таксы, платили въ казну 50 и 40 к. за пересылку ихъ по почтѣ 300 разъ въ году (теперь тѣ же газеты будутъ платить 1 р. или 80 к.); есть даже одна ежедневная газета, платившая за пересылку 20 коп. въ годъ, хотя сама брала съ подписчиковъ 2 руб. пересылочной платы. Между тѣмъ крестьянину или мѣщанину пересылка его стараго паспорта и полученіе новаго, т. е. всего двукратная пересылка, обходится не менѣе 1 р. 15 коп. (именно: для полученія годоваго паспорта, стоющаго 1 р. 45 к., посылается всегда въ мѣсто приписки не менѣе 2 р., изъ которыхъ 55 к. назначается на пересылку новаго паспорта; за пересылку же стараго паспорта съ 2 р. денегъ берется, за 2 лота, вѣсовыхъ, страховыхъ и за росписку 57 коп., да за сургучъ 3 к.; но наичаще съ крестьянъ и вообще неграмотныхъ людей берется за это 70 к.). Поставьте рядомъ 50 к., или хотя бы даже 1 р. за пересылку газеты 300 разъ, и 1 р. 12 к. за двукратную пересылку паспорта, и вы будете имѣть понятіе о томъ, какъ неравномѣрно относятся у насъ законъ и власти къ потребностямъ рабочаго класса и къ потребностямъ привилегированныхъ сословій. Положимъ, удешевленіе газетной пересылки необходимо и желательно въ видахъ распространенія просвѣщенія (хотя далеко не всѣ газеты, и даже далеко не всѣ изъ тѣхъ газетъ, которыя пользовались особою почтовою льготою, содѣйствуютъ распространенію въ обществѣ просвѣщенія и здраваго смысла); но не менѣе необходимо и желательно, чтобы законъ оказывалъ покровительство, а не стѣсненіе, развитію труда рабочихъ классовъ.

Къ числу причинъ, задерживающихъ развитіе крестьянскаго благосостоянія, слѣдуетъ также отнести необезпеченность въ нашей сельской жизни личной и имущественной безопасности. Огромное большинство нашихъ крестьянъ, несмотря на царствовавшее у насъ съ давнихъ поръ безсиліе закона, никогда не обнаруживало склонности къ буйству, насилію и завладѣнію чужою собственностію. Вспомнимъ 1861 годъ, когда объявленіе соободы совершилось среди такого невозмутимаго спокойствія крестьянъ, несмотря на то, что они не знали еще сущности предоставляемыхъ имъ правъ и что въ то время не были даже поставлены на мѣста мировые посредники. Вспомнимъ и нынѣшній голодный годъ, когда, на огромномъ пространствѣ нѣсколькихъ губерній, крестьяне пухли и умирали отъ голода, но нигдѣ не посягнули на собственность помѣщиковъ. Зато для отдѣльныхъ личностей, буйныхъ и развращенныхъ, существуетъ въ нашихъ деревняхъ полная возможность совершать безнаказанно свои подвиги; наши учрежденія и законы почти нисколько не ограждали до сихъ поръ безопасности помѣщиковъ и крестьянъ отъ подобныхъ личностей. Каждый воръ, завевшійся на деревнѣ, каждый бѣглый солдатъ или каторжникъ могутъ долгое время воровать, грабить и поджигать, по нѣскольку разъ бѣгать изъ-подъ ареста, а въ случаѣ опасности — неожиданно переносить свою дѣятельность въ другое мѣсто. Еще надобно удивляться, какъ воры и грабители не составляютъ въ нашихъ провинціяхъ цѣлыхъ шаекъ, подобно тому, какъ въ одномъ изъ двухъ описываемыхъ мною уѣздовъ существовала, въ концѣ 30-хъ годовъ, шайка грабителей, хотя ничтожная по числу, но наводившая страхъ даже на губернскій городъ, пока наконецъ для ея поимки была выслана цѣлая рота солдатъ и конная жандармская команда. Поистинѣ, легко управлять такимъ народомъ! Въ одномъ околодкѣ, гдѣ я проживалъ этимъ лѣтомъ, укрывается бѣглый поселенецъ, уже около двухъ лѣтъ промышляющій самымъ смѣлымъ воровствомъ по помѣщичьимъ и крестьянскимъ усадьбамъ. Въ мою тамъ бытность, онъ обворовалъ начисто управляющаго однимъ имѣніемъ, безстрашно забравшись въ его помѣщеніе ночью, когда всѣ спали. Онъ находитъ себѣ пріютъ въ одной деревнѣ, откуда онъ родомъ. Одинъ изъ крестьянъ этой

деревни признался въ томъ сосѣднему помѣщику и подъ секретомъ назвалъ мужика, который укрываетъ у себя вора. Прочіе крестьяне боялись его выдать, будучи увѣрены, что онъ убѣжитъ изъ-подъ ареста и пуститъ имъ краснаго пѣтуха. Но, по странной игрѣ судьбы, краснаго пѣтуха они все-таки не миновали, и причиною его, хотя быть можетъ и невольною, былъ тотъ же бѣглый воръ. Наканунѣ одного праздника, мужикъ, дававшій ему пріютъ, пировалъ ночью съ своимъ гостемъ на ворованныя деньги; пьяные, они залегли спать, а чрезъ нѣсколько минутъ запылала ихъ изба и съ нею выгорѣла половина деревни. Нѣкоторые погорѣвшіе мужики, озлобленные противъ пристанодержателя, прямо укоряли его на пожарѣ, какъ виновника несчастія. „Это горитъ твое ворованное добро, говорили они ему, указывая на его избу; а гостя-то твоего мы сами видѣли, когда онъ, какъ тараканъ, выбѣжалъ изъ горящей избы и удралъ въ поле“. Еще за нѣсколько недѣль до пожара, сосѣдній помѣщикъ при мнѣ указывалъ становому деревню и мужика, гдѣ укрывался воръ; но становой не принялъ никакихъ мѣръ для его поимки. „Ничего не могъ сдѣлать, говорилъ онъ потомъ; крестьяне не выдаютъ и запираются. А что̀ станешь съ ними дѣлать при нынѣшнихъ порядкахъ? “При этомъ онъ разсказалъ такой примѣръ изъ своей долговременной полицейской практики: „Былъ у насъ, въ другомъ уѣздѣ, становой. Бывало, когда надобно поймать вора, соберетъ онъ къ себѣ сотскихъ и десятскихъ и скажетъ, чтобы чрезъ столько-то дней воръ былъ къ нему представленъ. Если къ назначенному сроку воръ еще не пойманъ, то велитъ онъ жарко натопить баню и поретъ въ ней сотскихъ и десятскихъ нещадно. Потомъ назначаетъ имъ новый срокъ, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ неисправности, той же бани. Послѣ одной или двухъ бань воръ почти всегда былъ представляемъ“. Въ уѣздномъ городѣ того же уѣзда полиція никакъ не можетъ поймать другаго извѣстнаго вора, хотя онъ безпрерывно является тамъ по базарнымъ днямъ. Въ прошедшемъ году, среди самаго города, онъ зарѣзалъ вечеромъ у кабака крестьянина, который хотѣлъ отбить у него свою лошадь съ возомъ, украденные утромъ того же дня. Воръ, поставивъ у кабака уворованную лошадь, преспокойно угощался водкой, а зарѣзавъ мужика, столь же

спокойно ускакалъ въ свой притонъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ этомъ городѣ и уѣздѣ полиція существуетъ только для предъявленія жителямъ разныхъ повѣстокъ, взысканій и другихъ офиціальныхъ бумагъ. Къ знакомому мнѣ мировому посреднику при мнѣ приходилъ одинъ мужикъ и, кланяясь ему въ ноги, просилъ приказать не выпускать вора, котораго онъ изловилъ въ своемъ амбарѣ и представить въ волость. „Придется мнѣ пропадать — говорилъ онъ посреднику — коли вы не защитите; они его безпремѣнно выпустятъ, и сожжетъ онъ мой дворъ". Въ одномъ изъ уѣздовъ Псковской губерніи, гдѣ я, нынѣшнимъ же лѣтомъ, останавливался проѣздомъ на нѣсколько дней, одинъ мировой судья передавалъ мнѣ, что его участокъ извѣстенъ во всемъ уѣздѣ обиліемъ негодяевъ и мошенниковъ, съ которыми ему приходится вести непрерывную войну, если только полиція отыскиваетъ виновныхъ. Замѣчателенъ слѣдующій случай дерзости. Одинъ кабакъ въ этомъ участкѣ извѣстенъ тѣмъ, что цѣловальникъ спаиваетъ людей и потомъ ихъ обираетъ. Къ судьѣ поступало уже много жалобъ на такой открытый грабежъ; не знаю почему, но судья не распорядился уничтоженіемъ этого грабительскаго притона. Однажды подобная жалоба принесена была ему при его проѣздѣ чрезъ самую ту деревню. Судья, обращаясь къ цѣловальнику, сказалъ, что, въ случаѣ повторенія такихъ жалобъ, онъ велитъ уничтожить кабакъ. Тогда одинъ изъ толпы мужикъ, вѣроятно принимающій участіе въ продѣлкахъ цѣловальника, громко сказалъ судьѣ: „Ты такихъ порядковъ у насъ не заводи, а то худо будетъ!" Судья велѣлъ его задержать, но никто и не шевельнулся, и мужикъ успѣлъ скрыться. Въ другой разъ одинъ крестьянинъ, коротко знакомый этому судьѣ, встрѣтя его одного на бѣговыхъ дрожкахъ въ довольно уединенномъ мѣстѣ, предупреждалъ его быть осторожну и не ѣздить одному, говоря, что многіе изъ здѣшнихъ на него злы и сбираются что нибудь надъ нимъ сдѣлать. Крестьяне этого уѣзда, извлекающіе значительныя выгоды изъ воздѣлыванія льна, живутъ весьма зажиточно; но вмѣстѣ съ тѣмъ между ними встрѣчается очень много негодяевъ и наглецовъ, пользующихся всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать какое нибудь насиліе и обманъ, особенно людямъ дворянскаго званія. Я

самъ имѣлъ случай въ томъ удостовѣриться. „Прошла та пора, когда вы насъ дули“, отвѣчаютъ они, когда вы съ ними заспорите и станете доказывать ихъ неправоту. По ихъ логикѣ, такъ какъ теперь нельзя ихъ дуть, то стало быть они могутъ позволять себѣ все, что̀ душѣ угодно. Жалкія послѣдствія долговременнаго безправія, произвола и безсудности, царствовавшихъ въ русской землѣ! Если люди, прямо посягающія на чужую собственность посредствомъ воровства и открытаго обмана, встрѣчаются между нашими крестьянами вообще рѣдко, зато неуваженіе договоровъ и причиненіе какъ помѣщикамъ, такъ и другъ другу мелкихъ убытковъ и изъяновъ, есть явленіе почти всеобщее между крестьянами. Гдѣ не введены еще мировые судьи, тамъ для стороны, потерпѣвшей вредъ или убытки, нѣтъ рѣшительно никакого пути доискаться своего права. Но даже и тамъ, гдѣ существуютъ уже мировые судьи, обращеніе къ нимъ не всегда бываетъ успѣшно, а всегда сопряжено съ потерею времени и расходовъ на отдаленныя поѣздки, обходящіяся часто дороже, чѣмъ причиненный убытокъ. Гдѣ нѣтъ мировыхъ судей, тамъ помѣщики часто бываютъ вынуждены обращаться къ покровительству и защитѣ волостныхъ старшинъ. У одного старшины я видѣлъ письмо, присланное къ нему одною помѣщицею, по чину полковницею, гдѣ она, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и титулуя старшину „милостивый государь Нефедъ Осиповичъ“, проситъ его заставить мельника, взявшаго на аренду ея мельницу, смолоть ея хлѣбъ, который лежитъ на мельницѣ уже двѣ недѣли, несмотря на то, что по условію мельникъ обязался молоть весь ея хлѣбъ.

Какъ скоро между жителями нѣтъ увѣренности въ безопасности ихъ личности и имущества и въ вѣрности заключаемыхъ договоровъ, то развитіе народнаго труда и приращеніе собственности по необходимости суживаются; каждый достаточный обыватель боится затрачивать свои деньги на полезныя предпріятія и предпочитаетъ хранить ихъ подъ спудомъ; взаимные договоры и правильный обмѣнъ услугъ, не будучи ничѣмъ обезпечены, становятся рѣдки, а вмѣсто того распространяется поползновеніе пользоваться только затруднительнымъ положеніемъ ближняго и извлекать изъ него, хотя случай-

ную, но возможно крупную для себя выгоду. Зловредное влiянiе этихъ причинъ на народное благосостоянiе хотя и не бываетъ такъ внезапно и ощутительно для глаза, какъ дѣйствiе пожаровъ, неурожаевъ и повальныхъ болѣзней, зато оно дѣйствуетъ непрерывно, капля по каплѣ, и, какъ червь, хотя медленно, но неудержимо протачиваетъ насквозь древо народной жизни. Отъ такого неблагоустройства сельской жизни крестьяне терпятъ еще болѣе, чѣмъ помѣщики, по тому общему закону, что бѣднымъ всегда тяжелѣе, чѣмъ богатымъ, выносить вредныя послѣдствiя извѣстнаго порядка вещей. При описанiи голода, я уже говорилъ, какъ много потерпѣли здѣшнiе крестьяне отъ того, что, въ слѣдствiе отсутствiя взаимнаго довѣрiя, помѣщики отказывались ссужать имъ хлѣбъ въ счетъ будущихъ работъ и предпочитали сбывать его гуртомъ въ руки купцовъ, отъ которыхъ онъ, по возвышенной уже цѣнѣ, переходилъ къ голодавшимъ крестьянамъ.

Для установленiя личной и имущественной безопасности въ нашей сельской жизни въ одинаковой степени необходимы какъ правильный и всѣмъ доступный судъ, такъ и сильная и добросовѣстная полицiя. До настоящаго царствованiя у насъ не было правильнаго суда и нѣтъ еще его тамъ, гдѣ дѣйствуютъ старыя судебныя учрежденiя. Истинный судъ есть такое учрежденiе, которое призвано творить законъ, и одинъ лишь законъ, безъ всякой боязни и лицепрiятiя. То, чтò у насъ называлось доселѣ судомъ, было не рѣдко только посмѣянiемъ законовъ. Сильный, богатый или умѣвшiй происками снискать расположенiе судей и секретарей, наичаще оставался правъ; малый, бѣдный или прямодушный почти всегда выходилъ виноватъ. Иногда это посмѣянiе законовъ доходило до такой неприкровенной и смѣлой явности, что цѣлыя учрежденiя, какъ напримѣръ наши управы благочинiя, прiобрѣли во всемъ народѣ печальную извѣстность, какъ открытыя торжища закономъ. (Хотя управы благочинiя и не входили въ составъ судебнаго вѣдомства, однако дѣйствовали подъ контролемъ сената). Жалкiе оклады провинцiальныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства ставили для нихъ непреодолимое искушенiе торговать закономъ; назначенiе неспособныхъ людей, до высшихъ судебныхъ долж-

ностей, предавало великое дѣло суда въ руки секретарей и мелкихъ чиновниковъ; рабская зависимость судей отъ произвола своихъ начальниковъ и даже посторонниxъ высшихъ лицъ дѣлала судъ игрушкою сильныхъ; всякое дѣло, окончательно рѣшенное во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, могло быть перевершено по предложенію министра или по рѣшенію посторонней власти. Если же нашъ народъ не имѣлъ суда, не вѣдалъ религіи, подчиненъ былъ крѣпостному праву помѣщиковъ и мѣстныхъ начальствъ, оставленъ былъ въ полномъ умственномъ невѣжествѣ, то спрашивается, чѣмъ же могло воспитаться въ немъ чувство правды и долга, уваженіе къ закону и чужому праву? Въ долговременное прошедшее царствованіе безспорно сдѣланы успѣхи по многимъ частямъ государственнаго управленія; это могутъ удостовѣрить люди прежняго поколѣнія, современники Александра I. Укажемъ напримѣръ на мѣры къ распространенію образованія въ высшихъ и среднихъ классахъ, на усовершенствованіе законодательства, на постепенное улучшеніе финансовъ вплоть до роковой крымской войны, на покровительство, оказанное заводской и фабричной промышленности. Одна юстиція, т. е. судопроизводство и судоустройство, не только ни на шагъ не подвинулась впередъ, но какъ будто еще ухудшилась въ томъ отношеніи, что, при вздорожаніи жизни и при оставленіи въ судебномъ вѣдомствѣ прежнихъ нищенскихъ окладовъ, взяточничество приняло въ немъ болѣе крупные размѣры: гдѣ прежде платили десятками рублей, тамъ потомъ стали платить сотнями. Между тѣмъ покойный императоръ, отличавшійся душевною прямотою, любилъ правду, защищалъ правду, когда неправда доходила до его слуха, и желалъ, чтобы правда закона была доступна его подданнымъ. Вспомнимъ, со словъ Сперанскаго, его горячую заботливость объ изданіи Свода Законовъ и его искреннюю радость, когда этотъ трудъ былъ оконченъ. Въ юстиціи, гораздо легче, чѣмъ въ какой нибудь другой части государственнаго управленія, можно бы было сдѣлать въ это царствованіе коренныя улучшенія. Эти коренныя улучшенія суждено осуществить только нынѣшнему царствованію, принесшему уже столько другихъ благодѣяній русскому народу. Должно однако пройти нѣкоторое время, пока правда закона, олицетворяемая

новыми судами, перейдетъ въ сознаніе народа, сдѣлается правдою житейскою, которая въ свою очередь отразится и на самомъ судейскомъ сословіи, образъ дѣйствій котораго всегда будетъ въ тѣсной зависимости отъ понятій и привычекъ окружающаго общества.

Но одинъ судъ, даже самый правильный и независимый, недостаточенъ еще для водворенія въ народѣ силы закона. Отправленіе суда начинается только тогда, когда преступленіе обнаружено и виновникъ отысканъ, или по крайней мѣрѣ слѣды его сохранены, — а это есть дѣло полиціи. При многихъ нарушеніяхъ не столько важно предать нарушителя судебному взысканію, сколько прекратить во̀ время нарушеніе и отнять отъ нарушителя возможность продолжать его долѣе. Притомъ судъ, даже судъ мировыхъ судей, съ своими формами и обрядами и съ неизбѣжною при немъ проволочкою времени, не можетъ глубоко проникать въ жизнь сельскихъ обывателей и захватывать въ ней всѣ мелкія и повседневныя нарушенія и взаимныя столкновенія. Только одной полиціи присуще свойство быстроты и вездѣприсутствія. Неудовлетворительность нашей полиціи, а съ другой стороны — разныя незрѣлыя теоріи, проникшія въ наше общество, породили въ немъ мнѣніе, раздѣляемое весьма многими, что можно обойтись вовсе безъ полиціи или что по крайней мѣрѣ область ея дѣйствій должна быть доведена до самыхъ малѣйшихъ размѣровъ. Земское самоуправленіе съ одной стороны и новыя судебныя учрежденія съ другой — вотъ все, что̀, по мнѣнію многихъ, нужно для того, чтобы провинціи наши наслаждались миромъ и благоустройствомъ. Если же и будутъ встрѣчаться какіе нибудь непріятные случаи, ускользающіе отъ дѣйствія сказанныхъ учрежденій, то ихъ можно предавать печатной гласности, выводить предъ верховный трибуналъ журналистики, и такимъ спобобомъ окончательно исправлять нравы и карать нарушителей общественнаго порядка. Такого мнѣнія о ненужности полиціи не существуетъ ни въ какой другой европейской странѣ. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ почитается общепризнанною истиною, что полиція необходима и имѣетъ весьма высокое назначеніе; мало того — признается всѣми, что полиція должна быть сильна и имѣть, въ своей

сферѣ, непререкаемый авторитетъ надъ всѣми гражданами. Полиція, какъ плющъ, обвиваетъ собою всѣ другія государственныя учрежденія; большая часть ихъ, безъ содѣйствія полиціи, вовсе не могла бы совершать своихъ отправлевій а юстиція болѣе всѣхъ другихъ учрежденій нуждается въ содѣйствіи полиціи. Гдѣ съ давнихъ уже поръ установился правильный и назависимый судъ и гдѣ судьи не колеблясь понимаютъ значеніе суда и существо своихъ обязанностей, тамъ они не только не стараются умалять силу и авторитетъ полиціи, но ограждаютъ ихъ всѣми имѣющимися въ рукахъ суда способами, ибо они хорошо знаютъ, что безъ сильной полиціи законъ и судопроизводство безпомощны. Напомню читателю прошлогоднее рѣшеніе англійскихъ судовъ по дѣлу о вооруженномъ нападеніи на полицію, совершенномъ феніями на улицахъ Манчестера, для освобожденія двухъ изъ своихъ предводителей: главные виновники этой кровавой стычки были приговорены судомъ къ смертной казни.

Два существенныя условія необходимы для всякой благоустроенной полиціи: во первыхъ чтобы она была сильна, во вторыхъ — чтобы она была добросовѣстна. Сила полиціи не значитъ произволъ и стѣсненіе свободы гражданъ; напротивъ того, хорошая полиція почти незамѣтна при обычномъ, правильномъ ходѣ общественной жизни; она является только тамъ, гдѣ есть нарушеніе закона или частнаго права. и тогда, для прекращенія нарушенія и для обнаруженія нарушителя, она должна быть вооружена невозбраннымъ авторитетомъ. Но вотъ здѣсь-то и является трудный для насъ вопросъ: какъ достигнуть, и возможно ли достигнуть того, чтобы наша полиція была въ одно время и сильна, и добросовѣстна? Я не намѣренъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса, требующаго для своего рѣшенія большой подготовки и практическаго знакомства съ тѣми условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать нашей полиціи. Замѣчу только, что, по отношенію къ другимъ европейскимъ государствамъ, вопросъ этотъ давно уже разрѣшенъ опытомъ. Тамъ признано, что полиція, какъ часть общей государственной администраціи, только тогда можетъ быть способна и добросовѣстна, когда администрація отвѣтственна за свои дѣйствія. Извѣстный нѣмецкій ученый Робертъ Моль, въ своей

Энциклопедіи государственныхъ наукъ, говоритъ: „Какъ скоро администрація безотвѣтственна, то у высшихъ административныхъ лицъ не существуетъ никакого побужденія назначать на подчиненныя имъ должности людей способныхъ и добросовѣстныхъ; напротивъ того, и назначенія, и награды, и самое даже увеличеніе или уменьшеніе окладовъ дѣлаются на основаніи чисто личныхъ и случайныхъ соображеній. Въ то же время у подчиненныхъ чиновниковъ не является никакого побужденія къ строгому и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, ибо они знаютъ, что и матеріальное ихъ благосостояніе, и служебныя отличія зависятъ не отъ способа исполненія ими своихъ обязанностей, а отъ личнаго расположенія къ нимъ начальниковъ, и что, помимо этого расположенія, для нихъ не существуетъ никакой другой отвѣтственности“.

Личныя качества чиновъ нашей земской полиціи, какъ кажется, въ послѣднее время нѣсколько улучшились. Это надобно приписать отчасти значительному увеличенію ихъ окладовъ, отчасти болѣе разборчивому назначенію лицъ. Но, съ другой стороны, авторитетъ полиціи несомнѣнно умалился. Произошло это отъ того, что въ прежнее время авторитетъ полиціи единственно основывался на матеріальной силѣ, на страхѣ личной и безапелляціонной расправы посредствомъ сѣченья, битья и заключенія подъ арестъ. Теперь это оружіе отнято отъ полиціи, и тогда-то съ полною ясностію обнаружилось, что никакихъ другихъ условій авторитета у нея не имѣется. Между тѣмъ еще прежде совершилось упраздненіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными крестьянами, а въ послѣдствіи упразднена власть министерства государственныхъ имуществъ надъ крестьянами государственными; такимъ образомъ надъ сорока милліонами крестьянъ упразднены тѣ двѣ власти, которыя въ прежнее время до чрезвычайности упрощали обязанности полиціи. Общія административныя учрежденія, принявъ въ свое завѣдываніе эти сорокъ милліоновъ какъ бы новыхъ гражданъ, оказались неприготовленными и безоружными для исполненія своихъ обязанностей. Полицейскіе чиновники въ нашихъ провинціяхъ сами сознаютъ теперь свое безсиліе и прямо говорятъ, что оно именно произошло въ слѣдствіе отнятія отъ нихъ права сѣчь и инымъ обра-

зомъ наказывать крестьянъ и вообще простолюдиновъ. Въ одномъ изъ описываемыхъ мною уѣздовъ, не далѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, былъ исправникъ, человѣкъ дѣятельный и энергическій, который на собственный страхъ поролъ мужиковъ и, какъ говорятъ, держалъ уѣздъ въ порядкѣ. Вспомнимъ и о томъ другомъ исправникѣ, который задавалъ баню своимъ сотскимъ. Потому-то большинство помѣщиковъ чистосердечно убѣждено, что, безъ возвращенія полиціи этого дисциплинарнаго орудія, порядокъ въ сельской жизни невозможенъ. Мужики смѣются, говорятъ они, надъ деликатнымъ обхожденіемъ мировыхъ судей и надъ такими дѣтскими взысканіями, какъ заключеніе въ карцеръ на три дня или оштрафованіе 50-ю копейками. Каково бы ни было то или другое мнѣніе по своему внутреннему достоинству, но если оно существуетъ и раздѣляется многими, то этимъ самымъ оно получаетъ уже право на разъясненіе, и ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ того, чтобы проходить его высокомѣрнымъ молчаніемъ или улыбкою презрѣнія. Дѣйствительно, изъ нынѣшняго поколѣнія простолюдиновъ, возросшаго подъ палкою и розгою, много есть личностей, для которыхъ убѣдительны одни лишь эти доводы, ибо чувство чести и нравственнаго долга у нихъ окончательно убито. Петербургскую полицію конечно нельзя и сравнивать съ провинціальною земскою; а между тѣмъ и въ Петербургѣ безпрестанно натыкаешься на случаи, доказывающіе безсиліе здѣшней полиціи относительно упоминаемыхъ личностей. Сколько разъ можно видѣть на улицахъ Петербурга, какъ двое или трое городовыхъ ничего не могутъ сдѣлать съ какимъ нибудь раскуражившимся негодяемъ или пойманнымъ воромъ, который безстрашно чиститъ имъ зубы, зная, что если даже и успѣютъ притащить его въ участокъ, то собственная особа его останется неприкосновенною; просидѣть же за буйство нѣсколько дней подъ арестомъ, или за воровство — нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, на казенныхъ хлѣбахъ и ничего не дѣлая, для подобныхъ развращенныхъ личностей вовсе не составляетъ чувствительнаго наказанія. Съ такими личностями и самой лучшей полиціи, и самымъ строгимъ и серьезнымъ мировымъ судьямъ трудно справляться; это суть подонки и вмѣстѣ жертвы прежняго порядка вещей, которые неизбѣжно затрудняютъ

собою переходъ къ новому, лучшему порядку. Но спрашивается: долженъ ли быть, рано или поздно, совершенъ переходъ къ этому лучшему порядку? слѣдуетъ ли и новыя поколѣнія нашего простонародья воспитывать въ той же школѣ сѣченій, битья и произвола, чтобы и у нихъ загрубѣли всѣ благородныя чувства человѣческой природы, чтобы и они стали подобіемъ „несмысленныхъ животныхъ, которымъ надобно уздою и удилами обуздывать ротъ, когда они не идутъ къ намъ?“ Да и сами мы, люди образованные и съ благородными чувствами, всѣ ли мы вошли въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ обновленными сердцами въ храмъ новыхъ учрежденій, дарованныхъ намъ нынѣшнимъ царствованіемъ? Всѣ ли земскіе дѣятели оказались достойными держать въ своихъ рукахъ земское самоуправленіе; всѣ ли тяжущіеся и обвиняемые изъ благороднаго званія прониклись уваженіемъ къ значенію суда и возлюбили сердцемъ его независимость и равноправность для всѣхъ сословій; всѣ ли даже судьи успѣли уже понять, что дарованная имъ независимость не одно и то же, что ихъ личный произволъ, и что чѣмъ шире эта независимость, тѣмъ строже должны они отстранять отъ себя всякія предвзятыя стремленія, выходящія изъ области суда и права, и имѣть въ виду одинъ лишь законъ? Наконецъ, если для возстановленія авторитета полиціи необходимы у насъ, по мнѣнію многихъ лицъ, не тѣ мѣры, которыя выработаны для сего европейскою цивилизаціею, а возвращеніе къ сѣченію простаго народа и къ безапелляціонному произволу полиціи, то, чтобы сохранить послѣдовательность, надобно вообще отказаться отъ намѣренія идти по пути цивилизаціи, слѣдуетъ упразднить всѣ сдѣланныя въ послѣднее время реформы и возвратиться къ старому порядку. Въ государственныхъ учрежденіяхъ есть тѣсная взаимная зависимость: не могутъ они идти въ противоположныя стороны безъ того, чтобы не привести государство къ хаосу и разложенію. Разительный примѣръ тому представляла прежняя Польша: тамъ права высшихъ классовъ расширялись какъ бы на манеръ европейскій и переходили даже предѣлы политическаго благоразумія, а въ то же время положеніе поселянъ, или такъ называемаго быдла, уподоблялось дѣйствительно положенію рабочаго скота. При такомъ неравновѣсіи правъ верхнихъ и нижнихъ слоевъ народо-

населенія невозможна и политическая устойчивость государства. Что нибудь одно — Европа или Азія, христіанская цивилизація съ ея равноправностію, или восточная неподвижность и общее безправіе всѣхъ сословій.

Нѣкоторыя частныя мѣры, предлагаемыя для улучшенія нашей земской полиціи, напримѣръ замѣна нынѣшнихъ неспособныхъ и часто вовсе негодныхъ сотскихъ наемными людьми, изъ добропорядочныхъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, въ особенности изъ жандармовъ, конечно могли бы принести болѣе или менѣе чувствительную пользу; но возлагать большія надежды на подобныя частныя улучшенія такъ же неосновательно, какъ было напримѣръ неосновательно думать, что наша полиція совершенно измѣнитъ свой характеръ отъ увеличенія окладовъ жалованья. Если серьезно хотятъ улучшить какой нибудь предметъ, то обыкновенно ищутъ коренныхъ причинъ его недостатковъ и устраняютъ сперва эти коренныя причины; частныя же улучшенія, какъ показываетъ опытъ, измѣняютъ только внѣшнюю поверхность предметовъ, но не могутъ перемѣнить ихъ сущности. Какъ скоро будутъ созданы коренныя условія, обезпечивающія способность и добросовѣстность нашихъ полицейскихъ чиновъ, тогда будетъ вполнѣ справедливо и необходимо расширить нынѣшній кругъ вѣдѣнія земской полиціи и вооружить ее авторитетомъ, безъ котораго никогда не будутъ исполнены существеннѣйшія ея обязанности по охраненію личной и имущественной безопасности въ нашихъ провинціяхъ. Въ настоящее же время было бы, какъ мнѣ кажется, необходимо, во первыхъ, въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить при каждомъ проступкѣ и нарушеніи *низшую* степень присуждаемаго за него взысканія, которая въ настоящей редакціи устава постановлена только за кражу и мошенничество. Выборъ мировыхъ судей дѣлается въ нашихъ губерніяхъ не всегда осмотрительно, что̀ объясняется во первыхъ новостью этого учрежденія, важность котораго не вполнѣ еще сознана самими избирателями, а во вторыхъ нашею всегдашнею малоспособностію къ общимъ соглашеніямъ и совокупному образу дѣйствія. Въ мировые судьи попадаютъ не рѣдко молодые люди, хотя быть можетъ и одушевленные прекрасными желаніями, но

неопытные въ жизни и смотрящіе на простолюдина съ какой-то особой, идиллической точки зрѣнія. Такіе судьи, внося въ свою дѣятельность разныя модныя предубѣжденія, или такъ называемыя тенденціи, совершенно выходящія изъ области суда, часто пользуются широкою рамкою наказаній для того, чтобы умалять взысканія, налагаемыя ими на простолюдиновъ, до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Чрезъ это мировой судъ теряетъ въ глазахъ народа свое важное значеніе и обращается въ какую-то игру, надъ которою наши крестьяне втихомолку подсмѣиваются, какъ самому мнѣ случалось иногда въ томъ удостовѣряться. Во вторыхъ было бы полезно дополнить уставъ о наказаніяхъ нѣкоторыми особыми видами нарушеній и проступковъ, часто встрѣчающимися въ сельской жизни, но не предусмотрѣнными этимъ законодательствомъ или по крайней мѣрѣ выраженными тамъ въ слишкомъ общихъ чертахъ. Многіе изъ нашихъ провинціальныхъ мировыхъ судей могли бы сообщить по этому предмету весьма полезныя указанія.

При необезпеченности договоровъ и отсутствіи имущественной бозопасности, правильный кредитъ, само собою, дѣлается невозможнымъ въ нашей сельской жизни, а безъ кредита новозможны для крестьянъ скорое улучшеніе ихъ хозяйства и развитіе промысловъ. При всякой потребности въ деньгахъ, они должны разоряться на неумѣренный ростъ, часто непокрываемый ихъ заработкомъ. Еще менѣе возможно безъ кредита пріобрѣтеніе крестьянами личной поземельной собственности. Мѣстные торгово-поземельные банки, подобные тѣмъ, о которыхъ я говорилъ во второй главѣ, едва ли не представляютъ единственнаго средства для того, чтобы у насъ могъ со временемъ удовлетворительно разрѣшиться поземельный вопросъ для значительнаго числа нашихъ крестьянъ; только при содѣйствіи мѣстныхъ банковъ можетъ размножиться у насъ мелкая крестьянская поземельная собственность. Пріобрѣтеніе такой собственности станетъ со временемъ необходимо и для тѣхъ крестьянъ, которые переведены уже на выкупъ: крестьянскіе надѣлы, особенно въ губерніяхъ густонаселенныхъ, недостаточны даже для нынѣшняго поколѣнія крестьянъ и сдѣлаются вполнѣ недостаточными съ умноженіемъ народонаселенія.

Извѣстно, что въ германскихъ государствахъ народонаселеніе стало быстро возрастать съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ сельскомъ и волостномъ управленіи крестьянъ обнаруживаются иногда неурядицы и произволъ, также съ своей стороны нарушающіе личную и въ особенности имущественную безопасность крестьянъ. Случается, что сходы, подъ вліяніемъ міроѣдовъ и горлопановъ, постановляютъ нелѣпые и разорительные для крестьянъ приговоры, въ которыхъ большинство ихъ иногда вовсе не участвуетъ. Приведу примѣръ, извѣстный мнѣ изъ довольно достовѣрнаго источника. Въ Рязанской губерніи, одно сельское общество имѣло мірской капиталъ въ 20.000 р., хранившійся въ кредитномъ учрежденіи. Въ одинъ прекрасный день состоялся такой приговоръ схода, что общество, радѣя-де о благолѣпіи сельскаго храма, опредѣлило капиталъ этотъ взять и употребить на покупку церковнаго колокола. Между тѣмъ это село два раза выгорало въ теченіе четырехъ лѣтъ, и на обществѣ числилась значительная недоимка. Мировой посредникъ провѣдалъ о приговорѣ схода; но, по закону, уничтожить его не имѣлъ права. Однако онъ придрался къ тому, что на сходѣ не было узаконенныхъ на подобные случаи двухъ третей домохозяевъ; всѣмъ дѣломъ заправляла небольшая шайка, надѣявшаяся забрать покупку колокола въ свои руки. Заручившись жалобою нѣсколькихъ крестьянъ на неправильность приговора, посредникъ представилъ о томъ губернскому присутствію, которое и отмѣнило приговоръ схода. Я уже упоминалъ, какъ въ другой деревнѣ крестьяне рѣшили „похерить“ мірскую запашку, несмотря на то, что она, въ теченіе многихъ лѣтъ, приносила имъ очевидную пользу. То обстоятельство, что запасные магазины, бывшіе при крѣпостномъ правѣ большею частію пустыми, не засыпаются съ тѣхъ поръ хлѣбомъ, а въ другихъ мѣстахъ расхищаются безъ возврата ссудъ, слѣдуетъ также приписать слабости общественнаго крестьянскаго управленія, хотя въ этомъ случаѣ часть отвѣтственности лежитъ и на земскихъ управахъ. Въ хлѣбородномъ Харьковскомъ уѣздѣ, по отчету тамошней управы, въ магазинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приходится среднимъ числомъ всего по пол-

четверти озимаго хлѣба на душу, то есть половина противъ узаконеннаго количества. Частые пожары, опустошающіе наши деревни и въ конецъ разоряющіе крестьянъ, опять-таки въ большинствѣ случаевъ объясняются тою же слабостію сельскаго и волостнаго управленія. За неосторожное обращеніе съ огнемъ слѣдовало бы постановить въ законѣ строгія взысканія, особенно если будетъ открыто полиціею или признано на сельскомъ сходѣ, что виною пожара было пьянство. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ разныхъ губерній случалось мнѣ видѣть пожарныя бочки и кое-какія незамысловатыя орудія на случай пожара; но бочки эти всегда оказывались разсохшимися и безъ капли воды. Со стороны лицъ волостнаго и сельскаго управленія бываютъ иногда и крупные случаи нарушенія закона. Мнѣ доводилось слышать отъ крестьянъ и помѣщиковъ, что нѣкоторые волостные старшины проматываютъ общественныя деньги, другіе отказываются давать отчетъ волостнымъ сходамъ въ сдѣланныхъ ими расходахъ или даже вовсе не представляютъ къ ревизіи денежнаго ящика. Подобные случаи часто остаются вовсе безъ обнаруженія и взысканія; крестьяне потолкуютъ, вторично внесутъ расхищенныя деньги, и затѣмъ махнутъ рукою, боясь пуще всего заводить дѣло. Въ нынѣшнемъ (1868) году былъ описанъ въ газетахъ случай крупнаго воровства общественной суммы, совершеннаго однимъ волостнымъ старшиною, и, что̀ всего печальнѣе, при участіи мироваго посредника.

Всѣ подобные примѣры слабости и даже иногда совершенной безпорядочности крестьянскаго общественнаго управленія заставляютъ многихъ думать, что изъ этого управленія ничего путнаго не выйдетъ безъ строгаго подчиненія его какой нибудь посторонней власти. Такіе предметы, какъ обезпеченіе народнаго продовольствія, предохранительныя мѣры на случай пожаровъ, принятіе мѣръ во время повальныхъ болѣзней, однимъ словомъ—предметы, относящіеся прямо къ общему провинціальному благоустройству и народной безопасности, очевидно не могутъ быть отданы въ безотвѣтственное распоряженіе самихъ крестьянъ, а должны быть подчинены надзору какой-либо мѣстной власти. Но эти предметы и такъ поставлены по закону подъ наблюденіе и распоряженіе частію земскихъ управъ, частію мѣстной полиціи; отъ этихъ

властей и зависитъ, чтобы наблюденіе и распоряженія ихъ были дѣйствительными, а не мнимыми. Если, быть можетъ, законъ не даетъ въ этихъ случаяхъ достаточныхъ полномочій земскимъ управамъ, то такія недомолвки закона могутъ быть пополнены по указанію опыта, какъ напримѣръ уже сдѣлано это относительно сельскихъ запасныхъ магазиновъ. Случаи явнаго нарушенія законовъ общественными властями, подобные напримѣръ растратѣ мірскихъ суммъ, подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. Затѣмъ вмѣшательство посторонней власти въ частныя хозяйственныя распоряженія крестьянскихъ обществъ на практикѣ было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно. Невозможно придумать такой вездѣсущей и премудрой власти, которая слѣдила бы за каждымъ шагомъ крестьянскаго быта и съ отеческою заботливостію устрояла бы ко благу всѣ его многоразличныя проявленія. Кратковременный опытъ показалъ бы неосуществимость такой мечты. Мировые посредники нѣкоторымъ образомъ спеціально назначены для руководствованія крестьянъ на первыхъ шагахъ ихъ общественнаго самоуправленія; но уже теперь это руководство обратилось въ пустой звукъ. Мировые посредники вѣроятно не долго просуществуютъ; создавать же новую власть, собственно для благоустроенія крестьянскаго хозяйственнаго самоуправленія, значило бы дѣлать на крестьянъ новый налогъ, который никакъ не окупился бы воображаемою пользою отъ такого учрежденія. Вмѣшательство посторонней власти необходимо допустить только тогда, когда отъ самихъ крестьянъ послѣдуетъ жалоба на злоупотребленіе ихъ общественныхъ властей или на неправильное составленіе сходовъ. Подобныя жалобы могутъ быть разбираемы мировыми судьями; а если есть уголовное преступленіе, то тѣмъ же мировымъ судьямъ можно бы поручить переносить дѣло въ окружной судъ. Затѣмъ для исправленія нынѣшнихъ недостатковъ хозяйственнаго самоуправленія крестьянъ не предстоитъ другаго пути, кромѣ распространенія между ними умственнаго образованія, которое одно только въ состояніи указать имъ истинную ихъ пользу и вывести ихъ изъ-подъ гнета міроѣдовъ, писарей и разныхъ проходимцевъ, пользующихся теперь совершенною ихъ темнотою. Однимъ словомъ, по моему мнѣнію, во всѣхъ случаяхъ сельскаго быта, гдѣ замѣшана

личная безопасность или нарушено право собственности, тамъ властъ суда и полиціи должны проявляться съ возможною силою; въ предметахъ общаго народнаго благоустройства и безопасности, каковы: обезпеченіе продовольствія, охраненіе народнаго здравія и мѣры противъ пожаровъ, общественное крестьянское управленіе должно быть поставлено въ зависимость отъ земскихъ собраній и управъ, при содѣйствіи полиціи; но частныя хозяйственныя дѣла сельскихъ обществъ слѣдуетъ предоставить рѣшенію ихъ сходовъ.

Признавая недостатки крестьянскаго общественнаго управленія, не слѣдуетъ однако ихъ преувеличивать или обобщать частныя явленія, какъ это дѣлаютъ многіе, смотрящіе враждебно на крестьянское самоуправленіе и нежелающіе понять, что въ немъ-то и заключается вѣрнѣйшій и даже единственный задатокъ будущей гражданственности и самодѣятельности нашихъ крестьянъ. Люди, распространяющіеся о неспособности нашихъ крестьянъ къ самоуправленію, забываютъ, что еще до 1861 г. милліоны оброчныхъ крестьянъ имѣли свое мірское самоуправленіе и часто вовсе не видали своихъ помѣщиковъ. Государственные крестьяне управлялись безъ помѣщиковъ, а до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ—и безъ чиновниковъ, своими выборными головами. Полтора милліона сибиряковъ постоянно управлялись безъ помѣщиковъ. Успѣхи крестьянскаго самоуправленія уже замѣтны въ первыя шесть-семь лѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ мірское управленіе идетъ удовлетворительно, насколько это возможно при нынѣшнемъ невѣжествѣ нашихъ крестьянъ. Имѣвъ случай видѣть на опытѣ многія, какъ хорошія, такъ и слабыя стороны крестьянскаго управленія и волостныхъ судовъ, я по истинѣ удивлялся тому, что эти люди, которыхъ помыслы цѣлые вѣка не заходили дальше обработки господскаго поля или ухода за господскимъ скотнымъ дворомъ, могли такъ скоро освоиться съ предоставленнымъ имъ самоуправленіемъ. Въ немъ руководствуетъ ими не столько законъ, для нихъ непонятный и къ счастію уклонившійся въ этомъ случаѣ отъ подробныхъ опредѣленій, сколько ихъ собственный здравый смыслъ. Какъ бы ни было въ настоящее время несовершенно крестьянское общественное самоуправленіе, но оно все-таки несравненно лучше противоположнаго порядка, основан-

наго на казенной опекѣ и на приказаніяхъ свыше. На волостныхъ и сельскихъ сходахъ крестьяне пріучаются заботиться о своихъ нуждахъ; безъискуственное и близкое къ дѣлу разбирательство волостныхъ судовъ развиваетъ въ крестьянахъ здравый смыслъ и уваженіе къ праву, олицетворяемому приговорами общественной власти. Конечно всѣ эти добрыя послѣдствія самоуправленія вливаются въ сознаніе и обычаи крестьянъ медленно, капля по каплѣ; тѣмъ не менѣе это самоуправленіе способно къ дальнѣйшему совершенствованію, въ немъ есть задатки будущей гражданственности и разумной самодѣятельности сельскихъ обществъ, чего вовсе нельзя ожидать отъ порядка казенной опеки надъ крестьянскимъ хозяйственнымъ бытомъ. Поэтому было бы крайне неразумно вторгаться съ подробными регламентаціями во внутренній бытъ сельскихъ обществъ, въ надеждѣ исправить этимъ способомъ первые, нетвердые шаги крестьянскаго самоуправленія. Надобно предоставить времени и опыту совершенствованіе этого самоуправленія и не требовать отъ народной жизни тѣхъ внезапныхъ и чудодѣйственныхъ переворотовъ, которые создаются лишь въ воображеніи самоувѣренныхъ бюрократовъ или экзальтированныхъ политическихъ утопистовъ. Правительство можетъ могущественнымъ образомъ ускорить совершенствованіе общественнаго самоуправленія крестьянъ, но не посредствомъ регламентаціи ихъ внутренняго быта, а единственно чрезъ распространеніе между ними умственнаго образованія и чрезъ утвержденіе въ сельской жизни силы законовъ, охраняющихъ общественную безопасность и благоустройство. Прусское правительство было крайне осторожно въ устройствѣ сельскаго общественнаго самоуправленія, и до сихъ поръ не рѣшилось еще дать ему окончательной формы, хотя всѣ хозяйственные вопросы, соединенные съ крестьянскою реформою, давно уже рѣшены имъ вполнѣ.

Какъ на примѣръ искусственной регламентаціи внутренняго быта сельскихъ обществъ, можно указать на возникшее недавно предположеніе нѣкоторыхъ земскихъ управъ объ обязательномъ введеніи мірскихъ запашекъ для пополненія запасныхъ магазиновъ. Отъ такой мѣры не предвидится никакого проку. Мірскія запашки могутъ быть весьма полезнымъ средствомъ тамъ, гдѣ онѣ будутъ заведены по при-

говору сельскихъ обществъ, хотя, по правдѣ сказать, мало надежды, чтобы подобные случаи могли часто встрѣчаться въ нашихъ деревняхъ. Мірскія запашки суть усиленный видъ общиннаго пользованія землею, невыгоды котораго крестьяне и такъ уже начинаютъ чувствовать все болѣе и болѣе. Въ случаѣ же обязательнаго ихъ введенія, онѣ возбудятъ общее нерасположеніе крестьянъ и скоро обратятся въ пустую и вредную формальность, для поддержанія которой потребуются безпрерывныя понудительныя мѣры. Отъ крестьянскаго надѣла будетъ отрѣзана часть земли, которая, при ея нерадивой принудительной обработкѣ, только уменьшитъ общее количество урожая. Крестьянскія земли и теперь нигдѣ не остаются необработанными; напротивъ того, крестьяне повсюду ищутъ наемной земли, такъ какъ надѣлы оказываются для нихъ недостаточными. Да и кто будетъ слѣдить за исправною обработкою мірскихъ запашекъ? Это значило бы вносить опеку и указку въ самое нѣдро крестьянскаго хозяйства, въ повседневную жизнь сельскихъ обществъ. Гораздо проще постановить строгія правила относительно исправнаго состоянія запасныхъ магазиновъ и взысканія хлѣбныхъ ссудъ, возложивъ надзоръ и отвѣтственность по этому предмету на земскія управы и волостныхъ старшинъ. Нѣкоторые заявляли даже мысль, что, съ помощію мірскихъ запашекъ, можно обезпечить не только продовольствіе крестьянъ, но и уплату казенныхъ и прочихъ повинностей. Это уже такая мысль, серьезно разбирать которую рѣшительно невозможно, какъ бы ни велико было у насъ уваженіе къ свободѣ всякаго рода человѣческихъ мыслей и измышленій. Замѣчу только, что предлагатели этой мѣры, для того, чтобы быть послѣдовательными, должны бы добавить, что въ обязательную мірскую запашку необходимо обратить всѣ надѣлы крестьянъ, вмѣстѣ съ землею, нанимаемою ими на сторонѣ, и приставить къ этимъ запашкамъ особыхъ надсмотрщиковъ, которые, подобно тому, какъ дѣлаютъ это турки въ славянскихъ земляхъ своей имперіи, приказывали бы собирать жатву въ особые магазины и оттуда продавали бы ее покупателямъ, на уплату казенныхъ и прочихъ крестьянскихъ повинностей.

Замѣчу еще, что въ настоящее время много остается неопредѣлен-

наго въ отношеніяхъ полиціи къ крестьянскому управленію. Полиція часто заявляетъ требованія, основанныя на статьяхъ прежнихъ законовъ, хотя еще неотмѣненныхъ, но очевидно уже непримѣнимыхъ со времени освобожденія крестьянъ. Такъ во многихъ губерніяхъ уѣздныя полицейскія управленія, основываясь на ст. 2516 и 2768 тома II ч. 1, требуютъ выбора десятскихъ, сверхъ полицейскихъ сотскихъ, и настаиваютъ, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе не были ничѣмъ отвлекаемы отъ исполненія ихъ обязанностей при полицейскихъ управленіяхъ и становыхъ приставахъ. Сверхъ того полицейскія управленія обременяютъ волостныхъ писарей разными занятіями и перепискою, вовсе невходящими въ прямыя обязанности писарей, наложенныя на нихъ Положеніемъ 19 февраля. При настоящемъ порядкѣ, когда волостные старшины и сельскіе старосты обязаны исполнять всѣ законныя требованія полиціи, едва ли необходимо имѣть еще особыхъ десятскихъ, если и допустить, что сотскіе еще нужны по старой привычкѣ. Но совершенно несправедливо увольнять сотскихъ и десятскихъ отъ денежныхъ повинностей или барщины (гдѣ она существуетъ), т. е. предоставлять имъ, на счетъ обществъ, такія льготы, которыми не пользуются ни старшины, ни старосты, ни сборщики податей, имѣющіе гораздо болѣе дѣлъ и отвѣтственности, чѣмъ сотскіе и десятскіе (сказанныя волостныя и сельскія должностныя лица увольняются только отъ натуральныхъ земскихъ повинностей). Распоряженія земской полиціи относятся не до однихъ крестьянъ, но до всѣхъ сельскихъ обывателей; почему же на однихъ крестьянахъ должна лежать тягость выставленія сотскихъ и десятскихъ? Въ сотскіе и десятскіе крестьяне выбираютъ большею частію людей негодныхъ, недоимщиковъ, бобылей, а между тѣмъ это суть представители въ деревняхъ полицейской власти. Обремененіе писарей разными препорученіями полиціи отвлекаетъ ихъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей и распложаетъ переписку въ волостныхъ правленіяхъ. Всѣ подобныя обстоятельства, тормозящія правильный ходъ крестьянскаго управленія, слѣдовало бы выяснить предъ правительствомъ и предложить новый, лучшій распорядокъ. Это должно бы быть дѣломъ губернаторовъ; но едва ли есть у насъ губернаторы, близко вникавшіе въ эти дѣла. Есть нѣкоторые опыт-

ные и разумные мировые посредники, которымъ хорошо извѣстны всѣ затрудненія нынѣшнихъ порядковъ въ сельскомъ быту. Но что значитъ голосъ мировыхъ посредниковъ въ нашихъ законодательныхъ проектахъ и мѣропріятіяхъ!

Кромѣ перечисленныхъ мною причинъ, задерживающихъ улучшеніе крестьянскаго быта и относящихся собственно къ крестьянамъ, есть наконецъ общія причины, одинаково угнетающія сельское хозяйство какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Таковы напримѣръ: отсутствіе въ большей части Россіи хорошихъ путей сообщенія, безпрерывные падежи, ежегодно уносящіе десятки тысячъ рогатаго скота и лошадей, единственную рабочую и удобряющую силу нашего хлѣбопашества, наконецъ непомѣрная дороговизна желѣза, т. е. того матеріала, безъ котораго невозможны успѣхи сельскаго хозяйства и заводской промышленности. По отчету Новгородской губернской земской управы, въ этой губерніи погибло отъ сибирской язвы въ 1867 г.: людей 281, лошадей 19.600, коровъ 4700, мелкаго скота 4500, по цѣнѣ скота всего на 545.800 р,; дѣйствительная же убыль скота была, по замѣчанію управы, гораздо значительнѣе, ибо изъ многихъ селеній не получено точныхъ свѣдѣній. Дороговизною желѣза мы обязаны частію огромному разстоянію, отдѣляющему наши сибирскіе заводы отъ внутреннихъ губерній, но всего болѣе высокой покровительственной пошлинѣ на иностранное желѣзо. Наши сибирскіе желѣзозаводчики, обезпеченные этою пошлиною отъ всякаго соперничества, возвышаютъ цѣны желѣза по своему произволу и въ то же время совершенно небрегутъ объ усовершенствованіи и удешевленіи чугунножелѣзнаго производства. Сами владѣльцы заводовъ живутъ обыкновенно вдали отъ нихъ, большею частію въ столицахъ и за границею; заводами завѣдаютъ плохіе мастера самоучки и управляющіе, обкрадывающіе владѣльцевъ на сотни тысячъ рублей и ведущіе чугунножелѣзное дѣло по прадѣдовскимъ обычаямъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, главнѣйшія причины, затрудняющія улучшеніе матеріальнаго быта нашихъ крестьянъ и удерживающія ихъ на той крайней степени бѣдности, которая съ такою ясностію обнаруживается голодами, стремленіемъ крестьянъ къ переселенію въ даль-

нія губерніи и частымъ употребленіемъ принудительныхъ мѣръ для взысканія казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей. Припомню чатателю вкратцѣ коренныя и общія изъ этихъ причинъ, не повторяя причинъ второстепенныхъ и частныхъ. Эти коренныя причины суть: непомѣрное обремененіе крестьянъ разнаго рода денежными повинностями; крайнее ихъ невѣжество и, какъ его слѣдствіе, безпечность и умственная ихъ притупленность; прикрѣпленіе крестьянъ къ ихъ обществамъ и надѣламъ, не только недопускающее естественнаго распредѣленія рабочихъ силъ и поземельной собственности, но затрудняющее даже временныя отлучки крестьянъ для заработковъ; наконецъ необезпеченность въ деревняхъ личной и имущественной безопасности и вѣрности заключаемыхъ договоровъ, а въ слѣдствіе того — боязнь помѣщикокъ и крестьянъ къ развитію полезныхъ предпріятій, отсутствіе взаимнаго довѣрія и кредита, истощеніе крестьянъ разорительными для нихъ долгами на уплату повинностей и на собственное прокормленіе. Всѣ эти причины крестьянской бѣдности находятся въ тѣсной между собою зависимости, такъ что безъ устраненія одной изъ нихъ невозможно устранить другихъ. Не облегчивъ крестьянъ относительно налоговъ, невозможно предпринять дѣйствительныхъ мѣръ къ распространенію между ними образованія: сами крестьяне не имѣютъ средствъ къ содержанію училищъ, содержать же ихъ исключительно на казенный счетъ представляется вполнѣ невозможнымъ. Умственное невѣжество крестьянъ будетъ неопредѣленно длить жалкое состояніе ихъ хозяйства, и съ другой стороны — препятствовать благоустроенію ихъ общественнаго управленія, слѣдовательно будетъ вызывать необходимость въ опекающихъ властяхъ и въ новыхъ на содержаніе ихъ налогахъ. Нынѣшняя бѣдность крестьянъ будетъ препятствовать пріобрѣтенію ими частной поземельной собственности и развитію отхожихъ промысловъ, если даже законъ и уничтожитъ тѣ препоны, которыя поставлены теперь свободному размѣщенію крестьянскихъ рабочихъ силъ и поземельной собственности. Мѣстные поземельно-торговые банки, которые могли бы придти на помощь крестьянамъ, а также вообще развитіе въ сельской жизни частнаго кредита, невозможны при необезпеченности договоровъ; а

уваженіе къ договорамъ и чужому праву, въ свою очередь, весьма непрочно въ средѣ народа невѣжественнаго и необезпеченнаго въ своемъ существованіи. Отсюда видно, что частными мѣрами нельзя поправить нынѣшняго положенія крестьянъ; необходимы мѣры коренныя и общія. Казенные налоги, лежащіе на крестьянахъ, могутъ быть облегчены только двума совмѣстными путями: во первыхъ переложеніемъ прямыхъ государственныхъ налоговъ съ податныхъ душъ на имущества всѣхъ гражданъ, и во вторыхъ уменьшеніемъ общей суммы государственныхъ расходовъ; о томъ и другомъ было говорено мною въ одной изъ предыдущихъ главъ. Обязательное уменьшеніе оброковъ и выкупныхъ платежей, слѣдующихъ помѣщикамъ, теперь уже немыслимо, ибо никакой законъ не можетъ брать своего слова назадъ, безъ потрясенія довѣрія къ себѣ въ народѣ и безъ нарушенія основныхъ началъ частнаго и государственнаго права. Но заявленное уже закономъ право крестьянъ отказываться отъ своихъ надѣловъ по истеченіи 9 лѣтъ и самая неполнота закона относительно оставленія крестьянами ихъ надѣловъ даютъ правительству полную возможность облегчить для крестьянъ, несостоящихъ на выкупѣ, пользованіе сказаннымъ правомъ: чрезъ это будущія выкупныя сдѣлки, а равно и пользованіе надѣлами за оброкъ, могутъ со временемъ уладиться посредствомъ добровольныхъ соглашеній, на условіяхъ, менѣе для крестьянъ отяготительныхъ, чѣмъ нынѣшніе обязательные оброки и выкупные платежи. Затѣмъ правительству предстоитъ оказать матеріальное и устроительное содѣйствіе для учрежденія сельскихъ школъ и для приготовленія способныхъ народныхъ учителей. Наконецъ останется произвести возможное у насъ улучшеніе земской полиціи и вообще губернскаго управленія. Съ облегченіемъ народа въ податяхъ и съ приращеніемъ его матеріальныхъ достатковъ, земство получитъ средства для обезпеченія народнаго продовольствія, для охраненія народа отъ истребляющихъ его болѣзней, для улучшенія дорогъ и для постепеннаго развитія мѣстнаго кредита; въ настоящее же время всѣ эти обязанности земства существуютъ большею частію лишь въ буквѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, а отчеты управъ свидѣтельствуютъ только о недоимкахъ и несостоятельности земства.

Въ какой однако степени вѣроятно осуществленіе упоминаемыхъ здѣсь мѣръ? Многіе полагаютъ, что сокращеніе государственныхъ расходовъ положительно у насъ невозможно, и что всякія ожиданія въ этомъ смыслѣ принадлежатъ къ области мечтаній и доказываютъ только незнакомство съ ходомъ дѣлъ. Переложеніе прямыхъ государственныхъ налоговъ съ податныхъ душъ на имущества всѣхъ гражданъ, хотя и представляется болѣе возможнымъ, но, по мнѣнію многихъ, оно осуществимо развѣ только въ отдаленной будущности. Въ доказательство такого мнѣнія указываютъ на то, что податная коммиссія, существующая уже 10 лѣтъ, не пришла еще даже къ теоретическому признанію возможности замѣнить въ настоящее время душевые налоги общею имущественною податью. Она предполагаетъ оставить на крестьянахъ всю сумму лежащихъ на нихъ теперь душевыхъ налоговъ (около 63.000.000 р.), но только дать этимъ налогамъ другое названіе, именно: двѣ трети этой суммы назвать не подушною, а подворною податью, разложить ее на крестьянскіе дворы, вмѣсто крестьянскихъ душъ, а остальную треть разложить на крестьянскія земли и назвать ее поземельнымъ налогомъ. Такъ какъ крестьянскія хижины и крестьянскіе надѣлы не могутъ своею цѣнностію обезпечивать этихъ налоговъ, то обезпеченіемъ ихъ попрежнему останется личность крестьянина, т. е. его свобода, и круговая порука обществъ; крестьянинъ попрежнему долженъ будетъ отбывать свои повинности не на мѣстѣ своего дѣйствительнаго жительства, а на мѣстѣ приписки. При этихъ условіяхъ, и нынѣшняя паспортная система не можетъ подвергнуться существеннымъ улучшеніямъ. Слѣдовательно, сверхъ прежней суммы налоговъ, на крестьянахъ останется также вся тяжесть круговой поруки и паспортной системы, этихъ двухъ установленій, налагающихъ на свободу и трудъ крестьянина такія тяжелыя путы. Облегченіе крестьянамъ права переходить на другія мѣста представляется, повидимому, весьма возможнымъ и вѣроятнымъ; но, при настоящей бѣдности крестьянъ, правомъ перехода могутъ воспользоваться весьма немногіе изъ нихъ. При неимѣніи крестьянами собственныхъ средствъ для учрежденія школъ и при обремененіи государственнаго бюджета другими, нетерпящими отлага-

тельства расходами, обученіе крестьянъ, какъ многіе думаютъ, будетъ попрежнему показываться только pro decoro въ отчетахъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, не подвигаясь впередъ ни на шагъ. Не оспаривая тяжеловѣсности приводимыхъ здѣсь доводовъ, нельзя однако не вспомнить, что въ этомъ предметѣ есть и другая, болѣе свѣтлая сторона, отрицать которую не станетъ никто, смотрящій безъ предубѣжденій на окружающія насъ событія. Въ короткое время, протекшее съ начала нынѣшняго царствованія, въ Россіи сдѣлано столько преобразованій, непрерывнымъ рядомъ слѣдовавшихъ одно за другимъ, что было бы величайшею несправедливостію требовать отъ этого времени чего нибудь бо̀льшаго или отчаяваться въ продолженіи тѣхъ улучшеній въ государственномъ порядкѣ, которыя были начаты верховною властію единственно по ея собственному побужденію. Народы и общества, находящіеся на пути реформъ, бываютъ обыкновенно гораздо требовательнѣе и нетерпѣливѣе тѣхъ, которые коснѣютъ въ застоѣ: эти послѣдніе, въ силу самой своей неподвижности, свыкаются съ окружающею ихъ обстановкою; тогда какъ въ эпохи реформъ каждое новое улучшеніе еще яснѣе выказываетъ тѣ недостатки прежняго порядка, которые остаются еще неустраненными. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что успѣхъ преобразовательной дѣятельности каждаго правительства много зависитъ отъ нравственныхъ силъ самого общества, отъ того запаса способностей, знаній и доброй воли, который общество можетъ предоставить въ данное время въ распоряженіе верховной власти. Эта власть можетъ осуществлять свои предначертанія не иначе, какъ при посредствѣ дѣятелей, выдѣляемыхъ обществомъ. Самое направленіе правительственной дѣятельности находится подъ вліяніемъ понятій и нравовъ окружающаго общества, которое, своимъ сочувствіемъ или страдательнымъ сопротивленіемъ, способно или поддерживать верховную власть на пути улучшеній, или же наоборотъ — препинать ее и останавливать. Когда въ обществѣ скуденъ запасъ просвѣщенныхъ умовъ и преданныхъ общему дѣлу сердецъ, тогда успѣхъ тѣхъ или другихъ реформъ зависитъ отъ случайнаго соединенія у подножія верховной власти такихъ людей, которые сочувствуютъ новымъ началамъ государственной жизни и способны

понести на своихъ плечахъ бремя ихъ осуществленія. Ничто однако не доказываетъ, чтобы въ Россіи истощился уже запасъ просвѣщенныхъ умовъ и крѣпкихъ рукъ, на которые могла бы опереться верховная власть въ своихъ послѣдующихъ зиждительныхъ дѣйствіяхъ для блага отечества, или чтобы своекорыстные и неразумные голоса, раздающіеся изъ среды общества противъ реформъ и движенія впередъ, принадлежали большинству и способны были заглушить собою желанія и надежды остальной части образованнаго общества.

Предположимъ однако, что какія нибудь непредвидимыя случайности, оказавшись сильнѣе и преобразовательныхъ стремленій верховной власти, и желаній лучшей части образованнаго общества, остановятъ Россію на полпути и сдѣлаютъ надолго невозможнымъ устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя задерживаютъ матеріальное и нравственное улучшеніе быта нашего крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе производительныхъ силъ нашей страны. Взглянемъ хладнокровно на ту будущность, которая въ такомъ случаѣ предстояла бы Россіи. Число учрежденій и должностей будетъ умножаться; государственные расходы, а съ ними и государственные долги будутъ непрерывно возрастать; налоги будутъ также прогрессивно увеличиваться; взысканіе налоговъ посредствомъ продажи имущества будетъ вконецъ разорять крестьянское хозяйство и поведетъ со временемъ къ накопленію огромныхъ недоимокъ; акцизная или другая подобная ей сестема питейныхъ сборовъ, ставъ, при сказанныхъ обстоятельствахъ, роковою необходимостью для нашего финансоваго управленія, будетъ уносить остатки крестьянскихъ заработковъ и въ то же время распространять безнравственность въ народѣ; свѣтильники религіи и умственнаго образованія надолго будутъ оставаться подъ спудомъ; самые законы и учрежденія, охраняющіе личную безопасность и права собственности, будутъ проявлять лишь слабое дѣйствіе въ средѣ народа грубаго и невѣжественнаго, которому чуждо внутреннее сознаніе права и пониманіе общественной пользы; — наконецъ, рано или поздно, долженъ послѣдовать кризисъ, экономическій, финансовый и быть можетъ даже общественный. Тогда конечно будетъ приступлено къ крутымъ мѣрамъ для спасенія государства. Но мѣры, принимаемыя во время кри-

зисовъ, всегда имѣютъ характеръ поспѣшности, ломки и нарушенія частныхъ правъ. Народъ, при такихъ переворотахъ, теряетъ довѣріе къ прочности государственнаго порядка; а это довѣріе, бывъ однажды потрясено, возстановляется весьма трудно и нескоро. Россія была досел҄ѣ сильна всего болѣе довѣріемъ народа къ правительству и къ прочности государственнаго порядка; отсюда вытекала та безусловная покорность всѣхъ классовъ народа правительству, которая спасала государство въ самыя опасныя минуты и облегчала спокойное совершеніе внутреннихъ реформъ. Для Россіи гораздо выгоднѣе выдержать продолжительную и неудачную войну съ внѣшними врагами, чѣмъ испытать внутренній кризисъ и увидѣть потрясеннымъ довѣріе народа къ прочности государственнаго порядка. Убитые люди замѣщаются вновь нарождающимися; затраченныя средства могутъ быть покрыты бо́льшимъ напряженіемъ народнаго труда и государственною бережливостью; разрушенные крѣпости и корабли можно выстроить вновь: даже потеря цѣлыхъ областей, хотя и уязвляетъ народное самолюбіе, но не имѣетъ вліянія на благосостояніе остальной части государства, особенно если утраченныя области не состояли въ племенной и духовной общности съ коренною частію государства. Напротивъ того, обѣднѣніе народа, доведенное до общаго экономическаго и финансоваго кризиса, служитъ началомъ разложенія государства и внутреннихъ неурядицъ, тѣмъ болѣе опасныхъ для государства, чѣмъ обширнѣе его область. Тогда-то являются позднія сожалѣнія о томъ, что не было приступлено своевременно къ правильнымъ и спокойнымъ реформамъ. Только такія реформы, исправляя недостатки, накопившіеся временемъ, и удовлетворяя новымъ требованіямъ народной жизни, способны устранять крутые кризисы и перевороты, подобно тому, какъ въ органической природѣ только непрерывнымъ обновленіемъ формъ и обмѣномъ жизненныхъ матерій поддерживается сила и правильный ростъ существъ. Но, повторяемъ, въ настоящее время нѣтъ достаточныхъ основаній считать такой печальный исходъ неизбѣжнымъ для Россіи. Кромѣ преобразовательнаго направленія, принятаго верховною властію и оправданнаго уже цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ реформъ, для нашего общества и правительственныхъ дѣятелей руководящимъ

началомъ долженъ послужить примѣръ западныхъ государствъ, прежде насъ прошедшихъ различныя формы и превратности политическаго бытія. Если мы и уступаемъ многимъ европейскимъ народамъ въ суммѣ знаній и быть можетъ даже въ суммѣ гражданскихъ добродѣтелей, разлитыхъ въ нашихъ общественныхъ и служебныхъ кругахъ, зато пользуемся предъ ними тѣмъ преимуществомъ, что всегда можемъ имѣть предъ глазами примѣры и уроки, добытые ими долгимъ и труднымъ опытомъ политической жизни. Нельзя отрицать, что и совершенными уже у насъ реформами мы много обязаны примѣру и вліянію западной цивилизаціи. Поэтому есть основаніе надѣяться, что, и на будущее время, уроки, добытые западомъ, не останутся для насъ безплодными. Читая исторію западныхъ государствъ, можно видѣть, что тѣ люди, которые, прикрываясь фальшивою вывѣскою консерватизма и преданности правительству, предлагали мѣры, служившія къ еще бо̀льшему увеличенію народныхъ тягостей и къ стѣсненію народнаго труда, были въ дѣйствительности людьми, работавшими, хотя бо̀льшею частію и безсознательно, въ пользу разложенія и революцій. Дѣятельность ихъ безъ всякаго сравненія была вреднѣе выходокъ тѣхъ маленькихъ демагоговъ и утопистовъ, которые щеголяютъ своими крайними убѣжденіями предъ толпою юношей и скудоумныхъ ротозѣевъ. Утописты и литературные демагоги производили лишь временный хаосъ въ головахъ своихъ поклонниковъ; безсодержательность и нелѣпость ихъ разглагольствованій скоро становились ясными для большинства ихъ слушателей, и только нѣкоторые изъ слушателей, наиболѣе впечатлительные или же наиболѣе скудные умомъ, дѣлались жертвами внушенныхъ имъ теорій. Дѣятели же перваго рода оставляли крупные и долговѣчные слѣды на всемъ государственномъ и народномъ бытѣ; они клали печать своей ограниченности или своекорыстія на законы и учрежденія цѣлыхъ странъ и сѣяли сѣмена разложенія и волненій, принесшія плоды тогда, когда и самыя имена сѣятелей были давно уже забыты. Революціонные писатели, дѣйствовавшіе наканунѣ политическихъ переворотовъ, не сообщали народу ничего новаго, чего бы онъ уже не зналъ изъ собственнаго опыта. Они выражали только ненависти и раздраженія, накипѣв-

шія въ груди народа въ теченіе долгихъ лѣтъ, и произносили за него послѣднее слово: но начало и пищу этимъ разрушительнымъ страстямъ давали дѣятели перваго рода. Въ то же время, по роковому недоразумѣнію, повторяющемуся во всей исторіи, почитались врагами правительствъ тѣ люди, которые старались раскрывать причины неудовлетворительнаго положенія дѣлъ ихъ эпохи и указывали на опасности будущаго, желая тѣмъ предотвратить рѣзкія потрясенія и насильственные перевороты въ народной жизни. Почти всегда такіе люди стояли уединенно или въ незамѣтномъ меньшинствѣ, съ одной стороны освистываемые тѣми, которые лучшимъ началомъ всякаго дѣла почитаютъ ниспроверженіе существующаго, а съ другой — ненавидимые и затираемые тѣми. которые лучшею системою дѣйствій признаютъ ту, при которой имъ однимъ было бы выгодно, привольно и властно. Вотъ оно, то грозное fatum древнихъ, которое, по ихъ мнѣнію, управляетъ участью людей и народовъ; на самомъ же дѣлѣ этотъ такъ называемый слѣпой рокъ есть только сумма, или пожалуй равнодѣйствующая линія множества отдѣльныхъ волей, дѣйствующихъ на сценѣ исторіи. Дѣло въ томъ, что для людей нѣтъ ничего труднѣе, какъ принимать безспорныя истины и слѣдовать имъ въ своей частной и общественной дѣятельности. Происходитъ это не отъ того, чтобы эти истины были трудно понимаемы: напротивъ того, онѣ гораздо проще всѣхъ искусственно создаваемыхъ системъ и хитрыхъ мѣропріятій; но эти истины нелюбезны для большинства потому, что онѣ задѣваютъ множество честолюбій, корыстолюбій и властолюбій, смущаютъ много укоренившихся предразсудковъ и тревожатъ много покойныхъ и свѣтозарныхъ существованій. Кому-то говорили однажды о необходимости сократить въ одномъ вѣдомствѣ огромные, совершенно безполезные расходы. „О чемъ вы хлопочете? вѣдь на нашъ вѣкъ хватитъ“, отвѣчалъ онъ своему собесѣднику, повторяя смыслъ знаменитой фразы, сказанной гораздо прежде однимъ, въ своемъ родѣ знаменитымъ человѣкомъ. Après nous le déluge, послѣ насъ хоть трава не расти — вотъ логика огромнаго большинства человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ объясненіе того слѣпаго fatum, предъ которымъ такъ суевѣрно преклонялись древніе. Для устраненія коренныхъ не-

достатковъ извѣстнаго порядка вещей отъ общественныхъ дѣятелей требуется много доброй воли, много разума и труда, а не рѣдко и пожертвованіе нѣкоторыми личными выгодами; потому-то общественные дѣятели, какъ мы видимъ это изъ исторіи западныхъ государствъ, наичаще старались обходить молчаніемъ эти коренные и для всѣхъ очевидныя причины зла, и самое прикосновеніе къ нимъ считали дерзкимъ посягательствомъ противъ общественнаго спокойствія и порядка. Вмѣсто того, чтобы уничтожить корень зла и затѣмъ дать ходъ естественному теченію народной жизни, ожидая дальнѣйшихъ плодовъ отъ времени, западныя законодательства не рѣдко нанизывали одна на другую частныя и искусственныя мѣры, которыя, подновляя только внѣшность предметовъ, нисколько не исправляли ихъ сущности, а напротивъ того своими сложными формами еще болѣе запутывали народную жизнь и останавливали ея спокойное движеніе.

Вѣроятно многіе читатели, прочтя послѣднія главы, написанныя по случаю голода, возразятъ, что все здѣсь сказанное не относится непосредственно къ этому бѣдствію, періодически повторяющемуся то въ той, то въ другой части нашего отечества; въ настоящее время, могутъ замѣтить многіе, желательно бы было найти въ литературѣ не теоретическія и для многихъ подлежащія еще сомнѣнію разсужденія объ отдаленныхъ причинахъ крестьянской бѣдности, а прямыя указанія на тѣ практическія мѣры, которыя должны быть приняты для избавленія нашихъ крестеянъ отъ голода. Если бъ мнѣ были извѣстны такія практическія мѣры, то конечно я поспѣшилъ бы сообщить ихъ читателямъ; но, къ сожалѣнію, я вижу въ настоящее время только двѣ практическія мѣры: или кормить голодающихъ крестьянъ на счетъ кязны и частныхъ пожертвованій, или же оставлять ихъ умирать съ голоду. Запасные магазины, несмотря на всѣ дѣлаемыя противъ нихъ возраженія, какъ относительно трудности храненія заключающагося въ нихъ хлѣба, такъ и по неудобству сбиранія хлѣбныхъ ссудъ, все-таки составляютъ, по моему мнѣнію, наиболѣе надежное средство для временнаго обезпеченія народнаго продовольствія во время неурожаевъ. Но не надобно забывать, что достаточно одного сильнаго неурожая, подобнаго прошлогоднему, чтобы истощить до по-

слѣдняго зерна запасъ хлѣбныхъ магазиновъ. Затѣмъ пополненіе магазиновъ чрезъ возвратъ ссудъ совершается обыкновенно медленно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ беднѣе мѣстное населеніе. Если же бѣдность поселянъ дошла до такой степени, что они вовсе не въ состояніи откладывать собственныхъ сбереженій на черный день, что частные долги, дѣлаемые ими для уплаты повинностей, для посѣвовъ и даже собственно для прокормленія, обратились для нихъ въ хроническій недугъ, то понятно, что никакіе запасные магазины не могутъ обезпечить продовольствіе населенія, находящагося въ такой постоянной и безъисходной бѣдности. Доказательствомъ тому служатъ между прочимъ государственные крестьяне. Если вѣрить офиціальнымъ источникамъ министерства государственныхъ имуществъ, то запасные магазины казенныхъ крестьянъ, во время передачи ихъ въ 1866 г. въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, содержали полный комплектъ хлѣба, безъ малѣйшей недоимки, именно: 14.900.000 четвертей озимаго и яроваго хлѣба на 9.586.000 душъ мужскаго пола. Между тѣмъ въ губерніяхъ, голодавшихъ въ нынѣшнемъ году, государственные крестьяне терпѣли не меньшую нужду, какъ и бывшіе помѣщичьи; а въ одномъ изъ уѣздовъ описываемой мною губерніи наибо̀льшій голодъ и наибо̀льшее число незасѣянныхъ полей оказались, по офиціальнымъ донесеніямъ, именно въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, которые, какъ было сказано въ главѣ V, цѣлыми деревнями устремились на переселеніе, распродавъ еще съ зимы свои пожитки и скотъ.

Кстати о государственныхъ крестьянахъ. Самъ я не имѣлъ случая наблюдать вблизи ихъ положеніе; но, суця по сейчасъ приведенному факту, а также по отзывамъ помѣщиковъ, государственные крестьяне вообще находятся въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ и бывшіе крѣпостные. Помѣщики увѣряютъ даже, что первые гораздо бѣднѣе вторыхъ; но кажется такое общее заключеніе пристрастно и преувеличено. Въ хлѣбородномъ Ефремовскомъ уѣздѣ я проѣзжалъ черезъ большое государственное село, лежащее на самомъ шоссе и представляющее видъ опустошенія, какъ бы произведеннаго землетрясеніемъ или непріятельскимъ нашествіемъ. На вопросъ мой о причинахъ такой бѣдности, я услышалъ отъ одного изъ крестьянъ все тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

повинности не даютъ дохнуть. Между тѣмъ повинности государственныхъ крестьянъ значительно меньше, чѣмъ у временно-обязанныхъ, потому что оброчная подать первыхъ составляетъ, въ общей сложности по всѣмъ губерніямъ, только около 3 р. 50 к. съ души, тогда какъ оброки временно-обязанныхъ крестьянъ равны 8, 9 и 10 руб. съ души. Всѣхъ платежей съ государственныхъ крестьянъ сходитъ теперь среднимъ числомъ отъ 8 до 9 р. съ души, а съ временно-обязанныхъ по 14 и по 15 р. Если при всемъ томъ положеніе первыхъ не лучше положенія вторыхъ, то это доказываетъ, какъ сильно тяготѣніе тѣхъ общихъ причинъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, которыя препятствуютъ развитію благосостоянія нашего крестьянскаго сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительность положенія государственныхъ крестьянъ весьма убѣдительно доказываетъ, что казенная опека надъ внутреннимъ бытомъ и хозяйствомъ сельскихъ обществъ не приноситъ добрыхъ плодовъ, и что улучшенія матеріальнаго благосостоянія нашихъ крестьянъ можно ожидать единственно отъ поднятія ихъ умственнаго уровня и отъ усовершенствованія общихъ законовъ и учрежденій страны.

Въ заключеніе моихъ разсужденій о причинахъ бѣдности нашихъ крестьянъ, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Наблюденія мои надъ крестьянскимъ бытомъ были слишкомъ кратковременны и неполны, между тѣмъ предметъ, которому посвящены послѣднія главы, едва ли не составляетъ труднѣйшаго изъ вопросовъ нашей народно-экономической жизни. Трудность его зависитъ какъ отъ множества условій, имѣющихъ вліяніе на хозяйственный бытъ нашего народа, такъ и отъ недостатка по этому предмету вѣрныхъ указаній и безпристрастныхъ свидѣтельствъ. Свѣдѣнія, получаемыя отъ помѣщиковъ, могутъ быть принимаемы не иначе, какъ съ величайшею осторожностію, и требуютъ безпрестанной провѣрки; кромѣ того, какъ я не однажды убѣдился, наши помѣщики, даже постоянно живущіе въ деревняхъ, сами имѣютъ весьма недостаточное понятіе объ условіяхъ крестьянскаго быта. Это послѣднее обстоятельство весьма естественно: господа и слуги, владѣтели и владѣемые вездѣ составляютъ два міра, рѣзко одинъ отъ другаго отдѣленные; нужды, печали и радости

одного изъ нихъ чужды и непонятны другому. Мы узнаемъ крестьянскій міръ вполнѣ только тогда, когда изъ его собственной среды выйдутъ люди, способные лучемъ науки освѣтить его для нашего взора и разложить на составныя части. Потому-то я менѣе всякаго другаго склоненъ считать мои бѣглыя замѣтки по настоящему предмету чѣмъ нибудь глубокимъ, законченнымъ и безспорнымъ. Напротивъ того я увѣренъ, что многія стороны хозяйственнаго быта крестьянъ прошли для меня вовсе незамѣченными, что другимъ явленіямъ, на которыхъ было сосредоточено мое вниманіе, я быть можетъ придалъ преувеличенное значеніе, что тѣ или другіе факты переданы мнѣ или подмѣчены мною невѣрно, что тѣ или другіе выводы сдѣланы поспѣшно и односторонне. Наибольшая опасность, съ которою встрѣчаются всѣ изслѣдователи народной жизни, именно въ томъ и состоитъ, что они часто принимаютъ отдѣльные случаи, почему-либо ихъ поразившіе, за явленія общія и обычныя и, сосредоточивая на нихъ свое вниманіе, упускаютъ изъ вида цѣлый рядъ другихъ явленій, имѣющихъ быть можетъ совершенно иной характеръ. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что настоящія мои замѣтки не будутъ совершенно лишними, хотя бы уже потому, что онѣ могутъ вызвать по затронутому мною вопросу новыя изслѣдованія, обращенныя на другія его стороны, упущенныя мною изъ вида. Только такою взаимною повѣркою мнѣній и фактовъ можетъ уясняться истина, и въ этомъ случаѣ имѣетъ свою цѣну всякое мнѣніе, какъ бы ни было оно односторонне, всякій новый фактъ, какъ бы ни казался онъ частенъ и случаенъ. Одно лишь условіе совершенно необходимо во всякомъ изслѣдованіи, именно, чтобы сообщаемые факты не были искусственно поддѣлываемы, и чтобы дѣлаемые выводы не были умышленно подгоняемы подъ какое-либо одно предвзятое мнѣніе. Подобнаго рода разсужденія только омрачаютъ и сбиваютъ съ толку общественное сознаніе, и сами авторы ихъ мало по малу теряютъ способность видѣть предметы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и на настоящемъ мѣстѣ. Такія разсужденія можно сравнить со стеклами, имѣющими кривую или изломанную поверхность: если смотрѣть на предметъ чрезъ рядъ подобныхъ стеколъ, то мы увидимъ его за версту отъ его настоящаго мѣста, и онъ представится намъ окрашен-

нымъ въ цвѣта, вовсе ему непринадлежащіе. Къ сожалѣнію, наша періодическая печать всего чаще наполняется именно такими, преломляющими истину статьями. Становясь предъ глазами публики каждый день и одна впереди другой, эти оптическія статьи, смотря по тому, въ какую сторону обращена ихъ кривизна, отбрасываютъ зрѣніе публики либо на версту вправо, либо на версту влѣво отъ прямаго направленія. Такое жалкое состояніе нашего общественнаго мышленія происходитъ всего болѣе отъ нашей неподготовленности къ серьезному изслѣдованію какихъ бы то ни было вопросовъ, отъ недостатка у насъ фактическихъ знаній и выработанныхъ наукою руководящихъ началъ. За отсутствіемъ этихъ положительныхъ данныхъ, журналы и газеты по необходимости должны наполнять себя худосочною тенденціозностію, безплодною полемикою и жестокими взаимными обвиненіями.

1868 г.

IX.

Положеніе крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.

Положеніе крестьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, какъ въ прежнее время отличалось отъ положенія ихъ въ остальныхъ мѣстахъ имперіи, такъ и теперь представляетъ многія особенности, несуществующія въ другихъ губерніяхъ и клонящіяся частію къ выгодѣ, частію къ невыгодѣ западныхъ крестьянъ. Русскіе крестьяне западныхъ губерній, находившіеся болѣе 300 лѣтъ подъ двойнымъ игомъ крѣпостнаго права и племенной ненависти къ нимъ польскихъ помѣщиковъ, испытали угнетеніе и разореніе, о которыхъ остальные русскіе крестьяне не имѣли и понятія. Реформа 1861 г. совершилась въ западныхъ губерніяхъ при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ для крестьянъ, а въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ она даже положительно привела бы ихъ въ положеніе еще худшее прежняго. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обстоятельства измѣнились къ лучшему: въ обоихъ западныхъ генералъ-губернаторствахъ постановленъ общій обязательный выкупъ на облегчительныхъ для крестьянъ условіяхъ, оконченный уже болѣе, чѣмъ въ половинѣ имѣній. Такимъ оборотомъ дѣла крестьяне единственно обязаны недавнему бунту тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ, отвергшихъ надъ собою власть правительства и законовъ той страны, которая ихъ пріютила. (Теперь несомнѣнно доказано общее участіе въ бунтѣ всѣхъ тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ, если и не всегда вооруженною рукою, то всегда матеріальною помощью бунту и сѣтью многообразныхъ козней противъ русскаго правительства и народа). Хотя по всѣмъ правиламъ не только военнаго, но и государственнаго права, правительство могло бы вовсе лишить права на русскую землю тѣхъ людей, которые пытались

насильственно сбросить съ себя русскіе законы и русское подданство, но правительство, подавивъ бунтъ вооруженною рукою, ограничилось въ поземельномъ вопросѣ лишь исправленіемъ вопіющихъ злоупотребленій, сдѣланныхъ польскими помѣщиками и чиновниками при введеніи Положеній 19-го февраля. Кромѣ того надобно знать, что самое Положеніе для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской, составлено было на такихъ шаткихъ и неопредѣленныхъ основаніяхъ, что оно давало исполнителямъ Положеній полную возможность не только не улучшать, но даже ухудшать положеніе тамошнихъ крестьянъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи и была совершена крестьянская реформа во всѣхъ губерніяхъ нынѣшняго виленскаго генералъ-губернаторства, не исключая Могилевской и бѣлорусскихъ уѣздовъ Витебской губерніи. Хотя къ двумъ послѣднимъ губерніямъ было примѣнено Положеніе великороссійскихъ губерній, которое, по своей опредѣлительности, болѣе сдерживало произволъ исполнителей, тѣмъ не менѣе и здѣсь польскіе помѣщики и мировые посредники успѣли дружнымъ усиліемъ обойти цѣль новаго законодательства (впрочемъ обѣ послѣднія губерніи, во время введенія Положеній, не входили въ составъ виленскаго генералъ-губернаторства). Чтобы читатель могъ понять всю шаткость мѣстнаго Положенія, составленнаго для губерній сѣверо-западнаго края (Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и инфлядскихъ уѣздовъ Витебской), достаточно сказать, что Положеніе признавало тамъ за крестьянами не то количество земли, которое значилось за ними по инвентарямъ, а лишь то, которое окажется у нихъ при введеніи уставныхъ грамотъ, по исчисленію мировыхъ учрежденій и помѣщиковъ; съ другой стороны, крестьянскія повинности, которыя для всѣхъ прочихъ губерній имперіи были опредѣлены положительными цифрами, для однѣхъ сѣверо-западныхъ губерній не были подчинены никакому положительному опредѣленію, а вмѣсто того Положеніе узаконяло существовавшія тамъ инвентарныя повинности, съ нѣкоторыми только въ нихъ облегченіями, причемъ какъ исчисленіе этихъ повинностей, соотвѣтственно надѣлу, такъ и скидка съ нихъ указанной доли были опять-таки предоставлены самимъ помѣщикамъ, купно съ мировыми посредниками.

Итакъ въ одномъ случаѣ Положеніе отмѣняло инвентари, т. е. признавало всѣ отрѣзки отъ крестьянскихъ земель и полное ихъ отобраніе, произведенныя въ огромныхъ размѣрахъ польскими помѣщиками со времени составленія инвентарей и вплоть до введенія уставныхъ грамотъ; въ другомъ же случаѣ Положеніе узаконяло чрезмѣрныя повинности, наложенныя на крестьянъ тѣми же самыми инвентарями. Правда, въ четырехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Положеніе дѣлаетъ одно ограниченіе для оброковъ, именно оно требуетъ, чтобы инвентарный оброкъ, за сдѣланною въ немъ скидкою, не превышалъ 3 руб. съ десятины надѣла; но такое ограниченіе похоже болѣе на насмѣшку, чѣмъ на требованіе, сколько нибудь соображенное съ мѣстными условіями. Въ такихъ злосчастныхъ губерніяхъ, какъ Минская, съ ея болотами и лѣсами, Гродненская, съ ея зыбучими песками, и бо́льшая часть Виленской, трехрублевый оброкъ съ десятины представляетъ полную невозможность. Если онъ существовалъ прежде въ какихъ-либо имѣніяхъ этихъ губерній, бывшихъ почти исключительно на барщинномъ положеніи, то это можетъ быть объяснено только тою жестокостію крѣпостнаго права, которою съ давнихъ поръ отличались польскіе помѣщики. Въ самыхъ плодороднѣйшихъ уѣздахъ черноземной полосы внутренней Россіи высшій оброкъ, установленный Положеніемъ, равенъ 3 руб. 27 коп. съ десятины; но и тамъ онъ не подъ силу крестьянамъ. Замѣчательно, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и этотъ непомѣрный трехрублевый оброкъ могъ быть, на основаніи Положенія, еще болѣе возвышенъ губернскимъ присутствіемъ, по требованію помѣщика. Кому теперь у насъ неизвѣстно, что инвентари сѣверо-западныхъ губерній, принятые Положеніемъ въ основаніе при назначеніи повинностей, были чистѣйшею мистификаціею. Составленіе ихъ тянулось, съ разными колебаніями, пересмотрами и измѣненіями въ пользу помѣщиковъ, съ 1844 г. вплоть до поднятія правительствомъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, т. е. до 1857 г. Составлявшіеся самими польскими помѣщиками, подъ мнимымъ лишь надзоромъ мѣстной власти, и на половину еще неоконченные, они не только ни на волосъ не улучшили положенія русскихъ крестьянъ, но часто требовали съ нихъ еще тягчайшихъ повинностей,

чѣмъ какія существовали дотолѣ. Впрочемъ инвентари оставались только пустою формальностію и на дѣлѣ почти нигдѣ въ сѣверо-западномъ краѣ не исполнялись, пока не воскресило ихъ Положеніе 19-го февраля. Достоинство инвентарей было небезъизвѣстно правительству и редакціоннымъ коммисіямъ. Одинъ изъ бывшихъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ прямо отзывался, что „инвентари, составленные въ пользу помѣщиковъ, вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію“. Губернаторы и особо командированные чиновники доносили министерству внутреннихъ дѣлъ, что инвентарныя повинности почти повсемѣстно не соотвѣтствуютъ величинѣ и достоинству надѣловъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ инвентари даже вовсе не объявлены крестьянамъ, а повинностн еще усилены противъ прежняго. Могилевскій губернаторъ, въ своемъ отзывѣ на проектъ Положенія тамошняго губернскаго комитета, говорилъ, что „инвентари 1855 г. въ сущности увеличивали повинности крестьянъ“. Несмотря на все это, инвентарныя повинности были узаконены Положеніемъ, съ незначительными только облегченіями, исполненіе которыхъ было предоставлено польскимъ чиновникамъ, наполнявшимъ мировыя учрежденія этихъ губерній. Но этимъ дѣло не кончилось. Съ самаго введенія инвентарей, польскіе помѣщики, въ обоихъ генералъ-губернаторствахъ западнаго края, стали производить въ огромныхъ размѣрахъ уменьшеніе инвентарныхъ надѣловъ и даже полное обезземеленіе крестьянъ и обращеніе ихъ въ батраковъ. Мѣстное Положеніе для губерній юго-западнаго края подтверждаетъ неприкосновенность мірской земли, признанную инвентарными правилами 1847 года, и дозволяетъ крестьянамъ ходатайствовать у мироваго посредника о возвращеніи имъ земли, отобранной отъ нихъ помѣщиками послѣ введенія означенныхъ правилъ 1847 г. (ст. 3 и 4 Мѣстн. Пол.). Напротивъ того Мѣстное Положеніе для губерній сѣверо-западнаго края признаетъ за крестьянами только тѣ земли, которыми они пользовались въ эпоху 19-го февраля 1861 г. (ст. 3 Мѣстн. Пол.), другими словами, оно узаконило всѣ произведенныя помѣщиками отобранія инвентарныхъ земель и оставило безъ всякаго обезпеченія огромную массу обезземельныхъ батраковъ. Здѣсь бросается въ глаза рѣзкая противоположность этого

22

правила съ тою заботливостью, съ которою Мѣстныя Положенія для губерній великороссійскихъ и малороссійскихъ возстановляли права на поземельный надѣлъ обезземеленныхъ крестьянъ и даже тѣхъ дворовыхъ, которые пользовались землею до указа 2-го марта 1858 года.

Чему же слѣдуетъ приписать такое поразительное различіе въ духѣ и основаніяхъ Положенія для сѣверо-западныхъ губерній съ прочими мѣстными Положеніями имперіи? Это объясняется тѣмъ, что въ редакціонныхъ коммисіяхъ единственными представителями сѣверо-западныхъ губерній и знатоками тамошнихъ мѣстныхъ условій были польскіе помѣщики, которые, пользуясь незнакомствомъ остальныхъ членовъ коммисій съ положеніемъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ, сообщали имъ фальшивыя свѣдѣнія и успѣли направить все дѣло исключительно въ своихъ видахъ. При введеніи Положенія въ этомъ краѣ, польскіе помѣщики и ихъ пособники, мировые посредники, какъ нельзя шире воспользовались тѣмъ просторомъ, который Мѣстное Положеніе предоставляло ихъ злоупотребленіямъ. Надѣлы крестьянскіе были обобраны и обрѣзаны, неудобныя земли показаны въ числѣ удобныхъ, повинности исчислены фальшиво и въ большей части имѣній доведены до предѣльной цифры 3 руб. за десятину. Обо всемъ этомъ имѣются многочисленныя свѣдѣнія въ управленіи виленскаго генералъ-губернатора и въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Крестьянское дѣло, — сказано въ одномъ офиціальномъ отношеніи бывшаго генералъ-губернатора графа Муравьева — со времени обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года, развивалось въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи. Можно почти съ достовѣрностію сказать, что благодѣтельный законъ, улучшившій бытъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ, оставался здѣсь мертвою буквою. Мировые посредники изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, старались всѣми зависящими отъ нихъ способами положить преграду къ развитію самостоятельной жизни крестьянъ, съ ясною и худо скрываемою цѣлію—оставить ихъ надолго въ непосредственной зависимости отъ помѣщиковъ. Всѣ дѣйствія бывшихъ мировыхъ учрежденій носили на себѣ отпечатокъ или польской

революціонной пропаганды, или угнетенія народа, съ тѣмъ, чтобы доказать ему, что дѣйствительнаго облегченія своей участи онъ долженъ ожидать не отъ правительства, а только отъ бывшихъ своихъ помѣщиковъ. Помѣщики такъ долго и такъ безнаказанно обманывали народъ, умышленно скрывая отъ него права и льготы, дарованныя ему законодательствомъ 19-го февраля. Бо́льшая часть уставныхъ грамотъ составлена неправильно; повинности крестьянъ исчислены невѣрно; въ весьма многихъ имѣніяхъ крестьянамъ не отведено земель, слѣдующихъ имъ по Мѣстному Положенію, и почти повсемѣстно неудобныя земли, какъ неисключенныя изъ надѣла, обложены повинностями наравнѣ съ удобными. Въ такомъ явно противозаконномъ примѣненіи Положеній слѣдуетъ искать начала и тѣхъ многочисленныхъ безпорядковъ, которые возникли въ здѣшнихъ губерніяхъ при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ“. Этими послѣдними словами графъ Муравьевъ напоминаетъ о тѣхъ мнимыхъ бунтахъ и неповиновеніяхъ русскихъ крестьянъ, для укрощенія которыхъ польскіе помѣщики и мировые посредники призывали русскія военныя команды, всегда обязательно высылавшіяся имъ на помощь прежними мѣстными властями. Въ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства злоупотребленія помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ при введеніи уставныхъ грамотъ нѣсколько стѣснялись тѣмъ, что Мѣстное Положеніе прямо опредѣляло величину издѣльной и денежной повинности въ каждой изъ девяти мѣстностей, на которыя раздѣлены эти три губерніи. Что же касается до неприкосновенности инвентарныхъ надѣловъ, провозглашенной Положеніемъ этихъ губерній, то на дѣлѣ эта неприкосновенность въ большинствѣ имѣній осталась только мнимою: хотя Положеніе предоставляло крестьянамъ право ходатайствовать о возвращеніи имъ инвентарной земли, отобранной у нихъ уже послѣ введенія инвентарей (въ 1852 году), но ходатайства эти должны были идти чрезъ руки мировыхъ посредниковъ-поляковъ; притомъ и самое опредѣленіе величины крестьянскаго надѣла должно было дѣлаться, на основаніи Положенія, не по цифрамъ, означеннымъ въ инвентарныхъ выпискахъ, а по особому дознанію о количествѣ земли, которымъ дѣйствительно пользовались крестьяне при введеніи интвентар-

ныхъ правилъ 1847 г., и такое дознаніе и опредѣленіе возлагались Положеніемъ на тѣхъ же посредниковъ и губернскія присутствія (ст. 8 Мѣстн. Полож.). У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ какъ велики были крестьянскіе надѣлы въ юго-западныхъ губерніяхъ по уставнымъ грамотамъ; но изъ превосходной статьи „О ходѣ крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ“, помѣщенной въ октябрской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ нынѣшняго года (изъ этой статьи я заимствовалъ нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь свѣдѣній), видно, что по выкупнымъ договорамъ, совершеннымъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края еще до введенія обязательнаго выкупа, за крестьянами состояло земли въ среднемъ выводѣ: въ Волынской губерніи, почти на половину состоящей изъ полѣсья, 2,38 дес. на душу, т. е. менѣе высшаго душеваго надѣла въ самыхъ черноземныхъ и вдвое гуще населенныхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи, каковы Курская губернія и южные уѣзды Тульской и Рязанской; въ Подольской губерніи 1,98 дес., а въ Кіевской 1,63 дес. на душу, т. е. такіе малые надѣлы, каковыхъ не представляетъ въ среднемъ выводѣ ни одна изъ внутреннихъ русскихъ губерній. По этимъ выводамъ можно судить, въ какихъ размѣрахъ произведено было обезземеленіе крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ при введеніи уставныхъ грамотъ, несмотря на провозглашенное инвентарями и подтвержденное Положеніемъ 19-го февраля правило о неприкосновенности инвентарныхъ надѣловъ.

Редакціонныя коммисіи, сознавая въ особенности всю неудовлетворительность Мѣстнаго Положенія для губерній Виленскаго генералъ-губернаторства, постановили, что, по введеніи уставныхъ грамотъ, должна быть произведена тамъ, въ теченіе 6 лѣтъ, повѣрка повинностей чрезъ особыя повѣрочныя коммисіи. Коммисіи эти ни къ чему конечно не послужили бы, если бъ, по заведенному тамъ порядку, онѣ были составлены изъ польскихъ чиновниковъ. Благопріятный для крестьянъ оборотъ дѣла, какъ въ виленскомъ, такъ и въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, произошелъ единственно въ слѣдствіе бунта, заставившаго мѣстное начальство обратить вниманіе на крестьянское дѣло уже со стороны политической, которая въ извѣстныя минуты рѣзко бросается въ глаза даже тѣмъ людямъ, которые не привыкли

обращать вниманія на стороны экономическую, юридическую и общечеловѣческую. Высочайшимъ указомъ 1-го марта 1863 года прекращены всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами въ сѣверо-западномъ краѣ и предписано приступить къ совершенію общаго обязательнаго выкупа крестьянскихъ угодій; 1-го октября того же года послѣдовалъ подобный же указъ относительно губерній юго-западнаго генералъ-губернаторства. Усилія повѣрочныхъ коммисій въ сѣверо-западномъ краѣ, при графѣ Муравьевѣ, имѣли въ виду преимущественно слѣдующія цѣли: исправленіе фальшей, сдѣланныхъ при составленіи уставныхъ грамотъ, и предоставленіе крестьянамъ въ собственность, посредствомъ выкупа, всѣхъ земель, слѣдующихъ имъ по Мѣстному Положенію; возвращеніе крестьянамъ земель, отобранныхъ у нихъ со времени составленія инвентарей и въ особенности послѣ 1857 г. (эта послѣдняя мѣра получила законодательное утвержденіе въ положеніи главнаго комитета, высочайше утвержденномъ 25-го мая 1864 г.); наконецъ уменьшеніе чрезмѣрныхъ денежныхъ повинностей, съ замѣною оброковъ выкупными платежами. Очевидно, что выкупные платежи, расчисленные по оброкамъ, значившимся въ уставныхъ грамотахъ и доходившимъ наичаще до 3 р. съ десятины, были бы вполнѣ невозможны для тамошнихъ русскихъ крестьянъ, доведенныхъ до послѣдней степени истощенія и разомъ переводившихся съ барщины на выкупъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что цѣли, предположенныя виленскою администраціею въ 1863 году, осуществлены далеко не вполнѣ, а отчасти и вовсе были забыты въ послѣдствіи: огромное количество инвентарныхъ земель не возвращено крестьянамъ; масса обезземеленныхъ батраковъ осталась безъ всякаго поземельнаго обезпеченія; надѣлы, предоставленные крестьянамъ по обязательному выкупу, оказываются во многихъ уѣздахъ слишкомъ недостаточными, при томъ безплодіи почвы, которымъ отличается большинство мѣстностей сѣверо-западнаго края. Въ этомъ отношеніи особенно поражаютъ надѣлы Гродненской губерніи: въ самыхъ безплодныхъ уѣздахъ этой губерніи, покрытыхъ лѣсами, болотами и песками, надѣлы отъ 4,5 десятины спускаются до 3,3 дес., т. е. равняются надѣламъ губерній Воронежской и Симбирской. По словамъ автора упомянутой статьи

„Русскаго Вѣстника“, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ не рѣдко замѣчается, что крестьянскіе надѣлы уменьшаются по мѣрѣ ухудшенія почвы, т. е. замѣчается явленіе прямо противоположное тому порядку, который существуетъ во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ Россіи. Это обстоятельство, по объясненію автора, происходитъ отъ того, что чѣмъ хуже была земля въ имѣніи польскаго помѣщика, тѣмъ больше старался онъ извлечь дохода собственно изъ труда крестьянъ, тѣмъ слѣдовательно меньше оставалось у нихъ времени для обработки собственныхъ полей и тѣмъ незначительнѣе были эти поля. Отъ того-то напримѣръ въ Виленской губерніи восточные, т. е. самые безплодные уѣзды имѣютъ меньшіе надѣлы, чѣмъ западные, сравнительно лучшіе; въ первыхъ уѣздахъ, покрытыхъ болотами и громадными лѣсами и имѣющихъ даже мѣстами переложное хозяйство на запольныхъ поляхъ, надѣлы равняются въ среднемъ выводѣ 3,7 и 3,5 десятинъ на душу! Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ несправедливы толки, распускаемые польскими помѣщиками о томъ, что будто бы, при совершеніи обязательнаго выкупа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, повѣрочныя коммисіи обобрали помѣщиковъ и надѣлили крестьянъ чрезмѣрными надѣлами. Дѣйствительное улучшеніе положенія крестьянъ, достигнутое выкупными актами, состоитъ въ значительномъ облегченіи прежнихъ непомѣрныхъ крестьянскихъ повинностей. Надобно впрочемъ не забывать, что выкупные акты въ сѣверо-западномъ краѣ не утверждены еще и не вошли въ силу болѣе чѣмъ для цѣлой трети тамошнихъ крестьянъ; судьба этихъ крестьянъ покрыта пока неизвѣстностію...

Русскіе крестьяне сѣверо-западныхъ губерній низведены были угнетеніями польскихъ помѣщиковъ до послѣдней степени матеріальной нищеты и человѣческаго уничиженія. Во всей Европѣ, за исключеніемъ быть можетъ Ирландіи, съ ея голодными пролетаріями, живущими въ ямахъ, нельзя найти человѣческаго существа столь забитаго и физически неразвитаго, какъ малорослый и тщедушный бѣлоруссскій мужикъ. Много разъ проѣзжая Витебскую губернію по всѣмъ направленіямъ, я всегда былъ поражаемъ видомъ тамошнихъ бѣлорусскихъ крестьянъ и ихъ жалкимъ бытомъ: они не знаютъ употребленія сапо-

говъ и тулуповъ, ѣздятъ на коровахъ, никогда не ѣдятъ чистаго хлѣба; маленькія, лохматыя ихъ лошаденки, имѣющіяся далеко не во всѣхъ дворахъ, представляютъ въ лошадиной породѣ такіе же исключительные образчики, какіе представляются ихъ хозяевами въ породѣ человѣческой. Въ уѣздныхъ городахъ толпами бродятъ голодные нищіе, покрытые ужаснѣйшими язвами, въ слѣдствіе худосочія и недостатка кровотворенія. Въ 1853 г. витебскій генералъ-губернаторъ представилъ покойному государю императору записку, въ которой изображалъ страшное положеніе ввѣреннаго ему края и въ особенности помѣщичьихъ крестьянъ. Въ двухъ губерніяхъ, Витебской и Могилевской, недоимки возросли до огромной цифры $41\frac{1}{2}$ мил. рублей, въ томъ числѣ на помѣщичьихъ имѣніяхъ числилось почти 34 милл., что составляло среднимъ числомъ по 86 руб., а въ иныхъ мѣстахъ по 150 руб. на душу. „Въ Витебской губ., писалъ генералъ-губернаторъ, крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ; жизненныя силы края совершенно истощились въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ“. Назадъ тому лѣтъ девять, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ была помѣщена статья одного смоленскаго помѣщика, въ которой онъ описываетъ сцены, происходящія каждый годъ во время плаванія барокъ, идущихъ по Двинѣ въ Ригу изъ двухъ пристаней Смоленской губерніи. На всемъ пути ихъ по Витебской губерніи, сотни голодныхъ и полунагихъ крестьянъ толпятся на берегу, прося у судовщиковъ хлѣба; судовщики раздѣляютъ имъ свою небогатую провизію, а нѣкоторые изъ судохозяевъ впередъ заготовляютъ для этой цѣли печеный хлѣбъ. Когда хлѣбъ свозится на берегъ, голодные крестьяне бросаются на него, какъ звѣри. Авторъ упоминаемой статьи самъ видѣлъ, какъ, въ происходящей при этомъ дракѣ, мужчины вырывали хлѣбъ у женщинъ, взрослые у дѣтей. Положеніе крестьянъ въ Минской и Гродненской губерніяхъ было не лучше, чѣмъ въ Витебской и Могилевской. Когда въ 1855 году, во время англо-французской войны, русскія войска расположены были въ Гродненской губерніи, то полки, баталіоны и батареи наперерывъ давали обѣды голоднымъ

крестьянамъ, накрывали столы на 200 и болѣе человѣкъ, и всегда было недостаточно. Ужасающая нищета порождаетъ въ этихъ краяхъ ежегодныя эпидемическія болѣзни, уносящія народъ тысячами. Въ томъ же 1855 г. наши войска встрѣчали тамъ по дорогамъ трупы людей, погибшихъ отъ голода и болѣзней, хотя въ этомъ году не было тамъ ни холеры, ни чрезвычайнаго неурожая. Положеніе крестьянъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ было нѣкогда также весьма плачевно, несмотря на плодородіе тамошнихъ земель; но въ 1848 г. сильная мѣстная власть настояла тамъ на введеніи инвентарей, составленныхъ безъ участія польскихъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Эти инвентари чрезвычайно облегчили положеніе тамошнихъ крестьянъ, особенно въ первые года по ихъ введеніи, когда помѣщики не дерзали еще приступать къ отобранію отъ крестьянъ инвентарныхъ земель. Лѣтъ черезъ пять послѣ введенія инвентарей, нельзя уже было узнать прежнихъ разоренныхъ и истощенныхъ крестьянъ кіевскихъ, волынскихъ и подольскихъ. Зато сколько же было, со стороны польскихъ помѣщиковъ, воплей и нареканій на виновниковъ этого улучшенія! Ихъ называли сатрапами, военными деспотами, Атиллами, точно такъ, какъ теперь польскіе помѣщики называютъ русскихъ мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ повѣрочныхъ коммисій коммунистами, красными демократами и демагогами. Въ то время не удалось однако польскимъ помѣщикамъ юго-западнаго края сбить правительство съ принятаго имъ пути: инвентари были торжественно объявлены крестьянамъ и неприкосновенность инвентарныхъ надѣловъ провозглашена закономъ. Хотя потомъ помѣщики втихомолку и обирали крестьянскія земли, но неприкосновенность ихъ, признанная закономъ, облегчила мѣстнымъ властямъ возстановленіе крестьянскихъ надѣловъ при обязательномъ выкупѣ. Совершенно иную судьбу имѣли инвентари въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ и въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ: помѣщики соединенными усиліями восторжествовали тамъ надъ слабыми дѣйствіями мѣстныхъ властей; составленіе инвентарей тянулось съ 1844 года; написанные самими же помѣщиками, они не привели ровно ни къ чему и нисколько не облегчили участи крестьянъ. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ было то, что въ кіевскомъ генералъ-

губернаторствѣ сами крестьяне дали дружный отпоръ польскому бунту и потушили его прежде, чѣмъ вмѣшались въ дѣло правительственныя власти и войска; тогда какъ въ сѣверо-западномъ краѣ крестьяне смотрѣли на бунтъ помѣщиковъ и шляхты большею частію страдательно, а нѣкоторые даже приняли въ немъ участіе, такъ что для прекращенія бунта потребовались продолжительныя военныя дѣйствія, стоившія Россіи многихъ жертвъ и большихъ расходовъ. Русскіе крестьяне сѣверо-западныхъ губерній доведены угнетеніями польскихъ помѣщиковъ до столь полнаго и всеобщаго разоренія, что, несмотря на благопріятныя для нихъ условія обязательнаго выкупа, невозможно ожидать скораго поправленія ихъ положенія. Въ нынѣшнемъ еще году во многихъ мѣстностяхъ этого края обнаружилось сильное стремленіе крестьянъ къ переселенію во внутреннія губерніи. Тѣмъ не менѣе теперь есть надежда, что, если мѣстное управленіе въ западномъ краѣ не подпадетъ снова подъ вліяніе польскаго дворянства и чиновничества, то тамошніе крестьяне, хотя въ теченіе продолжительнаго времени, мало по малу поднимутся съ той послѣдней степени матеріальной нищеты и человѣческаго уничиженія, на которую низвело ихъ господство пришлаго племени, и что этотъ искони русскій край перестанетъ наконецъ быть живымъ укоромъ русской исторіи и русскому политическому смыслу.

1868 г.

X.

Земскія учрежденія. Относительное положеніе дворянства и крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи. Средства, предоставленныя закономъ въ распоряженіе земства. Поземельный налогъ есть преобладающій источникъ земскихъ доходовъ. Обязательныя и необязательныя земскія повинности. Первыя изъ нихъ поглощаютъ большую часть земскихъ доходовъ. Земскія смѣты и раскладки по нѣкоторымъ губерніямъ и уѣздамъ. Общіе сравнительные выводы о доходахъ и расходахъ земства по офиціальнымъ свѣдѣніямъ.

Окончивъ разсужденія о причинахъ бѣдности крестьянъ, вызванныя прошлогоднимъ голодомъ въ одной изъ губерній средней полосы, я продолжаю печатаніе замѣтокъ о сельской и вообще провинціальной жизни, набросанныхъ мною еще въ 1866 году, вслѣдъ за первымъ моимъ посѣщеніемъ этой губерніи, и потомъ дополненныхъ при моихъ послѣдующихъ лѣтнихъ поѣздкахъ какъ въ эту, такъ и въ нѣкоторыя другія губерніи. При окончательной обработкѣ этихъ замѣтокъ я воспользовался нѣкоторыми свѣдѣніями, опубликованными въ недавнее время и имѣющими близкую связь съ излагаемыми мною предметами.

Что̀ думаютъ и говорятъ крестьяне про земскія учрежденія? Столичный читатель будетъ не мало удивленъ, когда я ему скажу, что, въ бытность мою въ этой губерніи лѣтомъ 1866 года, тамошніе крестьяне ровно ничего про земскія учрежденія не вѣдали и даже не подозрѣвали ихъ существованія, хотя они были тамъ открыты уже около полугода (первое губернское земское собраніе открыто 10-го февраля 1866 года). „Да вѣдь вы же выбирали гласныхъ въ земство, посылали, значитъ, своихъ довѣренныхъ въ уѣздный городъ“ — говорилъ я крестьянамъ. „А Богъ же ихъ знаетъ, куда и зачѣмъ мы ихъ выбирали; велѣли выбрать, мы и выбрали“. „Но вѣдь съ васъ собираются деньги на земство“ — допытывался я у крестьянъ. „И этого вамъ сказать мы не умѣемъ, на что собираютъ съ насъ деньги, потому что мы люди темные; вотъ еще по веснѣ сбирали по 15 коп.

съ души, а на что — не вѣдаемъ". Посѣтивъ тѣ же мѣста въ прошедшемъ 1868 году, я нашелъ, что хотя крестьяне и знали уже про существованіе земскихъ управъ, преимущественно по случаю выдававшихся имъ пособій на продовольствіе, но ни о существѣ земскихъ дѣлъ, ни объ обязанностяхъ гласныхъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ волостныхъ старшинъ. На выборъ гласныхъ въ земскія собранія крестьяне смотрятъ еще, какъ на отбываніе нѣкоторой новой повинности, цѣли которой они и сами не понимаютъ; о какихъ нибудь съ ихъ стороны уполномочіяхъ или инструкціяхъ гласнымъ не можетъ быть слѣдовательно и рѣчи. Понятно, каковы должны быть и гласные при такомъ выборѣ и на сколько можно ожидать отъ нихъ самостоятельности и пониманія дѣла. Значитъ, земство есть пока для крестьянъ одна формальность, а существо дѣла будетъ въ рукахъ дворянскаго сословія, или, лучше сказать, въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ изъ этого сословія, болѣе или менѣе удачно выбранныхъ, ибо, какъ я упоминалъ въ первой главѣ, самые помѣщики здѣшніе весьма мало интересуются земствомъ; большинство ихъ вовсе не читало земскаго положенія и было бы поставлено въ немалое затрудненіе, если бы ему было предложено дать какія нибудь уполномочія своимъ гласнымъ.

Видя равнодушіе къ земскимъ учрежденіямъ со стороны помѣщиковъ и почти совершенное невѣдѣніе о существѣ этихъ учрежденій со стороны крестьянъ, я невольно вспомнилъ горячіе споры, возникшіе въ нашей литературѣ при самомъ началѣ этихъ учрежденій. Одни изъ нашихъ публицистовъ видѣли въ нихъ установленіе чисто демократическое, нивеллирующее всѣ сословія и предоставляющее рѣшительное преобладаніе въ земскихъ дѣлахъ темной массѣ крестьянъ; другіе, напротивъ того, провозглашали земство учрежденіемъ вполнѣ аристократическимъ, дающимъ дворянству огромный перевѣсъ въ земскихъ собраніяхъ надъ другими сословіями, и пророчили, что дворянство заберетъ все въ свои руки и будетъ дѣйствовать во вредъ крестьянскимъ интересамъ. Допытывались даже, которое изъ двухъ сословій способно и которое неспособно къ самоуправленію. По мнѣнію однихъ, прочные задатки самоуправленія хранятся у насъ только въ дворянствѣ,

которое приготовлено-де къ этой роли всею своей предшествующею дѣятельностію, мнимое же самоуправленіе темной массы крестьянъ поведетъ-де лишь къ тому, что вся власть и все вліяніе въ земскихъ дѣлахъ очутятся въ рукахъ чиновничества. По мнѣнію другихъ, дворянство наше осьмидесятилѣтнимъ опытомъ (со времени жалованной грамоты) доказало свою неспособность къ самоуправленію, тогда какъ крестьяне всегда и вездѣ, гдѣ дозволяли имъ обстоятельства, обнаруживали вѣрный инстинктъ самоуправленія. Сколько въ этихъ спорахъ потрачено было замѣчательнаго краснорѣчія и ораторскаго жара! Одного, какъ мнѣ кажется, было здѣсь мало — практическаго, чисто житейскаго взгляда на дѣло. Утверждать, что русскій народъ, или какое бы то ни было изъ его сословій, проявляли когда нибудь яркую способность къ самоуправленію, едва ли не окажется патріотическимъ увлеченіемъ, когда мы припомнимъ нашу тысячелѣтнюю исторію или оглянемся на то, что̀ дѣлается теперь вокругъ насъ. Но оставимъ этотъ предметъ въ сторонѣ: въ судьбахъ народовъ внѣшнія обстоятельства все-таки имѣютъ великое значеніе, и нѣтъ народа, который, при измѣненіи обстоятельствъ въ благопріятномъ для него смыслѣ, не былъ бы способенъ достигнуть извѣстной степени самопознанія и самодѣятельности. Практическая сторона вопроса состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли которое-либо изъ двухъ упомянутыхъ сословій обнаруживаетъ въ себѣ наклонность къ преобладанію въ земскихъ дѣлахъ и къ утѣсненію прочихъ сословій. Дворянство наше, какъ прежде никогда не проявляло, такъ и теперь не проявляетъ стремленія обратиться въ олигархію, или хотя бы въ тѣсно сомкнутую и единую по духу корпорацію, подобную напримѣръ англійской аристократіи. Огромное большинство нашего дворянства нисколько не смотритъ на крестьянъ враждебно, въ сословномъ смыслѣ; напротивъ того дворянство, если бы отъ него зависѣло, готово бы обѣими руками дать крестьянамъ всевозможныя гражданскія и политическія права. Надобно различать дѣйствія по принципу отъ дѣйствій въ силу обыкновенныхъ житейскихъ выгодъ и столкновеній. Старая западная аристократія была по принципу враждебна низшему, земледѣльческому и промышленному классу; она никогда не согласилась бы добровольно допустить

поселянъ и горожанъ къ участію въ своихъ правахъ. Западно-европейскій аристократъ прежняго времени смотрѣлъ на плебея, какъ на существо низшей породы, неодаренное одинаковою съ дворяниномъ правоспособностію. Остатки этого убѣжденія и теперь еще существуютъ въ средѣ феодальнаго дворянства Западной Европы, несмотря на пронесшіяся надъ нею политическія бури, примявшія однихъ и поднявшія съ земли другихъ. Различіе между бѣлою и черною костью вполнѣ понятно только на феодальномъ западѣ. Наше дворянство, не взирая на бывшее въ его рукахъ суровое крѣпостное право, осталось чуждо и этой враждебности къ крестьянамъ, въ силу одного сословнаго принципа, и этого высокомѣрнаго на нихъ взгляда, какъ на существа низшей породы. Тотъ самый помѣщикъ, который, при введеніи уставной грамоты, всячески старался спихнуть крестьянина на какой нибудь песчаный бугоръ или въ кустарникъ (ибо и онъ, и его предки въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ считали крестьянскую землю своею полною собственностію), тотъ же самый помѣщикъ отъ души будетъ радъ сидѣть рядомъ съ крестьяниномъ въ какому угодно учрежденіи, и даже подчасъ станетъ усердно заботиться объ интересахъ чисто крестьянскихъ. Дѣло въ томъ, что наше дворянство никогда не было сословіемъ замкнутымъ и самостоятельнымъ; значительная часть его сама вышла изъ среднихъ и низшихъ классовъ народа. Правительственная власть тасовала и пополняла это сословіе по своему усмотрѣнію, какъ набираютъ рекрутъ въ армію и во флотъ или чиновниковъ для канцелярской службы. Тотъ же самый Петръ I, который, своею табелью о рангахъ, положилъ начало усиленному пополненію дворянства ратными и приказными людьми изъ низшихъ сословій и который окончательно закрѣпостилъ крестьянъ за помѣщиками, тотъ же самый Петръ цѣлыми массами обращалъ въ податное сословіе столбовыхъ дворянъ, неявлявшихся на государеву службу, такъ называвшихся тогда *нѣтчиковъ*. Это разжалованіе дворянъ въ податное званіе продолжалось, хотя и въ гораздо меньшей степени, и при преемникахъ Петра Великаго, до Петра III, который далъ дворянамъ право служить или не служить. Древняя Россія тѣмъ въ особенности отличалась отъ Западной Европы, что въ ней не было сословій въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, а

было одно цѣльное земство, въ которомъ люди различались лишь по своимъ занятіямъ и служебнымъ должностямъ, или чинамъ (должности эти были: бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскіе и проч.). Всѣ подраздѣленія земства обязаны были повинностями къ государству и государю; только повинности эти различались по различію занятій и достатковъ каждаго земскаго подраздѣленія: одни платили подать съ сохи или промысла, другіе отбывали государеву службу въ ратномъ полѣ, въ приказахъ, судахъ и проч. Самое мѣстничество бояръ было обычаемъ отнюдь не сословнымъ, а чисто служебнымъ или чиновнымъ. Ни крѣпостное право, ни иностранныя нововведенія, начавшіяся съ Петра Великаго, не могли совершенно изгладить этого всеземскаго строя въ русскомъ государствѣ; онъ исчезъ изъ законовъ и учрежденій, но сохранился въ памяти и нравахъ русскаго народа. Нерасположеніе русскаго народа къ сословнымъ привилегіямъ и выходящее оттуда равнодушіе его къ внѣшнимъ отличіямъ этихъ привилегій даютъ многимъ поводъ считать нашъ народъ самымъ демократическимъ въ Европѣ. Но такое мнѣніе очевидно происходитъ отъ смѣшенія понятій: западный демократизмъ направляетъ свои удары вверхъ, стремится прежде всего поколебать центральную государственную власть; русское земское начало, когда оно имѣло еще силы себя отстаивать, вооружалось только противъ поглощенія общины и прежняго земскаго строя въ государственномъ управленіи сословнымъ разчлененіемъ и иноземною бюрократіею. Это нерасположеніе къ искусственно созданнымъ у насъ сословнымъ привилегіямъ и къ мелочному вмѣшательству бюрократіи во внутреннюю жизнь земства сохранилось и доселѣ въ нашемъ народѣ; но верховную власть онъ всегда окружалъ въ своемъ представленіи благоговѣйнымъ уваженіемъ и ставилъ ее на недоступную высоту, желая только, чтобы она непосредственнѣе опиралась на нравственныя силы самого народа и была бы высшимъ олицетвореніемъ народнаго генія, народнаго достоинства и народной любви къ отечеству. Не подлежитъ, какъ кажется, сомнѣнію, что эта безразличная сплоченность нашего стариннаго земства, это отсутствіе въ немъ рѣзко обозначенныхъ сословій съ сильнымъ корпоративнымъ духомъ, много содѣйствовали тому, что въ русскомъ народѣ слабо про-

являлась способность къ самодѣятельности и самоуправленію: огромныя безразличныя массы всегда подчиняются притяженію одного сильнаго центра и могутъ существовать только подъ этимъ условіемъ. Но, съ другой стороны, эта же безразличность древне-русскаго строя спасла Россію отъ сословной розни, наполнившей западно-европейскую исторію столькими кровавыми страницами; она и доселѣ служитъ, какъ завѣтъ прошедшаго, связующимъ и примирительнымъ началомъ между нашими сословіями, хотя послѣдующія событія (крѣпостное право и бюрократія) какъ бы нарочно усиливались поставить ихъ во враждебное другъ къ другу положеніе. Изъ всѣхъ правъ, усвоенныхъ дворянству прежними законами, оно дорожило только тѣми, съ которыми соединялась чисто матеріальная выгода, именно правомъ владѣть крѣпостными людьми и свободою отъ личныхъ податей и повинностей. На всѣ другія права, дарованныя ему жалованною грамотою и имѣвшія цѣлію создать изъ него нѣкоторое подобіе западной аристократіи, дворянство наше всегда смотрѣло равнодушно. Одни изъ этихъ правъ оно *отбывало* чисто формальнымъ образомъ, чтобы только исполнить букву закона, напримѣръ право имѣть свой сословный судъ и выбирать изъ своей среды чиновниковъ на нѣкоторыя административныя должности; о другихъ же правахъ оно даже вовсе забыло, какъ о ненужной для него роскоши, напримѣръ о правѣ ходайствовать о своихъ нуждахъ непосредственно предъ верховною властью. Для большинства нашего дворянства было совершенною новостью, когда, во время преній объ освобожденіи крестьянъ, а потомъ при началѣ земскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ собраніяхъ и отчасти въ литературѣ поднятъ былъ вопросъ о жалованной грамотѣ и о нѣкоторыхъ поименованныхъ въ ней правахъ дворянства, и когда при этомъ господа ораторы и писатели усиливались придать этимъ правамъ какое-то политическое и весьма немаловажное значеніе, котораго въ сущности вовсе тамъ не заключалось. Наше дворянство, какъ нынѣшнее, такъ и прежняго времени, по весьма простому, но вѣрному инстинкту понимало, что эти яко бы политическія права, мимоходомъ и какъ бы для риторическаго украшенія упомянутыя въ жалованной грамотѣ, не могутъ имѣть никакого практическаго значенія внѣ общихъ политиче-

скихъ правъ всего народа, и потому поступило весьма благоразумно, позабывъ даже про самое существованіе этихъ мнимыхъ правъ. Всѣ эти факты довольно убѣдительно доказываютъ, что наше дворянство, въ силу самаго своего происхожденія и своей исторіи, никогда не обнаруживало склонности къ сословной исключительности, къ образованію изъ себя сильной корпоративной единицы, однимъ словомъ, къ преобладанію въ государственной жизни провинцій, хотя бы напримѣръ въ такой степени, какъ эти стремленія обнаруживались всегда дворянствомъ остзейскимъ. Теперь же, когда дворянство лишилось своей главнѣйшей привилегіи—владѣнія крѣпостными людьми, когда личная подать съ низшихъ сословій должна, силою необходимости, рано или поздно, уступить мѣсто общему налогу на имущества и промыслы, когда самой воинской повинности предстоитъ со временемъ упасть равномѣрно на всѣ сословія, теперь еще менѣе есть основаній предполагать, что наше дворянство будетъ проводить въ земскихъ дѣлахъ какіе-то свои исключительные интересы и затирать другія сословія. При новомъ порядкѣ вещей, главными отличіями дворянства отъ другихъ сословій становятся: болѣе крупное землевладѣніе и высшій уровень образованія. Но эти отличія вовсе не заключаютъ въ себѣ повода къ враждебнымъ столкновеніямъ дворянства съ другими сословіями; онѣ даютъ ему положеніе вліятельнѣйшее и почетнѣйшее, но отнюдь не исключительное и враждебное въ средѣ земства.

Конечно можетъ случиться, что въ какомъ нибудь земскомъ собраніи между дворянскими представителями будетъ преобладать партія такъ называемыхъ крѣпостниковъ, т. е. людей, раздраженныхъ нынѣшними реформами и желающихъ выместить на крестьянахъ свои потери, спихнуть на нихъ возможно бо̀льшую часть тягостей, лежащихъ на земствѣ. Такихъ людей можно, пожалуй, назвать враждебными крестьянамъ по принципу, но отнюдь не по сословному принципу, а по принципу матеріальной выгоды или эгоизма. Принципъ этотъ есть общечеловѣческій и въ одинаковой мѣрѣ встрѣчается какъ въ странахъ аристократическихъ, такъ и въ государствахъ, подобныхъ Сѣверной Америкѣ, гдѣ нѣтъ ни аристократовъ, ни плебеевъ и никакихъ сословныхъ привилегій. У человѣка всегда есть стремленіе вос-

пользоваться выгодами своего положенія для того, чтобы свалить на другаго часть своей собственной тяжести или чтобы употребить въ свою пользу часть чужаго труда и собственности. Такое стремленіе, проявляющееся, въ большей или меньшей степени, у всѣхъ людей, есть принадлежность животной природы человѣка, ибо человѣкъ, вмѣстѣ со всѣми животными, управляется инстинктивнымъ побужденіемъ, извѣстнымъ у новыхъ зоологовъ подъ названіемъ борьбы за существованіе. Только разумъ и религія способны умѣрять и просвѣтлять это низшее побужденіе нашей животной природы. Впрочемъ люди, у которыхъ особенно сильно развитъ животный инстинктъ личной выгоды, не могутъ наносить большаго вреда обществу, если они не находятъ себѣ опоры въ корпоративномъ духѣ того сословія или партіи, къ которымъ они принадлежатъ; ихъ дѣйствія представляются тогда одиночными и случайными и легко могутъ быть ограничиваемы закономъ. Худо тогда, когда себялюбивыя стремленія отдѣльныхъ личностей находятъ себѣ оправданіе въ какомъ-либо политическомъ или религіозномъ ученіи, становятся подъ знамя цѣлой многочисленной корпораціи: въ такомъ случаѣ проходятъ иногда цѣлые вѣка, прежде чѣмъ страдавшая часть общества успѣетъ хорошенько разглядѣть и сломить опутывавшіе ее насиліе и обманъ. Къ счастію или несчастію Россіи, но только наша русская почва оказывалась доселѣ негостепріимною ни для какихъ сословныхъ корпорацій и доктринъ, и уже конечно не съ этой стороны можно упрекнуть наше прошедшее или опасаться будущаго. Наши раскольники, которымъ неопытные писатели, знавшіе о нихъ только по наслышкѣ, старались навязать значеніе политической корпораціи, суть не болѣе, какъ религіозная секта. Эта секта, со всѣми ея развѣтвленіями, возникла столько же въ слѣдствіе собственной духовной темноты сектаторовъ, сколько и по причинѣ неудовлетворительности церковнаго устройства древней Россіи. Жестокія гоненія, испытанныя раскольниками, естественнымъ образомъ должны были еще тѣснѣе сомкнуть ихъ ряды и внушить имъ извѣстную долю враждебности, не къ государственному строю ихъ отечества, а къ ихъ гонителямъ и къ государственной религіи, въ которой они видѣли причину отяготѣвшихъ надъ ними бѣдствій. Въ силу принципа

личной выгоды, дворянскіе дѣятели земства конечно не преминутъ во многихъ случаяхъ воспользоваться преимуществами своего положенія, какъ люди, которые по своему образованію одни только способны имѣть въ настоящее время дѣйствительное вліяніе въ земскихъ распорядкахъ; но можно съ увѣренностью сказать, чтъ въ этихъ случаяхъ стремленія дворянскихъ членовъ земства будутъ направлены вовсе не къ созданію сословнаго преобладанія дворянства надъ прочими членами земской семьи, а къ цѣлямъ чисто личнымъ и гораздо менѣе замысловатымъ, именно: или къ возможно меньшему обложенію дворянскихъ имѣній земскими повинностями, на счетъ соотвѣтственнаго отягощенія прочихъ сословій, или же къ поправленію, по мѣрѣ возможности, своихъ разстроенныхъ достатковъ на счетъ земскихъ средствъ, то чрезъ устройство себѣ хорошихъ окладовъ за земскую службу, то чрезъ взятіе на себя выгодныхъ подрядовъ отъ земства и т. п. Однимъ словомъ, и здѣсь, какъ всегда и во всемъ, будетъ проявляться нашъ коренной русскій обычай личнаго *кормленія* на счетъ земства; только способы этого кормленія будутъ прикрыты здѣсь болѣе законными формами, чѣмъ какъ это дѣлалось на казенной службѣ, гдѣ кормленіе запросто являлось въ видѣ взятокъ и казнокрадства. Доберется до вліятельнаго положенія въ земствѣ купецъ или мѣщанинъ, такъ и онъ не упуститъ случая приложить къ дѣлу обычай кормленія; выскочетъ впередъ смышленый крестьянинъ, то и онъ охулки на руку не положитъ. Въ этомъ случаѣ у насъ идетъ круговая порука, и только лѣнивый не беретъ, тѣмъ или другимъ манеромъ, изъ широко раскрытаго земскаго кошеля. Обычаи и понятія, вкоренившіеся вѣками, не могутъ исчезнуть вдругъ, какъ бы по щучьему велѣнью. Въ газетахъ, въ рѣчахъ и отчетахъ будутъ звучать возвышенно-либеральныя фразы, неизвѣстныя нашимъ отцамъ и дѣдамъ; ораторы съ благороднымъ жаромъ будутъ распинаться за общіе интересы и поражать ѣдкими укоризнами обветшавшіе порядки и неизбѣжную во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и статьяхъ бюрократію, это козлище всеобщаго отпущенія: а на самомъ дѣлѣ еще долго, долго все будетъ идти по давно проторенной дорожкѣ, пока новыя учрежденія и иныя начала воспитанія и общественной нравственности не создадутъ новой

породы людей и граждан. До тѣхъ же поръ, хотя и будутъ встрѣчаться примѣры безкорыстной службы общему благу, какъ встрѣчались они всегда и прежде въ землѣ русской, но примѣры эти будутъ только исключеніями.

Недавно мы видѣли довольно замѣчательный примѣръ того, какъ идеи сословной исключительности далеки отъ нашего дворянства, несмотря на привилегіи, искусственно ему навязанныя съ прошедшаго столѣтія, и на бывшее въ его рукахъ, въ теченіе двухъ вѣковъ, крѣпостное право. Въ началѣ нынѣшняго 1869 года, коммисія, избранная изъ среды дворянъ Петербургской губерніи, составила проектъ о новомъ устройствѣ уѣздныхъ опекъ на всесословномъ началѣ. Она предлагала соединить въ одно учрежденіе нынѣшнія дворянскія опеки и сиротскіе суды, съ тѣмъ, чтобы со временемъ пріурочить сюда же и дѣла по крестьянскимъ опекамъ. По предположенію коммисіи, уѣздныя опеки должны состоять, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ градскаго головы, непремѣннаго члена, избираемаго земствомъ, двухъ членовъ отъ дворянства и двухъ отъ городскаго общества, избираемыхъ въ своихъ сословныхъ собраніяхъ. На губернскомъ дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ мартѣ сего года, болѣе трети голосовъ высказалось въ пользу проекта коммисіи; но большинство дворянъ пожелало остаться при нынѣшнемъ чисто-сословномъ устройствѣ опекъ. Главнымъ доводомъ къ принятію этого послѣдняго рѣшенія было опасеніе, что уровень воспитанія и образованія дворянскихъ дѣтей-сиротъ понизится, какъ скоро опекунствомъ надъ ними будутъ распоряжаться лица купеческаго и мѣщанскаго званія. Положимъ, что этотъ доводъ, въ той формѣ, въ какой онъ былъ выраженъ, не выдержитъ строгаго разбора. Дворянскія опеки были доселѣ однимъ изъ тѣхъ внѣшнихъ и фальшивыхъ подобій благоустройства, которыя встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу и, не принося никакой пользы, дѣлаютъ много вреда. О воспитаніи и образованіи дворянскихъ дѣтей-сиротъ опеки никогда не заботились; зато весьма часто онѣ обирали богатыхъ сиротъ, входя въ сдѣлки съ опекунами, нарочито для этой цѣли назначаемыми. У насъ не рѣдкость встрѣчать уѣздныхъ предводителей, которые значительно округлили свое состояніе посредствомъ

опекъ. Поэтому опекунскія дѣла по дворянскимъ имѣніямъ навѣрно не пошли бы хуже съ привлеченіемъ къ ихъ завѣдыванію и лицъ городскаго сословія. Но, съ другой стороны, нельзя до нѣкоторой степени не согласиться, что мнѣніе большинства петербургскаго дворянскаго собранія, помимо всякихъ предвзятыхъ идей и сословной исключительности, имѣло основаніе въ самомъ положеніи дѣла. Между дворянствомъ и другими нашими сословіями существуетъ еще въ настоящую минуту такое огромное различіе по образованности, положенію въ свѣтѣ и роду занятій, что предложеніе ввѣрить опеку надъ дворянскими дѣтьми и имѣніями учрежденію, на половину состоящему изъ купцовъ и мѣщанъ, съ присоединеніемъ къ нимъ въ послѣдствіи и крестьянъ, не можетъ не показаться предложеніемъ смѣлымъ. Потому-то, хотя это предложеніе и не прошло въ собраніи, но самый тотъ фактъ, что оно шло отъ лица цѣлой дворянской коммисіи, въ средѣ которой были имена, принадлежащія къ княжескимъ родамъ Рюрикова дома, и что оно имѣло въ свою пользу болѣе трети всѣхъ голосовъ на собраніи, доказываетъ, по моему мнѣнію, какъ быстро наше дворянство возвращается въ своихъ понятіяхъ къ тому всеземскому срою, изъ котораго оно было выдѣлено крѣпостнымъ правомъ и нѣмецкими нововведеніями прошлаго столѣтія.

Что касается крестьянъ, то они еще менѣе помѣщиковъ помышляютъ о преобладаніи въ земскихъ дѣлахъ. Наши мужички были бы не мало удивлены, если бъ узнали, что нѣкоторые писатели и ораторы серьезно опасались, чтобы они не забрали земскихъ дѣлъ въ свои руки и не обездолили помѣщиковъ. Для того, чтобы самостоятельно пользоваться какимъ нибудь правомъ, надобно прежде всего знать и понимать его; а наши крестьяне, по ихъ безграмотству, не въ состояніи даже прочесть земскаго положенія. Имъ остается только возложить упованіе на добрыхъ людей, которые въ земскихъ собраніяхъ и управахъ возьмутъ на себя заботу похлопотать о крестьянскихъ нуждахъ. Поговоривъ съ крестьянами на счетъ земства, я, признаюсь, сильно усомнился въ подлинности разныхъ краснорѣчивыхъ сужденій и рѣчей, произнесенныхъ крестьянами въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ и опубликованныхъ въ газетахъ. Мнѣ сильно сдается, что за крестьянъ

думали и сочиняли тамъ другія головы, а крестьяне произносили только то, чему ихъ выучили. Безъ сомнѣнія, умный крестьянинъ, въ качествѣ гласнаго, въ состояніи дать нѣкоторыя полезныя практическія указанія относительно нуждъ своего сословія, но и то въ такомъ лишь случаѣ, когда его будутъ наводить на предметъ, оставляя ему только трудъ отвѣчать на заданный вопросъ; быть же самостоятельными представителями своего сословія крестьяне долго еще будутъ неспособны, а тѣмъ менѣе могутъ они быть способны къ преобладающему вліянію въ дѣлахъ земства. Не слѣдуетъ преувеличивать значенія тѣхъ столкновеній и не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеній, которыя обнаруживаются теперь между помѣщиками и крестьянами: эта мелкая война послѣднихъ противъ собственности и интересовъ первыхъ, эти порубки, потравы, неисполненіе условій — все это есть слѣдствіе неустановившагося еще порядка въ сельской жизни, слабаго дѣйствія законовъ, неуваженія къ чужому праву, однимъ словомъ, все это объясняется тѣми общими причинами, которымъ причастны не одни крестьяне, но и всѣ другія сословія, и которыхъ дѣйствіе обнаруживается не въ однихъ селахъ, но и въ городахъ, не исключая и самыхъ столицъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ многочисленный сельскій и городской пролетаріатъ, вражда его къ имущимъ классамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ становиться сильнѣе. Въ самомъ стремленіи законодательствъ признать и удовлетворить отчасти требованія пролетаріата онъ будетъ находить новыя силы для борьбы съ настоящимъ порядкомъ вещей; всякая уступка, вырванная имъ у законодательства, еще болѣе будетъ усиливать его надежды и напряженіе, и онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока окончательно не сломитъ господствующихъ классовъ. Другаго исхода не можетъ быть, когда вопросъ поставленъ такимъ роковымъ образомъ, какъ напримѣръ въ Англіи. У насъ подобнаго роковаго вопроса не существуетъ: Положеніе 19-го февраля 1861 г., а еще болѣе естественныя условія Россіи, спасаютъ ее надолго отъ возможности сельскаго пролетаріата. Соціальная демократія въ Россіи есть одна изъ величайшихъ нелѣпостей, когда-либо порожденныхъ разстроеннымъ воображеніемъ людей. Если нашлись люди, которые пытались ее у насъ проповѣдывать, а также и такіе,

которые серьезно опасались ея нашествія, то это объясняется тѣмъ, что наше время, будучи временемъ всеобщей перестройки въ Россіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время крайняго смѣшенія понятій, общихъ недоразумѣній, напряженныхъ ожиданій и преувеличенныхъ страховъ. Многія требованія жизни, дѣйствительно неотложныя и громко вопіющія, многія опасности, дѣйствительно существующія и грозящія, не обращаютъ на себя ничьего вниманія; въ замѣнъ того одни забавляютъ свое воображеніе нелѣпыми мечтаніями, другіе пугаютъ себя несуществующими страхами. Мелкія столкновенія, встрѣчающіяся теперь между помѣщиками и крестьянами, должны прекратиться съ водвореніемъ у насъ законности. Земство, а въ особенности новыя судебныя учрежденія, имѣющія задачею установить отношенія сословій и отдѣльныхъ лицъ на почвѣ законности и права, должны поэтому скорѣе способствовать прекращенію нынѣшнихъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами, чѣмъ вызвать эти сословія на борьбу и соперничество. Существенные интересы одинаковы у обоихъ сословій: и помѣщики, и крестьяне желаютъ, чтобы было больше порядка и законности въ кругу сельской жизни, чтобы положенъ былъ конецъ своеволію и самодурству отдѣльныхъ лицъ, чтобы деньги, собираемыя съ земства, расходовались наиболѣе бережливымъ и полезнымъ образомъ, чтобы наконецъ тѣ дѣйствительныя нужды земства, которыхъ удовлетвореніе не въ его рукахъ, находили себѣ признаніе и помощь со стороны государственной власти. Исполненіе этихъ желаній будетъ возможно только при объединеніи силъ земства; если же въ его средѣ будутъ существовать рознь и соперничество, то оно не можетъ представлять никакой дѣйствительной и уважаемой силы, его самоуправленіе будетъ только подобіемъ самоуправленія, подобіемъ, которое не окупитъ расходовъ своего содержанія и будетъ игрушкою каждаго случайнаго вѣтра. Въ земскихъ учрежденіяхъ, самою силою вещей, роли двухъ сословій распредѣлятся такимъ образомъ: дворянству, какъ сословію образованному, будетъ принадлежать главное вліяніе и руководство въ дѣлахъ земства; расходы же на земскія нужды должны болѣе чувствительнымъ образомъ пасть на крестьянъ, ибо земля, главный плательщикъ земскихъ расходовъ, составляетъ для крестьянъ не предметъ избытка и

дохода, а въ буквальномъ смыслѣ насущный кусокъ хлѣба. Всякій урѣзъ этого куска на пользу земства крестьянинъ долженъ будетъ восполнять напряженіемъ личнаго труда или ощущать въ видѣ ежедневныхъ лишеній въ своей и безъ того уже скудной жизни.

Цифры, приводимыя „Правительственнымъ Вѣстникомъ", подтверждаютъ сказанное заключеніе о преобладающемъ вліяніи дворянства въ земскихъ дѣлахъ. Въ первое трехлѣтіе земскихъ учрежденій, въ управахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, всѣхъ 30-ти губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, состояло 1617 членовъ, со включеніемъ предсѣдателей. Изъ этого числа къ дворянскому сословію принадлежало 1062 лица, къ крестьянскому же только 304; остальные 251 членъ принадлежали къ городскому сословію. Изъ числа 2055 гласныхъ въ губернскихъ собраніяхъ, дворянъ быле 1524, крестьянъ 217, лицъ прочихъ сословій 314. Такимъ образомъ въ настоящее время крестьяне сами сознаютъ свою нравственную неправоспособность къ распоряженію земскими дѣлами, и свою долю участія въ нихъ добровольно отдаютъ въ руки дворянства. Второе мое заключеніе о томъ, что тягость земскихъ повинностей всего болѣе должна падать на крестьянъ, уяснится тогда, когда я буду подробнѣе говорить о раскладкѣ этихъ повинностей. Что касается выгодъ, которыя могутъ послѣдовать отъ земскихъ учрежденій, то распредѣленіе этихъ выгодъ между сословіями будетъ зависѣть отъ характера дѣйствій земства въ каждой мѣстности, отъ того, на какія статьи земскихъ нуждъ будетъ болѣе обращено вниманія въ извѣстномъ уѣздѣ или губерніи. Хорошій выборъ мировыхъ судей будетъ одинаково выгоденъ для обоихъ сословій. Мѣры на пользу народнаго образованія, народнаго здравія и продовольствія, а также для призрѣнія бѣдныхъ и немощныхъ, будутъ преимущественно относиться къ выгодѣ крестьянъ, хотя со временемъ несомнѣнно выиграютъ отъ нихъ и помѣщики. Улучшеніе путей сообщенія, полезное конечно и для крестьянъ, гораздо однако полезнѣе будетъ для помѣщиковъ, какъ главныхъ производителей и какъ людей, болѣе крестьянъ нуждающихся въ удобствахъ личнаго передвиженія. Болѣе уравнительное распредѣленіе между сословіями мѣстныхъ земскимъ повинностей бу-

детъ прямо служить къ облегченію крестьянъ, несущихъ теперь на себѣ всю тяжесть натуральныхъ повинностей. Но надобно замѣтить, что облегченіе это будетъ для крестьянъ довольно незначительно, потому что мѣстныя земскія повинности, подлежащія раскладкѣ земскихъ собраній, составляютъ только малую долю въ сравненіи съ государственными налогами, лежащими на крестьянахъ *подушно*. Для облегченія этихъ подушныхъ платежей съ крестьянъ земство ничего не въ состояніи сдѣлать по собственному вчинанію.

Впрочемъ вопросъ о соперничествѣ сословій въ земскихъ учрежденіяхъ можно почитать теперь уже устарѣвшимъ и подлежащимъ сдачѣ въ архивъ. Я коснулся его только потому, что, для уясненія положенія дѣлъ, небезполезно иногда бываетъ подводить итоги тому, что̀ высказывалось прежде въ разныхъ мнѣніяхъ, и сравнивать эти итого съ тѣмъ, что̀ обнаруживалось въ послѣдствіи на опытѣ. Гораздо интереснѣе и существеннѣе другой вопросъ, надъ которымъ все болѣе и болѣе заставляетъ задумываться практика, именно: въ какой мѣрѣ могутъ приносить пользу земскія учрежденія при тѣхъ средствахъ, которыя предоставлены имъ по закону, и всегда ли они будутъ въ состояніи окупать стоимость своего содержанія? По этому вопросу въ образованной части нашего общества успѣли уже обнаружиться два противоположныхъ мнѣнія. Одни смотрятъ на земскія учрежденія съ большимъ нерасположеніемъ и прямо утверждаютъ, что онѣ не принесутъ никакой существенной пользы, а только обременятъ сословія непосильными налогами. По мнѣнію этихъ людей, земство — это игра въ самоуправленіе, нестоющая свѣчей. Къ числу такихъ безусловныхъ порицателей земскихъ учрежденій принадлежатъ преимущественно помѣщики стараго покроя, недовольные всѣми нынѣшними реформами, и вообще люди, равнодушные по своей природѣ ко всякаго рода общественнымъ дѣламъ и интересамъ. Въ провинціяхъ этотъ классъ составляетъ большинство. Другіе придаютъ земскимъ учрежденіямъ весьма многознаменательное значеніе и полагаютъ, что они предназначены не только преобразовать экономическій бытъ Россіи, но и рѣшить капитальные вопросы нашей политической жизни. Къ этому, сравнительно небольшому кружку людей принадлежатъ въ особенно-

сти нѣкоторые изъ дѣятелей нашихъ юныхъ земскихъ учрежденій, а также и та часть нашей періодической печати, которая служитъ органомъ или отголоскомъ этихъ дѣятелей *). Небезполезно поэтому будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о происхожденіи земскихъ учрежденій и о тѣхъ средствахъ, которыми они могутъ располагать для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Чрезъ это можно будетъ вѣрнѣе дать себѣ отчетъ какъ о мѣрѣ силъ, предоставленныхъ земскимъ учрежденіямъ, такъ и о томъ значеніи, которое дѣйствительно усвоено имъ по мысли законодательства. Никогда нелишне уяснять себѣ настоящее значеніе предметовъ: при такомъ уясненіи, одни не будутъ имѣть права требовать отъ нихъ болѣе того, что̀ они въ состояніи дать; другіе же умѣрятъ свое воображеніе и не станутъ, слишкомъ идеализируя предметы, подвергать ихъ столкновенію съ дѣйствительностію, которая можетъ разбить ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ принести возможную для нихъ долю пользы.

Происхожденіе земскихъ учрежденій было самое скромное. По освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, невозможно уже было оставить на нихъ однихъ всю массу земскихъ повинностей, лежавшихъ дотолѣ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, или, правильнѣе сказать, на крѣпостныхъ душахъ тѣхъ имѣній. Поэтому въ ст. 167 Общаго Положенія о крестьянахъ было сказано: „Земскія повинности съ помѣщичьихъ имѣній, какъ натуральныя, такъ и денежныя, распредѣленныя подушно или поземельно утвержденными на текущее трехлѣтіе раскладками, остаются до истеченія сего трехлѣтія, т. е. по исходъ 1862 г., на прежнемъ основаніи, а въ продолженіе сего времени имѣетъ быть совершенъ пересмотръ законовъ о сихъ повинностяхъ, для правильнаго ихъ распредѣленія между крестьянами и землевладѣльцами“. Къ означенному сроку правительство не успѣло однако совершить предположеннаго распредѣленія земскихъ повинностей; сверхъ того оно пришло къ убѣжденію, что если земскія денежныя повинности, лежавшія на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянахъ,

*) Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, назадъ тому около 3 лѣтъ, произошло замѣтное разочарованіе относительно значенія земства, даже въ средѣ наиболѣе горячихъ его поклонниковъ.

переложить на землю, разверставъ ихъ по количеству господскихъ и крестьянскихъ угодій, то одна земля не выдержитъ такого налога. Поэтому признано было необходимымъ распредѣлить всѣ вообще земскія повинности, лежавшія дотолѣ на однихъ податныхъ сословіяхъ, преимущественно же на крестьянахъ, между всѣми источниками доходовъ земства: землями, промышленными заведеніями, торговыми капиталами, промышленными заработками и проч. Но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство убѣдилось *въ невозможности* сдѣлать такое распредѣленіе на основаніи какихъ-либо общихъ правилъ, по крайнему разнообразію и измѣнчивости мѣстныхъ и временныхъ условій. Въ слѣдствіе того оно пришло къ заключенію, что это дѣло необходимо предоставить *земскимъ хозяйственнымъ учрежденіямъ*, которыя были бы составлены изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ классовъ земства. Вотъ откуда вышли земскія учрежденія, законоположенія о которыхъ высочайше утверждены 1-го января 1864 г. Слѣдовательно земскія учрежденія, замѣнившія собою прежніе комитеты и особыя присутствія о земскихъ повинностяхъ, предназначались въ видахъ правительства главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы они могли восполнить собою невозможность для администраціи сдѣлать распредѣленіе земскимъ повинностей сообразно новымъ условіямъ и заявленному уже въ Положеніи 19-го февраля требованію закона. Правда, земскихъ учрежденіямъ, хотя и имѣющимъ непосредственною цѣлію служить только вспомогательнымъ орудіемъ для администраціи, дарована, въ кругу ихъ вѣдѣнія, довольно значительная самостоятельность въ дѣйствіяхъ; посмотримъ однако, какъ велики средства, которыя предоставлены въ распоряженіе земства и надъ которыми оно можетъ проявлять свою самостоятельность.

Читателю, быть можетъ, небезъизвѣстно, что, по уставу о земскихъ повинностяхъ 1851 г., повинности эти раздѣляются на государственныя, губернскія и частныя. На счетъ государственныхъ земскихъ повинностей отнесены слѣдующія потребности: содержаніе почтъ, устройство *государственныхъ* шоссейныхъ дорогъ, содержаніе земскихъ полицій, усиленіе средствъ департамента государственнаго казначейства по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ, этапная повинность

на главныхъ путяхъ слѣдованія ссыльныхъ, устройство и содержаніе арестантскихъ ротъ и исправительныхъ отдѣленій, удовлетвореніе воинскихъ потребностей, т. е. устройство или наемъ зданій подъ заведенія войскъ, временно квартирующихъ или проходящихъ въ губерніи, наемъ земель подъ лагери, маневры и пастбища, перевозъ войскъ, наконецъ нѣкоторыя другія, менѣе цѣнныя повинности. Къ губернскимъ повинностямъ отнесено во первыхъ удовлетвореніе всѣхъ, весьма многочисленныхъ мѣстныхъ нуждъ, общихъ всѣмъ сословіямъ и имѣющихъ для экономическаго благосостоянія губерній первостепенное значеніе; во вторыхъ къ губернскихъ же повинностямъ причислены и многія статьи, неотносящіяся къ потребностямъ мѣстнаго населенія, а имѣющія характеръ общихъ государственныхъ расходовъ. Наконецъ частныя повинности идутъ на удовлетвореніе частныхъ потребностей нѣкоторыхъ сословій и отбываются только этими сословіями, по принадлежности (содержаніе канцелярій при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ и при предводителяхъ дворянства, сборъ на заготовленіе для крестьянъ окладныхъ листовъ и т. п.). Съ 1835 г. земскіе сборы постоянно возрастали, среднимъ числомъ отъ 16% до 20% въ каждое смѣтное трехлѣтіе; но возрастаніе это шло не въ пользу удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а единственно на выполненіе потребностей государственныхъ, въ особенности же повинностей воинской, государственно-дорожной и почтовой. Обязанность земства была только отпускать на эти потребности требуемыя отъ него деньги; но какъ расходовались эти деньги и вполнѣ ли онѣ достигали предназначенныхъ цѣлей, объ этомъ земство не знало и не имѣло на то ни малѣйшаго вліянія. Съ самаго раздѣленія земскихъ певинностей на государственныя и губернскія, въ 1851 г., обнаружилось, что первыя постоянно увеличивались, а вторыя постоянно уменьшались, общая же сумма денежныхъ земскихъ повинностей росла въ каждое трехлѣтіе почти на 20%. По послѣднимъ смѣтамъ, предшествовавшимъ введенію земскихъ учрежденій, т. е. по смѣтамъ на трехлѣтіе $18^{60}/_{62}$ г., продолженнымъ на 1863 и 1864 г., подлежало сбору ежегодно со всѣхъ губерній, отбывающихъ земскія повинности:

на государственныя земскія повинности	19.381.000 р.
„ губернскія....................	4.233.000 „
Всего..	23.614.000 р.

Слѣдовательно изъ общей суммы земскихъ сборовъ, на государственныя потребности шло 82%, а на мѣстныя только 18%; изъ сравненія же со смѣтою предшествовавшаго трехлѣтія оказывается, что на первыя потребности сборъ увеличенъ на 26%, а на вторыя уменьшенъ на 6%, общее же увеличеніе равнялось 18%. Кромѣ этой разности цифръ, представляющихъ государственную и губернскую земскую повинность, слѣдуетъ обратить вниманіе на источники, изъ которыхъ взималась та и другая. Государственный земскій сборъ только въ незначительной степени взимается съ торговыхъ свидѣтельствъ (по смѣтамъ $10^{60}/_{62}$ г. 587.000 руб. въ годъ), всею же своею тяжестію падаетъ на податныя сословія въ видѣ *подушнаго* налога (по тѣмъ же смѣтамъ 18.793.000 руб., или по 76 коп. съ души). Потому-то для администраціи такъ легко увеличивать государственный земскій сборъ, ибо онъ не зависитъ ни отъ количества обращающихся въ народѣ капиталовъ, ни отъ количества поземельной собственности, а единственно отъ той душевой надбавки съ крестьянъ и мѣщанъ, которую сочтетъ нужнымъ сдѣлать администрація. Душевой сборъ на государственныя земскія повинности съ 1853 года взимался, въ средней сложности по имперіи, въ слѣдующемъ возрастающемъ размѣрѣ:

Съ 1853 г.	по 60	коп. съ души.
„ 1857	„ $60^1/_4$	„
„ 1860	„ 78*)	„
„ 1865	„ 98	„

Губернскій земскій сборъ взимался частію съ податныхъ душъ (по смѣтамъ $18^{60}/_{62}$ среднимъ числомъ по $11^1/_2$ коп. съ души), частію съ доходовъ и земель и наконецъ, въ малой степени, съ торговыхъ сви-

*) Здѣсь цифра 78 коп. показываетъ *назначеніе* по смѣтамъ; приведенная же выше цифра 76 коп. означаетъ, сколько подлежало *дѣйствительному* сбору.

дѣтельствъ. Часть *душеваго* сбора, шедшая на губернскія повинности, была постепенно уменьшаема, въ пользу сильнаго возвышенія другой части, шедшей на государственныя повинности. Такъ въ смѣтахъ $18^{60}/_{62}$ г. первая часть была уменьшена противъ смѣтъ предъидущаго трехлѣтія на 15%, а вторая часть увеличена на 26%. Сборъ съ торговыхъ свидѣтельствъ возрасталъ весьма слабо, ибо онъ прямо зависѣлъ отъ увеличенія торговыхъ капиталовъ. Сборъ съ земель и доходовъ почти вовсе не увеличивался, и съ предъидущимъ источникомъ давалъ въ пользу губернскихъ повинностей менѣе 10% общаго земскаго сбора *).

По Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, государственный земскій сборъ, равнявшійся передъ введеніемъ этихъ учрежденій 82% всѣхъ денежныхъ земскихъ повинностей, или иначе 78 коп. съ податной души, оставленъ попрежнему въ вѣдѣніи и распоряженіи адми-

*) Для удобнѣшаго сравненія государственныхъ и губернскихъ повинностей, заимствую изъ матеріаловъ податной коммисіи слѣдующую таблицу, показывающую, сколько подлежало ежегодно сбору тѣхъ и другихъ повинностей по послѣднимъ смѣтамъ 1860—64 годовъ.

Общая сумма:		Процентное отношеніе къ общей суммѣ.	Процентное увеличеніе противъ предъидущ. трехлѣтія.
На госуд. пов.	19.381.000	82%	26%
На губернск.	4.233.000	18	6 уменьш.
	23.614.000		18
Въ томъ числѣ:			
1. Съ торг. сословія:			
На госуд. пов.	587.000	$2^{2}/_{5}$	
На губернск.	389.000	$1^{3}/_{5}$	
	976.000	4	8
2. Съ дох. и земель:			
На губернск.	1.878.000	8	$^{1}/_{3}$
3. Съ душъ:			
На госуд. пов.	18.793.000		26
или на душу 76 к.			
На губернск.	1.965.000		15 уменьш.
или на душу $11^{1}/_{2}$ к.			
	20.758.000	88	21
или на душу $87^{1}/_{2}$ к.			

Число податныхъ душъ, отбывавшихъ земскія повинности, 24.761.000.

нистративныхъ властей, для употребленія на поименованныя выше общегосударственныя потребности; для удовлетворенія же всѣхъ мѣстныхъ потребностей населенія, правительство передало въ распоряженіе земскихъ учрежденій остальные 18% земскаго сбора, т. е., по послѣднимъ смѣтамъ, $17\frac{1}{2}$ коп. съ податной души, предоставивъ земскимъ учрежденіямъ увеличивать эти источники посредствомъ дополнительныхъ сборовъ съ указанныхъ въ законѣ предметовъ обложенія. Кромѣ того, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, помѣщики и крестьяне были обложены особымъ сборомъ на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, невходившимъ въ земскія раскладки $18^{60}/_{62}$ г. Точныхъ свѣдѣній объ общемъ количествѣ этого сбора я не могъ найти; но мнѣ извѣстно, что въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, во время введенія земскихъ учрежденій, крестьянамъ приходилось платить означеннаго сбора по 24 коп. съ ревизской души, а помѣщикамъ по 48 коп. также съ каждой ревизской души крестьянъ, состоявшихъ за ними въ этоху освобожденія. Этотъ сборъ на мировыя учрежденія также поступилъ въ вѣдѣніе земства. (Изъ составленнаго г. Руковскимъ, въ 1870 г., Свода земскихъ смѣтъ и раскладокъ видно, что въ 30 губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, правительствомъ передано въ распоряженіе земства на мировыя по крестьянскихъ дѣламъ учрежденія 2.993.444 рублей ежегодныхъ сборовъ).

Какіе же это предметы обложенія, съ которыхъ законъ дозволяетъ земству дѣлать дополнительные сборы для увеличенія своихъ рессурсовъ, и какъ великъ можетъ быть доходъ съ нихъ въ пользу мѣстныхъ потребностей? Облагать податныя сословія душевымъ сборомъ законъ не дозволяетъ земскимъ учрежденіямъ, и конечно дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ весьма разумно. Предметы обложенія, указываемые закономъ, суть: земли, фабрики, заводы, промышленныя и торговыя помѣщенія, вообще *недвижимыя* имущества въ городахъ и уѣздахъ, наконецъ свидѣтельства на право торговли и промысловъ. Обложеніе фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ помѣщеній и свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ поставлено, какъ извѣстно, закономъ 21-го ноября 1866 г. въ самые тѣсные предѣлы и должно давать

незначительный доходъ земству. Затѣмъ другія недвижимыя неземельныя имущества представляются домами въ городахъ и посадахъ, помѣщичьими усадьбами и крестьянскими хижинами. Дома въ городахъ и посадахъ уже обременены государственнымъ налогомъ, замѣнившимъ подушную подать съ мѣщанъ, сборами въ городскіе доходы и военно-постойною повинностію, преимущественно тяготѣющею на городахъ; въ большей части случаевъ этотъ источникъ положительно не въ состояніи вынести новой надбавки. На крестьянскія хижины едва ли рѣшится наложить руку земство какой-либо губерніи, въ виду тѣхъ налоговъ, которыми и безъ того уже подавлено крестьянство и которыхъ вовсе не несутъ другія сословія. Было бы вполнѣ справедливо обложить нѣкоторымъ сборомъ помѣщичьи усадьбы, ненесущія ни одного изъ тѣхъ налоговъ, которые лежатъ на городскихъ и посадскихъ строеніяхъ, хотя эти послѣднія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, также не даютъ никакого дохода и служатъ только для житья своимъ домохозяевамъ; но сомнительно, чтобы гдѣ нибудь дворянскіе гласные допустили обложеніе помѣщичьихъ усадьбъ, если отъ такого обложенія будутъ избавлены крестьянскія строенія. Конечно предполагаемая въ этомъ случаѣ уравнительность есть только кажущаяся, формальная, а отнюдь не основывается на дѣйствительной справедливости. Но такъ какъ формальная правомѣрность и есть главное основаніе всѣхъ человѣческихъ законовъ, то никто въ упомянутомъ случаѣ не можетъ отрицать за дворянскими гласными права требовать одинаковаго примѣненія основаній обложенія какъ къ помѣщичьимъ, такъ и къ крестьянскимъ усадьбамъ. И такъ для земскихъ учрежденій главнѣйшимъ источникомъ дохода является земля, обложеніе которой не ограничено въ законѣ никакимъ предѣломъ; поземельный сборъ будетъ по необходимости имѣть для доходовъ земства такое же преобладающее значеніе, какое для государственныхъ прямыхъ налоговъ имѣетъ доселѣ подушный сборъ. Къ поземельному налогу всѣ земскія собранія, безъ сомнѣнія, примѣнятъ во всей строгости начало формальной уравнительности, т. е. помѣщичьи земли, ненесущія въ пользу государственной казны никакого налога, будутъ облагаемы земскими сборами въ одинаковомъ размѣрѣ съ крестьянскими надѣлами, обремененными

уже чрезмѣрными платежами. Мало того, изъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ газетахъ, видно, что въ большинствѣ губерній, при обложеніи земель, земство раздѣляетъ ихъ на разряды по степени ихъ доходности и при этомъ крестьянскіе надѣлы относятся обыкновенно цѣликомъ къ высшему разряду, т. е. облагаются высшимъ налогомъ, тогда какъ помѣщичьи угодья причисляются частію къ высшему, частію же къ среднему и низшему разряду. Въ этомъ случаѣ за основаніе обложенія принимается доходность поземельныхъ имуществъ, и притомъ налогъ безразлично падаетъ какъ на крупные доходы частныхъ землевладѣльцевъ, такъ и на скудные земельные доходы крестьянскихъ обществъ, дающіе имъ, въ большей части случаевъ, лишь средства пропитанія. Между тѣмъ въ другомъ случаѣ, при обложеніи фабрикъ, заводовъ и торговыхъ заведеній, законъ предписываетъ принимать въ соображеніе не доходность этихъ заведеній и не производимые ими обороты, а только матеріальную стоимость ихъ строеній. Равнымъ образомъ при обложеніи лицъ, занимающихся торговлею и промыслами, земству вмѣнено въ обязанность не входить въ соображеніе ни о величинѣ ихъ капиталовъ, ни о доходности ихъ оборотовъ, а взимать съ каждаго торговаго или промысловаго свидѣтельства, билета и патента только извѣстный процентъ съ той суммы, которая взносится за него въ казну въ видѣ пошлины (для однихъ свидѣтельствъ — не свыше 25%, а для другихъ не свыше 10% казенной пошлины). Слѣдовательно и въ земскихъ сборахъ является такое же отсутствіе единства и правомѣрности основаній, какое царствуетъ въ государственныхъ налогахъ; только въ первомъ случаѣ, т. е. при обложеніи земскимм сборами, наиболѣе привилегированными сословіями оказываются торговое и мануфактурно-промышленное, сборы съ которыхъ законъ ограничиваетъ весьма тѣсными предѣлами, а во второмъ случаѣ, т. е. при взиманіи государственныхъ податей и повинностей, самымъ привилегированнымъ сословіемъ является дворянское, ненесущее никакихъ прямыхъ государственныхъ налоговъ. Сельскія же общества въ обоихъ случаяхъ занимаютъ самое невыгодное мѣсто: на нихъ лежитъ почти вся тяжесть прямыхъ государственныхъ налоговъ, и въ то же время ихъ земли должны уплачивать высшій сборъ на

земскія повинности, сравнительно съ землями частныхъ владѣльцевъ.

Спрашивается: при сказанныхъ условіяхъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть производителенъ поземельный налогъ, составляющій для земства главнѣйшій источникъ доходовъ? Мы видѣли, что, во время обнародованія земскихъ учрежденій, съ податныхъ сословій сходило, въ средней сложности по имперіи: на государственныя земскія повинности по 78 к. съ души, на губернскія — по $17\frac{1}{2}$ коп. съ души, и на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія около 24 к. съ души, не считая натуральныхъ повинностей. Съ тѣхъ поръ государственный земскій сборъ съ этихъ сословій успѣлъ уже возвыситься съ 78 коп. до 98., т. е. на 20 к. съ души, а подушная подать съ крестьянъ на 50 коп. съ души (вездѣ приводятся *средніе* по всей имперіи выводы); слѣдовательно съ крестьянъ прибавлено по этимъ двумъ статьямъ по 70 коп. съ души, т. е. около 1 руб. 75 коп. съ тягла *). Подобныя надбавки въ государственныхъ сборахъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ и впредь продолжаемы въ возрастающей прогрессіи. Всѣ эти сборы, будучи подушными, ложатся на одни только податныя сословія, преимущественно на крестьянъ, и не могутъ подлежать никакой, даже формальной уравнительности. Въ то же время земскія учрежденія, немогшія для выполненія своихъ многоразличныхъ обязанностей обойтись тѣми $17\frac{1}{2}$ копейками съ души, которыя перешли въ ихъ руки отъ прежняго времени, повсюду прибѣгли, съ самаго своего открытія, къ дополнительнымъ сборамъ; а какъ главнѣйшимъ источникомъ этихъ сборовъ оказывается земля, то налогъ, падавшій на крестьянъ въ пользу губернскихъ повинностей, вездѣ подвергся весьма значительному возвышенію. (Изъ свода г. Руковскаго видно, что по 30 губерніямъ, до введенія въ нихъ земскихъ учрежденій, земскіе губернскіе сборы равнялись 2.192.858 р., а сборъ на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія 2.993.444; теперь же земство расходуетъ на мировыя учрежденія 2.160.257 р., а на остальные предметы

*) Бывшія редакціонныя коммисіи по крестьянскому дѣлу принимали, что на тягло приходится среднимъ числомъ $2\frac{1}{2}$ ревизскихъ души.

12.842.519 руб., изъ коихъ 9.636.404 руб. (75%) взимаются въ видѣ поземельнаго налога, половина котораго падаетъ на крестьянскія земли). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, стали обнаруживаться на крестьянахъ значительныя недоимки по мѣстному земскому сбору, указывающія на то, что крестьяне не въ состояніи выдерживать дальнѣйшаго возвышенія лежащихъ на нихъ платежей. При всемъ томъ, въ большинствѣ губерній земскій сборъ, значившійся по окладамъ, едва хваталъ на выполненіе такъ называемыхъ *обязательныхъ* для земства повинностей; потребности же необязательныя или вовсе оставались безъ удовлетворенія, или удовлетворялись въ самой незначительной мѣрѣ. На этихъ фактахъ, имѣющихъ существенно важное значеніе въ судьбѣ земскихъ учрежденій, остановимся нѣсколько подробнѣе.

Читателю вѣроятно небезъизвѣстно, что обязательныя для земства повинности главнѣйшимъ образомъ состоятъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей мѣстнаго гражданскаго управленія и суда, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ: содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и расходъ на мировыхъ судей. Къ обязательнымъ, другими словами — неизбѣжнымъ повинностямъ земства слѣдуетъ отнести и содержаніе земскихъ управъ, хотя законъ и не именуетъ этой статьи обязательною. Въ число обязательныхъ мѣстныхъ повинностей включены закономъ и такіе предметы, которые вовсе не принадлежатъ къ мѣстнымъ нуждамъ населенія, а составляютъ потребности государства или казны, каковы напримѣръ: различныя потребности по помѣщенію и содержанію воинскихъ частей, постоянно въ губерніи пребывающихъ, арестантско-этапная повинность на внутреннихъ дорогахъ губерніи и выставка подводъ при передвиженіи войскъ и подъ проходящія отдѣльныя команды, за контрмарки (далеко невознаграждающія расходовъ крестьянъ по этой повинности).

Съ другой стороны, нѣкоторыя повинности, хотя и поименованныя въ законѣ въ числѣ обязательныхъ, имѣютъ для земства весьма условную обязательность и зависятъ въ своемъ выполненіи отъ средствъ, которыми оно можетъ располагать. Такъ напримѣръ дорожная повинность, названная въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ обязатель-

ною, очевидно можетъ ограничиться, при недостаточности средствъ земства, поддержаніемъ дорогъ въ ихъ настоящемъ видѣ; капитальное же ихъ улучшеніе, а тѣмъ болѣе проложеніе новыхъ дорогъ предоставляется собственному усмотрѣнію и рвенію земства. Исправленіе дорогъ должно повсюду потребовать отъ земства весьма значительныхъ расходовъ, потому что наши дороги повсемѣстно находятся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пришли въ совершенное разрушеніе. Такъ при открытіи екатеринославскаго очереднаго губернскаго собранія, въ январѣ сего (1869) года, губернаторъ въ произнесенной имъ рѣчи между прочимъ заявилъ, что, при вступленіи въ должность, въ 1865 году, онъ нашелъ пути сообщенія и дорожныя на нихъ сооруженія въ совершенномъ разрушеніи.

То же самое можно сказать и о потребностяхъ общественнаго призрѣнія, т. е. больницахъ и богадѣльняхъ. Хотя Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ признаетъ обязательными для земства всѣ предметы расходовъ, установленные уставомъ общественнаго призрѣнія и лежавшіе доселѣ на попеченіи приказовъ общественнаго призрѣнія, но извѣстно всякому, что заведенія, содержимыя этими приказами, существовали въ городахъ большею частію только для вида, въ уѣздахъ же ни о какомъ общественномъ призрѣніи не было и помина, исключая лѣчебницъ и богадѣленъ, заведенныхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и неимѣвшихъ никакого отношенія къ приказамъ. Слѣдовательно, если бы земству пришлось ограничиться только обязательнымъ для него поддержаніемъ заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія, то большинство мѣстностей въ губерніяхъ было бы попрежнему вовсе лишено способовъ призрѣнія больныхъ и убогихъ. Приказы общественнаго призрѣнія были вмѣстѣ съ тѣмъ и кредитными установленіями, и сверхъ того пользовались по закону нѣкоторыми другими статьями доходовъ; земству же переданы только остаточные капиталы приказовъ, накопившіяся въ слѣдствіе кредитныхъ оборотовъ. Процентовъ съ этихъ капиталовъ едва хватаетъ для приличнаго содержанія заведеній общественнаго призрѣнія, существующихъ въ губернскихъ городахъ. Поэтому призрѣніе

больныхъ и убогихъ въ уѣздахъ является новою статьею земскаго хозяйственнаго управленія, для которой земство само уже должно изыскивать средства и дѣлать новые налоги на плательщиковъ.

Обязанности земства по охраненію народнаго здравія въ уѣздахъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вовсе не опредѣляются, кромѣ обязанности содержать оспопрививателей, и слѣдовательно принадлежатъ также къ предметамъ необязательнымъ. Между тѣмъ охраненіе народа отъ эпидемій и другихъ истребляющихъ его болѣзней составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ потребностей нашей внутренней жизни, и здѣсь-то особенно необходимо участіе земства. Доселѣ нашъ простой народъ оставался въ этомъ отношеніи безъ всякой помощи. Смертность, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, и распространеніе сифилитической болѣзни доходятъ у насъ до ужасающихъ размѣровъ; онѣ губятъ цѣлыя поколѣнія и подсѣкаютъ въ самомъ корнѣ развитіе народнаго благосостоянія, ибо малонаселенность нашей страны составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій для ея успѣховъ въ гражданственности и матеріальномъ благоденствіи. Изъ отчета московской губернской управы за 1868 годъ видно, что даже въ этой центральной и промышленной губерніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній удѣльныхъ и государственныхъ имуществъ, не было, до 1866 года, ни медиковъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ для пособія сельскимъ жителямъ уѣздовъ. Только съ 1866 года въ трехъ уѣздахъ этой губерніи заведены земскіе врачи, фельдшера и повивальныя бабки. Новгородское земство, несмотря на свои бѣдныя средства, на неурожаи и падежи, отъ которыхъ страдала эта губернія въ послѣдніе годы, сдѣлало все, что̀ могло, для устройства медицинской части въ губерніи; въ каждомъ уѣздѣ находятся теперь земскіе врачи, фельдшера, бабки и оспопрививатели. Несмотря на все это, медицинская часть, по заявленію новгородской губернской управы, все-таки находится тамъ въ неудовлетворительномъ положеніи. „Уѣздные и городскіе врачи, состоящіе на государственной службѣ, сказано въ отчетѣ губернской управы, преимущественно заняты медико-полицейскими дѣлами, земскіе врачи — уѣздными больницами; населенію уѣздовъ оказываются медицинскія пособія лишь при эпидемическихъ болѣзняхъ,

а отъ обыкновенныхъ болѣзней уѣздное населеніе или вовсе не лѣчится, или пользуется у знахарей и знахарокъ" (Изъ свѣдѣній, приводимыхъ въ № 119 „Правительственнаго Вѣстника" 1870 г., видно, что на расходы по части общественнаго призрѣнія и врачебной земствомъ 23 губерній было ассигновано *дополнительныхъ* суммъ изъ земскаго сбора: въ 1867 г. 667.728 р., а въ 1869 г. 1.184.903 руб., т. е. на каждую губернію среднимъ числомъ 29.031 руб. и 51.517 р. Слѣдовательно расходъ этотъ въ два года почти удвоился).

Попеченіе о народномъ продовольствіи, подобно общественному призрѣнію, имѣетъ для земства также лишь условную обязательность. Съ 1834 г. у насъ, кромѣ издавна существовавшихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, установленъ былъ ежегодный денежный сборъ со всѣхъ податныхъ сословій, для образованія продовольственныхъ капиталовъ. Въ силу высочайше утвержденнаго 25-го апрѣля 1866 года мнѣнія государственнаго совѣта, изъ общей массы продовольственныхъ капиталовъ всѣхъ вѣдомствъ и губерній отчислено было въ каждую губернію по 48 коп. на ревизскую мужскую душу всѣхъ сельскихъ сословій, участвовавшихъ въ составленіи означенныхъ капиталовъ. Образовавшіеся изъ этихъ отчисленій губернскіе продовольственные капиталы переданы были въ распоряженіе земскихъ учрежденій; оставшіяся затѣмъ продовольственныя суммы составили общій продовольственный капиталъ въ имперіи, находящійся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ и предназначенный для заимообразныхъ пособій въ тѣхъ случаяхъ, когда, при сильныхъ неурожаяхъ, мѣстныя средства губерній окажутся недостаточными для продовольствія жителей. Изъ отчета московской губернской управы за 1868 годъ видно, что податными сословіями этой губерніи, не считая удѣльныхъ крестьянъ, внесено продовольственнаго сбора, со времени его учрежденія и по 1-е января 1866 года, не менѣе 614.000 р.; въ силу же сказаннаго правительственнаго распоряженія земству пришлось получить въ свое распоряженіе только 272.413 руб.; остальное пошло въ общій продовольственный капиталъ. Нельзя конечно оспоривать необходимости образованія общаго продовольственнаго капитала, безъ котораго нѣкоторыя губерніи, пораженныя чрезвычайнымъ неурожаемъ

и истощившія мѣстныя средства, оставались бы вовсе безъ способовъ пропитанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть недостаточности продовольственныхъ средствъ, назначенныхъ закономъ для каждой губерніи. Если бы даже запасные магазины крестьянъ и содержали узаконенный комплектъ хлѣба, т. е. 1 четверть (9 пуд.) ржи и $^1/_2$ четверти (3 пуд.) овса на ревизскую мужскую душу, то и тогда этотъ хлѣбный запасъ, вмѣстѣ съ продовольственнымъ капиталомъ въ 48 к. на ревизскую душу, могъ бы обезпечить прокормленіе жителей, въ случаѣ общаго въ губерніи неурожая, только на 4 мѣсяца (считая, что на прокормленіе каждой души мужскаго и женскаго пола необходимо $1^1/_2$ пуда муки въ мѣсяцъ). Слѣдовательно, для дѣйствительнаго обезпеченія народа отъ голода, земству необходимо или увеличить нормальный запасъ хлѣбныхъ магазиновъ, или прибѣгнуть къ денежнымъ сборамъ для усиленія продовольственныхъ капиталовъ.

Народное образованіе явилось совершенно новою статьею земскихъ расходовъ, вовсе несуществовавшею до введенія земскихъ учрежденій. Изъ „Правительственнаго Вѣстника“ видно, что въ 29 губерніяхъ на этотъ предметъ израсходовано: въ 1867 г. 408.000 р., а въ 1869 году 726.000 р. Всѣ подобные расходы земства относятся къ такъ называемымъ необязательнымъ повинностямъ.

Настоящія обязательныя повинности, состоящія въ удовлетвореніи потребностей гражданскаго и воинскаго управленій и въ содержаніи самихъ земскихъ учрежденій, поглощаютъ въ большинствѣ губерній почти всѣ средства, какія можетъ извлечь земство изъ мѣстнаго населенія, безъ крайняго обремененія земледѣльческаго класса. Потребности же собственно хозяйственныя, каковы: дѣйствительное улучшеніе существующихъ дорогъ и проложеніе новыхъ, осушеніе болотъ, учрежденіе сельскохозяйственныхъ фермъ и выставокъ, основаніе сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, составленіе продовольственныхъ капиталовъ или хлѣбныхъ запасовъ, достаточныхъ для дѣйствительнаго обезпеченія населенія отъ голода, далѣе — вопіющія требованія народнаго образованія, наконецъ преподаніе народу дѣйствительной помощи противъ истребляющихъ его болѣзней и облегченіе участи немощныхъ и убогихъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ только и можно поднять экономиче-

скій и нравственный бытъ нашего народа, все это отнесено къ тѣмъ необязательнымъ повинностямъ, на самое скромное удовлетвореніе которыхъ у земства большинства губерній вовсе не хватаетъ средствъ.

Заключенія мои о средствахъ земства и о главнѣйшихъ предметахъ его расходовъ основывались доселѣ на соображеніи статей земскаго Положенія съ платежными силами различныхъ классовъ жителей и на тѣхъ результатахъ, которые, по слухамъ и газетнымъ свѣдѣніямъ, достигнуты доселѣ земствами различныхъ губерній. Мнѣ желательно однако было провѣрить эти общія и не всегда надежныя соображенія на точныхъ цифрахъ, по отчетамъ земскихъ управъ. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ отчеты земскихъ управъ добываются съ большимъ трудомъ; да и изъ тѣхъ, которые удается достать, весьма немногіе представляютъ полный обзоръ земскихъ доходовъ и расходовъ по цѣлой губерніи. Отчеты губернскихъ управъ почти всегда говорятъ только о губернскихъ повинностяхъ, не упоминая ни слова объ уѣздныхъ; притомъ нѣкоторые отчеты составляются такъ сбивчиво и неясно, что въ нихъ расходы обязательные не отдѣлены отъ необязательныхъ, а въ раскладкахъ не показано, сколько падаетъ сборовъ въ отдѣльности на каждый родъ предметовъ, подлежащихъ обложенію. Еще труднѣе составить себѣ понятіе о земскихъ расходахъ и раскладкахъ по тѣмъ журналамъ земскихъ собраній, которые печатаются иногда въ нашихъ офиціальныхъ и частныхъ газетахъ: чѣмъ многословнѣе бываютъ пренія этихъ собраній, тѣмъ обыкновенно скуднѣе оказываются факты, представляемые въ нихъ относительно средствъ и потребностей земства.

Мнѣ удалось добыть только по одной губерніи полный и совершенно ясный источникъ такого рода, именно два отчета новгородской губернской управы о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ на 1867 и 1868 года. Отчеты эти обнимаютъ какъ губернскіе, такъ и уѣздные земскіе сборы и расходы по сказанной губерніи. Читателямъ конечно извѣстно, что, по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, мѣстныя земскія повинности раздѣляются на губернскія и уѣздныя: первыя изъ нихъ предназначаются на удовлетвореніе потребностей, общихъ всей губерніи, и назначаются губернскимъ земскимъ собраніемъ; вторыя

идутъ на выполненіе потребностей каждаго уѣзда отдѣльно и назначаются уѣздными собраніями. Кромѣ того весьма поучительныя свѣдѣнія найдены мною въ общемъ докладѣ новгородской губернской управы о первыхъ трехъ годахъ новгородскаго земства.

Расходы по *губернскимъ* и *уѣзднымъ* потребностямъ Новгородской губерніи опредѣлены смѣтами на 1867 и 1868 гг. въ такомъ количествѣ:

		На 1867 г.		На 1868 г.
на потребности обязательныя *) безъ дорожной повинности.		454.131 р.		422.349 р.
въ томъ числѣ на содержаніе управъ:				
губернской	26.500		20.500	
уѣздныхъ	66.360		62.381	
въ возвратъ позаимствованныхъ на содержаніе управъ въ 1865 г.	20.494			
Итого. . .	113.354		82.881	
На потребности необязательныя . . .		136.883		122.689
въ томъ числѣ на дорожную повинность, переложенную въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на деньги	72.710		67.587	
уѣздныхъ расходовъ: въ возвратъ суммъ, прежде позаимствованныхъ и излишне взысканныхъ, а также на покрытіе недоборовъ и непредвидѣнныхъ расходовъ				67.530
Всѣхъ расходовъ		591.014 р.		612.000 р.

Итакъ на необязательныя потребности, если даже включить въ нихъ всю дорожную повинность, предназначалось въ 1867 г. только 23%, а въ 1868 г. только 22% смѣтной суммы; остальные же 77% и 78% назначены на потребности обязательныя, то есть на потребности гражданскаго и воинскаго управленій, на содержаніе управъ и мировыхъ судей и на подводную повинность, переложенную на деньги въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Необязательныя же повинности безъ дорож-

*) Напоминаю читателю, что раздѣленіе потребностей на обязательныя и необязательныя сдѣлано мною *по ихъ существу*, а не на основаніи Положенія о земск. учрежденіяхъ.

ной составляли въ 1867 г. 11%, а въ 1868 г. 10% смѣтной суммы, тогда какъ содержаніе однѣхъ управъ равнялось въ 1867 г. 19% (съ возвратомъ прежде позаимствованныхъ суммъ), а въ 1868 г. 15% смѣты.

Для покрытія сказанныхъ расходовъ предназначалось *губернскаго* и *уѣзднаго* сбора, по раскладкамъ 1867 и 1868 г.:

		На 1867 г.	На 1868 г.
съ земель		394.000	412.562
въ томъ числѣ съ крестьянскихъ.	249.800		
съ лѣсныхъ матеріаловъ, идущихъ на продажу.		64.360	51.057
съ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ		78.800	28.210
съ фабрикъ, заводовъ и торговыхъ помѣщеній		20.200	25.959
съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ.		9.113	13.047
съ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздахъ			1.902
	Итого . .	566.644 р.	532.740 р.

Кромѣ того назначены были дополнительные сборы съ земель, фабрикъ, заводовъ и городскихъ имуществъ, для покрытія всѣхъ расходовъ, опредѣленныхъ по смѣтамъ.

По этимъ раскладкамъ, на земли и лѣсные матеріалы падало въ 1867 г. 81%, а въ 1868 г. 87% общаго оклада; въ частности же на земли крестьянъ приходилось въ 1867 г. 44% общей раскладки (въ раскладкѣ 1868 года крестьянскія земли не означены особою статьею). Увеличеніе налога на землю въ 1868 г. сравнительно съ 1867 г. произошло вслѣдствіе закона 21-го ноября 1866 г., который, облегчивъ торговый и промышленный классъ, соразмѣрно съ тѣмъ усилилъ повинность съ поземельной собственности. По полученіи этого закона, еще въ раскладкѣ на 1867 г. пришлось разомъ

сбросить съ оклада торговыхъ и промысловыхъ документовъ, то есть съ 78.800 руб., 48.000 р., которые и предположено выбрать съ другихъ предметовъ обложенія въ 1868 г.

Изъ подробныхъ табелей, приложенныхъ къ отчетамъ новгородской губернской управы, можно видѣть, до какой огромной цифры доходитъ земскій налогъ, падающій на крестьянскую землю, и какъ быстро онъ возвышается. Въ 1867 г. съ каждой десятины пахотной, сѣнокосной и усадебной земли приходилось платить, въ различныхъ уѣздахъ, по 11 к., 16 к., 18 к. и до $24\frac{1}{7}$ коп. Принимая въ соображеніе, что надѣлы временно-обязанныхъ крестьянъ большею частію состоятъ именно изъ земель сказанныхъ трехъ разрядовъ (лѣсные участки и выгонъ составляютъ въ надѣлахъ весьма незамѣтную долю), мы должны заключить, что въ Новгородской губ. этимъ крестьянамъ приходится, въ большей части случаевъ, платить съ душеваго надѣла приблизительно по 60 к., 1 р., 1 р. 14 к., и до 1 р. 33 к., а съ тягла по 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 2 р. 85 к. и до 3 р. 32 к. Въ слѣдующемъ же 1868 г. земскій налогъ съ десятины сказанныхъ разрядовъ былъ уже по 11 к., 22 к., $25\frac{1}{2}$ к. и до $26\frac{3}{4}$ коп., а съ душеваго надѣла по 60 к., 1 р. 21 к., 1 р. 38 к., 1 р. 60 к. и до 1 р. 87 к., что̀ составитъ съ тягла по 1 р. 50 к., 3 р., 3 р. 45 к., 4 р. и до 4 р. 67 к.

Кромѣ закона 21-го ноября, на увеличеніе налога съ крестьянскихъ надѣловъ имѣло вліяніе еще то обстоятельство, что сборъ съ лѣсныхъ матеріаловъ, падающій на частныхъ землевладѣльцевъ, былъ уменьшенъ въ 1868 г. на 13.300 р., сравнительно съ предыдущимъ годомъ. По опредѣленію правительствующаго сената, сборъ этотъ долженъ быть даже вовсе уничтоженъ; несмотря на это, многіе уѣзды все-таки внесли его въ свои раскладки на 1868 годъ. Вообще изъ приведенной выше раскладки на 1867 г. видно, что въ Новгородской губерніи изъ поземельнаго сбора на крестьянъ падаетъ несоразмѣрно бо̀льшая часть, именно изъ 394.000 р. на крестьянъ приходится 249.800 р., т. е. $63\frac{2}{5}\%$, а на частныхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ бо̀льшимъ числомъ угодій, только 144.200 р., то есть $36\frac{1}{5}\%$. Съ совершенною отмѣною сбора съ лѣсныхъ матеріаловъ, эта

несоразмѣрность еще болѣе увеличится къ невыгодѣ крестьянъ. Происходитъ же эта несоразмѣрность поземельныхъ сборовъ отъ того, что въ Новгородской губерніи всѣ земли раздѣлены на три разряда и разряды эти обложены чрезвычайно неуравнительнымъ налогомъ: крестьянскіе надѣлы (за исключеніемъ выгоновъ и лѣсныхъ участковъ) всѣ отнесены къ высшему разряду (пахотныя, сѣнокосныя и усадебныя земли), и подесятинный сборъ съ него былъ, какъ мы видѣли, въ 1867 г. отъ 11 к. до $24\frac{1}{7}$, а въ 1868 г. отъ 11 к. до $26\frac{3}{4}$ коп.; изъ земель же частныхъ владѣльцевъ къ высшему разряду отнесена только незначительная часть, всѣ же прочія владѣльческія земли, въ томъ числѣ и лѣса, причислены ко 2-му и 3-му разрядамъ, съ обложеніемъ ихъ самымъ ничтожнымъ подесятиннымъ сборомъ. Для нѣкотораго уравновѣшенія такой неуравнительности поземельнаго сбора, принятъ былъ новгородскимъ земствомъ дополнительный сборъ съ лѣсныхъ матеріаловъ, идущихъ въ продажу, падавшій преимущественно на частныхъ землевладѣльцевъ; но этотъ сборъ, какъ сказано, признанъ сенатомъ незаконнымъ. Съ переложеніемъ его на земли, значительнѣйшая часть его падетъ на земли 1-го разряда, и слѣдовательно еще болѣе увеличитъ упомянутую неуравнительность. Сверхъ того бо̀льшая часть натуральныхъ повинностей, оставаясь въ Новгородской губерніи непереложенною на деньги, падаетъ исключительно на крестьянъ.

Весьма важно было бы знать, какъ велики были недоимки по предположенному на 1867 г. общему сбору 591.000 р.; но въ отчетахъ губернской управы нѣтъ свѣдѣній о недоимкахъ по *уѣзднымъ* сборамъ. Въ общемъ докладѣ губернской управы приведены только недоимки по *губернскому* сбору за послѣдніе два года. По этимъ даннымъ можно однако составить понятіе о состояніи счетовъ новгородскаго земства. Въ 1866 и 1867 гг. губернскаго сбора предполагалось по смѣтамъ всего

за два года	192.106 р.
по 15-е октября 1867 г. поступило	72.438 „
въ недоимкѣ за уѣздами	117.769 р.,

что̀ составляетъ 61% предположеннаго губернскаго сбора. Кромѣ того,

прежнихъ недоимокъ по земскому сбору, по счетамъ казенной палаты, съ окладомъ губернскаго сбора 1865 г., было неуплачено къ 15-му октября 1867 г. 162.714 р. Наконецъ къ тому же сроку состояло въ долгу за уѣздами по заимообразнымъ выдачамъ на подкрѣпленіе ихъ средствъ, изъ губернскаго запаснаго капитала, 100.247 р. Изъ подробнаго расчета, представленнаго въ докладѣ губернской управы, видно, что значительная часть *губернскихъ* и *уѣздныхъ* расходовъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія земскихъ учрежденій, покрыта была суммами губернскаго запаснаго капитала, составившагося чрезъ поступленіе земскихъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Ежели бы этого капитала не удалось собрать, то, по заявленію губернской управы, уѣздныя земства оказались бы несостоятельными. Далѣе въ отчетѣ сказано, что такъ какъ въ настоящее время запасный губернскій капиталъ истощился и скораго пополненія его не предвидится, то губернская управа не можетъ ручаться за исполненіе всѣхъ назначенныхъ по смѣтѣ губернскихъ потребностей даже въ 1868 году, буде губернское собраніе не отыщетъ средствъ къ лучшему поступленію губернскихъ сборовъ. „При настоящихъ денежныхъ средствахъ — добавляетъ управа — новгородское земство существовать не можетъ; несостоятельность земства въ денежномъ отношеніи дѣлаетъ невозможнымъ удовлетвореніе возложенныхъ на земство потребностей, что̀ ведетъ за собою принятіе земскаго хозяйства въ распоряженіе администраціи, а это равняется закрытію земства“. Вотъ выводъ, къ которому пришла, послѣ трехъ лѣтъ дѣятельности, новгородская губернская управа, обратившая на себя общее вниманіе знаніемъ дѣла и вполнѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, равно чуждымъ какъ апатіи, ограничивающейся формальнымъ отбываніемъ службы, такъ и тѣхъ самолюбивыхъ и праздныхъ выходокъ, которыя столько вредятъ успѣху всякаго дѣла. Исчисливъ различныя второстепенныя причины недоимокъ по губернскому сбору, состоящія преимущественно въ удержаніи уѣздными управами, для употребленія на уѣздныя потребности, той части сборовъ, которая слѣдуетъ въ депозитъ губернскаго сбора, новгородская губернская управа признаетъ однако главнѣйшею причиною недоимокъ *несостоятель-*

ность средствъ плательщиковъ. Въ доказательство того, что *уѣздные* земскіе сборы въ Новгородской губерніи находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ губернскіе, можно привести свѣдѣнія крестецкой уѣздной управы той же губерніи, перепечатанныя въ одной изъ нашихъ газетъ. Изъ нихъ видно, что изъ земскаго сбора, слѣдовавшаго къ поступленію въ этомъ уѣздѣ въ 1866 и 1867 гг. въ количествѣ 94.708 р., дѣйствительно поступило по 1-е сентября 1867 г. только 45.845 р., а въ недоимкѣ состояло 48.862 р., *хотя смѣтныя назначенія этихъ двухъ лѣтъ ограничивались однѣми обязательными повинностями.* „Губернская управа должна сознаться — сказано въ отчетѣ новгородской управы—что денежныя средства земства очень скудны. Между тѣмъ разнаго рода сборы ежегодно увеличиваются, и трудно предвидѣть, когда они установятся. Доказательствомъ этого служитъ увеличеніе, въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ (1866 и 1867), *обязательныхъ* земскихъ повинностей съ 80-ми тысячъ на 412 тысячъ рублей. Въ настоящее время ни одинъ плательщикъ не можетъ предвидѣть, сколько съ него потребуютъ въ слѣдующемъ году земскихъ платежей; это опредѣляетъ смѣта, составляемая сообразно потребностямъ, заключающимся преимущественно въ обязательныхъ расходахъ, и потому нѣтъ средствъ соображать требованія съ возможностію исполненія. При составленіи смѣты на 1867 годъ земскія собранія, сознавая крайнюю необходимость во многихъ необязательныхъ расходахъ, скрѣпя сердце, должны были отъ нихъ отказаться, въ виду трудности уплаты сбора, и ограничились почти одними обязательными расходами; но все-таки сборъ на нихъ остался для плательщиковъ крайне обременительнымъ, поступаетъ чрезвычайно неудовлетворительно, и ежели бы новгородское земство не имѣло небольшаго запаснаго капитала, то земскія учрежденія оказались бы безъ средствъ для удовлетворенія потребностей. Изъ этого ясно видно, что въ настоящее время земство производитъ расходы сборамъ съ существующихъ доходовъ, бывшихъ до его открытія, увеличиваетъ ежегодно эти сборы, и ежели этотъ порядокъ продолжится еще нѣсколько лѣтъ, то, истощая средства плательщиковъ, земство не выполнитъ своего предназначенія“. Въ докладѣ управы есть кромѣ того

такое заявленіе: „къ величайшему сожалѣнію, трехлѣтній опытъ доказалъ, что торговое сословіе, за очень рѣдкими исключеніями, выказало полное хладнокровіе къ развитію земскихъ учрежденій“. Иначе и быть не могло: законъ возлагаетъ на торговое сословіе самое ничтожное участіе въ земскихъ тягостяхъ, именно уплату 25% и 10% съ тѣхъ пошлинъ, которыя вносятся въ казну лицами этого сословія за получаемыя ими свидѣтельства на право торговли; съ другой стороны, наибольшая часть необязательныхъ расходовъ земства идетъ на потребности сельской жизни, непредставляющія непосредственнаго интереса для купцовъ и мѣщанъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что равнодушіе къ земскимъ дѣламъ не составляетъ принадлежности одного городскаго сословія, но относится и къ большинству землевладѣльцевъ, не говоря уже о крестьянахъ, которые смотрятъ на свое участіе въ земскомъ самоуправленіи чисто какъ на обязательную повинность. Несостоятельность однихъ изъ плательщиковъ (крестьянъ и мелкихъ помѣщиковъ) и совершенное равнодушіе большинства другихъ — вотъ краткая, но вѣрная характеристика нынѣшняго положенія земскаго дѣла. Положимъ, что Новгородская губернія во многихъ отношеніяхъ находится въ весьма невыгодныхъ условіяхъ: почва ея непроизводительна; частые неурожаи и сибирская язва дѣйствуютъ разорительно на сельское хозяйство; въ то же время близость къ столицѣ, сосредоточеніе въ губерніи значительнаго числа войскъ, разбросанность селеній и городовъ на огромныхъ пространствахъ требуютъ отъ земства многихъ лишнихъ расходовъ и увеличиваютъ его бюджетъ. Но зато населеніе этой губерніи гораздо развитѣе и способнѣе къ промысламъ, чѣмъ жители черноземныхъ губерній; близость къ столицѣ и пути сообщенія, сухопутные и водяные, пересѣкающіе эту губернію во многихъ направленіяхъ, дѣлаютъ здѣсь заработки болѣе легкими и доходными, чѣмъ въ какой нибудь Харьковской или Курской губерніи, хотя послѣднія и надѣлены плодороднѣйшимъ черноземомъ. Потому-то денежная несостоятельность земства, столь очевидно высказанная новгородскою губернскою управою, не составляетъ принадлежности одной этой губерніи, но въ большей или меньшей степени должна относиться и къ другимъ губерніямъ. Такое заключеніе

подтверждается впрочемъ какъ слухами, такъ и печатными свѣдѣніями, идущими изъ разныхъ губерній.

Изъ другихъ земскихъ отчетовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, нельзя видѣть полной цифры сборовъ, лежащихъ на различныхъ классахъ плательщиковъ, потому что эти отчеты касаются либо однѣхъ уѣздныхъ, либо однѣхъ губернскихъ повинностей. Но по нимъ можно однако судить объ относительномъ распредѣленіи земскихъ сборовъ между различными сословіями и о главнѣйшихъ статьяхъ земскихъ расходовъ.

Изъ отчета псковской уѣздной управы за 1866 г. видно, что по окладу на этотъ годъ предназначалось къ сбору *уѣздной* повинности:

			Состояло въ недоимкѣ къ 1 января 1867 г. за 1865 г. и 1866 г.	
Съ земель		29.910 р.		3.995 р.
Въ томъ числѣ:				
съ крестьянскихъ	21.000 р.		664	
съ дворянскихъ и принадлежащихъ городскимъ сослов. .	7.638		1.806	
съ казенныхъ	1.182		1.477	
съ недвижимыхъ имуществъ въ городѣ и посадѣ		268		211
съ фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній		8.450		2.493
съ торговыхъ капиталовъ . .		4.419		411
Всего по окладу		43.047	въ недоимкѣ	6.510 р.

Отсюда видно, что 70% оклада падали на поземельную собственность, а въ частности на земли крестьянъ — почти половина оклада; на крестьянахъ же лежала и вся натуральная повинность. Съ изданіемъ закона 21 ноября 1866 г. на земли должна была упасть еще бо́льшая часть земскаго сбора. Сверхъ того изъ приведенныхъ цифръ явствуетъ, что въ Псковскомъ уѣздѣ на крестьянскихъ земляхъ числилась ничтожная недоимка, тогда какъ она была значительна на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и особенно на казенныхъ земляхъ; самая же большая недоимка, по валовой цифрѣ, состояла за фабри-

ками, заводами и торговыми заведеніями. Слѣдовательно недоимочность на различныхъ классахъ плательщиковъ обнаружилась въ этомъ уѣздѣ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ состоятельнѣе классъ плательщиковъ. Изъ весьма достовѣрнаго источника мнѣ извѣстно, что подобное же явленіе повторилось и въ Новгородской губ.: тамъ земскій сборъ съ крестьянскихъ обществъ поступалъ гораздо исправнѣе, чѣмъ съ частныхъ землевладѣльцевъ. Относительно расходовъ отчетъ показываетъ, что псковскою уѣздною управою всего израсходовано въ 1866 г. 40.177 р. Изъ этой суммы на необязательныя потребности употреблено: на народное образованіе 80 р., на медицинскія потребности 430 р. (въ томъ числѣ 30 р. на покупку купороса по случаю холеры), на дорожную повинность 208 р., на заготовленіе карты Псковскаго уѣзда 30 р., всего 748 р.; остальные же 39.429 р. всѣ пошли на повинности обязательныя, въ томъ числѣ на содержаніе уѣздной управы 8.443. Изъ словесныхъ распросовъ я также узналъ, что въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи сборъ на уѣздныя повинности равнялся въ 1867 г. 34.000 р, и что вся эта сумма пошла на удовлетвореніе однѣхъ обязательныхъ потребностей, за исключеніемъ незначительной суммы, употребленной на наемъ землемѣра при управѣ.

Есть наконецъ у меня данныя, относящіяся къ мѣстности характера совершенно противоположнаго приведеннымъ двумъ бѣднымъ губерніямъ, къ богатому земледѣльческому Александровскому уѣзду Екатеринославской губерніи, прилегающему къ портамъ Азовскаго моря. Тамъ земское собраніе щедрою рукою назначило смѣты по нѣкоторымъ статьямъ земскихъ потребностей на 1867 г. Къ сожалѣнію, цифры эти (см. Сборникъ постановленій перваго очереднаго александровскаго земскаго собранія) далеко не представляютъ полнаго бюджета александровскаго земства, такъ какъ, по нераздѣленію еще въ 1866 г. земскихъ повинностей Екатеринославской губерніи на губернскія и уѣздныя, александровское земское собраніе (бывшее въ октябрѣ 1866 г.) ограничилось назначеніемъ на 1867 г. только *дополнительныхъ* сборовъ къ тѣмъ, которые существовали уже по прежнимъ земскимъ раскладкамъ, предшествовавшимъ введенію зем-

скихъ учрежденій. Эти дополнительные сборы предназначены были на слѣдующія потребности:

на содержаніе уѣздной управы	10.078 р.
на устройство земской почты, въ замѣнъ натуральнаго ея отбыванія	76.250 *) (?!)
на народное образованіе	2.000
на дорожную повинность	1.000
всего	89.328

Если принять въ соображеніе, что, кромѣ содержанія управы, сюда не включено ни одной изъ обязательныхъ повинностей, то можно полагать, что полный расходъ александровскаго земства на *уѣздныя* повинности перейдетъ цифру 120.000 р., не считая повинности губернской.

Для покрытія сказанныхъ расходовъ назначенъ по окладу слѣдующій *дополнительный* сборъ:

Съ земель		59.159 р.
въ томъ числѣ съ крестьянскихъ	40.750	
Съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ		2.557
Съ свидѣтельствъ на право торговли		2.224
Съ промышленныхъ и питейныхъ заведеній		6.518
всего дополнительнаго сбора		70.458

Такимъ образомъ здѣсь на поземельную собственность ложится 84% дополнительнаго сбора, на земли же собственно крестьянскія 58%.

*) Значеніе этого расхода остается непонятнымъ: если здѣсь разумѣется содержаніе такъ называемыхъ пунктовщиковъ, обязанныхъ развозить земскихъ, полицейскихъ и слѣдственныхъ чиновниковъ и ихъ корреспонденцію, то означенная цифра поражаетъ своею огромностію (въ Петербургской губерніи двуконный пунктовщикъ стоитъ земству 300 р. въ годъ); если же подъ этимъ расходомъ разумѣется вся вообще подводная повинность, переложенная на деньги (перевозка войскъ и арестантовъ), то такому значенію не соотвѣтствуетъ названіе земской почты; да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ расходъ въ 76.250 р. оказывается несоразмѣрно великимъ.

Съ изданіемъ закона 21 ноября 1866 г., часть сборовъ, падающая на землю, должна была еще болѣе увеличиться. Однако при обиліи удобныхъ земель въ этомъ уѣздѣ, подесятинный сборъ на земскія потребности долженъ выдти здѣсь менѣе значительнымъ, чѣмъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ. Притомъ, при плодородіи тамошнихъ земель и при удобствѣ сбыта чрезъ Маріуполь и Таганрогъ, казалось бы земскій налогъ не долженъ быть слишкомъ для крестьянъ обременителенъ; но на самомъ дѣлѣ онъ не обременителенъ только для греческихъ поселенцевъ Маріупольскаго округа, потому что они, владѣя по 20 дес. на душу, не платятъ почти никакихъ государственныхъ налоговъ; для крестьянъ же бывшихъ государственныхъ, и особенно для временно-обязанныхъ, даже и незначительный налогъ долженъ оказаться крайне тяжелымъ, ибо другіе лежащіе на нихъ платежи превышаютъ уже средства, которыя они могутъ извлекать изъ земли. По расчисленію, сдѣланному секретаремъ александровской управы барономъ Корфомъ (С.-Петерб. Вѣд. 1867 г. № 266), въ этомъ уѣздѣ приходится вносить всѣхъ обязательныхъ платежей, государственныхъ, земскихъ и общественныхъ, *съ каждой десятины* надѣла:

Греческимъ поселенцамъ, при 20 дес. душеваго надѣла .	24 к.
Бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, при 7½ дес. надѣла .	1 р. 27 к.
Временно-обязаннымъ крестьянамъ, при 4 — 4½ дес. надѣла .	2 р. 95 к.

Между тѣмъ, по замѣчанію барона Корфа, арендная плата за десятину почти никогда не превышаетъ въ уѣздѣ одного рубля! Понятно, что при такой чрезвычайной несоразмѣрности платежей, лежащихъ на крестьянахъ, съ доходностію земли, для крестьянъ становится тягостнымъ даже и самый незначительный налогъ въ пользу земства, непревышающій, по замѣчанію г. Корфа, для временно-обязанныхъ крестьянъ этого уѣзда 2%, а для государственныхъ 5% всѣхъ лежащихъ на нихъ платежей. Что тамошніе крестьяне не въ

состояніи вынести бóльшаго налога на земскія нужды, видно изъ того, что на нихъ накопилось уже всѣхъ вообще недоимокъ отъ 50 до 90 коп. на ревизскую душу. Итакъ александровское земство, дойдя, можно сказать, до предѣла возможнаго для крестьянъ обложенія, могло удѣлить изъ своего бюджета 1867 года только 2000 руб. собственно на необязательныя потребности, именно на народное образованіе, такъ какъ дорожная повинность (1000 р.) очевидно ограничивалась самыми необходимыми, слѣдовательно обязательными для земства дорожными исправленіями.

Наконецъ вотъ нѣкоторыя данныя, заимствованныя изъ напечатанныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отчетовъ о засѣданіяхъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній въ предпослѣдній съѣздъ ихъ, въ концѣ минувшаго 1868 года.

Въ Курской губерніи, по смѣтѣ *губернскихъ* земскихъ повинностей на 1869 г., назначено:

Обязательныхъ	95.945 р.,	т. е. 69½%
Необязательныхъ	42.065	
	138.010.	

Въ Самарской губерніи, по таковой же смѣтѣ:

Обязательныхъ	92.000 р.,	т. е. 77½%
Необязательныхъ	27.000	
	119.000.	

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ послѣдней губерніи на 2-ю половину 1869 года исчислено земскихъ расходовъ:

Обязательныхъ. .		68.247 р.,	т. е. 91%
Необязательныхъ		6.748	
Именно: на школы.....	3.000		
на медиц. часть.	3.748		
		75.000.	

По сдѣланной для этого уѣзда раскладкѣ земскихъ повинностей, падаетъ:

На земли	71.778 р.,	т. е. 93,8%
На торговыя свидѣтельства	2.576	
На фабрики, заводы и др. заведен.	2.172	

Въ Полтавской губерніи на *губернскія* повинности исчислено, по смѣтѣ на 1869 г., 209.995 р., въ томъ числѣ на дорожную повинность 58.077 р., на наемъ техниковъ 5.000 р., а вся остальная сумма 146.918 р., т. е. 70%, назначена на обязательныя потребности. По раскладкѣ же предназначено къ сбору 171.000 р., которые распредѣлены такъ:

Съ земель.......................... 115.481 р., т. е. 67½%
Съ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ. 49.435
Съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ. 6.083

Изъ всѣхъ бывшихъ у меня подъ рукою смѣтъ, наименьшій процентъ на обязательныя повинности приходится въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ, по смѣтѣ на 1869 г., исчислено *губернскихъ и уѣздныхъ* повинностей:

Обязательныхъ......... 56.000 р., т. е. 66⅔%
Въ томъ числѣ на содержаніи уѣздной управы......... 10.500
Необязательныхъ........ 28.135
Въ томъ числѣ: на школы.. 2.000
84.135

Равнымъ образомъ изъ земской раскладки этого уѣзда на 1869 г. видно, что въ немъ на земли падаетъ меньшая часть повинностей, чѣмъ на другіе предметы обложенія въ совокупности, именно:

На земли.................... 26.753 р., т. е. 32½%
На заводы, фабрики и торговыя помѣщенія.......................... 24.300
На свидѣтельства, билеты и на аренды, платимыя за питейныя, трактирныя и другія торговыя помѣщенія........... 29.783
80.847

Инаго отношенія между поземельнымъ сборомъ и остальною частью земскихъ доходовъ и быть не могло въ Петербургскомъ уѣздѣ,

при обиліи непроизводительныхъ земель въ этомъ уѣздѣ, а съ другой стороны при обширномъ развитіи въ немъ мануфактурной промышленности и торговой дѣятельности.

По всей вѣроятности, перевѣсъ земскихъ доходовъ съ торговли и мануфактурной промышленности надъ поземельнымъ сборомъ долженъ существовать также и въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ заводско-фабричная и торговая дѣятельность распространена еще сильнѣе, чѣмъ въ Петербургскомъ уѣздѣ. Свѣдѣній по Московскому уѣзду въ отдѣльности не имѣется; но изъ „Правительственнаго Вѣстника" видно, что по всей Московской губерніи было исчислено *губернскаго* сбора на 1867 годъ:

Съ земель........................	68.561 р.
Съ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ . .	263.379 »
Взысканій, налагаемыхъ мировыми судьями.	14.559 »
Съ отдачи на откупъ переправъ.........	596 »
	347.095 р.

Впрочемъ надобно думать, что въ общей суммѣ сборовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, по Московской губерніи, поземельный сборъ составляетъ гораздо большій процентъ, чѣмъ по одному губернскому сбору, и вѣроятно даже превосходитъ сборы съ другихъ предметовъ, вмѣстѣ взятые.

Относительно недоимокъ по земскимъ сборамъ, въ земскомъ отдѣлѣ „Правительственнаго Вѣстника" находится всего три указанія; но указанія эти очень поучительны, ибо одно изъ нихъ относится къ хлѣбородной Полтавской губерніи, а другое къ богатой Московской, гдѣ рабочее населеніе постоянно имѣетъ выгодные заработки, а помѣщичьи имѣнія приносятъ сравнительно большій доходъ, чѣмъ во всей сѣверной половинѣ Россіи.

Въ Полтавской губерніи къ 1 января 1869 г. числилось за прежнее время недоимокъ на плательщикахъ по *губернскому* сбору 270.000 р. Въ виду такой огромной недоимки, одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что полтавское земство до такой степени обременено налогами, что не въ состояніи выплатить и сбора на обязательныя потребности.

Въ Московской губерніи по губернскому *поземельному* сбору (не считая сборовъ по другимъ статьямъ обложенія) числилось недоимокъ къ 1 января 1867 года 39.438 р.; изъ нихъ на частныхъ владѣльцахъ 26.253 р., на крестьянскихъ обществахъ 10.578 р., остальное на казнѣ и удѣлѣ. Часть этихъ недоимокъ была въ послѣдствіи уплачена; но затѣмъ въ теченіе 1867 г. снова накопилось недоимокъ по поземельному сбору 15.167 р., которыя, вмѣстѣ съ прежде образовавшимися, составляли къ 1 іюля 1868 года сумму 30.178 р., именно: на частныхъ владѣльцахъ 15.902 р., на крестьянскихъ обществахъ 9237 р., на казнѣ и удѣлѣ 5039 р. Окладъ губернскаго *поземельнаго* сбора былъ въ 1866 г. 90.252 р., а въ 1867 г. 68.561 р. Изъ преній губернскаго московскаго собранія 1868 г. видно также, что сборъ, предположенный въ 1869 г. на губернскія повинности, не покрываетъ всѣхъ расходовъ по этимъ повинностямъ, и что недостающую сумму 16.700 р. губернское собраніе опредѣлило отнести на счетъ остаточнаго капитала. Несмотря на всѣ неудобства такого покрытія передержекъ на счетъ скоро истощимаго остаточнаго капитала, собраніе не признало возможнымъ увеличивать сбора съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ обложеніе этихъ предметовъ можетъ дойдти до цифры, которой они не въ состояніи вынести. Такимъ образомъ въ Московской губерніи земскаго сбора не хватаетъ на покрытіе всѣхъ назначенныхъ по смѣтѣ расходовъ, а недоимки по поземельному губернскому сбору ежегодно составляли отъ 43 до 44% этого сбора. Одни мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія Московской губерніи поглощаютъ болѣе, чѣмъ сколько даетъ весь поземельный сборъ на губернскія потребности: именно на мировыя учрежденія требовалось въ 1869 г. 64.150 р., а весь поземельный сборъ исчисленъ въ 63.080 р.

Отъ богатыхъ губерній Московской и Полтавской перейдемъ къ бѣднѣйшей Олонецкой. Положеніе земства въ этой губерніи слѣдующимъ образомъ очерчено въ постановленіи тамошняго губернскаго собранія, бывшаго въ декабрѣ прошедшаго 1868 г.: „Населеніе, разоренное неурожаями послѣднихъ лѣтъ и сибирскою язвою, близко было бы къ поголовному голоду, если бы высшее правительство не

оказало тѣхъ широкихъ пособій, которыя губернія получила въ два послѣдніе года. За всѣмъ тѣмъ на сельскомъ населеніи, крайне тяготившемся уже земскимъ налогомъ нынѣшняго года, когда земство получило остатокъ прежнихъ сборовъ до 56.000 р. и когда общая сумма земскаго налога, губернскаго и уѣзднаго, составляла только 80.463 руб., накопились огромныя недоимки, и по этому налогу, и по продовольственнымь ссудамъ. Изъ числа налога по настоящее время едва ли поступила и *одна третья часть*, такъ что члены и канцеляріи управъ до сихъ поръ не получаютъ своевременно жалованья, содержаніе медикамъ, учителямъ народныхъ школъ и т. п. расходы едва удовлетворяются изъ подобныхъ источниковъ. Таковъ былъ первый годъ дѣятельности земства; но будущій представляетъ такія неисходныя затрудненія, что, въ случаѣ неполученія разрѣшенія на обложеніе земель въ первые же мѣсяцы наступающаго года, можно сказать утвердительно, остановятся всѣ дѣйствія земства, такъ какъ населеніе положительно не можетъ выплатить земскаго налога, падающаго на жилые дома и, въ сравненіи съ настоящимъ годомъ, слишкомъ втрое бо́льшаго. По составленнымъ смѣтамъ, земству предстоитъ въ 1869 г. расходовъ: по удовлетворенію губернскихъ денежныхъ потребностей 78.561 р., уѣздныхъ 34.885 р., потребностей на губернскія и уѣздныя мировыя учрежденія 23.535 р. Если присоединить къ этому новый расходъ на содержаніе судебнаго мироваго института, 34.125 р., то общая сумма земскаго бюджета будетъ простираться до 171.106 р. Изъ этой суммы $^{19}/_{20}$ частей должны упадать преимущественно на недвижимыя имущества, т. е. немногочисленные частные заводы и жилые дома обывателей; цѣнность этихъ имуществъ составляетъ около трехъ милліоновъ, слѣдовательно ежегодный налогъ на нихъ составитъ болѣе 4% на каждый рубль. Кромѣ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, здѣшній бѣдный край не представляетъ никакихъ источниковъ обложенія, и такимъ образомъ вся сумма налоговъ падаетъ почти на непроизводительную собственность обывателей — на нежилые и большею частію неприносящіе никакого дохода дома“. Въ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ, собраніе постановило: „представивъ губернатору о настоящемъ затруд-

нительномъ положеніи земства, просить его ходатайствовать предъ правительствомъ: не будетъ ли признано возможнымъ отнести содержаніе вновь учрежденнаго въ Олонецкой губерніи судебно-мироваго института на счетъ государственнаго казначейства, по крайней мѣрѣ на первые три года, въ продолженіе которыхъ, при разрѣшеніи обложенія земель, земство можетъ надѣяться изыскать новыя средства въ развитіи нравственныхъ и матеріальныхъ силъ населенія".

Въ тѣхъ двухъ уѣздахъ, описанію которыхъ были посвящены предъидущія главы, также числятся весьма большія недоимки по земскимъ сборамъ. Въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, по словамъ предсѣдателя тамошней управы, земскаго сбора не хватаетъ на удовлетвореніе однѣхъ обязательныхъ повинностей, а жалованье членамъ управы и служащимъ при ней лицамъ было выплачиваемо, въ прошедшемъ 1868 году, заимообразно однимъ изъ членовъ, богатымъ помѣщикомъ, изъ его собственныхъ средствъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что не всѣ недоимки происходятъ отъ несостоятельности плательщиковъ: причиною ихъ часто бываетъ поздняя разсылка окладныхъ листовъ, посылаемыхъ иногда плательщикамъ во второй половинѣ года и даже въ концѣ того года, за который слѣдуетъ окладъ. Сверхъ того недоимки накопляются отъ недостатка напоминаній и понужденій со стороны управъ и земской полиціи. Эти второстепенныя причины недоимокъ повторяются почти въ одинаковой мѣрѣ во всѣхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ мои прежніе, теоретическіе выводы о распредѣленіи земскихъ налоговъ между различными предметами обложенія, о состоятельности разныхъ классовъ плательщиковъ и о поглощеніи большей части земскихъ сборовъ обязательными повинностями, къ сожалѣнію, слишкомъ убѣдительно подтверждаются имѣвшимися у меня подъ рукою отчетами земскихъ управъ. Изъ нихъ видно, что, еще до введенія закона 21 ноября 1866 года, на поземельную собственность падало, въ приведенныхъ мѣстностяхъ, отъ 70% до 84% всѣхъ земскихъ сборовъ, а по введеніи сказаннаго закона — до 87% и даже до 93,8% (въ Бузулукскомъ уѣздѣ); исключеніе представляютъ только Петербургскій уѣздъ и Московская губернія, впрочемъ

эта послѣдняя — только по губернскому сбору. Недоимки доходятъ: въ Московской губерніи, по одному лишь поземельному губернскому сбору, до 44%, въ Новгородской, по всѣмъ вообще земскимъ сборамъ, до половины всѣхъ сборовъ, а въ Олонецкой превышаютъ 2/3 сборовъ. Обязательныя повинности, предназначаемыя на удовлетвореніе потребностей гражданскаго и воинскаго управленій, на содержаніе управъ и мировыхъ судей, поглощаютъ отъ 67% до 98% земскихъ сборовъ; въ томъ числѣ на одно содержаніе управъ предназначалось по смѣтамъ перваго трехлѣтія отъ 55.000 р. до 113.000 р. на губернію, а въ среднемъ выводѣ по 79.933 р. для каждой изъ 30 губерній, гдѣ введены земскія учрежденія (Пр. В. 1869 г. № 1).

Когда настоящая статья была уже приготовлена къ печатанію, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 20 сентября 1869 г. (№ 204) появился сравнительный обзоръ земскихъ росписей по 25 губерніямъ, составленный на основаніи отчетовъ губернаторовъ за 1867—1868 года (по губерніямъ Смоленской, Тамбовской, Тульской и Ярославской свѣдѣній не доставлено). Обзоръ этотъ далеко неполонъ: въ немъ напримѣръ не указано *расходовъ* земства по всѣмъ обязательнымъ и необязательнымъ повинностямъ, а только показана стоимость содержанія самихъ земскихъ учрежденій и судебно-мироваго института. Цѣнность натуральныхъ повинностей вовсе не показана. О недоимкахъ по земскимъ сборамъ также не упоминается. Кромѣ того въ таблицѣ земскихъ сборовъ и въ сдѣланныхъ изъ нея выводахъ допущено множество ошибокъ и опечатокъ, затрудняющихъ возможность вѣрныхъ заключеній. Несмотря на это, сказанный обзоръ представляетъ много интереснѣйшихъ данныхъ; съ самаго введенія земскихъ учрежденій это есть первое офиціальное свѣдѣніе, дающее отвѣты хотя на нѣкоторые изъ числа существеннѣйшихъ вопросовъ относительно нынѣшняго положенія земскаго дѣла. Цифры, приводимыя въ этомъ обозрѣніи, вполнѣ подтверждаютъ сдѣланные мною выводы о распредѣленіи земскихъ налоговъ между различными классами плательщиковъ.

Вотъ важнѣйшія данныя этого обозрѣнія. Всего земскаго сбора въ 25 губерніяхъ значится 10.309.000 р. въ годъ; въ томъ числѣ на земли падаетъ 7.551.000 р., т. е. 73¼%, а на торговые и про-

мысловые документы 1.275,000 р., т. е. $12^1/_3\%$. Въ частности по губерніямъ земскій сборъ восходитъ отъ 241.000 р. (Псковская губ.) до 1.202,000 р. (Воронежская губ.), среднимъ же числомъ приходится его на каждую губернію около 412.000 р. Поземельный сборъ по губерніямъ доходитъ: въ Нижегородской губерніи до 84% всего сбора, въ Пензенской до $86^1/_3\%$, въ Самарской до 89%, въ Новгородской до $93^2/_5\%$. Между сословіями поземельный сборъ распредѣляется такимъ образомъ, что сельскія общества несутъ изъ него нѣсколько менѣе $^2/_3$, частные собственники нѣсколько больше $^1/_3$, а казенныя земли около $^1/_{20}$ части. Подесятинный налогъ на всѣ вообще земли и лѣса сельскихъ обществъ (а не на однѣ пахотныя, сѣнокосныя и усадебныя, какъ было выше сего приведено для Новгородской губерніи) восходитъ отъ 2,6 копейки (Самарск. губ.) до 9,5 (Новгор. г.), 11,1 (Моск. г.), 12,8 (Владим. г.) и 13,3 (Рязанск. г.). Подесятинный налогъ на земли и лѣса частныхъ владѣльцевъ въ тѣхъ же губерніяхъ представляетъ цифры: 2,37 (Самар. г.), 3,7 (Новгор. г.), 10,4 (Московск. г.), 12,5 (Владим. г.) и 13,5 (Рязанск. г.). Земли сельскихъ обществъ, въ среднемъ выводѣ, почти повсюду несутъ высшій подесятинный налогъ, чѣмъ земли частныхъ владѣльцевъ. Особенно чувствительную разницу въ этомъ отношеніи представляютъ слѣдующія губерніи:

	Съ земель и лѣсовъ сельскихъ общ.	Съ земель и лѣсовъ частн. владѣльцевъ.
Новгородская	9,5	3,7
Костромская	7,5	2,9
Таврическая	8,5	3,8
Псковская	8,2	4,6
Симбирская	6,4	4,86
Тверская (гдѣ показаны одни лишь уѣздные сборы)	9,6	6,6

Только въ слѣдующихъ четырехъ губерніяхъ крестьянскія земли несутъ налогъ нѣсколько меньшій, чѣмъ помѣщичьи:

	Съ земель и лѣсовъ сельскихъ общ.	Съ земель и лѣсовъчастн. владѣльцевъ.
Въ Полтавской	7,53	9
„ Харьковской	7	7,9
„ С.-Петербургской (гдѣ показаны одни уѣздные сборы)	4,7	5,1
„ Курской	8,86	9,2

Различіе въ среднихъ цифрахъ обложенія крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель происходитъ отъ того, что земли обработанныя и населенныя обложены повсемѣстно значительно бо̀льшимъ налогоиъ, чѣмъ лѣсныя, ненаселенныя и вообще необработанныя пространства; а такъ какъ земель втораго рода состоитъ гораздо большее количество за помѣщиками, чѣмъ за крестьянами, то понятно, что отъ этого средняя цифра обложенія помѣщичьихъ земель должна значительно понижаться сравнительно съ цифрою обложенія земель крестьянскихъ. Потому-то разница между этими цифрами вообще значительнѣе въ губерніяхъ лѣсныхъ и мало населенныхъ и менѣе значительна въ губерніяхъ безлѣсныхъ и съ черноземными неунавоживаемыми полями. Впрочемъ нѣкоторыя губерніи представляютъ уклоненія отъ сказаннаго правила, однѣ въ пользу помѣщиковъ, напр. Воронежская, другія въ пользу крестьянъ, напримѣръ Петербургская. Если мы однако примемъ въ соображеніе, что натуральныя повинности лежатъ большею частію на однихъ крестьянахъ, то окажется, что и въ тѣхъ даже губерніяхъ, гдѣ на крестьянскія земли упадаетъ нѣсколько меньшій налогъ, чѣмъ на помѣщичьи, крестьяне далеко не вознаграждаются этимъ за тяжесть натуральныхъ повинностей. Такъ напримѣръ въ Харьковской губерніи, гдѣ крестьянскія земли несутъ налога на 0,9 копейки менѣе съ десятины, чѣмъ помѣщичьи, всѣ натуральныя повинности доселѣ лежатъ на однихъ крестьянахъ.

Относительно стоимости земскаго управленія упомянутый обзоръ представляетъ слѣдующія данныя (Выводы изъ нихъ сдѣланы въ обзорѣ не всегда вѣрно; потому выводы, здѣсь помѣщаемые, по возможности свѣрены съ цифрами, на сколько позволяла то неполнота самыхъ данныхъ по разнымъ губерніямъ). Расходъ на содержаніе

управъ и канцелярій, равнявшійся по 27-ми губерніямъ въ первое трехлѣтіе 1.990.000 р., понизился во второе трехлѣтіе до 1.859.000 р., среднимъ же числомъ за оба трехлѣтія представляетъ сумму 1.924.000 р. въ годъ, или 81.000 р. на губернію. Такъ какъ весь земскій сборъ въ 27-ми губерніяхъ (по которымъ получены свѣдѣнія о стоимости земскихъ учрежденій) составлялъ ежегодно нѣсколько болѣе 11.000.000 р., то слѣдовательно содержаніе управъ равняется $17\frac{1}{2}\%$ всего сбора. Если же взять только тѣ 21 губернію, по которымъ имѣются полныя свѣдѣнія о стоимости содержанія управъ, то оказывается, что въ первое трехлѣтіе средній ежегодный расходъ каждой губерніи на управы равнялся 85.760 руб., во второе 74.750 руб., въ оба же трехлѣтія 80.260 р. Въ дѣйствительности же по губерніямъ содержаніе управъ восходило: въ первое трехлѣтіе отъ 46.500 руб. (Псковская губ.) до 106.000 руб. (Владимірская), а во второе отъ 40.800 р. (Псковская) до 90.600 руб. (Тамбовская). По смѣтнымъ же назначеніямъ перваго трехлѣтія на тотъ же предметъ предназначалось отъ 53.000 р. (Пензенская губ.) до 113.000 р. (Полтавская) *). Если сравнивать въ каждой губерніи стоимость управъ съ дѣйствительнымъ количествомъ всего земскаго сбора, то оказывается, что въ четырехъ губерніяхъ (Нижегородской, Петербургской, Тамбовской и Черниговской) расходъ на управы поглощаетъ безъ малаго $\frac{1}{4}$ долю всего земскаго сбора; въ девяти губерніяхъ онъ равняется $\frac{1}{5}$ долѣ земскаго сбора; въ двухъ губерніяхъ $\frac{1}{6}$ долѣ; въ трехъ губерніяхъ $\frac{1}{7}$ долѣ и въ одной губерніи (Воронежской) $\frac{1}{18}$ долѣ. Замѣчательно также, что хотя во второе трехлѣтіе большая часть земствъ нѣсколько сократила расходы на содержаніе управъ и канцелярій (всего сокращено ежегодныхъ расходовъ на 187.000 руб.), но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство почло нужнымъ еще болѣе возвысить расходъ по этой статьѣ (въ Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Московской).

Наконецъ изъ таблицъ упоминаемаго обозрѣнія видно, что со-

*) Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ я опускаю Олонецкую губернію, которая, по своему бѣдному бюджету (35.000 р.), далеко отходитъ отъ другихъ губерній и потому не даетъ понятія объ общемъ характерѣ земскихъ расходовъ.

держаніе судебно-мировыхъ учрежденій въ 27 губерніяхъ обходится въ 3.666.000 руб. въ годъ, то есть среднимъ числомъ по 135.800 на губернію. Если къ сказаннымъ 3.666.000 руб. присоединимъ стоимость содержанія управъ, равную 1.924.600 руб., то получимъ, что на оба эти предмета издерживается земствомъ 27 губерній 5.591.000 руб., что̀ составляетъ 51%, то есть болѣе половины всѣхъ земскихъ сборовъ въ этихъ губерніяхъ. Съ какою осмотрительностью слѣдовало бы земству дѣлать выборы земскихъ чиновъ и мировыхъ судей для того, чтобы эти лица своими личными достоинствами и приносимою ими пользою могли окупать столь значительныя жертвы, дѣлаемыя земствомъ на ихъ содержаніе!

Къ сожалѣнію, какъ я уже упоминалъ, въ сказанномъ обозрѣніи „Правительствепнаго Вѣстника“ ничего не говорится о другихъ расходахъ земства. Но извѣстно, что, послѣ содержанія мировыхъ судей и управъ, наиболѣе крупный изъ обязательныхъ расходовъ земства есть расходъ на содержаніе мировыхъ посредниковъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. У меня нѣтъ подъ рукою свѣдѣній объ общей величинѣ этого расхода по всѣмъ губерніямъ; но недавно было опубликовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, что въ Вологодской губерніи, по высочайше утвержденной смѣтѣ расходовъ на губернскія и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, на трехлѣтіе съ 1869 года, исчислено расходовъ 65.545 руб. въ годъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, изъ десяти уѣздовъ Вологодской губерніи, крестьянская реформа коснулась лишь пяти уѣздовъ, такъ какъ въ другихъ пяти не было помѣщичьихъ крестьянъ. Надобно впрочемъ думать, что и въ этихъ остальныхъ пяти уѣздахъ, по случаю перехода государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ правительственныхъ учрежденій, также введены недавно мировые посредники. Но во всякомъ случаѣ число ихъ должно быть меньше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, ибо въ цѣлой половинѣ Вологодской губерніи обязанности мировыхъ посредниковъ ограничиваются однимъ надзоромъ за волостями. Слѣдовательно, если даже въ этой губерніи на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ назначено 65.545 руб., то можно предполагать, что въ другихъ губерніяхъ оно обходится земству

нѣсколько дороже. Положимъ, что въ среднемъ выводѣ оно стоитъ не дороже 70.000 руб. на губернію: въ такомъ случаѣ содержаніе управъ, мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ съ губернскими присутствіями должно поглощать 68% всѣхъ сборовъ, съ такимъ трудомъ и съ такими недоимками уплачиваемыхъ нашими земствами на мѣстныя повинности (Изъ свода г. Руковскаго видно, что на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія тратится въ настоящее время, въ 30 губерніяхъ, 2.160.257 р., слѣдоват. по 72.000 р. на губернію). Но этимъ еще не исчерпываются обязательныя денежныя повинности земства; остаются еще расходы: на содержаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій; на денежное удовлетвореніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ; на различныя потребности по содержанію и помѣщенію воинскихъ частей, постоянно въ губерніи пребывающихъ; наконецъ арестантско-этапная, военно-подводная и гражданско-подводная (для земской полиціи и судебныхъ слѣдователей) повинности, тамъ, гдѣ эти три рода повинностей переложены на деньги. Если принять въ соображеніе всѣ эти обязательные расходы, то окажется, что цифры 67%—98%, выведенныя мною прежде изъ разсмотрѣнія росписей нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ, могутъ быть примѣнены и къ другимъ губерніямъ для приблизительнаго показанія отношенія повинностей, которыя я называю обязательными, къ общей суммѣ земскихъ расходовъ. Немного же остается земству на дороги, училища, медицинскую часть, на увеличеніе средствъ народнаго продовольствія на случай неурожаевъ, на призрѣніе убогихъ и на разныя полезныя учрежденія и предпріятія по земскому хозяйству!

1869 г.

XI.

Матеріальная несостоятельность земства. Преимущества земскихъ учрежденій предъ казеннымъ управленіемъ земскими повинностями. Будущность земскихъ учрежденій зависитъ отъ личныхъ качествъ земскихъ дѣятелей. Желаемое многими расширеніе круга дѣйствій земскихъ учрежденій. Неприбытіе гласныхъ на собранія. Уклоненія отъ платежа земскихъ повинностей. Расточительность нѣкоторыхъ собраній. Многочисленность состава и малодѣятельность управъ Какъ дѣлаются иногда выборы въ управы. Неопытность и увлеченія нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей. Новгородское губернское земство Губернскія и уѣздныя собранія. Уравненіе земскихъ повинностей. Трехлѣтній срокъ земской службы. Центральное земское учрежденіе. Необходимость въ изданіи сравнительно-критическаго обзора земской дѣятельности. Возраженія противъ права самообложенія, предоставленнаго нашему земству. Суевѣріе и нетерпимость въ нашей литературѣ.

Какое же заключеніе слѣдуетъ вывести изъ всего, что̀ было сказано о средствахъ и расходахъ земства? Дѣятельность земскихъ учрежденій имѣетъ, какъ мы видѣли, двѣ различныя стороны: во первыхъ обязательное для земства удовлетвореніе потребностей мѣстнаго гражданскаго и воинскаго управленій и содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій; во вторыхъ необязательное, зависящее отъ средствъ земства удовлетвореніе многоразличныхъ нуждъ мѣстнаго населенія, по улучшенію дорогъ, по народному продовольствію, народному здравію, народному образованію, призрѣнію убогихъ и по другимъ предметамъ земскаго хозяйства. Въ первомъ отношеніи земскія учрежденія суть не болѣе, какое вспомогательное орудіе для администраціи, или, другими словами, передаточная инстанція, обязанная принимать отъ казначействъ земскіе сборы и употреблять ихъ на указанныя въ законѣ потребности гражданскаго и воинскаго управленій. Приведенныя выше цифры показываютъ, что эта сторона дѣятельности земскихъ учрежденій и составляетъ въ настоящее время ихъ главный, преобладающій характеръ, и можетъ быть выражена нагладно цифрами отъ 67% до

98%. Другая сторона дѣятельности этихъ учрежденій, хозяйственная и попечительная о нуждахъ мѣстнаго населенія, та сторона, которая собственно и предназначена служить къ улучшенію экономическаго и нравственнаго быта нашихъ провинцій и которая одна предоставлена собственному почину и заботливости земства, низводится въ дѣйствительности до скромныхъ цифръ отъ 33% до 2% общей дѣятельности земскихъ учрежденій. Сверхъ того оказывается, что содержаніе чиновниковъ земскаго управленія стоитъ больше, чѣмъ сколько земство можетъ удѣлять изъ получаемыхъ сборовъ на необязательныя, т. е. существеннѣйшія потребности мѣстнаго населенія. Такъ напримѣръ въ Новгородской губерніи содержаніе управъ поглощаетъ 16% всего земскаго расхода (а по табелямъ „Правительственнаго Вѣстника" $14\frac{1}{4}$% во второмъ трехлѣтіи); на удовлетвореніе же потребностей земскаго хозяйства, народнаго здравія и народнаго образованія идетъ только 11% сбора, если не считать въ этомъ числѣ денежной дорожной повинности, которая въ настоящее время, въ большинствѣ губерній, ограничивается поддержаніемъ дорогъ въ проѣзжемъ видѣ и слѣдовательно должна быть причисляема къ обязательнымъ потребностямъ. Если при томъ принять въ соображеніе, что огромныя недоимки по земскимъ сборамъ отражаются именно на удовлетвореніи необязательныхъ нуждъ, то слѣдуетъ заключить, что на эти послѣднія придется употребить еще меньшую долю земскихъ бюджетовъ. Итакъ, если называть предметы по ихъ дѣйствительному значенію, то едва ли можно назвать наши земскія учрежденія, въ ихъ настоящемъ положеніи, органами мѣстнаго *хозяйственнаго самоуправленія*, такъ какъ эта роль занимаетъ въ ихъ дѣятельности слишкомъ незначительную долю. Пока нашъ народъ будетъ столь бѣденъ, что, сверхъ лежащихъ на немъ прямыхъ и косвенныхъ государственныхъ налоговъ, онъ почти ничего не въ состояніи удѣлять для улучшенія мѣстнаго хозяйства и на нужды своего образованія и тѣлеснаго здравія, до тѣхъ поръ наши земскія учрежденія будутъ обречены выполнять только ту роль, которая главнѣйшимъ образомъ и имѣлась въ виду при ихъ основаніи,—будутъ служить вспомогательною инстанціею для удовлетворенія потребностей мѣстной администраціи. Слѣдовательно тѣ

люди, которые обвиняютъ теперь наши земскія учрежденія въ безсиліи и выводятъ отсюда заключеніе объ ихъ безполезности, должны бы, при болѣе ясномъ пониманіи вещей, обратить свои упреки не противъ самихъ земскихъ учрежденій, а противъ нашей народной бѣдности, т. е. противъ тѣхъ причинъ, которыя ее произвели и поддерживаютъ. Требовать, чрезъ какіе нибудь три-четыре года, отъ нашихъ земскихъ учрежденій блистательныхъ плодовъ хозяйственнаго самоуправленія, когда имъ, въ большей части губерній, ни хозяйничать, ни самоуправлять было нечѣмъ и неначто, едва ли будетъ логично и справедливо. О земскихъ учрежденіяхъ можно въ настоящее время сказать, что это есть одна отрывочная, впередъ написанная страница изъ средины той книги, къ составленію которой еще вовсе у насъ не приступлено. Когда будетъ обдумана и составлена вся книга, тогда конечно придется во многомъ измѣнить и эту отрывочную страницу; но все же лучше имѣть хотя одну страницу, которая можетъ дать нѣкоторое понятіе и о цѣлой книгѣ и, быть можетъ, ускоритъ ея составленіе, чѣмъ не имѣть ровно ничего, не имѣть даже сознанія своей бѣдности и своихъ нуждъ, не имѣть слѣдовательно желанія когда нибудь выдти изъ первой и удовлетворить послѣднимъ.

Бѣдностъ нашего крестьянства и вообще неразвитость сельскаго хозяйства и другихъ производительныхъ силъ страны унаслѣдованы у насъ отъ крѣпостнаго права. Самая стѣсненность положенія нашихъ помѣщиковъ есть только послѣдствіе прежняго порядка вещей. Въ то же время, какъ я старался это выяснить въ предъидущихъ главахъ, наши государственные расходы превышаютъ средства страны, а способъ распредѣленія налоговъ отнимаетъ у рабочаго класса, составляющаго основу народнаго богатства, почти всѣ сбереженія, остающіяся ему отъ дневнаго существованія. При такомъ положеніи, хозяйственное самоуправленіе провинцій, просвѣщеніе народа, избавленіе его отъ опустошительныхъ болѣзней и обезпеченіе отъ голода, все это останется безплодными звуками, и скоро самые вѣрующіе и горячіе дѣятели земства должны будутъ отчаяться въ достиженіи этихъ идеаловъ. Если государство должно дѣлать ежегодные займы только для уплаты процентовъ и погашенія по прежнимъ займамъ (по росписи на

1869 годъ на эту уплату назначено 76 милл. руб., что̀ составляетъ 20% всѣхъ государственныхъ доходовъ); если государство дошло до роковой необходимости извлекать цѣлую треть своего дохода посредствомъ небывалаго на Руси размноженія мѣстъ продажи губительнаго для народа напитка: то понятно, что оно силою необходимости принуждено, помощію прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, выбирать съ населенія, преимущественно же съ податныхъ классовъ, весь тотъ излишекъ ихъ доходовъ, который остается имъ за удовлетвореніемъ первѣйшихъ потребностей существованія. Крестьянская реформа, несмотря на ея недавность, несомнѣнно успѣла бы уже принести гораздо большее приращеніе производительныхъ силъ и народнаго благосостоянія, чѣмъ какое замѣчается нынѣ: но когда въ шестилѣтній промежутокъ времени, съ 1862 по 1868 г., обыкновенные государственные расходы возросли почти на 42%, или среднимъ числомъ по 20½ милл. въ годъ *); когда сверхъ того, по заявленію новгородской губернской управы, *обязательныя* земскія повинности въ этой губерніи увеличились, въ періодъ времени съ 1861 по 1868 годъ, съ 80 тысячъ на 412 тысячъ въ годъ, то, очевидно, такое непомѣрное увеличеніе расходовъ должно было, во всѣхъ малопроизводительныхъ мѣстностяхъ Россіи, унести всю ту долю приращенія живыхъ силъ страны, которая должна произойти въ слѣдствіе освобожденія крестьянъ. Приращеніе народнаго богатства идетъ медленно и имѣетъ свои органическіе законы; разореніе же этого богатства можетъ совершаться съ поразительною быстротою и внѣ всякихъ экономическихъ законовъ. Приведу одинъ примѣръ изъ множества. Одно гражданское управленіе Кавказскаго намѣстничества, не включая содержанія войска, не только поглощаетъ всѣ доходы этого края, но беретъ изъ внутреннихъ русскихъ губерній, т. е. съ нашихъ новгородскихъ, курскихъ и саратовскихъ мужиковъ, ежегодно около 1.200.000 руб., не считая безпрерывныхъ дополнительныхъ кредитовъ по этой провинціи (см. государств. росписи на 1868 и 1869 гг.).

*) По росписи на 1862 годъ обыкновенныхъ расходовъ исчислено 295.532.000 руб., а по росписи на 1868 г. 418.930.000 руб.

Каково бы ни было слабосиліе земскихъ учрежденій, по причинѣ несостоятельности плательщиковъ, слѣдуетъ ли однако заключить изъ этого, что надобно вовсе закрыть эти учрежденія, съ ихъ выборнымъ началомъ, и передать расходованіе земскими сборами попрежнему въ руки администраціи? Закрытіе земскихъ учрежденій не уменьшитъ налоговъ, уплачиваемыхъ земствомъ, и не улучшитъ его хозяйства. Потребности, названныя въ законѣ обязательными, будутъ существовать и по передачѣ земскихъ дѣлъ въ руки администраціи. Расходы, употребляемые теперь земствомъ на народное образованіе и медицинскую часть, слишкомъ ничтожны, вызываются самою крайнею необходимостію, и едва ли какая нибудь администрація откажетъ въ этихъ грошахъ народу, съ котораго берется на государственныя надобности все, что̀ онъ можетъ сберечь отъ дневнаго пропитанія. Затѣмъ остается расходъ на содержаніе земскихъ управъ. Но надобно не забывать, что управы только по названію представляются новыми учрежденіями, въ сущности же онѣ лишь замѣнили собою нѣсколько прежнихъ правительственныхъ учрежденій, именно: комитеты и особыя присутствія о земскихъ повинностяхъ (остающіеся впрочемъ и нынѣ, но только для завѣдыванія *государственными* земскими повинностями), приказы общественнаго призрѣнія, коммисіи народнаго продовольствія, отчасти строительныя и дорожныя коммисіи и отчасти же палаты и окружныя управленія государственныхъ имуществъ. Сверхъ того управы завѣдываютъ обязательнымъ земскимъ страхованіемъ строеній (въ Новгородской губерніи застраховано строеній на 10 милл. руб.); собираютъ статистическія свѣдѣнія; заботятся, по мѣрѣ силъ, о народномъ здравіи и объ учрежденіи сельскихъ школъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Новгородской, управы получили въ свое распоряженіе всѣ почтовыя станціи. Губернская администрація, для завѣдыванія всѣми этими предметами, не можетъ обойтись безъ значительнаго числа чиновниковъ. Положимъ, что содержаніе коронныхъ чиновниковъ для завѣдыванія всѣми сказанными предметами могло бы обойтись дешевле 80.000 р. на губернію. Но во первыхъ пятилѣтній опытъ доказалъ, что нѣтъ никакой необходимости удерживать нынѣшній широкій составъ земскихъ управъ, и слѣдовательно

расходъ на нихъ могъ бы быть также значительно сокращенъ. При первоначальномъ введеніи земскихъ учрежденій, управамъ, хотя далеко не всѣмъ, пришлось много поработать для приведенія въ извѣстность средствъ земства и для установленія порядка завѣдыванія земскими потребностями; но обязанности управъ послѣдующаго времени будутъ уже несравненно легче.

Далѣе, если даже содержаніе административныхъ чиновниковъ и обойдется нѣсколько дешевле противъ *уменьшеннаго* содержанія управъ, то не потеряютъ ли земскіе плательщики въ другомъ отношеніи, именно въ способѣ завѣдыванія земскими дѣлами? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надобно прежде всего устранить одинъ предразсудокъ, распространенный въ нашей литературѣ и отчасти въ самомъ обществѣ. Въ нашихъ журналахъ и газетахъ признано за аксіому, что лица, выбираемыя сословіями, всегда и вездѣ непремѣнно должны дѣйствовать лучше, чѣмъ чиновники, назначаемые правительствомъ. Такое мнѣніе далеко не безусловно вѣрно. Въ Пруссіи правительство назначаетъ чиновниковъ на многія такія мѣста въ администраціи и судѣ, которыя у насъ ввѣрялись прежде или ввѣряются теперь выборнымъ лицамъ; тѣмъ не менѣе эти коронные прусскіе чиновники исполняютъ свои обязанности несравненно лучше нашихъ выборныхъ чиновниковъ, и никто въ Пруссіи не думаетъ о замѣнѣ ихъ лицами по выбору сословій. Во Франціи и Англіи мировые судьи назначаются правительствомъ; однако нашимъ выборнысъ мировымъ судьямъ можно пожелать сравняться съ французскими и англійскими судьями въ серьёзности взгляда на свои обязанности и въ свободѣ отъ всякихъ предвзятыхъ стремленій, столь сильно вредящихъ достоинству и безпристрастію суда. Въ нашей Финляндіи правительственные чиновники имѣютъ еще болѣе широкій кругъ вѣдѣнія, чѣмъ въ Пруссіи; однако управленіе и судъ идутъ тамъ недурно. Вспомнимъ съ другой стороны нашихъ прежнихъ земскихъ исправниковъ, нашихъ засѣдателей и предсѣдателей въ различныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, нашихъ гласныхъ и ратмановъ въ думахъ и магистратахъ. Всѣ они избирались сословіями, и преимущественно самымъ образованнымъ изъ нихъ, дворянскимъ; но многіе ли изъ нихъ удовлетворяли своему назначенію? Только тѣ, которые желаютъ свернуть

собственную вину на другихъ или же вовсе не знаютъ, какъ производились наши сословные выборы, могутъ утверждать, что правительство не допускало избирать на эти должности людей способныхъ и честныхъ. Дѣло въ томъ, что качества служебныхъ лицъ зависятъ не отъ того, назначаются ли они администраціею или сословіями, а отъ нравственнаго достоинства тѣхъ лицъ, которыми они назначаются, отъ той среды, въ которой они дѣйствуютъ, наконецъ отъ удовлетворительности тѣхъ обезпеченій, которыми законъ обстановилъ ихъ дѣятельность. Вникнувъ въ эти условія, легко понять, почему во всѣхъ государствахъ чиновники выборные и чиновники правительственные весьма мало отличаются другъ отъ друга по своимъ качествамъ. Въ этомъ отношеніи вездѣ существуетъ круговая порука между правительствомъ и обществомъ, такъ что граница, посредствомъ которой думаютъ отличить достоинство ихъ дѣятельности, въ сущности есть только воображаемая. Если большинство избирателей состоитъ изъ людей мало просвѣщенныхъ или же вовсе темныхъ, и при томъ изъ людей равнодушныхъ къ общественному благу; если среда, въ которой дѣйствуютъ избранныя лица, не заключаетъ въ самой себѣ, въ своихъ понятіяхъ и обычаяхъ, нравственныхъ обезпеченій законности и истиннаго самоуправленія; если наконецъ не существуетъ ни дѣйствительнаго контроля за дѣйствіями выборныхъ чиновниковъ, ни серьёзной для нихъ отвѣтственности за свои поступки: то чиновники выборные обыкновенно оказываются нисколько не лучше чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ.

Правда, при выборномъ началѣ можетъ существовать одно важное обезпеченіе, вовсе отсутствующее при назначеніи чиновниковъ отъ правительства, именно вещественный интересъ избирателей и цѣлаго общества, выгоды которыхъ тѣмъ лучше бываютъ охранены, чѣмъ лучше тѣ люди, которымъ ввѣряется завѣдываніе общественными дѣлами. Вещественная выгода есть такой сильный рычагъ человѣческихъ дѣйствій, что онъ въ состояніи возбуждать къ дѣятельности и осмотрительности общества наименѣе просвѣщенныя и подвижныя. Но сказанное обезпеченіе существуетъ только тогда, когда учрежденіе, основанное на выборномъ началѣ, дѣйствительно въ со-

стояніи приносить существенную пользу сословіямъ и когда эта польза прямо зависитъ отъ качествъ избранныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, мы видѣли, что, при настоящемъ положеніи земскихъ учрежденій, условіе это имѣетъ въ нихъ весьма малое значеніе. Наибольшая часть дѣятельности этихъ учрежденій поглощается выполненіемъ обязательныхъ потребностей, относительно которыхъ земскіе плательщики играютъ роль чисто страдательную и потому не могутъ быть сильно заинтересованы въ способахъ ихъ исполненія; потребности же необязательныя, въ которыхъ собственно и сосредоточены непосредственныя выгоды земства и смыслъ его самоуправленія, должны, по недостатку средствъ, оставаться большею частію безъ удовлетворенія. А какъ скоро земскія учрежденія не въ состояніи ничего сдѣлать для поднятія благосостоянія мѣстныхъ жителей, то весьма естественно, что мѣстные жители будутъ относиться къ нимъ равнодушно, смотрѣть на нихъ какъ на тѣ же казенныя учрежденія, и будутъ производить выборы въ гласные и члены управъ, какъ простую формальность, требуемую закономъ. Въ этой матеріальной несостоятельности земства удовлетворять своимъ потребностямъ заключается, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ многихъ частныхъ недостатковъ нынѣшнихъ земскихъ учрежденій. Сознаніе земскими дѣятелями собственнаго безсилія окончательно укрѣпляетъ ихъ въ нашей прирожденной русской безпечности и охлаждаетъ въ нихъ ту малую долю рвенія, какую они могли имѣть при началѣ земскаго дѣла. Отсюда происходятъ: и эта страдательная покорность земскихъ собраній, безпрекословно соглашающихся со всѣми предложеніями управъ, и это отсутствіе дѣйствительнаго контроля за дѣятельностію управъ, и эта небытность значительнаго числа гласныхъ въ собраніяхъ, и эти наконецъ упражненія гласныхъ и членовъ управъ въ произнесеніи ни къ чему неведущихъ рѣчей, въ составленіи неосуществимыхъ проектовъ, и т. д. Ожидать, что земскіе чиновники, выбираемые и дѣйствующіе при такихъ условіяхъ, будутъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ, всегда и вездѣ лучше чиновниковъ правительственныхъ, значило бы увлекаться отвлеченнымъ принципомъ, не обращая вниманія на дѣйствительность.

При всемъ томъ, относительно завѣдыванія земскими потребностями, преимущество все-таки рѣшительно остается на сторонѣ выборнаго начала, хотя бы земскимъ учрежденіямъ пришлось завѣдывать однѣми обязательными потребностями. Въ число членовъ земскихъ управъ, хотя и случайно, но все же могутъ попасть, въ той или другой губерніи, люди способные и преданные дѣлу. При значительной самостоятельности, какую законъ предоставляетъ земству въ распредѣленіи повинностей между различными классами плательщиковъ и въ способахъ выполненія нѣкоторыхъ потребностей, такіе люди могутъ принести существенную пользу земскому дѣлу своимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и добросовѣстнымъ расходованіемъ земскихъ суммъ. Конечно и между чиновниками администраціи люди способные и честные встрѣчаются отнюдь не рѣже, чѣмъ въ средѣ земскихъ дѣятелей; но, при общемъ состояніи нашей административной машины и при безусловной зависимости низшихъ ея механизмовъ отъ высшихъ, никакіе таланты и усердіе нѣсколькихъ подчиненныхъ личностей не въ состояніи измѣнить общаго хода машины. Мало того, въ нашей администраціи судьба большей части людей, слишкомъ ревностныхъ къ общему благу, — быть затертыми ходомъ административной машины, или же вовсе быть выброшенными изъ ея состава и не рѣдко остаться безъ насущнаго хлѣба. Такое убѣжденіе крѣпко и и съ давнихъ поръ засѣло въ голову всѣхъ честныхъ тружениковъ нашей гражданской службы. Измѣнить этотъ порядокъ могутъ только коренныя государственныя реформы. Далѣе, только при выборномъ началѣ возможна у насъ уравнительная раскладка земскихъ повинностей между всѣми сословіями и всѣми предметами обложенія; администрація же наша, по незнакомству съ мѣстными условіями, вовсе не въ состояніи произвести такой раскладки. При невозможности для земства убавить общую сумму обязательныхъ расходовъ, предписываемыхъ закономъ, уравнительная раскладка ея между сословіями остается единственнымъ средствомъ, чтобы сдѣлать тягость обязательныхъ налоговъ менѣе чувствительною для плательщиковъ. Одно уже уравнительное распредѣленіе обязательныхъ повинностей между сословіями и хозяйственно бережливое ихъ выполненіе, на сколько за-

виситъ то отъ воли земства, достаточно окупятъ стоимость содержанія земскихъ учрежденій. Сверхъ того, какъ ни страдательно покорны и малодѣятельны наши земскія собранія, но все же надъ дѣйствіями управъ существуетъ хотя нѣкоторый контроль и результаты ихъ дѣятельности могутъ быть подвергаемы гласному обсужденію со стороны плательщиковъ; наоборотъ, ввѣривъ завѣдываніе земскими дѣлами административнымъ чиновникамъ, придется опять возвратиться къ полной безконтрольности и таинственности, существовавшимъ при прежнихъ комитетахъ о земскихъ повинностяхъ, приказахъ общественнаго призрѣнія, комиссіяхъ строительно-дорожныхъ и народнаго продовольствія, и при прежнихъ полицейскихъ распоряженіяхъ по исполненію натуральныхъ повинностей. Земскія управы, собирая свѣдѣнія о мѣстныхъ потребностяхъ и средствахъ ихъ удовлетворенія, могутъ самому правительству доставлять полезныя указанія и мало по малу раскрывать предъ нимъ истинное положеніе нашихъ провинцій; тогда какъ прямой интересъ казенной администраціи состоитъ въ томъ, чтобы по возможности суживать поле своихъ заботъ и отвѣтственности, не пускаясь ни въ какія разысканія о мѣстныхъ нуждахъ и средствахъ и ограничиваясь только бумажною перепискою, требующею лишь извѣстнаго штата пишущихъ рукъ. Впрочемъ опытъ управленія земскими повинностями и земскимъ хозяйствомъ посредствомъ казенныхъ чиновниковъ былъ у насъ достаточно продолжителенъ для того, чтобы не желать больше къ нему возращаться. Наконецъ земскія учрежденія пріучаютъ само мѣстное населеніе узнавать свои нужды и средства, заботиться объ удовлетвореніи первыхъ и о пріумноженіи вторыхъ; они сближаютъ сословія въ общихъ интересахъ; образуютъ въ земскихъ дѣятеляхъ способность мыслить и совѣщаться о предметахъ, составляющихъ основу народнаго благосостоянія и гражданственности; однимъ словомъ — пробуждаютъ наши сословія отъ многовѣковой косности, невѣдѣнія, разобщенности, гражданской неправоспособности. Въ этомъ *воспитательномъ* значеніи земскихъ учрежденій едва ли не заключается ихъ главнѣйшая польза въ настоящее время. Ради одного этого значенія, земскія учрежденія заслуживаютъ уже того, чтобы наши сословія поддержали ихъ дальнѣйшее

существованіе, не дали бы имъ зачахнуть и обратиться въ пустой звукъ, подобно дворянскимъ и городскимъ собраніямъ. При увеличеніи народнаго богатства въ Россіи и при могущей произойти со временемъ реформѣ въ нашемъ финансовомъ управленіи и въ системѣ податей, земскія учрежденія, получивъ возможность въ самомъ дѣлѣ удовлетворять хозяйственнымъ и нравственнымъ нуждамъ населенія, могутъ мало по малу образовать изъ себя мѣстные центры общественнаго объединенія и самоуправленія. Безъ такихъ центровъ не только невозможно политическое полноправіе нашихъ сословій, но недостижимъ и стройный гражданскій порядокъ въ провинціяхъ. Доселѣ наши провинціи представляли собою какія-то несложившіяся политическія тѣла, неимѣющія почти никакой плотности и упругости, представляли своего рода политическіе нули. Съ другой стороны, гдѣ люди и цѣлыя сословія живутъ во взаимномъ отчужденіи, не заботясь объ общихъ выгодахъ и общей безопасности, гдѣ каждый идетъ отдѣльно къ своей цѣли и можетъ открыто дѣйствовать во вредъ всему обществу, а всѣ остальные смотрятъ на то съ невозмутимымъ равнодушіемъ, тамъ непроченъ и самый гражданскій порядокъ. Онъ охраняется тамъ не совокупною бдительностію самихъ жителей, а лишь внѣшнею матеріальною силою; но эта послѣдняя не можетъ быть вездѣприсутствующею и неослабно бодрствующею, и при томъ по временамъ сама подвергается замѣшательствамъ и колебаніямъ. Въ Россіи особенно поражаетъ это полнѣйшее равнодушіе, съ какимъ общество и народъ смотрятъ на самыя дерзкія нарушенія общественнаго порядка, на самое наглое расхищеніе казенной и общественной собственности. Въ этомъ отношеніи съ нами могутъ сравняться, изъ европейскихъ народовъ, развѣ только греки, да неаполитанцы и жители Церковной области. Потому-то земскія учрежденія, привлекая жителей къ заботамъ объ общихъ выгодахъ и къ взаимному другъ за другомъ наблюденію, составляютъ по своей цѣли учрежденія гораздо болѣе консервативныя, чѣмъ многія чисто правительственныя установленія, и могутъ со временемъ оказать могущественное содѣйствіе правительству въ утвержденіи гражданскаго порядка и въ развитіи внутренней силы въ нашемъ отечествѣ.

Но понятно, что выполненіе всѣхъ сказанныхъ задачъ вполнѣ будетъ зависѣть отъ личнаго состава земскихъ учрежденій. Гдѣ составъ этотъ будетъ плохъ, гдѣ управы будутъ ограничиваться только формальнымъ отбываніемъ своихъ обязанностей, а со стороны земскихъ собраній не будетъ проявляемо ни полезныхъ вчинаній, ни дѣйствительнаго контроля надъ дѣйствіями управъ, тамъ расходъ на содержаніе земскаго управленія окажется чистымъ дефицитомъ въ земскомъ бюджетѣ и самое даже земско-хозяйственное самоуправленіе не будетъ имѣть смысла: ибо никакое хозяйство и никакое самоуправленіе невозможны, если администрація ихъ стоитъ больше, чѣмъ приносимая ими польза. Слѣдовательно въ настоящее время все значеніе земскихъ учрежденій сводится къ нравственнымъ достоинствамъ тѣхъ лицъ, которыя войдутъ въ ихъ составъ въ разныхъ губерніяхъ. Вопросъ ставится такимъ образомъ: начала самоуправленія, вложенныя въ земскую реформу, возвысятъ ли до себя тѣхъ людей, которые будутъ ихъ исполнителями, или же наоборотъ — исполнители понизятъ до себя и обратятъ въ ничто учрежденіе земскаго самоуправленія? Несомнѣнно, что учрежденія страны имѣютъ великое вліяніе на понятія и нравы ея обитателей. Каждое учрежденіе, вносящее новое благотворное начало въ жизнь народа, будетъ ли то начало гражданской свободы, или независимаго и равноправнаго суда, или мѣстнаго самоуправленія, каждое такое учрежденіе, если оно прочно обезпечено въ своемъ существованіи, непремѣнно должно измѣнить къ лучшему и самые нравы жителей. Освобожденіе крестьянъ и судебная реформа будутъ имѣть могущественное вліяніе на нравы русскаго народа, независимо даже отъ личныхъ качествъ тѣхъ людей, которымъ выпало на долю быть первыми исполнителями этихъ двухъ реформъ: ибо обѣ эти реформы приложены у насъ къ жизни рѣшительнымъ и полнымъ образомъ, безъ всякихъ стѣсненій, явныхъ или подразумѣваемыхъ, безъ всякой зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Но приложимость къ жизни земскаго хозяйственнаго самоуправленія зависитъ, по самому существу его, отъ матеріальныхъ средствъ земства: средства же эти оказываются ничтожны; земство, по сознанію своихъ представителей, не въ состояніи во многихъ губерніяхъ удовлетво-

рять даже обязательнымъ потребностямъ. Вотъ въ этой матеріальной несостоятельности земства и заключается рискованность земскаго самоуправленія и зависимость его дальнѣйшей судьбы отъ личныхъ достоинствъ его нынѣшнихъ исполнителей. Отъ нихъ требуется гораздо больше труда, постоянства и преданности дѣлу, чѣмъ отъ бывшихъ исполнителей крестьянской реформы или отъ нынѣшнихъ членовъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Тамъ довольно было законодательнаго акта, чтобы прочно поставить дѣло и обезпечить его дальнѣйшее развитіе; здѣсь все зависитъ отъ личной воли земскихъ дѣятелей, отъ того, сумѣютъ ли они сдѣлать дѣйствительностію то, что̀ законъ провозгласилъ только какъ дозволеніе, спасутъ ли они земскія учрежденія отъ того ничтожества, къ которому они увлекаются скудостію своихъ средствъ. Потому-то въ настоящее время не слѣдуетъ быть слишкомъ взыскательну къ результатамъ дѣятельности земскихъ учрежденій и требовать отъ нихъ больше, чѣмъ сколько они могли дать, при бѣдности своихъ средствъ. Но въ то же время позволительно желать всякому, чтобы земскіе дѣятели были внимательнѣе къ своему призванію; позволительно указывать земству на тѣ недостатки его представителей и повѣренныхъ, которые увеличиваютъ рискъ земскаго самоуправленія и заставляютъ опасаться за его будущее. Если мы старались выяснить денежную несостоятельность земства и несоразмѣрность расходовъ на управы съ общимъ итогомъ земскихъ средствъ, то дѣлали это не для того, чтобы дать поводъ земскимъ плательщикамъ сказать своимъ повѣреннымъ: вы сто̀ите намъ слишкомъ дорого и потому уходите прочь, а дѣло ваше передайте въ руки казенныхъ чиновниковъ, но для того, чтобы земскіе плательщики имѣли основаніе сказать управамъ: вы сто̀ите намъ слишкомъ дорого и потому мы требуемъ, чтобы вы держали твердою рукою наше самоуправленіе и не дали ему снова перейти въ руки казенныхъ чиновниковъ.

Часто слышится мнѣніе, будто бы земскія учрежденія чрезвычайно обременили крестьянъ налогами. Мнѣніе это высказывается преимущественно помѣщиками, которые недовольны земскими учрежденіями за обложеніе помѣщичьихъ земель. Однако вотъ что говорятъ непререкаемыя цифры. Г. Руковскій въ своемъ Сводѣ выводитъ, что въ

30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, земли крестьянъ уплачиваютъ въ пользу сихъ учрежденій, въ среднемъ выводѣ, по 6,8 коп. съ десятины. Положимъ даже, что цифра эта нѣсколько мала; по соображенію цифръ подесятиннаго налога, приведенныхъ мною въ концѣ предъидущей главы изъ „Правительственнаго Вѣстника", допустимъ, что на крестьянскія земли падаетъ, въ пользу земскихъ учрежденій, по 10 коп. съ десятины. Между тѣмъ мы видѣли, что общій итогъ платежей, вносимыхъ крестьянами въ казну, составляетъ: для крестьянъ государственныхъ 1 р. 53 коп., а для крестьянъ-собственниковъ, вмѣстѣ съ выкупными платежами, 2 р. 52 коп. съ десятины (см. стр. 247—248). Слѣдовательно земскій налогъ въ 10 коп. съ десятины составляетъ для первыхъ крестьянъ менѣе $^1/_{15}$, а для вторыхъ менѣе $^1/_{25}$ доли всѣхъ уплачиваемыхъ ими сборовъ. Для крестьянъ оброчныхъ доля эта должна выдти еще незначительнѣе, такъ какъ оброки выше выкупныхъ платежей. Не надобно притомъ забывать, что крестьяне, и до введенія земскихъ учрежденій, платили налогъ на губернскія земскія повинности, въ среднемъ итогѣ около $17^1/_2$ коп. съ души. Всего въ 30 губерніяхъ правительствомъ передано въ земскія учрежденія 2.192.858 р. губернскихъ сборовъ, не считая сбора на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія. Часть этой суммы взималась не съ крестьянъ, а съ другихъ податныхъ сословій, также съ торговли, земель и доходовъ. Нынѣ крестьяне тѣхъ же 30 губерніи уплачиваютъ въ земство поземельнаго налога 4.812.000 р., опять-таки не включая сбора на мировыя учрежденія (этого послѣдняго сбора передано было въ земство 2.993.000 р., а нынѣ онъ равняется, въ 30 губерніяхъ, 2.160.000). Если даже принять, что сказанный поземельный налогъ съ крестьянъ втрое превышаетъ прежній сборъ съ нихъ на губернскія земскія повинности, то и тогда сдѣланная земствомъ надбавка на каждую десятину крестьянской земли выйдетъ только въ $6^2/_3$ копейки, въ предположеніи, что нынѣ подесятинный налогъ равенъ 10 копейкамъ. Правда, мы вездѣ имѣемъ въ виду только средніе выводы по всѣмъ 30 губерніямъ; въ частныхъ же случаяхъ, какъ напримѣръ въ Новгородской губ., подесятинный налогъ на крестьянскую землю значительно больше 10 копеекъ и доходитъ

даже до 26¾ коп.: но общіе выводы только и возможно дѣлать на основаніи среднихъ цифръ. Итакъ мы видимъ, что какъ надбавка, сдѣланная земствомъ въ мѣстныхъ земскихъ сборахъ съ крестьянъ, такъ и общая цифра этихъ сборовъ ничтожны въ сравненіи съ другими платежами, лежащими на крестьянскомъ сословіи. Если же мы къ этому присоединимъ, что во многихъ уже губерніяхъ земство сняло съ крестьянъ огромную массу натуральныхъ повинностей, столь для крестьянъ обременительныхъ, замѣнивъ ихъ денежнымъ сборомъ, разлагаемымъ на всѣ сословія, то убѣдимся, что въ этихъ губерніяхъ крестьяне ни въ какомъ случаѣ не проиграли отъ введенія земскихъ учрежденій. По раскладкамъ на 1869 г., всего обращено натуральныхъ повинностей въ денежныя, въ 24 губерніяхъ, на сумму 2.586.896 р. Первыя мѣста занимаются въ этомъ отношеніи губерніями: Тамбовскою (303.000 р.), Вятскою (235.700 р.), Саратовскою (214.000 руб. въ 1867 г.), Воронежскою (194.700 руб.) и Новгородскою (173.700 р.); послѣднія же мѣста принадлежатъ Орловской (10.500 руб.) и Тульской (4600 р.). Даже въ бѣднѣйшей Смоленской губерніи, гдѣ доходы помѣщиковъ ничтожны, переложено уже въ деньги на 25.700 р. натуральныхъ повинностей (Пр. Вѣстникъ 1870 г. № 171). Итакъ не въ томъ бѣда, что будто земскія учрежденія отяготили крестьянъ чрезмѣрными сборами, какъ угодно утверждать это тѣмъ, которые недовольны обложеніемъ дворянскихъ земель земскою повинностію (среднимъ числомъ по 6,4 коп. съ десятины, по Своду г. Руковскаго) и переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя; а бѣда въ томъ, что даже при тѣхъ сравнительно незначительныхъ сборахъ, которые назначаются земствомъ на мѣстныя нужды, росписи его блистаютъ недоимками, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ другими налогами, а собираемыя земствомъ средства поглощаются преимущественно обязательными повинностями. (По послѣдненапечатаннымъ свѣдѣніямъ „Правительственнаго Вѣстника“ (№ 185-й 1870 г.), всѣ расходы земствъ 22 губерній, по которымъ доставлены отчеты, простирались въ 1869 г. до 13.015.000 р.; изъ нихъ на повинности, названныя мною обязательными, со включеніемъ дорожной, гдѣ она переведена въ денежную, исчислено 9.197.000 р., т. е. 70⅔% всѣхъ

расходовъ. Судя однако по цифрамъ, приведеннымъ мною въ концѣ предъидущей главы, процентъ этотъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ значительнѣе, ибо одно содержаніе мировыхъ судей, мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и земскихъ управъ обходилось земству, въ 1867—1868 гг., въ 68% всѣхъ сборовъ. Содержаніе управъ стоило въ 1869 г. 13⅓%, въ частности же восходило отъ 48.500 р. (Псковск. губ.) до 107.700 р. (Смоленск. губ.). Изъ числа необязательныхъ повинностей, на народное образованіе было опредѣлено, по смѣтамъ на 1869 г., только 6% всѣхъ смѣтныхъ назначеній; наибольшую цифру представляла Вятская губернія (117.704 р.), наименьшую — Смоленская (6356 р.). Впрочемъ смѣтныя назначенія на необязательныя повинности на самомъ дѣлѣ рѣдко выполняются въ точности, по случаю недоимокъ. Изъ свѣдѣній Министерства Народнаго Просвѣщенія извѣстно, что въ Орловской губ. только 3 уѣзда ассигновали, на 1870 г., сумму въ 3000 р. на содержаніе народныхъ училищъ).

Многіе земскіе дѣятели увѣрены, что, для поднятія дѣятельности земскихъ учрежденій, необходимо расширить кругъ ихъ вѣдѣнія и власти, передать въ ихъ распоряженіе бо̀льшую часть государственныхъ повинностей, предоставить имъ контроль надъ администраціею и даже, въ нѣкоторой степени, законодательную власть. Такое мнѣніе, при всей его наружной заманчивости, не можетъ быть признано основательнымъ. Слабая сторона земскихъ учрежденій заключается отнюдь не въ томъ, что будто бы законъ предоставилъ имъ слишкомъ тѣсный кругъ дѣятельности, а въ томъ, что эти учрежденія, по недостатку матеріальныхъ средствъ, не въ силахъ выполнить и того предназначенія, которое имъ отмежевано закономъ. Земскіе дѣятели, за весьма немногими исключеніями, не обнаружили большаго умѣнья и распорядительности и въ скромномъ кругу тѣхъ обязанностей, которыя предоставлены имъ по закону и выполнимы по средствамъ земства. Какое же есть основаніе думать, что дѣла пошли бы лучше, когда земству ввѣренъ бы былъ болѣе обширный кругъ занятій? Успѣхъ и живучесть народныхъ правъ и учрежденій не столько зависятъ отъ ихъ ширины и ихъ теоретическихъ основаній, сколько отъ

способа приложенія ихъ къ жизни. Англичане принадлежатъ къ народамъ, наиболѣе отличающимся вѣрнымъ политическимъ тактомъ; потому-то мы замѣчаемъ въ ихъ исторіи ту характеристическую черту, что, получивъ однажды какое-либо право, они не спѣшили хлопотать о его расширеніи, но зато держались уже за него крѣпко, старались окружить его всѣми возможными обезпеченіями и приложить къ жизни самымъ полнымъ и прочнымъ образомъ. Всѣ англійскія учрежденія устроены не по какому-либо теоретическому плану, выработанному лишь на бумагѣ, но развились путемъ чисто историческимъ; отъ того они стройны, живучи и плодотворны. Если бы наши сословія имѣли средства удовлетворять тѣмъ потребностямъ по земскому хозяйству, народному образованію и народному здравію, которыя предоставлены ихъ распоряженію по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, то земскимъ дѣятелямъ предстоялъ бы весьма обширный и плодотворный кругъ занятій; земство, не выходя изъ этого круга, могло бы принести нашей провинціальной жизни гораздо болѣе пользы, чѣмъ преждевременно хватаясь за тѣ предметы, для выполненія которыхъ у него нѣтъ ни подготовленныхъ людей, ни зрѣло обдуманнаго плана. Дальнѣйшее расширеніе правъ и круга вѣдѣнія земскихъ учрежденій явилось бы уже само собою, какъ естественное послѣдствіе окрѣпшаго хозяйственнаго самоуправленія провинцій и пріобрѣтенной привычки жителей къ совокупному образу дѣйствій.

Нашимъ земскимъ учрежденіямъ, въ короткое время ихъ существованія, пришлось уже испытать двѣ противоположныя крайности, которыя обѣ происходятъ, по моему мнѣнію, изъ одного общаго источника — изъ матеріальной несостоятельности земства и изъ нашей неподготовленности къ разумному пользованію какимъ бы то ни было самоуправленіемъ. Какъ скоро обнаружилось, что земскія учрежденія обречены вращаться почти исключительно въ тѣсномъ кругу обязательныхъ потребностей, то земскими собраніями и управами почти повсемѣстно овладѣли равнодушіе и бездѣятельность. При началѣ же земскихъ учрежденій, когда не для всѣхъ еще было понятно скромное ихъ назначеніе, въ нѣкоторыхъ собраніяхъ обнаружилась противоположная крайность — увлеченіе предполагавшимся политическимъ зна-

ченіемъ земскихъ учрежденій, котораго въ сущности онѣ вовсе не имѣютъ. Многія лица были чистосердечно увѣрены, что въ собраніяхъ и управахъ они будутъ играть роль политическихъ дѣятелей, предлагать правительству новые законы, привлекать отъ него все большее и большее число предметовъ въ непосредственное распоряженіе земства, однимъ словомъ — будутъ держать оппозицію правительству. Юношескія мечты, обнаруживавшія въ мечтателяхъ и политическую наивность, и въ то же время неспособность къ серьёзному и скромному труду, въ которомъ единственно и заключается залогъ успѣха какъ земскихъ, такъ и всякихъ другихъ учрежденій! Наши сословія, не исключая и самаго образованнаго изъ нихъ — дворянскаго, проявляютъ въ себѣ еще такъ мало способности обсуживать самые насущные, самые близкіе для нихъ вопросы мѣстнаго хозяйственнаго быта; можно ли же, при сколько нибудь серьёзномъ взглядѣ на вещи, думать, что онѣ будутъ въ состояніи понимать и рѣшать вопросы высшаго государственнаго управленія и политики? Въ настоящее время мечты о политическомъ значеніи земства, или, такъ сказать, земская поэзія, разсѣялись, въ виду слишкомъ убѣдительныхъ фактовъ; но зато равнодушіе, бездѣятельность, мелочныя дрязги изъ-за личныхъ интересовъ и самолюбій все больше и больше овладѣваютъ земскими учрежденіями. Справедливость требуетъ сказать, что причиною столь неутѣшительныхъ явленій въ ходѣ земскихъ дѣлъ не одна матеріальная несостоятельность земства, но и тѣ привычки и понятія, которыя издавна привились къ русской натурѣ и даютъ себя чувствовать во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, общественныхъ и государственныхъ.

По слухамъ и газетнымъ сообщеніямъ извѣстно, что уже въ 1867 году, то есть къ исходу перваго трехлѣтія новыхъ земскихъ учрежденій, почти повсемѣстно стало обнаруживаться отсутствіе значительнаго числа гласныхъ изъ дворянства и городскаго сословія на губернскихъ и даже уѣздныхъ собраніяхъ. Во многихъ собраніяхъ съ трудомъ можно было набрать третью часть всего числа гласныхъ, необходимую для составленія собранія. По свѣдѣніямъ „Правительственнаго Вѣстника“, въ 28 губерніяхъ (изъ числа 30-ти, въ которыхъ открыты земскія учрежденія), вовсе не состоялось, въ первое трехлѣ-

тіе, 18 земскихъ съѣздовъ, въ томъ числѣ 4 губернскихъ, по неприбытію требуемаго закономъ числа гласныхъ. Справедливо, что причина такого явленія заключается часто въ значительныхъ издержкахъ, сопряженныхъ для гласныхъ съ поѣздкою въ губернскій городъ для присутствованія въ губернскомъ собраніи. У насъ есть уѣзды, отстоящіе отъ губернскаго города даже на 600 верстъ (напримѣръ Кириловскій уѣздъ Новгородской губерніи). Поѣздка на такія дальнія разстоянія и проживаніе въ губернскомъ городѣ превышаютъ средства большинства нашихъ помѣщиковъ и лицъ городскаго сословія; законъ же, какъ извѣстно, запрещаетъ земскимъ собраніямъ назначать содержаніе гласнымъ изъ общихъ земскихъ суммъ. Но сказанная причина имѣетъ силу далеко не всегда и не вездѣ. Отсутствіе большинства губернскихъ гласныхъ повторяется теперь даже въ такихъ губерніяхъ, которыя имѣютъ незначительное протяженіе: напримѣръ на второмъ очередномъ губернскомъ собраніи владимірскаго земства, бывшемъ въ сентябрѣ 1867 г., съ большимъ трудомъ удалось собрать число гласныхъ, необходимое для составленія собранія, и число это, во всѣ 15 засѣданій, ни разу не достигало половины всего количества губернскихъ гласныхъ („С.-Петерб. Вѣд.“ 1867 г. № 269). Замѣчательно въ то же время, что, по дороговизнѣ содержанія управъ (106.000 р.), владимірское земство занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду губерній. Изъ числа губернскихъ собраній, долженствующихъ имѣть засѣданія въ теченіе нынѣшней осени (1869 года.), „Правительственный Вѣстникъ“ уже поименовалъ нѣкоторыя, которыя не могли состояться въ назначенные сроки, по неприбытію гласныхъ. Такъ напримѣръ открытіе полтавскаго губернскаго собранія было отложено, по сказанной причинѣ, до 3-го октября; за всѣмъ тѣмъ, изъ 100 гласныхъ едва могли собрать 34, т. е. именно ту узаконенную треть, безъ которой собраніе не можетъ состояться. Въ губерніи, о которой говорилось въ прежнихъ главахъ, губернское собраніе, открытое 9-го декабря, оказалось несостоявшимся, за отъѣздомъ большинства гласныхъ въ слѣдъ за открытіемъ собранія, почему оно и было закрыто 11 декабря. Губернскіе съѣзды харьковскій и черниговскій также закрылись прежде срока, по случаю разъѣзда гласныхъ. Наконецъ отсут-

ствіе значительнаго числа гласныхъ повторяется и въ уѣздныхъ собраніяхъ, и въ этомъ случаѣ, очевидно, его нельзя уже оправдывать дальностію разстоянія и значительностію издержекъ (уѣздныя собранія продолжаются всего 10 дней). Главную и болѣе общую причину отсутствія гласныхъ изъ дворянъ и городскаго сословія надобно видѣть въ полномъ равнодушіи ихъ къ земскому дѣлу. Добровольно принять на себя какую нибудь общественную обязанность и потомъ, черезъ какой нибудь годъ времени, махнуть на нее рукою и преспокойно остаться дома, есть явленіе слишкомъ обычное въ русскихъ нравахъ. Одни изъ гласныхъ не ѣдутъ въ собраніе потому, что съ званіемъ гласнаго не соединено личнаго кормленія и слѣдовательно не изъ чего хлопотать; другіе, увлекшіеся въ началѣ надеждою разыгрывать въ земскихъ собраніяхъ политическую роль и удивлять своихъ земляковъ смѣлостью своего краснорѣчія, вдругъ охладѣли, какъ скоро увидѣли, что приходится толковать о подводахъ, мостахъ, уставѣ земскихъ повинностей и другихъ подобныхъ невозвышенныхъ и мало имъ знакомыхъ предметахъ. Многіе гласные изъ дворянъ и купцовъ оправдываютъ свое отсутствіе такимъ наивнымъ разсужденіемъ: мы думали-де, что земскія учрежденія убавятъ расходы, лежащіе на сословіяхъ, а вмѣсто того они еще больше ихъ увеличили; стоитъ ли же для этого ѣздить въ собранія! Крестьянскіе гласные являлись до сихъ поръ въ собранія въ полномъ комплектѣ, во первыхъ потому, что они высылаются туда волостными старшинами, какъ по наряду, то есть должны ѣхать волею неволею, а во вторыхъ и потому, что волостныя общества назначаютъ имъ небольшое содержаніе на время ихъ присутствія въ собраніяхъ. Послѣднее обстоятельство, совершенно необходимое по бѣдности гласныхъ изъ крестьянъ, служитъ однако поводомъ, что имъ часто приходится выслушивать попреки отъ своихъ собратій, мужиковъ, которые обзываютъ ихъ дармоѣдами. Инаго взгляда на значеніе гласныхъ нельзя и ожидать отъ нашихъ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока земство не заявитъ предъ ними осязательнымъ образомъ пользы своего существованія. Достойно также замѣчанія, что, какъ видно изъ свѣдѣній „Правительственнаго Вѣстника“, многія очередныя уѣздныя собранія нынѣшняго (1869 г.) осенняго съѣзда продолжались всего по три

и даже по два дня, по той причинѣ, что гласные, въ слѣдъ за открытіемъ собраній, разъѣзжались по домамъ. Если принять въ соображеніе, что первое засѣданіе каждаго собранія проходитъ большею частію въ повѣркѣ уполномоченій гласныхъ и въ другихъ неизбѣжныхъ формальностяхъ, то оказывается, что на самое обсужденіе многосложныхъ земскихъ потребностей уѣздовъ и на повѣрку дѣйствій управъ многія собранія употребили по 2 и даже по 1 дню. Не доказываютъ ли всѣ эти факты, что земскія собранія обратились уже во многихъ мѣстностяхъ въ одну формальность, что наши сословія равнодушно отказываются отъ предоставленнаго имъ закономъ самоуправленія и отдаютъ его въ безконтрольное распоряженіе управъ?

Второе явленіе, указывающее на равнодушіе и даже нерасположенность нашихъ сословій къ земскимъ учрежденіямъ и на угрожающую имъ опасность обратиться въ одну навязанную закономъ формальность, состоитъ въ безпрерывныхъ уклоненіяхъ дворянъ и городскихъ сословій отъ вноса земскихъ денежныхъ повинностей и въ укрывательствѣ имуществъ и доходовъ, подлежащихъ земскому обложенію. Мы уже видѣли изъ цифръ, приведенныхъ въ предъидущей главѣ, что наибольшая часть земскихъ недоимокъ падаетъ на земли частныхъ собственниковъ и на городскихъ плательщиковъ, хотя эти сословія находятся далеко не въ такомъ невыгодномъ положеніи, какъ крестьяне, отдающіе не рѣдко въ земство свои послѣдніе рубли. Замѣчателенъ примѣръ, приводимый новгородскою губернскою управою: на одномъ богатомъ купцѣ Бѣлозерскаго уѣзда уже нѣсколько лѣтъ числится огромная недоимка въ 5000 р. по губернскому сбору, такъ что для ея взысканія губернское собраніе, бывшее въ концѣ прошлаго 1868 г., рѣшило просить содѣйствія губернатора. Равнымъ образомъ почти повсемѣстно слышатся жалобы управъ на затрудненія, встрѣчаемыя при собираніи свѣдѣній объ имуществахъ и доходахъ плательщиковъ изъ разряда частныхъ землевладѣльцевъ. Такъ въ Городницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи открыто, что для уклоненія отъ налоговъ было недопоказано владѣльцами 80.000 десят. земли. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напримѣръ въ Тираспольскомъ, Владимірскомъ,

Екатеринославскомъ, Александровскомъ и Зарайскомъ, наложены штрафы за недопоказанное или невѣрно показанное имущество.

На ряду съ равнодушіемъ сословій къ земскому дѣлу и съ уклоненіемъ плательщиковъ отъ взноса налоговъ, замѣчается не рѣдко въ собраніяхъ и управахъ наклонность къ расточительности, свойство, имѣющее съ первыми двумя тѣсную внутреннюю связь. Расточительность обнаруживается то въ широкихъ окладахъ, назнчаемыхъ членамъ управъ и другимъ лицамъ, избираемымъ отъ земства, то въ нерасчетливомъ употребленіи большихъ суммъ тамъ, гдѣ, при хозяйственномъ распоряженіи, можно бы обойтись гораздо меньшими средствами, то наконецъ въ разныхъ затѣйливыхъ и дорого стоющихъ предпріятіяхъ, невызываемыхъ дѣйствительною необходимостію. Нѣкоторые изъ читателей, быть можетъ, не забыли, какъ, при самомъ началѣ земскихъ учрежденій, въ одной изъ восточныхъ губерній былъ выбранъ въ члены губернской управы крестьянинъ съ невѣроятнымъ жалованьемъ, если не ошибаюсь, въ 2500 р.! (теперь тотъ же членъ получаетъ 2000 руб., какъ видно изъ смѣты на 1869 годъ). Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ видѣли тогда въ этомъ событіи торжество равноправности, не подозрѣвая, что такое пониманіе равноправности есть пониманіе чисто дѣтское. Не въ томъ дѣло, что такое большое жалованье дано мужику: есть мужики, получающіе и больше этой платы, но только за такія занятія, надъ которыми они, какъ говорится, зубы съѣли и гдѣ они заткнутъ за поясъ любаго изъ ученой и благородной братіи. Въ этихъ случаяхъ никому не придетъ и въ голову удивляться, что вотъ-де мужикъ, а получаетъ больше инаго превосходительнаго. Но спрашивается: въ губернской-то управѣ какое такое можно придумать занятіе для крестьянина, безъ сомнѣнія едва грамотнаго, чтобы оно стоило въ годъ тѣхъ двухъ съ половиною, или хотя бы двухъ тысячъ рублей, которыя отсыпаются ему изъ кармана земскихъ плательщиковъ? Какъ еще мало серьезнаго во всѣхъ нашихъ общественныхъ понятіяхъ и дѣяніяхъ! Въ той же губернской управѣ секретарь получаетъ жалованья 1500 руб., и при учрежденіи управы секретаремъ былъ назначенъ юноша, всего за два года передъ тѣмъ оставившій гимназическую скамейку. Вспомнимъ, что еще недавно такое

же жалованье получали ординарные профессоры университетовъ въ Петербургѣ и Москвѣ и что такое же жалованье, въ 1500 р., назначено, по новымъ штатамъ, старшимъ совѣтникамъ губернскихъ правленій, а остальнымъ совѣтникамъ положено по 1200 руб. Въ той же восточной губерніи, принадлежащей къ числу самыхъ богатыхъ, на народное образованіе назначено изъ губернскаго сбора, по смѣтѣ на 1869 г., всего 1850 р., ассигнованныхъ на содержаніе 10 стипендіатовъ при педагогическихъ курсахъ, открытыхъ при уѣздномъ училищѣ губернскаго города. Въ одной изъ южныхъ губерній губернское собраніе положило мировымъ судьямъ жалованье по 3000 руб., исчисливъ, что квартира съ освѣщеніемъ должна стоить имъ 550 р. въ годъ! Между тѣмъ въ уѣздныхъ городахъ этой губерніи можно нанять за полтораста рублей цѣлый домъ, а въ губернскомъ городѣ квартиры въ 550 руб. занимаются, изъ лицъ служащихъ, только высшими губернскими властями. Надобно притомъ не забывать, что большинство мировыхъ судей живетъ по деревнямъ въ собственныхъ усадьбахъ. Изъ упомянутаго въ предъидущей главѣ обзора „Правительственнаго Вѣстника“ видно, что содержаніе мировыхъ судей въ этой губерніи обходится земству въ 268.579 руб., что составляетъ 66% всего земскаго сбора! Если же сравнить эту сумму съ расходами на тотъ же предметъ другихъ земствъ, то оказывается, что только Петербургская губернія превзошла упоминаемую въ щедрости содержанія мировыхъ судей (324.200 руб.); а затѣмъ упоминаемая губернія расходуетъ на мировыхъ судей на 92.500 руб. болѣе, чѣмъ слѣдующая за нею по величинѣ этого расхода Воронежская губернія (176.000 руб.), и на 132.700 р. болѣе средняго расхода на судебно-мировыя учрежденія по 27 губерніямъ. Для Петербургской губерніи расходъ на содержаніе мировыхъ судей долженъ составить еще большій процентъ общаго земскаго бюджета этой губерніи; но процентъ этотъ я не могу вычислить, такъ какъ въ обозрѣніи „Правительственнаго Вѣстника“ показанъ по Петербургской губерніи только сборъ на уѣздныя повинности, а губернскій сборъ остается неизвѣстнымъ. Замѣчательно, что въ вышеупомянутой южной губерніи, гдѣ губернское собраніе измѣряетъ столь широкимъ масштабомъ жизнь нѣкоторыхъ особъ изъ привилеги-

рованнаго званія, то же самое губернское собраніе въ 1867 г. рѣшительно воспротивилось переложенію нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя, т. е. другими словами — привлеченію дворянства къ отбыванію этихъ повинностей, несмотря на высказанныя въ семъ послѣднемъ смыслѣ желанія уѣздныхъ собраній. Для закрѣпленія своего рѣшенія, губернское собраніе причислило всѣ натуральныя повинности къ губернскимъ, чтобы такимъ образомъ отнять отъ уѣздныхъ земствъ возможность перевести ихъ въ денежныя. (Однако на очередныхъ собраніяхъ прошлаго 1868 г. нѣкоторые уѣзды этой губерніи настояли на переложеніи дорожной повинности въ денежную). Давно ли упрекали у насъ акцизное вѣдомство за то, что оно своимъ мелкимъ чиновникамъ положило такія крупныя жалованья, до которыхъ въ другихъ родахъ службы нельзя достигнуть и на значительныхъ должностяхъ, требующихъ и познаній, и долголѣтней опытности? Но акцизное вѣдомство, для пріобрѣтенія себѣ славы либеральнаго и современнаго, назначало себѣ несоразмѣрныя жалованья изъ чужаго кармана, изъ денегъ, сбираемыхъ съ народа въ видѣ косвеннаго налога; земскія же собранія не должны бы, казалось, считать народныхъ денегъ чѣмъ-то для себя постороннимъ, съ чѣмъ церемониться отнюдь не слѣдуетъ.

Поразительна также та легкость, съ которою земскія собранія, особенно въ первое время по ихъ открытіи, соглашались со всѣми предложеніями управъ и разныхъ говоруновъ и утверждали, безъ возраженія, такіе расходы, которые или вовсе не представляли надобности, или были не по средствамъ земства. Доходило до того, что чуть ли не въ каждой губерніи земства собирались строить желѣзныя дороги за свой собственный счетъ; управы готовы были обратиться въ правленія акціонерныхъ обществъ, а предсѣдатели и члены — въ директоровъ, съ огромными, разумѣется, жалованьями и со львиною частію въ дивидендахъ. Даже въ описываемой мною бѣднѣйшей губерніи задумывалась земская желѣзная дорога, на протяженіи болѣе 300 верстъ. Еще прежде, чѣмъ составлены были какія-либо соображенія объ устройствѣ этой дороги, губернское собраніе, согласно мнѣнію особой коммисіи, опредѣлило всѣ сбереженія отъ земскихъ суммъ отчислять

для составленія запаснаго желѣзнодорожнаго капитала. И это дѣлалось въ той губерніи, гдѣ не только не можетъ быть никакихъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ, но гдѣ нѣкоторыя уѣздныя управы по цѣлому году не получаютъ жалованья изъ земскихъ суммъ и гдѣ сельское населеніе, въ слѣдствіе двухлѣтняго голода, обременено едва ли оплатимыми долгами въ продовольственный капиталъ и частнымъ лицамъ. Къ счастію губерніи, лица, домогавшіяся получить на имя земства концессію на сказанную дорогу, чтобы быть потомъ полными хозяевами этого дѣла, не имѣли успѣха и концессія выдана частной компаніи. Въ настоящее однако время накопленіе во всѣхъ почти губерніяхъ недоимокъ по земскимъ сборамъ заставило многія земскія собранія относиться нѣсколько осторожнѣе къ разнаго рода прожектамъ и вообще придерживать земскій карманъ. Для того, чтобы земскія собранія дѣйствовали не наобумъ и чтобы смѣты не превышали средствъ населенія, совершенно необходимо въ каждой губерніи и каждомъ уѣздѣ раздѣлить потребности на обязательныя, необходимыя и полезныя, съ тѣмъ, чтобы переходъ къ каждому изъ этихъ разрядовъ дѣлался не иначе, какъ по удовлетвореніи потребностей предъидущаго разряда. Въ противномъ случаѣ накопленіе недоимокъ будетъ неизбѣжно, важнѣйшія потребности земства останутся неудовлетворенными и вообще все земское хозяйство можетъ запутаться и остановиться.

Далѣе, есть ли какая нибудь необходимость имѣть такой многочисленный составъ управъ, что многія уѣздныя управы состоятъ изъ предсѣдателя и 4 членовъ и обходятся земству свыше 10.000 р., а губернскія заключали въ себѣ обыкновенно предсѣдателя и 6 членовъ, не считая чиновниковъ по найму, и стоютъ не рѣдко до 35.000 р.? Въ этомъ случаѣ не повторило ли само земство, еще въ увеличенномъ размѣрѣ, пріемовъ и обычаевъ той бюрократіи, ѣдкія нареканія на которую такъ часто слышатся въ средѣ земскихъ дѣятелей? Ни для кого не составляетъ секрета, что предсѣдатели и члены нашихъ управъ весьма мало заняты дѣломъ, исключая очень и очень немногихъ управъ, усердно занявшихся своими обязанностями въ первое трехлѣтіе существованія земскихъ учрежденій. Во время моихъ поѣздокъ въ провин-

цію, я постоянно замѣчалъ, что предсѣдатели и члены управъ большую часть года проживаютъ въ своихъ деревняхъ, а дѣлами вѣдаютъ обыкновенно секретари. Одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ уѣздныхъ предсѣдателей самъ говорилъ мнѣ, что онъ бываетъ въ городѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году и что подъ такимъ только условіемъ онъ и его сотоварищи изъ дворянъ согласны остаться въ должностяхъ на будущее трехлѣтіе. Въ другой уѣздной управѣ той же губерніи постоянно бываетъ на лицѣ только одинъ членъ изъ крестьянъ, получающій, какъ мнѣ говорили, нѣкоторую плату отъ предсѣдателя и другихъ членовъ за свое безсмѣнное за нихъ дежурство. Ловкіе люди изъ мѣстнаго дворянства, понявъ, что на земской службѣ можно, ничего не дѣлая, получать порядочный окладъ, стараются въ нее пристроиться, посредствомъ кумовства, запрашиванія и подбора себѣ партіи на земскихъ выборахъ. Наиболѣе же ловкіе набираютъ себѣ по нѣскольку должностей, чтобы, получая оклады по всѣмъ, ничего не дѣлать ни на одной изъ нихъ. Теперь весьма часто можно видѣть, что одно и то же лице служитъ и членомъ губернской или уѣздной управы, и въ то же время мировымъ посредникомъ, тогда какъ каждая изъ этихъ должностей, при добросовѣстномъ ея исполненіи, не должна бы, казалось, оставлять свободнаго времени. Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ уѣздовъ предсѣдателемъ управы состоитъ мѣстный уѣздный предводитель; о немъ говорятъ, что по одной должности онъ извлекаетъ доходы изъ дворянскихъ опекъ, а по другой получаетъ жалованье и также извлекаетъ доходы изъ земскихъ суммъ. Онъ ловко подобралъ себѣ въ товарищи своего пріятеля, который и числится членомъ въ уѣздной управѣ, и служитъ посредникомъ полюбовнаго размежеванія. По первой должности онъ получаетъ 800 рублей, а по второй 1200 р., и притомъ исполняетъ по управѣ разныя экономическія порученія предсѣдателя. До какой степени легко смотрятъ земскія собранія на выборъ должностныхъ лицъ, можно также судить по слѣдующему факту. Я зналъ члена одной губернской управы, который, послѣ двухлѣтняго засѣданія въ управѣ, еще ни разу не читалъ и даже не имѣлъ у себя Положенія о земскихъ учрежденіяхъ; что же касается Устава о земскихъ повинностяхъ, то онъ и не подозрѣвалъ

его существованія. Положимъ даже, это этотъ примѣръ составляетъ исключеніе; но надобно согласиться, что не твердъ же тотъ порядокъ, который допускаетъ столь блестящія исключенія. Контроль земскихъ собраній надъ управами, если онъ и проявляется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, касается большею частію одной денежной отчетности; контроля же собственно надъ дѣятельностію управъ не существуетъ почти никакого. Предсѣдатели и члены управъ могутъ, если захотятъ, ровно ничего не дѣлать въ теченіе цѣлаго выборнаго трехлѣтія, поручивъ обиходныя дѣла секретарю; никто не будетъ слѣдить за ними и побуждать ихъ къ дѣятельности. А между тѣмъ не всѣ же они одушевлены такою горячею ревностію къ общему благу, что не имѣютъ надобности ни въ какомъ другомъ контролѣ и возбужденіи, кромѣ сознанія своего долга.

Конечно въ этомъ случаѣ земскія учрежденія не составляютъ исключенія: извѣстно, что въ настоящее время дѣятельность и дисциплина до чрезвычайности ослабѣли и въ большей части правительственныхъ учрежденій, несмотря на то, что въ нихъ обязанности каждаго чиновника опредѣлены закономъ и надъ каждымъ служащимъ поставлена нѣкая высшая власть, обязанная наблюдать, требовать и взыскивать. Это разслабленіе служебнаго механизма пошло въ провинціи изъ Петербурга, изъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій, которыя, при огромной массѣ чиновниковъ, поражаютъ своимъ малодѣланіемъ и бѣдностію въ знатокахъ дѣла. Быстрыя возвышенія по службѣ, вошедшія теперь въ обычай; назначеніе на высшія должности государственнаго и губернскаго управленія людей, хотя быть можетъ и богатыхъ идеями, но совершенно неопытныхъ и непривыкшихъ къ труду; обычай этихъ людей смотрѣть на всякую получаемую ими должность только какъ на переходную ступень къ другой, высшей, и слѣдовательно относиться къ настоящей своей должности съ полнымъ небреженіемъ и вовсе не думать объ изученіи своей части; совершенное почти отсутствіе дѣятельнаго надзора и контроля надъ дѣйствіями нашихъ многоразличныхъ учрежденій и служебныхъ лицъ, и въ слѣдствіе того ихъ безотвѣтственность въ случаяхъ бездѣйствія, запущенія дѣлъ или назначенія на подчиненныя должности

людей никуда негодныхъ; узаконенный въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ произволъ начальниковъ при назначенiи жалованiй служащимъ, при чемъ честные и скромные труженики оказываются обыкновенно наименѣе получающими; чрезмѣрная расточительность начальствъ въ представленiяхъ къ чинамъ и украшенiямъ, не рѣдко съ забвенiемъ всякой постепенности и всякаго соотвѣтствiя съ заслугами; укоренившееся въ высшихъ служебныхъ кругахъ убѣжденiе, что служба должна давать не скромное лишь обезпеченiе жизни, по заслугамъ каждаго, а должна обогащать чиновниковъ, доставлять имъ средства жить на одну ногу съ родовитыми богачами, даже и тогда, когда служба этихъ чиновниковъ только номинальная, несопряженная ни съ какими трудами на пользу государства; другое столь же распространенное въ тѣхъ же кругахъ убѣжденiе, что въ Россiи на службѣ слѣдуетъ какъ можно менѣе дѣлать и какъ можно равнодушнѣе относиться къ пользамъ дѣла, все же раченiе надобно прилагать единственно къ разработкѣ личныхъ отношенiй; перспектива затиранiя, ожидающая всѣхъ, кто относится къ дѣлу съ ревностiю и строгостiю; наконецъ распространенное съ нѣкоторыхъ поръ въ нашемъ обществѣ мнѣнiе, что всякая дисциплина, въ службѣ ли, въ учебныхъ ли заведенiяхъ, въ массѣ ли простонародья, а также что всякiй копотливый и медленный трудъ—все это есть педантизмъ, рутина, остатки прежняго мрачнаго времени, — вотъ, какъ кажется, ближайшiя причины того, что государственнная служба все болѣе и болѣе принимаетъ у насъ видъ какого-то ристалища, гдѣ каждый думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе добѣжать до приза и почить на лаврахъ, не заботясь, что оставленная имъ позади арена все болѣе и болѣе загромождается хламомъ и поростаетъ былiемъ. Раскапывать этотъ хламъ обречены низшiе прислужники, способные на одну черную работу. Никакими внушительными циркулярами и печатными дисциплинарными правилами нельзя уже измѣнить этого направленiя; необходимо передѣлать и перевернуть въ другую сторону весь ходъ служебной машины и въ то же время перевоспитать само общество, внести въ наши учебныя заведенiя иныя понятiя о нравственности, о долгѣ, о трудѣ. Но вотъ вопросъ: кто же будетъ совершать эти реформы; гдѣ тѣ люди, которые поставятъ себя въ примѣръ прочимъ и

вложатъ жизнь и силу въ разслабшій и расшатавшійся строй службы и общественнаго воспитанія; quis custodiet ipsos custodes? Итакъ земскіе чиновники, если и заслуживаютъ часто упрекъ въ избыткѣ бездѣйствія, то только слѣдуютъ въ этомъ случаѣ общему направленію. Равнымъ образомъ, ненужная многочисленность чиновниковъ, неудачный выборъ лицъ, отсутствіе дѣйствительнаго контроля — все это въ одинаковой степени относится какъ къ земскимъ, такъ и къ правительственнымъ учрежденіямъ, съ тою только разницею, что земскія учрежденія, дѣйствія которыхъ болѣе открыты наблюденію и суду общества, чаще подвергаются критикѣ.

Многочисленность состава земскихъ управъ только поощряетъ ихъ бездѣятельность и усиливаетъ безотвѣтственность: каждый членъ, видя бездѣйствіе своихъ сотоварищей, считаетъ себя въ правѣ слѣдовать ихъ примѣру; каждый успокоиваетъ себя тѣмъ, что, въ случаѣ промаховъ и упущеній, не на немъ одномъ будетъ лежать отвѣтственность, а толстой шеи разомъ не отрубятъ. Въ каждомъ уѣздѣ земству достаточно имѣть, для постоянныхъ распорядительныхъ занятій, одного дѣятельнаго и толковаго прикащика, по выбору сословій и съ полною отвѣтственностію за всѣ дѣлаемыя имъ распоряженія, да въ придачу ему — чиновника по найму, для письмоводства и счетоводства. Такъ какъ все время и трудъ этихъ лицъ должны быть посвящены земской службѣ, то имъ слѣдуетъ назначить хорошіе оклады. Затѣмъ, для наблюденія за дорогами и мостами, лѣчебницами, школами и иными земскими учрежденіями, можно бы раздѣлить уѣздъ на нѣсколько участковъ и въ каждомъ участкѣ поручить сказанное наблюденіе одному изъ мѣстныхъ жителей, по выбору сословій. Эти наблюдающія лица, нѣсколько разъ въ году, по мѣрѣ надобности, должны бы собираться въ городъ, и изъ нихъ-то, подъ предсѣдательствомъ постояннаго члена, составлялись бы періодическія засѣданія управы. Сказаннымъ наблюдающимъ членамъ, буде кто изъ нихъ пожелаетъ, можно бы положить нѣкоторое вознагражденіе на путевыя издержки и расходы при пріѣздѣ въ городъ. Допущеніе такого порядка не требовало бы даже никакого измѣненія въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, ибо статьею 46-ю Положенія предписывается только, чтобы уѣздная

управа заключала, кромѣ предсѣдателя, не менѣе двухъ и не болѣе шести членовъ; но законъ не дѣлаетъ обязательнымъ постояннаго засѣданія членовъ въ управѣ; да и въ настоящее время такого постояннаго засѣданія, какъ мы видѣли, не существуетъ на дѣлѣ. На томъ же основаніи можно бы было преобразовать составъ и губернскихъ управъ: въ нихъ, кромѣ предсѣдателя, достаточно бы было имѣть одного, и никакъ не болѣе двухъ постоянныхъ членовъ. Повторяю, что въ настоящее время занятія управъ далеко уже не такъ многосложны, какъ въ первое трехлѣтіе земскихъ учрежденій, когда управамъ приходилось въ первый разъ оцѣнивать земскія недвижимыя имущества, устанавливать правила обложенія и дѣлать смѣты расходамъ. Статья 56-я Положенія, обязывавшая земскія собранія назначать въ губернскую управу 6 членовъ, кромѣ предсѣдателя, теперь, какъ извѣстно, измѣнена, такъ что число членовъ полагается отъ 2 до 6. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ уже убавлены слишкомъ крупныя жалованья предсѣдателей и членовъ управъ и сокращено число ихъ; впрочемъ общій итогъ произведенныхъ по этой статьѣ сбереженій весьма незначителенъ. По свѣдѣніямъ „Правительственнаго Вѣстника", расходъ на жалованье предсѣдателямъ и членамъ управъ по 21 губерніи сокращенъ во второмъ трехлѣтіи, сравнительно съ первымъ, на 172.000 р., а содержаніе канцелярій только на 15.000 р. Наибольшее сокращеніе, почти на 25.000 р., сдѣлано по Казанской губерніи. Изъ печатаемыхъ въ „Пр. Вѣстникѣ" отчетовъ о земскихъ собраніяхъ видно, что нѣкоторыя собранія, хотя и уменьшили число членовъ въ управахъ, но только для того, чтобы усилить жалованье остающимся, такъ что общій расходъ на управы остался прежній. Въ другихъ же губерніяхъ, какъ было уже сказано, даже увеличено содержаніе управъ на второе трехлѣтіе; наибольшее увеличеніе, на 9000 р., сдѣлано по Рязанской губерніи.

Земству, если оно желаетъ, чтобы дѣла его шли удовлетворительно, надобно спуститься нѣсколько ниже при выборѣ предсѣдателей и членовъ управъ. Доселѣ на эти должности преимущественно выбирались такъ называемыя извѣстныя лица въ уѣздѣ или губерніи,

то есть помѣщики, задающіе нѣкоторый тонъ въ обществѣ, а равно и подставляемые ими кліенты ихъ и приживальцы. Значительная часть предсѣдателей уѣздныхъ управъ состоитъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства; предсѣдателями губернскихъ управъ весьма часто выбираются губернскіе предводители. Совсѣмъ не такіе люди надобны земству; оно должно выбирать себѣ не начальниковъ, не представительныхъ особъ, не говоруновъ, желающихъ подражать парламентскимъ ораторамъ, а дѣльныхъ прикащиковъ при земскомъ хозяйствѣ, добросовѣстныхъ тружениковъ, людей, которые не воображали бы, что они оказываютъ великое благодѣяніе земству, принимая отъ него жалованье и ничего другаго не дѣлая, какъ только ссужая земству напрокатъ свою представительность и свое гостинное краснорѣчіе. На это у насъ слышится обыкновенно одинъ отвѣтъ: „да гдѣ же взять дѣльныхъ и добросовѣстныхъ людей? Ихъ у насъ или вовсе нѣтъ, или есть, да такіе, которые не пойдутъ на общественную службу“. Избитая и вполнѣ фальшивая отговорка, часто слышимая и въ правительственной службѣ и доказывающая только, что тѣ, которые ею извиняются, не хотятъ или не умѣютъ выбирать достойныхъ людей. Дѣло въ томъ, что достойнаго человѣка не только надобно умѣть найти, но еще приходится иногда просить пойти къ намъ въ службу, тогда какъ ловкіе искатели жалованій сами подвертываются подъ руку. Достойный человѣкъ не пойдетъ на земскую службу, если напримѣръ онъ видитъ, что въ земскомъ собраніи господствуетъ и распоряжается какая нибудь одна недоброкачественная партія, готовая пустить въ ходъ всякую интригу и кляузу, чтобы подкопаться подъ земскаго дѣятеля, непринадлежащаго къ ея лагерю. Несомнѣнно, что въ каждомъ уѣздѣ, въ числѣ ли помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ, или въ числѣ уроженцевъ уѣзда, состоящихъ на государственной службѣ, нашелся бы не одинъ способный и добросовѣстный труженикъ, готовый, за соотвѣтствующее вознагражденіе, всего себя посвятить земской службѣ; но надобно умѣть найти такихъ людей, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, не владѣя установленнымъ цензомъ, не участвуютъ сами въ земскихъ собраніяхъ. Мнѣ напримѣръ никогда не удавалось слышать, чтобы въ предсѣдатели или члены управы былъ

выбранъ кто нибудь изъ мѣстныхъ чиновниковъ губерніи, непринадлежащій къ сословію помѣщиковъ и вовсе неимѣющій ценза. Между тѣмъ всякому, жившему въ провинціи, извѣстно, что въ числѣ этихъ чиновниковъ есть люди высокой честности и отличныхъ способностей, скромные труженики, которыхъ способности и трудъ неблагодарно растрачиваются въ губернскихъ канцеляріяхъ, гдѣ имъ постоянно заступаютъ дорогу неспособность и праздность, въ лицѣ кліентовъ и родственниковъ начальственныхъ лицъ.

Неудивительно, если наши земскія собранія не отличаются желаніемъ и умѣньемъ находить дѣльныхъ людей для земской службы. Значительная часть уѣздныхъ гласныхъ (именно $38^1/_2\%$ общаго числа уѣздныхъ гласныхъ въ первомъ трехлѣтіи) состоитъ изъ крестьянъ, людей безграмотныхъ и смотрящихъ на свою обязанность, какъ на подневольную повинность. Это есть чистый баластъ, который, во время преній и выборовъ, перекладывается на ту или другую сторону руками нѣсколькихъ руководителей изъ дворянъ. Мнѣ расказывалъ очевидецъ, какъ въ одномъ уѣздномъ собраніи (въ Тульской губерніи) гласные изъ крестьянъ давали утвердительные и отрицательные отвѣты, смотря по тому, какой знакъ выкидывалъ имъ рукою одинъ изъ дворянскихъ гласныхъ, нисколько нестѣснявшійся тѣмъ, что этотъ маневръ былъ видѣнъ всѣмъ присутствующимъ. Пока наши крестьяне будутъ безграмотны, пока они не получатъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній, которыя необходимы для каждаго гражданина, желающаго пользоватся своими гражданскими правами, до тѣхъ поръ они будутъ оставаться въ земскихъ собраніяхъ баластомъ, и будутъ только увеличивать своею инертною тяжестію силу тѣхъ партій, которыя возьмуться заправлять ими. Купцы и мѣщане составляли въ первое трехлѣтіе 11% общаго числа уѣздныхъ гласныхъ. Эта часть нашихъ земскихъ собраній, какъ уже было замѣчено, относится къ земскому дѣлу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Итого получается въ составѣ уѣздныхъ собраній $49^1/_2\%$, которые представляютъ массу, невносящую въ нихъ почти никакой разумной силы! Гласные изъ дворянъ, по своему образованію, могли бы оцѣнивать и выбирать людей по достоинству и вообще давать на собраніяхъ должное направленіе дѣламъ; но боль-

шинство этихъ гласныхъ, по своему равнодушію къ общественнымъ дѣламъ и по недѣятельности своей натуры, не даетъ себѣ труда вникнуть въ дѣло и заняться имъ, какъ слѣдуетъ, а пристаетъ къ первому мнѣнію, которое случайно или неслучайно образуется въ собраніи. Многіе гласные изъ дворянъ, какъ было уже сказано, даже вовсе не являются въ собранія. При такомъ составѣ, наши земскія собранія не представляютъ никакой плотности, не имѣютъ никакого самостоятельнаго удѣльнаго вѣса и постояннаго центра тяжести; это рыхлыя тѣла, составленныя изъ разнородныхъ и плохо между собою связанныхъ частицъ; они наклоняются обыкновенно въ ту сторону, куда случайно отвалится большинство составляющихъ ихъ частицъ. Хорошо еще, если въ земскомъ собраніи не составится какой нибудь партіи, подобранной нѣсколькими ловкими людьми для своихъ частныхъ выгодъ. Если нѣтъ такой партіи, то вопросы и выборы лицъ рѣшаются болѣе или менѣе удовлетворительно, на основаніи случайнаго большинства голосовъ, и по крайней мѣрѣ безъ заднихъ цѣлей. Но если ко времени собранія будетъ предварительно подготовлена партія, управляемая ловкою рукою, то наши земскія собранія наичаще оказываются совершенно беззащитными противъ такихъ партій. Большинство чувствуетъ, что его опутываютъ, что съ нимъ играютъ впередъ подтасованными картами; а дѣло все-таки оканчивается тѣмъ, что партія торжествуетъ: люди, ею подставленные, выбраны на должности; вопросы рѣшены такъ, какъ ей того хотѣлось. Отъ руководителей партіи не требуется даже никакой особой тонкости для пріобрѣтенія себѣ побѣды въ нашихъ собраніяхъ: весь секретъ ихъ въ смѣлости, въ натискѣ, въ широкомъ горлѣ, по нашей русской пословицѣ — „кто палку взялъ, тотъ и капралъ“; ихъ сила не въ нихъ самихъ, а въ безсиліи, въ рыхлости, въ раздѣленности того большинства, съ которымъ они имѣютъ дѣло.

Между земскими чиновниками есть много людей не только вполнѣ благонамѣренныхъ, но и взявшихся за земскую службу съ большимъ рвеніемъ; но люди этого сорта часто обнаруживаютъ недостатокъ другаго рода — излишнюю самоувѣренность, при недостаткѣ опытности. Они до всего хотятъ дойти собственнымъ умомъ; считаютъ безуслов-

но вреднымъ, непрактичнымъ и безпорядочнымъ все, что дѣлалось прежде; не хотятъ ни о чемъ посовѣтоваться съ прежними служаками, признавая ихъ ни къ чему неспособными. Отъ того, приступая къ дѣлу имъ неизвѣстному, на практитѣ неизвѣданному, они часто впадаютъ въ напрасную трату денегъ и времени, ломаютъ голову надъ вопросами, давно рѣшенными, и принимаютъ иногда мѣры самыя непрактичныя. Какая нибудь губернская управа, для исправленія каждаго ничтожнаго мостика, вся цѣна которому 10—15 рублей, посылаетъ своего инженера, съ выдачею ему прогоновъ часто на 100 и болѣе верстъ взадъ и впередъ. Я зналъ одного предсѣдатели уѣздной управы, человѣка весьма начитаннаго и изъѣздившаго всю Европу, который вздумалъ самъ сочинять правила счетоводства, вмѣсто того, чтобы справиться о нихъ въ уѣздномъ казначействѣ или любомъ присутственномъ мѣстѣ. Сочиненныя имъ правила вышли такъ хитры, что онъ запутался въ счетахъ, и когда дѣло дошло до сдачи должности, то долженъ былъ поплатиться собственными деньгами. Положимъ, что въ прежнихъ учрежденіяхъ, завѣдывавшихъ земскимъ хозяйствомъ, дѣла шли плохо и даже большею частію крайне плохо, въ этихъ палатахъ и окружныхъ правленіяхъ государственныхъ имуществъ, въ этихъ комитетахъ о земскихъ повинностяхъ, приказахъ общественнаго призрѣнія, коммисіяхъ дорожныхъ и народнаго продовольствія: но вѣдь причина ихъ неудовлетворительности заключалась вовсе не въ томъ, чтобы всѣ служащія тамъ лица были неспособны и несвѣдущи по своей части, а во всемъ духѣ и строѣ нашей казенной службы, при которыхъ личная способность и даже самая высокая личная благонамѣренность служащихъ оказываются большею частію совершенно непроизводительными. Если дѣятельность земства окажется нѣсколько производительнѣе дѣятельности старыхъ казенныхъ учрежденій, какъ въ этомъ можно быть увѣрену, то это слѣдуетъ приписать не тому, чтобы земскіе чиновники были способнѣе и дѣльнѣе казенныхъ, а тому, что новыя начала земскаго хозяйственнаго самоуправленія все же несравненно плодотворнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ управленіе земскимъ хозяйствомъ посредствомъ нѣсколькихъ разрозненныхъ между собою казенныхъ учрежденій.

Немало также вредила земскимъ учрежденіямъ, особенно въ первое время ихъ существованія, страсть нѣкоторыхъ лицъ къ парламентскимъ пріемамъ и къ рѣчамъ на политическія тэмы, что̀ такъ мало идетъ къ скромному предназначенію земскихъ учрежденій. Существо земскаго дѣла оставлялось при этомъ въ сторонѣ, а ораторы, въ своихъ словообильныхъ рѣчахъ, распространялись о матеріяхъ, которыя могли бы, быть можетъ, украшать страницы какого нибудь литературно-политическаго журнала, но едва ли подлежали пониманію и обсужденію нашихъ земскихъ гласныхъ, собравшихся на какіе нибудь 20 дней, чтобы толковать о дорогахъ, мостахъ, больницахъ и т. п. Кромѣ безполезной траты времени, эти въ сущности невинныя упражненія въ реторикѣ имѣли то большое неудобство, что давали оружіе людямъ, нерасположеннымъ къ земскому самоуправленію, могли вызывать реакцію и мѣры устрашенія и колебать такимъ образомъ самое существованіе новорожденныхъ земскихъ учрежденій. Развѣ эта язвительная и столь легкая для всякаго критика прежнихъ и настоящихъ дѣйствій высшей администраціи имѣетъ какое нибудь отношеніе къ пользованію предоставленными земству правами; развѣ она можетъ служить къ упроченію и расширенію этихъ правъ; развѣ отъ нея выигрываютъ сколько нибудь матеріальныя и нравственныя выгоды мѣстнаго населенія, вложенныя въ руки земскихъ учрежденій? Всѣ подобныя выходки выдѣлывались обыкновенно или людьми до такой степени легкими, что они неспособны отдавать себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, или же людьми совершенно равнодушными къ пользамъ и самому существованію земства, людьми, желавшими только сдѣлать изъ земства и на счетъ земства пьедесталъ для своего мелкаго самолюбія или для своихъ личныхъ выгодъ, собирать рукоплесканія свѣтской толпы и упрочить за собою какую нибудь выборную должность. Кто же не знаетъ, что въ настоящее время надобно имѣть гораздо болѣе мужества для того, чтобы идти противъ легкаго направленія, обуявшаго наше общество, и призывать его къ серьезному и скромному труду, чѣмъ для того, чтобы, слѣдуя общему направленію, изощряться въ безплодной критикѣ и въ безопасномъ фрондерствѣ? Всѣ эти люди, рвущіеся при каждомъ случаѣ разыгрывать роль парламентскихъ ора-

торовъ, обыкновенно поражаютъ незрѣлостію своихъ сужденій о самыхъ насущныхъ хозяйственныхъ вопросахъ: о чемъ бы вы съ ними ни заговорили по предметамъ земскаго хозяйства, они непремѣнно собьются на политическія матеріи, вездѣ будутъ прозрѣвать какія-то высшія и отдаленныя цѣли, не видя того, что̀ дѣлается у нихъ подъ носомъ. Впрочемъ періодъ парламентскаго краснорѣчія нашихъ земскихъ собраній сдѣлался теперь однимъ уже воспоминаніемъ; но воспоминаніе это поучительно, и потому должно быть занесено въ очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ настоящее время уцѣлѣло отъ отъ этого періода лишь нѣсколько выраженій, заимствованныхъ изъ парламентскаго словаря и доселѣ еще употребляемыхъ нѣкоторыми изъ нашихъ земскихъ витій, къ крайнему недоумѣнію большинства присутствующихъ, вовсе непонимающаго значенія этихъ заморскихъ словъ. Таковы выраженія: „сессія“, „вотировать“, „интерпеллировать“ и нѣкоторыя другія. Но можно надѣяться, что господа ораторы поймутъ со временемъ, если не безсмысленность, то по крайней мѣрѣ весь комизмъ этого объясненія на французскомъ парламентскомъ языкѣ съ нашими гласными, большинство которыхъ несильно и въ русской грамотѣ. Какое странное соединеніе претензіи называться русскими *земскими* людьми (въ отличіе отъ правительственныхъ чиновниковъ) съ желаніемъ щеголять незнаніемъ русскаго языка, и притомъ въ кругу коренныхъ русскихъ людей! Иногда вещи, по видимому ничтожныя, объясняютъ явленія весьма крупныя и существенныя.

Нѣкоторые изъ земскихъ дѣятелей главною причиною вялости земскихъ учрежденій и охлажденія къ нимъ сословій считаютъ стѣсненія, которымъ земская дѣятельность подвергается отъ правительства. Я имѣлъ случай говорить объ этомъ предметѣ съ нѣкоторыми безпристрастными и довольно потрудившимися членами земства. Они не отрицаютъ, что такія постановленія, какъ законъ 21 ноября 1866 года или правило о печатаніи преній и опредѣленій земскихъ собраній не иначе, какъ подъ цензурою губернаторовъ, стѣснительны для земскаго самоуправленія; но, по ихъ отзывамъ, такихъ стѣснительныхъ распоряженій весьма немного, значеніе ихъ крайне преувеличивается и корень зла далеко не въ этихъ распоряженіяхъ, а въ лѣности, въ

равнодушіи, въ раздѣленности самихъ людей, составляющихъ земство, въ трудности добросовѣстному и трудолюбивому человѣку быть выбраннымъ въ земскую должность. Если попадали въ земскую службу люди серьезные и дѣятельные, то они и теперь не охладились, но продолжаютъ ревностно трудиться, вѣря, что судьба земства въ его собственныхъ рукахъ. Охладились люди легкіе, ходульные, смотрѣвшіе на земское самоуправленіе не какъ на трудъ медленный и настойчивый, плоды котораго обнаружатся лишь въ слѣдующемъ поколѣніи, а какъ на театральную сцену, гдѣ они будутъ только вотировать, интерпеллировать и собирать дешевыя рукоплесканія свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ. Огромное же большинство нашего дворянства, не говоря уже о крестьянахъ и городскомъ сословіи, съ самаго начала относилось къ земскимъ учрежденіямъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ къ дѣлу совершенно для него постороннему. Объ этомъ я упоминалъ еще въ первой главѣ, относившейся къ 1866 году, когда земскія учрежденія только что были введены въ описываемой мною губерніи. Каждое новое учрежденіе пріобрѣтаетъ сочувствіе и поддержку гражданъ только тогда, когда оно на дѣлѣ обнаруживаетъ пользу своего существованія; поэтому сочувствія нашихъ сословій къ земскимъ учрежденіямъ надобно ожидать только въ будущемъ. Вотъ здѣсь-то и видна вся важность роли тѣхъ лучшихъ и передовыхъ земскихъ дѣятелей, тѣхъ добросовѣстныхъ и скромныхъ тружениковъ, которые будутъ извлекать изъ земскихъ учрежденій возможную пользу для населенія, охраняя ихъ въ то же время отъ опасныхъ столкновеній съ властью: они не только упрочатъ дальнѣйшее существованіе и развитіе земскихъ учрежденій, но и воспитаютъ въ нашихъ сословіяхъ вкусъ и способность къ самоуправленію, ибо всѣ наши сословія требуютъ еще въ этомъ отношеніи долгаго и настойчиваго воспитанія.

Пока наше крестьянство и большинство средняго класса коснѣютъ въ безусловномъ невѣжествѣ, пока всѣ вообще наши сословія не пріобрѣтутъ способности къ самоуправленію, до тѣхъ поръ успѣхъ земскихъ учрежденій будетъ единственно зависѣть отъ случайнаго выбора въ управы людей способныхъ и ревностныхъ къ общественному благу. Мы видѣли, что въ той губерніи, которой были посвящены мои преж-

нія наблюденія, земское управленіе не умѣло распорядиться огромными пособіями, выданными губерніи по случаю голода (именно 1.143.000 руб. собственно на раздачу пособій и 1.114.000 р. на производство земляныхъ работъ); между тѣмъ новгородское земское управленіе, и при маломъ пособіи, сумѣло извлечь изъ него возможную пользу для населенія своевременною закупкою хлѣба по дешевымъ цѣнамъ и въ огромномъ количествѣ. (На продовольствіе Новгородской губерніи было отпущено: изъ губернскаго продовольственнаго капитала 109.000 р., изъ центральнаго 215.000 р., изъ коммисіи Государя Наслѣдника 181.600 р.; всего 505.600 р.). Въ первой изъ двухъ губерній губернская управа ждала очереднаго губернскаго собранія, т. е. декабря мѣсяца 1867 года, для принятія мѣръ по случаю голода, хотя неизбѣжность его уже вполнѣ обнаружилась въ іюнѣ мѣсяцѣ; тогда какъ новгородская управа собрала чрезвычайное собраніе еще въ іюлѣ 1867 года. Новгородское земство, получивъ воспособленій, съ своимъ продовольственнымъ капиталомъ, всего на 505.600 р., въ результатѣ операціи не только не сдѣлало долга, но увеличило свой продовольственный капиталъ на 200.000 р. Надобно впрочемъ замѣтить, что и въ Новгородской губерніи почти весь успѣхъ мѣръ по случаю голода долженъ быть приписанъ губернской управѣ, уѣздныя же были только исполнительницами ея распоряженій. Въ одной изъ уѣздныхъ управъ этой губерніи произошелъ даже прискорбный случай расхищенія продовольственныхъ денегъ предсѣдателемъ управы.

Новгородское земское управленіе оказало и въ другихъ отношеніяхъ болѣе или менѣе значительныя услуги мѣстному населенію. Такъ по предмету народнаго здравія плоды его дѣятельности, по показанію губернской управы, суть слѣдующіе: всѣ уѣзды имѣютъ земскія больницы; въ каждомъ уѣздѣ находятся земскіе врачи и фельдшера и по одной повивальной бабкѣ; въ родовспомогательномъ институтѣ содержатся на счетъ земства 22 воспитанницы; въ каждой волости имѣется по одному оспопрививателю; приходящимъ бѣднымъ выдаются изъ больницъ безвозмездно медикаменты. На эти расходы земствомъ ассигновано въ 1867 году 35.260 рублей. Противъ скотскихъ падежей, опустошающихъ уже нѣсколько лѣтъ эту губернію, земство не имѣло

никакихъ средствъ, ибо наша администрація не приготовила опытныхъ ветеринаровъ, которые выработали бы способы лѣченія скота отъ губительной сибирской язвы. Весь заболѣвавшій скотъ падалъ безъ всякой помощи. По народному образованію сдѣлано слѣдующее: въ 1868 году изъ земскаго сбора ассигновано на училища 7500 руб. и сверхъ того изъ особаго сбора съ крестьянъ Старорусскаго уѣзда 10.000 руб.; губернская управа содержитъ въ Новгородѣ женскую гимназію (1000 р.), народную читальню (100 р.) и школу евангелическо-лютеранскаго исповѣданія (500 р.). Къ сожалѣнію, по заявленію губернской управы, суммы, назначенныя на народное образованіе въ уѣздахъ, расходуются уѣздными управами большею частію на другія надобности. Губернская управа почти заново передѣлала находящіяся вблизи Новгорода Колмовскія зданія общественнаго призрѣнія, бывшія въ совершенномъ опущеніи. На основаніи закона, губернская управа обязана содержать въ земскихъ благотворительныхъ заведеніяхъ и больницахъ множество лицъ разнаго званія, бывшихъ сперва на отчетѣ приказа общественнаго призрѣнія. Остаточный капиталъ приказа, переданный въ распоряженіе земства, оказывается далеко недостаточнымъ, чтобы изъ его процентовъ содержать въ приличномъ видѣ больницы и другія благотворительныя заведенія въ уѣздахъ. По предмету дорожной повинности, съ открытіемъ управъ въ апрѣлѣ 1865 года, обнаружилось, что многія дорожныя сооруженія были въ такомъ запущеніи, что предвидѣлась опасность для проѣзжающихъ и остановка сообщеній. Когда губернская управа принимала дѣла строительной и дорожной коммисіи, то въ этихъ дѣлахъ не только не оказалось никакихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи дорожныхъ сооруженій, но не было даже и списка онымъ. Губернская управа старалась привести дороги и мосты въ проѣзжій видъ, насколько дозволяли ея средства; на дорожную повинность, переложенную въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на деньги, назначено было по смѣтамъ: на 1867 годъ 72.710 р., а на 1868 годъ 67.587 рублей. Наконецъ новгородскою губернскою управою, въ первое трехлѣтіе ея существованія, разработаны многіе вопросы по земскому хозяйству, а также по оцѣнкѣ и обложенію имуществъ; въ этомъ отношеніи ея труды полезны не только

для Новгородской губернiи, но и для земскихъ учрежденiй прочихъ губернiй. Такая управа, какъ новгородская, своею полезною дѣятельностiю съ избыткомъ окупила стоимость своего содержанiя. Едва ли какое нибудь казенное учрежденiе, которому было бы поручено завѣдыванiе земскимъ хозяйствомъ губернiи, могло бы обнаружить столько ревности и въ такое короткое время сдѣлать столько полезнаго.

Сравнивая дѣйствiя уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собранiй, на основанiи печатныхъ свѣдѣнiй и частныхъ слуховъ, можно, какъ кажется, вывести такое заключенiе: въ уѣздныхъ собранiяхъ чаще встрѣчается непониманiе дѣла, недостатокъ свѣдѣнiй и образованiя; зато въ губернскихъ преобладаетъ стремленiе къ назначенiю высокихъ окладовъ лицамъ привилегированнаго званiя и вообще къ широкому расходованiю земскихъ средствъ. То и другое явленiе вытекаютъ изъ самаго состава собранiй. По свѣдѣнiямъ „Правительственнаго Вѣстника", въ уѣздныхъ собранiяхъ 49½% гласныхъ состоятъ изъ крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ, и только 42% принадлежатъ къ дворянству, тогда какъ въ губернскихъ собранiяхъ дворяне образуютъ болѣе 74% („Правительственный Вѣстникъ", № 1-й, 1869 г.). Впрочемъ, несмотря на преобладающее число дворянъ въ губернскихъ собранiяхъ, нельзя вообще сказать, чтобы эти собранiя отличались пристрастiемъ къ дворянскимъ выгодамъ при обложенiи земель. Напротивъ того, изъ обзора „Правительственнаго Вѣстника" видно, что поземельный налогъ на *губернскiя* повинности, опредѣляемый губернскими собранiями, гораздо равномѣрнѣе распредѣляется между обоими сословiями, дворянскимъ и крестьянскимъ, чѣмъ тотъ же налогъ на *уѣздныя* повинности, назначаемый уѣздными собранiями, хотя въ первыхъ собранiяхъ крестьяне составляли лишь 10½% всего числа гласныхъ, а во вторыхъ — 38½%. Вопросъ о переложенiи натуральныхъ повинностей въ денежныя также, если не ошибаюсь, шелъ преимущественно изъ среды губернскихъ собранiй. Не показываютъ ли эти явленiя, что, при нынѣшнемъ невѣжествѣ нашихъ крестьянъ, присутствованiе ихъ на уѣздныхъ собранiяхъ весьма мало служитъ къ огражденiю ихъ интересовъ и что эти интересы лучше охраняются на губернскихъ со-

браніяхъ, гдѣ хотя число крестьянъ и ничтожно, но зато гласные, принадлежа большею частію къ образованному сословію и пройдя двойное избраніе (а гласные изъ крестьянъ—тройное), представляютъ болѣе ручательствъ въ томъ, что они не подчинятся вліянію одной партіи, не будутъ изображать изъ себя безмолвной и покорной массы, во всемъ согласной съ тѣмъ меньшинствомъ, которое возьмется заправлять дѣломъ. Такъ одинъ изъ нашихъ сѣверо-западныхъ великорусскихъ уѣздовъ прославился тѣмъ, что въ немъ, и въ собраніи, и въ управѣ, безконтрольно хозяйничаетъ одна дворянская партія, враждебно относящаяся къ интересамъ крестьянскаго сословія. Управа въ этомъ уѣздѣ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, дозволила себѣ вопіющія злоупотребленія, по случаю обезпеченія крестьянъ отъ голода въ прошедшемъ году. (Для разслѣдованія этихъ злоупотребленій назначено потомъ формальное слѣдствіе). Въ одной изъ самыхъ южныхъ губерній, уѣзднымъ собраніямъ былъ предложенъ вопросъ отъ губернскаго собранія о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя; на очередныхъ съѣздахъ прошедшаго 1868 года почти всѣ уѣздныя собранія этой губерніи постановили отвѣчать, что въ такомъ переложеніи натуральныхъ повинностей не настоитъ надобности. Впрочемъ есть и исключенія изъ сказаннаго правила, имѣющія совершенно противоположный характеръ. Такъ я упоминалъ уже, что въ одной изъ южныхъ губерній губернское собраніе отвергло ходатайство уѣздныхъ о переложеніи нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей въ денежныя и, для бо̀льшаго закрѣпленія своего рѣшенія, перевело всѣ натуральныя повинности въ губернскія. Замѣчательно также, что въ той же губерніи нѣкоторыя уѣздныя собранія, хотя и ходатайствовали въ 1867 г. о переложеніи дорожной повинности въ денежную, но на очередныхъ съѣздахъ прошедшаго 1868 года постановили, что сельскія школы должны быть содержимы исключительно на счетъ однихъ крестьянъ. Въ другихъ уѣздахъ той же губерніи земство открыло, на общія земскія средства, уѣздныя прогимназіи, тогда какъ сельскихъ школъ вовсе тамъ не существуетъ. На эти странныя распоряженія уѣздныхъ собраній мѣстный губернаторъ обратилъ вниманіе губернскаго собранія, прн открытіи его нынѣшнею осенью.

Приведеніе мѣстныхъ земскихъ повинностей къ уравнительности между всѣми сословіями должно составить одну изъ полезнѣйшихъ сторонъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Если бы даже наши земскія учрежденія, по недостатку средствъ, были обречены на завѣдываніе однѣми обязательными повинностями, то и тогда уравнительное распредѣленіе ихъ между сословіями оправдывало бы уже пользу существованія этихъ учрежденій и во многихъ случаяхъ окупало бы для земства стоимость содержанія управъ. Доселѣ, если не ошибаюсь, въ большинствѣ губерній натуральныя повинности, въ значительнѣйшей своей части, лежатъ на однихъ крестьянахъ. Въ Харьковской губерніи уѣздныя управы оцѣнили всѣ натуральныя повинности въ губерніи (въ 1868 году) въ 300.000 руб., что̀ равняется всему поземельному сбору въ этой губерніи на земскія повинности (316.000 р.), или составляетъ $73\frac{1}{2}\%$ всѣхъ вообще денежныхъ земскихъ повинностей губерніи (408.000 р.). Больше половины сказанной суммы приходится на постойную повинность. Харьковское губернское собраніе, на очередномъ съѣздѣ въ 1868 г., не согласилось однако на уравненіе натуральныхъ повинностей, хотя въ пользу такого уравненія высказались уѣздныя собранія. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ одну газету отъ калязинской уѣздной управы (Тверской губерніи), въ этомъ уѣздѣ одна подводная повинность, отдававшаяся съ торговъ каждою волостью отдѣльно, обходилась крестьянамъ, до 1867 года, отъ 45 до 75 копеекъ на душу, всего же составляла до 25.000 р. въ годъ. Съ 1867 года управа производитъ общіе торги по всему уѣзду на отдачу подводной повинности, что̀ дало возможность уменьшить ее, въ 1867 году, до 14.600 руб., а въ 1868 году она уменьшена до 10.800 руб., въ слѣдствіе того, что, вмѣсто найма постоянныхъ лошадей, управа выдаетъ разъѣздныя деньги самимъ чиновникамъ, имѣющимъ право на полученіе земскихъ лошадей. Подобный же порядокъ существуетъ и во многихъ другихъ губерніяхъ, т. е. хотя сказанная часть подводной повинности и переложена тамъ на деньги для отдачи ея съ торговъ, но деньги эти выплачиваются одними крестьянами, безъ всякаго участія помѣщиковъ и городскихъ обществъ. На однихъ же крестьянахъ лежитъ

почти повсемѣстно и другая часть подводной повинности, состоящая въ перевозкѣ войскъ, рекрутскихъ партій и этаповъ. Хотя за это и выдаются крестьянамъ контрамарки, по 75 коп. за двуконную подводу, но такая плата далеко не вознаграждаетъ крестьянъ за издержки по этой повинности; притомъ весьма часто слышатся жалобы на невыдачу крестьянамъ контрамарокъ. Постойная повинность въ деревняхъ также ложится всею своей тяжестію на крестьянъ, и, кромѣ матеріальныхъ издержекъ и стѣсненія, имѣетъ весьма пагубное вліяніе на ихъ нравственность, здоровье и семейный бытъ. Податная коммисія оцѣнивала всѣ вообще натуральныя земскія повинности въ 75½ копеекъ на душу. (По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ № 171 „Правительственнаго Вѣстника" 1870 г., видно, что въ 29 губерніяхъ повинности, обращенныя изъ натуральныхъ въ денежныя, составляли: въ 1867 г. 1.905.290 р., а въ 1869 г. 2.586.896 р.; по губерніямъ же суммы этихъ повинностей выходятъ весьма различныя: такъ въ 1869 г. въ Тамбовской губерніи онѣ равнялись 303.363 р., а въ Тульской только 4598 р., другими словами — въ этой послѣдней губерніи вся масса натуральныхъ повинностей доселѣ остается на однихъ крестьянахъ).

Къ сожалѣнію, доселѣ ничего еще не сдѣлано для введенія другой, не менѣе важной уравнительности въ земскихъ повинностяхъ, уравнительности *обязательныхъ* земскихъ повинностей между уѣздами и губерніями. Уравнительность ихъ между губерніями даже вовсе отъ земства не зависитъ. Значительная часть обязательныхъ земскихъ повинностей состоитъ въ удовлетвореніи такихъ потребностей гражданскаго и воинскаго управленій, которыя имѣютъ характеръ не мѣстныхъ, а общегосударственныхъ нуждъ. Между тѣмъ въ настоящее время всѣ обязательныя повинности распредѣляются по губерніямъ и уѣздамъ не на основаніи платежныхъ средствъ ихъ, а просто по валовому расходу, который въ каждой изъ этихъ мѣстностей требуется на указанныя въ законѣ статьи гражданскаго и воинскаго управленій. Большее или меньшее скопленіе войскъ въ извѣстной мѣстности особенно вліяетъ на размѣръ подводной и постойной повинности. Отъ этого происходитъ, что нѣкоторыя изъ бѣднѣйшихъ сѣверныхъ губер-

ній, имѣющія тощую почву и ничтожную промышленность, какова напримѣръ Новгородская губернія, платятъ гораздо болѣе обязательныхъ земскихъ сборовъ, чѣмъ многія губерніи черноземныя или съ сильно развитою фабричною промышленностію. Подобная же неуравнительность существуетъ и между уѣздами одной и той же губерніи: такъ изъ доклада новгородской губернской управы видно, что Старорусскій уѣздъ, въ которомъ нормальный доходъ съ облагаемыхъ имуществъ оцѣненъ въ 910.000 руб., платитъ обязательныхъ земскихъ повинностей столько же (32.700 р.), сколько и Бѣлозерскій уѣздъ, гдѣ нормальный доходъ исчисленъ только въ 326.000 р. Неуравнительность платежей, лежащихъ на крестьянахъ различныхъ губерній, еще болѣе будетъ поразительна, когда мы вспомнимъ, что государственныя подати и государственныя земскія повинности взимаются съ каждой губерніи по числу состоящихъ въ ней податныхъ душъ, безъ всякаго соображенія съ производительностію ея почвы, съ доходностію ея промысловъ, однимъ словомъ, съ количествомъ обращающихся въ народѣ капиталовъ. Поэтому новгородская земская управа справедливо замѣчаетъ, что существующая у насъ неуравнительность платежей составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ накопленія *громадныхъ* недоимокъ по земскимъ сборамъ и вообще неудовлетворительнаго экономическаго положенія Новгородской губерніи.

Предсѣдатели и члены управъ выбираются на три года; слѣдовательно можетъ случиться и дѣйствительно случается, что на новое трехлѣтіе весь составъ какой нибудь управы совершенно измѣняется, такъ что въ ней не остается ни одного изъ прежнихъ ея членовъ. Нѣкоторые изъ земскихъ дѣятелей находятъ такой порядокъ весьма неудобнымъ, такъ какъ, при его существованіи, земскія управы чрезъ каждые три года могутъ составляться изъ совершенно новыхъ лицъ, незнакомыхъ съ положеніемъ земскаго хозяйства, а опытность и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя прежними членами, могутъ такимъ образомъ исчезать безслѣдно. Поэтому они полагали бы полезнымъ постановить такое правило, чтобы съ каждымъ новымъ трехлѣтіемъ составъ управъ мѣнялся не вполнѣ, а только частію, такъ чтобы въ нихъ всегда оставался одинъ или нѣсколько членовъ изъ прежняго трехлѣтія. Такое

правило, по моему мнѣнію, было бы трудно исполнимо на практикѣ. Какимъ образомъ установить сказанную очередь? Если нѣкоторыхъ членовъ выбирать впередъ на шесть лѣтъ, а другихъ только на три года, прежде чѣмъ тѣ и другіе докажутъ свои способности и усердіе, то такой способъ выбора не соотвѣтствовалъ бы пользамъ земства. Если же выборъ членовъ, оставляемыхъ на новое трехлѣтіе, производить въ концѣ каждаго трехлѣтія, то можетъ случиться, что тѣ именно члены и не пожелаютъ остаться, которыхъ земство желало бы оставить: слѣдовательно пришлось бы оставить тѣхъ, которые, быть можетъ, уже заявили свою безполезность. Можетъ даже случиться, что никто изъ прежняго состава управы не пожелаетъ остаться въ ней на новое трехлѣтіе. Сказанное правило стѣснило бы свободу выборовъ, а существенной пользы не принесло бы никакой. Если гласные сознаютъ свои обязанности къ земству, ихъ уполномочившему, и способны къ разумному и независимому образу дѣйствій, то они, безъ всякихъ стѣснительныхъ предписаній закона, сумѣютъ выбирать въ управы достойныхъ людей и, оцѣнивая ихъ полезную дѣятельность, удерживать ихъ на земской службѣ не только два, но и болѣе трехлѣтій. Если же выборы въ управы дѣлаются безсмысленно, подъ вліяніемъ партій и интригъ, то упомянутое правило скорѣе всего послужитъ на пользу ловкихъ искателей земскаго жалованья, облегчивъ имъ возможность удерживаться на мѣстахъ по нѣскольку трехлѣтій. Впрочемъ изъ обзора „Правительственнаго Вѣстника“ (№ 204-й 1869 г.) видно, что, безъ всякихъ ограничительныхъ требованій закона, земскія управы, особенно губернскія, удержали на второе трехлѣтіе достаточное число прежнихъ предсѣдателей и членовъ: именно въ 22-хъ губерніяхъ, по которымъ имѣются свѣдѣнія о личномъ составѣ земскихъ учрежденій за оба трехлѣтія, въ губернскихъ управахъ осталось 44% лицъ прежняго состава, а въ уѣздныхъ 31%; изъ числа 19-ти прежнихъ предсѣдателей губернскихъ управъ вновь избрано 13; предсѣдатели же уѣздныхъ управъ избраны вновь почти на половину — 116 изъ 238.

Мнѣ случалось также слышать слѣдующее мнѣніе отъ нѣкоторыхъ весьма дѣятельныхъ и добросовѣстныхъ лицъ прежняго состава

земскихъ управъ. Въ дѣйствіяхъ управъ и земскихъ собраній различныхъ губерній, говорятъ они, нѣтъ въ настоящее время никакого единства; въ одной губерніи не знаютъ того, что̀ дѣлается въ другой; опыты и пріемы, выработанные одними, пропадаютъ безъ пользы для другихъ; одни ищутъ и часто не находятъ того, что̀ найдено уже другими, или же идутъ по пути, ошибочность котораго испытана въ другомъ мѣстѣ. Изъ этого они заключаютъ, что необходимо какое нибудь центральное учрежденіе, которое руководило бы и объединяло дѣятельность земскихъ управъ и собраній. Не можетъ быть конечно и сомнѣнія въ томъ, что обобщеніе опытовъ, добываемыхъ земскими учрежденіями, полезно и даже необходимо для успѣшнаго ихъ дѣйствія: но вопросъ въ томъ, должно ли быть достигнуто такое обобщеніе посредствомъ какого нибудь центральнаго учрежденія, или же должно выработаться самою жизнію земскихъ учрежденій и ихъ собственною свободною дѣятельностью? Центральное учрежденіе можетъ быть двоякаго рода: или правительственное, на подобіе земскаго отдѣла при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, или выборно-земское, составленное изъ представителей разныхъ мѣстностей Россіи. Положимъ, что въ правительственное учрежденіе будутъ назначены самые лучшіе люди, что въ него будутъ призваны опытнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе изъ числа бывшихъ земскихъ дѣятелей. Но какимъ образомъ будетъ оно преподавать свое руководство земскимъ собраніямъ и управамъ цѣлой Россіи? Распоряженія центральнаго учрежденія должны быть конечно обязательны для земствъ, иначе не стоило бы и содержать цѣлаго правительственнаго учрежденія; но въ такомъ случаѣ земскаго самоуправленія существовать уже не будетъ, собраніямъ останется только выбирать членовъ и предсѣдателей управъ, а управамъ — повиноваться центральному учрежденію, какъ повинуются мировые посредники земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ. Центральное учрежденіе, составленное на выборномъ началѣ, изъ представителей всего русскаго земства, если бы оно и было допущено правительствомъ, стало бы къ земству различныхъ мѣстностей въ то же самое положеніе, о которомъ мы сейчасъ сказали: оно уничтожило бы свободу рѣшеній земскихъ собраній и ихъ законный авторитетъ

надъ управами. Притомъ такое громкое и дорого стоющее учрежденіе, образованное изъ представителей всероссійскаго земства, вовсе не соотвѣтствовало бы предположенной скромной цѣли. Да и слѣдуетъ ли желать, чтобы въ дѣйствіяхъ земскихъ учрежденій всей Россіи было единство и единообразіе? Задача ихъ не политическая и не государственная, въ прямомъ смыслѣ слова, а хозяйственная и мѣстная; ихъ дѣйствія должны опредѣляться потребностями и условіями каждой мѣстности, даже характеромъ и степенью просвѣщенія мѣстныхъ жителей. При разнообразіи мѣстныхъ условій въ Россіи, возможно ли желать, чтобы земскія учрежденія вездѣ дѣйствовали по однимъ правиламъ? Изъ разнообразія и самостоятельности ихъ дѣйствій гораздо скорѣе можетъ выработаться что нибудь практическое и жизненное, чѣмъ изъ того мертвящаго единообразія и того отсутствія свободнаго почина со стороны жителей, которыя такъ долго тяготѣли надъ Россіей и привели къ такимъ жалкимъ послѣдствіямъ. Пусть лучше земскія учрежденія дѣлаютъ ошибки, идутъ ощупью, поражаютъ разнохарактерностью своихъ дѣйствій, чѣмъ будутъ обращены въ механическихъ исполнителей чужой мысли и чужой воли, что̀ будетъ неизбѣжно, если надъ ними станетъ какое нибудь центральное учрежденіе.

Тѣмъ не менѣе просвѣщенное руководство земскихъ дѣятелей и обобщеніе между ними опытовъ и указаній земской практики вполнѣ возможны, безъ всякаго стѣсненія свободы земскаго самоуправленія. Трудъ такого руководства земскою дѣятельностію безспорно долженъ лежать на правительствѣ, какъ на верховномъ блюстителѣ общихъ государственныхъ пользъ и высшемъ средоточіи опытовъ и знаній, выработываемыхъ народною жизнію. Сказанное руководство земскою дѣятельностію могло бы осуществиться посредствомъ составленія и печатанія сравнительнаго и критическаго обзора дѣйствій земскихъ учрежденій. Составленіе такого обозрѣнія всего удобнѣе было бы возложить на редакцію „Правительственнаго Вѣстника“, въ которой сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, доставляемыя въ министерство внутреннихъ дѣлъ и предназначаемыя къ публикованію. „Правительственный Вѣстникъ“ и въ настоящее время имѣетъ земскій отдѣлъ; нельзя однако не согласиться, что отдѣлъ этотъ представляетъ мало инте-

реснаго и поучительнаго. Въ немъ печатаются наудачу пренія и постановленія разныхъ земскихъ собраній, незаключающія въ себѣ ничего выработаннаго, неприводящія ни къ какимъ общепригоднымъ выводамъ и даже большею частью недающія понятія о положеніи земскаго дѣла въ той губерніи или уѣздѣ, къ которымъ они относятся. Этотъ сырой и необработанный матеріалъ, наполненный частностями и подробностями, имѣющими только мѣстный интересъ, не можетъ служить руководствомъ и поученіемъ для земскихъ учрежденій. Для сказанной цѣли важенъ *сравнительный* обзоръ дѣйствій земскихъ учрежденій по главнѣйшимъ предметамъ земскаго хозяйства, и въ особенности *критическая* оцѣнка этихъ дѣйствій. Изъ такого сравнительно-критическаго обзора постепенно должны выработываться *указанія лучшихъ пріемовъ и полезнѣйшихъ мѣръ* для разрѣшенія вопросовъ и удовлетворенія различныхъ требованій земскаго самоуправленія. Вотъ въ чемъ нуждаются наши земскія учрежденія, и несомнѣнно, что такая просвѣщенная и опытная разработка вопросовъ земской жизни была бы принята земскими учрежденіями съ живымъ сочувствіемъ и принесла бы огромную пользу земскому дѣлу. Правда, выполненіе сказанной задачи, столь различной отъ простой перепечатки отрывочныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ изъ губерній, требуетъ руки опытной въ земскомъ дѣлѣ и взгляда, вѣрно обнимающаго многостороннія цѣли земскаго самоуправленія. Но при тѣхъ широкихъ средствахъ, которыми располагаетъ редакція „Правительственнаго Вѣстника“, сказанная задача не можетъ считаться невыполнимою. Въ средѣ земскихъ дѣятелей, какъ настоящаго, такъ и минувшаго трехлѣтія, безъ сомнѣнія найдутся люди, которые могли бы удовлетворить этому требованію. Земское обозрѣніе могло бы печататься въ видѣ особаго повременнаго приложенія къ „Правительственному Вѣстнику“, если считается неудобнымъ давать мѣсто въ текстѣ официальной газеты критическихъ разборамъ и руководящимъ статьямъ по земскимъ вопросамъ. При этомъ можно однако замѣтить, что критика и руководство отнюдь не то же самое, что тенденціозность и полемика: сравнительно-критическій обзоръ земской дѣятельности, стоящій на высотѣ своего предмета, и руководящія статьи по земскимъ вопросамъ

вполнѣ достойны занять мѣсто въ любомъ правительственномъ органѣ, ибо вполнѣ соотвѣтствуютъ призванію всякаго правительства просвѣщать и направлять общественную дѣятельность. Изъ матеріаловъ, доставляемыхъ земскими учрежденіями, наибольшій интересъ представляютъ отчеты земскихъ управъ (они-то всего рѣже и появлялись въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и „Сѣверной Почтѣ“, и то въ видѣ краткихъ извлеченій). Отчеты, наиболѣе замѣчательные по своей полнотѣ и разработкѣ различныхъ земскихъ вопросовъ, могли бы быть печатаемы вполнѣ въ земскомъ обозрѣніи. Въ настоящее время печатные отчеты земскихъ управъ составляютъ рѣдкость и достаются съ большимъ трудомъ тѣми, кто интересуется земскимъ дѣломъ: управы могутъ печатать свои отчеты только въ томъ количествѣ экземпляровъ, которое необходимо для раздачи гласнымъ. Иногда эти отчеты появляются въ губернскихъ вѣдомостяхъ; но вообще управы рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу опубликованія своихъ отчетовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ этомъ случаѣ отчеты подвергаются цензурѣ губернаторовъ, хотя можно быть увѣрену, что эта цензура не отнимаетъ отъ нихъ ничего существеннаго и достойнаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, каждой управѣ невозможно выписывать слишкомъ тридцать губернскихъ вѣдомостей, въ надеждѣ найдти въ нихъ когда нибудь отчетъ той или другой управы; тѣмъ менѣе возможно это для гласныхъ и другихъ лицъ изъ среды земства, интересующихся ходомъ земскаго дѣла. Такимъ образомъ въ настоящее время не существуетъ никакихъ путей для обобщенія между земскими дѣятелями результатовъ, выработываемыхъ земскою жизнію въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; опыты, добытые въ однѣхъ губерніяхъ, пропадаютъ безслѣдно для другихъ; ошибки и ложные пріемы повторяются въ различныхъ мѣстностяхъ и остаются безъ выясненія и критической повѣрки. Частная періодическая печать не имѣетъ возможности собирать отчеты управъ и журналы земскихъ собраній изо всей Россіи; къ тому же частная литература не имѣетъ права печатать ихъ безъ разрѣшенія мѣстныхъ губернаторовъ, а это условіе почти невыполнимо для столичныхъ изданій. Но независимо отъ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, редакціи нашихъ частныхъ періодическихъ изданій вовсе не обладаютъ внут-

ренними силами, необходимыми для серьезной критической оцѣнки дѣйствій земскихъ учрежденій. Этой задачѣ можетъ удовлетворить у насъ только правительственное учрежденіе, поставленное въ тѣсную связь съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и имѣющее въ своемъ составѣ кого-либо изъ опытнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей земства. Земское обозрѣніе, издаваемое при сказанныхъ условіяхъ, было бы постоянныхъ хранилищемъ опытовъ, выработываемыхъ жизнію земскихъ учрежденій. Его указанія, хотя и не были бы обязательны для земства, но выливаясь изъ его собственной жизни и облегчая земскимъ дѣятелямъ рѣшеніе предлежащихъ имъ вопросовъ, имѣли бы для нихъ тотъ нравственный авторитетъ, который на дѣлѣ оказывается сильнѣе и плодотворнѣе обязательныхъ предписаній внѣшней власти.

Въ нашей литературѣ было недавно заявлено мнѣніе, что земскія собранія отнюдь не должны пользоваться правомъ обложенія и вообще не должны дѣлать никакихъ постановленій, что все ихъ назначеніе должно состоять въ выборѣ лицъ въ управы. Подъ шумокъ, а иногда и подъ хмѣлькомъ нельзя ни облагать жителей сборами, ни разрѣшать крупные расходы, ни вообще рѣшать столь серьезныя дѣла, какъ тѣ, которыя ввѣрены у насъ земству. Количество земскихъ сборовъ, какъ государственныхъ, такъ и мѣстныхъ, должно быть опредѣляемо для каждой губерніи самимъ правительствомъ, а управамъ должно принадлежать лишь разложеніе этихъ сборовъ, другими словами — изысканіе источниковъ для ихъ покрытія, и расходованіе тѣхъ изъ сборовъ, которые отнесены у насъ къ числу мѣстныхъ земскихъ повинностей. Люди, высказывающіе такое мнѣніе, ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ всякій налогъ, какое бы онъ ни носилъ названіе, опредѣляется самимъ правительствомъ; мѣстныя земскія учрежденія, или по нашему управы, разлагаютъ его и, въ извѣстныхъ случаяхъ, расходуютъ; собранія же единственно занимаются выборомъ лицъ въ управы. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого мнѣнія, что завело бы слишкомъ далеко, замѣчу только, что предлагаемая система могла бы быть хороша и, быть можетъ, даже лучше у насъ принятой, но только въ томъ случаѣ, если бы у насъ существовали и тѣ другія

условія англійскаго государственнаго быта, которыхъ эта система есть логическое послѣдствіе. Именно эта связь между политическимъ устройствомъ Англіи и ея земскими учрежденіями и упускается, какъ мнѣ кажется, изъ вида тѣми, которые желали бы примѣнить къ намъ систему англійскихъ земскихъ учрежденій. Какъ скоро количество налоговъ зависитъ единственно отъ усмотрѣнія администраціи, то было бы нелогично и для народнаго благосостоянія вредно возлагать на жителей изысканіе способовъ удовлетворять эти налоги. Кто налагаетъ, тотъ долженъ и находить источники для сбора налоговъ. Только подъ этимъ условіемъ мѣра обложенія жителей и величина государственныхъ расходовъ могутъ имѣть нѣкоторыя границы, ибо власть облагающая и расходующая естественнымъ образомъ должна соразмѣрять свой бюджетъ съ предстоящими ей трудностями изысканія и взиманія доходовъ. Если же одна власть будетъ налагать, а другая, стоящая внѣ первой, будетъ обязана изыскивать средства для уплаты налоговъ, то всякое равновѣсіе между обложеніемъ и платежными силами жителей будетъ нарушено и послѣдняя граница возрастанію налоговъ будетъ уничтожена. Наши земскія собранія, какъ бы ни были онѣ податливы на предложенія разныхъ ораторовъ, все же суть прежде всего собранія самихъ плательщиковъ, коротко знакомыхъ съ мѣстными средствами и нуждами. Если нѣкоторыя изъ собраній можно было упрекнуть въ расточительности, при началѣ земскаго дѣла, то теперь, чрезъ какіе нибудь три-четыре года, опытъ почти вездѣ заставилъ ихъ относиться съ большею осторожностію къ земскимъ расходамъ. Притомъ самая расточительность нѣкоторыхъ собраній бросается въ глаза именно потому, что всѣ счеты ихъ ведутся открыто и подвергаются гласному и невозбранному обсужденію самихъ плательщиковъ. Эту внимательность облагателей къ указаніямъ опыта и эту свободу обсужденія ихъ дѣйствій дадутъ ли намъ тѣ, которые предлагаютъ намъ англійскую систему земскихъ учрежденій, но безъ англійскихъ обезпеченій и условій? Но если уже говорятъ о расточительности земскихъ собраній, то да позволено будетъ спросить: что значатъ какіе нибудь 30 и даже 50 тысячъ рублей, затраченныя непроизводительно земствомъ какой нибудь губерніи, въ сравненіи

съ суммою государственныхъ налоговъ, падающихъ на каждую губернію?

Въ земскомъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, несравненно полезнѣе выяснять частные вопросы, преодолѣвать трудности, встрѣчаемыя на практикѣ, и шагъ за шагомъ идти впередъ отъ положеннаго уже начала, чѣмъ забраковывать самыя начала, потому что они не схожи, быть можетъ, съ тѣми, которыя приняты гдѣ нибудь въ Англіи или Америкѣ, и предлагать новыя системы, новую перестройку общественнаго зданія. Правда, наше общество, особенно столичное, весьма падко на всякіе широковѣщательные общіе приговоры и новыя смѣлыя системы, привозимыя къ намъ изъ прекраснаго западнаго далека; но оно весьма неохотно выслушиваетъ скучный перечень своихъ насущныхъ нуждъ и вопросовъ, и мало расположено къ настойчивой и самостоятельной разработкѣ того, что̀ уже существуетъ на нашей родной почвѣ. Люди, которые желали бы привлечь взоры общества на обиходные вопросы нашего внутренняго быта, во всей ихъ непосредственной простотѣ и неподдѣльной дѣйствительности, всего менѣе могутъ расчитывать на вниманіе нашего общества. Отъ того у насъ, ни въ одной отрасли правительственной или общественной дѣятельности, нѣтъ ни своихъ собственныхъ преданій, ни установившейся практики, ни наставительныхъ примѣровъ; во всемъ мы должны или копировать западные образцы, или оставаться на точкѣ неподвижности, въ сознаніи своего безсилія и неумѣнья. Съ другой стороны, наша литература, которая такъ охотно увлекается иноземными образцами, большею частію къ намъ непримѣнимыми, въ то же время не рѣдко озлобляется противъ тѣхъ, которые дозволяютъ себѣ указывать на частные недостатки тѣхъ или другихъ новыхъ учрежденій въ Россіи, на ошибки и злоупотребленія тѣхъ или другихъ дѣятелей, вызванныхъ на сцену нашими реформами. Такія указанія часто почитаются у насъ святотатствомъ и колебаніемъ новыхъ учрежденій, какъ будто новыя учрежденія станутъ отъ того прочнѣе и безопаснѣе, что ихъ недостатки или вносимыя въ нихъ злоупотребленія будутъ оставаться незамѣченными и неустраненными и будутъ все глубже и глубже пускать корни въ жизнь народа. Подобнымъ же образомъ, по мнѣнію другихъ

органовъ печати, всякое прикосновеніе къ тому, въ чемъ они видятъ охрану и спасеніе противъ увлекающаго насъ потока реформъ, должно быть признаваемо также за святотатство и колебаніе общественнаго порядка. Та и другая сторона выставляютъ свои священные предметы; съ той и другой стороны, какъ нѣкогда отъ ветхозавѣтныхъ фарисеевъ, раздаются прещенія: не подходи, не прикасайся, не говори! тѣ и другіе отцѣживаютъ комара, верблюда же поглощаютъ. Какое повидимому странное соединеніе, въ однихъ и тѣхъ же людяхъ, въ одинъ и тотъ же вѣкъ, узкаго суевѣрія съ наклонностью увлекаться заоблачными планами, мрачной нетерпимости съ раболѣпнымъ поклоненіемъ чужимъ образцамъ! Однако все это далеко не ново, все это даже въ природѣ человѣка; тѣмъ не менѣе все это не дѣлаетъ чести тѣмъ, которые остановились на такой первобытной ступени человѣческаго ума. Суевѣріе и нетерпимость не дѣлаются возвышеннѣе и благороднѣе отъ того, что изъ области религіи онѣ переносятся на предметы политики и гражданской жизни; раболѣпное поклоненіе ни мало не становится разумнѣе, если оно, вмѣсто истукановъ и непогрѣшимыхъ папъ, воздается чужимъ образцамъ и чужимъ началамъ жизни, потому только, что они чужіе, что они витаютъ гдѣ-то въ малоизвѣстной и недоступной намъ дали. Можно однако утѣшать себя надеждою, что наши провинціальныя сословія, наше коренное русское земство, стоя на родной почвѣ и заключая въ себѣ много здоровыхъ жизненныхъ началъ, не послѣдуютъ примѣру тѣхъ поверхностныхъ слоевъ нашего общества, которые, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, легко и свободно носятся въ безбрежномъ океанѣ міровыхъ воззрѣній, чужихъ мнѣній и съ вѣтру навѣваемыхъ вопросовъ. Если русскому міру суждено когда нибудь выдти на путь самобытнаго умственнаго и гражданскаго развитія и сложиться въ стройное цѣлое, то уже конечно это чудо назаретское совершится не среди сонма книжниковъ и фарисеевъ, а тамъ, гдѣ только еще и хранятся здоровыя силы и непочатые родники русской жизни, — въ нашихъ провинціяхъ, въ этихъ пробуждающихся понемногу захолустьяхъ Великой, и Малой, и Бѣлой, и Новой Руси.

1869 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FÖRDERUNGSWERK
st. nikolaus
BILDUNGSWERK
ÜRRLAUINGEN

Elenev, Fedor P.

V zacholust' i i v stolicě Skaldin [d. i. Fedor Pavlovič Elenev]

Sanktpeterburg 1870

Russ. 302 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784202-3